ИСЛАМИЗМЪ

„Sua cuique religio est, nostra nobis."
Cicero.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МУХАММЕДЪ и КОРАНЪ.

„Мухаммедъ—посланникъ Божій и печать пророковъ".
Коранъ, сура 33-я, ст, 40.

„Коранъ, это—откровеніе, сдѣланное ему".
Коранъ, сура 53-я, ст. 4.

П. Цвѣтковъ.

АСХАБАДЪ
Тип. Штаб. 2 Турк. Арм. Корп.
1912 г.

Печатать разрѣшено, 19 Ноября 1912 г. г. Асхабадъ.

Приношу мою искреннюю и глубокую благодарность Его Высокопревосходительству Г-ну Военному Министру Генералу отъ Кавалеріи Владиміру Александровичу Сухомлинову за щедрое матеріальное содѣйствіе изданію моего труда.

П. Цвѣтковъ.

ОТЪ АВТОРА

Приступая къ изданію настоящаго труда, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ съ единственной цѣлью устранить возможность недоразумѣній, возникающихъ порою между авторомъ и публикой: отъ автора требуютъ иногда того, чего онъ не обѣщалъ дать.

Не представляя ничего новаго для спеціалиста, этотъ трудъ дастъ много новаго тому, для кого онъ главнымъ образомъ предназначается,—для широкой публики и для лицъ, вынужденныхъ—по роду своей дѣятельности или службы—находиться въ тѣхъ или иныхъ сношеніяхъ съ мусульманами.

Зная нелюбовь публики къ спеціальнымъ книгамъ, я приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы придать языку настолько легкости, насколько характеръ трактуемаго предмета позволилъ это сдѣлать.

Всю массу матеріала я расположилъ такимъ образомъ, что каждый томъ представляетъ болѣе или менѣе самостоятельное цѣлое, всякій можетъ выбрать то, что его въ частности интересуетъ.

Каждый томъ снабженъ подробнымъ указателемъ какъ собственныхъ именъ, попадающихся въ текстѣ, такъ и трактуемыхъ предметовъ.

Это—что касается внѣшней стороны.

Относительно внутренней долженъ сказать слѣдующее.

Выбранный мною эпиграфъ показываетъ, что я чуждъ тенденціознаго направленія: я не имѣю претензіи выступать ни апологетомъ христіанства, ни исламизма. Если порою мои сужденія покажутся мусульманскому читателю слишкомъ рѣзкими, пусть его безпристрастіе покажетъ ему, что самыя рѣзкія слова цитированы мною изъ *мусульманскихъ* сочиненій.

Главнѣйшимъ стимуломъ для моего труда было искреннее желаніе помочь тѣмъ, кто въ этомъ нуждается, и тѣмъ, кто хотѣлъ бы проникнуть въ мусульманскій міръ, и, насколько это мнѣ по силамъ, устранить наше незнаніе и глубокое непониманіе этого міра, ведущее иногда къ очень прискорбнымъ по-

слѣдствіямъ. Такъ какъ вся жизнь мусульманина, до самыхъ мельчайшихъ ея проявленій, зиждется на религіи, то съ нею прежде всего и слѣдуетъ познакомиться.

Если мнѣ замѣтятъ, что это является лишнимъ, такъ какъ для мусульманскихъ окраинъ имѣются спеціальныя законоположенія, гдѣ все урегулировано,—я не могу съ этимъ согласиться. Законъ не тогда хорошъ, когда онъ теоретически хорошо написанъ, а когда онъ жизненъ и правильно примѣняется: для этого же послѣдняго мало, чтобы законодатель былъ вдохновленъ лучшими намѣреніями,—надо, чтобы исполнители были знакомы съ тою средою, въ которой имъ приходится дѣйствовать. Какъ личная практика, такъ и наблюденіе убѣдили меня, что у насъ этого далеко нѣтъ.

Вся догматическая часть, равно какъ и ритуальная (и мусульманскій читатель оцѣнитъ это) составлена по сочиненіямъ мусульманскихъ авторитетовъ; критическая, помимо тщательнаго изученія спеціальной литературы, основана на личномъ опытѣ, добытомъ долголѣтнимъ пребываніемъ среди мусульманъ разныхъ странъ: сунниговъ и шіитовъ, покорителей и покоренныхъ, живущихъ изолированно отъ христіанскаго міра и въ общеніи съ нимъ.

Сумѣлъ ли я выполнить взятую на себя задачу, объ этомъ пусть судитъ самъ читатель.

П. Цвѣтковъ.

Сеистанъ.
Августъ 1911 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Страницы.

Отъ автора. 1

Оглавленіе.

ВВЕДЕНІЕ.

Аравія—древняя и современная. Гидрографія. Орографія. Политическое дѣленіе. Наджджъ. Ямама. Іеменъ. Хэджасъ. Гадрамаутъ. Ширъ. Наджранъ. Оманъ. Техама. Бахрейнъ. Флора Аравіи. Климатъ. Населеніе. Потерянные арабы, «мутариба», «мустариба». Адиты. Шедадъ (Гедадъ). Иремъ. Легенда о Соломонѣ. Пророкъ Гудъ. Самудиты. Пророкъ Салехъ. Тасмиты. Джасидиты. Джорхумиты. Амалика. Кушиты. Кахтанъ и Аднанъ. Гиміаръ. Измаилъ. Агарь. Авраамъ. Кедаръ. Характеристика араба. Племенное дѣленіе, бытъ, управленіе кочевыхъ арабовъ. Образъ жизни. Поэзія. Осѣдлые арабы. Скотоводство и торговля. Древніе караванные пути. Національная религія арабовъ. Вѣра въ джинновъ. Монотеизмъ и политеизмъ. Идолопоклонство. Вліяніе различныхъ религій на образованіе языческаго пантеона и на сформированіе ислама. Религіи древней Ассиріи и Палестины. Поклоненіе небеснымъ свѣтиламъ. Сабеизмъ. Маздеизмъ. Еврейство. Вліяніе Талмуда на Коранъ. Исторія Авраама. Христіанство. Различныя христіанскія секты въ Аравіи. Священныя Писанія евреевъ и христіанъ. Кааба и ея идолы. Хобалъ. Ал-латъ. Ал-мана. Ал-узза Ваддъ. Сава Ягутъ. Яукъ. Насръ. 360 мелкихъ идоловъ. Асафъ. Найэла Пенаты. Суевѣрія. Гаданія. Языческіе обряды въ исламизмѣ. Черный камень. Созданіе Каабы. Адамъ и Измаилъ Основаніе Мекки. Корайшиты. Косай. Хашимъ. Абд-ул-Муталибъ. Управленіе Мекки. Абдулла. Цѣна крови. Абиссинское нашествіе Абраха. Рожденіе Мухаммеда. Ханифы. Религія Авраама. Варака, Абаидулла, Усманъ, Заидъ Вліяніе ханифовъ на Мухаммеда. Соціальные и нравственные законы арабовъ. Арабская женщина, ея безправіе. Многоженство. Рабство. Вліяніе ислама на семейный бытъ арабовъ. Опредѣленіе ислама. 1—74.

Часть первая.

МУХАММЕДЪ.

Глава первая

(570—610 г.).

Свѣтъ Мухаммеда. Чудеса, сопровождавшія рожденіе Мухаммеда. Родословная Мухаммеда. Отправленіе Мухаммеда на вскормленіе въ Таифъ. Халима. Дѣтство Мухаммеда. Посѣщеніе ангеловъ. Возвращеніе Мухаммеда къ матери. Путешествіе въ Ятрибъ. Смерть Амины. Абд-ул-Муталибъ. Абу Талибъ. Первое знакомство Мухаммеда съ культомъ Каабы. Караваны. Первое путешествіе Мухаммеда съ дядей. Легенда о пророкѣ Салехѣ. Босра. Знакомство съ христіанскими монахами. Мухаммедъ торговый агентъ. Оказъ. Епископъ Косъ. Экспедиція противъ хавазиновъ. Мухаммедъ поступаетъ на службу къ Хадиджѣ. Бракъ съ ней. Основаніе лиги «хильфъ-уль-фузуль». Перестройка Каабы. Роль Мухаммеда въ этомъ дѣлѣ. Дѣти Мухаммеда. Усыновленіе племянника Али. Начало религіозныхъ мечтаній. Припадки. Первое откровеніе. Мухаммедъ—пророкъ . . . 75—90.

Глава вторая.

(610—622).

Первые мусульмане: Хадиджа. Али. Заидъ. Абу-Суфіанъ. Проповѣдь Мухаммеда. Первая кровь за вѣру. Абу-Лахабъ. Новое видѣніе. Открытая проповѣдь. Проклятіе Абу Лахаба. Разводъ Рокайи. Мухаммедъ провозглашаетъ Али своимъ намѣстникомъ. Неудовольствіе корайшитовъ. Абу-Талибъ. Насмѣшки надъ Мухаммедомъ. Амру-ибнъ-Ассъ. Отказъ Мухаммеда сотворить чудо. Угрозы жизни Мухаммеда. Абу Бакръ. Бѣгство мусульманъ въ Аббисинію. Признаніе Мухаммедомъ трехъ идоловъ. Обращеніе корайшитовъ къ раввинамъ. Мухаммедъ прячется. Обращеніе Хамзы. Абу-Джахль. Обращеніе Омара. Мухаммедъ въ замкѣ Абу Талиба. Хабибъ-ибнъ-Малекъ. Чудеса Мухаммеда. Возвращеніе Мухаммеда въ городъ. Новыя обращенія Смерть Хадиджи и Абу Талиба. Айша. Бракъ съ Савдой. Бѣгство въ Таифъ. Изгнаніе. Возвращеніе въ Мекку. Путешествіе Мухаммеда на седьмое небо. Проповѣдь Мухаммеда ятрибцамъ. Казраджиты. Авситы. Первая клятва при Акабѣ. Саадъ-ибнъ-Маадъ. Вторая клятва при Акабѣ. Заговоръ противъ Мухаммеда. Покушеніе на убійство. Бѣгство съ Абу Бакромъ. Погоня. Отдыхъ въ Кобѣ. Въѣздъ въ Медину. Прибытіе въ Медину семейства Мухаммеда и Абу Бакра . . . . . 91—117.

Глава третья.

(622—624).

Политическія партіи въ Мединѣ Абдулла-ибнъ-Обба. Лицемѣры. Евреи. Постройка мечети. Призывъ къ молитвѣ. Уступка евреямъ. Разочарованіе въ нихъ Перемѣна киблы Бракъ съ Айшей. Бракъ Фатимы съ Али. Новая эра въ развитіи ислама. Тонъ откровеній мѣняется. Грабежи. Нарушеніе священнаго перемирія Битва при Бадрѣ. Помощь корайшитамъ. Критическое положеніе Единоборство. Смерть Обэйды. Убіеніе Абу Джахля. Побѣда мусульманъ. Аль-Аббасъ. Раздѣлъ добычи. Ропотъ мусульманъ. Тріумфальное возвращеніе въ Медину. Смерть Рокайи. Возвращеніе Зейнабъ. Посольство Мекки къ Абиссиніи. Отказъ Негуса выдать мусульманъ корайшитамъ. Изгнаніе евреевъ племени Кенока . . . . . 118—132.

Глава четвертая.

(624—630).

Вражда съ евреями. Бракъ Мухаммеда съ Хафсой Приготовленія мекканцевъ къ походу. Аль-Аббасъ предупреждаетъ Мухаммеда. Военный совѣтъ. Битва при Оходѣ. Мухаммедъ раненъ. Пораженіе. Гибель Хамзы. Бракъ Мухаммеда съ Хэндой. Предательство жителей Наджда. Изгнаніе изъ Медины племени Бэни-надыръ. Экспедиція въ Тибукъ. Бракъ съ Зейнабъ. Бракъ съ Барроій. Экспедиція противъ Бэни-мусталикъ. Приключеніе съ Айшей и послѣдствія его. Битва при Рвѣ. Отступленіе Абу Суфіана Казнь 700 челольѣкъ. Паденіе коалиціи, направленной противъ Мухаммеда. Бракъ Мухаммеда съ Риханой. Мелкія экспедиціи. Хартія христіанамъ. Паломничество Мухаммеда. Договоръ подъ деревомъ Десятилѣтнее перемиріе. Походъ на Хайбаръ. Попытка отравить Мухаммеда. Бракъ Мухамеда съ Софіей. Посольства Мухаммеда къ разнымъ правителямъ. Бесѣда императора Гераклія съ Абу-Суфіаномъ. Марія—Коптянка. Посольство въ Китай. Паломничество Мухаммеда. Бракъ съ Маймуной. Сраженіе при Мута. Неудача миссіи Абу-Суфіана. Завоеваніе Мекки. Обращеніе Аль-Аббаса. Проповѣдь Мухаммеда. Уничтоженіе идоловъ . . . . . 133—163.

Глава пятая.

(630—632)

Лига идолопоклонниковъ. Походъ Мухаммеда на Таифъ. Битва при Хонейнѣ. Сдача хавазиновъ. Заступничество Халимы. Покорность Таифа. Возвратъ добычи. Мухаммедъ на могилѣ матери. Смерть Зейнабъ. Рожденіе сына. Аравія формируется въ

государство. Сирійскій походъ. Дезертирство. Возвращеніе изъ Тибука. Гнѣвъ Мухаммеда на бѣглецовъ. Семейныя неурядицы у Мухаммеда. Абу Бакръ ведетъ караванъ паломниковъ. Али посылается для сообщенія новаго откровенія. Проповѣдь меча. Массовыя обращенія. Конецъ идолопоклонства. Смерть Ибрагима. Прощальное паломничество. Нагорная проповѣдь. Болѣзнь Мухаммеда. Проектъ похода въ Сирію и Палестину. Лже-пророки. Гибель Аль-Асвада. Отправленіе въ походъ арміи Мухаммеда. Мухаммедъ въ послѣдній разъ выходитъ къ народу. Смерть Мухаммеда. Омаръ и Абу Бакръ. Личность Мухаммеда. Его характеръ, умственныя и нравственныя качества. Предсмертное смиреніе. Пророкъ или обманщикъ? Искренность Мухаммеда. Имѣлъ ли Мухаммедъ видѣнія? Военачальникъ и диктаторъ. Величіе Мухаммеда . . . . . 164—186.

Часть вторая.

КОРАНЪ.

Глава первая.

Коранъ съ теологической точки зрѣнія.

Основы ислама. Усуль. Фуру. Коранъ. Названія его. Чтеніе и изученіе Корана. Чуждыя вліянія. Бисмилля. Авторъ Корана. Былъ-ли грамотенъ Мухаммедъ? Авторитетъ Корана. Его привилегіи. Переводы Корана. Божественность книги. Противорѣчія въ Коранѣ. Коранъ и Мухаммедъ. Первое откровеніе и небесное происхожденіе Корана. Откровеніе и вдохновеніе. Архангелъ Гавріилъ. Откровеніе Корана и откровеніе Сунны. Коранъ противорѣчитъ ученію о вѣчности. Временныя правила въ Коранѣ. Коранъ—величайшее чудо. Откровеніе Корана черезъ другихъ людей, помимо Мухаммеда. Пантеистическая доктрина рожденія Мухаммеда. Рамазанъ—мѣсяцъ откровенія священныхъ книгъ. Споры о сотвореніи Корана. Халифъ Аль-Мамунъ. Мутазелиты. Аль-Мутасимъ и Ибнъ-Ханбалъ Диспутъ о сотвореніи Корана. Аш-Шафи и Хафсъ. Бухари. Коранъ—завѣщаніе Мухаммеда. Передача Корана архангеломъ Гавріиломъ. Пророки. Исламизмъ . . . . . 187—223.

Глава вторая.

Исторія Корана.

Запись откровеній при жизни Мухаммеда. Матеріалы для записи. Храненіе записаннаго. Собираніе Корана. Лжепророки. Битва при Ямама. Сборникъ Абу Бакра. Заидъ. Неполнота Корана. Обвиненія Абу Бакра въ изобрѣтеніи стиховъ. Сборникъ

Усмана. Комиссія изъ корайшитовъ. Уничтоженіе перваго изданія. Бисмилля. Отсутствіе связи въ Коранѣ. Неясность Корана. Размѣщеніе суръ. Семь нарѣчій и семь чтеній. Ибнъ-Масудъ. Обвиненіе шіитами въ пропускѣ многихъ мѣстъ въ Коранѣ Сура Два Свѣта. Чтецы Корана. Семь Кираэтовъ. Діакритическіе знаки. Раздѣленіе Корана Буквы, слова, стихи и суры. Джузвы. Порядокъ чтенія Корана. Названія суръ. Символическія буквы. Фатиха. Суры Корана, имѣющія особенную важность. Хронологическая послѣдовательность суръ. Руководства для установленія хронологическаго порядка: стиль, развитіе ученія, указаніе на историческія событія, способъ обращенія къ мусульманамъ. Расположеніе суръ по Мюру. Коранъ съ исторической и теологической точки зрѣнія . . . . . 224—257.

Глава третья.

СУННА.

Вторая основа ислама, Важность сунны. Преданіе и Хадисъ. Значеніе терминовъ. Происхожденіе сунны. Сунна-дополненіе Корана. Обычное право арабовъ. Хадисы. Раздѣленіе хадисовъ по формѣ и качеству. Передатчики хадисовъ. Абу Хорайра. Иснадъ Спутники Пророка. Фабрикація хадисовъ. Записываніе хадисовъ Составленіе Сунны. Наука о суннѣ. Первый сборникъ. Пять сборниковъ второго вѣка. 6 сборниковъ третьяго вѣка. Шіитскіе сборники. Бухари, его личность и трудъ. Муслимъ. Абу Даудъ. Тирмизи. Насаи. Ибнъ-Маджа. Раздѣленіе хадисовъ по степени достовѣрности и категоричности ихъ содержанія. Дѣйствія человѣка. Приказаніе, запрещеніе и молчаніе въ хадисахъ. Передача преданій. Спутники законовѣды и не-законовѣды. Случайные и постоянные передатчики. Условія пріемлемости хадисовъ. Качества, требуемыя отъ передатчиковъ. Способъ передачи. Слушаніе. Пониманіе. Запоминаніе. Передача. Вспомогательныя качества, требуемыя отъ передатчиковъ. Виды Сунны. Постоянная: совершенная, несовершенная и личная. Является-ли личное преданіе источникомъ права?. Прерванная Сунна: явно и скрытно Отмѣна преданій. Отношеніе къ Суннѣ. Словесное преданіе, какъ апокрифъ Сунны. Дѣйствіе Сунны. . . . . 258—297.

Глава четвертая.

Иджма и Кіясъ.

Бидъа или нововведеніе. Иджма-третья основа ислама. Обычное право Медины. Первое примѣненіе Иджма. Первые халифы. Иджтихадъ и муджтахиды. Единодушное рѣшеніе націи. Три класса муджтахидовъ Возможенъ ли иджтихадъ теперь? Степени иджтихада. Кіясъ-четвертая основа ислама. Ортодоксаль-

ныя школы ислама. Условія наличности Кіяса и дѣйствительности его Установленіе Кіяса. Фэтва и муфтіи. Сила и слабость Кіяса. Общій характеръ четырехъ мазхабовъ. Абу-Ханифа. Ибнъ-Маликъ. Аш-Шафи. Ибнъ-Ханбалъ. Распредѣленіе мусульманъ по школамъ. Теократическая система. Возможна ли конституція въ мусульманскихъ государствахъ . . . . . 298–327.

Глава пятая.

Объясненіе Корана личной жизнью Мухаммеда.

Первое откровеніе. Перерывъ откровеній. Отчаяніе Мухаммеда. Возобновленіе откровенія. Приказаніе проповѣдывать. Начало проповѣди. Картины будущей жизни. Призывъ къ поклоненію единому Богу. Отрицаніе идолопоклонства. Преслѣдованіе Мухаммеда. Мухаммедъ признаетъ трехъ идоловъ. Коалиція противъ Мухаммеда. Бѣгство въ Медину. Борьба съ евреями. Перемѣна киблы. Нарушеніе священнаго перемирія: Призывъ къ войнѣ за вѣру. Битва при бадрѣ. Битва при Оходѣ. Бэни-кенока. Бэни-надыръ. Бэни-Мусталикъ. Бракъ съ Зейнабъ Случай съ Аишей и результаты его. Нападеніе корайшитовъ на Медину. Миръ въ Ходайбѣ. Гоненія евреевъ. Марія-Контянка. Тибукъ. Проповѣдь меча 328–352

Глава шестая.

Толкованіе Корана.

Противорѣчіе въ Коранѣ—внутреннее и внѣшнее. Толкованіе Мухаммеда. Темныя мѣста, оставшіяся не разъясненными; причины этого. Ибнъ Аббасъ, первый комментаторъ, его трудъ. Трудъ комментатора. Что требуется для комментатора. Роль персовъ въ толкованіи Корана. Замахшари. Различные комментаріи. Общія правила для толкованія. Раздѣленіе словъ по значенію и по способу употребленія. Анализъ выраженій. Раздѣленіе стиховъ на ясные и требующіе толкованія, ихъ подраздѣленія. Отмѣняющіе и отмѣненные стихи. Коранъ объ отмѣнѣ стиховъ. Три разряда отмѣненныхъ стиховъ. Отмѣна непримирима съ божественностью Корана. Толкованіе 5-го стиха 3-ей суры. Толкованіе 35-го стиха 24-й суры. Значеніе комментарія и вліяніе комментатора. Выводъ доказательствъ изъ Корана. Пристрастное толкованіе. Должна ли закрываться мусульманская женщина? Акида. Исторія толкованія Корана. Мнѣнія мусульманскихъ писателей о комментаторахъ. . . . . 353–383.

Глава седьмая.

Мысли и законы Корана.

Стиль Корана. Различныя мнѣнія. Измѣненіе формы рѣчи по мѣрѣ измѣненія содержанія проповѣди. Характеристика раз-

ныхъ періодовъ проповѣди въ отношеніи языка. Образцы откровеній. Религія и законъ. Установленіе законодательства. Законъ, данный въ откровеніи. Преемственность пророческой миссіи. Были ли для мусульманъ обязательны предшествовавшія откровенія, и были ли они обязательны для Мухаммеда? Доказательства за и противъ. Взглядъ мусульманъ на еврейское и христіанское Писаніе. Коранъ въ качествѣ основы законодательства. Верховная власть Попытки реформировать исламъ. Нравственные принципы Корана: положительное и отрицательное въ немъ. Молчащая Сунна. Коранъ и Библія, Сунна и Талмудъ Безплодіе ислама. Въ чемъ опасность? Фанатиченъ ли исламъ? . 384—418.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Генеалогическая таблица арабовъ «мустариба» . . 421.
II. Генеалогическая таблица арабовъ «мутариба» . . 423.
III. Генеалогическая таблица фамиліи Корайша . . 425
IV. Генеалогическая таблица фамиліи Хашима. . . 426.
V. Хронологическій перечень главнѣйшихъ событій . 427—428.
VI. Сравнительная хронологическая таблица суръ . 429—430.
VII. Раздѣленіе Корана на джузвы. . . . . 431.
VIII. Указатель цитированныхъ въ книгѣ стиховъ Корана 432—436.
IX. Указатель помѣщеннаго въ первомъ томѣ . . 437—460.

Введеніе.

Аравія не всегда была мусульманской страной, и въ своемъ цѣломъ она не является мусульманской страной и теперь, такъ какъ въ различныхъ ея мѣстностяхъ находятся евреи и христіане, и конечно едва-ли мусульманами могутъ быть названы тѣ полуязыческія племена, населяющія Гадрамаутъ, которыя, по свидѣтельству путешественниковъ, изъ всего исламизма знаютъ лишь имя Мухаммеда. (1). Но Аравія была мѣстомъ рожденія и колыбелью исламизма, она была потомъ театромъ исламическихъ войнъ, въ ней рождались и разносили по другимъ странамъ свое ученіе реформаторы угасающаго исламизма.

Громадный Аравійскій полуостровъ, до сего времени такъ мало еще изслѣдованный, соединяя собою азіятскій и африканскій материки, является переходной страной.

По контурамъ, по направленію горъ, по климатическимъ условіямъ это—преимущественно африканская земля; по скату своихъ временныхъ потоковъ или уади, по смежности—на протяженіи слишкомъ тысячи километровъ—съ бассейномъ Евфрата, это, напротивъ, азіятская страна. Связанная такимъ образомъ съ двумя материками, Аравія все же составляетъ отдѣльный міръ, такъ какъ черезъ нее не пролегаетъ историческихъ путей. (2).

Вслѣдствіе своей неприступности Аравія была извѣстна древнимъ лишь въ сосѣдствѣ морского побережья. Упоминаемые въ исторіи завоеватели Аравіи на самомъ дѣлѣ лишь робко вступали въ страну, но никто не отваживался проникнуть въ ея таинственную и влекущую невѣдомымъ глубину. У Плинія и Страбона есть описаніе экспедиціи, отправленной въ 24-мъ году до Р. Х. Императоромъ Августомъ подъ начальствомъ Элія Галла, римскаго губернатора Египта. Эта экспедиція отправилась отъ Клеопатриса, современнаго Суэца, и послѣ пятнадцати-дневнаго путешествія прибыла къ одному порту Хэджаса, на берегу Краснаго Моря. Экспедиція не имѣла успѣха: исторія разно говоритъ о причинахъ этого, но фактъ тотъ, что римляне были принуждены удалиться изъ страны. Дальше, мы знаемъ, что теоретически Императоръ Траянъ сдѣлалъ римской провинціей часть Ара-

---

[1]) Rev S. M. Zwemer. The Mohammedan world of to-day. p. 152.
[2]) Э. Реклю. Земля и Люди. т. IX, стр. 693.

він отъ Дамаска до Краснаго Моря. Эта провинція въ третьемъ вѣкѣ была раздѣлена. 1).

Лишь юго-западная часть полуострова, извѣстная подъ именемъ Счастливой Аравіи, была нѣсколько болѣе извѣстна міру. Но въ общемъ смѣю можно сказать, что нѣтъ страны, гдѣ бы завоевательные походы оставили меньше слѣдовъ, чѣмъ въ Аравіи. Эта страна время отъ времени испытывала на себѣ вліяніе политическихъ превратностей и иноземнаго владычества, но все же Аравія, защищаемая пустынными песками и моремъ, окружающими ее со всѣхъ сторонъ, была лишь частично, въ своихъ пограничныхъ областяхъ, подвержена тѣмъ политическимъ революціямъ, которыя имѣли мѣсто въ окружающихъ ее странахъ. И, какъ справедливо замѣчаетъ Стобартъ 2), ея народы представляютъ картину расы, до сихъ поръ, по прошествіи ряда столѣтій удержавшей характерныя особенности первобытнаго состоянія, не измѣнившагося въ силу слѣдовавшихъ одно за другимъ наводненій чуждой иммиграціи или чужеземныхъ покореній.

Имя, которое даютъ своей странѣ обитатели Аравійскаго полуострова, очень характерно, такъ какъ «джезиратъ-уль-арабъ» въ переводѣ обозначаетъ «островъ арабовъ». И дѣйствительно, въ особенности въ прежнія времена, по своей неприступности Аравія вполнѣ могла считаться островомъ: омываемая съ трехъ сторонъ водами морей, она еще защищена отъ посторонняго вторженія пустынными степями и горными цѣпями.

Полуостровъ слишкомъ бѣденъ внутренними водами и не имѣетъ ни одной судоходной рѣки, а изъ имѣющихся лишь очень немногія достигаютъ океана. Большинство же водъ, рождаясь въ періодъ ливней, въ сыпучихъ пескахъ находитъ себѣ преждевременную смерть.

Аравія составляетъ часть той безплодной и почти бездождной полосы, западной и восточной оконечностями которой являются Сахара въ Африкѣ, и пустыня Шамо въ Азіи. 3). Всѣ получаемые Аравійскимъ полуостровомъ дожди приносятся ему юго-западнымъ муссономъ. Но остатокъ растерянной по дорогѣ влаги слишкомъ малъ для того, чтобы покрыть полуостровъ растительностью. Лишь горы перехватываютъ плывущія облака и по своимъ склонамъ спускаютъ полученную влагу въ видѣ временныхъ потоковъ, скоро теряющихся въ безплодныхъ пескахъ. Періодъ дождей разнится въ различныхъ областяхъ по силѣ и по времени. Во многихъ мѣстахъ является необходимымъ собирать и хранить атмосферную влагу не только для питья и приготовленія несложной пищи, но и для сельско-хозяйственныхъ нуждъ.

1) J: W H. Stobart. Islam. and. its Founder p. 7.
2) Stobart Islam. p. 8.
3) Тамъ же стр. 5.

Положительно можно сказать, что сама природа въ Аравіи заставляетъ обратить заботу о водѣ въ культъ, но арабы въ этомъ отношеніи не отличаются большимъ умѣньемъ, и имъ далеко до устройства водопроводовъ и водохранилищъ, которыя можно видѣть въ Персіи, также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не особенно избалованной обиліемъ воды. Обычное и самое простое средство для сохраненія дождевой воды, это—выложенные камнемъ резервуары и колодцы. Самые замѣчательные колодцы такого типа тѣ, которые были построены по приказанію Зобеиды, жены халифа Гарунъ-ар-Рашида. И сейчасъ еще этими колодцами, высѣченными въ скалѣ, пользуются паломники, направляющіеся въ Мекку изъ Багдада. Лишь въ Оманѣ имѣются подземные каналы, позволяющіе расширить площадь культурныхъ земель. Зной, заставляющій трескаться не только землю, но и камни, не позволяетъ хранить воду въ открытыхъ бассейнахъ.

Надо ли удивляться послѣ этого тому, что первой приманкой Мухаммедова рая является вода и зелень? Что могло быть для араба, постоянно страдающаго отъ недостатка воды, лучше, чѣмъ потоки свѣжей и прозрачной воды, такой воды, что одинъ глотокъ ея навсегда уничтожаетъ жажду!

Печаленъ общій видъ Аравіи: безплодные холмы, не обитаемыя и не пригодныя для обитанія песчаныя пустыни, необъятныя по своимъ размѣрамъ, и скалистые обрывистые берега. Отъ всего этого вѣетъ зноемъ, который еще больше увеличивается отъ кипящаго котла Краснаго Моря. Лишь изрѣдка отдыхаетъ глазъ на узкихъ полоскахъ пастбищъ и плодоносныхъ долинахъ временныхъ потоковъ.

«Названіе Аравія часто употреблялось древними писателями въ широкомъ смыслѣ. Такъ, Плиній даетъ это имя части Месопотаміи, Геродотъ (II, 12)—Сиріи и побережью Краснаго Моря до нильской долины. Обычно греческіе и римскіе писатели дѣлили Аравію на Пустынную и Счастливую. Этотъ послѣдній эпитетъ есть вѣроятно только неправильный переводъ слова «аль-іеменъ», т. е. страна съ правой руки или лежащая на югѣ для жителей востока, смотрящихъ на востокъ же; въ противоположность Сиріи, которая по-арабски называется «аш-шамъ», или страна слѣва отъ Мекки. Третье подраздѣленіе—Скалистая Аравія—впервые появляется у Птоломея въ примѣненіи къ Синайской области». [1]). Сами арабы производятъ свое имя и имя своей страны отъ мѣстности Араба въ провинціи Техама. [2]).

Внѣшніе контуры Аравіи представляютъ массивныя формы, отличающіяся почти геометрической правильностью. Рельефъ

[1]) Stobart. Islam. p. 6.
[2]) Sale. The Preliminary Discourse. p. 1.

Аравіи, разсматриваемой въ цѣломъ, отличается тою же правильностью, какъ и внѣшнія ея очертанія

Краевая горная цѣпь и параллельные кряжи, продолжая горы Моава и Идумеи, слѣдуютъ вдоль побережья Краснаго Моря до южной оконечности полуострова и образуютъ общій хребетъ страны, обративъ свой длинный скатъ къ Евфрату и Персидскому заливу. [1]). Вся эта цѣпь на арабскомъ языкѣ обозначается именемъ «хэджасъ», т. е. барьеръ, и отъ нея уже это имя перешло къ странѣ, по которой горная цѣпь проходитъ, до провинціи Іемена. [2]). Въ общемъ горы угрюмы и непривѣтливы, и лишь изрѣдка въ ихъ складкахъ можно замѣтить зелень обильныхъ оазисовъ, питаемыхъ дождевыми водами.

По южному побережью также тянется краевая цѣпь, высгуны которой выдвинулись, въ видѣ мысовъ, далеко за нормальную линію береговъ.

На востокѣ, отъ мыса Рас-аль-хадъ (Рэсъ-ул-гадъ) до мыса Мазандама, берегъ тоже окаймленъ высокими горными цѣпями.

Такимъ образомъ, со стороны моря весь полуостровъ является какъ бы замкнутымъ въ правильномъ валу, которыи во многихъ мѣстахъ превосходитъ высоту 7000 футовъ. Центръ этой обширной огражденной площади занимаетъ сплошное возвышеніе, соединенное нѣсколькими хребтами съ западной стѣной: это—Наджд или «высокая страна». Его обширное плато состоитъ изъ пустынь и горъ, среди которыхъ тамъ и сямъ можно видѣть разбросанныя плантаціи Занимая центральное положеніе на полуостровѣ, плато дѣлится горной мѣстностью Ямама на двѣ части: собственно Наджд и Наджд іеменскій. [3]).

На сѣверъ отъ этого центральнаго плоскогорья земли имѣютъ скатъ въ долинѣ Евфрата. На югѣ другія, менѣе возвышенныя пространства, пустынныя почти на всемъ своемъ протяженіи, отдѣляютъ Наджд отъ южныхъ горъ.

Внѣ краевыхъ хребтовъ, узкій поясъ земли, образуемый холмами и плоскими морскими берегами, называется Техама или жаркая страна. Это названіе примѣняется спеціально къ побережью Краснаго Моря между Мадіанскими горами и Іеменомъ.

Отъ почти безпрерывнаго ряда холмовъ и горъ, не совсѣмъ параллельно бѣгущаго вдоль всего побережья Краснаго моря и то сбѣгающаго скалистыми кряжами въ море, то отступающаго отъ воды, чтобы дать мѣсто пастбищамъ и зеленымъ долинамъ, отходятъ три другіе хребта.

---

[1]) Э. Реклю. Земля и Люди. т. IX, стр. 697
[2]) Ameer Ali. The spirit of islam. XLVI.
[3]) Idem. XLIX.

Съ сѣвера Джебэль-Шаммаръ, который, получивъ рожденіе неподалеку отъ Акабахскаго залива, убѣгаетъ къ востоку.

Центральный отрогъ Джебэль-Хрэдъ (или Хрудъ) начинается поблизости Мекки и бѣжитъ почти прямо по направленію къ Персидскому заливу. Чѣмъ то остановленный въ своемъ бѣгѣ, онъ, не доходя до Персидскаго залива, внезапно изламывается и образуетъ почти перпендикулярный первоначальному своему направленію отрогъ-Джебэль Техама.

На югѣ—почти непрерывные ряды совершенно безплодныхъ горъ, господствующихъ надъ моремъ, простираются отъ Бабъ-эль-мандебскаго пролива и идутъ черезъ Гадрамаутъ и Оманъ.

Здѣсь слѣдуетъ оговориться, что въ не-спеціально географическихъ или историческихъ сочиненіяхъ часто приходится встрѣчать, что Аравійскій полуостровъ дѣлается синонимомъ Аравіи. Это конечно неправильно. Политическія и административныя дѣленія Аравіи весьма условны. Названія областей не всегда даютъ полное понятіе объ ихъ географическихъ границахъ, равно какъ и раздѣленіе на независимыя и вассальныя провинціи далеко не всегда соотвѣтствуетъ истинной политической физіономіи страны. Пользуясь, гдѣ это возможно, теперешними именами, здѣсь мы даемъ краткій географическій очеркъ Аравіи, современной Мухаммеду. Теперь во многихъ отношеніяхъ измѣнились и границы и политическое положеніе нѣкоторыхъ изъ описываемыхъ провинцій.

Между отрогами Шаммаръ и Хрэдъ лежитъ возвышенная центральная страна Наджд,—плато, подымающееся до высоты въ 9000 футовъ и посылающее свои воды преимущественно къ западу и востоку. Эта плодородная страна славится въ особенности чудными породами своихъ лошадей. Политическія границы Наджда обозначены провинціями Ямама, Іеменъ, Хэджасъ и на востокѣ Иракъ. Въ настоящее время Наджд является средоточіемъ вагабитовъ. [2]).

Хэджасъ, лежащій между Надждомъ и Краснымъ моремъ и тянущійся по берегу послѣдняго, включаетъ священные города Мекку и Медину и ихъ соотвѣтственные порты Джедду и Ямбо. Это—священная страна ислама, изъ которой вышла новая религія, чтобы завоевать сначала большой Аравійскій полуостровъ, а потомъ значительную часть вырождавшейся римской имперіи, и въ своемъ побѣдоносномъ шествіи на востокъ распространиться до береговъ Китайскаго моря. [2]). Въ составъ Оттоманской имперіи эта страна вошла сравнительно очень недавно, а именно въ 1840 году, когда была завоевана египетскимъ генералъ-губернаторомъ Мемедомъ Али.

---

[1]) P. de Lacy Johnstone. Muhammad and his power. p. 8.
[2]) Idem p. 8.

Хэджасъ, получивший свое название, во-первыхъ, отъ проходящихъ отъ него и носящихъ это имя горъ, и, во-вторыхъ, отъ своего положенія между провинціями Надждомъ и Техамой, кромѣ этихъ двухъ провинцій ограниченъ еще побережьемъ Краснаго Моря и песками Сиріи.

Священнѣйшій городъ мусульманъ Мекка или Бекка, хотя его основаніе въ теперешнемъ видѣ и относится только къ половинѣ пятаго вѣка христианской эры, является однимъ изъ самыхъ древнихъ городовъ міра, и нѣкоторые видятъ въ немъ библейскую Мезу. Городъ расположенъ въ скалистой безплодной мѣстности, окруженной горами. Въ городѣ нѣтъ другой воды кромѣ источниковъ Земъ-земъ, и жители принуждены собирать въ цистерны дождевую воду. Почва самого города съ непосредственно примыкающими къ ней мѣстностями совершенно безплодна, и населеніе принуждено дѣлать себѣ запасы зерна и фруктовъ изъ другихъ мѣстъ. Преимущественно съ этой цѣлью и были установлены Хашимомъ два каравана: зимній и лѣтній. И распредѣленіе привозимыхъ продуктовъ также производилось дважды въ годъ: одинъ разъ во время мѣсяца Раджаба и другой въ то время, какъ въ Мекку прибывали паломники во время священныхъ мѣсяцевъ. Провизія эта, пополненная еще финиками изъ сосѣднихъ мѣстъ и виноградомъ изъ Таифа, была достаточна для годового обихода. Для бѣдняка жизнь въ Меккѣ прямо невозможна, такъ какъ за всякій пустякъ приходится расплачиваться деньгами. [1]).

Въ Хэджасѣ правили потомки Джорхума, сына Кахтана, до времени Измаила, который, породнившись съ джорхумитами, изгналъ ихъ изъ страны. Послѣ ихъ изгнанія, государство распалось на мелкія части. [2]).

Плодородный Іеменъ составляетъ юго-западную часть полуострова: онъ богатъ хлопковыми полями и кофейными плантаціями, и своей плодородной почвѣ онъ обязанъ названіемъ Счастливой Аравіи. Политическія его границы слѣдующія: съ запада—побережье Краснаго моря, съ юга Индійскій океанъ, съ сѣвера—Хэджасъ и съ востока—Гадрамаутъ. Имя Іеменъ прилагается часто вообще къ южной Аравіи, и тогда онъ включаетъ въ себѣ еще Махру и Гадрамаутъ. Провинція простирается по берегу Индійскаго океана отъ Адена до мыса Расальгатъ и за-

[1]) E. Sale—P. D. p. 3. Нѣкоторые берутъ границы Хэджаса шире. «Эта обширная область дѣлится на четыре части: 1) Каменистая Аравія, 2) собственно Хэджасъ съ Мединой, 3) Техама съ г. Меккой и Джеддой, 4) пограничная съ Іеменомъ, Ассиръ». Ameer Ali. The spirit of islam. 46.

[2]) E. Sale. P. D. p. 9.

ключаетъ въ себѣ нѣсколько мелкихъ провинцій, какъ: Гадрамаутъ, Махра, Ширъ, Наджранъ, Оманъ.

Страна издавна славилась чуднымъ климатомъ, плодородіемъ и тѣми богатствами, которыя ввезъ въ нее Александръ Великій при возвращеніи изъ экспедиціи въ Индію. Роскошью своего климата Іеменъ обязанъ горамъ, и его почва гораздо плодороднѣе, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ. Древнѣйшая исторія говоритъ, что онъ былъ садомъ Аравіи. Богатый и плодородный, онъ все же былъ не въ состояніи поддерживать того многочисленнаго населенія, которое было привлечено туда блестящей торговлей.

Столицей Іемена была Сана, носившая въ древности имя Озалъ и смѣнившая прежнюю Сабу. Городъ былъ обязанъ своимъ благосостояніемъ огромной плотинѣ, задерживающей плодоносныя воды горныхъ потоковъ. Когда, во второмъ вѣкѣ христіанской эры, плотина разрушилась, часть населенія перешла въ Хэджасъ и Наджд. Освобожденный такимъ образомъ отъ избытка населенія, Іеменъ могъ вновь набраться силъ. [1]). Послѣ этого несчастія и до времени за 70 лѣтъ передъ появленіемъ Мухаммеда страна видитъ на своемъ престолѣ потомковъ прежнихъ правителей. За семьдесятъ лѣтъ до этого времени много терпѣвшіе отъ Дзу-Новаса, еврея-фанатика, занимавшаго престолъ Іемена, христіане обратились за помощью къ Абиссиніи. Абиссинія послала войско въ Аравію,—Дзу-Новасъ погибъ, еще не успѣвши встрѣтиться съ высланной противъ него силой. На престолѣ перемѣнилось четыре поколѣнія абиссинскихъ принцевъ или генералъ-губернаторовъ. Послѣ этого, при содѣйствіи Персіи, престолъ перешелъ къ Дзу-Язану изъ гиміарскаго племени. Послѣдній изъ гиміарскихъ правителей принялъ исламизмъ и подчинился Мухаммеду. [2]).

Къ сѣверу отъ Іемена лежитъ область Наджранъ. Онъ былъ обращенъ въ христіанство сирійскими миссіонерами около пятаго вѣка, и, когда Мухаммедъ юношей посѣщалъ Оказъ, то онъ слышалъ проповѣдь христіанскаго епископа Коса, который былъ знаменитымъ ораторомъ своего времени. [3]).

Гадрамаутъ составляетъ южную береговую полосу, нѣкоторыя части которой представляютъ въ высшей степени плодородную мѣстность.

Весьма плодороднымъ является также и Оманъ, омываемый водами залива того же имени. Главные города его Ростокъ и Маскатъ.

---

[1]) Johnstone. Muhammad. p. 28. Sale (P. D. p 8) относитъ это событіе къ Сабѣ, а не къ Санѣ. Страна была наказана за грѣхи, и почти весь народъ былъ уничтоженъ.

[2]) Sale. P. D. p. 8.

[3]) Johnstone-Muhammad. p. 35.

Техама получила свое названіе отъ нестерпимо высокой температуры ея почвы. Она также носитъ названіе Горъ.

Ямама, носящая также названіе Хрэдъ и ли Хрудъ, окружена провинціями: Наджъ, Техама, Бахрейнъ, Оманъ, Ширъ, Гадрамаутъ и Саба. Главный городъ далъ свое имя и всей провинціи. Онъ прежде назывался Джавъ и прославился тѣмъ, что былъ резиденціей лжепророка Мусейлима.

Наконецъ, воды персидскаго залива омываютъ провинцію Бахрейнъ.

Переселенческая волна съ юга была причиной основанія двухъ государствъ по сосѣдству съ Хэджасомъ-Хиры и Гассана Государство Гассанъ было основано племенемъ аздитовъ Имя было дано по источнику Гассанъ въ Сиріи Историческая жизнь государства этого насчитываетъ около 600 лѣтъ Впослѣдствіи аздиты приняли христіанство.

Хира была основана Малекомъ, потомкомъ Кахлана. Государство существовало немного болѣе, чѣмъ сосѣдній Гассанъ, и находилось въ полувассальной зависимости отъ Персіи, подобно тому какъ Гассанъ въ такой же зависимости былъ отъ византійской имперіи. [1]).

У восточныхъ писателей существуетъ также другое дѣленіе собственной Аравіи: Іеменъ, Хэджасъ, Техама, Наджъ и Ямама При этомъ дѣленіи въ Іеменъ входятъ Гадрамаутъ, Ширъ, Оманъ, Наджранъ и другія мелкія владѣнія. [2]).

Пространство между Хэджасомъ, Гадрамаутомъ и Оманомъ представляетъ громадную песчаную пустыню, совершенно не изслѣдованную. Лишь по краямъ ея кочевыя племена находятъ послѣ періодическихъ дождей необходимыя пастбища для своего скота. Эта пустыня называется Раба-эль-хали.

Аравія есть страна засухи и безплодія: лишь въ опредѣленныя времена года, различныя для различныхъ мѣстностей, проливные дожди быстро наполняютъ временные потоки, которые и позволяютъ существовать пышной, но очень недолговѣчной растительности.

Флора Аравіи въ общемъ очень бѣдна, финиковая пальма является почти единственнымъ деревомъ въ странѣ. Въ болѣе высокихъ мѣстностяхъ, лучше снабженныхъ водою, культура процвѣтаетъ. Культивируются кофе, хлопокъ и финики. Вмѣстѣ съ базальтомъ, миррой и ладаномъ они составляютъ главный предметъ вывозной торговли.

Принято думать, что климатъ и географическія условія вліяютъ на характеръ и мысль обитателей страны. Физическій ха-

---

[1]) Sale. P. D. p. 9.

[2]) Idem. p. 1.

рактеръ Аравійскаго полуострова такъ своеобразенъ, что можно охотно повѣрить въ его спеціальную способность формировать мысль и обычаи населяющихъ его народовъ. Какъ мечтательная неопредѣленность и философія отчаянія древняго буддизма зародились на однородной почвѣ жаркой и влажной долины Ганга, такъ и безплодныя горячія страны Аравіи, чередуясь съ рядомъ вулканическихъ холмовъ и наметанныхъ вѣтромъ песчаныхъ буграовъ, и предлагая своимъ обитателямъ лишь болѣе или менѣе удаленные другъ отъ друга оазисы,—дали рожденіе суровой воинственной вѣрѣ ислама. [1]).

Перейдемъ теперь къ населенію полуострова. Современные географы опредѣляютъ количество этого населенія приблизительно въ шесть милліоновъ человѣкъ, но есть всѣ основанія предполагать, что во время Мухаммеда оно было гораздо многочисленнѣе.

Защищенные самой природой отъ внѣшнихъ вторженій, сами арабы прекрасно знали выходы изъ страны, и вслѣдствіе этого они не чувствовали полной разобщенности съ міромъ. Они такъ хорошо знали эти выходы, неизвѣстные другимъ, что въ ихъ исторіи былъ славный моментъ, когда пространство отъ Индійскаго океана до береговъ Испаніи сдѣлалось арабской землей.

Конечно очень спорнымъ является вопросъ, носителями какой цивилизаціи они были, но они несли цивилизацію въ завоеванныя страны. Вѣрнѣе, что наука и искусство были византійскими, но арабами они были оживлены. Нѣсколько преувеличеннымъ является мнѣніе Реклю о томъ, что «арабы, несмотря на изолированное положеніе ихъ отечества, имѣли значительную долю участія въ коллективномъ дѣлѣ человѣчества, и потому совершенно несправедливо нѣкоторые писатели, гордящіеся своимъ арійскимъ происхожденіемъ, отрицаютъ или игнорируютъ огромную услугу, которую оказали «семиты», сокращая для Европы длинную ночь среднихъ вѣковъ». [2]). Арабы никогда не были творцами, но они были богато одарены способностью воспринимать и развивать воспринятое: пока такъ называемая арабская культура была питаема извнѣ, она процвѣтала; предоставленная же самой себѣ она быстро приходила въ упадокъ. Наглядный примѣръ этого мы видимъ въ арабахъ, возвратившихся въ Африку изъ Испаніи. Въ какой отрасли арабы не знали себѣ равныхъ, это въ архитектурѣ,—существующіе въ разныхъ мѣстахъ памятники этого искусства служатъ тому краснорѣчивымъ доказательствомъ.

Географы и историки, пытающіеся возстановить родословную арабскихъ племенъ, руководствуются въ своихъ исканіяхъ

---

[1]) Johnstone Muhammad. p. 6.

[2]) Э. Реклю. Земля и Люди. т. IX, стр. 695

слѣдующими источниками 1) Писаніемъ Ветхаго Завѣта, 2) сочиненіями греческихъ и римскихъ писателей, 3) настоящими именами мѣстъ, областей и народовъ, 4) указаніями путешественниковъ и 5) арабскими преданіями и арабскими историческими сочиненіями.

Безъ сомнѣнія, всѣ эти источники не представляются равноцѣнными. Писанія Ветхаго Завѣта представляютъ наибольшую историческую цѣнность поскольку это касается самыхъ отдаленныхъ временъ.

Труды грековъ и римлянъ не мало способствовали изученію Аравіи, но все же эти сочиненія изобилуютъ ошибками, такъ что считать ихъ безусловно правильной базой не приходится.

Сообщенія путешественниковъ цѣнны относительно современныхъ народовъ. Что же касается прежнихъ временъ, то что они могутъ передать кромѣ преданій? Правда, различныя раскопки, находки папирусовъ и камней съ надписями время отъ времени проливаютъ новый свѣтъ, но эта область едва ли можетъ считаться самостоятельнымъ источникомъ свѣдѣній ее скорѣе можно считать хорошимъ средствомъ для критической провѣрки другихъ источниковъ.

Какъ писанія Ветхаго Завѣта много способствовали ознакомленію съ происхожденіемъ родоначальниковъ арабскихъ племенъ, такъ и арабскія историческія сочиненія и преданія являются самымъ цѣннымъ пособіемъ для изученія древней жизни арабовъ.

Хотя, говоритъ Стобартъ,- арабская генеалогія и ихъ собственные разсказы о раннихъ предкахъ обильны различными легендарными подробностями, ихъ хронологія такъ очевидно создана искуственно, противорѣчива или нелѣпа, что незаслуживаетъ большого довѣрія. Это является справедливымъ, но только до извѣстной степени. Жить среди легендъ, это общая участь народовъ-старцевъ: если для народной массы въ этихъ легендахъ живетъ дѣйствительное прошлое ихъ страны и племени, то въ оцѣнкѣ историковъ легенда поставлена на то мѣсто, на которое она имѣетъ право.

Цѣнными являются всякіе географическіе и историческіе источники, подтверждающіе библейскія писанія.

Пальгревъ склоненъ думать, что древнѣйшій слой арабскихъ народовъ произошелъ изъ Африки, и что вторженіе съ сѣвера было также африканскаго происхожденія, умѣренное предшествующими поселеніями въ Азіи; однако особенности языка позволяютъ сомнѣваться въ правильности такого взгляда, такъ какъ этотъ языкъ съ очевидностью доказываетъ, что полуостровъ былъ населенъ семитической расой. [1]).

---

[1]) Johnstone. Muhammad. p. 9.

Населеніе Аравіи раздѣляется восточными писателями на древнихъ «потерянныхъ» арабовъ и современныхъ, подраздѣленныхъ на великое множество племенъ и клановъ. Но существуетъ также другое дѣленіе на три группы:

1) Араб-уль-байда, или «потерянные угасшіе» арабы. Это—древніе кушиты и арамейскіе народы Сиріи, Финикіи и другихъ странъ. [1]).

2) Араб-уль-ариба или мутариба, это—чистые арабы, истинные семиты, происхожденіе которыхъ легенда ведетъ отъ Кахтана или Джоктана. Постепенно двигаясь къ югу, они уничтожили туземныхъ поселенцевъ-хамитовъ, поклонявшихся небеснымъ свѣтиламъ. Мѣстомъ ихъ родины была страна по правую сторону Евфрата.

3) Араб-уль-мустариба или «объарабившіеся», натурализованные арабы. Это—происходящіе отъ Авраама семиты, которые постепенно смѣшались съ арабами мутариба.

Наконецъ, третье дѣленіе, оставляя имя ариба «потеряннымъ» арабамъ, не включаетъ ихъ въ семью народовъ собственной Аравіи. Это были кушиты и хамиты. Мутариба-арабы, ведущіе происхожденіе отъ Кахтана, и мустариба-племена, родоначальниками которыхъ были потомки Измаила. По прилагаемымъ таблицамъ можно прослѣдить ихъ родословную. [2]).

Въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, съ самаго ранняго періода, который только доступенъ исторіи, и до седьмого вѣка христіанской эры Аравія сохранила въ глубинѣ своихъ пустынь свой первобытный характеръ и свою независимость.

Свои историческія преданія арабы относятъ къ самой отдаленной древности, такъ какъ, по ихъ словамъ, вскорѣ послѣ потопа Аравія была заселена потомками Шэма (Сима), и его потомство мало-по-малу раздѣлилось на множество племенъ, извѣстнѣйшими изъ которыхъ были слѣдующія: адиты, самудиты (или тамудиты, встрѣчается и совершенно произвольная транскрипція осмудяне), тасмиты, джадиситы (или джорхумиты) и амалекиты (или амалика).

Всѣ эти племена, какъ говорятъ преданія, или были сметены съ лица земли за свою грѣховную жизнь, или же они подверглись столь многочисленнымъ измѣненіямъ, что въ нихъ уже нельзя разглядѣть ихъ первоначальнаго характера. Это то и дало поводъ назвать первобытныхъ арабовъ потерянными племенами, если не совсѣмъ, то для исторіи они дѣйствительно потеряны.

Родоначальникомъ адитомъ былъ Адъ, сынъ Авса (Аза или Уза), сына Арама, сына Сима, сына Ноя, который послѣ смѣше-

---

[1]) Sale. P. D. p. 2.

[2]). См. приложеніе въ концѣ книги.

нія языковъ поселился въ Аль-Ахкафъ, въ провинціи Гадрамаутъ, и образовалъ государство. Адиты были первыми поселенцами и колонистами на «островѣ арабовъ», они учредились главнымъ образомъ въ области, смежной съ Іеменомъ. Повидимому, въ извѣстный періодъ своего существованія они представляли сильную и побѣдоносную націю. Первымъ правителемъ новаго государства былъ сынъ Ада-Шедадъ (или Гедадъ).

Это былъ могущественный правитель, распространившій свои владѣнія даже за предѣлы полуострова. Говорятъ даже, что онъ покорилъ Иракъ и приблизился къ границамъ Индіи. Вѣроятно это преданіе относится къ нашествію арабовъ на Вавилонію и Халдею за 2000 слишкомъ лѣтъ до Р. Х. Одинъ изъ преемниковъ Шедада, носящій его же имя, направилъ свое оружіе въ Египетъ и далѣе къ западу. Это нашествіе арабовъ на Египетъ было отождествляемо съ нашествіемъ гиксовъ.

Царствованіе Шедада сопряжено со многими легендами, одною изъ которыхъ является постройка великолѣпнаго города, начатая еще его отцомъ. Въ городѣ былъ построенъ великолѣпный дворецъ, окруженный «райскими» садами. Шедадъ мечталъ вызвать божеское себѣ поклоненіе и былъ наказанъ за безумную свою гордость. Упоминаніе объ этомъ садѣ, называемомъ Иремъ, сдѣлано въ Коранѣ. [1]). Садъ, расположенный въ окрестностяхъ города Адена, существуетъ и понынѣ, на подобіе невидимаго града Китежа нашихъ старообрядцевъ. Лишь очень немногіе сподобились видѣть это чудо, если только фантастическимъ разсказамъ «очевидцевъ» можетъ быть придано какое-нибудь значеніе.

Упоминаемая въ Коранѣ лишь однимъ намекомъ, легенда эта заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, такъ какъ она составляетъ одно изъ живущихъ по сіе время вѣрованій мусульманскаго міра.

Подобно сабеянамъ, мусульмане вѣрятъ въ существованіе чуднаго города Храма или Према, построеннаго Шедадомъ. Въ ихъ пересказѣ легенда эта приблизительно такова.

Шедадъ, въ своей безумной гордости, хотѣлъ изъ своей постройки создать подобіе рая, а самъ хотѣлъ сравняться съ Богомъ. На постройку города были употреблены самые драгоцѣнные матеріалы въ неисчислимомъ количествѣ: золото, серебро, драгоцѣнные камни, жемчугъ. Поддерживающія потолки колонны были сдѣланы изъ чистыхъ изумрудовъ. Одинъ арабскій писатель Омаръ-ибнъ-аль-Уарди разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ. Однажды нѣкій мусульманинъ, по имени Абдулла бинъ-Келеба, отправился на поиски своихъ заблудившихся верблюдовъ. Когда онъ очутился среди пустынь Іемена и въ странѣ, гдѣ нѣкогда была расположена Саба, открылъ городъ Шедада и, съ саблей

[1]) Сура 89-я, ст. 6-й.

въ рукѣ, проникъ въ него. Городъ этотъ былъ сплошнымъ чудомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ совершенно пустъ. Возвратившись къ своему племени, Келеба разсказалъ о томъ, что съ нимъ случилось и что онъ увидалъ. Шумъ объ этомъ открытіи такъ распространился, что подъ конецъ достигъ и ушей бывшаго тогда халифомъ Муавіи-бинъ-абу-Суфіана, который и приказалъ губернатору Саны прислать къ нему Абдуллу. Тотъ прибылъ въ Дамаскъ, и халифъ заставилъ его разсказать себѣ о всѣхъ тѣхъ чудесахъ, которыя онъ видѣлъ въ городѣ. Разсказъ Абдуллы показался ему такъ невѣроятенъ, что онъ не захотѣлъ ему вѣрить. Тогда Абдулла, чтобы заставить повѣрить себѣ, показалъ потемнѣвшіе отъ времени жемчугъ и нѣкоторое количество амбры и мускуса, которые онъ нашелъ въ городѣ. Тогда Муавія приказалъ позвать одного изъ современныхъ ученыхъ и спросилъ его, не можетъ ли онъ дать объясненіе этому дѣлу. Ученый нисколько не былъ удивленъ услышаннымъ и отвѣтилъ: это городъ Арамъ, на постройку котораго Шедадъ-бинъ-Адъ употребилъ триста лѣтъ. Когда всѣ работы были уже окончены, Шедадъ отправился туда со своимъ дворомъ, но онъ не имѣлъ удовлетворенія увидѣть свое созданіе въ готовомъ видѣ, такъ какъ, когда до города оставалось не болѣе одного дневного перехода, его, за его безумную гордость, постигло небесное наказаніе, и онъ былъ истребленъ со всей своей свитой. Кромѣ того Богъ уничтожилъ всякіе слѣды дороги къ этому городу, чтобы никто не могъ пробраться туда.

Таково мусульманское преданіе, но преданіе сабеянъ разнится отъ него, и изъ послѣдняго можно видѣть, что Шедадъ жилъ нѣкоторое время въ городѣ Арамѣ. Вотъ это преданіе.

Пророкъ-царь Соломонъ, наказанный Богомъ за свою гордость, и потомъ раскаявшійся и прощенный, черезъ ангела получилъ приказаніе отправиться на завоеваніе города Шедада. Подойдя съ войсками къ городу, онъ нашелъ его весь засыпаннымъ землей, виднѣлись лишь вершины стѣнъ неприступной высоты. Соломонъ хотѣлъ послать въ городъ птицъ, чтобы осмотрѣть его, но птицы не могли перелетѣть черезъ высокую стѣну и падали въ изнеможеніи на землю. Когда Соломонъ задумался и не зналъ, что ему дѣлать, къ нему подлетѣла маленькая птичка и сказала ему: «дай въ мое распоряженіе самую сильную птицу, какая только есть, и пусть она подыметъ меня на доступную ей высоту, а дальше я полечу уже сама». Ей была предоставлена въ распоряженіе самая большая птица, съ ея помощью птичка перебралась въ городъ. Городъ былъ совершенно пустъ, и лишь въ одномъ домѣ она нашла одного очень древняго старца, котораго она и привѣтствовала. Старецъ отвѣтилъ ей на привѣтствіе и спросилъ ее, что ей нужно. Птичка отвѣтила ему, что она прилетѣла по приказанію Соломона, который хочетъ узнать, какимъ образомъ можно войти въ городъ. Старецъ сказалъ ей, что и самъ онъ этого

не знаетъ, но что въ городѣ есть человѣкъ старше его, и тотъ знаетъ это. Отыскавъ того, птичка была имъ послана къ третьему, еще болѣе старому. Какъ только этотъ послѣдній услыхалъ имя Соломона и узналъ, что онъ стоитъ подъ городомъ, онъ тотчасъ сказалъ птицѣ: «передай Соломону, что городскія ворота находятся какъ разъ по серединѣ стѣны, обращенной къ полярной звѣздѣ. Пусть Соломонъ прикажетъ джиннамъ убрать скрывающую ихъ отъ глазъ землю, и, какъ только ворота покажутся, пусть онъ прикажетъ вѣтрамъ дуть, и ворота раскроются передъ нимъ»

Птичка вернулась къ царю, все передала ему, и работа была выполнена. Соломонъ со своимъ войскомъ вступилъ въ городъ. Встрѣченный привѣтствіями трехъ старцевъ, Соломонъ спросилъ ихъ, что они тамъ дѣлаютъ, на что старцы отвѣтили ему, что имъ было приказано карауллить городъ до его прибытія. Когда Соломонъ вошелъ во дворецъ Шедада, то увидѣлъ тамъ каменныя статуи, въ которыя были обращены люди, и въ большой залѣ онъ нашелъ статую Шедада, сидящаго на тронѣ,—вся статуя состояла изъ цѣльнаго куска драгоцѣннаго камня. Тогда Соломонъ попросилъ старцевъ разсказать ему исторію Шедада, и они разсказали ему слѣдующее.

Шедадъ былъ владыкой земли. Солнце одѣлило его всевозможными богатствами, и онъ предпринялъ постройку города и въ немъ дворца. Поселясь въ новомъ дворцѣ, онъ такъ возгордился своимъ могуществомъ что самъ захотѣлъ сдѣлаться Богомъ. Съ этой цѣлью онъ рѣшилъ убить солнце и занять его мѣсто. Онъ взялъ свой лукъ и пустилъ въ небо стрѣлу, которая упала на землю окрашенная кровью. Эта стрѣла была показана свитѣ и жителямъ города, какъ доказательство того, что солнце умерло, и съ тѣхъ поръ Шедадъ сталъ считаться не только владыкой земли, но уже и неба. Такое его поведеніе вызвало Божій гнѣвъ, и Богъ поразилъ страну засухой, и великій голодъ начался во всей странѣ. Голодный народъ толпами приходилъ къ Шедаду и, какъ Бога, молилъ его о хлѣбѣ. Со своей обычной гордостью Шедадъ сказалъ: «если земля отказываетъ вамъ въ жалкомъ зернѣ, которое вы у нея просите, то я достаточно богатъ, для того чтобы кормить васъ хоть драгоцѣнными камнями. Входите въ мой дворецъ, и въ сокровищницахъ его вы найдете цѣлые склады этихъ камней. Возмите сколько хотите: смолите ихъ себѣ для пищи, пока земля не дастъ вамъ хлѣба».

Услыхавъ такой отвѣтъ, подданные безумнаго царя увидали ложность его божественности. Они покинули городъ и разсѣялись по странѣ, и въ городѣ остался лишь Шедадъ съ тѣми, статуи которыхъ вы видите въ этомъ дворцѣ. Мы же отказались принять нечестивую вѣру Шедада,—мы удалились въ пещеру, тамъ молились Богу, который чуднымъ образомъ доставлялъ намъ

сжедневное пропитаніе. Когда Богъ увидалъ, что царь и его подчиненные продолжаютъ упорствовать въ своемъ нечестіи, Онъ разгнѣвался и обратилъ ихъ всѣхъ въ камни, и съ тѣхъ поръ вотъ они остаются въ такомъ состояніи. Тайный голосъ предупредилъ насъ, что ты когда нибудь придешь и овладѣешь городомъ, и намъ поручили охрану его, чтобы передать тебѣ, когда ты придешь.

Окончивъ разсказъ, старцы покланились Соломону, удалились къ себѣ домой и тамъ умерли, такъ какъ земная миссія ихъ была теперь окончена. Соломонъ задумался и долго размышлялъ о томъ, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ гордость. Онъ вспомнилъ и о своей немилости и о потерѣ кольца, что было результатомъ его пороковъ. Онъ преклонился предъ Богомъ и снова покаялся. Когда онъ былъ погруженъ въ эти размышленія, онъ вдругъ почувствовалъ, что опять кольцо исчезло у него съ пальца, и сейчасъ же онъ упалъ замертво. Спутники Соломона, испуганные этой внезапной смертью, оставили тѣло его во дворцѣ, а сами поспѣшно покинули городъ. [1]).

Вернемся теперь къ библейской исторіи и преданіямъ менѣе фантастическимъ.

Когда адиты сдѣлались идолопоклонниками, то Богъ послалъ пророка Гуда (въ которомъ нѣкоторые видятъ Ебера или Гебера), чтобы вернуть ихъ на путь истины Это предупрежденіе оказалось совершенно безплоднымъ. Тогда въ наказаніе Богъ послалъ горячій вѣтеръ, дувшій въ теченіе цѣлой недѣли и уничтожившій все живое за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, увѣровавшихъ въ пророка Гуда и вмѣстѣ съ нимъ переселившихся въ другое мѣсто. Но все же и эти за свою грѣховную жизнь были наказаны четырехлѣтней засухой, отъ которой погибъ весь ихъ скотъ. Тогда они послали изъ своей среды нѣкоего Локмана и съ нимъ еще 60 человѣкъ въ Мекку, чтобы молить о дождѣ. Не получивъ просимаго, они остались въ Меккѣ и лишь такимъ образомъ уцѣлѣли

Отъ нихъ произошло новое племя адитовъ, которое въ будущемъ ожидала печальная участь,—адиты были обращены въословъ. [2]). По преданію, адиты были необыкновенно большого роста и жили по нѣсколько сотъ лѣтъ

Самудиты произошли отъ Самуда (или Тамуда), сына Гетера, сына Арама [3]) Они обитали въ странѣ Хиджръ, на востокъ отъ каменистой Аравіи, и между Хэджасомъ и Сиріей. Какъ посредники въ торговлѣ между Хэджасомъ и Наждомъ, самудиты

---

[1]) M. N. Siouffi. Religion des Soubbas. pp. 152—155.
[2]) Sale. P. D. p. 5.
[3]) Амиръ Али считаетъ ихъ кушитами.

достигли извѣстной степени благосостоянія. Впослѣдствіи они сильно пострадали отъ завоевателя Хозаръ-аль-Ахмара во время его походовъ на Сирію и Аравію. Уцѣлѣвшіе удалились на гору Сеиръ, гдѣ и жили во времена Исаака и Іакова. Скоро они смѣшались съ другими племенами, и ихъ мѣсто заняли эдомиты. Сходно съ библейской исторіей говорятъ и арабскія преданія.

Когда самудиты обратились въ идолопоклонниковъ, для ихъ увѣщанія былъ посланъ пророкъ Салехъ, современникъ Гуда и Авраама Такъ какъ лишь очень немногіе изъ ихъ числа раскаялись, то всѣ остальные были уничтожены трехдневнымъ землетрясеніемъ, сопровождавшимся сильнымъ громомъ, въ которомъ многіе слышали голосъ архангела Гавріила, кричавшаго: «умрите всѣ».

Пророкъ Салехъ съ немногими увѣровавшими въ Бога спасся и окончилъ свои дни въ Меккѣ. Первоначально племя пришло въ Іеменъ, но было оттуда изгнано Химяромъ, сыномъ Саба, и перешло въ Хэджасъ, гдѣ и обитало въ скалистыхъ пещерахъ. Пещеры эти существуютъ и по настоящее время, и, если онѣ дѣйствительно служили жилищами для самудитовъ, то это разоблачаетъ легенду объ ихъ необыкновенномъ ростѣ, такъ какъ въ этихъ пещерахъ свободно можетъ помѣститься лишь человѣкъ обыкновеннаго роста. [1]).

Тасмиты и джадиситы прошли въ исторіи почти совершенно незамѣченными и не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ.

Джорхумиты произошли отъ Джорхума (или Джорхама), бывшаго, по мусульманскимъ преданіямъ, въ ковчегѣ вмѣстѣ съ Ноемъ. Они были современниками адитовъ и впослѣдствіи погибли. Они поселились въ Аравіи не сразу. Первоначально они были въ Вавилоніи, но, будучи изгнаны оттуда первыми ассирійскими государями, они перешли въ Аравію и постепенно распространились въ Іеменѣ и Хэджасѣ, равно какъ въ Сиріи и Палестинѣ.

Амалекиты или амалика произошли, по однимъ преданіямъ, отъ Амалека, сына Эмфаза; по другимъ, отъ Амалека, сына Хама; по третьимъ, отъ Азда сына Сима. Они были однимъ изъ важнѣйшихъ племенъ; не слѣдуетъ смѣшивать два одноименныхъ племени: одно было современно адитамъ, а другое являлось потомствомъ Кахтана. [2]). Одно время племя это пользовалось зна-

---

[1]) Ameer Ali. The spirit of Islam. Intr. 50.

[2]) Существуетъ еще теорія, по которой это племя произошло отъ внука Исава Существованіе эдомитскихъ поселеній. найденныхъ въ Іеменѣ, подтверждаетъ предположеніе классическихъ писателей, что эдомиты тожественны съ древними идумеями. Stobart Islam. p. 17.

чительной силой, покорило Нижній Египетъ, и первымъ правителемъ, принявшимъ титулъ фараона, былъ ихъ вождь Валидъ. Повидимому, въ амалекитахъ надо видѣть тѣхъ, кого египетскіе историки звали «финикійскими пастухами», и, можетъ быть, амалекитовъ Священнаго Писанія.

Послѣ того, какъ они въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній владѣли тономъ Египта, они были оттуда изгнаны и впослѣдствіи совершенно уничтожены израильтянами.

Такова, въ самыхъ краткихъ чертахъ, исторія наиболѣе важнѣйшихъ племенъ древнѣйшихъ арабовъ.

Помимо арабовъ, всѣ племена которыхъ, по увѣренію ихъ собственныхъ историковъ, произошли отъ Сима, были и другіе, происшедшіе отъ Куша, сына Хама. Хотя эти послѣдніе не были жителями собственной Аравіи и основались на берегахъ Евфрата и Персидскаго залива, куда пришли съ первоначальнаго мѣста—Чозистана или Сузіана. Надо думать, что эти кушиты или исчезли съ теченіемъ времени, или же смѣшались съ другими арабскими племенами, совершенно утративъ свою характерную физіономію. [1]). Повидимому, въ про-арабахъ надо видѣть ихъ потомковъ. Весьма ясные слѣды бывшихъ когда то кушитскихъ поселеній и до настоящаго времени могутъ быть находимы на побережьѣ Персидскаго залива и въ провинціи Оманъ—въ различныхъ племенахъ. [2])

Потомки Авраама, черезъ Кетура и Исава, учредились въ сѣверныхъ частяхъ полуострова и по берегамъ Акабахскаго залива. Упоминаніе о нихъ находится въ книгѣ пророка Исаіи. Кушъ, Симъ, Измаилъ, Кетуръ и Исавъ—пять родоначальниковъ, отъ которыхъ, по библейскимъ преданіямъ, произошли всѣ арабы.

Краткимъ образомъ прослѣдивъ племена древнѣйшихъ арабовъ и тѣхъ, которые иногда также называются арабами, не будучи семитами, лишь въ качествѣ обитателей Аравійскаго полуострова, теперь перейдемъ къ современнымъ арабамъ.

Настоящіе арабы, по свидѣтельству ихъ самихъ, произошли изъ двухъ источниковъ. отъ Кахтана и Аднана. Первые извѣстны подъ именемъ мутариба, а вторые—мустариба. [3]). Кахтанъ былъ потомкомъ Сима въ четвертомъ поколѣніи. Одинъ изъ его сыновей Ярабъ основалъ государство Іеменъ, гдѣ по его имени мѣсто было названо «Араба», откуда всѣ арабы производятъ какъ собственное имя, такъ и имя своей страны. Другой сынъ Кахтана, Джорхумъ основалъ Хэджасъ [4]) Въ общемъ можно сказать,

---

[1]) Sale P. D. p. 8.

[2]) Sfobart. Islam. p. 15.

[3]) См. выше.

[4]) W. Irving Life of Mahomet. p. 2.

что Кахтанъ былъ родоначальникомъ кочевыхъ арабовъ, а его братъ Гимяръ—родоначальникомъ осѣдлыхъ. [1]).

Разбирая строго, измаилиты [2]), т. е. потомки Измаила не могутъ претендовать на чистоту арабскаго происхожденія, такъ какъ родоначальникомъ ихъ былъ пришлый еврей: но онъ породнился съ джорхумитами и совершенно натурализовался. [3]).

Измаилъ былъ родоначальникомъ племени, изъ котораго произошелъ Мухаммедъ. Немногихъ словъ достаточно, чтобы припомнить трогательную исторію бѣгства Агари съ Измаиломъ, родившимся за 1910 лѣтъ до Р. Х. Когда мать находилась съ ребенкомъ въ пустынѣ, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ впослѣдствіи должна была возникнуть Мекка, весь бывшій съ нею запасъ воды истощился. Ребенокъ мучился отъ жажды, чтобы не видѣть этихъ мученій, она положила его подъ кустомъ. Тамъ онъ долженъ былъ умереть; но Провидѣніе судило иначе: оно не хотѣло смерти того, кому суждено было прославиться и черезъ своихъ двѣнадцать сыновей обратиться въ большой народъ. Ангелъ открылъ глаза тоскующей Агари, и она увидала источникъ. Это былъ знаменитый Земъ-земъ. [4]) Намъ еще придется вернуться къ этой исторіи, но пока скажемъ лишь словами арабскихъ преданій, что, когда мать Измаила умерла, Авраамъ (раньше покинувшій ихъ) прибылъ въ Мекку (т. е. на мѣсто, гдѣ впослѣдствіи была Мекка), послѣ того какъ Измаилъ выросъ и женился. Онъ пришелъ освѣдомиться о судьбѣ тѣхъ, кого онъ, по приказанію Бога, бросилъ. Не найдя на мѣстѣ Измаила, Авраамъ сталъ разспрашивать о немъ его жену.

— Мой мужъ ушелъ, отвѣтила она, чтобы добыть намъ пищи.

— Каково ваше существованіе и ваше положеніе? спросилъ Авраамъ.

— Мы находимся въ отчаяніи, въ нуждѣ и затрудненіи, отвѣтила жена Измаила, и она высказала свои жалобы Аврааму, который промолвилъ ей: «когда твой мужъ вернется, привѣтствуй его и передай ему, чтобы онъ перемѣнилъ порогъ своей двери».

Вернулся Измаилъ и, какъ будто, чувствуя что то, сказалъ своей женѣ: «не приходилъ ли кто-нибудь?»

— Да, отвѣтила она,—приходилъ старикъ такого то вида;

---

[1]) Johnstone. Muhammad. p. 27.

[2]) «Первое поселеніе измаелитовъ въ Аравіи восходитъ ко времени ухода Авраама изъ Халдеи. Потомки Измаила благоденствовали и размножались въ Хеджасѣ, пока не были сильно смяты побѣдоносными полчищами Навуходоносора». Ameer Ali. The spirit of islam. LIII.

[3]) Sale. P. D. p. 7

[4]) Stobart. Islam. p. 18.

онъ спрашивалъ о тебѣ, и я ему сказала, потомъ онъ спрашивалъ о нашемъ существованіи, и я отвѣтила ему, что мы находимся въ нуждѣ и очень бѣдствуемъ».

— Не поручилъ ли онъ тебѣ передать что-нибудь? спросилъ жену Измаилъ.

— Да, отвѣтила она: онъ поручилъ мнѣ привѣтствовать тебя отъ его имени и сказать тебѣ: «перемѣни порогъ двери».

— Этотъ человѣкъ, воскликнулъ Измаилъ, мой отецъ, и онъ мнѣ приказываетъ разлучиться съ тобой. Возвращайся въ свое семейство.

И онъ отпустилъ свою жену и женился на другой. [1]). Пришедшій снова Авраамъ одобрилъ выборъ Измаила, женившагося на этотъ разъ на дочери джорхумита Мадада. Отъ этого союза произошло двѣнадцать сыновей, и племена, родоначальниками которыхъ они стали, получили общее названіе мустариба въ отличіе отъ чистыхъ арабовъ. Хотя такимъ образомъ родоначальникомъ племени, изъ котораго произошелъ Мухаммедъ, является Измаилъ, но арабскій пророкъ самъ никогда не велъ свою родословную дальше Аднана, отца Маада, такъ какъ между Измаиломъ и Аднаномъ въ генеалогіи имѣются пропуски. Аднанъ родился въ 130 году до Р. Х. Отъ него, въ восемь поколѣній, произошелъ Надръ, родившійся въ 134 году послѣ Р. Х., дѣдъ Фира, по прозванію Корайшъ, который родился въ 200-мъ году [2]) Въ книгѣ пророка Исаіи есть упоминаніе о кедарѣ, какъ могущественномъ народѣ Аравіи, которыи обиталъ въ Хэджасѣ; есть упоминаніе о немъ и у Плинія. Сами арабы считаютъ кедаръ народомъ, отъ котораго произошли корайшиты. [3]). Первоначально они терпѣли отъ вавилонянъ, но потомъ распространились широкой волной по Хэджасу, Наджду и пустынямъ Ирака и Месопотаміи, гдѣ мало-по-малу они и поглотили своихъ предшественниковъ, потомковъ Кахтана. Вслѣдствіе этого смѣшенія племенъ въ настоящее время съ большимъ трудомъ можно найти чистыхъ потомковъ Измаила, если вообще это возможно.

Мутариба, происходящіе отъ Кахтана, были сосредоточены главнымъ образомъ въ Іеменѣ, но мѣсто ихъ родины было въ Месопотаміи, откуда уже постепенно они проникли въ Аравію [4]).

Обширная площадь Наджда была населена двумя различными типами арабской расы: одни были горожане или «жители стѣнъ», другіе—кочевники или «жители палатки».

Слѣдить за кочующими воинственными племенами, говоритъ

---

[1]) As-Sahih. Al-Boukhari (trad. par O. Houdas) v. II. p. 480.

[2]) Stobart. Islam. p. 35

[3]) Idem. p 21.

[4]) Ameer Ali. The spirit of islam. Intp. p. LI.

Джонстонъ.—встрѣчи и уходы которыхъ, дружба и вражда составляютъ ткань арабской исторіи, не менѣе трудно, чѣмъ затѣми атомами, изъ которыхъ по разсказамъ Эпикура, была создана вселенная. [1]).

Кочевники отличались привязанностью къ своему клану, своеобразнымъ чувствомъ чести, жаждой мщенія, презрѣніемъ къ человѣческой жизни. Эти истинныя дѣти пустыни всего больше любили свободу и независимость. «Несмотря на ежегодные сборы въ Меккѣ, населяющія Аравію племена были далеко не однородны. Каждое изъ этихъ племенъ было болѣе или менѣе отлично отъ другого по культурѣ, развитію и религіи. Это различіе въ культурѣ было слѣдствіемъ различнаго ихъ происхожденія. Различныя расы населяли полуостровъ въ различныя времена Многія изъ нихъ миновали уже, но ихъ злодѣянія или ихъ доблесть были еще свѣжи въ памяти слѣдующихъ поколѣній, и эти преданія составляли исторію націи». [2])

Страстно влюбленный въ свободу, арабъ можетъ похвастаться тѣмъ что, какова бы ни была причина этого, но его страна никогда не была завоевана чужеземными врагами. Александръ Великій мечталъ о завоеваніи Аравіи, но только мечталъ Траянъ выбилъ медаль въ воспоминаніе о покореніи ея, но то, что онъ завоевалъ, была не Аравія, а лишь отдѣльныя провинціи, которыхъ не удалось удержать. [3])

Арабы—кочевники дѣлились на безчисленное множество племенъ и клановъ, изъ которыхъ каждое имѣло своего шейха, или патріарха, видимымъ знакомъ власти котораго было копье, воткнутое въ землю около его палатки Должность шейха не была строго наслѣдственной, хотя иногда она и сохранялась за одной семьей въ теченіе долгаго ряда поколѣній. выборъ зависѣлъ отъ добраго желанія всѣхъ членовъ племени или клана,—лучшимъ средствомъ для того, чтобы быть выбраннымъ въ шейхи, были личныя качества и заслуги. Власть шейха, если только это слово можетъ быть примѣнено для опредѣленія отношенія шейха къ сочленамъ клана, была ограничена и зависѣла всецѣло отъ той степени довѣрія, которое кочевники оказывали ему. Въ числѣ прерогативъ, которыми обладалъ шейхъ, было веденіе переговоровъ о мирѣ и войнѣ; командованіе во время военныхъ дѣйствій; выборъ мѣста для стоянокъ; пріемъ и содержаніе знатныхъ иностранцевъ. [4]). Лишь только кончались военныя дѣйствія, какъ

---

[1]) Johnstone. Muhammad p 26.

[2]) Ameer Ali. The spirit. of islam. Ints. p. XLVIII.

[3]) Bosworth Smith Muhammed and Muhammedanism. p. 76.

[4]) W. Irving Life of Mahomet. p. 5.

недавній начальникъ, требовавшій безусловнаго подчиненія, снова обращался въ прежняго сочлена клана. Шейхъ не могъ самостоятельно сдѣлать какое-нибудь распоряженіе или наложить наказаніе: онъ лишь могъ уговорить главъ семейства, составляющихъ кланъ, поступить такъ или иначе, и, совѣщаясь съ нимъ объ общественныхъ дѣлахъ, онъ являлся лишь первымъ между равными. Изъ этого можно видѣть, что индивидуальная и соціальная свобода арабовъ была не меньше, чѣмъ политическая. [1]). Что непремѣнно требуется отъ шейха, это—быть солидарнымъ съ членами своего клана,—этого требуютъ жизненные интересы, этого трэбуетъ честь. Несогласіе въ чемъ-либо, имѣющемъ болѣе или менѣе важное значеніе, можетъ повести къ дробленію клана, но отнюдь не къ ссорѣ. И группы дробятся и соединяются въ новыя, въ другихъ комбинаціяхъ до безконечности.

Лѣтомъ кочевые арабы, говоритъ Борхардтъ, рѣдко остаются на одномъ мѣстѣ болѣе трехъ-четырехъ дней: какъ только скотъ выщипалъ всю траву у водопоя, племя подымается на розыски новаго пастбища. Лагеря разнятся по числу палатокъ, и число это доходитъ порою до 700—800 палатокъ. Зимою, когда въ водѣ и травѣ недостатка почти не бываетъ, племя разбивается на небольшія группы, по 3—4 палатки, на разстояніи получаса ходьбы другъ отъ друга. Палатка шейха ставится въ такихъ случаяхъ съ той стороны, откуда всего вѣроятнѣе можно ожидать прибытія гостя или появленія непріятеля, чтобы онъ могъ первымъ встрѣтить и принять одного и дать сигналъ объ отраженіи другого.

Всѣ шейхи (клановые) признаютъ надъ собою власть старшаго шейха племени. За этимъ послѣднимъ признается право, въ случаѣ надобности, созывать всѣ кланы вмѣстѣ.

Необходимость всегда быть готовымъ къ защитѣ своихъ стадъ или къ производству набѣга пріучила арабовъ къ употребленію оружія съ раннихъ лѣтъ, и своимъ оружіемъ они научились владѣть дѣйствительно въ совершенствѣ. Если не на кого было нападать или некого отражать, все же оружіе не оставалось совершенно бездѣятельнымъ въ рукахъ кочевниковъ· владѣя громаднымъ количествомъ верблюдовъ, они давали ихъ для перевозки товаровъ и предлагали вмѣстѣ съ тѣмъ и свои услуги для охраны каравановъ. Правда они предпочитали грабить караваны, чѣмъ служить охраной для нихъ, такъ какъ это было гораздо выгоднѣе и отнимало меньше времени. [2]). Таковъ былъ дикій сынъ пустыни, «рука котораго была противъ каждаго человѣка» (Быт. гл. 16-я. ст. 12).

Природа позаботилась дать арабу внѣшность, которая соот-

---

[1]) B. Smith. Muh. and muhammedanism. p. 76.

[2]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 6.

вѣтствовала и климату страны и образу жизни онъ былъ легокъ и худъ, подвиженъ и дѣятеленъ, способенъ одинаково переносить какъ продолжительную усталость, такъ и выдерживать сильное напряженіе и трудъ Въ высшей степени воздержанный въ питаніи, онъ довольствовался самымъ незначительнымъ количествомъ простѣйшей пищи. Какъ его тѣло, такъ и его умъ былъ легокъ и подвиженъ.

Интеллектуальныя способности семитической расы рѣзко проявились въ немъ проницательность, тонкость, сообразительность, находчивость, воображеніе. Арабъ былъ краснорѣчивъ и умѣлъ хорошо пользоваться своимъ краснорѣчіемъ, тщательно стараясь облекать свою мысль въ поэтическую форму.

Безумно храбрый, когда это необходимо, бедуинъ не только не желаетъ безъ нужды рисковать своей жизнью, но даже подвергать ее малѣйшей опасности Коварство и предательство, если не свойственны ему, то очень крѣпко сжились съ его натурой: при необходимости онъ не жалѣетъ собственной жизни, а чужую онъ всегда ставитъ совершенно ни во что. Думаютъ, что жестокость въ характерѣ арабовъ явилась вслѣдствіе продолжительнаго употребленія въ пищу верблюжьяго мяса. [1]). Вспыльчивый, самолюбивый и мстительный по природѣ, месть онъ считаетъ своей священной обязанностью, и вражда изъ-за пролитой крови затягивается иногда на протяженіи цѣлаго ряда поколѣній. Такъ это было до ислама, такъ это остается и послѣ ислама, но раньше еще можно было надѣяться, что нравы смягчатся, и этотъ обычай выйдетъ изъ употребленія, теперь же эта надежда можетъ считаться навѣки потерянной. «цѣна крови» закрѣпила обычай, канонизировала его.

Тотъ бедуинъ, какимъ намъ представляетъ его древняя арабская поэзія, является скорѣе симпатичнымъ типомъ, невольно привлекающимъ къ себѣ. Арабъ пустыни былъ тогда храбръ, благороденъ, гостепріименъ и признавалъ извѣстное чувство законности. палатка его была всегда готова принять путника, будь даже это врагъ его,—гость, преломившій съ нимъ хлѣбъ, былъ для него священной особой. [2]). Не было такой жертвы, которая показалась бы велика, или такой опасности, которая показалась бы слишкомъ страшной, когда приходилось дѣйствовать ради семьи, ради племени, ради гостя. Любовь къ другу, къ женѣ, къ ребенку; гордость собственной доблестью и подвигами и славой своего рода и племени; оплакиваніе достойныхъ покойниковъ, страстный призывъ къ отмщенію, или чувство дикаго восторга въ удовлетвореніи его,—все это мы находимъ въ древней арабской

[1]) Johnstone. Muhammad. p. 11.
[2]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 7.

поэзіи. Мы находимъ тамъ еще тоску любовника и довольство жениха, свободный довѣрчивый союзъ молодыхъ людей и дѣвушекъ, полное довѣріе воинственнаго вождя къ женѣ, которая родила его дѣтей, которая благоразумно завѣдываетъ его домашнимъ хозяйствомъ, и которая ему желаетъ лишь добра и никакого зла. [1]).

Разбойникъ, совершавшій набѣги и грабившій караваны, по своему былъ честенъ, и никогда изъ его палатки ничто не пропадало. воровство ложилось позоромъ не только на вора, но и на все племя, которое выростило его.

Таковъ приблизительно типъ араба-кочевника, жителя пустыни: какъ она, непривѣтливый и недоступный для незнающихъ его; какъ ея пески, переносимые вихрями съ холма на холмъ, не вѣдающій ярма неволи; какъ она, то нѣженъ и ласковъ, когда въ его сердцѣ распускается зелень оазисовъ, то угрюмъ и жестокъ, когда горячій вѣтеръ высушилъ послѣднія капли воды въ намытомъ дождевымъ потокомъ руслѣ.

Осѣдлые арабы значительно отличаются отъ своихъ кочевыхъ соплеменниковъ, такъ какъ въ жилахъ ихъ течетъ, вслѣдствіе смѣшанныхъ браковъ, много чужой крови.

Такимъ образомъ, арабы—или кочевники, живущіе скотоводствомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они могутъ найти достаточно воды для себя и скота; или они занимаются извозомъ и водятъ караваны по торговымъ дорогамъ; или же они по городамъ ведутъ осѣдлую жизнь, и въ такомъ случаѣ они по преимуществу занимаются торговлей, въ которой они находятъ свое призваніе, въ чемъ сказывается ихъ семитическая кровь.

Въ древнія времена торговля велась почти исключительно по сухому пути, и въ то время верблюдъ по справедливости заслужилъ оставшееся за нимъ названіе «корабля пустыни». Эти корабли, неутомимые и неприхотливые въ пищѣ, и возили черезъ пустыню драгоцѣнные товары,—къ морю арабъ не чувствовалъ никакого довѣрія. Караваны двигались по опредѣленнымъ дорогамъ, гдѣ можно было найти воду и пропитаніе для людей каравана и для животныхъ. Умѣніе водить караваны было цѣлымъ искусствомъ, такъ какъ, если говорится, что караванъ двигался по опредѣленной дорогѣ, это отнюдь не обозначаетъ, что была какая-нибудь дорога въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это теперь: часто послѣ нѣсколькихъ часовъ дождя или вѣтра отъ проторенныхъ верблюдами тропъ не оставалось никакихъ слѣдовъ. Надо было умѣть оріентироваться днемъ по почти лишенной какихъ бы то ни было примѣтъ и, для незнакомыхъ съ пустыней, по совершенно повидимому однообразной мѣстности, а ночью—по

---

[1]) Johnstone. Muhammad. p. 17.

звѣздамъ Кому не приходилось перерѣзать пустынныя пространства, не можетъ оцѣнить всей трудности этой задачи.

Съ теченіемъ времени и развитіемъ торговли, обычныя мѣста остановокъ караванов обратились въ порядочные города. Было двѣ самыхъ главныхъ караванныхъ дороги, не считая путей мѣстнаго значенія. одна, обслуживающая Египетъ и Палестину, проходила изъ Іемена черезъ Хэджасъ, другая, обслуживающая Дамаскъ и Тиръ, изъ Гедрамаута по берегу Персидскаго залива шла къ долинѣ Евфрата. Многіе города и цѣлыя мѣстности, лежащія на этихъ караванныхъ дорогахъ, до сихъ поръ удержали свои библейскія названія

Западная караванная дорога была въ употребленіи во время Мухаммеда, и онъ самъ неоднократно совершалъ по ней путь съ караванами Хадиджи. Но послѣ этого море все больше и больше стало отнимать товары у караванов, и Мекка скоро почувствовала это. не будь она духовнымъ центромъ мусульманскаго міра, ея существованіе уже давно прекратилось бы. [1]).

Городскіе арабы мирно занимались торговлей, посылая въ разныхъ направленіяхъ караваны съ товарами и завязывая сношенія съ сосѣдними народами и странами, что дало имъ возможность нѣсколько расширить свой умственный кругозоръ. Но горожане, какъ мы уже сказали, не сохранили той чистоты расы, которой отличались ихъ кочевые соплеменники. Бедуины не знали смѣшанныхъ браковъ, которые такъ сильно повліяли на измѣненіе расы осѣдлыхъ арабовъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ очень характернымъ фактомъ: какъ тѣ, такъ и другіе были полны племенной гордости, и она имъ подсказывала ихъ поведеніе. Но бедуины старались поддержать чистоту расы, вступая въ бракъ съ женщинами исключительно своего племени; горожане же очень часто женились на чужеземкахъ, показывая этимъ, что среди женщинъ ихъ племени нѣтъ достойныхъ ихъ. Всякій былъ гордъ по своему. Горожане были совершенно пропитаны меркантильнымъ духомъ, и хорошая нажива для нихъ была гораздо пріятнѣе гордыхъ звуковъ родовыхъ преданій. Не мудрено, что бедуины презирали арабовъ-горожанъ и облагали ихъ небольшой податью за безпрепятственный пропускъ ихъ караванов черезъ пустыню. [2]).

Какъ арабъ-горожанинъ, такъ и кочевникъ не представляетъ строго опредѣленнаго типа. Пока Мухаммедъ не слилъ ихъ всѣхъ въ одну воинственную націю, они не представляли собою единаго цѣлаго.

Все богатство кочевниковъ состояло изъ скота, а скудость пастбищъ неизмѣнно требовала вѣчныхъ перемѣнъ мѣста и не

---

[1]). Stobart. Islam p, 12.

[2]). Johnstone. Muhammad. p. 11.

дозволяла большихъ скопленіи народа въ одномъ мѣстѣ. Погрузивъ свои жилища, черныя прокопченныя дымомъ войлочныя палатки, на верблюдовъ, бедуинъ передвигался, чтобы, можетъ быть, никогда не встрѣтиться съ своимъ недавнимъ сосѣдомъ по пастбищу. Такая жизнь не могла не отражаться на ихъ обычаяхъ, на ихъ воззрѣніяхъ и на ихъ религіи.

Теперь бедуины называютъ себя мусульманами, но они слишкомъ любятъ свободу для того, чтобы причинить себѣ безпокойство исполненіемъ предписаній исламизма. Многіе изъ нихъ не молятся никогда, а не то, что пять разъ въ день, какъ это предписано Кораномъ. [1]).

Древній арабъ былъ сосредоточенъ въ самомъ себѣ и, при страшной гордости, былъ увѣренъ въ томъ, что его собственная сила превыше судьбы. Его культъ не особенно занималъ своими обрядами его время или своими догматами его мысль, и тѣ мрачные ужасы, которыми онъ населилъ необъятную пустыню, джинны и духи, жаждущіе крови и ютящіеся около могилъ, были скорѣе туманными призраками, чѣмъ реальными страшилищами. [2]). Вѣра въ джинновъ или геніевъ была весьма распространена на Востокѣ еще задолго до времени Мухаммеда. Какъ думалъ народъ, они посѣщали уединенныя мѣста, въ особенности ночью. Арабы думали, что въ каждой долинѣ есть свое племя джинновъ, которые и причиняли всякія непріятности пилигриммамъ и путешественникамъ. Арабы видѣли джинновъ во всемъ и повсюду: въ крутящихся при вихрѣ тромбахъ и въ заползающихъ въ жилища змѣяхъ. Какъ говорятъ преданія, раньше джинны имѣли доступъ на небо, но за свои злыя дѣянія были изгнаны оттуда. По другимъ легендамъ, джинны были первоначальнымъ населеніемъ земли, но послѣ возмутились противъ Бога и захватили въ свои руки земную власть, удержавъ ее въ теченіе 2000 лѣтъ. Послѣ этого Люциферъ уничтожилъ ихъ, покоривъ ихъ царя Джіянъ-бинъ-Джіяна и отнявъ у него волшебное кольцо, перешедшее потомъ къ Соломону. Тогда Богъ сотворилъ уже людей не изъ огня, а изъ болѣе безопаснаго матеріала. [3]).

Попытаемся теперь проникнуть въ религіозный міръ арабовъ и посмотримъ, какъ его первобытный культъ, увлеченный красотой принесенныхъ въ Аравію религій, заимствовалъ изъ нихъ идею божества, и какъ онъ ее извратилъ.

У древнихъ арабовъ особенно ярко выразился національный характеръ религіи: у каждаго племени былъ свой богъ или свои боги, которыхъ не хотѣли признавать другія племена. Боги составляли

---

[1]) R. Smith. Muh. and muh-ism p. 75.
[2]) Johnstone Idem p 18.
[3]) W. Irving Life of Mahomet p. 66.

гордость нации, но ихъ превосходство сознавалось лишь, такъ сказать, для себя, и не являлось мысли навязывать ихъ покровительство другимъ. Неудобство положенія этихъ боговъ заключалось въ томъ, что, находясь у человѣка подъ рукой, они фактически зависѣли отъ него, тогда какъ человѣкъ нисколько не страдалъ отъ той добровольной зависимости, въ которую онъ себя ставилъ по отношенію къ нимъ. Неудачныя столкновенія съ сосѣдними племенами заставляли араба бросить укоряющій взглядъ на своихъ боговъ и безотчетно произвести критическую оцѣнку, которая выражалась въ томъ, что, если онъ не отказывался совсѣмъ отъ своихъ, не оправдавшихъ его довѣрія, боговъ, то рядомъ съ ними ставилъ и боговъ своего побѣдителя. Такимъ образомъ пантеонъ арабовъ расширялся безъ всякаго участія миссионерской дѣятельности.

Геродотъ говоритъ (III, гл. 8), что въ его дни у арабовъ было два главныхъ божества: Ороталъ и Алилатъ. Первое есть безъ сомнѣнія исковерканное «аллаху-таала», т. е. всевышній Богъ, второе же обозначаетъ упоминаемую въ Коронѣ богиню Ал-латъ. Но едва ли это служитъ достаточнымъ доказательствомъ того, что политеизмъ преобладалъ въ Аравіи [1]). При всѣхъ политеистическихъ аксессуарахъ въ древнемъ періодѣ можно было разглядѣть монотеизмъ, правда въ очень туманной формѣ. Тѣмъ не менѣе, напр., названіе «бейт-улла», т. е. «домъ Бога», было дано Каабѣ задолго до Мухаммеда. Имя «алла» весьма часто встрѣчается въ арабской поэзіи классическаго періода, т. е. до времени Мухаммеда. И не былъ ли самъ Пророкъ ислама сыномъ Абдуллы, умершимъ не только до проповѣди своего сына, но еще и до его рожденія?

Ибнъ-Исхакъ, первый біографъ Мухаммеда, говоря о религіи древнихъ арабовъ, сообщаетъ, что племена кенана и корайшъ при совершеніи церемоніи, именуемой «ихлаль», обращались обыкновенно къ божеству съ такими словами: «лябейка аллахумма», т. е. мы здѣсь, Господи. [2]).

Хотя на полуостровѣ были и различные политеистическіе культы, но монотеизмъ былъ признанъ повсюду почти. Вотъ что говоритъ Шахрастани. [3]).

«Въ отношеніи религіи арабы до-исламическихъ временъ могутъ быть раздѣлены на нѣсколько классовъ. Нѣкоторые изъ нихъ отрицали Создателя, воскресеніе, возвращеніе человѣка къ Богу (чтобы быть судимымъ), и считали, что Природа въ самой себѣ обладаетъ силой давать жизнь, но что время разрушаетъ ее. Другіе вѣрили въ Творца и въ твореніе, произведенное Имъ изъ ни-

[1]) Rev. W. St. Clair-Tisdall. The religion of the Crescent. p 129.

[2]) См. дальше, т. III,—Паломничество.

[3]) Цитировано Тисдалемъ, стр. 133, 134.

чего, но отрицали воскресеніе и возвращеніе къ Богу Еще другіе вѣрили въ Творца, твореніе и нѣкоторый родъ возвращенія человѣка къ Богу, но отрицали пророковъ Бога и поклонялись ложнымъ богамъ, которыхъ они считали возможными посредниками между собою и Богомъ въ будущемъ мірѣ. Къ этимъ божествамъ устраивались паломничества, имъ дѣлали жертвенныя приношенія и приближались къ нимъ съ религіозными обрядами и церемоніями. Нѣкоторыя вещи они считали позволенными божествомъ, другія—запрещенными. Такова была религія большинства арабовъ.

Постараемся разобраться теперь въ этомъ нѣсколько подробнѣе.

Когда Мухаммедъ появился, арабы не были совершенно лишены всякихъ религіозныхъ идей. Члены корайшитскаго племени, изъ котораго произошелъ Пророкъ, какъ и всѣ арабы, обитавшіе въ сѣверной и восточной Аравіи, были безъ сомнѣнія семитическаго происхожденія, такъ какъ ихъ родоначальники измаелиты натурализировались и слились съ другими семитическими племенами. Древняя религія семитовъ была монотеистическая, хотя вслѣдствіе общенія съ хамитами нѣкоторые семитическіе народы, какъ ассиріяне, финикіяне и сами евреи впадали въ политеизмъ. Сѣверные арабы, повидимому, сохранили въ наиболѣе чистомъ видѣ свою древнюю религію, и у нихъ мы не находимъ такихъ божествъ, какъ Ваалъ, Астарта, Молохъ, Аммонъ, которымъ покланялся Ханаанъ.[1]) Потомки Авраама первоначально исповѣдывали ту же самую монотеистическую религію, что и онъ самъ.

Послѣднія племена, сохранившія древнія, предшествовавшія исламу обычаи, были въ началѣ 18-го столѣтія истреблены оружіемъ вагабитовъ: это были народцы Ассира, которыхъ ихъ естественныя твердыни-горы хорошо защищали отъ обратителей въ новую вѣру. [2]). Вагабиты потрясли религіозный міръ Аравіи, но все же большая часть населенія, называемаго мусульманскимъ, осталась совершенно въ сторонѣ отъ религіозныхъ войнъ, возбужденныхъ новымъ исламомъ. Бедуины-кочевники не дали увлечь себя въ новое движеніе, къ которому они примыкали только (что случалось не разъ), чтобы сопровождать вагабитовъ въ грабительскія экспедиціи. Мусульманство ихъ состоитъ только въ томъ, что они говорятъ: «Аллахъ есть Аллахъ» и призываютъ его въ свидѣтели въ своихъ утвержденіяхъ, но они не молятся Ему и не воздаютъ благодареній.

Если бедуины принадлежатъ къ числу народовъ, наименѣе

---

[1]) St. Clair-Tisdall The rel. of Crescent. p. 128.

[2]) Э. Реклю Земля и Люди. т. IX, стр. 746.

интересующихся религіозными догматами, то они вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ тѣхъ народовъ, жизнь которыхъ всего менѣе управляется суевѣрными примѣтами. Нѣкоторые изъ нихъ носятъ амулеты, но не охотно въ этомъ признаются, они не занимаются мистическимъ опредѣленіемъ чиселъ и цвѣтовъ, не совѣтуются съ полетомъ птицъ и бѣгомъ дикихъ звѣрей, не тратятъ времени на истолкованіе сновъ. Идея безсмертія души почти чужда обитателю аравійскихъ пустынь, однако онъ имѣетъ смутную идею о переселеніи душъ. Онъ не ищетъ санкціи для морали, для правилъ нравственности въ наградахъ и наказаніяхъ будущей жизни; чтобы быть честнымъ—какъ это онъ понимаетъ,—бедуину достаточно сообразоваться съ общепринятымъ въ его племени понятіемъ о добрѣ и злѣ.

Вѣроятно, что слѣды древняго сабеизма еще имѣютъ у бедуиновъ перевѣсъ надъ мухаммеданскимъ вліяніемъ, ибо, по свидѣтельству многихъ путешественниковъ, различныя племена сохранили обычай привѣтствовать поклономъ восходящее солнце. Одинъ народецъ, зедіэхи, въ сѣверныхъ равнинахъ, говорятъ, молится также надшему ангелу подобно іезидамъ, но это поклоненіе дьяволу не мало не скандализируетъ ихъ сосѣдей. [1]).

Арабы кочевники не были никогда особенно расположены къ исламу. Они говорили: «Религія Мухаммеда никогда не предназначалась для насъ. Онъ предписываетъ омовеніе, и у насъ нѣтъ воды; милостыню,—и у насъ нѣтъ денегъ; пость—но мы и такъ всегда постимся; паломничество,—но вѣдь Богъ повсюду». [2]).

Часто повторяютъ, что въ теченіе 3000 лѣтъ арабы совершенно не измѣнились. Безъ сомнѣнія, что касается кочевыхъ племенъ пустыни, перемѣны, если онѣ произошли, были весьма незначительны: условія среды таковы, что образъ жизни почти не можетъ видоизмѣняться. Но не такъ въ городахъ и культурныхъ сельскихъ мѣстностяхъ: тамъ даже для бедуиновъ движенія исторіи не прошли совершенно безслѣдно, не совершились безъ того, чтобы не оказать видоизмѣняющаго вліянія на ходъ идей. Форма правленія значительно разнится у осѣдлыхъ арабовъ. Большинство племенъ организованы подобно кочевникамъ; правительство у этихъ равноправныхъ членовъ представлено выборнымъ судьей, разбирающимъ ссоры и дѣла. Есть олигархіи, и есть монархіи. Мекка состоитъ подъ теократическимъ режимомъ.

Всѣ племена принадлежатъ къ одной общей семьѣ, но имѣютъ настолько различные интересы, что совершенно не представляютъ изъ себя политическаго цѣлаго. [3]).

---

[1]) Реклю. т. IX. стр. 749, 750, 740, 750

[2]) Dozy. Islamism. p. 527.

[3]) Реклю IX стр. 751.

Вернемся однако къ тому мѣсту, гдѣ мы остановились.

Если мы, взявъ вѣрованія арабовъ до-исламическаго періода, будемъ восходить въ глубину вѣковъ, мы неизбѣжно должны будемъ признать, что тѣ религіи, которыя повліяли первоначально на религіозныя воззрѣнія арабовъ, своеобразно окрасивъ ихъ языческій культъ, а потомъ и на образованіе новой вѣры,—были монотеистическія.

Главнымъ образомъ вліяніе это было оказано религіей древней Ассиріи, сабеизмомъ, еврействомъ, маздеизмомъ и христіанствомъ. Скажемъ нѣсколько словъ о томъ участіи, которое выпало на долю каждой изъ этихъ религій—первоначально въ формированіи языческаго пантеона, а потомъ въ образованіи ислама. и затѣмъ уже мы подробнѣе ознакомимся съ божествами языческой Аравіи.

Въ началѣ седьмого вѣка христіанской эры религіозный міръ Аравіи, въ области котораго Мухаммедъ хотѣлъ предпринять реформу, былъ причудливой смѣсью самыхъ разнообразныхъ вѣрованій, извращенныхъ въ своей первоначальной идеѣ и покрытыхъ чуждыми ихъ первоначальному духу наслоеніями. монотеизмъ уживался наряду съ идолопоклонствомъ, политеизмъ переходилъ въ пантеизмъ Іудейская вѣра. забывшая Пятикнижіе и принявшая Талмудъ, прониклась ученіемъ Зороастра: христіанство было представлено въ Аравіи самыми разнообразными ересями и сектами, и идолопоклонники обвиняли монотеистовъ въ многобожіи. Такова была нива, на которой предстояло трудиться Мухаммеду.

Древняя религія ассиріянъ состояла главнымъ образомъ въ поклоненіи звѣздамъ, представленнымъ на землѣ идолами, и цѣлая сложная теологическая система была выдумана жрецами для того, чтобы объяснить всѣ явленія, происходящія на небѣ и на землѣ Но въ концѣ концовъ ассирійцы дошли до положительнаго монотеистическаго понятія, такъ какъ во главѣ ихъ небесной іерархіи стоитъ единое верховное существо. [1]). Эта религія естественно должна была найти откликъ у бедуиновъ, которые свою примитивную астрономію возвели въ религіозный культъ.

Боги древней Палестины живы и до сего времени,—исламъ не въ состояніи былъ уничтожить ихъ. Вотъ что говоритъ Кукъ. [2]). «Не взирая на религіозныя и политическія. слабости Палестины, древніе центры культа нисколько не потеряли уваженія народа, и ихъ положеніе въ современной народной вѣрѣ самымъ внушительнымъ образомъ намекаетъ на ихъ прошлое. Хотя мусульманство признаетъ очень немного священныхъ мѣстностей, но дѣйствительная практика,

---

[1]) Ameer Ali. The spirit of islam. p. XXI.

[2]) Stanley A. Cook. Religion of ancient. Palestine p. 20, 21.

въ Палестинѣ и Малой Азіи—придаетъ значеніе великой святости множеству мѣстъ. Святилища и священныя зданія, раскиданныя тамъ и сямъ на возвышенностяхъ, являются характерной чертой современной страны, и въ нихъ заключается обильное свидѣтельство того, что они являются пріемниками гораздо болѣе реальнаго уваженія и благоговѣнія, чѣмъ тѣ, какими пользуется официальная ортодоксальная религія. Хотя они часто ставятся подъ покровительство ислама, будучи извѣстны, какъ могилы святыхъ, пророковъ или отличавшихся набожной жизнью шейховъ, это просто лишь маска. И хотя усиленно напираютъ на то, что тѣ, кто занимаетъ эти священныя мѣста, являются лишь посредниками, на самомъ дѣлѣ они представляютъ центръ античныхъ обычаевъ и идей, отрицаемыхъ ортодоксальнымъ исламизмомъ, ихъ сила часто ставится выше самого Аллаха. Клятвы именемъ Аллаха легко даются и легко нарушаются, но рѣдко не выполняются клятвы, данныя на мѣстныхъ святилищахъ».

Необходимость имѣть какую-нибудь религію заставила кочевниковъ-арабовъ придумать то, что было имъ по силамъ. Ихъ жизнь проходила подъ открытымъ небомъ, и это не могло остаться безъ вліянія на ихъ духовный міръ. Звѣздное небо всегда играло громадную роль въ жизни пастушескихъ народовъ.

Замѣчая перемѣны по сезонамъ, наблюдая вліяніе солнца и луны на землю, подмѣчая также, что созрѣваніе ихъ полей и виноградниковъ, равно какъ и періодическіе дожди совпадали съ гелическимъ восхожденіемъ извѣстныхъ созвѣздій, они естественно предполагали, что эти феномены имѣютъ вліяніе на судьбу отдѣльныхъ лицъ и народовъ [1]).

Когда Мухаммедъ окончательно рѣшилъ реформировать религію, ему приходилось начать реформу съ очистки вѣры отъ всякихъ постороннихъ наслоеній, а ихъ было не мало, такъ какъ всякая религія была до извѣстной степени представлена въ Аравіи. Когда эти наслоенія являлись результатомъ словесныхъ преданій, дѣло не представляло особенныхъ трудностей; когда же на сцену являлись писанія, хотя бы и апокрифическія, положеніе становилось значительно труднѣе. Одною изъ такихъ книжныхъ религій была и религія сабеянъ. Проникнувъ въ Аравію и значительно видоизмѣнившись, уже въ древнюю эпоху сабеизмъ былъ религіей арабовъ. Она состояла главнымъ образомъ въ поклоненіи неподвижнымъ звѣздамъ, планетамъ, ангеламъ и ихъ изображеніямъ, которыхъ они почитали, какъ младшихъ боговъ и посредниковъ съ Богомъ. [2]). Въ книгѣ Іова есть упоминаніе объ этомъ поклоненіи небеснымъ свѣтиламъ.

---

[1]) Stobart. Islam. p. 31.

[2]) Sale. P. D. p. 18.

Въ до-исламическій періодъ, который принято называть «днями невѣжества», вѣра сабеянъ была довольно широко распространена среди арабовъ. Названіе сабеизмъ одни производятъ отъ Саби, сына Сиѳа, который, по преданіямъ, съ отцомъ и братомъ Енохомъ погребенъ въ пирамидахъ. Другіе видятъ происхожденіе этого слова въ еврейскомъ словѣ «саба» или звѣзды, связывая это съ вѣрою ассирійскихъ пастуховъ въ божественность небесныхъ свѣтилъ. Третьи, наконецъ, говорятъ, что эта вѣра существовала до потопа, пережила его, была исповѣдуема Авраамомъ и его потомками и закрѣплена при Моисеѣ на горѣ Синаѣ. [1]). Принявъ сабеизмъ, арабы и его старались націонализировать по племенамъ. Такъ, Бэни-Асадъ поклонялись главнымъ образомъ Меркурію, Бэни-Джодхамъ—Юпитеру, Бэни Тай-Канопу, потомки Каисъ-Айлана Сиріусу и, наконецъ, часть кораишитовъ тремъ богинямъ луны. [2]). Вотъ и все, что осталось отъ сабеизма въ Аравіи, а между прочимъ духъ этой религіи былъ возвышенный. Въ основѣ вѣра была чиста и духовна. Религія сабеянъ предписывала вѣру въ единство Бога, въ загробныя наказаніе и награду и въ необходимость добродѣтельной и святой жизни для того, чтобы получить счастливое безсмертіе. Она побуждала совершенствоваться въ духовныхъ добродѣтеляхъ и вѣрить, что послѣ продолжительнаго наказанія будутъ прощены даже души злыхъ.

Сабеяне должны были молиться трижды въ день: за полчаса или меньше до восхода солнца—съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы закончить молитву какъ разъ во время восхожденія свѣтила. Вторая молитва была въ полдень и третья на закатѣ. Трижды въ годъ они постились, и длительность этихъ постовъ была въ тридцать, девять и семь дней. Мясо жертвенныхъ животныхъ не шло въ пищу, но сожигалось цѣликомъ. Мѣстъ паломничества было нѣсколько: Харанъ въ Месопотаміи, Мекка въ Хэджасѣ и пирамиды въ Египтѣ.

Почтеніе сабеянъ къ Верховному Существу было такъ велико, что они никогда не упоминали его имени и рѣшались мысленно приближаться къ нему лишь при посредствѣ ангеловъ. Предполагалось, что эти ангелы жили въ небесныхъ тѣлахъ совершенно такъ же, какъ душа помѣщается и оживляетъ человѣческое тѣло. Поклоняясь небеснымъ свѣтиламъ, сабеяне не обоготворяли ихъ, но только молили ихъ обитателей быть ихъ заступниками передъ Богомъ.

Такъ было вначалѣ, но постепенно отъ прежней идеи осталась только одна внѣшняя форма, и духовная религія обратилась въ идолопоклонство· жилища небожителей сами обратились въ

[1]) Stobart. Islam. 7.

[2]) Ameer Ali. The spirit of islam. Intr. p. XXXV.

божества, и скоро вслѣдъ за этимъ на землѣ появились ихъ представители-идолы Какъ мы уже замѣтили, въ каждомъ племени была своя наиболѣе почитаемая звѣзда и свои идолы, которые требовали иногда въ жертву даже человѣческую кровь: дѣвочекъ, которыхъ не закапывали живыми въ землю, иногда «изъ жалости» приносили въ жертву идоламъ

Ученіе Зороастра также повліяло на ту массу, которая должна была обратиться въ исламъ Это весьма естественно, такъ какъ около времени Мухаммеда нѣкоторыя части Аравіи находились во власти Персіи. Персидскія героическія легенды были распространены въ Аравіи и пользовались успѣхомъ среди арабовъ, въ пылкихъ сердцахъ которыхъ онѣ находили живой откликъ. Вмѣстѣ съ этими легендами и нѣкоторыя религіозныя идеи нашли себѣ доступъ къ ихъ уму. Такъ джинны или геніи, существа, сотворенныя изъ бездымнаго огня и представляющія изъ себя переходъ отъ человѣка къ ангелу, были заимствованы изъ этого источника Гурін Корана, это не что иное, какъ «пайрика» (пэри) Авесты Это были женскіе генін, одаренные чудной красотой, летающіе въ воздухѣ и прицѣпляющіеся къ звѣздамъ. Идея объ этихъ небесныхъ дѣвахъ со временъ глубокой древности жила въ умѣ арійцевъ Отъ древней персидской религіи заимствованъ также Азраилъ-ангелъ смерти (если не допускать, что имъ снабдили Мухаммеда евреи), и «сыратъ»—мостъ надъ адомъ. То же приходится сказать и относительно ученія объ ангелахъ: оно заимствовано Мухаммедомъ или прямо изъ маздеизма или черезъ посредство евреевъ. Къ этому надо прибавить еще немаловажное обстоятельство. это—частое упоминаніе въ Коранѣ религіи Зороастра и его послѣдователей—«мэджусн»

Вѣра Зороастра, какъ чистый сабеизмъ, въ основѣ была проста и возвышенна: вѣра въ единаго Бога, создавшаго и поддерживающаго вселенную: вѣра въ то, что Онъ произвелъ два начала-Ормузда-добро и Аримана-зло. Вліяніе того и другого перемѣшалось въ мірѣ, и началась вѣчная борьба между добромъ и зломъ. и такъ должно продолжаться до дня страшнаго суда, когда злыхъ должна постигнуть вѣчная кара, и вѣчное блаженство быть удѣломъ добрыхъ

Между Богомъ и человѣкомъ не было никакихъ посредниковъ въ этой простой религіи, и вѣрующіе обращались съ молитвенными гимнами непосредственно къ Богу, и молитвы ихъ направлялись къ солнцу, предполагаемому обиталищу Бога. Они относились съ почтеніемъ къ этому источнику свѣта и тепла, и по ночамъ зажигали на горахъ огни, чтобы замѣнить его отсутствующій свѣтъ.

Зороастръ построилъ первый храмъ и тамъ зажегъ, якобы, небесный огонь, который и поддерживался вѣчно жрецами.

Съ теченіемъ времени и эту религію постигла та же участь,

что и сабеизмъ: огню стали поклоняться, какъ самому божеству, и стали какъ дьявола бояться темноты. Тогда уже исповѣдывающіе эту религію по справедливости заслужили названіе огнепоклонниковъ.

Маздеизмъ преобладалъ среди арабскихъ племенъ кочевавшихъ ближе къ предѣламъ Персіи, среди другихъ же большимъ успѣхомъ пользовался сабеизмъ, но въ вѣрованіяхъ арабовъ, обѣ религіи были уже совершенно извращены. Сами арабы оказались бы въ большомъ затрудненіи, если бы имъ предложили объяснить, какую именно религію они исповѣдывали.

Маздеизмъ и въ настоящее время существуетъ въ Индіи и въ незначительномъ распространеніи въ Персіи. Эта религія болѣе извѣстна теперь подъ именемъ парсизма.

Что касается сабеизма, послѣдователей этой религіи можно найти въ Малой Азіи. Нѣкоторые даютъ имъ имя христіанъ святого Іоанна, учениками котораго они сами себя называютъ, такъ какъ у нихъ существуетъ родъ крещенія. [1]).

✗ Евреи, изгоняемые послѣдовательно изъ разныхъ мѣстъ ассиріянами, греками и римлянами, наконецъ у арабовъ нашли безопасность и покровительство Но вмѣстѣ съ религіей, говоритъ Амиръ Али [2]), они принесли съ собою тотъ духъ раздора, который послужилъ для нихъ причиной столькихъ несчастій. Въ Аравіи они нашли не мало прозелитовъ Ко времени проповѣди Пророка, іудейская вѣра исповѣдывалась въ Іеменѣ значительной частью потомковъ Гимьяра и Кинда, происшедшихъ отъ Кухлана, и въ Хэджасѣ и Ятрибѣ племенами Бэни-Корайца и Бэни-Надыръ Ихъ политическое единство дало имъ возможность въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ оказывать Мухаммеду сопротивленіе съ оружіемъ въ рукахъ. Они сохранили прежнее почтеніе къ книгамъ Ветхаго Завѣта, но и не мало талмудическихъ легендъ жило въ народѣ и передавалось изъ устъ въ уста.

Обладаніе священными книгами и безспорное происхожденіе отъ Авраама придавало евреямъ особое значеніе въ глазахъ другихъ народовъ, и отъ нихъ арабы узнали о древнихъ патріархахъ, своеобразное изложеніе исторіи которыхъ мы находимъ въ Коранѣ Мухаммедъ, естественно хотѣлъ воспользоваться ихъ вліяніемъ для распространенія вѣры, слившись съ ними воедино. Для этого было много данныхъ; они были монотеисты, испо-

[1]) Являются ли современные сабеяне тожественными упомнаемымъ въ Коранѣ, вопросъ, на который еще не дано точнаго отвѣта. Интересующіеся этимъ вопросомъ найдутъ цѣнныя указанія въ соч. Siouffi. Religion des Soubbas.

[2]) The spirit of islam. Intr. p LIV.

вѣдывали религію Авраама и имѣли священныя книги. При внимательномъ чтеніи Корана мы замѣчаемъ, что Мухаммедъ сильно заискивалъ передъ евреями въ тотъ періодъ, когда онъ разсчитывалъ, что ихъ сила можетъ послужить опорой новой религіи. Когда же онъ увидалъ, что ошибся въ расчетахъ, онъ дѣлалъ все возможное, чтобы ослабить, если не раздавить эту силу. Теоретически «люди писанія» не были язычниками, а на практикѣ евреевъ преслѣдовали, какъ невѣрныхъ. Это было не совсѣмъ послѣдовательно послѣ заявленія въ Коранѣ, что онъ проповѣдуетъ ту же религію, ученіе которой заключается въ данной въ откровеніи священной книгѣ евреевъ. [1]).

Коранъ служитъ явнымъ доказательствомъ тѣхъ позаимствованій, которыя Мухаммедъ сдѣлалъ у еврейства, и это избавляетъ архангела Гавріила отъ нареканій въ искаженіи историческихъ фактовъ при передачѣ ихъ Мухаммеду. Этихъ ошибокъ, надо думать, не было бы, если бы Мухаммедъ былъ лично знакомъ съ книгами Священнаго Писанія, а не получалъ объ іудействѣ общія, часто совсѣмъ неправильныя, свѣдѣнія отъ своихъ друзей-ханифовъ, которые и сами то были гораздо болѣе знакомы съ Талмудомъ, чѣмъ съ Ветхимъ Завѣтомъ—на подобіе того, какъ современные мусульмане гораздо болѣе знакомы съ Сунной, чѣмъ съ Кораномъ. [2]).

Талмудическое вліяніе слишкомъ замѣтно въ Коранѣ, и въ немъ мы находимъ не мало фактовъ, о которыхъ Библія или совершенно не упоминаетъ или разсказываетъ о нихъ значительно иначе. Напр., Кабиль и Хабиль (Каинъ и Авель) разговариваютъ передъ убійствомъ. Кабиль говоритъ брату, что убьетъ его, и тотъ отвѣчаетъ, что это будетъ грѣхъ, за который Кабиль будетъ наказанъ муками ада, но что самъ онъ не подыметъ на него руки. Хабиль былъ убитъ, и тѣло его было зарыто въ землю по указанію посланнаго съ неба ворона. [3]).

Исторія Авраама, разсказанная по частямъ въ разныхъ мѣ-

---

[1]) Tisdall. The rel. of. the Crescent. p 149.

[2]) «Еще при жизни Мухаммеда, къ нему были предъявляемы обвиненія въ томъ, что проповѣдываемыя имъ доктрины онъ почерпнулъ отъ человѣческихъ учителей, какъ, напр., отъ Варака и Абдуллы. Онъ это настойчиво отвергалъ, говоря, что его ученіе было дано ему самимъ Богомъ черезъ посредство архангела Гавріила, и что его знаніе исторіи пророковъ было очевиднымъ доказательствомъ божественной миссіи, и что эта истина торжественно говоритъ сама за себя». Tisdall The rel. of the Cresc—p. 154.

[3]) Кысасъ-уль-анбія.

стахъ Корана, почти цѣликомъ извлечена изъ Мидрашъ Рабба. [1]). Въ общемъ исторія эта такова.

Тэра, отецъ Авраама, былъ дѣлателемъ идоловъ Однажды онъ куда то отлучился и вмѣсто себя посадилъ торговать Авраама. Какой то человѣкъ пришелъ, чтобы купить себѣ идола, и Авраамъ спросилъ его: «сколько тебѣ лѣтъ?» Тотъ отвѣтилъ: «мнѣ лѣтъ 50—60». Авраамъ сказалъ ему. «горе человѣку шестидесяти лѣтъ, который хочетъ поклоняться вещи, возрастъ которой равняется всего лишь нѣсколькимъ днямъ». Отъ этихъ словъ покупателю сдѣлалось стыдно, и онъ отошелъ прочь. Однажды пришла женщина и принесла въ чашкѣ немного пшеничной муки и сказала ему. «поставь это передъ ними». Онъ поднялся, взялъ въ руки палку и разбилъ на куски всѣхъ идоловъ. Послѣ этого онъ всунулъ палку въ руку самаго большого изъ нихъ. Вернувшійся отецъ спросилъ Авраама: «Что этотъ сдѣлалъ съ ними?» Авраамъ сказалъ: «Что тутъ скрывать отъ тебя? Одна женщина принесла чашку пшеничной муки и сказала мнѣ «поставь передъ ними». И я предложилъ имъ Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ: «я поѣмъ первый», и другой тоже сказалъ за нимъ: «я поѣмъ первый», а третій, который былъ больше ихъ, взялъ въ руки палку и разбилъ ихъ на куски» Отецъ Авраама сказалъ «Зачѣмъ это ты разсказываешь мнѣ небылицы? Развѣ они могутъ что-нибудь?» Авраамъ отвѣтилъ. «слышатъ ли твои уши то, что говорятъ твои губы?» Тогда Тэра схватилъ его и привелъ къ Нимроду. Нимродъ сказалъ ему. «будемъ поклоняться огню» Авраамъ возразилъ· «будемъ поклоняться водѣ, такъ какъ она тушитъ огонь». Нимродъ на это согласился Авраамъ прибавилъ: «если такъ, то будемъ поклоняться облаку, такъ какъ оно несетъ воду». И опять Нимродъ сказалъ· «хорошо, поклонимся облаку». Авраамъ снова сказалъ: «если такъ, то будемъ поклоняться вѣтру, такъ какъ онъ гонитъ облака». Когда царь согласился и на это, Авраамъ сказалъ, что лучше поклоняться человѣку, который противостоитъ вѣтру. Тогда Нимродъ сказалъ «если ты будешь препираться со мною, то я не буду поклоняться ничему, кромѣ огня, въ средину котораго посажу тебя,—тогда пусть приходитъ Богъ, которому ты служишь, и освобождаетъ тебя». И Авраамъ отправился въ огненную печь, но былъ спасенъ оттуда. [1]). Въ коранѣ имя Нимрода не упомянуто, и отецъ Авраама называется не Тэра, но Азаръ. [2]). Въ остальномъ исторія сходна съ разсказанной выше.

Другіе разсказы, въ которыхъ путаются и имена и событія, могутъ служить достаточнымъ доказательствомъ того, что знакомство съ ними почерпнуто изъ преданій, а не изъ писаній. Иногда

---

[1]) St. Clair-Tisdall. Rel. of Cresc pp. 154—157.
[2]) Idem. p. 157.

бываютъ и умышленныя, повидимому, измѣненія легендъ для лучшаго доказательства того, что исламъ былъ религіей Авраама, его потомковъ и религіей всѣхъ посылаемыхъ Богомъ пророковъ.

Есть еще другое доказательство еврейскаго вліянія,—оно лексическое, и спеціалисты [1]) говорятъ что въ Коранѣ много еврейскихъ и арамейскихъ словъ, которыя были камнемъ преткновенія для первыхъ комментаторовъ.

Ученіе о загробномъ мірѣ также въ значительной степени заимствовано изъ Талмуда тѣ же семь небесъ и семь адовъ, тѣ же ангелы и князь тьмы, а въ Харутѣ и Марутѣ надо видѣть талмудическихъ Шамхазаи и Азаэля. Отъ еврейскихъ пророковъ Мухаммедъ научился вѣрить въ многихъ пророковъ Ветхаго Завѣта, о которыхъ онъ такъ часто говоритъ въ Коранѣ. Кромѣ того, если его вѣра въ единаго истиннаго Бога не была всецѣло обязана еврейскому вліянію, то иконоборческія идеи были заимствованы отъ нихъ, точнѣе—изъ Талмуда, который былъ составленъ приблизительно за столѣтіе до времени Мухаммеда: въ то время слова Талмуда для многихъ стали уже важнѣе словъ Писанія. Религія евреевъ вся сосредоточилась на обрядностяхъ, состояла изъ поста, паломничества и различныхъ церемоній. И Мухаммедъ придалъ всему этому величайшее значеніе, вслѣдствіе чего и еврейское фарисейство перешло по наслѣдству къ мусульманамъ, совершенно также за внѣшними формами мало-по-малу забывающимъ истинный духъ религіи. Такимъ образомъ возникла идея, столь глубоко укоренившаяся у мусульманъ, что буквальное исполненіе того, что они считаютъ божественнымъ закономъ, освободитъ ихъ отъ грѣха, что небеса пріобрѣтаются добрыми дѣлами, какъ борьба для распространенія исламизма мечомъ, совершеніе паломничества въ Мекку и чтеніе Корана.

Когда Мухаммедъ бѣжалъ въ Ятрибъ, гдѣ еврейская колонія была сильна и многочисленна, евреямъ пришлось сдѣлать уступки. Уступки эти простирались до того, что одно время Іерусалимъ былъ избранъ киблой, т. е. во время молитвы вѣрующіе должны были обращаться лицомъ въ его сторону. Но это было только до тѣхъ поръ, пока исламъ не окрѣпъ, а послѣ этого началось преслѣдованіе недавнихъ друзей.

Христіане, въ особенности несторіане, образовали колоніи въ Аравіи. Между ними и евреями происходило не мало раздоровъ. Хотя въ седьмомъ вѣкѣ мы и застаемъ уже христіанство въ Месопотаміи и Бахрейнѣ, въ Наджранѣ, Ираке и Сиріи, а также среди племенъ, кочевавшихъ между Египтомъ и Палестиной [2]), но все же оно проникло въ Аравію постепенно и не сра-

[1]) Rabbi Abraham Geiger.

[2]) Ameer Ali. The spirit of islam. pp. 54, 55. Intr.

зу пріобрѣло значительное количество прозелитовъ, встрѣчая главнымъ образомъ сопротивленіе со стороны евреевъ.

Въ четвертомъ вѣкѣ Петра была резиденціей митрополита, юрисдикція котораго распространялась на древнюю Идумею и Набатею: много подчиненныхъ ему епископовъ жило въ разныхъ мѣстахъ Аравіи Правитель Іемена Абдъ Келаль былъ христіаниномъ Въ царствованіе его сына Матрада, императоръ Константій прислалъ къ его двору посольство, именуя его «княземъ сабейскимъ и гамеритскимъ»,—результатомъ этого посольства были льготы, оказанныя христіанамъ: были построены три церкви. [1]).

Слѣдующій правитель, Дзу-Новасъ относился къ христіанамъ очень немилостиво и часто прибѣгалъ къ жестокостямъ. Новый Завѣтъ пользовался большимъ почетомъ въ Аравіи и считался божественнымъ писаніемъ, и нѣкоторые изъ упоминаемыхъ тамъ фактовъ и доктринъ были приняты безъ всякихъ споровъ [2]). Въ шестомъ вѣкѣ въ столицѣ Іемена, въ Санѣ былъ построенъ соборъ. [3]). Успѣхи дѣлаемые въ то время христіанствомъ, въ глазахъ многихъ были предвозвѣстникомъ того, что впредь оно сдѣлается религіей всего міра, разъ уже Аравія, въ которой такъ строга и замкнута была національная жизнь, дѣлалась христіанской Какъ будто, недоставало только подчиненія политической власти какого-нибудь христіанскаго государства. Попытка въ этомъ родѣ была сдѣлана Абиссиніей, въ лицѣ правителя Іемена-Абраха Попытка эта окончилась неудачей: Абраха принужденъ былъ отступить, такъ какъ среди его войскъ внезапно появилась эпидемія оспы. Правда, арабскія преданія приписываютъ это бѣгство другой причинѣ, но пока мы удовольствуемся этой. Обстоятельства сложились такъ, что эта первая попытка вмѣстѣ съ тѣмъ должна была оказаться и послѣдней, такъ какъ время ея совпало съ рожденіемъ Мухаммеда, которому было суждено черезъ полстолѣтія изгнать христіанство изъ тѣхъ предѣловъ, которые оно успѣло себѣ завоевать [4]).

Хотя нѣкоторые [5]) и называютъ исламъ христіанской ересью, но въ такомъ случаѣ было бы правильнѣе назвать его еврейской ересью, такъ какъ отъ еврейства онъ заимствовалъ гораздо болѣе, и было время, когда Мухаммедъ былъ весьма склоненъ слить съ еврействомъ образуемую имъ новую религію Исламу также было

---

[1]) Sir W. Muir. The Coran. p. 24.
[2]) Idem. p. 26.
[3]) Johnstone. Muhammad p. 29.
[4]) C. R. Haines. Islam as a missionary religion. p. 18.
[5]) Carlyle. Muhammad p 52

дано названіе «религіи откровенія, превращеннаго въ плоть» [1]), чтобы показать его рабскій и плотскій характеръ, хотя это и не воспрепятствовало ему принять нѣкоторыя истины религіи откровенія.

Хотя въ Коранѣ Мухаммедъ дѣлаетъ ссылки на писанія Ветхаго и Новаго Завѣта ровно 131 разъ [2]), но въ цѣлой книгѣ имѣется лишь одна правильная выдержка изъ Ветхаго Завѣта и другая, менѣе правильная, изъ Новаго Завѣта, къ чему еще надо прибавить указаніе на то, что Христосъ предсказалъ пришествіе пророка по имени Ахмедъ. Здѣсь рѣчь идетъ о Параклетѣ, который, будучи измѣненъ въ Периклета, до извѣстной степени можетъ въ значеніи соотвѣтствовать имени Ахмедъ.

Несмотря на то, что Мухаммедъ очень часто указываетъ на строгое соотвѣтствіе Корана со священнымъ писаніемъ, многочисленныя ошибки показываютъ его больше чѣмъ поверхностное знакомство съ нимъ. И этому надо видѣть простое объясненіе въ томъ, что восточныя христіанскія секты, съ которыми Мухаммедъ могъ имѣть знакомство, и сами были не особенно хорошо знакомы съ евангельскимъ ученіемъ. Кромѣ того, христіанство насчитывало много еретическихъ сектъ среди христіанъ Аравіи, Сиріи и Египта, и среди нихъ ходили чудесныя легенды о Христѣ и его ученикахъ. Эти легенды, все болѣе и болѣе извращавшіяся по мѣрѣ перехода изъ устъ въ уста, были заимствованы изъ апокрифическихъ евангелій.

Главнѣйшія секты, которыя мы находимъ въ Аравіи ко времени Мухаммеда, были слѣдующія.

Сабеллійская, получившая имя отъ священника Сабеллія (Савелія) Сектанты вѣрили въ единство Бога и въ то, что Троица выражала лишь три различныя положенія или отношенія: Отецъ, Сынъ и Святой Духъ, но что три образовали одну сущность, на подобіе того, какъ человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла. Секта эта относится къ третьему вѣку.

Аріи, секта четвертаго вѣка, утверждали, что Христосъ былъ Сынъ Бога, но былъ отличенъ отъ Него и ниже Его, и отрицали божественность Святого Духа.

Несторіане, секта пятаго вѣка, поддерживали ученіе, что Христосъ имѣетъ двѣ различныя природы, божескую и человѣческую, что Марія лишь была Его матерью, а Іисусъ человѣкомъ, и что Церковь совершенно несправедливо называетъ ее Богоматерью.

Монофизиты, какъ это видно изъ имени, поддерживали уче-

---

[1]) Tisdall. Rel. of Cresc p. 162.
[2]) Idem.

ніе объ единой природѣ Христа, слитой изъ Бога и человѣка такъ, что различить ихъ было нельзя.

Евтихіанцы, секта пятаго вѣка, являлись родственными монофизитамъ и противниками несторіанцамъ. Они отрицали двоякую природу Христа, заявляя, что онъ былъ человѣкомъ до воплощенія и остался человѣкомъ послѣ воплощенія.

Якобиты, секта шестого вѣка, были родственными монофизитамъ и лишь немногимъ отличались отъ евтихіанцевъ.

Маріамиты учили, что Троица состоитъ изъ Бога Отца, Бога Сына и Дѣвы Маріи.

Коллиридіане, секта, получившая свое названіе отъ слова «коллирисъ», родъ хлѣба. Эта секта стояла на границѣ съ идолопоклонствомъ. Ученіе ихъ состояло въ поклоненіи Дѣвѣ Маріи, которую они одѣлили божественностью, и въ принесеніи ей въ жертву особаго хлѣбца.

Назареяне, секта еврейскихъ христіанъ, видѣли Мессію въ Христѣ, рожденномъ отъ Дѣвы и Святого Духа. Вообще же они слѣдовали обрядамъ Моисеева закона Ихъ называли также іудействующими, хотя это ошибочно, такъ какъ это названіе въ частности примѣнялось къ эбіонитамъ, нѣсколько отличнымъ по своему ученію отъ назареянъ Они вѣрили, что Христосъ былъ величайшимъ пророкомъ, но былъ простой человѣкъ, и отрицали его существованіе до воплощенія.

Кромѣ этихъ сектъ были еще другія, какъ коринтійцы, маронниты, доцеты или гностики, валентиніане и др. [1]). Изъ этого далеко не полнаго перечня сектъ, которыми было представлено христіанство въ Аравіи, можно видѣть, что даже болѣе опытному богослову, чѣмъ Мухаммедъ, было не легко разобраться во всей этой путаницѣ. Вполнѣ понятно его заявленіе, что христіане противорѣчатъ другъ другу и сами не знаютъ, во что они вѣруютъ, такъ какъ одни изъ нихъ признаютъ одного Бога, другіе двухъ, и третьи трехъ.

Не будучи знакомъ съ истиннымъ христіанствомъ, Мухаммедъ конечно не могъ критически относиться къ тому, что онъ слышалъ, и онъ все принималъ на вѣру какъ истинное. Разсказы о Дѣвѣ Маріи заимствованы цѣликомъ изъ апокрифическихъ евангелій. Изъ того же источника почерпнуты свѣдѣнія о Христѣ. То, чего Мухаммедъ не могъ постигнуть и принять, какъ, напр, ученіе о Троицѣ, онъ счелъ постороннимъ прибавленіемъ къ религіи Христа, божественную природу Котораго онъ отвергалъ, и фактъ крестной смерти Котораго онъ отрицалъ. И дѣйствительно, комментаторы Корана расходятся въ мнѣніяхъ относительно того,

---

[1]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 46.

умеръ Христосъ или же былъ взятъ на небо живымъ? [1]) Ума, что Христосъ былъ чудеснымъ образомъ освобожденъ изъ рукъ затѣявшихъ распять Его евреевъ, Мухаммедъ слѣдовалъ ереси манихеевъ и другихъ сектъ, что можетъ служить еще лишнимъ доказательствомъ мѣстнаго вліянія.

Если Мухаммедъ также и христіанъ хотѣлъ привлечь къ своей вѣрѣ, предлагая имъ «очистить» ихъ религію, онъ заранѣе обрекалъ свою миссію на неуспѣхъ, такъ какъ могъ ли онъ быть убѣдительнымъ догматикомъ для истинныхъ христіанъ, когда самъ считалъ истиннымъ ученіе маркіонитовъ?

Всякія предположенія конечно возможны, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что своимъ существованіемъ исламъ обязанъ только тому, что Мухаммедъ не былъ знакомъ съ тѣми религіями, къ духу которыхъ самъ стремился. Но тѣ, отъ которыхъ онъ почерпалъ свои свѣдѣнія, были завѣдомо негоднымъ источникомъ для передачи истиннаго ученія [2])

Признавая священное писаніе христіанъ и евреевъ, равно какъ и божественное происхожденіе этихъ писаній, мусульмане отрицаютъ подлинность существующихъ книгъ. Эта вѣра поддерживается словами Корана, который обвиняетъ евреевъ въ томъ, что они исказили текстъ священной книги, а христіанъ въ томъ, что они скрыли слова Христа о пришествіи пророка Ахмеда. Кромѣ того, какъ выше мы замѣтили, Мухаммедъ отрицалъ въ Евангеліи все, что было непостижимо для его ума. Но въ чемъ обвинялись евреи? Мы находимъ объясненіе этого какъ въ комментаріяхъ Корана, основанныхъ на преданіяхъ, такъ и въ одной изъ новѣйшихъ книгъ, которой конечно мусульмане не придаютъ никакого значенія, но которая написана человѣкомъ, могущимъ считаться компетентнымъ въ вопросѣ. Книга эта написана преемникомъ Баба-Бэха-Уллой и называется Иканъ. [3]). Вотъ что говорится тамъ относительно даннаго вопроса

«О, невѣжественные люди!. Какъ вы осмѣливаетесь считать христіанъ и другихъ невѣрными? Вы конечно можете говорить, что книги ихъ измѣнены и являются апокрифическими, и что онѣ не исходятъ отъ Бога, но самыя слова евангелій свидѣтельствуютъ о ихъ божественномъ происхожденіи; впрочемъ ихъ можно найти и въ Коранѣ. Истинно говорю вамъ, люди никогда не понимали, что надо разумѣть подъ измѣненіемъ писаній.

«Да, въ словахъ Бога [4]) и Имамовъ [5]) говорится объ измѣ-

[1]) Tisdall. Rel. of Cresc. p. 168.
[2]) Tisdall Rel. of Cresc. p. 169.
[3]) Ikan. Trad. Dreyfus. pp. 70—72.
[4]) Коранъ.
[5]) Сунна, или собраніе преданій.

неніяхъ, которыя были произведены людьми высокими и тщеславными. Но это было сказано въ спеціальныхъ условіяхъ Такъ однъ изъ случаевъ, когда говорится объ этомъ, есть исторія сына Сурія. Когда люди Хайбара спросили у Мухаммеда, какое наказаніе надлежало прелюбодѣю-мужчинѣ или женщинѣ, онъ сказалъ имъ: «Богъ приказалъ, чтобы ихъ побивали камнями». Они отвѣтили, что въ Библіи не заключается такого приказанія. Тогда онъ спросилъ ихъ. «Какому изъ вашихъ священниковъ вы повинуетесь?» Они повиновались сыну Сурія. Онъ позвалъ того и сказалъ: «Заклинаю тебя Богомъ, который для тебя открылъ море, послалъ небесную манну, прикрылъ тебя тѣнью облаковъ, освободилъ тебя отъ Фараона и его народа и сдѣлалъ изъ твоихъ (соотечественниковъ) Свой избранный народъ: скажи намъ, каково наказаніе, назначенное Моисеемъ за прелюбодѣяніе?» Тотъ отвѣчалъ: «О, Мухаммедъ! Это-побиваніе камнями».

— «Тогда почему же среди васъ, евреевъ, этотъ законъ отмѣненъ?

— «Послѣ разрушенія Іерусалима Боштонъ-Насромъ, когда онъ избилъ почти всѣхъ евреевъ, лишь очень немногіе изъ нихъ остались въ живыхъ Такъ какъ ихъ было слишкомъ мало передъ лицомъ могущественныхъ амалекитовъ, священники устроили совѣщаніе и рѣшили если мы будемъ примѣнять библейскій законъ, то тѣ изъ насъ, кто остался въ живыхъ, будутъ убиты этимъ закономъ И они уничтожили смертную казнь»

«По этому именно поводу архангелъ Гавріилъ, вдохновляя сердце Пророка, сказалъ «среди евреевъ есть люди, которые измѣняютъ слова своихъ писаній»

Вотъ въ немногихъ словахъ, та роль, которую духовныя религіи были призваны сыграть въ Аравіи.

Языческій пантеонъ древней Аравіи былъ весьма обширенъ и разнообразенъ

Несмотря на идеи монотеизма, во время, предшествовавшее реформаторской дѣятельности Мухаммеда, идолопоклонство было сильно развито въ Аравіи. Въ самой Каабѣ было 360 идоловъ, которые со временемъ и были удалены Мухаммедомъ

Какъ мы видѣли выше, было бы довольно затруднительно дать какую-либо общую характеристику той религіи, которую исповѣдывали арабы, если бы была даже какая нибудь возможность обобщить ихъ вѣрованія Словомъ «религія древнихъ арабовъ до Мухаммеда была язычествомъ съ примѣсью различныхъ духовныхъ религій» [1]), но большинство арабскихъ племенъ были просто фетишистами самаго грубаго типа. Все было предметомъ обожанія и поклоненія. животныя, растенія и деревья, камни и всякіе не-

[1]) Sale. P. D p 11.

одушевленные предметы. При всемъ томъ, какъ это ни странно, идея о Высшемъ Существѣ, Единомъ не была совершенно чужда уму этихъ идолопоклонниковъ и фетишистовъ. Это впрочемъ и должно было быть благодаря близкому сосѣдству такихъ религій, какъ маздеизмъ, еврейство и христіанство. [1]). Нельзя поэтому сказать, что Мухаммедъ ввелъ монотеизмъ въ Аравію,—онъ лишь возстановилъ его и очистилъ отъ политеистическихъ наслоеній. [2]).

Вернемся къ идоламъ Каабы. Вопросъ, какъ долго существовали эти идолы? По словамъ Ибнъ-Исхака и Ибнъ-Хишама [3]), ихъ появленіе сравнительно немного опередило проповѣдь Мухаммеда. Первый идолъ былъ внесенъ въ Мекку нѣкимъ Амромъ-бинъ-Ляхи. Во время своего путешествія въ Сирію, онъ увидалъ человѣка, дѣлающаго идоловъ. Заинтересовавшись этой невиданной вещью, онъ спросилъ того, что это такое —Это идолы, отвѣтилъ ему тотъ, и мы имъ поклоняемся: мы молимъ ихъ о дождѣ, и они посылаютъ намъ дождь, мы молимъ ихъ о помощи, и они помогаютъ намъ. Тогда Амръ сказалъ тому человѣку: «не уступишь ли ты мнѣ одного идола? Я отнесу его въ землю арабовъ, и они будутъ поклоняться ему». Тотъ далъ ему одного идола, который былъ названъ Хобалъ. Онъ принесъ его въ Мекку и поставилъ въ Каабѣ, приказавъ народу поклоняться ему и прославлять его.

Другимъ внесшимъ ложную религію въ Мекку былъ Ходбайль-бинъ-Мадрака, происходившій изъ той же фамиліи, что и Пророкъ. Между арабами, благодаря вѣроятно присутствію въ странѣ еврейскихъ племенъ, жило, чувство, что идолопоклонство неправильно, такъ какъ оно совершенно противорѣчило религіи ихъ предковъ, происхожденіемъ отъ которыхъ они такъ гордились. Поэтому проповѣдь Мухаммеда о единомъ Богѣ не могла быть совершенно чужда арабамъ: вѣдь этотъ Богъ былъ Богъ Авраама—,только Мухаммедъ заставилъ Его говорить голосомъ, который не всегда нравился имъ.

Поклоняясь идоламъ, арабы не считали ихъ божествами, но все же они приносили передъ ними жертвы не только для Бога, но и для нихъ самихъ. Когда они разводили фруктовый садъ или засѣвали поле, они непремѣнно раздѣляли его на два участка, изъ которыхъ одинъ былъ предназначенъ для Бога, а другой для идоловъ. Если случалось, что плоды падали со стороны идоловъ на сторону Бога, они возстановляли случайно нарушенное право собственности; если же случалось обратное, то они не замѣчали это-

---

[1]) Ameer Ali. Spirit. of Islam. Intr. p. LV.
[2]) Tisdall. Rel. of Cresc. p. 139.
[3]) Idem.

го и оставляли такъ. Такъ же они поступали и съ водой, протекавшей у подножія идоловъ; равнымъ образомъ производили обмѣнъ жертвъ, если оказалось, что на долю Бога приходилась лучшая жертва. [1]). Надо отдать имъ справедливость, психологія эта вполнѣ человѣческая: создавши себѣ посредниковъ передъ Богомъ, они уже отъ Него непосредственно не ждутъ для себя ничего, если за нихъ не похлопочутъ посредники,—послѣднихъ, слѣдовательно, и надо умилостивлять, культъ Бога оставляя лишь для декорума. Такова философія повседневной жизни.

Арабы не сразу сдѣлались грубыми идолопоклонниками,—первоначально преобладалъ культъ небесныхъ свѣтилъ. У нихъ было семь храмовъ, посвященныхъ семи планетамъ. Бэйтъ Гомданъ, въ честь Аль-Зухрэ (Венера), былъ построенъ Дахакомъ въ Сана, метрополи Іемена. Впослѣдствіи онъ былъ разрушенъ халифомъ Османомъ.

Мекка, по преданіямъ, была посвящена Зохалу (Сатурнъ).

Богиня Ал-латъ была идоломъ племени такифъ въ Таифѣ, и храмъ, посвященный ей, находился въ Нахля. По приказанію Мухаммеда, онъ былъ разрушенъ въ девятый годъ геджры. [2]). Этой богинѣ поклонялись также хавазины, племя, кочевавшее къ юго-востоку отъ Мекки [3]).

Богиня Ал-узза была идоломъ племени корайшитовъ и кенана, которыя были родственны между собою. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, это не былъ человѣческій идолъ, а акація, надъ которою былъ воздвигнутъ храмъ. Въ восьмомъ году геджры этотъ храмъ былъ уничтоженъ, а вмѣстѣ съ нимъ и идолъ, или дерево. Храмъ этотъ находился въ трехъ дняхъ пути отъ Мекки Кромѣ этой богини, корайшиты поклонялись еще звѣздѣ Альдебарану.

Богиня Ал-мана (или Манатъ)—большой камень—была предметомъ поклоненія главнымъ образомъ племенъ Ходхайль и Хазан Этотъ камень или обломокъ скалы находился на караванномъ пути между Меккой и Сиріей. [4]). Онъ былъ уничтоженъ также въ восьмомъ году геджры, который былъ очень неблагопріятенъ для идоловъ. Нѣкоторые въ названіи богини видятъ значеніе «течь»—отъ проливаемой крови жертвенныхъ животныхъ. [5]).

Когда Мекка сдѣлалась средоточіемъ идоловъ, она, въ свою очередь, стала распространять ихъ по всему полуострову.

Перечисленными божествами далеко не исчерпывается пан-

---

[1]) Sale. P. D. p. 13.
[2]) Idem. p. 14.
[3]) Ameer Ali Spir. of Isl. Intr. p. LV.
[4]) Idem
[5]) Sale. P. D. p. 14.

теонъ Каабы. Кромѣ идола высшаго Бога и богинь Ал-лать, Ал-узза и Ал-мана, у арабовъ было еще пять старшихъ идоловъ, а именно Ваддъ, Сава, Ягутъ, Якъ и Насръ [1]). Это были, якобы, еще допотопные идолы, которымъ поклонялся Ной

Ваддъ былъ небомъ, и ему поклонялись подъ видомъ мужчины.

Сава получала поклоненіе подъ видомъ женщины.

Ягутъ имѣлъ изображеніе льва, Якъ—лошади и Насръ—орла. Кромѣ этихъ главнѣйшихъ боговъ-идоловъ была еще масса второстепенныхъ боговъ и домашнихъ пенатовъ.

Во главѣ 360 рядовыхъ идоловъ въ Каабѣ стоялъ Хобалъ, принесенный туда первымъ изъ Сиріи Онъ имѣлъ форму человѣка и былъ сдѣланъ изъ агата Съ нимъ случилось несчастье.—у него обломалась рука, и корайшиты замѣнили недостающій членъ золотымъ Въ рукѣ у него были гадательныя стрѣлы.

Нѣкоторые считаютъ, что Хобалъ былъ изображеніемъ Авраама, хотя для этого нѣтъ достаточныхъ данныхъ.

Асафъ—мужчина и Наила—женщина также были два идола, принесенные изъ Сиріи. Одинъ изъ нихъ былъ помѣщенъ на горѣ Сафа, а другой на горѣ Марва Другое преданіе говоритъ, что оба они были когда то людьми изъ племени Джорхума. совершивъ прелюбодѣяніе въ самой Каабѣ, они Богомъ обращены въ камни. [2]).

Если арабы предавались грубому идолопоклонству, то этому не приходится особенно удивляться, такъ какъ они все же были лишь дикій народъ. Въ Книгѣ Царствъ мы находимъ неоднократныя упоминанія о томъ, что потомки «истиннаго праведнаго» Ноя совратились съ истиннаго пути, т. е. стали поклоняться идоламъ, и въ примѣненіи къ нимъ можно сказать, что «поклоненіе земнымъ тѣламъ было древнѣйшей формой духовнаго вырожденія» [3])

Когда арабы заключали договоръ или произносили клятву, то на рукахъ договаривающихся дѣлались порѣзы, и, когда они призывали въ свидѣтели свои божества, кровь изъ ихъ ранъ лилась на семь положенныхъ между ними камней. Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствахъ, фигурируетъ цифра семь. Возможно, что, какъ и при семикратномъ обхожденіи вокругъ Каабы, здѣсь эта цифра должна обозначать обращеніе небесныхъ свѣтилъ. Одно только невольно вызываетъ недоумѣніе,—движеніе производилось въ сторону, обратную движенію небесныхъ свѣтилъ.

---

[1]) Johnstone Muhammad. p. 37. Sale. P. D. p. 14.
[2]) Sale. P. D. p. 16.
[3]) Stobart. Islam. p. 30.

Произошло то, что должно было произойти. Неумѣренная и неразумная набожность порождаетъ суевѣріе и обращается въ идолопоклонство; простой обрядъ, не будучи понятъ, обращается въ догматъ; инструментъ, служащій для выполненія обряда, въ священный предметъ, объектъ почтительнаго культа. Примѣровъ такого идолопоклонства мы можемъ не мало найти и въ христіанствѣ. Этимъ отчасти можно объяснить и происхожденіе поклоненія камнямъ. Паломники уносили съ собою на память камни изъ Мекки (какъ христіанскіе богомольцы съ собою уносятъ горсть земли или пузырекъ воды) и передъ ними продѣлывали тѣ же обряды, что и въ Меккѣ. Человѣку свойственно видѣть совершенство въ предметѣ своего поклоненія, и, когда это отъ него зависитъ, онъ даже пытается совершенствовать его. Камнямъ стала придаваться особая форма, приближающаяся къ подобію человѣка. Прошло время, и первоначальная причина появленія камня была совершенно забыта, а идолы остались. Вѣдь если они составляли часть того, чему поклонялись въ Меккѣ, то, въ концѣ концовъ, разсуждали арабы, зачѣмъ было туда ходить? И все обожаніе было перенесено цѣликомъ на идоловъ, за которыми прочно закрѣпилось мѣсто забытаго божества.

Не только у каждаго племени, но и у каждаго рода были свои идолы и свои пенаты, которыхъ почтительно привѣтствовали при уходѣ изъ дому и при возвращеніи домой. [1]).

За главнымъ идоломъ Каабы признавалась способность даровать дождь, чѣмъ и объясняется хожденіе туда арабовъ во время бездождія и засухи. Мало извѣстно о формѣ поклоненія 360 идоламъ Каабы, но можно предполагать, что случаи паломничества къ нимъ были связаны съ какими-либо семейными событіями.

Вѣрованія арабовъ тѣсно связаны съ суевѣріями. Многіе арабы не вѣрили ни въ прошедшее твореніе, ни въ будущее воскресеніе, приписывая происхожденіе вещей всецѣло природѣ и времени—ихъ уничтоженіе. Другіе вѣрили въ будущее воскресеніе, и на ихъ могилахъ привязывался верблюдъ для того, чтобы на томъ свѣтѣ имъ не пришлось итти пѣшкомъ въ день воскресенія, что было бы совершенно недопустимо для благороднаго араба. [2]). Арабская легенда говоритъ, что верблюдъ и финиковая пальма были сотворены Аллахомъ изъ той же земли, что и Адамъ: они были въ земномъ раю вмѣстѣ съ первымъ человѣкомъ, они будутъ сопровождать его также и въ будущій міръ. Для того къ

[1]) Stobart. Islam. p. 32.
[2]) Sale. P. D. p. 16.

могилѣ умершаго араба привязывался верблюдъ, и на нее клались финики

При помощи стрѣлъ арабъ гадалъ передъ своими идолами, но гаданіе это было своеобразное. рѣшеніе было принято имъ заранѣе, и арабъ лишь изъ вѣжливости обращался къ божеству въ полной надеждѣ на его согласіе Если отвѣтъ былъ благопріятенъ, то все было хорошо-какъ для араба, такъ и для бога. При неблагопріятномъ отвѣтѣ арабъ сердился и грозилъ ему Если повторенное гаданье опять таки не дало благопріятнаго результата, стрѣлы летѣли въ лицо беззащитнаго бога, безсильнаго исполнить желаніе своего капризнаго обожателя. [1])

Многіе арабы думали, что разлучившаяся съ тѣломъ душа принимала образъ птицы, называемой «хама» или «сада». Если человѣкъ умиралъ насильственной смертью, то птица порхала надъ могилою и жалобно протяжно кричала «аскуни» (т е напой меня) до тѣхъ поръ, пока убитый не былъ отмщенъ

Не меньшимъ распространеніемъ, чѣмъ гаданіе при помощи священныхъ стрѣлъ или «азлами», пользовалась и вѣра въ джинновъ

Мадіанскія горы имѣютъ музыкальные пески Неподалеку отъ горы Арнубъ, также какъ у основанія одного отрога массивъ Ширъ, вдоль старой дороги паллигриммовъ, идетъ рядъ Гозъ-аль-Ганнанъ или «жалобныхъ бугровъ». Когда правовѣрные приближаются къ этимъ песчанымъ горкамъ, до нихъ доносятся нѣжные звуки музыки, подобные тѣмъ, какіе вѣтеръ извлекаетъ изъ струнъ арфы. Съ незапамятныхъ временъ арабы приходятъ приносить въ жертву агнцевъ у подошвы этихъ гармоническихъ холмовъ. [2]). Проходя мимо одной изъ такихъ горокъ, бедуины разсказывали Френелю, что таинственный голосъ принадлежитъ душамъ невѣрныхъ, запертыхъ до дня страшнаго суда. [3]).

Горы Джебэль-Шаммаръ, состоящія изъ розоваго гранита, отливаютъ краснотой при свѣтѣ заходящаго солнца, и у арабовъ есть повѣрье, что жилы ярко-краснаго цвѣта, выдѣляющіяся на розовомъ фонѣ, это—кровь братоубійцы Каина, текущая съ чела горы.. Передовой утесъ мыса Мазандама, раздѣляющаго воды Персидскаго залива и Индійскаго океана, во всѣ времена считался у моряковъ священнымъ мѣстомъ. Это—«камень спасенія», надъ которымъ парятъ геніи-покровители. Уѣзжая и возвращаясь,

---

[1]) Johnstone. Muhammad. p. 18.
[2]) Э. Реклю. Земля и Люди. т. IX, стр. 698.
[3]) Реклю. Земля и Люди. т. IX, стр. 701.

арабскій мореплаватель не забудетъ принести жертву благодѣтельной скалѣ. [1]).

Знакомство съ религіозными обрядами и церемоніями до-исламическихъ арабовъ, а равно и съ ихъ суевѣріями, весьма интересно для оцѣнки, насколько много Мухаммедъ заимствовалъ отъ нихъ. Это очень важно потому, что темная масса на обрядовую сторону религіи смотритъ совершенно такъ же, какъ на догматическую. признаніе единства Бога одинаково важно съ бросаніемъ камешковъ во время паломничества! И громадное большинство мусульманъ наивно считаетъ, что всѣ совершаемые ими обряды установлены Пророкомъ и имѣютъ особенный смыслъ, и что неисполненіе ихъ чуть ли не является невѣріемъ. Это большая ошибка, которая когда-нибудь да должна же быть сознана, если только глаза не будутъ умышленно закрываться.

Многіе изъ тѣхъ обрядовъ, которые обыкновенно называются мусульманскими—въ силу того, что выполняются они исключительно мусульманами, на самомъ дѣлѣ относятся ко времени, на много столѣтій опередившему исламъ.

По словамъ Абуль-Фэда [2]), «арабы до-исламическаго періода имѣли обыкновеніе совершать церемоніи, которыя принялъ религіозный законъ ислама. Что касается, напримѣръ, ограниченій въ бракѣ, то и у нихъ было принято не вступать въ бракъ съ матерями или дочерьми, и между ними считалось въ высшей степени позорнымъ жениться на двухъ сестрахъ; и человѣкъ, который женился на женѣ своего отца, заслуживалъ у нихъ порицаніе. Древніе арабы совершали паломничество къ Каабѣ, посѣщали другія святыя мѣста, носили «ихрамъ», совершали «тавафъ», совершали бѣгъ (между горами Сафа и Марва), останавливались (у горы Арафатъ) и кидали камни (въ дьявола въ долинѣ Мина)» [3]).

Между прочимъ этотъ обычай тавафа, т. е. круженіе около Каабы, по мнѣнію Мухаммеда, происходилъ отъ Авраама: узаконивъ его, Мухаммедъ включилъ въ исламъ чисто языческій обрядъ. [4]) Хотя обряду и даются нѣкоторыя объясненія, но они вызваны лишь необходимостью,—объяснить же они все равно ничего не могутъ.

Абуль-Фэда прибавляетъ, что омовеніе, религіозное очищеніе зубовъ и обрѣзаніе были въ употребленіи среди арабовъ еще задолго до времени Мухаммеда.

---

[1]) Реклю. Земля и Люди. т. IX, стр. 710, 708.

[2]) Tisdall. Islam. p. 140.

[3]) Ихрамъ – священная одежда пилигриммовъ, надѣваемая передъ вступленіемъ въ Мекку, а также и пребываніе въ этой одеждѣ.

[4]) E. Sell. Essays on islam. p. 248.

Бѣгъ между горами Сафа и Марва является какъ бы изображеніемъ блужденій Агари, искавшей въ пустынѣ воды для Измаила.

Культъ древнихъ арабовъ до времени Мухаммеда былъ весьма простъ и заключался въ поклоненіи идоламъ и Черному Камню, вдѣланному въ одну изъ стѣнъ Каабы, въ молитвахъ и колѣнопреклоненіяхъ передъ священными предметами. Проповѣдуя монотеизмъ, Мухаммедъ былъ довольно снисходителенъ къ инстинктамъ дикихъ арабовъ и именемъ религіи узаконилъ многіе обряды И новый Богъ, за которымъ сохранилось имя главнаго божества—Аллахъ былъ по душѣ арабамъ, поскольку Его предписанія не расходились съ ихъ привычками. [1])

Въ центрѣ двора мечети Масджидъ-аль-Харамъ въ Меккѣ высится Кааба, четырехъ угольная масса, вышиной метровъ въ 12, запертая серебряною дверью, которая отпирается для пилигримовъ три раза въ годъ. Въ наружной стѣнѣ, близъ двери, вдѣланъ знаменитый Черный Камень, аэролитъ, отколовшіеся куски котораго придерживаются серебрянымъ обручемъ. Этотъ священный камень, врученный ангеломъ Божимъ Измаилу [2]), родоначальнику арабовъ, и который въ день страшнаго суда заговоритъ, чтобы свидѣтельствовать въ пользу тѣхъ, которые цѣловали его чистыми устами. Надъ зданіемъ колышется наметъ изъ черной шелковой матеріи. По словамъ пилигриммовъ, колыханіе производится крылами ангеловъ, летающихъ вокругъ Каабы; когда-нибудь они унесутъ камень на небо, чтобы поставить его передъ престоломъ Бога. [3]).

Выше уже было замѣчено, что у арабовъ почти въ каждомъ племени были свои идолы и для нихъ свои капища, но ни одно изъ нихъ не пользовалось такимъ престижемъ, какъ Кааба. Даже евреи и сабеяне совершали тамъ приношенія. Охрана храма

---

[1]) Реклю. Земля и Люди. т. IX стр 746.

[2]) Когда приближался потопъ, Богъ послалъ архангела Гавріила спасти Черный камень, и онъ былъ отнесенъ на гору Джебэль-абу-Кабисъ, гдѣ и оставался до времени Авраама. Когда Авраамъ и Измаилъ работали надъ постройкой Каабы и дошли до конца, Авраамъ велѣлъ Измаилу поискать какой-нибудь хорошій камень. Тотъ отправился на поиски, и ему встрѣтился архангелъ Гавріилъ, который и сказалъ ему, что у него давно уже для этого случая хранится камень. Такимъ образомъ Черный камень, врученный архангеломъ Гавріиломъ Измаилу, опять вернулся на свое мѣсто. Тафсир-и-мавакибъ. т. I. стр. 82.

[3]) Реклю. IX. стр. 747.

являлась предметомъ соревнованія между племенами, такъ какъ въ глазахъ арабовъ это обязанность была высшей честью. Ко времени рожденія Мухаммеда, эта честь принадлежала его фамиліи. Его дѣдъ былъ почетный глава теократической республики, образовавшейся около Каабы. [1]).

Еще задолго до времени Мухаммеда Кааба звалась или священнымъ храмомъ или домомъ Бога (бэйтъ-улла) и была центральнымъ мѣстомъ поклоненія для всей арабской нации—точно такъ же, какъ теперь она является священнѣйшимъ мѣстомъ для всѣхъ мусульманъ земного шара.

Арабскія преданія окружили это святилище самыми легендарными исторіями и приписывали первоначальное основаніе его Адаму и Евѣ. которые, будучи изгнаны изъ рая, послѣ долгихъ странствованій, наконецъ встрѣтились подлѣ того мѣста, гдѣ впослѣдствіи была основана Мекка, и имъ было позволено построить храмъ на подобіе того, въ которомъ они поклонялись въ раю [2]), или который явился Адаму въ видѣніи [3]).

Храмъ этотъ былъ разрушенъ потопомъ, но ангелъ указалъ его мѣстонахожденіе Агари, умиравшей съ Измаиломъ отъ жажды въ пустынѣ тутъ для нихъ изъ земли брызнулъ источникъ Земъ-земъ Появленіе источника привлекло сосѣднее племя амалекитовъ, которое и построило городъ Мекку, гдѣ Агарь съ Измаиломъ нашли себѣ покровительство [4]). Впослѣдствіи въ Мекку пришелъ и Авраамъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ поклонялись Богу Измаилъ съ Авраамомъ, былъ воздвигнутъ первый храмъ. Въ немъ воздавалось поклоненіе Богу, раздѣленное съ идолами. Вокругъ святилища бѣгали въ состояніи совершенной наготы,—это было своеобразный способъ проявленія религіознаго чувства. Обрядъ этотъ назывался тавафъ. Пророкъ удержалъ его для ислама, но только предписалъ выполнять его, будучи одѣтымъ въ «ихрамъ» т. е. длинную бѣлую рубашку, что и теперь выполняютъ всѣ паломники.

Въ стѣнѣ Каабы, на нѣкоторомъ разстояніи отъ основанія, былъ заложенъ Черный Камень, который паломники цѣловали съ тѣмъ же суевѣрнымъ почтеніемъ, какъ это дѣлается теперь. О происхожденіи этого камня среди арабскихъ племенъ ходитъ множество легендъ, и всѣ онѣ значительно разнятся одна отъ другой. Но общія вѣрованія какъ древнихъ, такъ и современныхъ арабовъ сводятся къ тому, что камень былъ посланъ прямо съ неба—изъ рая,—и что раньше онъ былъ совершенно бѣлаго цвѣта, но что грѣхи человѣческаго рода, или прикосновеніе нечи-

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam. Intr. p. LYI.
[2]) Tisdall. Religion of Cresc. p. 33.
[3]) Johnstone-Muhammad. p. 9.
[4]) Stobart. Islam. pp: 33, 34.

стыхъ устъ во время церемоніи сдѣлали его чернымъ [1]). Камень былъ присланъ съ архангеломъ Гавріиломъ во время постройки Каабы Авраамомъ и Измаиломъ. [2])

Какъ изъ всего вышесказаннаго можно видѣть, идолопоклонство въ Каабѣ было самымъ причудливымъ образомъ перемѣшано съ исторіей Авраама, Агари и Измаила. Ко времени рожденія Мухаммеда, культъ уже имѣлъ явственно двойственный характеръ съ одной стороны было простое идолопоклонство, съ другой—совершеніе различныхъ обрядовъ, происхожденіе которыхъ ставилось въ связь съ библейской исторіей. Первое, можно думать, было принесено въ Мекку, еще задолго до созданія правильнаго пантеона, арабскими племенами изъ Іемена. Такъ какъ Мекка являлась средоточіемъ торговаго міра, различные купцы естественно должны были время отъ времени показываться въ ней. Въ раннее время, до правленія Косая, всѣ были немного хозяевами въ Меккѣ, и каждый хотѣлъ видѣть въ пантеонѣ Каабы что-нибудь свое, и суевѣрные языческіе обряды все болѣе и болѣе нагромождались одинъ на другой. Прекращеніе такого положенія дѣлъ было вызвано двумя причинами, развитіемъ морской торговли, отнявшей у Мекки ея прежній торговый характеръ, и реформами Косая, о которомъ мы скажемъ дальше.

Традиціонная вѣра въ то, что Кааба была построена Авраамомъ, можетъ найти себѣ объясненіе въ томъ, что арабы имѣли общеніе съ разными еврейскими племенами, основавшимися въ Іеменѣ. Евреи не безъ умысла содѣйствовали развитію фантазіи арабовъ, такъ какъ, исповѣдуя религію Авраама, они этимъ создавали себѣ безопасное положеніе, а этого они, послѣ всѣхъ вытерпѣнныхъ гоненій, хотѣли болѣе и прежде всего. Разъ легенды были приняты, уже не трудно было систематизировать ихъ въ связи съ идолопоклонствомъ, и вотъ исторія источника Земъземъ была поставлена въ связь съ исторіей Агари, а жертвоприношеніе въ долинѣ Мина отожествлено съ жертвоприношеніемъ Авраама. Такъ какъ дальше Авраама исторія не шла, то легенда и сдѣлала его основателемъ храма. [3]), Во время Мухаммеда, нѣкоторые, какъ мы уже отмѣтили, видѣли въ идолѣ Хобалѣ изображеніе Авраама, и одно мѣсто въ Каабѣ до сихъ поръ носитъ названіе стоянки Авраама. [4]).

Религіозное вліяніе Мекки, какъ стародавняго святилища языческой Аравіи и пантеона ея идоловъ, было очень велико. Сильная еврейская колонія, находившаяся въ Ятрибѣ, вѣра ко-

[1]) Tisdall: Rel: of Cresc p: 142.
[2]) Stobart. p. 35.
[3]) Idem. p. 41.
[4]) Коранъ, пер. Николаева стр. 5.

торой примирялась съ легендой объ Авраамѣ и съ миѳомъ о Меккѣ, неизбѣжно должна была оказать свое вліяніе на новую религію, основателемъ которой явился Мухаммедъ.

Основаніе Мекки—въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь—относится всего лишь къ пятому вѣку нашей эры [1]), но арабскія племена уже въ глубокой древности группировались въ Меккской долинѣ вокругъ храма Каабы, оспаривая другъ у друга честь управленія и охраны храма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право на верховную власть. Такимъ образомъ, основаніе Мекки, въ сущности, слѣдуетъ относить къ періоду, теряющемуся въ глубинѣ древности [2]), современному учрежденію на полуостровѣ авраамитовъ [3]). Насколько историчеекія изслѣдованія могутъ проникнуть въ глубину вѣковъ, они уже находятъ Мекку большимъ городомъ, обязаннымъ своимъ значеніемъ торговлѣ и центральному для всей Аравіи святилищу. Хотя нѣкоторыя арабскія преданія и приписываютъ основаніе города Измаилу, но другія указываютъ, что, если онъ принималъ въ этомъ дѣлѣ нѣкоторое участіе, то вся честь не можетъ быть приписана ему одному. собственно основателемъ города называютъ вождя джорхумитовъ Мэгасъ-ибнъ-Амра, дочь котораго вышла замужъ за Измаила. [4]). Выборъ мѣста не трудно объяснить себѣ тѣмъ положеніемъ, которое оно занимало на схожденіи караванныхъ путей юга и сѣвера, гдѣ происходилъ обмѣнъ товаровъ это складочное мѣсто, родъ ярмарки, неминуемо долженъ былъ обратиться въ городъ. [5]) Такъ какъ основаніе Каабы относится къ тому же приблизительно времени, то не легко рѣшить вопросъ. торговое ли значеніе имѣло рѣшительное вліяніе на выборъ мѣста, или же мѣсто склада было выбрано въ зависимости отъ святилища?

Уже за двѣсти лѣтъ до Мухаммеда корайшиты пользовались не только прочно установленнымъ авторитетомъ въ Меккѣ, но и распространили свое вліяніе далеко за ея предѣлы. Это было естественнымъ ходомъ событія, такъ какъ значеніе Мекки, бывшей не только центромъ религіозныхъ сборищъ арабовъ, но и центромъ ихъ коммерческой дѣятельности, было признано, и вліяніе ея неминуемо должно было распространиться по всему полуострову: во всѣ времена купцы играли роль вѣтра, переносящаго цвѣточную пыль изъ далекихъ и чуждыхъ странъ на растенія родной страны. Караваны расходились изъ Мекки въ Византію, Пер-

---

[1]) Тамъ же, ссылка на Персеваля, стр. 6.
[2]) Johnstone. Muhammad. p. 31.
[3]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. LIII.
[4]) Idem.
[5]) Stobart. Islam. p. 40.

сію, Индію и оттуда вмѣстѣ съ товарами невольно приносили въ страну и чужую культуру и чужіе пороки, и послѣдніе особенно легко и быстро прививались на полуостровѣ.

Охрана Каабы, бывшая первоначально привилегіей дѣтей Измаила, послѣ нашествія вавилонянъ перешла въ руки джорхумитовъ, и вожди послѣднихъ приняли титулъ «маликъ», т. е. владѣтель, король Въ началѣ третьяго столѣтія джорхумиты были смяты кахтанскимъ племенемъ Бэни-Хузаа. Тѣмъ временемъ племя Измаила, такъ жестоко пострадавшее отъ вавилонской десницы, вновь окрѣпло Аднанъ, одинъ изъ потомковъ Измаила, процвѣтавшій около перваго столѣтія до Р. Х., женился на дочери джорхумитскаго вождя и учредился въ Меккѣ, и его сынъ, Маадъ, сдѣлался уже настоящимъ родоначальникомъ измаелитовъ, обитающихъ въ Хэджасѣ и Надждѣ Фиръ, по прозвищу Корайшъ, потомокъ Маада, былъ родоначальникомъ племени, давшаго Аравіи Пророка и законодателя.

Во владѣніи хузаитовъ храмъ находился болѣе 200 лѣтъ, и по смерти послѣдняго ихъ вождя, Холайля, потомокъ Фира, Косаій, женатый на дочери Холайля, выгналъ хузаитовъ изъ Мекки, и самъ завладѣлъ верховной властью. Съ этихъ поръ мы можемъ уже чувствовать подъ ногами твердую историческую почву.

Вступивъ во владѣніе Меккой около пятаго столѣтія христіанской эры, Косаій задумалъ систематически организовать управленіе города. Чтобы обезпечить святилище города отъ всякой опасности, или какой-нибудь случайности, онъ заставилъ корайшитовъ помѣститься по сосѣдству съ Каабой, оставивъ вокругъ нея лишь достаточное мѣсто для совершенія религіозныхъ церемоній. [1]). Онъ получилъ отъ Бэни Сафа право распустить послѣ церемоніи паломничества арабскія племена, собравшіяся въ Мина. Въ 440 году, послѣ довольно большого кровопролитія, ему удалось вырвать изъ рукъ Бэни-Хузаа верховную власть надъ Хэджасомъ.

Мѣстность вокругъ Мекки на разстояніи многихъ миль называлась священной (харамъ), и, по общему согласію, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ въ году всякія враждебныя дѣйствія должны были прекращаться въ этомъ районѣ, чтобы паломники могли безопасно прибывать изъ отдаленныхъ мѣстъ для поклоненія святынѣ и благополучно возвращаться домой, окончивъ всѣ религіозные обряды.

Завладѣвъ верховной властью, Косаій для себя построилъ дворецъ, дверь котораго выходила на площадку храма. Дворецъ этотъ назывался Даръ-уль-надва, т. е. домъ совѣта, и въ немъ

---

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. 3.

рѣшались общественныя дѣла подъ предсѣдательствомъ Косая, и отсюда кораишиты получали передъ войной знамя изъ его рукъ.

На корайшитахъ лежала обязанность снабжать продовольствіемъ паломниковъ,—Косай урегулировалъ положеніе дѣла, замѣнивъ эту натуральную повинность опредѣленнымъ налогомъ въ пользу бѣдныхъ «рифада»: на собираемыя такимъ образомъ деньги бѣднѣйшіе изъ паломниковъ получали пищу въ день жертвоприношенія и въ слѣдующіе два дня, которые они проводили въ долинѣ Мина.

Лично въ свои руки Косай взялъ завѣдываніе всѣми колодцами, снабжающими Мекку водой, и храненіе ключей отъ Каабы. Такимъ образомъ онъ соединилъ въ своихъ рукахъ административную, политическую и духовную власть: онъ былъ король судья, и первосвященникъ [1]).

Въ силу того, что Косай пользовался такимъ исключительнымъ положеніемъ, и родъ корайшитовъ получилъ такое чувствительное преобладаніе надъ другими потомками измаелитовъ.

Косай умеръ около 480-го года до Р. Х., при жизни еще назначивъ своимъ наслѣдникомъ старшаго сына Абд-уд-дара, который послѣ его смерти и занялъ мѣсто безъ всякихъ споровъ.

Послѣ смерти Абд-уд-дара произошли раздоры между дѣтьми его и его племянниками. Стороны въ концѣ концовъ пришли къ соглашенію, и почетныя обязанности по управленію городомъ были подѣлены между претендентами. Часть получилъ Абд-уш-шамсъ, племянникъ Абд-уд-дара, а часть его внукъ. Не чувствуя себя способнымъ для управленія тѣми отраслями городского хозяйства, которыя достались ему на долю, онъ передалъ свою власть въ руки своего брата Хашима, который и успѣлъ выказать свои способности. Такъ, онъ учредилъ среди корайшитовъ обычай ежегодно снаряжать два каравана: одинъ зимній—въ Іеменъ и другой лѣтній—въ Сирію. Кромѣ того, онъ первый началъ раздавать бѣднымъ корайшитамъ супъ, состоявшій изъ мясного бульона и накрошеннаго туда хлѣба. Вотъ почему первоначальное его имя Амръ было измѣнено въ Хашима, что значитъ «крошитель». Названіе хашимитовъ осталось за всей боковой линіей потомковъ Мухаммеда. [2]) Этимъ далеко не исчерпывалась дѣятельность Хашима: онъ заключилъ торговые договоры съ римскимъ императоромъ, съ Абиссиніей, Персіей и гиміарскимъ княземъ Іемена. [3]).

Хашимъ умеръ во время одной экспедиціи въ Сирію и оставилъ малолѣтняго сына, по имени Шайба, и всѣ его почетныя

---

[1]) Ameer Ali p. 4.
[2]) Коранъ, пер. Николаева, стр. 7.
[3]) Stobart. Islam. p. 42.

должности въ Меккѣ перешли къ его младшему брату Муталибу. Онъ пользовался громаднымъ вліяніемъ Во время одного изъ своихъ путешествій въ Сирію, онъ привезъ въ Мекку оставшагося тамъ своего племянника Шайбу Мекканцы, не зная о ихъ родственныхъ отношеніяхъ, прозвали пріѣхавшаго юношу Абд-ул-Муталибомъ, т е. рабомъ Муталиба,—подъ этимъ именемъ, которое такъ и закрѣпилось за нимъ, лишь и извѣстенъ въ исторіи ислама дѣдъ Мухаммеда.

Муталибъ умеръ въ Іеменѣ около 520-го года, и ему наслѣдовалъ его племянникъ Абд-ул-Муталибъ въ качествѣ главы меккан-ской республики. Тогда правленіе Мекки было олигархическимъ и состояло изъ членовъ семейства Косая При Абд-ул-Муталибѣ олигарховъ было десять, и они назывались шерифами Каждый изъ шерифовъ имѣлъ въ своемъ завѣдываніи особенную отрасль управленія Это были

1) Хиджаба—храненіе ключей отъ Каабы.

2) Сикайя—управленіе священными колодцами Земъ-зема

3) Діютъ—гражданское и уголовное судопроизводство.

4) Сафарэтъ—посольство, т. е. представительство республики въ дѣлахъ съ иностранцами или другими арабскими племенами

5) Лива—храненіе священнаго знамени, съ которымъ народъ выступалъ противъ врага

6) Рифада—завѣдываніе налогомъ въ пользу бѣдныхъ.

7) Надва—предсѣдательство въ національномъ собраніи.

8) Хаммэ—храненіе совѣтской комнаты, что обозначало право созыва собранія.

9) Хазина—управленіе общественными финансами.

10) Азлами—храненіе гадательныхъ стрѣлъ.

Старшій изъ членовъ по обычаю считался «рансомъ», т. е. предсѣдателемъ. [1]).

Абд-ул-Муталибъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе своимъ благородствомъ и великодушіемъ. Но чтобы быть въ глазахъ арабовъ совершеннымъ человѣкомъ, надо было имѣть большое мужское потомство, а у него былъ лишь одинъ сынъ. Оскорбленный однажды на этой почвѣ, Абд-ул-Муталибъ произнесъ клятву, что, если Богъ дастъ ему десять сыновей, то одного изъ нихъ онъ принесетъ въ жертву передъ Каабой. Когда у него родилось двѣнадцать сыновей и шесть дочерей, онъ вспомнилъ о своемъ обѣщаніи и рѣшилъ его выполнить. Былъ брошенъ жребій, который и палъ на его любимаго сына Абдуллу. «Когда въ опредѣленномъ для закланія мѣстѣ все было готово для жертвоприношенія, вдругъ прибѣгаютъ корайшиты, останавливаютъ руку Абд-ул-Муталиба и совѣтуютъ ему обратиться къ прорицательницѣ,

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. 6.

жившей въ укрѣпленномъ еврейскомъ городѣ Хайбарѣ. Прорицательница прежде всего справилась, какой штрафъ полагается за убійство. Оказалось, что онъ равнялся десяти верблюдамъ. Тогда она велѣла по одну сторону идола поставить Абдуллу, а по другую десять верблюдовъ и затѣмъ бросать жребій: если онъ падетъ на Абдуллу, то надо снова пытать судьбу, прибавивъ новыхъ десять верблюдовъ, и продолжать такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока жребій не выпадетъ на верблюдовъ. Абд-ул-Муталибъ поступилъ согласно указанію прорицательницы и выкупилъ свою клятву только цѣною сотни верблюдовъ, такъ какъ десять разъ жребій выпалъ на Абдуллу. Съ тѣхъ поръ у арабовъ и былъ установленъ размѣръ пени за убійство въ сто верблюдовъ. Тотчасъ же послѣ этого Абд-ул-Муталибъ женилъ Абдуллу на Аминѣ, дочери Вахба, одного изъ потомковъ Абд-Манафа. Отъ этого брака и родился Мухаммедъ». [1]).

Правленіе Абдуллы въ Меккѣ ознаменовалось событіемъ, которое въ исторіи извѣстно подъ именемъ абиссинскаго нашествія. Заключалось это событіе въ слѣдующемъ.

Абиссинскій правитель въ Іеменѣ, съ цѣлью привлечь къ себѣ вліяніе Мекки, построилъ храмъ въ Сана. Одинъ мекканецъ оскорбилъ его храмъ, и это было для него достаточнымъ поводомъ для того, чтобы двинуть войска противъ Мекки. Самъ Абраха, такъ звали этого вождя, ѣхалъ во главѣ своего войска на великолѣпномъ бѣломъ слонѣ, почему этотъ годъ (570-й) у мусульманъ извѣстенъ также подъ именемъ «года слона». При приближеніи абиссинцевъ, корайшиты, надѣясь на своихъ боговъ, удалились на сосѣднія горы и оттуда слѣдили за ходомъ событій. И тутъ, разсказываетъ преданіе, небо потемнѣло отъ массы маленькихъ птичекъ (абабиль), которыя въ клювахъ несли камешки и, бросая ихъ на людей, убивали ихъ. Произошло смятеніе, еще больше увеличенное внезапно хлынувшимъ ливнемъ, который смывалъ въ море трупы мертвыхъ и тѣла умирающихъ. Раненый Абраха былъ вынужденъ отступить. [2]). Какъ уже было сказано, болѣе вѣроятной причиной отступленія Абрахи отъ Мекки является развившаяся въ его войскѣ эпидемія оспы.

Вскорѣ послѣ этого событія умеръ Абдулла, и черезъ нѣкоторое время послѣ этого у его вдовы родился сынъ-Мухаммедъ.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ факторъ, очень важный, повлявшій на образованіе новой религіи, а именно—религіозное броженіе въ Меккѣ, современное началу дѣятельности Мухаммеда.

---

[1]) Коранъ, пер Николаева, стр. 8.
[2]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. 7.

Наряду съ іудействомъ и христіанствомъ, изъ которыхъ каждое, въ противоположность религіи грековъ и римлянъ, опиралось на откровенную книгу, составились группы людей, которые, такъ сказать, были мусульманами до ислама.

Это тѣ, которыхъ обозначаютъ или именемъ «эхль-уль-фитръ», т. е. «приверженцы творенія», или «ханифы», что на еврейскомъ или сирійскомъ языкахъ обозначаетъ еретика, тогда какъ по-арабски значитъ совершенно обратное, а именно склоняющійся на хорошую сторону, православный.

Мухаммедъ понялъ, какія услуги ему можетъ оказать этотъ монотеизмъ, который не былъ ни еврейскимъ, ни христіанскимъ. Поэтому то патріархъ Авраамъ является для Мухаммеда не евреемъ, христіаниномъ или язычникомъ, а ханифомъ.

Мухаммедъ не былъ первымъ, кого поразило зло идолопоклонства, практиковавшагося въ Меккѣ, и не онъ былъ первымъ сдѣлавшимъ попытку ввести въ этомъ отношеніи радикальную реформу. Арабскіе писатели свидѣтельствуютъ, что еще до времени Мухаммеда въ Меккѣ раздавались голоса, осуждавшіе извращеніе ихъ національной религіи. Во главѣ ихъ стояли: Варака-ибнъ-Нофаль, Убайдулла-ибнъ-Джахшъ, Усманъ-ибнъ-уль-Хаваіриєъ и Зайдъ-бинъ-Амръ. Это были люди, безусловно возставшіе противъ идолопоклонства. [1])

Эти четыре человѣка встрѣтились другъ съ другомъ на одномъ праздникѣ корайшитовъ, когда тѣ имѣли обыкновеніе совершать жертвоприношеніе передъ однимъ изъ идоловъ,—здѣсь между ними и завязалась дружба, основанная на общности ихъ взглядовъ на религію По словамъ Ибнъ-Исхака [2]), одинъ сказалъ другому: «знай, что въ смыслѣ истинности ваша религія представляетъ ничто, и они погрѣшаютъ противъ религіи, противъ ихъ отца Авраама. Что такое камень, что они должны кружиться около него? Онъ не видитъ и не слышитъ, и отъ него нѣтъ ни вреда, ни пользы. О, люди! ищите для себя истину, потому что, право, клянусь Богомъ, здѣсь вами нѣтъ никакого основанія». Тутъ они разстались и разошлись въ разныя стороны—на поиски православія-религіи Авраама. Судьба ихъ была не одинакова.

Варака сдѣлался христіаниномъ. [3]). Произошло это не сразу. Онъ изучилъ христіанскія писанія, проникся ихъ духомъ истины

---

[1]) Tisdall. Rel. of Cresc. p. 143. Johnstone. Muhammad. p. 42. E, Sell. Essays on islam. p. 243.

[2]) Tisdall: p: 144.

[3]) Idem. Sell (Es. on isl., p: 243) говоритъ, что онъ лишь изучалъ христіанство, но не принялъ его. Однако первое мнѣніе лучше обосновано.

и обратился въ христіанство: онъ былъ ученымъ человѣкомъ и сдѣлалъ копіи значительнаго числа евангелій [1]).

Убаидулла обратился въ исламизмъ послѣ проповѣди Мухаммеда въ Меккѣ. Бѣжавъ, во время гоненій, вмѣстѣ съ другими въ Абиссинію, онъ тамъ обратился въ христіанство и сказалъ бывшимъ тамъ вмѣстѣ съ нимъ, что теперь онъ наконецъ обрѣлъ истинную вѣру. Онъ умеръ въ Абиссиніи, не успѣвъ возвратиться на родину. Его вдова, Уммъ-Хабиба, дочь Абу-суфіяна, возвратилась на родину одна и впослѣдствіи сдѣлалась одною изъ женъ Мухаммеда.

Усманъ принялъ христіанство въ Византіи и добился высокихъ почестей при дворѣ, хотя въ концѣ концовъ впалъ въ черную немилость.

Одинъ Заидъ остался до конца скептикомъ. Онъ не присоединился ни къ христіанству, ни къ еврейству, но онъ покинулъ религію своихъ отцовъ и отказался отъ прежнихъ вѣрованій: онъ прекратилъ поклоненіе идоламъ, пересталъ ѣсть мясо жертвенныхъ животныхъ. Онъ равнымъ образомъ не употреблялъ въ пищу кровь и мясо умершихъ животныхъ. Онъ строго запретилъ убійство дѣвочекъ, которыхъ обыкновенно живыми закапывали въ землю. Онъ называлъ это исповѣдываніемъ религіи Авраама и порицалъ своихъ единоплеменниковъ за идолопоклонство. Достигнувъ преклоннаго возраста, онъ говоритъ корайшитамъ, что лишь онъ одинъ позналъ истинную вѣру Авраама. Онъ молился такъ: «о, Господи! если бы я зналъ, какого поклоненія Ты хочешь, я такъ и поклонялся бы Тебѣ, но я не знаю».

«Тотъ, кто боится Бога, не погибнетъ», говорилъ онъ. «Добрые найдутъ себѣ жилище въ райскихъ садахъ, а злые будутъ ввержены въ огонь. Имъ не будетъ удачи при жизни, и муки ждутъ ихъ послѣ ихъ смерти». [2]).

Онъ странствовалъ въ Сиріи и Месопотаміи, разспрашивалъ всѣхъ о вѣрѣ Авраама, но никто не могъ удовлетворить его. На возвратномъ пути онъ былъ убитъ.

Очень важенъ фактъ, что Мухаммедъ молился за него, т. е. считалъ его какъ бы мусульманиномъ, тогда какъ онъ не могъ молиться даже за свою мать. [3]). Дочь Абу Бакра Асма говорила: «Я слышала слова Заида, когда онъ былъ уже старикомъ: о, корайшиты! клянусь тѣмъ, кто держитъ въ рукахъ душу Заидъ-

---

[1]) Johnstone. Idem. p 42,
[2]) Johnstone. Muhammad. p 43.
[3]) Idem.

ибнъ-Умра, никто изъ васъ не постигъ истинной религіи Авраама, только я одинъ» [1])

Таковы были эти четыре искателя вѣчной правды, и есть всѣ основанія предполагать, что Мухаммедъ не обошелся безъ ихъ вліянія, или что по крайней мѣрѣ общеніе съ ними придало его мысли извѣстное направленіе Провозглашенное Мухаммедомъ возстановленіе религіи Авраама и дѣятельность ханифовъ многими ставится въ тѣсную связь, и говорится, что стремленіе Мухаммеда явилось естественнымъ слѣдствіемъ религіознаго движенія въ Меккѣ, которое приняло острый характеръ какъ разъ передъ тѣмъ временемъ, когда онъ начиналъ свою дѣятельность.[2]). Это основывается еще на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Варака и Усманъ были двоюродными братьями Хадиджи, первой жены Мухаммеда, а Убайдулла былъ его двоюроднымъ братомъ. Что касается Зайда, то, будучи изгнанъ изъ Мекки, онъ долго жилъ на горѣ Хира, куда, какъ извѣстно, Мухаммедъ любилъ удаляться для размышленія. Можно ли допустить, что при встрѣчахъ съ людьми, стремящимися къ тому же, къ чему стремился и онъ, у Мухаммеда не было желанія обмѣняться съ ними мыслями? По справедливости, очень трудно сдѣлать подобное предположеніе, чтобы не сказать—невозможно.

По словамъ Ибнъ-Исхака, Мухаммедъ отвѣтилъ одной родственницѣ Зайда, что она можетъ молиться за него, т. е. онъ какъ бы призналъ его мусульманиномъ. [3]). Это важно въ томъ отношеніи, что для подобной оцѣнки надо было хорошо знать идеи Зайда, который не былъ оффиціальнымъ мусульманиномъ, такъ какъ не увѣровалъ въ божественную миссію Мухаммеда.

На это возражаетъ Сэлль [4]). Онъ говоритъ, что такое мнѣніе, правда, имѣетъ много приверженцевъ, но всетаки далеко не всѣ согласны съ нимъ, и возраженія этихъ послѣднихъ основаны на томъ, что стихи Корана, относящіеся къ данному предмету, позднѣйшаго происхожденія, и что провозглашеніе о религіи Авраама было сдѣлано Мухаммедомъ уже въ концѣ карьеры, а не подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ знакомства съ вождями религіозной революціи.

Конечно, говоритъ онъ, было бы слишкомъ сказать, что эти лица совершенно не повліяли на него, но вопросъ въ томъ, какъ сильно было это вліяніе? И потомъ, какое объясненіе мы можемъ дать имени ханифъ, которое носили люди этой партіи? Отвѣтъ на это таковъ, что названіе это было взято комментаторами

[1]) Tisdall. Rel. of Cresc. p. 155.
[2]) E. Sell. Es. on isl p. 244.
[3]) Johnstone. Muhammad. p. 146.
[4]) Es. on islam. pp. 244—247.

изъ Корана и примѣнено къ этимъ реформаторамъ уже послѣ того, какъ Мухаммедъ высказалъ свое мнѣніе относительно Авраама. Говорятъ, что это было сдѣлано для того, чтобы показать, что мыслящіе люди были до Мухаммеда ханифами. Кюненъ говоритъ [1]): «Разъ уже Мухаммедъ отожествилъ свою религію съ вѣрою патріарха, то не было ли исторической необходимостью, чтобы до-мухаммедане, въ мусульманскомъ преданіи, согласовались съ Авраамомъ по типу?»

Сильный аргументъ за эту точку зрѣнія лежитъ въ фактѣ, что въ ранніе годы своей миссіи Мухаммедъ, повидимому, не учитъ объ этой связи между собою и Авраамомъ. Коранъ поражаетъ своимъ невѣжествомъ относительно жизни и семейства патріарха, и въ раннихъ сурахъ не упоминается даже о «миллятъ», т. е религіи Авраама. Лишь въ послѣднее время Измаилъ упоминается, какъ сынъ Авраама, чего не было въ раннихъ сурахъ. Это было сдѣлано лишь тогда, когда Мухаммедъ рѣшилъ связать арабовъ съ Авраамомъ

Вотъ что говорилъ Коранъ:

«Разскажи также въ Книгѣ объ Измаилѣ Онъ вѣрно соблюдалъ свои обѣщанія, онъ былъ пророкомъ и посланникомъ. (XIX 55).

«Вспомни объ Измаилѣ, Идрисѣ, Зюль-кифлѣ, которые терпѣливо переносили всѣ бѣдствія и страданія. (XXI, 85).

«Вспомни также объ Измаилѣ, Елисѣ и Зюль-кифлѣ; всѣ они были людьми справедливыми. (XXXVIII, 48).

«...Изъ потомковъ Авраама получили отъ насъ также направленіе Давидъ, Соломонъ, Іовъ, Іосифъ, Моисей и Ааронъ (VI,84).

«Измаила, Елисея, Іону и Лота мы возвысили надъ всѣми людьми. (86).

Въ сурахъ мекканскаго періода Аврааму удѣлено не особенно много вниманія: о немъ говорится лишь какъ о достойномъ человѣкѣ прежняго времени, какъ о великомъ, выдающемся патріархѣ. И даже еще въ началѣ мединскаго періода нѣтъ никакого указанія на религію Авраама, но вскорѣ уже Мухаммедъ началъ это дѣлать. Въ Меккѣ онъ свободно могъ игнорировать евреевъ, но въ Мединѣ, гдѣ они были въ силѣ, это являлось рискованнымъ, и Мухаммедъ сталъ проповѣдывать, что исламъ, христіанство и еврейство происходятъ изъ чистаго источника— небесныхъ книгъ. Послѣ этого уже дѣлалось логическою необходимостью связать исламъ съ еврействомъ и, какъ съ промежуточнымъ звеномъ, съ христіанствомъ: такъ какъ исламъ былъ единой истинной религіей, то и предшествовавшія должны были составлять одно съ нимъ

Итакъ, остается спорнымъ вопросъ, назывались ли эти ис-

[1]) Цитировано въ кн. Сэлля Essays on islam. p. 244.

катели истины ханифами при жизни, или же это имя имъ было дано только впослѣдствіи, и они подверглись какъ бы посмертному крещенію? Коранъ называетъ Авраама ханифомъ, и въ концѣ своей миссіи Мухаммедъ объявилъ, что главной цѣлью его проповѣди и ученья было возстановленіе религіи Авраама.

«Развѣ не видятъ они, сколько еще до нихъ было уничтожено нами поколѣній? Развѣ мы не устраивали ихъ на землѣ прочнѣе, чѣмъ васъ? но мы приказали низринуться съ неба обильному дождю, мы повелѣли рѣкамъ течь подъ ногами ихъ, и затѣмъ мы уничтожили ихъ за грѣхи ихъ, а мѣсто ихъ заняли новымъ поколѣніемъ.

«Скажи имъ: Господь привелъ меня по пути правому, въ страну праведныхъ, къ вѣрѣ Авраама который былъ истинно вѣрующимъ человѣкомъ и не присоединялъ (другихъ боговъ къ Богу) (VI, 6 и 162).

«За Господа вступайте въ битву, какъ это и слѣдуетъ дѣлать: Онъ избралъ васъ. Онъ не далъ ни одного труднаго приказанія въ религіи вашей, въ религіи отца вашего Авраама. Онъ назвалъ васъ мусульманами. (XX, 77).

«Скажи имъ: Богъ говоритъ лишь истину. Слѣдуйте же вѣрѣ Авраама, который былъ благочестивъ и не ставилъ другихъ существъ наряду съ Богомъ. (III, 89).

«Мы дали тебѣ въ своемъ откровеніи наставленіе держаться религіи Авраама, который былъ истинно вѣрующимъ и не принадлежалъ къ числу идолопоклонниковъ. (XVI, 124).

«Вамъ говорятъ: станьте іудеями или христіанами и попадете на добрый путь. Отвѣчайте имъ: мы будемъ держаться лучше вѣры Авраама, истинно вѣрующаго и никогда не бывшаго въ числѣ язычниковъ. (II, 129).

«Кто исповѣдуетъ лучшую религію, чѣмъ тотъ, кто всецѣло отдался Богу, кто творитъ добро и слѣдуетъ вѣрѣ Авраама со всѣмъ чистосердечіемъ. (IV. 124).

Стремленіе объединить новую вѣру съ вѣрой Авраама вызываетъ откровеніе о томъ, что Авраамъ молился съ Измаиломъ, чтобы Богъ сдѣлалъ ихъ мусульманами. [1]).

Объ истинности религіи Авраама Мухаммедъ говоритъ еще до бѣгства въ Медину, гдѣ онъ пришелъ въ болѣе тѣсное прикосновеніе съ евреями. [2]).

То значеніе, которое придается ханифизму, должно соотвѣтствовать понятію, если будетъ позволено такъ выразиться, «домухаммеданскаго ислама»,—религія уже существовала и исповѣ-

---

[1]) Коранъ, сура II, ст 121—126.

[2]) E. Sell. Essays on islam. p. 243.

дывалась, не будучи еще возвѣщена Мухаммедомъ. [1]). Такъ часто законъ санкціонируетъ, оформливаетъ и приводитъ въ систему лишь то, практику чего уже давно допустила сама жизнь.

Терминъ ханифъ, какъ мы сказали, употребляется въ Коронѣ, и въ частности онъ относится къ Аврааму. И Мухаммедъ училъ свой народъ, что основанная имъ религія была религіей Авраама, истинная вѣра, которую ханифы рѣшили искать, пока не обрѣли ее. Фактъ, что онъ такимъ образомъ принялъ терминъ, избранный четырьмя реформаторами (если допускать, что они при жизни пользовались имъ), очень знаменателенъ, и онъ показываетъ, какъ сильно обязаннымъ чувствовалъ себя Пророкъ первому впянію, заставившему его предпринять реформу вѣры нации, приведя ее къ тому религіозному единству, безъ котораго она не могла бы слиться политически и сохранить ту независимость, которая такъ дорога сердцу каждаго истиннаго сына аравійской пустыни [2]).

Такимъ образомъ, изъ сказаннаго мы въ правѣ сдѣлать заключеніе, что, когда Мухаммедъ явился на сцену, почти уже вся Аравія была знакома съ религіями, которыя гораздо болѣе, чѣмъ сосредоточившееся въ Меккѣ идолопоклонство, отвѣчали запросамъ человѣческаго духа.

Чтобы закончить настоящій очеркъ, остается сказать еще нѣсколько словъ о соціальныхъ и нравственныхъ законахъ арабовъ для того, чтобы дальше было легче уяснить себѣ характеръ той работы, которая предстояла Мухаммеду, и которая была имъ выполнена.

Хотя чистый монотеизмъ давно уже не могъ считаться преобладающимъ или хотя бы даже только сильно представленнымъ среди различныхъ арабскихъ племенъ въ то время, когда Мухаммедъ началъ проповѣдь и трудъ реформатора, но все же было бы несправедливо называть ихъ исключительно политеистами. Правда, что божескія почести воздавались различнымъ божествамъ домашняго издѣлія, олицетвореннымъ силамъ природы, обожествленнымъ людямъ и простымъ предметамъ,—это поклоненіе было второстепеннымъ, и роль божествъ была чисто служебная: они были не болѣе, какъ посредники между человѣкомъ и Богомъ. Ставя себя въ зависимость отъ нихъ, арабъ очевидно считалъ ихъ угодными Богу,—иначе какъ же онъ могъ бы разсчитывать на успѣхъ ихъ заступничества? Посредники были надежны, такъ какъ женскія божества, Ал-латъ, Ал-узза и Ал-мана считались дочерьми Бога. И даже самъ Пророкъ на одну минуту подтвердилъ это въ Коранѣ!

---

[1]) Tisdall. Rel. of Cresc. p. 146.

[2]) Idem. p. 147.

Нравственность арабовъ не стояла на очень высокой степени развитія Не ослабляющее развратa многоженство, рабство, идолопоклонство,—таковы были устои арабской жизни. Ни христіанство, ни еврейство не подняли ихъ на лѣстницѣ человѣчества. Какъ расовая, такъ и религіозная вражда, почти никогда не прекращавшаяся среди арабовъ, дала сосѣдямъ возможность овладѣть разными провинціями,—и всѣ приходили и овладѣвали: ассиріяне, вавилоняне, греки, персы, абиссинцы, причемъ послѣдніе доходили до самой Мекки. Вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ изъ этихъ народовъ не сумѣлъ удержать за собою завоеванныя земли.

Арабы сохранили свою политическую свободу въ теченіе такого длиннаго періода, какимъ могутъ похвастаться немногіе народы. Неоднократно Персія пыталась подчинить ихъ себѣ, но эти попытки не могли быть доведены до конца. Римляне завладѣвали на короткое время окраинами, но собственно Аравія никогда не попадала въ полную ихъ власть. [1]). Гордость араба не могла бы ужиться съ покорностью кому бы то ни было, и эта фамильная или родовая гордость была одною изъ самыхъ сильныхъ страстей араба. Каждый занимался генеалогіей, и никогда дѣвушка изъ низшаго рода не могла выйти замужъ за араба высшаго рода. Иногда, однако, при этомъ условіемъ брака ставилось, что мужъ долженъ присоединиться къ клану жены, и дѣти въ такомъ случаѣ принадлежали къ клану матери. Въ этомъ случаѣ жена была вольна прогнать своего мужа, если онъ это вызывалъ чѣмъ-нибудь Тѣмъ же правомъ пользовался взаимно и мужъ. [2]).

Въ этомъ отнесеніи дѣтей къ клану матери надо видѣть строго продуманную мѣру, а не только проявленіе родовой гордости. Мѣра эта имѣла свое оправданіе въ томъ, что дробившіеся на мелкія единицы народы постоянно враждовали другъ съ другомъ и, слѣдовательно, въ каждомъ рождающемся въ чужомъ кланѣ ребенкѣ можно было видѣть лишняго врага въ будущемъ.

Въ повседневной жизни кочевникъ-арабъ, любившій свободу бродячаго существованія, былъ весьма простъ и умѣренъ въ своихъ привычкахъ и потребностяхъ. Онъ былъ, по своему конечно, благороденъ и почтителенъ, остроуменъ и одаренъ фантазіей, краснорѣчивъ и весьма чувствителенъ къ поэзіи. Въ вопросахъ чести онъ былъ рѣшителенъ и быстръ,—отмщеніе было для него священной обязанностью совершенно такъ же, какъ и законы гостепріимства. [3]). Щедрость древнихъ арабовъ славилась повсюду. Чтобы характеризовать эту черту, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ту простоту, съ какой она проявлялась, я повторю примѣръ, при-

[1]) Sale. P. D. p. 11

[2]). Johnstone. Muhammad. p. 19.

[3]) Stobart. Islam. p. 13.

веденный Сэлемъ 1), такъ какъ выборъ сдѣланъ имъ какъ нельзя болѣе удачно.

«Однажды три человѣка спросили во дворѣ Каабы о томъ, кто самый щедрый изъ арабовъ. Одинъ отдавалъ предпочтеніе Абдуллѣ, сыну Джафара, дяди Мухаммеда; другой Каису-ибнъ-Саадъ-ибнъ-Абада, и третій—Араба изъ племени Авситовъ. Послѣ продолжительныхъ споровъ, желая покончить ихъ, одинъ изъ присутствовавшихъ предложилъ, чтобы каждый изъ трехъ спорящихъ отправился къ своему другу и попросилъ у того помощи: тогда они посмотрятъ, что далъ каждый, и составятъ послѣ этого свое мнѣніе. Такъ и было сдѣлано. Другъ Абдуллы пришелъ къ нему и засталъ его занесшимъ ногу въ стремя,—на своемъ верблюдѣ онъ отправлялся въ путешествіе. Онъ обратился къ нему со словами.

— «О, сынъ дяди апостола Бога! я въ пути и нуждаюсь».

«Въ отвѣтъ на это Абдулла слѣзъ съ своего верблюда и предложилъ взять его вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что было на немъ. Онъ лишь выразилъ желаніе, чтобы тотъ не уѣзжалъ съ мечомъ, принадлежащимъ Али, сыну Абу-Талиба. Мечъ этотъ оказался случайно привязаннымъ къ сѣдлу. Тогда тотъ взялъ верблюда и нашелъ на немъ нѣсколько шелковыхъ одеждъ и 4000 золотыхъ монетъ. Все же самой цѣнной вещью былъ мечъ.

«Второй пришелъ къ Каисъ-ибнъ-Сааду, слуга котораго сказалъ, что его господинъ спитъ, и пожелалъ узнать, въ чемъ заключается его дѣло. Другъ отвѣтилъ слугѣ, что онъ пришелъ для того, чтобы обратиться за помощью, такъ какъ онъ находится въ пути и нуждается. На это слуга отвѣтилъ, что лучше онъ самъ удовлетворитъ его нужду, чѣмъ будить господина, и онъ далъ ему кошелекъ съ 7000 золотыхъ монетъ, сообщивъ, что это все, что было въ домѣ. Онъ направилъ его также къ слугѣ, завѣдующему верблюдами, давъ для него условный знакъ, чтобы тотъ далъ ему верблюда и раба. Когда Каисъ проснулся, и его слуга разсказалъ ему о происшествіи, Каисъ тотчасъ же далъ своему слугѣ свободу и лишь упрекнулъ его за то, что онъ не разбудилъ его. «Тогда я далъ бы ему больше», сказалъ онъ.

«Третій пришелъ къ Араба и засталъ его выходящимъ изъ дому для совершенія молитвы: онъ шелъ опираясь на двухъ рабовъ, такъ какъ его зрѣніе измѣняло ему. Едва лишь другъ сообщилъ о своемъ дѣлѣ, какъ Араба оставилъ своихъ рабовъ и, сложилъ руки, сталъ горько жаловаться на то, что у него нѣтъ денегъ. Онъ предложилъ ему взять обоихъ рабовъ, но другъ отказывался отъ этого—до тѣхъ поръ, пока Араба не сказалъ, что, если тотъ не приметъ ихъ, онъ все равно сейчасъ же дастъ имъ

1) Sale P. D. p. 23.

свободу. Отпустивъ своихъ рабовъ, онъ продолжалъ путь, нащупывая стѣну руками

«Когда всѣ трое возвратились и сообщили о происшедшемъ, рѣшеніе было единодушно и справедливо: всѣ присутствующіе признали, что Араба былъ самымъ щедрымъ изъ всѣхъ».

Но наряду съ хорошими качествами, проявлявшимися съ такой трогательной простотой, не позволявшей сомнѣваться въ ихъ искренности, у арабовъ было и не мало недостатковъ. По свидѣтельству собственныхъ ихъ писателей, они имѣли склонность къ войнѣ, кровопролитію, жестокости, мстительности Они интересовались исторіей, но вся она заключалась для нихъ въ генеологіи ихъ племени и ихъ лошадей Они научились наблюдать звѣздное небо и по нему предсказывать перемѣны погоды. Третьей наукой у нихъ было толкованіе снов ъ [1]) Человѣческая жизнь въ глазахъ араба имѣла очень мало цѣны, и всякій чужестранецъ или арабъ другого племени, не связанный съ его племенемъ какими—нибудь узами, для него является врагомъ, покончить съ которымъ онъ не задумался бы при первой представившейся къ тому возможности Ханжа и себялюбецъ, онъ склоненъ къ разврату. Почитаніе его переходитъ въ фанатизмъ, и онъ не знаетъ пощады, для милосердія часто совсѣмъ не находится мѣста въ его сердцѣ. Ему незнакомы понятія о чистотѣ, и самые элементарные санитарные законы совершенно чужды ему. Такъ осталось и до послѣднихъ дней, вслѣдствіе чего повальныя болѣзни никогда не прекращаются въ священной странѣ ислама [2]).

Съ другой стороны, нельзя не сознаться, что были племена арабовъ, которыхъ нельзя было назвать жестокими. По международному праву пустынь, признаваемому въ нѣкоторыхъ частяхъ Аравіи съ незапамятныхъ временъ, каждое племя можетъ поднять руку противъ сосѣднихъ племенъ или стараться отнять у нихъ стада, но обычай требуетъ, чтобы эти вооруженные грабежи дѣлались, по возможности, безъ кровопролитія. Однако эта теорія не всегда могла примѣняться, такъ какъ обижаемый естественно хватался за оружіе для самообороны, и происходила война. Пролитіе крови порождало кровомщеніе, и порою родовая вражда длилась цѣлыми столѣтіями,—на подобіе того, какъ это существуетъ въ Албаніи, въ Белуджистанѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Италіи.

Въ бедуинѣ масса противорѣчій, не мирящихся, съ европейскимъ укладомъ ума: славясь своей лойяльностью въ исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ, кочевники не задумывались иногда бросать на произволъ судьбы довѣренныхъ ихъ

---

[1]) Sale. P. D. p. 24.
[2]) Stobart. Islam. p. 13.

охранѣ путешественниковъ и пользоваться ихъ имуществомъ. То, что было выгодно, могло ли быть безнравственно? Управы было искать не у кого, такъ какъ каждое племя управлялось, если только можно примѣнить это слово, по своему: основнымъ закономъ было, что каждый дѣлаетъ то, что въ его глазахъ является справедливымъ. Такая растяжимая мораль, данная въ распоряженіе обладающаго хищными инстинктами кочевника, заставляла его очень часто совершать то, что въ глазахъ другихъ являлось далеко не справедливымъ. Сколько-нибудь общаго критерія не было, такъ какъ наука, какъ источникъ духовнаго свѣта, не существовала. Да и въ настоящее время, хотя въ Аравіи существуетъ не мало школъ, въ особенности послѣ вагабитскаго движенія, но было бы ошибочно придавать имъ слишкомъ много значенія,—большинству этихъ школъ можетъ быть дано только названіе начальныхъ. [1]).

Мекка, сборный пунктъ всѣхъ арабовъ, съ караванами отправляла товары въ сосѣднія страны, а оттуда получала новые обычаи и новые пороки. Греческія и персидскія рабыни занимали арабовъ танцами и пѣснями, и часы летѣли въ вѣчной истомѣ, и пороки утончались и совершенствовались. Поэтъ въ душѣ, арабъ сталъ воспѣвать лишь наслажденія земной жизни и совершенно не думалъ о завтрашнемъ днѣ.

Арабы, въ особенности жители городовъ, болѣе своихъ кочевыхъ соплеменниковъ находившіеся въ соприкосновеніи съ внѣшнимъ міромъ, были большими любителями вина, игры и музыки Пѣніе и пляска, долженствовавшія развлекать благородную націю, выполнялись спеціальнымъ классомъ женщинъ, называемыхъ «кайна», въ родѣ греческихъ гетеръ, и, если онѣ превосходили послѣднихъ въ безнравственности, имъ было весьма далеко до образованности тѣхъ. [2]).

Поэзія была въ такомъ большомъ почетѣ среди арабовъ, что чуть ли не самымъ большимъ совершенствомъ считалось умѣть съ легкостью и изяществомъ выражаться въ стихахъ, если того требовалъ какой-нибудь особенный случай. Даже въ своихъ повседневныхъ разговорахъ они очень любили цитировать строфы изъ своихъ любимыхъ поэтовъ,

Поэзія была преимущественно героическая: съ одной стороны, это была поэтическая исторія племени и его выдающихся людей, съ другой—сокровищница, въ которой сохранялась чистота языка. Слава поэта были не столько личной, сколько національной: она отражалась на его племени и родѣ, и, когда кто-нибудь выказывалъ талантъ въ этомъ направленіи, устраивалось торжество,

[1]) Stobart. Islam. p. 11.

[2]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. intr. p. LIV.

на которомъ присутствовали и всѣ женщины въ брачныхъ одеждахъ. Другія племена присылали поздравительныя депутаціи,— такое значеніе придавалось этому событію. При арабской гордости къ своей породѣ, поэтъ былъ отчасти жрецомъ этого культа самообожанія. Ежегодно устраивались публичныя состязанія поэтовъ, и произведенія, признанныя лучшими, писались на шелкѣ золотыми буквами и сохранялись со всякой тщательностью. Такимъ образомъ сохранились «семь поэмъ», или «муаллякатъ» (т. е. подвѣшенныя) Это названіе вызвало предположеніе, что онѣ были подвѣшены въ Каабѣ, но исторически это не подтверждается. [1]). Эти сборища были отмѣнены Мухаммедомъ, который не особенно сильно цѣнилъ поэтовъ.

Писанной поэзіи было очень мало, чтобы не сказать—ничего, и она жила «на губахъ у людей» или же «писалась на дощечкахъ ихъ сердецъ» Воинъ былъ въ то же время поэтомъ: вдохновеніе сходило на него часто въ такой моментъ. когда совершенно не приходилось думать о писаніи. Въ хадисахъ мы находимъ описаніе такихъ моментовъ. [2]).

Эта поэзія, которую можно назвать зеркаломъ земной жизни, описываетъ главнымъ образомъ радости сраженія и опасности путешествій по пустынѣ; острый мечъ, смертоносное копье, дротикъ и стрѣлы съ быстрымъ полетомъ; свѣжую зелень луговъ и пасущіяся на нихъ стада; внезапно срывающійся вѣтеръ, который гонитъ тучи песку; тропическую грозу, отдающіеся въ горахъ раскаты грома и сбѣгающіе послѣ ливня съ горъ потоки [3]). Вотъ все, что можно почерпнуть изъ того, что дошло до нашего времени. Дошло въ общемъ весьма немного: кромѣ «семи поэмъ» или «семи одъ», сохранился еще сборникъ героическихъ пѣсенъ «хамази» или «китаб-уль-агани». Книга Пѣсенъ, гдѣ, на подобіе мелодекламаціи. слова соединяются вмѣстѣ съ музыкой.

Поэтъ въ душѣ, арабъ все поэтизировалъ, даже животныхъ. Верблюдъ конечно незамѣнимъ для араба, и онъ является для него не только работникомъ или товарищемъ, но прямо другомъ и членомъ семьи, такъ какъ рожденіе верблюженка встрѣчается съ не меньшей радостью, чѣмъ рожденіе младенца. Въ исторіи исламизма верблюдъ игралъ и продолжаетъ играть роль, конечно чисто случайную. Первая мечеть была построена на томъ мѣстѣ, гдѣ легла на ночлегъ верблюдица Пророка послѣ его бѣгства изъ Мекки въ Медину. Храмъ Неджефа построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ верблюдъ, на которомъ ѣздилъ Али, положилъ трупъ своего господина. До сихъ поръ проповѣдь во время паломничества про-

---

[1]) Sale. P. D. p. 22.
[2]) As-Sahih. Al-Boukhari.
[3]) Johnstone. Muhammad. p. 18.

износится, у горы Арафата, со спины верблюда въ подражаніе Мухаммеду.

Положеніе арабской женщины въ до-исламическія времена было гораздо хуже, чѣмъ теперь въ мусульманскихъ государствахъ. Женщина не имѣла правъ, она не могла наслѣдовать собственность,—напротивъ, она сама составляла часть имущества, которое переходило къ наслѣдникамъ ея мужа, и ближайшій изъ нихъ имѣлъ право жениться на ней помимо ея воли. Отсюда произошли позорные браки пасынковъ съ мачехами и еще худшіе, противъ которыхъ такъ рѣшительно возсталъ Мухаммедъ, замѣтивъ, что нѣкоторые не отказываются отъ своего права, хотя общій голосъ и не одобрялъ такихъ поступковъ.

Многоженство было всеобщимъ и совершенно неограниченнымъ,—такимъ же неограниченнымъ былъ и разводъ, поскольку это касалось мужа.

Большинство женщинъ было въ самомъ жалкомъ положеніи, съ которымъ теперешнее положеніе не можетъ итти въ сравненіе; но были и исключенія, правда, очень рѣдкія, когда женщины занимали высокое мѣсто [1])

Нѣкоторыя изъ собранныхъ докторомъ Джессапомъ пословицъ всего лучше показываютъ положеніе женщины. [2]).

«Отправить женщину на тотъ свѣтъ—благодѣяніе

«Лучшій зять—могила.

«Въ повиновеніи женщинѣ придется раскаиваться.

«Мужчина можетъ вынести все, кромѣ упоминанія о его женѣ.

«Сердце женщины предано безумію.

«Не оставляй безъ присмотра дѣвушку и зеленую пажить.

«Женщины-бичи сатаны.

«Наша мать запрещаетъ намъ заблуждаться, а сама бѣжитъ къ заблужденію.

«Мой отецъ сражается, а моя мать болтаетъ объ этомъ».

Думаемъ, что этихъ образцовъ вполнѣ достаточно для того, чтобы судить о предметѣ.

Въ многоженствѣ заключалось много зла, которое еще больше увеличивалось отъ существовавшаго еще у древнихъ арабовъ обыкновенія заключать временные и условные браки,—обычай, который и теперь еще благополучно существуетъ во многихъ мусульманскихъ странахъ, главнымъ образомъ въ Персіи. Такія понятія о нравственности самымъ несчастнымъ образомъ вліяли на соціальный строй населенія Аравійскаго полуострова. До-исламі-

---

[1]) B. Smith. Muhammad and muh-ism. p. 82.

[2]) Jessup. The woman of Arabs.

ческіе арабы иногда такъ далеко простирали свое отвращеніе къ женщинѣ, что убивали своихъ дочерей, закапывая ихъ живыми въ землю Этотъ ужасный обычай, бывшій въ большемъ распространеніи у кораишитовъ, подвергся жестокому осужденію со стороны Мухаммеда и былъ запрещенъ подъ угрозой строгихъ наказаній. [1]). Взглядъ на женщину поражалъ своей узостью и тенденціозностью. Женщина разсматривалась, какъ существо, по своей природѣ уже склонное къ пороку, и совершенно не способное сдѣлаться совѣтницей или товарищемъ своего мужа. Женщина-существо низшей породы Такъ это и до сихъ поръ у большинства мусульманъ· спросить о здоровьѣ жены значило бы совершить непростительную грубость Такой взглядъ придавилъ женщину и не далъ возможности развиться въ ней тѣмъ качествамъ и проявиться тѣмъ порывамъ, которые такъ высоко подымаютъ женщину въ нашихъ глазахъ.

Какъ исламъ отразился на мусульманскомъ мірѣ, и каковы были практическіе результаты догматическаго ученія? Посмотримъ, начиная съ семьи, что внесъ исламъ въ разныя области социальной жизни.

Какъ мы только что сказали, положеніе арабской женщины въ до-исламическій періодъ было далеко не завиднымъ: само рожденіе уже обрекало ее на смерть, такъ какъ обычай убивать дѣвочекъ былъ весьма распространенъ,—оставшіяся въ живыхъ были обречены на безправіе и мужской произволъ. Обычай многоженства дѣлалъ разводъ весьма частымъ явленіемъ. [2]). Правда, что Мухаммедъ сдѣлалъ нѣкоторыя ограниченія въ неограниченной свободѣ до-исламическаго многоженства и въ абсолютномъ произволѣ восточнаго развода. И, говоритъ Смитъ, если социальнымъ пробнымъ камнемъ религіи является ея отношеніе къ женщинѣ и ея взглядъ на бѣдныхъ и притѣсняемыхъ, то религія Мухаммеда можетъ выдержать испытаніе. Законы Мухаммеда въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, были много впереди языческой, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже и европейской практики.

Напримѣръ, древніе арабы допускали произвольное число женъ, Коранъ же ограничиваетъ число законныхъ женъ четырьмя. Вотъ это и еще указаніе степеней родства, при которыхъ вступленіе въ бракъ не дозволяется, и составляетъ всю реформу Мухаммеда касательно брачнаго вопроса.

Теперь, какъ можно разсматривать эту реформу,—съ нравственной или съ соціальной точки зрѣнія? Разсматриваемая съ

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. 189.
[2]) Tisdall Rel. of Cresc p. 194.
[3]) B. Smith. Muh. and muh-isn p. p. 202, 203.

нравственной точки зрѣнія, эта реформа едва ли стоитъ многаго: ея достоинство можно признать только въ томъ случаѣ, если изъ двухъ золъ менѣе безнравственное признавать образцомъ нравственности. Если реформа проводилась въ нравственной области, другими словами, если было признано, что многоженство безнравственно, то почему, въ сущности, имѣть пять женъ будетъ безнравственнѣе, чѣмъ имѣть только четырехъ? Кромѣ того, ограничивая число женъ четырьмя, Мухаммедъ допустилъ неограниченное число наложницъ, т. е. перемѣнилъ названіе, и только. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія нравственности, гдѣ рѣшенія должны быть абсолютны, реформа не имѣетъ никакой цѣнности. Другое дѣло, если ее разсматривать съ соціальной точки зрѣнія, гдѣ императивы не могутъ быть такъ абсолютны. Если Мухаммедъ разрѣшилъ множественное число женъ на томъ основаніи, что пылкая натура араба не могла удовлетвориться одною, то не обрекалъ ли онъ этимъ извѣстную часть мужского населенія, тоже не лишеннаго пылкости, на безбрачіе или на суррогаты брачной жизни, которыми такъ изобилуетъ Востокъ? Приходится признать, что онъ совершилъ эту ошибку. онъ не уничтожилъ древнихъ обычаевъ, а лишь ввелъ въ нихъ незначительныя поправки. Съ соціальной точки зрѣнія, всякое ограниченіе конечно уже являлось извѣстнымъ плюсомъ, но уже очень незначительнымъ. И трудно объяснить себѣ то восторженное отношеніе къ этой несовершенной реформѣ, которое высказываетъ выше цитированный авторъ.

Среди арабовъ «невѣжества», говоритъ Смисъ дальше,—разводъ былъ дѣломъ ничтожнаго каприза, и разведенная жена теряла при этомъ и свое приданое и всѣ супружскія права. Коранъ же приказываетъ, чтобы приданое было возвращаемо обратно. Чтобы усилить сознательность и предупредить капризы, Мухаммедъ постановилъ, что человѣкъ, разъ уже произнесшій формулу развода, не имѣетъ права вернуть къ себѣ жену до тѣхъ поръ, пока онъ не уплатитъ нѣкоторую пеню за свою легкомысленную жестокость, отпустивъ, напримѣръ, одного раба на свободу. Но это лишь общія указанія, и дальше, въ своемъ мѣстѣ, мы увидимъ, какіе нравственные ужасы скрываетъ въ себѣ реформированная система брака, и съ какими безнравственными подробностями бываетъ связанъ разводъ.

Далѣе законодательство Мухаммеда коснулось наслѣдственнаго вопроса, и здѣсь ему нельзя отказать въ томъ, что онъ внесъ въ жизнь нѣкоторыя положительныя стороны. Такъ, древніе арабы не давали женщинѣ участія въ долѣ имущества мужа или отца—на томъ основаніи, что собственность, якобы, можетъ наслѣдовать лишь тотъ, кто въ состояніи носить оружіе. Коранъ говоритъ, что женщины имѣютъ право на наслѣдство, и даже

указывается, въ какомъ размѣрѣ. Такъ напримѣръ, сестра получаетъ половинную противъ брата часть. Древніе арабы смотрѣли на жену умершаго мужа, какъ на составную часть имущества, переходящаго къ его наслѣднику, а этотъ послѣдній оказывался иногда ея пасынкомъ.

Кромѣ того, Мухаммедъ запретилъ убійство дѣвочекъ, что сплошь и рядомъ практиковалось въ до-исламическія времена, такъ какъ, по пословицѣ, «отправить женщину на тотъ свѣтъ было благодѣяніе». Пожеланія, высказываемыя новобрачнымъ въ болѣе мягкой формѣ, выражали приблизительно ту же идею: «съ миромъ и благоденствіемъ, съ сыновьями, но безъ дочерей». [1]). Запрещая жестокій обычай, Мухаммедъ сказалъ, что въ день страшнаго суда дѣвочки, которыя были живыми зарыты въ землю, спросятъ, за какое преступленіе онѣ были убиты.

Презрѣніе къ женщинѣ у арабовъ простиралось очень далеко. Вѣря сами въ нѣкоторую форму будущей жизни, они не допускали, что въ ней можетъ найтись мѣсто и для женщины. Нѣкоторые считали таковымъ же и мнѣніе Мухаммеда, но въ Коранѣ находятся слова: «кто творитъ добро и является истинно вѣрующимъ,—мужчина или женщина—тотъ будетъ допущенъ въ рай». Въ преданіяхъ мы находимъ такой разсказъ. Однажды къ Мухаммеду подошла старая женщина, прося его походатайствовать за нее передъ Богомъ, чтобы ее допустили въ рай. «Ни одна старая женщина не будетъ допущена туда», строго возразилъ Мухаммедъ Но, когда огорченная женщина залилась горькими слезами, Мухаммедъ съ усмѣшкой сказалъ ей. «ни одна старая женщина, такъ какъ тамъ всѣ снова будутъ молоды».

Хотя въ сказанной на горѣ Арафатѣ проповѣди. бывшею прощальной заповѣдью Мухаммеда, и говорится, что жены имѣютъ права надъ мужьями совершенно такъ же, какъ мужья имѣютъ права надъ ними, и что мужья должны относится къ женамъ съ добротой и не обижать ихъ, но едва ли законодательство Мухаммеда, и въ особенности въ его практическомъ примѣненіи, можетъ назваться «ученіемъ уваженія къ женщинѣ», какъ то говоритъ Амиръ Али [2]). Впрочемъ онъ довольно смѣло заявляетъ, что многоженство противорѣчитъ духу ислама. [3])

Другимъ зломъ древней арабской жизни было рабство, это печальное наслѣдіе первыхъ дней человѣчества, когда человѣкъ сталъ пытаться замѣнить себя въ работѣ другимъ. Это зло было очень широко распространено среди арабовъ: набѣги совершались

---

[1]) B. Smith. Muh. and muh-isn p. 202.
[2]) Ameer Ali. Sp. of islam. p. 189.
[3]) Idem. p. 216.

очень часто, и въ рабахъ никогда не было недостатка. Пытаясь реформировать религію, Мухаммедъ былъ безсиленъ въ корнѣ реформировать соціальный строй страны, и нравственныя доктрины его ученія не соотвѣтствовали этикѣ жизни. И рабство, мимо котораго Христосъ прошелъ съ печально опущенной головой, Мухаммедомъ было возведено въ норму закона. Онъ увѣковѣчилъ его, объявивъ войну противъ невѣрныхъ, неизбѣжнымъ результатомъ которой является рабство. Для поддержанія религіознаго рвенія онъ объявилъ, что мусульманинъ не можетъ быть рабомъ,— слѣдовательно, арабскія племена, принявшія исламъ, не должны были обезсиливать себя междоусобіями, а должны были направлять свои поиски рабовъ въ среду невѣрныхъ.

Въ общемъ отношеніе Мухаммеда къ рабству выражается въ его ученіи весьма противорѣчиво: съ одной стороны, онъ рекомендуетъ всячески заботиться о рабахъ, хорошо обращаться съ ними, и освобожденіе раба считаетъ богоугоднымъ дѣломъ: съ другой же стороны, теоріей священной войны рабство закрѣпляется на вѣчныя времена. [1]). Хотя и существуетъ теорія, что проповѣдь джихада была вызвана лишь мѣстными условіями, и что, по исчезновеніи вызвавшихъ ее факторовъ, и сама она должна исчезнуть, но въ этомъ кроется глубокое заблужденіе. Это была не случайная суровая мѣра, а тонкая дальновидная политика. Въ смыслѣ политической системы исламъ представляетъ громадную силу, основой которой является объединеніе высшей временной и духовной власти, государства и церкви. Если только государь не узурпаторъ, то онъ халифъ, намѣстникъ Бога на землѣ, Его тѣнь. Политическій законъ ислама, при условіи его примѣненія съ силой, непримиримъ и всесокрушающъ: всякій не-мусульманинъ считается врагомъ государства и долженъ быть обращенъ въ исламизмъ, порабощенъ или убитъ. Такимъ образомъ, по отношенію къ христіанству, политическая система эта не можетъ быть охарактеризована иначе, чѣмъ борьба Полумѣсяца съ Крестомъ.

Закончимъ на этомъ вступительный очеркъ: въ слѣдующихъ главахъ мы постараемся показать, во что обратилъ исламъ религіозную и интеллектуальную жизнь тѣхъ, кто его исповѣдуетъ.

Въ арабахъ эпохи невѣжества было много хорошаго и много дурного, и эти качества переплетались въ самой причудливой формѣ, подчасъ совершенно непонятной для культурнаго ума, но вѣдь и въ жизни ихъ поэтическія натуры должны были примиряться порою съ самой жалкой прозой, они не знали законовъ, но были по своему честны, гостепріимны и щедры, но нападенія

---

[1]) Tisdall. Rel. of Cresc. p. 107.

на беззащитныхъ такъ же хорошо уживались съ благородствомъ ихъ натуры, какъ и нѣсколько сотъ ихъ идоловъ съ понятіемъ объ истинномъ Богѣ. Многоженство и рабство были шаткими устоями ихъ соціальной жизни Возвѣстивъ міру свою божественную миссію, Мухаммедъ реформировалъ религіозный и соціальный строй этой жизни Онъ подтвердилъ имъ смутную идею, мелькавшую у нихъ въ умѣ, что Богъ единъ, что кромѣ Него нѣтъ другихъ боговъ, и что самъ онъ пророкъ этого Бога. Онъ разбилъ идоловъ, но удержалъ обряды, которыми сопровождался древній культъ,—такимъ образомъ переходъ къ новой вѣрѣ для арабовъ былъ уже не такъ труденъ.

Въ области соціальной жизни Мухаммедъ ограничилъ число законныхъ женъ, установилъ запрещенныя для брака степени родства и сдѣлалъ обязательнымъ возвращеніе приданаго въ случаѣ развода. Въ этомъ отношеніи арабы также не почувствовали большого стѣсненія, такъ какъ ограниченіе многоженства было чисто призрачное,—въ дополненіе къ женамъ всякій могъ еще имѣть столько наложницъ, сколько хотѣлъ Личный примѣръ Мухаммеда въ этомъ отношеніи былъ предметомъ не малаго соблазна для вѣрующихъ и причиной строгихъ осужденій и нападковъ со стороны многочисленныхъ враговъ Этимъ отчасти можно объяснить недоброжелательное отношеніе Мухаммеда къ поэзіи и въ особенности къ поэтамъ: всѣ поэты его времени были противъ него

Теоретическое дарованіе правъ женщинѣ мало измѣнило ея положеніе въ практической жизни: она не была помощницей или другомъ мужа,—для однихъ она была рабой, для другихъ—игрушкой. Среди мусульманъ не было, нѣтъ и не будетъ того, что мы привыкли называть семейной жизнью: мужская половина отдѣлена отъ женской, и жена даже не ѣстъ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. Что такое психологія гарема, какія чувства обуреваютъ иногда многочисленныхъ женъ, ихъ ревность и ненависть другъ къ другу, —все это можно видѣть изъ личной жизни Мухаммеда. Во всякомъ случаѣ въ числѣ положительныхъ качествъ ислама не можетъ быть помѣщено созданіе семейной жизни.

Исламъ понимается очень различно, и опредѣленія, даваемыя ему, часто совершенно непримиримы другъ съ другомъ. Чтобы взять примѣръ, поставимъ рядомъ два такихъ опредѣленія.

Исламъ—религія, говоритъ Хенсъ [1]), которая, будучи національной по происхожденію, съ обнаженнымъ мечомъ набросилась на половину націй стараго свѣта, давя ихъ индивидуальность, останавливая ихъ развитіе и принуждая ихъ навсегда остаться въ той стадіи цивилизаціи, которая была достигнута арабами въ седьмомъ вѣкѣ нашей эры.

[1]) Haines. Islam as a missionary religion. p. 15.

Какъ это мало походитъ на то, что говоритъ Смисъ [1])

..Безъ всякой видимой натяжки мы свободно признали бы фактъ который сами мусульмане теперь склонны, повидимому, отрицать, а именно, что исламъ есть самое тѣсное приближеніе къ христіанству. Даже, памятуя глубокое уваженіе Мухаммеда къ Христу, я назвалъ бы его единственной формой христіанства, которая всегда болѣе подходитъ для націй Востока. Мусульманство — единственная религія въ мірѣ, кромѣ нашей и еврейства, которая является строго монотеистической и духовной. Наконецъ, мусульманство, несмотря на столѣтія войнъ и недоразумѣній, смотритъ на Основателя нашей религіи развѣ лишь съ чуть чуть меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ это дѣлаютъ самые набожные христіане. И величайшая честь, на которую они только могутъ разсчитывать, приготовлена Христу—въ сохраняемой для него могилѣ, рядомъ съ самимъ Пророкомъ, въ большой Мединской мечети.

Правда, Смисъ пользуется печальной извѣстностью въ спеціальной литературѣ, и онъ является убѣжденнымъ апологетомъ мусульманства, но всему должна быть мѣра: лишь самое поверхностное знакомство съ исламомъ можетъ извинить приведенныя выше строки, но Смиса нельзя обвинить въ этомъ. Пишущіе для европейской публики мусульмане никогда не забываютъ цитировать его, не упоминая конечно о той суровой критикѣ, которой подвергались его взгляды, и изъ которой ясно можно видѣть, что эти взгляды не только не раздѣляются большинствомъ, но, напротивъ, опровергаются.

Какъ бы то ни было, Аравія, изолированная вслѣдствіе различныхъ причинъ, о которыхъ мы кратко упоминали выше, и спавшая въ теченіе долгихъ вѣковъ, должна была пробудиться: ея воинственныя племена должны были соединиться въ одно цѣлое въ одной вѣрѣ и въ повиновеніи одной господствующей идеѣ. Мракъ древняго идолопоклонства долженъ былъ разсѣяться передъ свѣтомъ новаго ученія. [2]). Религія, которой мусульманская цивилизація обязана своимъ совершенно особеннымъ характеромъ, во всѣ времена служила предметомъ самыхъ тщательныхъ изслѣдованій, и едва ли можно считать, что все уже сдѣлано въ этой области, и сколько еще недоумѣній и ошибокъ произойдетъ, говоритъ Хургронжъ [3]), пока не наступитъ здоровая взаимооцѣнка Европы и мусульманскаго Востока и не приведетъ ихъ къ извлеченію взаимныхъ выгодъ.

---

[1]) B. Smith. Muh. and muh-ism. p. p. 220—226.

[2]) Johnstone. Muhammad. p. 1.

[3]) C. Snouck Hurgronje. Contributions rècentes à la connaissance de l'islam. p. 2.

Съ этимъ нельзя не согласиться, такъ какъ христіанство и исламизмъ существуютъ рядомъ: у той и у другой религіи имѣются своя сила и свои слабости. Обѣ настолько распространились, что соприкасаются между собою во многихъ пунктахъ. Пускай исламизмъ умираетъ, и ему только и заботы о томъ, что охранять слабѣющее дыханіе своей угасающей жизни; пусть христіанство совершенно индиферентно, и обѣ религіи, въ качествѣ таковыхъ, могли бы спокойно ужиться рядомъ; здѣсь важенъ практическій вопросъ: возможны ли для народовъ, соединившихся въ лонѣ той или другой религіи, такія условія, при которыхъ они могли бы выгодно и безопасно существовать другъ подлѣ друга?

Какъ мы видѣли, религія древнихъ арабовъ была племенной, чисто національной, и лишь съ возвеличеніемъ Мекки она стала понемногу принимать интернаціональный характеръ, и идея единаго Бога все яснѣе стала выступать изъ-за густой толпы идоловъ, равнодушно наблюдающихъ совершающееся передъ ними поклоненіе

Особенно рѣзко сказалась эта тенденція въ исканіяхъ ханифовъ, которые первыми рѣшаются заговорить о безсмертіи. Это были совершенно тѣ же идеи, которыя Мухаммеду пришлось позаимствовать изъ книжныхъ религій, и онъ провозгласилъ исламъ очищающимъ продолженіемъ этихъ религій.

То вѣчно великое, что составляетъ силу ислама, идея единаго Бога, было схвачено Мухаммедомъ въ религіозно бродившей массѣ и систематизировано, но не внесено въ религію извнѣ.

«Чтобы понять дальше истинный характеръ исламизма, не надо упускать изъ виду, что въ первомъ уже вѣкѣ его существованія вся общественная и политическая жизнь исповѣдывавшихъ эту религію народовъ была вдвинута въ рамки каноническаго права: когда только еще начиналась жизнь, были уже созданы идеалы и объявлены вѣчными, и это уже заранѣе обрекло новую религію на застой и вынужденную обособленность» [1]).

---

[1]) C. S Hurgronje. Contributions rècentes. pp. 4, 5.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мухаммедъ.

Глава первая.
(570—610 г.).

Желая проявить Себя, Богъ создалъ «свѣтъ Мухаммеда» еще за тысячу лѣтъ до творенія, и долгое время этотъ свѣтъ пребывалъ въ небесахъ: потомъ, преобразованный въ вещество, онъ былъ раздѣленъ на десять частей: тронъ, сокровенныя таблицы, солнце, луну и т. д. и, наконецъ, Духъ Мухаммеда. Этотъ духъ 70000 лѣтъ совершалъ поклоненіе Богу вокругъ Его престола и 5000 лѣтъ у подножія его. Послѣ этого, по приказанію Бога, Гавріилъ и другіе ангелы спустились съ небесъ и достали горсть нашей земли. Напитанная всякими ароматами и благовоніями, земля эта обратилась въ существо Мухаммеда и была обнесена вокругъ свѣта архангеломъ Гавріиломъ, который всему сущему провозглашалъ радостную вѣсть: «это земля любимца Бога, заступника за грѣшниковъ» Еще задолго до сотворенія Адама драгоцѣнная эмблема оставалась подвѣшенной, на подобіе лампы или блестящей звѣзды, на высочайшемъ изъ небесъ. Это была Вѣра, которая, по ученію Корана, была предложена всему міросданію, но всѣ отстранились отъ нея, и лишь только одинъ отважный человѣкъ взялъ ее на свою отвѣтственность. Данный такимъ образомъ человѣку, свѣтъ Мухаммеда вышелъ изъ лба Адама. Онъ переходилъ изъ поколѣнія въ поколѣніе достойнѣйшихъ, пока не засіялъ на челѣ отца Мухаммеда-Абдуллы. [1]).

Беременная Амина, мать Мухаммеда, видѣла во снѣ, что изъ ея чрева распространился свѣтъ, озарившій всю Аравію.

Эта легенда показываетъ, какими глазами смотрятъ вѣрующіе, не считающіеся съ догматическимъ ученіемъ, на Мухаммеда, «послѣдняго и величайшаго изъ пророковъ».

---

[1]) Sir W. Muir. Mohammedan controversy p. 79.

По словамъ преданій, доведшихъ до насъ подлинныя слова Мухаммеда, онъ не только хорошо помнилъ всѣ событія первыхъ дней своей жизни, но, еще находясь во чревѣ матери, слышалъ шумъ поклоненія, совершаемаго на небесахъ передъ престоломъ Бога. [1]).

Едва родившись, онъ слабымъ, но отчетливымъ голосомъ произнесъ: «свидѣтельствую, что нѣтъ бога кромѣ Бога, и я пророкъ Его». [2]).

Правда, что это находится въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ тѣми же преданіями, которыя говорятъ, что рѣчь Мухаммеда можно было понимать съ восьми мѣсяцевъ,—но вѣдь иначе это и не было бы чудомъ.

Остановимся на этомъ, такъ какъ иначе цѣлый томъ пришлось бы посвятить первымъ днямъ жизни Мухаммеда.

Мухаммедъ, великій основатель религіи ислама, родился въ Меккѣ въ 570-мъ году христіанской эры. Точно опредѣлить день его рожденія представляется невозможнымъ, но большинство относитъ это событіе, переводя его на европейскій календарь, къ мѣсяцу августу. Мухаммедъ происходилъ изъ доблестнаго и славнаго рода Корайша, имѣвшаго двѣ вѣтви, родоначальниками которыхъ были два брата—Хашимъ и Абд-уш-Шамсъ [3]).

Вкратцѣ родословная Мухаммеда такая: сынъ Абдуллы, сынъ Абд-ул-Муталиба, сынъ Хашима, сына Абд-Манафа, сынъ Косая, сынъ Келаба, сынъ Морра, сынъ Каба, сынъ Ловая, сынъ Хабиба, сынъ Фира, сынъ Малека, сынъ Мадра, сынъ Кенана, сынъ Хозаймa, сынъ Модрака, сынъ Эліяса, сынъ Назара, сынъ Маада, сынъ Аднана.

По преданію, переданному Джобаиромъ, Мухаммедъ сказалъ однажды: «у меня пять именъ: Я Мухаммедъ, я Ахмедъ, я—аль-Махи, т. е. тотъ, съ помощью котораго Богъ уничтожаетъ невѣріе; я—аль-Хаширъ, т. е. тотъ, у ногъ котораго соберутся люди (въ день воскресенія); я—аль-Акибъ, т. е. послѣдній, пришедшій послѣ другихъ пророковъ». [4]).

Если арабскіе генеалоги не ведутъ родословную Мухаммеда дальше Аднана, это лишь потому, что всѣ согласны видѣть въ этомъ послѣднемъ прямого потомка Измаила, сына Авраама. [5]).

Хашимъ, прадѣдъ Мухаммеда, былъ большимъ благодѣте-

---

[1]) Jir W. Muir. p. 82.
[2]) Idem. p. 81.
[3]) См. таблицу въ концѣ книги.
[4]) As-Sahih. v. II. p. 547.
[5]) O. Houdas. L' islamisme. p. 19.

лемъ Мекки. Такъ какъ городъ былъ расположенъ на безплодной каменистой мѣстности, то въ немъ очень часто ощущался недостатокъ провизіи. Чтобы найти выходъ изъ этого положенія, которое представляло громадныя неудобства, въ особенности во время скопленія пилигримовъ, Хашимъ учредилъ два ежегодныхъ каравана: зимній въ Іеменъ и лѣтній—въ Сирію. Такимъ образомъ не только годовая потребность города въ продовольствіи была удовлетворена, но караваны привозили еще цѣнные товары изъ тѣхъ странъ, куда они ходили.

Городъ былъ складочнымъ мѣстомъ родомъ ярмарки, и вся главнѣйшая торговля была сосредоточена въ рукахъ корайшитовъ, которые были самымъ могущественнымъ племенемъ. Въ рукахъ Хашима была сосредоточена высшая власть управленія теократической республики, какой могла быть названа Мекка.

По смерти Хашима, ему наслѣдовалъ его сынъ Абд-ул-Муталибъ, при которомъ произошло «абиссинское нашествіе». Попытка абиссинскаго губернатора Іемена-Абраха окончилась неудачей, и онъ былъ принужденъ отступить. [1]).

Абд-ул-Муталибъ продолжалъ политику своего отца и сумѣлъ заслужить всеобщее уваженіе, что окончательно укрѣпило храненіе Каабы за линіей хашимитовъ—къ великому неудовольствію и зависти линіи Абд-уш-Шамса.

У Абд-ул-Муталиба было двѣнадцать сыновей и четыре или шесть дочерей. Сыновья были слѣдующіе: 1) Харисъ, 2) Абд-уль-Узаа (болѣе извѣстный въ исторіи ислама подъ именемъ Абу-Лахаба), 3) Абд-Манафъ (болѣе извѣстный подъ именемъ Абу-Талиба), 4) Зобаиръ, 5) Абдулла, 6) Дираръ, 7) Аббасъ, 8) Мукаввимъ, 9) Джахль и 10) Хамза. Исторія не сохранили именъ двухъ остальныхъ сыновей его [2]).

По обѣту Абд-ул-Муталибъ долженъ былъ принести въ жертву передъ Каабой одного изъ своихъ сыновей. Кинутый жребій палъ на его любимаго сына Абдуллу. Отецъ выкупилъ свою клятву цѣною ста верблюдовъ. Вскорѣ послѣ этого онъ женилъ своего сына на Аминѣ, которая также происходила отъ одной боковой вѣтви корайшитовъ. Она была дочерью Вахба, начальника племени Зухри. [3]).

Если вѣрить мусульманскимъ преданіямъ, Абдулла былъ такъ красивъ и въ такой степени обладалъ качествами, производящими впечатлѣніе на женщинъ, что въ ту ночь, когда совер-

---

[1]) См. Введеніе.

[2]) Ameer Ali. Spirit. of islam. p. 7.

[3]) Idem.

шился бракъ его съ Аминой, двѣсти дѣвушекъ кораишитскаго племени умерли отъ разрыва сердца. [1])

Мухаммедъ былъ первымъ и единственнымъ плодомъ этого, такъ много обѣщавшаго, брака. Онъ родился сиротою, такъ какъ рожденіе его послѣдовало черезъ нѣкоторое время послѣ смерти отца, умершаго во время одного путешествія въ южную Сирію.

По мусульманскимъ преданіямъ, рожденіе Мухаммеда сопровождалось различными знаменіями, указывавшими на то, что родившійся ребенокъ не былъ обыкновеннымъ человѣкомъ. Къ числу этихъ знаменій и обстоятельствъ относятся между прочимъ слѣдующія Мать его совершенно не страдала при родахъ. Озеро Сава совершенно высохло, какъ будто дно поглотило всю воду, а разлившійся Тигръ затопилъ всю окрестную страну. Дворецъ шаха Персіи—Хозрова былъ потрясенъ до основанія, и многія изъ его башенъ сброшены на землю. Кази Персіи видѣлъ въ эту ночь знаменательный сонъ, будто какой то арабъ усмирилъ взбѣсившагося верблюда, и этотъ сонъ былъ истолкованъ, какъ указаніе опасности, грозящей со стороны Аравіи. Въ ту же самую ночь погасъ священный огонь въ храмѣ Зороастра, и идолы въ капищахъ были сброшены на землю.

Джинны и злые геніи, вмѣстѣ съ ихъ главой Иблисомъ, т. е. дьяволомъ, были усилемъ шести ангеловъ ввержены въ пучину морскую, но она потомъ изрыгнула ихъ назадъ.

Братъ Амины, занимавшійся астрологіей, составилъ гороскопъ новорожденнаго и предсказалъ что онъ достигнетъ высшей власти и будетъ основателемъ государства и новой религіи.

На седьмой день послѣ рожденія ребенка, его дѣдъ Абдул-Муталибъ устроилъ пиръ, пригласилъ на него главнѣйшихъ корайшитовъ, представилъ имъ ребенка и назвалъ его Мухаммедомъ.

Положеніе Амины было далеко не завидное, такъ какъ ей съ ребенкомъ послѣ мужа не оставалось почти никакого имущества. Все наслѣдство заключалось въ четырехъ или пяти верблюдахъ и нѣсколькихъ овцахъ. Кромѣ того, была еще одна рабыня—абиссинка Барака.

Мать не могла долго кормить ребенка, такъ какъ у нея отъ горя пропало молоко. Кромѣ того, воздухъ Мекки былъ очень нездоровъ для дѣтей, и тамъ существовало обыкновеніе отдавать ихъ на воспитаніе къ окрестнымъ бедуинамъ. Въ силу этого обычая, дважды въ годъ въ Мекку приходили изъ окрестныхъ мѣстностей бедуинки наниматься въ кормилицы. Для Мухаммеда не скоро можно было найти кормилицу, такъ какъ не было никакой надежды получить хорошую плату за свои заботы о немъ, потому что мать его была очень бѣдна. Наконецъ одна женщина, по име-

[1]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 13.

ни Халима, жена пастуха изъ племени Бэни-Садъ, взяла его на вскормленіе, сжалившись надъ нимъ. На другой же день она отправилась съ нимъ въ окрестности города Таифа, гдѣ кочевало ея племя.

Великодушная женщина не пожалѣла о томъ, что она сдѣлала, такъ какъ, гласятъ преданія, мулъ, на котораго она положила ребенка, по дорогѣ заговорилъ человѣческимъ голосомъ и сказалъ, что на своей спинѣ онъ несетъ величайшаго изъ пророковъ, любимца Всемогущаго. Овцы кланялись ему, когда мулъ проходилъ мимо нихъ. Когда ребенокъ лежалъ въ колыбели и смотрѣлъ на луну, она останавливалась въ своемъ движеніи изъ уваженія къ нему.

Благосостояніе посѣтило до тѣхъ поръ бѣдный домъ Халимы: колодцы и ключи никогда не высыхали, луга всегда были зелены, стада сильно плодились.

Мухаммедъ всегда помнилъ свою кормилицу и хорошо и тепло относился къ ней. Въ годъ сильной засухи, что случилось въ 596-мъ году, Халима посѣтила его въ Меккѣ. Онъ представилъ ее Хадиджѣ, и та щедро одѣлила ее. Черезъ нѣсколько лѣтъ пришла ея дочь, съ которой также обращались весьма почтительно и относились къ ней съ уваженіемъ. Наконецъ, послѣ взятія Таифа Халима явилась заступницей за своихъ плѣнныхъ сородичей, и Мухаммедъ исполнилъ ея просьбу. [1]).

Дѣтство Мухаммеда, въ изображеніи легендъ, было довольно необыкновенно въ три мѣсяца онъ уже стоялъ на ногахъ, около семи бѣгалъ, а въ десять онъ уже вмѣстѣ съ другими дѣтьми упражнялся копьемъ и стрѣлами. Въ восемь мѣсяцевъ его рѣчь уже можно было понимать, а въ девять онъ говорилъ совершенно хорошо. [2]).

Когда ребенку исполнилось два года, его отправили показать матери Она была очень счастлива видѣть его, но, опасаясь за вредное дѣйствіе на него климата Мекки, опять на нѣкоторое время отослала его обратно. [3]).

Однажды, въ это время Мухаммеду было три или четыре года, онъ игралъ со своимъ молочнымъ братомъ Масрудомъ, какъ вдругъ два сіяющіе ангела появились передъ нимъ. одинъ изъ нихъ былъ Гавріилъ. Онъ тихонько положилъ Мухаммеда на землю и безъ всякой боли для него открылъ ему грудь. Вынутое сердце, говорятъ преданія, было очищено отъ всякой скверны, изъ него удалены черныя и горькія капли первороднаго грѣха, который унаслѣдованъ человѣчествомъ отъ Адама и лучшихъ подталки-

[1]) Johnstone. Muhammad. p. 47.
[2]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 15.
[3]) Stobart. Islam. 47.

ваетъ на совершеніе преступленій. Между плечами была поставлена печать, знакъ пророчества, но невѣрующіе видѣли въ ней лишь родимое пятнышко

Когда объ этомъ чудесномъ посѣщеніи узнали Халима и ея мужъ, они очень испугались, принявъ ангеловъ за злыхъ духовъ. Тогда Халима, не желая болѣе оставлять ребенка на своей отвѣтственности, отвезла его обратно въ Мекку и сдала матери.

Вмѣстѣ съ матерью Мухаммедъ остался до шестого года, когда (576 г.) она взяла его съ собой въ Ятрибъ, гдѣ она хотѣла повидаться со своими родственниками изъ племени адиджа, а также поклониться могилѣ мужа.

На обратномъ пути она умерла и была похоронена въ селеніи Абва, между Меккой и Ятрибомъ.

Хотя печали и огорченія дѣтскихъ лѣтъ бываютъ, по счастью, скоропреходящи, но, повидимому, время никогда не изгладило въ сердцѣ Мухаммеда воспоминанія о горячо любимой матери, ни о томъ чувствѣ отчаянія, которое ему причинила ея потеря. Много лѣтъ послѣ этого, когда уже было принято и распространилось его ученье, онъ горько плакалъ на ея могилѣ. Когда его спутники спросили его о причинѣ его слезъ, онъ отвѣтилъ, что плачетъ о матери, за которую ему Богомъ запрещено молиться, такъ какъ она умерла въ невѣріи. [1]).

Вѣрная раба—абиссинка на нѣкоторое время замѣнила ребенку мать и отвела его къ его дѣду Абд-ул-Мутталибу. Тамъ ребенокъ пробылъ два года, и все это время дѣдъ былъ очень нѣженъ съ нимъ. Онъ былъ уже въ весьма преклонномъ возрастѣ и чувствовалъ, что конецъ его приближается. Тогда онъ призвалъ своего старшаго сына Абу-Талиба и поручилъ Мухаммеда его специальному покровительству. Дальнѣйшая исторія покажетъ, какъ свято сдержалъ Абу-Талибъ свое обѣщаніе. Онъ всегда очень хорошо относился къ своему племяннику, и между ними завязалась самая нѣжная привязанность, которая сохранилась до конца дней. Единственно, что непріятно дѣйствовало впослѣдствіи на Мухаммеда, это то, что дядя его не хотѣлъ перейти въ исламизмъ.

Такъ какъ Абу-Талибъ былъ хранителемъ Каабы, то Мухаммедъ могъ очень близко и въ подробностяхъ наблюдать языческій культъ. Что это былъ за культъ, мы говорили объ этомъ выше и больше возвращаться къ этому не будемъ. Почетныя обязанности были связаны съ значительными расходами, а Абу-Талибъ былъ бѣденъ, такъ что онъ былъ вынужденъ передать часть своихъ обязанностей своему брату Аббасу. Та же самая бѣдность заставила его найти внѣ дома работу для Мухаммеда, когда тотъ обратился въ сильнаго юношу.

---

[1]) Johnstone Muhammad. p. 48.

То, что приходилось видѣть мальчику, сильно подѣйствовало на его впечатлительную натуру. Онъ постоянно сопровождалъ своего дядю въ Каабу и наблюдалъ за всѣмъ, что происходило тамъ. [1]). Возможно, что именно къ этимъ дѣтскимъ годамъ слѣдуетъ отнести первыя впечатлѣнія, если не мысли, относительно отрицательныхъ сторонъ идолопоклонства. Во всякомъ случаѣ, дѣтскія впечатлѣнія впослѣдствіи рефлектировали на его мозгъ.

Въ возрастѣ двѣнадцати лѣтъ Мухаммедъ уже выказывалъ необыкновенныя способности и развитіе и сдѣлался очень любознательнымъ: все его интересовало, и онъ обо всемъ разспрашивалъ со всѣхъ концовъ Аравіи сходившихся въ Меккѣ паломниковъ. Кромѣ того и его дядя Абу-Талибъ, по своей должности, обязанъ былъ имѣть дѣло съ караванами, отправляемыми ежегодно въ Сирію и Іеменъ.

Приходъ и отправленіе каравановъ было радостнымъ событіемъ въ жизни Мухаммеда. Да и дѣйствительно, прибытіе ежегоднаго каравана и стеченіе массы богомольцевъ въ Меккѣ было едва ли не самымъ интереснымъ событіемъ въ году. На улицахъ Мекки пестрая толпа, собравшаяся изъ самыхъ удаленныхъ концовъ Аравіи, никогда не виданные раньше товары, разсказы о незнакомыхъ вещахъ,—все это такъ интересовало мальчика, что у него явилось желаніе въ свою очередь увидать все это на мѣстѣ. Случай вскорѣ представился. Его дядя собирался съ караваномъ въ Сирію, и Мухаммедъ сталъ просить взять его съ собой въ это путешествіе. Хотя Абу-Талибъ и не особенно хотѣлъ подвергать мальчика всѣмъ трудностямъ долгаго пути, но онъ не могъ отказать настойчивымъ просьбамъ Мухаммеда, который такъ усердно умолялъ его, и они вмѣстѣ отправились въ путь.

Путешествіе это оставило сильный слѣдъ на пылкомъ воображеніи Мухаммеда. Вѣдь кромѣ путешествія въ Ятрибъ, куда онъ въ возрастѣ шести лѣтъ ходилъ съ матерью, онъ еще до сихъ поръ никогда не покидалъ равнины своего родного города. Пребываніе его на холмахъ Таифа не можетъ итти въ счетъ, такъ какъ тогда онъ былъ еще слишкомъ малъ. Теперь же путешествіе въ теченіе дня, остановка во время ночи, бивачные огни— производили глубокое впечатлѣніе на его юный и свѣжій мозгъ. [2]).

Дорога же, по которой проходили караваны, пролегала по мѣстностямъ, изобилующимъ всякими легендами и необыкновенными разсказами, и во время ночныхъ остановокъ каравана эти легенды разсказывались. Одна изъ такихъ легендарныхъ исторій касалась племени самудитовъ. Вотъ что разсказывала она: [3]).

---

[1]) Stobart. Islam. p. 49.

[2]) Stobart. Islam. p. 51.

[3]) W. Irving. Life of Mahomet. p.p. 22, 23.

Эта гордая раса гигантовъ существовала еще до Авраама [1]). Когда она впала въ слѣпое идолопоклонство, Богъ послалъ пророка, по имени Салеха, чтобы вернуть ихъ на путь истины. Они отказались слушать его, если только онъ совершеніемъ какого-нибудь чуда не докажетъ божественность своей миссіи И они сказали, чтобы онъ заставилъ выйти изъ горы беременную верблюдицу. Салехъ помолился объ этомъ, и вотъ, раскрылась гора, оттуда вышла верблюдица и разрѣшилась отъ бремени Нѣкоторые изъ самудитовъ послѣ этого чуда увѣровали и были отвращены пророкомъ отъ идолопоклонства, однако же большая часть осталась пребывать въ невѣріи. Салехъ оставилъ верблюдицу у нихъ, какъ знакъ, и предупредилъ ихъ, что ихъ постигнетъ небесный судъ, если они причинятъ верблюдицѣ какое-нибудь зло Нѣкоторое время верблюдица мирно паслась: утромъ уходила и вечеромъ возвращалась обратно. Правда, что, когда она наклоняла голову, чтобы напиться изъ колодца, она не подымала ее раньше, чѣмъ выпивала послѣднюю каплю. Но за то она и молока давала столько, что его хватало на цѣлое племя. Такъ какъ она наводила ужасъ на другихъ верблюдовъ, то самудиты ее убили. Тотчасъ же раздался сильный крикъ съ неба, загрохоталъ громъ, и утромъ всѣ тѣ, кто принималъ участіе въ убійствѣ, были найдены мертвыми. Такъ цѣлое племя было сметено съ лица земли.

Другая легенда говорила о томъ, что одно еврейское племя было обращено за идолопоклонство въ животныхъ: взрослые были обращены въ свиней, а малолѣтніе въ ословъ.

Путешествіе Мухаммеда, въ разсказахъ мусульманскихъ писателей, было не совсѣмъ обыкновеннымъ. Чтобы предохранить мальчика отъ жары, ангелы, невидимо для другихъ, обмахивали его своими крылами, или же облако все время плыло надъ нимъ. Однажды, когда онъ въ сильный зной укрылся подъ тощее дерево, оно сразу покрылось густой листвой. [2]).

На границѣ Сиріи караванъ остановился въ Босрѣ или Бострѣ, которая играла роль складочнаго мѣста. Въ городѣ жили христіане-несторіане, и караванъ остановился за городомъ подлѣ одного монастыря. Мухаммедъ разговаривалъ съ монахами, и нѣкоторые изъ нихъ были поражены его скороспѣлымъ развитіемъ и склонностью къ рѣшенію религіозныхъ вопросовъ. Главнымъ образомъ разговоры эти были направлены противъ идолопоклонства. Здѣсь и было положено первое знакомство Мухаммеда съ христіанскимъ ученіемъ. Здѣсь умѣстно обратить вниманіе на то обстоятельство, что, во-первыхъ, христіане были несторіанами, а,

---

[1]) См. Введеніе.

[2]) W. Irving. 23.

во-вторыхъ, какъ ни развитъ былъ Мухаммедъ, но все же онъ былъ еще слишкомъ малъ для уясненія себѣ и усвоенія, болѣе или менѣе правильнымъ путомъ, совершенно незнакомыхъ ему доктринъ новаго ученія. Да и времени для этого было слишкомъ мало.

Когда послѣ путешествія Мухаммедъ вернулся въ Мекку, его воображеніе было занято усиленной работой: приходилось переживать слишкомъ много впечатлѣній,—тутъ были и только что услышанные легендарные разсказы и разговоры съ монахами, послѣ которыхъ онъ съ какимъ то особеннымъ чувствомъ, котораго раньше не замѣчалъ, сталъ смотрѣть на идоловъ.

Когда Мухаммедъ сдѣлалъ съ дядей нѣсколько путешествій, уже подросъ и приглядѣлся къ дѣлу, онъ, по совѣту Абу-Талиба, обстоятельства котораго были очень стѣсненны, сталъ принимать различныя порученія по торговымъ дѣламъ. И въ качествѣ агента или торговаго представителя онъ совершилъ по Аравіи не одно путешествіе: побывалъ онъ въ Сиріи, Іеменѣ и другихъ мѣстахъ. Онъ также очень любилъ посѣщать ярмарки, въ особенности Оказъ (или Окадъ), гдѣ ежегодно устраивались поэтическіе турниры. Тамъ то онъ досыта наслушался различныхъ разсказовъ, преданій и легендъ, изъ которыхъ состояла тогда вся исторія арабовъ.

Тамъ же, надо думать, онъ могъ слышать горячую проповѣдь Коса, христіанскаго епископа Наджрана. Возможно, что здѣсь именно онъ и принялъ въ себя тѣ сѣмена, изъ которыхъ впослѣдствіи вышла та вѣра, въ которой объединились всѣ племена Аравіи. Взаимная враждебность христіанъ и евреевъ, хотя и тѣ и другіе исповѣдывали поклоненіе истинному Богу, хотя и тѣ и другіе одинаково ссылались на Писанія, и тѣ и другіе почитали имя Авраама и съ ужасомъ отшатывались отъ идолопоклонства, въ которомъ онъ выросъ,—заставили его, можетъ быть, думать, что въ обоихъ этихъ ученіяхъ лежитъ скрытой божественная истина, затемненная человѣческими измышленіями? И, можетъ быть, это именно и побудило его составить изъ этихъ, и разнорѣчивыхъ и сходныхъ въ одно и то же время, элементовъ единую православную вѣру для того, чтобы весь родъ человѣческій соединился въ ней въ поклоненіи и любви къ истинному Богу? [1]). Если бы Мухаммедъ принялъ христіанство, говоритъ сэръ Мюръ, въ мірѣ было бы одной религіей меньше, и въ календарѣ святыхъ однимъ именемъ больше. [2]).

Сопровождая дядю часто въ путешествіяхъ, Мухаммедъ былъ съ нимъ также въ одной экспедиціи, а именно противъ хавази-

[1]) Stobart. Islam. p. 56

[2]) Johnstone. Muhammad. p. 51.

новъ Это было первое боевое крещеніе Мухаммеда, хотя, правда, его участіе въ бою ограничивалось тѣмъ, что онъ подбиралъ падающія стрѣлы и приносилъ ихъ своимъ дядямъ. Это была такъ называемая святотатственная война, потому что она случилась въ священный мѣсяцъ.

Дальше въ преданіи существуетъ пробѣлъ: оно не сохранило ни одного значительнаго факта приблизительно за цѣлое десятилѣтіе жизни Мухаммеда. Извѣстно только, что молодой корайшитъ своимъ поведеніемъ, своей выдержкой, умомъ и серіознымъ характеромъ, склонный къ размышленію и уединенію, сумѣлъ пріобрѣсти уваженіе своихъ согражданъ [1]). Вновь преданіе начинаетъ говорить о немъ, когда уже онъ находится въ возрастѣ около 25 лѣтъ.

Около того времени въ Меккѣ жила нѣкая Хадиджа, изъ племени корайшитовъ, богатая вдова: послѣ мужа у нея осталось большое торговое дѣло, но не было хорошаго управляющаго. Она происходила изъ знатнаго рода и была дочерью Хувейлида, сына Асада, сына Абд-уль-Узза, сына Косая. [2]).

У Хадиджи былъ племянникъ, который и посовѣтывалъ ей взять Мухаммеда въ качествѣ завѣдывающаго ея торговыми дѣлами Самъ онъ познакомился съ Мухаммедомъ, который въ это время уже пользовался славой опытнаго торговаго агента, во время одного изъ путешествій въ Сирію. Мухаммедъ очень понравился Хадиджѣ, и она сразу предложила ему двойную, противъ обыкновенной, плату за сопровожденіе каравана въ Сирію. Посовѣтывавшись съ дядей, Мухаммедъ принялъ это выгодное для него предложеніе. Онъ отправился въ путешествіе совмѣстно съ племянникомъ и рабомъ Хадиджи. Его порученіе было выполнено такъ хорошо и съ такой выгодой для Хадиджи, что она выдала ему въ вознагражденіе двойную сумму противъ договоренной, и съ этихъ поръ Мухаммедъ, хотя и принималъ другія порученія, сдѣлался какъ бы постояннымъ агентомъ богатой вдовы. Она посылала его еще нѣсколько разъ въ южную Аравію и всегда оставалась довольна его работой. По мѣрѣ того, какъ Хадиджа все болѣе знакомилась съ Мухаммедомъ, ея сорокалѣтнее сердце стало ей усиленно говорить о томъ, что оно еще не кончило жить: она почувствовала сильную склонность къ Мухаммеду и рѣшила женить на себѣ красиваго юношу. Усиленію этой склонности, по словамъ легенды, помогло одно чудесное обстоятельство: при одномъ возвращеніи каравана изъ Сиріи, Хадиджа увидала двухъ ангеловъ, обвѣвающихъ Мухаммеда крылами. [3]).

---

[1]) Sale. P. D. p. 11

[2]) Stobart. Islam. p. 57.

[3]) W. Irving. Life of Mahomet. p 27.

Женская стыдливость мѣшала ей заговорить первой, и вмѣстѣ съ тѣмъ она сознавала, что положеніе Мухаммеда не позволитъ ему сдѣлать первый шагъ,—тогда она подослала къ нему своего раба, и дѣло было устроено безъ всякихъ затрудненій. Скоро состоялось ихъ свиданіе, которое уже окончательно уладило все дѣло. Хотя отецъ Хадиджи всячески противился этому браку, но сорокалѣтняя вдова послушалась порыва своего внезапно помолодѣвшаго сердца. Пригласивъ къ себѣ отца, она поила его виномъ до тѣхъ поръ, пока не получила отъ него желаемаго согласія на этотъ бракъ. Былъ сдѣланъ блестящій пиръ, и бракъ былъ официально заключенъ.

Мухаммедъ приказалъ убить верблюда и роздалъ его мясо бѣднымъ. Много было выпито на этой свадьбѣ, и много было веселья, которому не мало способствовалъ Абу-Талибъ, какъ бы совершенно забывшій о своемъ преклонномъ возрастѣ. Онъ же внесъ деньги за приданое, по стоимости 200 верблюдовъ. Молочная мать Мухаммеда также была приглашена на этотъ пиръ, и ей подарили сорокъ овецъ. [1]).

Бракъ съ Хадиджей значительно поднялъ общественное положеніе Мухаммеда, такъ какъ она была одною изъ самыхъ богатыхъ корайшитокъ Кромѣ того, нравственныя качества Мухаммеда были настолько оцѣнены, что онъ получилъ прозвище «аль-аминъ», т. е. справедливый. Его часто выбирали посредникомъ при рѣшеніи различныхъ споровъ, и всегда обѣ стороны оставались довольны его рѣшеніями. Онъ принималъ также участіе и въ общественной жизни. Послѣ смерти Абд-ул-Муталиба, власть въ Меккѣ болѣе или менѣе раздѣлилась, и не было общаго наблюденія за порядкомъ и безопасностью, равно какъ и общаго контроля надъ всѣми отраслями управленія. По настоянію Мухаммеда, потомки Хашима и Муталиба и главнѣйшіе члены фамилій Таймъ и Зухри объединились въ торжественной клятвѣ охранять всѣхъ находящихся на территоріи Мекки, будь то свои или чужіе, люди свободнаго состоянія или рабы. Эта лига носила названіе «хильфъ-уль-фузуль», и Мухаммедъ былъ ея душою. Лига эта просуществовала до половины перваго столѣтія геджры.

Итакъ, Мухаммедъ пользовался уваженіемъ своихъ согражданъ, но на 35-мъ году его жизни одно обстоятельство еще бобѣе выдвинуло его въ ихъ глазахъ. Въ 605-мъ году корайшиты рѣшили перестроить храмъ Каабы, попорченный нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ пожаромъ (или наводненіемъ, по другимъ свѣдѣніямъ) Благоговѣніе, которое вызывала къ себѣ эта древняя святыня измаелитовъ, возбудило необыкновенное рвеніе къ дѣлу среди всѣхъ развѣтвленій корайшитскаго племени и въ то же вре-

[1]) Idem. p. 28.

мя взаимную зависть. Когда строительныя работы были доведены до такой высоты, что пора было водрузить на мѣсто черный камень, предметъ особаго почитанія, между корайшитами начались пререканія, каждая вѣтвь хотѣла присвоить себѣ честь выполненія этого акта. Мужчины двухъ колѣнъ рѣшили во что бы то ни стало отстоять это право за собою и, опустивши руки въ сосудъ, наполненный кровью, поклялись скорѣе умереть, чѣмъ уступить. Работы были приостановлены и, въ виду неминуемой междоусобной войны, было созвано собраніе внутри храма. По предложенію одного престарѣлаго корайшита рѣшили взять въ третейскіе судьи первое лицо, которое войдетъ въ залу, гдѣ происходило собраніе. И, когда взоры всѣхъ были устремлены на входъ, появился Аль-Аминъ, который и былъ избранъ третейскимъ судьей Мухаммедъ тотчасъ же приказалъ разостлать на землѣ плащъ, выбралъ четырехъ наиболѣе уважаемыхъ лицъ изъ четырехъ главныхъ колѣнъ племени и каждому изъ нихъ велѣлъ взяться за края плаща, на который положили священный камень. Какъ только плащъ былъ приподнятъ на достаточную высоту, Мухаммедъ взялъ своими руками святыню и вложилъ ее въ стѣну: такимъ образомъ онъ умиротворилъ притязанія соперниковъ и оставилъ за собою выполненіе важнѣйшей части церемоніи. [1]).

Отъ брака съ Хадиджей у Мухаммеда было четыре дочери и два сына: Касымъ, по имени котораго и его иногда называли Аб-ул-Касимомъ, и Абдулла, которые оба умерли въ раннемъ возрастѣ. Неимѣніе дѣтей сильно огорчало Мухаммеда, такъ какъ насмѣшки преслѣдовали его.

Чтобы выказать благодарность своему дядѣ Абу-Талибу, матеріальныя обстоятельства котораго дѣлались все болѣе и болѣе стѣснительными, Мухаммедъ предложилъ другому своему дядѣ Аббасу усыновить одного изъ сыновей Абу-Талиба, а самъ хотѣлъ взять другого. Такъ они и сдѣлали: Аббасъ взялъ Джафара, а Мухаммедъ-Али, третій сынъ Абу-Талиба, Акылъ, остался у отца. [2]). Мухаммедъ не пожалѣлъ о сдѣланномъ имъ добромъ дѣлѣ, такъ какъ Али вполнѣ замѣнилъ ему сына.

Имена дочерей Мухаммеда были слѣдующія: Зейнабъ, Рокаія, Уммъ-Колтумъ и Фатима.

Хотя первое время послѣ брака Мухаммедъ и продолжалъ заниматься торговыми операціями, но теперь дѣло не шло у него такъ удачно, какъ прежде: ему больше не приходилось уже думать о кускѣ хлѣба, и отъ коммерческихъ разсчетовъ онъ сталъ обращаться къ мистическимъ мечтаніямъ, къ которымъ

---

[1]) Коранъ, пер. Николаева, стр. 11, 12.

[2]) Ameer Ali. Spirit of islam. p 14.

у него была замѣтная склонность. Къ этому его еще болѣе тянуло вслѣдствіе постоянныхъ разговоровъ съ двоюроднымъ братомъ Хадиджи Варакой, который возставалъ противъ идолопоклонства, и самъ впослѣдствіи сдѣлался христіаниномъ.

Познакомившись немного, во время своихъ путешествій, съ идеями христіанъ и евреевъ, Мухаммедъ все болѣе грубымъ и нелѣпымъ находилъ идолопоклонство Первоначальная идея недовольства постепенно принимала все болѣе конкретную форму, пока не вылилась въ рѣшеніе произвести реформу религіи. Мысль его сводилась къ тому, что истинной религіей была та, которая была дана Адаму при твореніи, это—поклоненіе единому Богу. Эта религія переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе, но извращалась идолопоклонствомъ, что вызвало появленіе пророковъ, которые должны были отвращать народъ отъ гибели.

Въ особенности Мухаммедъ остановился на вѣрѣ Авраама: такъ какъ она тоже уже была извращена, то онъ рѣшилъ, что настало время для новой очередной реформы, ибо міръ опять погрузился въ темный мракъ идолопоклонства Онъ все чаще и чаще началъ уединяться и предаваться религіознымъ размышленіямъ. Впрочемъ почти всегда его сопровождала его жена Хадиджа. Любимымъ мѣстомъ его для такихъ размышленій была гора Хира, и тамъ онъ всегда проводилъ мѣсяцъ рамазанъ. Такая неотступная мысль и вѣчное религіозное возбужденіе должны были отразиться на его здоровьѣ, что и случилось въ дѣйствительности. Онъ сталъ видѣть сны, впадать въ экстазъ и терять сознаніе. Сны его были тѣсно связаны съ его мечтаніями. [1]).

Размышленія о жребіи человѣка и повторяющихся время отъ времени откровеніяхъ, назначенныхъ разсѣять глубокую тьму идолопоклонства, привели его къ тому, что онъ сталъ считать себя какъ бы призваннымъ къ апостольскому служенію. [2]).

Хадиджу очень безпокоили случавшіеся съ Мухаммедомъ припадки, и она старалась всячески выпытать отъ Мухаммеда причину ихъ, но онъ первоначально или отмалчивался или давалъ весьма уклончивые отвѣты, которые мало ободряли дальнѣйшіе разспросы. Да и что онъ могъ сказать ей сразу? То, что грезилось ему, было такъ грандіозно, что онъ самъ считалъ себя безумцемъ, когда начиналъ думать объ этомъ. И онъ могъ дѣлать Хадиджѣ лишь намеки, чтобы не испугать ее или не причинять безпокойства раньше времени: между ними какъ бы состоялся молчаливый договоръ выжидать событій, не говоря о нихъ.

---

[1]) W. Irving. Life of Mahomet.p. 31.

[2]) Sir W. Muir. The Coran. p. 11.

Тѣ припадки, которые все чаще и чаще стали повторяться, объяснялись очень различно. Нѣкоторые считали и считаютъ это просто эпилепсіей, правовѣрные же мусульмане говорятъ, что это было дѣйствіе божественной благодати, начало пророческой миссіи. Но еще человѣческій мозгъ былъ безсиленъ разобраться въ обуревающихъ его туманныхъ призракахъ, пока наконецъ ангельское видѣніе не сдѣлало ту мысль ясной.

Откровеніе произошло, когда Мухаммеду шелъ сороковой годъ, въ 610-мъ году христіанской эры.

По обыкновенію онъ проводилъ мѣсяцъ рамазанъ въ пещерѣ Хира, постясь, молясь и пребывая въ религіозномъ созерцаніи. Была ночь божественнаго рѣшенія (лэйл-уль-кадръ), въ которую, по ученію Корана, ангелы нисходятъ на землю, и архангелъ Гавриилъ приноситъ рѣшенія Бога. Въ эту ночь миръ пребываетъ на землѣ, и всюду спокойствіе царитъ до разсвѣта.

Когда, въ молчаніи ночныхъ часовъ, Мухаммедъ лежалъ, завернувшись въ свой плащъ, онъ услыхалъ голосъ. Когда онъ раскрылся, то ослѣпительный блескъ съ такой силой ударилъ въ него, что онъ сразу впалъ въ безпамятство. Когда онъ пришелъ въ чувство, то увидалъ ангела въ человѣческомъ образѣ, который, приблизившись къ нему немного, сказалъ:

— «Читай!» и при этомъ развернулъ шелковый свитокъ, весь покрытый какими то письменами.

— Я не умѣю читать, отвѣтилъ Мухаммедъ.

— «Читай, повторилъ ангелъ,—во имя Господа, который сотворилъ все, который сотворилъ человѣка изъ куска глины. Читай во имя Всемогущаго, который научилъ человѣка владѣть перомъ, который проливаетъ въ его душу лучи знанія и учитъ его тому, чего тотъ прежде не зналъ».

Послѣ этого Мухаммедъ почувствовалъ, что его умственныя способности просвѣтились божественнымъ свѣтомъ, и прочелъ рѣшенія Бога, какъ это и было потомъ объявлено въ Коранѣ.

Когда онъ окончилъ чтеніе, небесный вѣстникъ сказалъ ему: «о, Мухаммедъ! воистину, ты пророкъ Бога, а я его ангелъ Гавріилъ». [1]).

Говорятъ, что взволнованный и дрожащій Мухаммедъ пришелъ утромъ къ Хадиджѣ, не будучи еще хорошо увѣренъ, было ли на самомъ дѣлѣ то, что онъ видѣлъ, или же это былъ только обманъ зрѣнія и слуха, и онъ самъ—не пророкъ?

Онъ сказалъ: «о, Хадиджа! что случилось со мною?» Онъ легъ навзничь, и она оберегала его. Когда пароксизмъ его прошелъ, онъ сказалъ:

---

[1]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 33.

— «О, Хадиджа! тотъ, на котораго никакъ нельзя было подумать (т. е. онъ самъ), сдѣлался или прорицателемъ или сумасшедшимъ».

Она отвѣтила ему на это.

— «О, отецъ Касима! Богъ—моя защита, и Онъ навѣрное не допуститъ, чтобы такая вещь случилась съ тобою: потому что ты говоришь истину, не платишь зломъ за зло, вѣруешь, ведешь хорошую жизнь и бываешь всегда добръ по отношенію къ своимъ близкимъ и друзьямъ. И никогда ты не былъ базарнымъ болтуномъ. Что же случилось съ тобой? Или ты увидѣлъ что-нибудь страшное?»

— «Да», отвѣтилъ Мухаммедъ, и онъ разсказалъ ей то, что онъ видѣлъ. [1]).

Хадиджа посмотрѣла на это глазами вѣры и отнеслась къ нему съ довѣрчивостью любящей женщины: въ томъ, что произошло, она видѣла начало исполненія мечтаній ея мужа.

— «Радуйся, сказала она,—во имя того, въ чьихъ рукахъ находится душа Хадиджи, впредь я буду смотрѣть на тебя, какъ на пророка нашей нации. Аллахъ не допуститъ твоего посрамленія...»

Хадиджа была первой принявшей миссію Мухаммеда, и она первая повѣрила въ откровеніе, покинувъ идолопоклонство своего народа, и вмѣстѣ съ мужемъ соединилась въ молитвѣ Всемилостивому [2]). Тѣ слова, которыя Хадиджа произнесла при сообщеніи Мухаммеда о сдѣланномъ откровеніи. было бы трудно объяснить однимъ лишь сдѣланнымъ фактомъ сообщенія. Хотя въ возрастѣ отъ 25 до 40 лѣтъ Мухаммедъ и не высказывалъ ничего открыто относительно своихъ замысловъ, однако можно думать, что это время ушло именно на подготовку и всестороннее изученіе занимавшаго его вопроса. Хадиджа, которая имѣла громадное вліяніе на Мухаммеда, должна была знать то, что не было извѣстно другимъ, и конечно ей не были вполнѣ чужды проекты и надежды горячо любимаго мужа. [3]).

Хадиджа обо всемъ происшедшемъ сообщила своему двоюродному брату Варакѣ, который въ религіозныхъ дѣлахъ считался домашнимъ оракуломъ. Тотъ сказалъ. «Клянусь тѣмъ, въ чьихъ рукахъ находится душа Вараки, ты говоришь истину, о, Хадиджа. Твоему мужу явился тотъ же ангелъ, который въ прежніе дни былъ посланъ Моисею, сыну Имрана. Его Возвѣщаніе правильно. Твой мужъ дѣйствительно пророкъ» [4]).

---

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. 17.
[2]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. 19.
[3]) O. Houdas. L'islamisme. p. 29.
[4]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 33.

Тѣ клятвы, которыя произносятъ Хадиджа и Варака, до извѣстной степени показываютъ, что у нихъ и раньше былъ обмѣнъ мнѣній съ Мухаммедомъ. Какъ бы то ни было, слова Варака успокаивающимъ образомъ подѣйствовали на Мухаммеда.

Глава вторая.

(610—622 г.).

Послѣ перваго откровенія до слѣдующаго послѣдовалъ перерывъ почти въ три года. Первоначально Мухаммедъ сообщилъ о своемъ откровеніи только своимъ домашнимъ, и въ числѣ первыхъ увѣровавшихъ были Али и слуга Заидъ, арабъ изъ племени Кальбъ.

Захваченный корайшитами въ плѣнъ во время одной экспедиціи, по раздѣлѣ добычи Заидъ достался на долю Мухаммеда. Когда, черезъ нѣкоторое время, отецъ Заида предложилъ за него Мухаммеду большой выкупъ, тотъ отвѣтилъ, что если Заидъ пожелаетъ отъ него уйти, то онъ отпуститъ его на свободу и безъ всякаго выкупа. Но Заидъ, съ которымъ Мухаммедъ обращался совершенно по родственному, не пожелалъ его покинуть. Это такъ повліяло на Мухаммеда, что вскорѣ послѣ этого онъ усыновилъ его. Онъ не ошибся въ своемъ выборѣ, такъ какъ въ теченіе всей жизни онъ пользовался самой нѣжной привязанностью и слѣпой преданностью Заида.

Вскорѣ посвященнымъ въ дѣло оказался и Абу-Талибъ, хотя первоначально это и не входило въ планы Мухаммеда. Дѣло это произошло такимъ образомъ.

Однажды Абу-Талибъ незамѣтно вошелъ въ домъ въ то время, когда Мухаммедъ и Али были заняты молитвой, Абу-Талибъ сказалъ Мухаммеду:

— О, сынъ моего брата! Что эта за религія, которой ты слѣдуешь?

— Это религія Бога, Его ангеловъ, Его пророковъ и нашего праотца Авраама, отвѣтилъ Мухаммедъ, и продолжалъ. Богъ послалъ меня къ Своимъ слугамъ, чтобы направить ихъ къ истинѣ, и ты, мой дядя, являешься достойнѣйшимъ изъ всѣхъ. Было бы хорошо, если бы ты принялъ эту истину и помогъ мнѣ распространить ее.

— О, сынъ моего брата! отвѣтилъ Абу-Талибъ,—я не могу отказаться отъ религіи моихъ отцовъ, но клянусь всевышнимъ Богомъ, пока я живъ, никто не посмѣетъ тронуть тебя.

Потомъ, обратившись къ Али, онъ сказалъ.

— О, сынъ мой! Какова твоя религія?

— О, мой отецъ, отвѣтилъ Али,—я вѣрую въ Бога и Его Пророка и иду съ нимъ

— Хорошо, сынъ мой, сказалъ Абу-Талибъ,—онъ не научитъ тебя ничему, кромѣ хорошаго. [1]).

Первые шаги Мухаммеда въ его пророческой карьерѣ были сомнительны и опасны, и вслѣдствіе этого они были предпринимаемы по возможности тайно. Всюду онъ находилъ себѣ враговъ, и племя корайшитовъ было самыми злыми изъ нихъ. Обѣ линіи корайшитовъ, т. е. потомки Хашима и Абд-уш-Шамса, относились къ нему враждебно Во главѣ линіи Абд-уш-Шамса въ то время стоялъ его правнукъ Абу-Суфіанъ, способный и пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ человѣкъ, которому суждено было сдѣлаться самымъ ярымъ противникомъ Мухаммеда и преслѣдовать его почти до самой могилы.

Конечно при такомъ враждебномъ настроеніи проповѣдь приходилось вести тайно, и за первые три года у Мухаммеда набралось не болѣе сорока приверженцевъ, и они состояли больше изъ женщинъ, молодежи, рабовъ и пришельцевъ. Та же самая гора Хира, которая была любимымъ мѣстомъ для размышленій Мухаммеда, служила и всегдашнимъ почти мѣстомъ проповѣди.

Проповѣдь сначала была очень проста. Этой мирной проповѣдью Мухаммедъ старался отвратить народъ отъ идолопоклонства. Это было не такъ легко сдѣлать, такъ какъ зло слишкомъ глубоко укоренилось и для народа въ старомъ культѣ была извѣстная привлекательность которой онъ не находилъ въ новой вѣрѣ. [2]).

Молитвы, которыя совершались также тайно, бывали или въ домѣ кого-либо изъ посвященныхъ или въ той же пещерѣ горы Хиры. Но какъ ни остерегались мусульмане, уже въ скоромъ времени тайна была обнаружена,—на пещеру было сдѣлано нападеніе, и произошла стычка. Одинъ изъ нападавшихъ былъ раненъ въ голову нѣкіемъ Саадомъ, который послѣ этого сталъ считаться «первымъ пролившимъ кровь за вѣру» [3]).

Однимъ изъ злѣйшихъ враговъ Мухаммеда былъ его дядя Абу-Лахабъ, гордый и раздражительный человѣкъ. Его сынъ Ота былъ женатъ на дочери Мухаммеда—Рокаіѣ. Самъ же онъ былъ женатъ на Уммъ-Джелиль, сестрѣ Абу-Суфіана, и такимъ образомъ находился въ родствѣ съ обѣими линіями корайшитовъ. Онъ весьма неодобрительно относился къ «ереси» своего племянника,

---

[1]) Ameer Ali. The spirit of islam. p. 19.

[2]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. 19.

[3]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 36.

и это очень печалило Мухаммеда, такъ какъ упреки сыпались вмѣстѣ съ тѣмъ и на Рокайю, которая раздѣляла его ученіе. Все это конечно не могло не отражаться на немъ, и онъ сдѣлался печальнымъ и задумчивымъ и все болѣе искалъ уединенія. Видя все это, тѣ изъ близкихъ родственниковъ, для которыхъ онъ былъ дорогъ, опасались, что онъ серіозно захвораетъ. Къ этому опасенію давали поводъ и повторяющіеся время отъ времени припадки. Абу-Суфіанъ же со своими приверженцами говорилъ, что Мухаммедъ просто на просто умственно разстроенный человѣкъ.

Можетъ быть именно слѣдствіемъ этого растроеннаго состоянія духа и было новое видѣніе, приказавшее ему «встать, проповѣдывать и прославлять Бога».

Такимъ образомъ, теперь онъ принужденъ былъ уже начать открытую проповѣдь, обращенную первоначально къ своимъ домашнимъ, а потомъ и къ людямъ своего племени.

И вотъ въ четвертый годъ своей миссіи Мухаммедъ предложилъ корайшитамъ линіи Хашима встрѣтиться съ нимъ на холмѣ Сафа, по близости отъ Мекки, сказавъ, что онъ хочетъ поговорить съ ними о весьма важныхъ вещахъ. Хашимиты собрались въ назначенное время, а вмѣстѣ съ ними туда же пришелъ и дядя Мухаммеда Абу-Лахабъ со своей женой Уммъ-Джелилъ. Едва Мухаммедъ началъ говорить о своихъ откровеніяхъ, какъ Абу-Лахабъ разразился гнѣвомъ, сталъ называть Мухаммеда тунеядцемъ и бродягой, поднялъ камень и хотѣлъ бросить въ него. Мухаммедъ тоскливо посмотрѣлъ на него, проклялъ поднятую на него руку и предсказалъ ему муки адскаго огня, сказавъ при этомъ, что Уммъ-Джелиль будетъ вѣроятно поддерживать этотъ огонь. 1).

Собраніе смущенно разсѣялось, и Абу Лахабъ съ женой, въ отчаяніи отъ обращеннаго на него проклятія, уговорилъ своего сына Ота развестись съ Рокайей, которая и была вскорѣ отослана къ своему отцу. Немного спустя она вышла замужъ за Усмана-ибнъ-Аффана.

Скоро Мухаммедъ созвалъ второе собраніе, на этотъ разъ уже у себя дома. Присутствующихъ угощали телятиной и молокомъ, и Мухаммедъ подробно разсказалъ о своихъ видѣніяхъ и откровеніяхъ, полученныхъ съ неба вмѣстѣ съ приказаніемъ сообщить о нихъ всѣмъ людямъ племени.

О, дѣти Абд-ул-Муталиба! въ экстазѣ восклицалъ онъ,—Аллахъ даровалъ вамъ эти драгоцѣннѣйшіе дары преимущественно передъ всѣми людьми. Его именемъ я обѣщаю вамъ благополучіе въ этомъ мірѣ и безконечныя радости въ будущемъ. Кто хочетъ раздѣлить со мной мою ношу, кто хочетъ быть моимъ братомъ, моимъ помощникомъ, моимъ министромъ?

[1]) Коранъ, сура CXI.

Всѣ молчали,—нѣкоторые недовѣрчиво улыбались, другіе удивлялись тому, что онъ говорилъ, третьи просто высмѣивали его. Наконецъ поднялся Али и предложилъ Мухаммеду свои услуги, сказавъ, что онъ знаетъ, что онъ еще молодъ и физически слабъ, и что сомнѣвается въ томъ, хватитъ ли у него силъ на это. Мухаммедъ нѣжно обнялъ его и воскликнулъ. «смотрите всѣ на моего брата, моего министра, моего намѣстника,—слушайте всѣ его и повинуйтесь ему».

Выступленіе Али было встрѣчено взрывомъ хохота со стороны корайшитовъ, которые насмѣшливо говорили отцу Али, Абу-Талибу, что онъ долженъ встать и поклониться своему сыну.

Хотя и не особенно горячо принятыя ближайшими къ Мухаммеду людьми, его идеи тѣмъ не менѣе нашли себѣ нѣкоторый откликъ въ народѣ, и преимущественно среди женщинъ. Были даже евреи среди новыхъ прозелитовъ. но, увидавъ, что Мухаммедъ позволяетъ своимъ ученикамъ ѣсть мясо верблюда, что воспрещалось ихъ религіей, они отказались отъ новаго ученія. [1])

Неудовольствіе корайшитовъ было болѣе чѣмъ понятно, такъ какъ нападеніе на идоловъ было въ то же время и нападеніемъ на Мекку, на ихъ собственную власть въ ней. Съ паденіемъ центральнаго капища, значеніе Мекки совершенно утратилось бы, и ихъ благосостоянію былъ бы нанесенный непоправимый ущербъ. И они начали преслѣдовать новое ученіе. Но теперь, послѣ двухъ собраній, отступить было уже нельзя,—это значило бы сознаться въ своемъ безсиліи, и Мухаммедъ началъ открыто проповѣдывать, что онъ Пророкъ Бога, посланный для того, чтобы уничтожить идолопоклонство и смягчить законъ христіанъ и евреевъ. Обыкновенно теперь эти проповѣди произносились или на горѣ Хира или на холмѣ Сафа.

Потерпѣвъ полную неудачу въ своей проповѣди корайшитамъ, Мухаммедъ перенесъ главное свое вниманіе на пришельцевъ, посѣщавшихъ городъ по торговымъ дѣламъ или для паломничества. Но и здѣсь его усилія были парализуемы дѣйствіями корайшитовъ, которые, разставивъ караулы на разныхъ улицахъ города, совѣтывали пришельцамъ воздерживаться отъ всякихъ сношеній съ Мухаммедомъ, котораго они называли магомъ. Видя эти нападки, Абу Талибъ заявилъ, что потомки Хашима и Абул-Муталиба собственными жизнями будутъ защищать невиннаго. [2]).

Враждебность эта находила отголосокъ и въ христіанахъ, и это происходило въ силу того, что нѣкоторые древніе христіанскіе писатели въ связь съ рожденіемъ Мухаммеда поставили нѣкоторыя небесныя знаменія, и со всѣхъ сторонъ начали разда-

---

[1]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 37, 38.

[2]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. 21.

ваться предсказанія о пришествіи въ міръ антихриста. Въ Мухаммедѣ для христіанъ былъ готовый антихристъ. Но можно ли было его считать таковымъ? Чему училъ онъ? Въ своемъ мѣстѣ мы будемъ подробно говорить о вѣрѣ ислама, здѣсь же ограничимся лишь нѣсколькими словами, необходимыми для уясненія вызваннаго проповѣдью Мухаммеда настроенія.

Мухаммедъ проповѣдывалъ единство Бога, пророкомъ Котораго онъ, по его словамъ, являлся подобно Аврааму, Моисею, Христу и многимъ другимъ пророкамъ; что Коранъ—книга, посланная съ неба, и что въ ней заключаются велѣнія Бога; что какъ Христосъ исправилъ ученіе Моисея, такъ ему теперь повелѣно исправить законы и Моисея и Христа. Онъ училъ вѣрить въ тѣлесное воскресеніе, предопредѣленіе и страшный судъ съ загробнымъ возмездіемъ. Употребленіе иконъ и изображеній, такъ живо напоминавшихъ идоловъ, было запрещено, а потомъ обобщеніе было сдѣлано и для живописи. Многія доктрины были заимствованы изъ христіанства и разсказаны своими словами. Всякое идолопоклонство строго воспрещалось, но—странное противорѣчіе—были удержаны многіе языческіе обряды.

Самымъ главнымъ препятствіемъ, съ которымъ Мухаммеду пришлось встрѣтиться въ началѣ его пророческой карьеры, были насмѣшки его противниковъ. Въ особенности надъ его претензіями смѣялись тѣ, кто помнилъ его еще ребенкомъ, а потомъ торговымъ агентомъ,—и они хотѣли видѣть въ немъ лишь прежняго приказчика. Нѣкоторые говорили, что онъ помѣшанъ, другіе, что онъ одержимъ злымъ духомъ, третьи, что онъ владѣетъ силами колдовства и чародѣйства.

Едва выйдя на улицу, онъ неминуемо подвергался всевозможнымъ оскорбленіямъ. Онъ начиналъ говорить проповѣдь, и поднятый умышленно шумъ совершенно заглушалъ произносимыя имъ слова. На него даже кидали нечистоты, когда онъ молился въ Каабѣ. [1]).

Не одни невѣжды оскорбляли его такъ: въ числѣ нападавшихъ на него былъ нѣкій юноша Амру, который играетъ нѣкоторую роль въ послѣдующей исторіи. Онъ былъ сыномъ меккан-ской гетеры, которая не стѣсняясь говорила, что очень многіе корайшиты съ совершенно равнымъ правомъ могли бы считать себя отцомъ этого ребенка. Но такъ какъ онъ имѣлъ нѣкоторое сходство съ Ассомъ, то его и стали звать Амру-ибнъ-Ассъ. Природа щедро надѣлила своими дарами это дитя любви, и Амру былъ между прочимъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ поэтовъ

[1]) As-Sahih. v. I. p.p. 184, 185.

Аравіи, и Мухаммеду очень скоро пришлось познакомиться съ ѣдкостью его сатиры. [1]).

Другіе требовали отъ Мухаммеда чудесъ для доказательства, что онъ пророкъ, какъ Моисей и Христосъ, которые творили чудеса. Мухаммедъ отвѣчалъ на это, что величайшее чудо, связанное съ нимъ, это—Коранъ, но толпа требовала болѣе осязательнаго и бьющаго на чувства чуда, какъ, напримѣръ, излѣченіе глухого, слѣпого или нѣмого, обращеніе пустыни въ пальмовую рощу и т. п.

На это Мухаммедъ отвѣчалъ, что онъ лишь человѣкъ, посланный Богомъ въ качествѣ апостола, что, если бы ангелы могли свободно расхаживать по землѣ среди людей, то безъ сомнѣнія къ народу былъ бы посланъ ангелъ, и что тогда было бы плохо для сомнѣвающихся, такъ какъ ангелъ не сталъ бы съ ними спорить и разсуждать, какъ это дѣлаетъ онъ, и погибель ихъ была бы мгновенна. Онъ говорилъ: «Богъ не нуждается въ подкрѣпленіи меня ангеломъ. Онъ достаточный свидѣтель между мною и вами Тѣ, кого онъ допуститъ къ обращенію, увѣруютъ, а тѣ, кому Онъ позволитъ пребывать въ заблужденіи ни въ комъ не найдутъ себѣ помощи противъ своего невѣрія.. Что Богъ далъ Моисею власть творить чудеса, а Фараонъ не повѣрилъ этому, обвинялъ его въ колдовствѣ и пытался выгнать изъ страны его и его народъ. И Фараонъ былъ погубленъ вмѣстѣ со своимъ народомъ. Хотите ли вы испытывать Бога чудесами и заслужить наказаніе Фараона?» [2])

Передавая это, преданіе, желая окружить Мухаммеда всѣмъ необыкновеннымъ, противорѣчитъ самому себѣ. Такъ одинъ арабскій писатель говоритъ, что однажды толпа особенно настойчиво требовала чуда и не отставала отъ Мухаммеда. Она потребовала, чтобы Мухаммедъ обратилъ холмъ Сафа въ чистое золото. Помолившись, Мухаммедъ сказалъ, что архангелъ Гавріилъ передалъ ему, что Богъ согласенъ исполнить его молитву и дать ему совершить просимое чудо, но съ условіемъ, что всѣ неувѣровавшіе будутъ немедленно истреблены. Жалѣя свой народъ, Мухаммедъ отказался отъ совершенія чуда.

Итакъ, хотя нѣкоторые писатели и увѣряютъ, что иногда Мухаммедъ творилъ чудеса, но лучше повѣримъ въ данномъ случаѣ ему самому, а самъ онъ говорилъ, что ему не дано власти творить чудеса. Поэтому оставимъ въ сторонѣ, какъ не нужныя, и чудеса, которыя творилъ, якобы, Мухаммедъ, и тѣ опроверженія, которыя посвящали этимъ чудесамъ древніе христіанскіе писатели.

Не чудесами, а главнымъ образомъ убѣжденіемъ старался дѣйствовать на массу Мухаммедъ, и скоро его нападки на идо-

---

[1]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 49.
[2]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 50.

лопоклонство, совершенно извратившее первоначальный культъ Каабы, показались корайшитамъ въ высшей степени опасными. Проповѣдь Мухаммеда обращалась въ серіозное революціонное движеніе. Это угрожало ихъ престижу и власти, такъ какъ тонъ проповѣдника былъ въ высшей степени демократиченъ. Приходилось принимать чрезвычайныя мѣры, чтобы подавить движеніе, пока оно не получило еще большой силы. [1]).

Корайшиты просили Абу Талиба или заставить своего племянника замолчать или отослать его прочь изъ Мекки. Когда же они увидали, что ихъ шаги не имѣли никакихъ осязательныхъ результатовъ, они сказали Абу Талибу, что, если воображаемый пророкъ будетъ все упорствовать въ своей ереси, то онъ и его послѣдователи заплатятъ за это жизнью. Абу Талибъ немедленно же сообщилъ Мухаммеду объ этихъ угрозахъ и просилъ его не приводить въ крайнее раздраженіе столь многочисленныхъ и сильныхъ враговъ Но эти слова, эти предостереженія, въ искренности которыхъ сердечность дяди Абу Талиба не позволяла ему сомнѣваться, не могли остановить пылкаго Мухаммеда. Онъ говорилъ: «о, мой дядя! если бы они помѣстили солнце по правую мою руку, а луну по лѣвую, то и въ этомъ случаѣ я не отказался бы отъ своего ученія до тѣхъ поръ, пока мнѣ не прикажетъ этого Богъ, или пока Онъ не возьметъ меня отсюда».

Правда, что самъ Мухаммедъ и съ нимъ вмѣстѣ нѣкоторые другіе, благодаря покровительству Абу Талиба и Абу Бакра, были еще временно избавлены отъ насилія, но другіе были заключаемы въ тюрьму и подвергаемы побоямъ. Холмъ Рамда сдѣлался тогда мѣстомъ истязаній. Корайшиты выставляли на палящій песокъ пустыни, въ самый пылающій зной, мужчинъ и женщинъ, оставившихъ поклоненіе идоламъ, и, когда тѣ были доведены до крайняго истощенія зноемъ и жаждой, имъ предлагали или опять поклоняться идоламъ или смерть. И многіе предпочитали смерть возвращенію къ идолопоклонству. [2]).

Въ Коранѣ мы находимъ много указаній на истязанія и пытки.

«Мы пріютимъ въ почетномъ мѣстѣ покинувшихъ страну свою ради Господа и испытавшихъ гоненіе. Но награда въ будущей жизни будетъ еще болѣе прекрасной. О, если бы это знали.

«Богъ милостивъ и преисполненъ милосердія къ тѣмъ которые оставили свою страну, подвергались разнымъ лишеніямъ и затѣмъ сражались за Бога и все перенесли съ терпѣніемъ. (XVI, 43, 111).

«Я сотру грѣхи тѣхъ, кто выселится или будетъ изгнанъ

---

[1]) Ameer Ali. Spirit of Islam. p. 25.
[2]) Ameer Ali. Spirit. of Islam. p. 26.

изъ страны своей, кто пострадаетъ за Меня, кто будетъ сражаться и падетъ. (III. 194).

«Господь даруетъ прекрасную награду тѣмъ, которые пали въ битвѣ, или которые разстались съ жизнью вдали отъ своего отечества Богъ лучше умѣетъ распредѣлять награды свои. (XXII, 57).

«Ангелы, лишая жизни тѣхъ, кто несправедливо поступали по отношенію къ самимъ себѣ, спросили ихъ: что сдѣлали вы? Тѣ отвѣтили: мы были слабы на землѣ. Ангелы сказали имъ: развѣ недостаточно обширна земля Божія? Развѣ не могли вы покинуть страну свою и искать себѣ убѣжища гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ? За это будете пребывать вы въ аду. Сколь презрѣнна дорога ихъ!

«Слабые люди, будутъ ли то мужчины или женщины, а также дѣти, неспособныя ни изобрѣсти хитрость, которая дала бы имъ возможность избавиться отъ невѣрныхъ, ни руководить собой, быть можетъ, всѣ получатъ прощеніе отъ Бога. Онъ снисходителенъ и милосердъ.

«Тотъ, кто покинетъ страну свою во имя Господне найдетъ на землѣ другихъ вынужденныхъ къ тому же людей и въ изобилии средства къ существованію. Если тотъ, кто оставитъ страну свою, чтобы встать за дѣло Божіе, будетъ внезапно застигнутъ смертью, Богъ позаботится вознаградить его какъ слѣдуетъ, а Богъ снисходителенъ и милосердъ. (IV, 99—101).

«Когда невѣрные тайно составили противъ тебя заговоръ, о, Мухаммедъ, когда они хотѣли схватить тебя, убить или изгнать, то въ свою очередь Богъ устроилъ заговоръ противъ нихъ и оказался конечно искуснѣе ихъ» (VIII, 30) и др.....

Хотя самъ Абу Талибъ не обратился въ исламизмъ, но онъ относился съ большимъ уваженіемъ къ ученію племянника, и теперь твердость того такъ на него подѣйствовала, что онъ далъ ему слово быть его защитникомъ и покровителемъ во что бы то ни стало Однако, чувствуя себя одного не достаточно сильнымъ для этой задачи онъ обратился къ другимъ потомкамъ Хашима и Абд-ул-Муталиба съ просьбой защищать ихъ сородича отъ нападокъ остальныхъ членовъ племени, и всѣ кромѣ Абу-Лахаба, согласились.

Враждебность корайшитовъ проявлялась все рѣзче и рѣзче. Однажды на Мухаммеда напали въ Каабѣ и едва не задушили его, и лишь Абу Бакръ, самъ пострадавшій въ этомъ дѣлѣ, спасъ его изъ бѣды, Семья Мухаммеда, въ особенности же его дочь Рокайя съ мужемъ Усманомъ, сдѣлалась предметомъ всеобщей ненависти. Жизнь послѣдователей Мухаммеда, у которыхъ не было сильныхъ защитниковъ и покровителей, находилась въ самой серьезной опасности. Заботясь объ ихъ безопасности, Мухаммедъ совѣтывалъ имъ на время скрыться въ Абиссинію, гдѣ исповѣ-

дывалось христіанство, и гдѣ негусъ считался терпимымъ и справедливымъ человѣкомъ.

Во главѣ отправившейся въ Абиссинію кучки мусульманъ, состоявшей всего изъ одинадцати мужчинъ и четырехъ женщинъ, стоялъ Усманъ. Въ портѣ Муэйба, неподалеку отъ Джедды, они нашли два абиссинскихъ судна и съ ними отправились. Событіе это относящееся къ 615-му году, извѣстно въ исторіи ислама подъ названіемъ «первой геджры» въ отличіе отъ второй или просто «геджры», т. е. бѣгства самого Пророка изъ Мекки въ Ятрибъ.

Пробывъ въ Абиссиніи три мѣсяца, бѣглецы вернулись на родину, такъ какъ получили неправильное сообщеніе о томъ, что корайшиты примирились съ Мухаммедомъ. Такъ какъ сообщеніе оказалось невѣрнымъ, то на другой годъ они снова отправились въ Абиссинію. [1]). Такъ какъ они встрѣтили тамъ хорошій пріемъ, то вскорѣ за ними послѣдовали еще другіе. и черезъ нѣкоторое время число собравшихся въ Абиссиніи мусульманъ возросло до 83 мужчинъ и 18 женщинъ, помимо дѣтей. Изъ нихъ около сорока человѣкъ потомъ вернулись въ Мекку, остальные же присоединились къ Мухаммеду въ то время, когда онъ уже былъ въ Мединѣ. [2]).

Недоразумѣніе же, заставившее возвратиться преждевременно первыхъ бѣглецовъ, было обязано своимъ происхожденіемъ слѣдующему обстоятельству.

Черезъ нѣкоторое время послѣ бѣгства мусульманъ въ Абиссинію, Мухаммедъ, видя, что гоненія и на другихъ не прекращаются, и разсчитывая какъ-нибудь примириться съ корайшитами, допустилъ въ свою систему нѣкоторыхъ изъ боговъ, или вѣрнѣе богинь,—Ал-латъ, Ал-мана, Ал-уззу,—въ качествѣ посредниковъ между людьми и Богомъ. Тогда и корайшиты преклонились передъ Богомъ Мухаммеда. Когда же, черезъ нѣсколько дней, онъ назвалъ этихъ богинь лишь изобрѣтенными людьми пустыми именами, преслѣдованія корайшитовъ возобновились со свѣжей силой. [3]).

Къ этому же времени относится любопытный фактъ. По свидѣтельству историковъ Мухаммеда, корайшиты отправили депутацію къ раввинамъ въ Ятрибъ съ порученіемъ обрисовать имъ личность Мухаммеда, изобразить сущность его религіи и узнать ихъ мнѣніе о немъ. Раввины отвѣтили: «спросите у него, что такое люди прежнихъ лѣтъ, самая жизнь которыхъ является чудомъ? Что такое человѣкъ, достигшій рубежа земли на востокѣ и на западѣ? Что такое душа? Сообразно съ отвѣтами на эти

---

[1]) Stobart Islam. p. 80.

[2]) Johnstone. Muhammad. p. 76.

[3]) Sir W. Muir. The Coran. p. 14.

вопросы можно будетъ рѣшить, дѣйствительно ли онъ пророкъ или же лжеучитель». Послы, вернувшись въ Мекку, задали Мухаммеду эти три вопроса, онъ обѣщалъ отвѣтить имъ на слѣдующій день, но при этомъ забылъ прибавить—«если Богу будетъ угодно» (иншалла),—за что былъ наказанъ Богомъ и двѣ недѣли не получалъ откровенія. Въ концѣ этого срока онъ отвѣтилъ исторіями о семи спящихъ и объ Александрѣ Македонскомъ (сура 18-я). На вопросъ о душѣ онъ также далъ очень удачный отвѣтъ, что одному Богу извѣстно, что она изъ себя представляетъ. (сура 17-я, ст. 87) Эта побѣда Мухаммеда надъ невѣрными довела, какъ говорятъ историки, озлобленіе корайшитовъ до крайнихъ предѣловъ, и они запретили своимъ согражданамъ слушать проповѣди пророка [1]). Видя кромѣ того, что Мухаммедъ нисколько не склоненъ къ молчанію и дѣлаетъ все новыя и новыя обращенія, они издали временный законъ, по которому всѣ принявшіе новую вѣру, подлежали немедленному изгнанію. Мухаммедъ самъ былъ принужденъ временно укрыться въ домѣ одного изъ своихъ учениковъ, по имени Орхама, на холмѣ Сафа, гдѣ онъ и провелъ около мѣсяца. Но и тамъ онъ не былъ въ безопасности, его убѣжище открыли, и онъ подвергся оскорбленіямъ со стороны Абу-Джахля. Объ этомъ было передано дядѣ Мухаммеда, Хамзѣ, который, будучи самъ идолопоклонникомъ, все же былъ расположенъ защищать своего племянника, такъ какъ узы крови считалъ священными. При первомъ же случаѣ онъ ранилъ хвастависшагося своимъ поступкомъ Абу Джахля. Тутъ же Хамза заявилъ, что больше онъ не вѣритъ въ каменныхъ боговъ, обратился въ исламизмъ и сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ учениковъ Мухаммеда.

Ненависть Абу Джахля къ Мухаммеду еще болѣе усилилась вслѣдствіе наказанія, полученнаго имъ отъ Хамзы за свое хвастовство, и онъ рѣшилъ отомстить. У него былъ племянникъ, Омаръ-ибнъ-аль-Хаттабъ, отличавшійся необыкновенной силой и мужествомъ Подстрекаемый своимъ дядей, Абу Джахлемъ, онъ обѣщался проникнуть въ убѣжище Мухаммеда и убить его. Говорятъ, что корайшиты обѣщали ему въ награду за это тысячу верблюдовъ и тысячу унцій золота. Въ то время, какъ онъ направлялся къ убѣжищу Мухаммеда, т. е. къ дому Орхама, онъ встрѣтился съ однимъ корайшитомъ, которому и повѣдалъ о своемъ планѣ. Случилось такъ, что встрѣченный корайшитъ былъ тайный мусульманинъ, и онъ сказалъ юношѣ: «прежде чѣмъ убивать Мухаммеда и навлекать на себя мщеніе его родственниковъ, посмотри, среди твоихъ домашнихъ, нѣтъ ли точно такихъ еретиковъ». На выраженное Омаромъ удивленіе, корайшитъ сказалъ

[1]) Коранъ, пер. Николаева, стр. 17.

ему, что его сестра Амина и ея мужъ Саидъ принадлежатъ къ сектѣ.

Омаръ отправился въ жилище своей сестры и засталъ ее читающей съ мужемъ записанныя слова откровенія. Когда Омаръ вошелъ, Саидъ пытался спрятать свитокъ [1]), но не поспѣлъ, и это убѣдило Омара въ справедливости сдѣланнаго корайшитомъ обвиненія. Разгнѣванный Омаръ повалилъ Саида на землю, наступилъ ему ногою на грудь и хотѣлъ вонзить въ нее мечъ, но Амина помѣшала ему въ этомъ, воскликнувъ: «Врагъ Аллаха! убьешь ли ты меня такъ за вѣру въ единаго истиннаго Бога? Наперекоръ тебѣ и твоей жестокости, я останусь въ истинной вѣрѣ. Да, нѣтъ бога кромѣ Бога, и Мухаммедъ Его Пророкъ. А теперь, Омаръ, кончай твое дѣло».

Раскаявшись въ своей жестокой грубости, Омаръ пріостановился и снялъ ногу съ груди Саида. Онъ сталъ просить свою сестру показать ему то, что она читала, но она сдѣлала это лишь послѣ того, какъ онъ вымылъ руки. По преданію, это было начало теперешней XX-й суры Корана.

Прочитанныя слова глубоко запали въ душу Омара, дальнѣйшее же чтеніе еще больше растрогало его, и, когда онъ дошелъ до воскресенія и суда, то обращеніе его было полное. Уже съ перемѣнившимся сердцемъ онъ пришелъ къ дому Орхама и постучался въ дверь.

— «Входи, сынъ Хаттаба, отозвался Мухаммедъ,—какое дѣло привело тебя сюда?»

— Я пришелъ, чтобы ты записалъ меня въ число вѣрующихъ въ Бога и Его Пророка, отвѣтилъ Омаръ.

И онъ исповѣдалъ вѣру. Мало того, онъ пожелалъ, чтобы обращеніе его сдѣлалось извѣстно всѣмъ. Мухаммедъ тотчасъ повелъ его въ Каабу, и тамъ они совершили молитву по мусульманскому обряду Омаръ шелъ справа и Хамза слѣва отъ Мухаммеда, и еще сорокъ послѣдователей шли сзади, чтобы защищать Мухаммеда отъ возможныхъ нападеній и, къ всеобщему изумленію горожанъ, среди бѣлаго дня они прошли по улицамъ Мекки. Корайшиты безмолвно злобствовали, но присутствіе Хамзы и Омара удержало ихъ отъ нападенія. На слѣдующій день Омаръ пришелъ молиться въ Каабу, и опять никто не рѣшился его тро-

---

[1]) Точно, повидимому, не установлено, на чемъ были написаны слова Корана, которыя читали Саидъ и Амина, такъ какъ въ преданіи говорится, что въ рукахъ у нихъ былъ «коранъ», что не можетъ быть истолковано въ смыслѣ полнаго сборника, котораго тогда не было.

нуть. Послѣ этого онъ отказался отъ покровительства своего дяди Абу Джахля и раздѣлилъ долю другихъ мусульманъ. [1]).

Это новое обращеніе еще больше увеличило враждебность корайшитовъ, такъ какъ Омаръ до тѣхъ поръ былъ злѣйшимъ противникомъ ислама и врагомъ Мухаммеда, а теперь онъ увеличилъ собою его ряды. Для ислама это было цѣнное пріобрѣтеніе, такъ какъ онъ сдѣлался однимъ изъ его столповъ, и онъ смѣло могъ стать въ рядъ съ Хамзой, Абу Бакромъ, Зайдомъ и Али. Для корайшитовъ же обращеніе Омара было двойнымъ ударомъ: оно не только увеличило силу Мухаммеда, но одновременно ослабило ихъ силу, и они стали думать о нанесеніи рѣшительнаго удара [2])

У Абу Талиба явилось основательное опасеніе, какъ бы Мухаммедъ не былъ убитъ какимъ-нибудь предательскимъ способомъ, и, наконецъ склонившись на просьбы своего дяди, Мухаммедъ перешелъ на жительство въ укрѣпленное жилище или замокъ Абу Талиба, неподалеку отъ города Этотъ замокъ составлялъ какъ бы изолированный кварталъ. Такое упорное покровительство Мухаммеду со стороны Абу Талиба и другихъ хашимитовъ вызвало въ племени расколъ, и глава линіи Абд-уш-Шамса распространилъ свою ненависть не только на семью Мухаммеда, но и на всѣхъ хашимитовъ вообще. Раздоръ былъ полный. Линія Абу Суфіана сдѣлала постановленіе о томъ, что съ хашимитами должны быть прерваны всякія сношенія до тѣхъ поръ, пока они не выдадутъ Мухаммеда для наказанія. Это постановленіе, написанное на пергаментѣ, было вывѣшено въ Каабѣ (въ 617 г.). Оно сдѣлало положеніе Мухаммеда и его послѣдователей очень тяжелымъ.

Они были почти отрѣзаны отъ всего міра, сношенія съ которымъ находили препятствія въ корайшитахъ. Жизненные припасы можно было получить съ большими трудностями, такъ какъ купить ихъ можно было лишь у пришлыхъ торговцевъ, а такіе бывали не каждый день. Выходить можно было лишь во время священныхъ мѣсяцевъ, когда должны были прекращаться всякія враждебныя дѣйствія, и такое положеніе длилось почти въ теченіе трехъ лѣтъ. Мухаммедъ лишь священными мѣсяцами и пользовался для проповѣди среди паломниковъ, но въ этотъ періодъ прозелиты были очень немногочисленны. [3]).

Приближалось время, когда въ Мекку сходились паломники со всѣхъ концовъ Аравіи, и, такъ какъ это приходилось именно на священные мѣсяцы, то Мухаммедъ опять воспользовался

---

[1]) W. Irving. Life of Mahomet. p.p. 54—56.
[2]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. 35.
[3]) Stobart. Islam. p. 85.

этимъ случаемъ, чтобы проповѣдью среди паломниковъ распространить свое ученіе и найти прозелитовъ хоть въ отдаленныхъ уголкахъ Аравіи, разъ Мекка окончательно ускользала отъ его обращенія. Въ этомъ году (619-омъ) ему не удалось увидѣть результатовъ, но все же они были, такъ какъ среди паломниковъ находилось нѣсколько шейховъ кочевыхъ племенъ, которые увѣровали въ новое ученіе и ввели его среди своихъ племенъ.

Арабскія легенды передаютъ объ обращеніи одного шейха, по имени Хабибъ-ибнъ-Малека, по прозвищу Мудраго. Такъ прозвали его за его обширныя знанія и образованность. Въ особенности онъ интересовался различными религіозными вопросами и перечиталъ все, что относительно этого было написано. Самъ онъ былъ убѣжденнымъ искателемъ истины и постепенно перебывалъ въ лонѣ еврейства, христіанства и маздеизма. Въ то время, когда онъ пришелъ въ Мекку, во главѣ 20000-наго отряда, ему было уже сто сорокъ лѣтъ, что однако еще не мѣшало ему имѣть молоденькую дочь, по имени Сатиха, которая также сопровождала его въ путешествіи. Онъ и стремился къ Каабѣ, чтобы молиться объ исцѣленіи дочери: она была глухонѣмая и слѣпая и кромѣ того еще разбита параличомъ.

Легенда говоритъ, что прибытіе этого могущественнаго вождя во главѣ громаднаго отряда и дало Абу Суфіану и Абу Джахлю мысль воспользоваться имъ для уничтоженія Мухаммеда. Они предупредили Хабиба объ ереси воображаемаго пророка и убѣдили почтеннаго вождя заставить Мухаммеда защитить свое ученіе въ его присутствіи въ Долинѣ Кремней. Они были совершенно убѣждены въ томъ, что результатомъ упорства Мухаммеда будетъ или его изгнаніе изъ страны или смерть. Массой собрались въ Долину Кремней корайшиты, предводимые Абу Суфіаномъ и Абу Джахлемъ. Тамъ уже возсѣдалъ на роскошно украшенномъ тронѣ Хабибъ Мудрый.

Мухаммедъ былъ въ жилищѣ Хадиджи, когда получилъ вызовъ отъ этого своеобразнаго трибунала. Какъ Хадиджа, такъ и дочери Мухаммеда впали въ отчаяніе, считая что онъ отправляется на вѣрную смерть, но онъ успокоилъ ихъ и просилъ вѣрить въ Аллаха.

Несмотря на присутствіе въ толпѣ враговъ въ лицѣ Абу Суфіана и Абу Джахля, Мухаммедъ совершенно спокойно приблизился къ судилищу. Онъ былъ въ бѣлой одеждѣ, съ чернымъ тюрбаномъ на головѣ и въ принадлежащемъ еще его дѣду Абд-ул-Муталибу плащѣ изъ аденской матеріи. Волосы его, развѣваемые вѣтромъ, волною падали ему на плечи. Ему предшествовалъ Абу Бакръ. Когда Мухаммедъ приблизился, мгновенно все погрузилось въ молчаніе: замолчали, по словамъ легенды, не только люди, но и всѣ животныя. Хабибъ принялъ его милостиво и сказалъ Ему:

— «Эти говорятъ, что ты выдаешь себя за пророка Бога. Правда ли это?»

— Да, отвѣтилъ Мухаммедъ,—Аллахъ послалъ меня, чтобы провозгласить истинную вѣру.

— «Хорошо, возразилъ Хабибъ,—но каждый пророкъ знаменіями и чудесами давалъ доказательство своей божественной миссіи. Если и ты дѣйствительно пророкъ, дай намъ чудо въ доказательство этого».

Приверженцы Мухаммеда задрожали, услышавъ это предложеніе, а Абу Джахль радостно привѣтствовалъ мудрость Хабиба. Но Мухаммедъ рѣзко оборвалъ его словами. «тише, собака! Несчастіе своего рода и своего племени». Послѣ этого онъ спокойно выразилъ готовность выполнить желаніе Хабиба Первое чудо, изъ трехъ предложенныхъ, заключалась въ томъ, что Мухаммедъ долженъ былъ угадать то, что у Хабиба было въ палаткѣ, и ради чего онъ привезъ это въ Мекку. Въ отвѣтъ на это, продолжаетъ легенда, Мухаммедъ склонился къ землѣ и сталъ на ней чертить какія то фигуры. Потомъ поднявши голову, онъ сказалъ:

— О, Хабибъ! ты привезъ сюда свою дочь Сатиху, которая нѣма, глуха, слѣпа и лишена способности двигаться, и ты надѣешся получить исцѣленіе отъ Каабы. Ступай въ свою палатку, говори ей и услышъ отъ нея отвѣтъ, и познай, что Богъ всемогущъ!

Престарѣлый вождь торопливо, насколько годы ему позволяли это, направился въ свою палатку, гдѣ его съ радостнымъ крикомъ встрѣтила уже совершенно исцѣлившаяся дочь.

Второе чудо, потребованное Хабибомъ, было еще труднѣе: Мухаммедъ долженъ былъ окутать въ тьму полдневное небо, свести съ неба луну и остановить ее надъ вершиной Каабы. Это чудо, ны продолжаемъ слова легенды, было выполнено съ тою же легкостью, что и первое. Луна не только опустилась къ Каабѣ, но, на подобіе пилигримма, семь разъ обошла вокругъ нея низко преклонилась передъ Мухаммедомъ. Не довольствуясь этимъ, Мухаммедъ раздѣлилъ луну на двѣ части, пустивъ ихъ въ разныя стороны, пока онѣ по серединѣ неба не сошлись въ цѣлый блестящій дискъ.

Тутъ Хабибъ увѣровалъ и съ нимъ вмѣстѣ еще 470 мекканцевъ, но Абу Джахль продолжалъ пребывать въ своемъ невѣріи. [1]).

Легенда эта, очень распространенная въ словесныхъ преданіяхъ, у большинства серьезныхъ авторовъ отсутствуетъ. Такъ какъ, однако, въ Коранѣ имѣются нѣкоторыя намеки на это обстоятельство, я счелъ возможнымъ привести ее здѣсь.

Уже три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ Мухаммедъ и его послѣдователи укрылись въ замкѣ Абу Талиба, а запрещеніе об-

---

[1]) W. Irving Life of Mahomet. pp. 57 –60.

щенія съ ними все еще продолжало существовать. Однако преслѣдуемая секта, не взирая на свою изолированность и всѣ препятствія, мало по малу начинала расти. и, когда въ Меккѣ оказалось уже достаточно приверженцевъ Мухаммеда, въ народѣ начали раздаваться глухія слова ропота по поводу раздора между корайшитами. Этому помогло еще одно чисто случайное, какъ могло бы показаться всякому не мусульманину, обстоятельство: въ это время вывѣшенное въ Каабѣ постановленіе—отъ времени ли, или отъ насѣкомыхъ—совершенно уничтожилось, такъ что уже стало совершенно невозможно прочитать то, что на немъ прежде было написано. Одни увидали въ этомъ перстъ Божій, другіе должны были вынужденно согласиться съ этимъ, результатомъ чего получилось рѣшеніе, что сдѣланное три года тому назадъ постановленіе считается отмѣненнымъ и какъ бы не существующимъ. Для мусульманъ въ этомъ было ясно видно чудо, подтверждающее. истинность миссіи Мухаммеда. Но находились и такіе скептики, которые рѣшались увѣрять, что порча документа была дѣломъ человѣческихъ рукъ, такъ какъ Абу-Суфіанъ понялъ, что поддерживать запрещеніе становится все болѣе и болѣе трудно, и такимъ образомъ приготовилъ себѣ выходъ изъ непріятнаго положенія. Съ его стороны это было недурнымъ дипломатическимъ пріемомъ.

Возвращеніе Мухаммеда въ Мекку было ознаменовано цѣлымъ рядомъ новыхъ обращеній, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ и было очень тяжело для Мухаммеда, такъ какъ онъ въ это время (620-й г.) понесъ двѣ очень чувствительныхъ потери. Первоначально умерла его жена Хадиджа, а вскорѣ за нею смерть унесла его вѣрнаго и преданнаго покровителя Абу Талиба.

Хадиджа умерла въ возрастѣ 65 лѣтъ. Мухаммедъ горько плакалъ о ней и нарядился въ трауръ. Одинъ арабскій авторъ, Абу Хорайра, говоритъ, что онъ былъ утѣшенъ въ своемъ горѣ архангеломъ Гавріиломъ, который сообщилъ ему, что въ раю для Хадиджи приготовленъ серебреный дворецъ. [1]). Хотя Хадиджа и была значительно старше Мухаммеда, и хотя многоженство было разрѣшено какъ древними обычаями, такъ и откровеніями новой вѣры, но онъ никогда не подалъ ей ни малѣйшаго повода къ ревности: онъ не далъ ей при жизни соперницы, оставаясь вѣрнымъ ей. Нравственная потеря для Мухаммеда была громадна, и горе его было велико и искренно. Уваженіе, которое онъ питалъ къ Хадиджѣ, нашло послѣднее свое выраженіе въ томъ, что онъ включилъ ее въ число совершенныхъ женщинъ. Это были: Азія, жена Фараона, Дѣва Марія, Хадиджа и Фатима, дочь Мухаммеда и жена Али. [2]).

[1]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 63.

[2]) Stobart. Islam. p. 124.

Своего дядю Абу Талиба Мухаммедъ уговаривалъ принять на смертномъ одрѣ исламъ, но тотъ отказался, сказавъ, что, если бы онъ сдѣлалъ это, то корайшиты стали бы говорить, что онъ поступилъ такъ исключительно изъ страха смерти.

Одно время Абу Талиба замѣнилъ Абу Лахабъ, который изъ противника Мухаммеда сдѣлался его покровителемъ, но это продолжалось очень недолго, такъ какъ враждебные корайшиты отговорили его отъ этого. [1]).

Какъ ни велико было горе Мухаммеда отъ потери любимой жены, но вѣчно оно длиться не могло, по крайней мѣрѣ въ острой формѣ, и очень скоро послѣ ея смерти онъ женился Это было начало цѣлой серіи браковъ, число которыхъ далеко переступило за дозволенную для мусульманъ норму, и для оправданія которыхъ требовались неоднократныя откровенія. Такъ въ одномъ мѣстѣ говорится: «до тебя мы посылали иныхъ пророковъ, которымъ мы даровали женъ и потомство...» (XIII, 38). Къ этому, на упреки Мухаммеда въ многоженствѣ, еще прибавлялось: развѣ у Давида не было ста женъ и у Соломона трехсотъ, что не помѣшало имъ быть избранниками Бога? [2]).

Первый бракъ его, или точнѣе только обрученіе, имѣлъ мѣсто черезъ мѣсяцъ послѣ смерти Хадиджи: онъ обручился съ семилѣтней Айшей, дочерью Абу Бакра, т. е. отца дѣвушки. Его прозвали такъ потому, что его дочь была единственной дѣвственницей, взятой Мухаммедомъ въ жены. Бракъ этотъ былъ его завѣтной мечтой. Такъ какъ Айша, даже для Аравіи и для того дикаго времени, въ которое происходило дѣло, была слишкомъ молода, то бракъ былъ заключенъ лишь предварительный, совершеніе же его было отложено на два года.

Этотъ бракъ еще болѣе скрѣпилъ тѣ узы, которыя связывали Мухаммеда съ Абу Бакромъ. Въ ожиданіи же того времени, когда Айша выростетъ и сдѣлается его дѣйствительной женой, Мухаммедъ женился на Савдѣ, дочери Сохрана, одного изъ своихъ послѣдователей. Объ этомъ бракѣ приходится сказать нѣсколько словъ.

Савда не пользовалась особенной любовью Мухаммеда. Одно время онъ даже хотѣлъ развестись съ ней, но она умолила его позволить ей называться его женой, за что она отказалась отъ своихъ супружескихъ правъ, уступая ихъ Айшѣ. Такъ какъ значительная часть европейскихъ писателей приписываютъ многочисленные браки Мухаммеда исключительно его любострастію, то слѣдуетъ выслушать и другую сторону, хотя бы изъ одного

---

[1]) W. Irving. p. 62. Stobart. Idem.
[2]) Тафсиръ-и-мэвакибъ т. II, стр. 321.

чувства справедливости. Вотъ что говоритъ одинъ мусульманскій писатель:

По обычаямъ страны, бракъ былъ единственнымъ средствомъ для учителя защитить вдову своего вѣрнаго ученика и оказать ей помощь. Принципы благородства и гуманности заставили Мухаммеда принять въ ней участіе. Ея мужъ отдалъ свою жизнь за новую вѣру, ради нея онъ покинулъ свой домъ и родину. Его жена раздѣляла вмѣстѣ съ нимъ его изгнаніе, и, лишенная всего, теперь возвращалась въ Мекку. И Мухаммедъ женился на Савдѣ, такъ какъ это было единственнымъ способомъ помочь бѣдной женщинѣ. [1]).

Такое толкованіе конечно должно быть допустимо, какъ и всякое другое, независимо отъ степени его убѣдительности. Если Мухаммедъ въ данномъ случаѣ совершилъ лишь дѣло благотворительности, то выше сказанное показываетъ, что Савда сумѣла отблагодарить его за оказанное ей благодѣяніе самымъ чувствительнымъ для него образомъ.

Уже вскорѣ Мухаммеду пришлось почувствовать ту потерю, которую онъ понесъ въ лицѣ Абу Талиба, бывшаго для него, благодаря своему вліянію въ Меккѣ, самымъ могущественнымъ покровителемъ. И снова на Мухаммеда начались нападки со стороны Абу Джахля и Абу Суфіана. Положеніе его сдѣлалось невыносимымъ, и онъ съ Заидомъ на нѣкоторое время укрылся въ городѣ Таифѣ, расположенномъ въ семидесяти миляхъ отъ Мекки.

Выборъ мѣста былъ сдѣланъ не случайно, а въ надеждѣ на защиту и покровительство дяди Аль-Аббаса, жившаго тамъ. Иначе подобный выборъ могъ бы показаться довольно страннымъ, такъ какъ Таифъ, неподалеку отъ котораго находился идолъ богини Ал-латъ, былъ однимъ изъ самыхъ упорныхъ центровъ идолопоклонства, а Мухаммедъ пока еще искалъ легкихъ прозелитовъ. За пребываніе Мухаммеда въ Таифѣ, въ теченіе мѣсяца, не было сдѣлано ни одного обращенія: ему не давали даже проповѣдывать, надъ нимъ смѣялись и въ него швыряли камнями. Наконецъ наступилъ день, когда онъ былъ просто выгнанъ изъ города, еще долго за его стѣнами преслѣдуемый озлобленной толпой,—покровительство дяди Аббаса оказалось въ этомъ отношеніи совершенно безсильнымъ.

Выгнанные такимъ образомъ съ Заидомъ изъ города, голодные и усталые, они присѣли отдохнуть въ одномъ саду. Хотя садъ этотъ и принадлежалъ двумъ враждебнымъ корайшитамъ, все же имъ прислали блюдо винограда. Они подкрѣпились немного и отправились дальше. [2]).

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. 194.

[2]) Johnstone. Muhammad. p. 125.

Не рѣшаясь открыто вернутся въ Мекку, Мухаммедъ поручилъ Занду найти тамъ для него убѣжище, а самъ пока скрывался въ пустынѣ. Наконецъ убѣжище было найдено въ домѣ нѣкоего Мутемъ-ибнъ-Ада, и Мухаммедъ тогда рѣшился возвратиться въ Мекку.

Вскорѣ онъ имѣлъ чудное видѣніе, которому суждено было сдѣлаться причиной и предметомъ многочисленныхъ споровъ среди мусульманъ. Это было его ночное путешествіе въ Іерусалимъ, а оттуда на седьмое небо. Перипетіи этого путешествія весьма интересны, какъ взглядъ ислама на загробный міръ и на отношеніе его къ другимъ религіямъ, и въ своемъ мѣстѣ мы поговоримъ объ этомъ предметѣ съ тою подробностью, какой онъ заслуживаетъ. Здѣсь же скажемъ пока лишь нѣсколько словъ о томъ, что, по словамъ Мухаммеда, произошло съ нимъ въ одну темную ночь.

Архангелъ Гавріилъ разбудилъ Мухаммеда и привелъ ему бѣлаго коня съ человѣческимъ лицомъ и орлиными крыльями, который весь былъ облитъ сіяніемъ. Эта необыкновенная кобылица носила, какъ это было видно изъ обращенія къ ней архангела, имя Боракъ (или Молнія). Архангелъ Гавріилъ объяснилъ Бораку, кто будетъ всадникомъ, и безпокойно стоявшая до того времени кобылица сразу успокоилась. Когда Мухаммедъ сѣлъ, и кобылица поднялась на воздухъ, то они пролетѣли нѣкоторое время, и Мухаммедъ, по приглашенію Гавріила, слѣзъ съ лошади на землю и совершилъ молитву. Это мѣсто была гора Синай. Немного погодя Мухаммедъ снова принужденъ былъ сойти и молиться,—это былъ Виѳлеемъ. Третья остановка была въ Іерусалимѣ, въ храмѣ котораго Мухаммедъ встрѣтилъ Авраама, Моисея, Іисуса и другихъ пророковъ. Послѣ этого онъ былъ перенесенъ на первое небо, и такъ постепенно онъ прибывалъ къ вратамъ небесъ, куда они съ архангеломъ Гавріиломъ и были допускаемы послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ ангельской стражей.

На первомъ небѣ, сдѣланномъ изъ чистаго серебра, произошла встрѣча съ Адамомъ.

Второе небо было изъ стали, и тамъ имѣла мѣсто встрѣча Мухаммеда съ Ноемъ.

Третье небо было ослѣпительно по своему блеску, такъ какъ оно было выложено драгоцѣнными камнями. На немъ былъ ангелъ смерти Азраилъ.

На четвертомъ небѣ была встрѣча съ ангеломъ слезъ и скорби, оплакивающимъ грѣхи сыновъ человѣческихъ.

На пятомъ небѣ Мухаммедъ былъ весьма почтительно встрѣченъ Ааромомъ. На шестомъ небѣ былъ ангелъ-хранитель неба, состоящій наполовину изъ снѣга и наполовину изъ огня, и Моисей.

Наконецъ на седьмомъ небѣ Мухаммедъ былъ встрѣченъ патріархомъ Авраамомъ.

(Здѣсь приходится отмѣтить, что какъ ни быстро подымался Мухаммедъ съ архангеломъ Гавріиломъ, но оставленные въ іерусалимскомъ храмѣ Авраамъ и Моисей всетаки опередили ихъ).

Когда Мухаммедъ вошелъ въ небесный храмъ, ему были поднесены три чаши: съ виномъ, молокомъ и медомъ. Онъ взялъ чашу съ молокомъ и выпилъ изъ нея, и этотъ его выборъ былъ одобренъ архангеломъ Гавріиломъ. Вмѣстѣ съ ангелами Мухаммедъ семь разъ обошелъ около храма.

Послѣ молитвы Мухаммедъ былъ допущенъ передъ лицо Бога,—лицо Бога было покрыто 20000 покрововъ. Онъ положилъ одну руку на голову, а другую на грудь Мухаммеду, и тотъ сразу почувствовалъ, что какое то необыкновенное ощущеніе пронизало все его существо. Отъ Бога Мухаммедъ услышалъ то, что впослѣдствіи было сказано въ Коранѣ. Между прочимъ онъ получилъ предписаніе, чтобы вѣрующіе совершали пятьдесятъ молитвъ въ день. Моисей уговорилъ его просить объ уменьшеніи числа ежедневныхъ молитвъ, и послѣ цѣлаго ряда уступокъ со стороны Бога это число было уменьшено до пяти.

Спустившись въ Іерусалимъ, Мухаммедъ нашелъ тамъ Борака и былъ быстро доставленъ домой.

Было ли это путешествіе чѣмъ-нибудь реальнымъ, или нѣтъ, рѣшеніемъ этого вопроса было занято не мало мусульманъ. Есть одно преданіе, передающее со словъ Айши, что въ ту ночь, когда Мухаммедъ совершалъ свое путешествіе на небо, тѣло его совершенно спокойно лежало на постели. Но другіе настаиваютъ на томъ, что Мухаммедъ совершилъ тѣлесное путешествіе, но что оно было совершено въ такой короткій срокъ, что вода не успѣла вылиться изъ опрокинутаго имъ у постели кувшина. Третьи, наконецъ, говорятъ, что Мухаммедъ совершилъ путешествіе лишь въ іерусалимскій храмъ, а все остальное было только видѣніемъ.

Что такое было это на самомъ дѣлѣ? Можно съ увѣренностью сказать одно, что это не было придумано Мухаммедомъ хладнокровно и со спокойнымъ умомъ. Все можно сказать въ отвѣтъ,—это было разстроенное воображеніе, бредъ, сновидѣніе. Но можно ли удовлетвориться этимъ отвѣтомъ? Если мы призовемъ на помощь науку и религію, то придется сказать, что происшедшее превышаетъ размѣры человѣческаго пониманія, но не является единственнымъ въ своемъ родѣ примѣромъ. Наука много занималась явленіями телепатіи, билокаціи и мистическаго раздвоенія человѣческаго существа. Чтобы не дѣлать своихъ заключеній, приведу примѣръ, хорошо извѣстный въ исторіи католической церкви, это—исторія св. Лидвины, которая своимъ духовнымъ тѣломъ совершала путешествія къ святымъ мѣстамъ, и слѣды царапавшихъ ея тѣло шиповъ обозначались на ея матеріальномъ тѣлѣ. Метафизическая наука еще слишкомъ далека отъ того, чтобы быть въ состояніи дать утвердительный или какой-нибудь

опредѣленный отвѣтъ на всѣ запросы нашего духа, и возможно, что нѣкоторыя, съ обыкновенной точки зрѣнія, необыкновенныя явленія въ дѣйствительности суть самые естественные феномены, управляемые опредѣленными законами, еще неизвѣстными человѣчеству. Наука готова гордо отрицать все, что не объясняется ея законами, которые сами не болѣе, какъ результатъ совершенныхъ наблюденій, приведенныхъ къ опредѣленной формулѣ ..

Впечатлѣніе, произведенное разсказомъ Мухаммеда объ этомъ необыкновенномъ путешествіи, было различно: одни повѣрили, что дѣло именно и было такъ, какъ онъ говоритъ; другіе выражали сомнѣніе, а корайшиты просто осыпали его насмѣшками, обвиняя Мухаммеда въ томъ, что онъ все это путешествіе только придумалъ. Они потребовали у него сдѣлать имъ описаніе іерусалимскаго храма, который имъ былъ извѣстенъ, и Мухаммедъ точно сдѣлалъ это описаніе, «такъ какъ архангелъ Гавриилъ помѣстилъ передъ его глазами рисунокъ храма», какъ гласитъ о томъ преданіе Какъ бы тамъ ни было, эта необыкновенная исторія поколебала вѣру въ Мухаммеда даже среди многихъ его послѣдователей, и лишь Абу Бакръ остался непоколебимъ, за что и получилъ прозвище «ас-сидыкъ», т. е. вѣрный

Въ Коранѣ имѣется лишь слабое упоминаніе о ночномъ путешествіи, и легенда основана исключительно на преданіи.

Положеніе Мухаммеда на родинѣ дѣлалось все затруднительнѣе и затруднительнѣе. Уже прошло около десяти лѣтъ съ начала его миссіи, и все это время неудачи упорно не покидали его. Онъ ждалъ опять общаго паломничества, чтобы среди богомольцевъ найти племя, которое согласилось бы защитить и пріютить его. Не сразу эти поиски увѣнчались успѣхомъ, пока онъ не обратилъ своего вниманія на пилигриммовъ изъ Ятриба, среди которыхъ было много евреевъ и христіанъ-сектантовъ.

Когда церемонія паломничества была окончена, и пилигриммы удалились въ долину Мина, Мухаммедъ приблизился къ небольшой, человѣкъ въ 6—7, группѣ пришельцевъ, оказавшихся казраджитами изъ Ятриба. Онъ объяснилъ имъ догматы своей вѣры и настаивалъ, чтобы они приняли эту вѣру, какъ болѣе чистую, чѣмъ та, въ которой они родились и пребывали. Повидимому, въ Ятрибѣ идолопоклонство исповѣдывалось не столь фанатично, какъ въ Меккѣ, благодаря, можетъ быть, вліянію евреевъ и отсутствію политическихъ мотивовъ для поддержанія суевѣрій массы. [1]).

Казраджиты были древнимъ арабскимъ племенемъ, и они были въ дружбѣ съ двумя еврейскими племенами, кенадитовъ и надаритовъ, которыя жили въ Меккѣ. Они были поражены ученіемъ Мухаммеда, находя въ немъ много общаго съ еврейскимъ

[1]) Stobart. Islam. p. 127.

закономъ, и нѣкоторые изъ нихъ даже были склонны видѣть въ немъ обѣщаннаго Мессію. Въ концѣ концовъ они приняли вѣру Мухаммеда. Тогда онъ сталъ просить ихъ взять его подъ свое покровительство въ Ятрибъ. Однако они просили его немного выждать, такъ какъ они сами не были увѣрены въ настроеніи большинства и предварительно хотѣли примириться съ другимъ могущественнымъ племенемъ Ятриба-авситами. Мухаммедъ принялъ это условіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ имъ всю тягость своего положенія. Они обѣщали ему сдѣлать для него все, что только будетъ въ ихъ власти.

Это обстоятельство извѣстно въ исторіи ислама подъ именемъ перваго договора или первой клятвы при Акабѣ. Договоръ этотъ заключался въ томъ, что ятрибцы, въ лицѣ своихъ, правда не уполномоченныхъ, представителей, обязывались отказаться отъ идолопоклонства и поклоняться единому Богу, не совершать прелюбодѣянія, не убивать своихъ дѣтей, воздерживаться отъ клеветы и быть во всемъ покорными Мухаммеду. [1]). Вмѣстѣ съ ними Мухаммедъ отправилъ въ Ятрибъ одного изъ своихъ учениковъ. чтобы тотъ укрѣплялъ и поддерживалъ ихъ въ вѣрѣ, и тотъ проповѣдывалъ исламизмъ среди населенія Ятриба, гдѣ такимъ образомъ и были посѣяны первыя сѣмена новой вѣры.

Такъ какъ ятрибцы могли вернуться только въ слѣдующемъ году, то весь этотъ годъ ожиданія Мухаммедъ провелъ въ большой тоскѣ, такъ какъ онъ не зналъ, какой оборотъ примутъ дѣла въ Ятрибѣ, и будутъ ли ему вѣрны его новые послѣдователи. Въ случаѣ и этого неуспѣха, распространеніе ислама въ Аравіи представлялось ему очень сомнительнымъ, и тогда ему самому пришлось бы пожалуй искать убѣжища внѣ ея предѣловъ. [2]).

Между тѣмъ дѣла въ Ятрибѣ шли не такъ плохо, обращенія были довольно многочисленны, и особенно важнымъ изъ нихъ было обращеніе вождя авситовъ Саада-ибнъ-Маада. Помимо этого, контингентъ новыхъ прозелитовъ былъ еще увеличенъ бѣженцами изъ Мекки. [3]).

Прошелъ наконецъ тоскливый годъ, и, когда наступило время слѣдующаго паломничества, принявшіе исламизмъ ятрибцы явились и заявили Мухаммеду, что онъ можетъ отправляться вмѣстѣ съ ними въ ихъ городъ. Съ ними были, въ качествѣ представителей племени, двѣнадцать человѣкъ изъ вновь принявшихъ исламизмъ въ Ятрибѣ. Съ ними же возвратился и посланный Мухаммедомъ ученикъ Мусабъ-ибнъ-Омэйръ. Они признали Му-

---

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. 40.
[2]) Johnstone. Muhammad. p. 79.
[3]) W. Irving. Life of Mah. p. 77.

хаммеда своимъ пророкомъ, поклялись ему въ вѣрности и обѣщали оказывать ему покровительство. [1]).

Это было въ тринадцатый годъ миссіи Мухаммеда. Когда Мусабъ возвратился, Мухаммедъ встрѣтился съ нимъ на холмѣ въ окрестностяхъ Мекки. Туда его сопровождалъ дядя Аль-Аббасъ, идолопоклонство котораго не мѣшало ему сочувственно относиться къ ученію племянника. Однако, будучи человѣкомъ справедливымъ, онъ считалъ своимъ долгомъ предупредить ятрибцевъ, что прибытіе въ ихъ городъ Мухаммеда можетъ возстановить противъ нихъ всю языческую Аравію, чтобы они хорошенько подумали объ этомъ и рѣшили, въ состояніи ли они дѣйствительно оказать Мухаммеду обѣщанное покровительство. То же самое повторилъ имъ и самъ Мухаммедъ,но получилъ отъ нихъ отвѣтъ, что они приняли религію сознательно, и что никакія опасности не испугаютъ ихъ Была повторена клятва предыдущаго года, которая стала потомъ извѣстна подъ именемъ второй клятвы при Акабѣ Между прочимъ ятрибцы спросили Мухаммеда:

— «Если мы умремъ за дѣло вѣры, то что мы получимъ за это?»

— Счастье въ будущей жизни, отвѣтилъ имъ Мухаммедъ.

— «Но, сказали они, не оставишь ли ты насъ въ счастливый часъ, чтобы возвратиться къ своему народу?»

Мухаммедъ улыбнулся на это и сказалъ:

— Нѣтъ, никогда! ваша кровь—моя кровь, я вашъ, и вы мои.

— «Дай же намъ на этомъ руку».

Тогда каждый проходилъ, клалъ свою руку на руку Мухаммеда и клялся въ вѣрности Богу и ему. [2]) Такимъ образомъ былъ заключенъ этотъ договоръ.

Изъ среды ятрибцевъ Мухаммедъ выбралъ двѣнадцать человѣкъ, которыхъ назвалъ своими апостолами. Дѣло происходило ночью, и вдругъ изъ темноты съ холма раздался чей то голосъ, сказавшій, что они—отступники, и что ихъ ждетъ наказаніе.... Произошло нѣкоторое смятеніе, которое однако Мухаммедъ скоро разсѣялъ, объяснивъ, что это былъ голосъ врага Бога—сатаны, и что его имъ нечего бояться. Проще же было предполагать, какъ говоритъ Ирвингъ, что голосъ принадлежалъ какому-нибудь шпону корайшитовъ. Это мнѣніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что утромъ уже всѣ корайшиты въ подробностяхъ знали то, что произошло ночью. За то, что ятрибцы приняли вѣру Мухаммеда и оказали ему помощь и покровительство они получили прозвище «ансаровъ», т. е. помощниковъ.

---

[1]) Johnstone-Muham. p. 79

[2]) Ameer Ali. Spir. of islam. d. 42.

Когда ансары удалились, и прошли священные мѣсяцы, преслѣдованія мусульманъ со стороны корайшитовъ возобновились со свѣжей силой, такъ что Мухаммедъ окончательно рѣшилъ покинуть городъ при первой возможности, о чемъ и сообщилъ своимъ послѣдователямъ, уговаривая ихъ сдѣлать то же самое и раньше его. Губернаторомъ города въ это время былъ Абу-Суфіанъ, котораго въ немалое смущеніе приводилъ быстрый ростъ новой вѣры. Онъ созвалъ старѣйшихъ корайшитовъ, чтобы принять какія-нибудь мѣры для остановки этого религіознаго движенія, пока еще не поздно, и пока волна его не смыла всѣ слѣды идолопоклонства.

Нѣкоторые говорили, что слѣдуетъ изгнать Мухаммеда изъ города, но другіе возражали имъ на это, что онъ можетъ заручиться симпатіями другихъ племенъ и жестоко отомститъ за свое изгнаніе. Третьи предлагали уморить его голодной смертью,—это предложеніе такъ же не было принято, такъ какъ было высказано предположеніе, что его друзья не замедлили бы какъ нибудь помочь ему выбраться изъ темницы. Абу Джахль высказался коротко и ясно, что единственное средство покончить со всѣмъ этимъ движеніемъ, это—немедленно же убить Мухаммеда, такъ какъ съ его смертью все прекратится само собою. На томъ въ концѣ концовъ и порѣшили, такъ какъ за этимъ средствомъ оказалось много преимуществъ: они навсегда избавятся отъ присутствія Мухаммеда, и имъ не придется опасаться его мести. Но только что они стали такъ разсуждать, какъ болѣе спокойные и разумные сказали имъ, что они не только не избавляются отъ мести, но должны ожидать самой жестокой мести со стороны родственниковъ и послѣдователей Мухаммеда. Но такъ какъ рѣшеніе было уже принято, рѣшили, что месть должна быть обращена на всѣхъ, тогда она не будетъ такъ страшна: для этого представитель каждаго племени и рода долженъ былъ нанести Мухаммеду ударъ, т. е. что онъ будетъ убитъ какъ бы всѣмъ народомъ.

Мухаммеду грозила не шуточная опасность, и жизнь его второй уже разъ была въ опасности, а съ нею вмѣстѣ и все будущее новой религіи. Когда убійцы пришли къ дому Мухаммеда, онъ былъ уже предупрежденъ о томъ, какая участь была приготовлена ему, и мѣры для спасенія были уже приняты. Не важно, кѣмъ онъ былъ увѣдомленъ объ этомъ, архангеломъ ли Гавріиломъ, какъ говорятъ одни, кѣмъ ли нибудь изъ бывшихъ на собраніи и тайно симпатизирующихъ Мухаммеду корайшитовъ, какъ не безъ нѣкотораго основанія допускаютъ другіе, но онъ во время узналъ о готовящемся на него нападеніи и принялъ мѣры. Таковы факты.

Убійцы сразу не рѣшались войти въ жилище и остановились у двери. Посмотрѣвъ въ щель, они увидали, что лежавшій

на постели, котораго они приняли за Мухаммеда, спитъ завернувшись въ зеленый плащъ. Такъ какъ Мухаммедъ всегда носилъ этотъ именно плащъ, то сомнѣній, повидимому, быть не могло. Корайшиты стали совѣщаться, какъ поступить: убить ли его соннаго, или же напасть на него въ то время, когда онъ проснется. Наконецъ они ворвались въ комнату, и, когда спящій вскочилъ на ноги, разбуженный произведеннымъ ими шумомъ, велико было ихъ удивленіе,—передъ ними стоялъ не Мухаммедъ, а Али. На ихъ вопросъ, гдѣ Мухаммедъ, Али отвѣтилъ, что онъ этого не знаетъ, и безпрепятственно вышелъ изъ комнаты. Растерявшіеся первоначально корайшиты потомъ догнали его и избили, чтобы хоть на комъ нибудь выместить досаду. Они были въ ярости, что добыча ускользнула изъ ихъ рукъ, когда все какъ будто сулило полный успѣхъ ихъ предпріятію. И они обѣщали сто верблюдовъ въ награду тому, кто доставитъ имъ Мухаммеда—живого или мертваго.

Дѣло же объяснилось просто. Увѣдомленный объ опасности, Мухаммедъ сговорился съ Али, чтобы тотъ замѣнилъ его. Преданный Али ни на минуту не поколебался согласиться на эту рискованную замѣну,—вѣдь трудно было ожидать, что дѣло окончится для него такъ благополучно. Самъ же Мухаммедъ убѣжалъ изъ дому, перелѣзши при помощи раба черезъ стѣну. Онъ прибѣжалъ въ жилище Абу Бакра и тамъ спѣшно сдѣлалъ приготовленія къ немедленному бѣгству, такъ какъ время терять было нельзя: очевидно Мухаммеда стали бы всюду искать, а такихъ мѣстъ, которыя могли служить ему надежнымъ пристанищемъ, было сравнительно немного, и они всѣмъ были извѣстны. Однимъ изъ такихъ мѣстъ было конечно жилище Абу Бакра. Было рѣшено, что временно онъ долженъ укрыться на горѣ Таръ, въ разстояніи часа пути отъ Мекки, и оттуда уже перейти въ Ятрибъ, когда улягутся первыя волненія, и это путешествіе не будетъ уже представлять такой опасности. Въ это время дѣти Абу Бакра должны были тайно приносить пищу Мухаммеду и Абу-Бакру, который отправился вмѣстѣ съ нимъ.

Они вышли изъ Мекки самой темной ночью и на разсвѣтѣ были у горы Таръ. Лишь только они успѣли спрятаться въ пещерѣ, какъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ нихъ послышался шумъ погони. Даже мужественный и храбрый Абу Бакръ началъ дрожать, такъ какъ преслѣдователи были многочисленны, а ихъ всего было двое. На всѣ его страхи Мухаммедъ не переставалъ отвѣчать ему: Богъ съ нами третій. [1]).

Здѣсь, по словамъ вѣрующихъ, повторяющихъ легенду, произошло чудо: передъ входомъ въ пещеру въ одно мгновеніе выросла большая акація, на ней было гнѣздо, въ которомъ голуб-

[1]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 80.

ка сидѣла на яйцахъ и мирно ворковала. Когда корайшиты увидали этотъ ничѣмъ не нарушаемый покой, они рѣшили, что никто не могъ войти въ пещеру, и стали продолжать свои поиски въ другомъ направленіи.

Легенда эта портитъ общее впечатлѣніе: если Богъ хотѣлъ чудомъ спасти Мухаммеда, а именно это и доказываетъ легенда, то Ему не нужно было такъ неудачно помѣщать передъ входомъ въ пещеру акацію съ мирно воркующей голубкой. Обстановка разсказа не выдерживаетъ никакой критики. Можно ли допустить, что жители Мекки, привыкшіе въ каждомъ небольшомъ камешкѣ, въ каждомъ кустикѣ видѣть примѣту, не были удивлены неожиданнымъ появленіемъ дерева? А это именно и было такъ. потому что, увидавъ, что покой ничѣмъ не нарушается, они отправились въ другую сторону, не пожелавъ даже осмотрѣть пещеру. О существованіи пещеры они знали и къ ней именно направлялись,—и дерево ихъ не смущаетъ! Пребываніе въ гнѣздѣ голубки тоже не являлось доказательствомъ того, что въ пещеру никто не вошелъ, такъ какъ и отъ присутствія вновь прибывшихъ голубка также не прекратила своего мирнаго воркованія.

Какъ бы тамъ ни было, бѣглецы три дня пробыли въ пещерѣ, куда дочь Абу Бакра, Асма. приносила имъ пищу. На четвертый день на приведенномъ слугою Абу Бакра верблюдѣ они отправились въ Ятрибъ. По возможности они старались избѣгать караванной дороги и двигаться ближе къ берегу Краснаго моря. Но не успѣли они отъѣхать на порядочное разстояніе, какъ были настигнуты группой всадниковъ подъ начальствомъ Сорака-ибнъ-Малека. Абу Бакръ снова испугался погони, и снова Мухаммедъ успокаивалъ его словами: не страшись, Аллахъ съ нами!

Опять случилось нѣчто въ родѣ чуда и здѣсь. Когда Сорака увидалъ Мухаммеда, его лошадь поднялась на дыбы и съ нимъ вмѣстѣ упала,—и суевѣрный человѣкъ увидалъ въ этомъ дурной знакъ. Мухаммедъ воспользовался его состояніемъ, пустивъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, и Сорака сталъ просить у него прощенія. Послѣ этого Сорака со своимъ отрядомъ повернулъ обратно, предоставивъ путникамъ совершать дальнѣйшее путешествіе. [1]).

Дальнѣйшее путешествіе дѣйствительно было совершено безъ всякихъ приключеній. и они добрались до Кобы, холма въ разстояніи двухъ миль отъ Ятриба. Мѣстность эта отличалась своимъ здоровымъ климатомъ и служила санитарной станціей города. Холмъ былъ покрытъ фруктовыми садами, виноградниками и пальмовыми насажденіями. Прибывъ къ этому мѣсту, верблюдица Мухаммеда согнула свои колѣни и не хотѣла итти

[1]) W. Irving Life of Mahomet. p 81.

дальше. Мухаммедъ счелъ это за указаніе и остановился въ Кобѣ. На этомъ самомъ мѣстѣ впослѣдствіи и была построена мечеть Аль-Таква. По сосѣдству съ этой мечетью указываютъ и источникъ, по близости котораго отдыхалъ Мухаммедъ въ тѣни деревьевъ: теперь въ Медину проведена вода изъ этого источника.

Къ Кобѣ Мухаммедъ пробылъ четыре дня, оставаясь все это время гостемъ Колтумъ-ибнъ-Хадима. Здѣсь въ исламизмъ перешло семьдесятъ человѣкъ изъ племени сахали вмѣстѣ со своимъ вождемъ, по имени Борэйда-ибнъ-Хосейбъ. Здѣсь же принялъ исламизмъ Сальманъ, по прозвищу Персъ, такъ какъ онъ принадлежалъ къ этой національности. Про него разсказываютъ, что, послѣ знакомства съ христіанствомъ, онъ получилъ отвращеніе къ идолопоклонству и отправился изъ города въ городъ на поиски новой религіи, пока одинъ монахъ не разсказалъ ему о появившемся въ Аравіи пророкѣ. Сальманъ былъ для своего времени и разносторонне образованнымъ человѣкомъ, и Мухаммедъ, обладавшій цѣннымъ качествомъ опредѣлять людей съ перваго взгляда, удержалъ его при себѣ въ качествѣ одного изъ секретарей. Благодаря ему главнымъ образомъ Мухаммедъ ознакомился съ маздеизмомъ, слѣды котораго такъ многочисленны въ Коранѣ. Во время военныхъ экспедицій Сальманъ былъ незамѣнимымъ человѣкомъ для Мухаммеда, такъ какъ имѣлъ нѣкоторыя понятія о военномъ искусствѣ и могъ служить начальникомъ штаба арміи.

Укрывшіеся въ Ятрибѣ мекканцы вышли въ Кобу встрѣтить Мухаммеда. Среди нихъ были Тальха и Зобаиръ, племянникъ Хадиджи. Они принесли съ собою бѣлыя мантіи для Мухаммеда и Абу Бакра. Ансары возобновили свою клятву вѣрности.

Узнавъ отъ пришедшихъ, что въ городѣ много новыхъ прозелитовъ, и что общее настроеніе весьма благопріятно для него, Мухаммедъ назначилъ ближайшую пятницу для своего въѣзда въ городъ. Въ этотъ день онъ собралъ для молитвы всѣхъ своихъ послѣдователей, и въ сказанной для нихъ проповѣди онъ изложилъ главнѣйшія начала вѣры. Послѣ этого онъ сѣлъ на свою любимую верблюдицу и отправился въ городъ.

При въѣздѣ ему была сдѣлана торжественная встрѣча, и почти все населеніе города вышло за его ворота. Въ городѣ онъ остановился у нѣкоего Абу-Айюба, который впослѣдствіи былъ убитъ при осадѣ Константинополя, и который далъ свое имя знаменитой мечети этого города. [1]). Здѣсь умѣстно упомянуть интересный фактъ. Кто живалъ въ Константинополѣ, тотъ знаетъ, какъ труденъ для христіанъ доступъ въ эту мечеть, чтобы не сказать невозмо-

[1]) Stobart. Islam. p. 148.

женъ. Однако во время избіенія армянъ въ Константинополѣ въ 1897 году не одна сотня человѣкъ была спасена только благодаря тому, что муллы этой мечети дали въ ней пріютъ преслѣдуемымъ армянамъ.

Съ въѣздомъ Мухаммеда въ Ятрибъ, онъ сталъ называться «городомъ (медина) Пророка», и съ этихъ поръ мы можемъ оставить названіе Ятрибъ и называть его Мединой.

Охрану Мухаммеда составляли всадники изъ племени сахали. Борэйда, находя, что пророкъ не можетъ въѣхать въ городъ безъ знамени, развернулъ свой тюрбанъ, прикрѣпивъ его однимъ концомъ къ копью, и поѣхалъ передъ Мухаммедомъ. Восторженные крики народа привѣтствовали Мухаммеда. Такимъ образомъ, недавній бѣглецъ изъ Мекки тріумфаторомъ въѣзжалъ въ Медину. Почти слѣдомъ за нимъ прибылъ въ Медину и Али, бѣжавшій изъ Мекки и совершившій весь свой путь пѣшкомъ, затѣмъ прибыла Айша съ остальной семьей Абу Бакра и Мухаммеда. Караванъ этотъ велъ Заидъ и слуга Абу Бакра Абдулла.

Съ этого момента—геджры, т. е. бѣгства—и начинается мусульманскій календарь. Надо замѣтить, что оффиціально геджра была установлена лишь черезъ семнадцать лѣтъ послѣ событія, при второмъ халифѣ; притомъ начало счисленія не сходится съ дѣйствительнымъ временемъ бѣгства Мухаммеда изъ Мекки въ Медину, что случилось 4-го раби-уль-авваля, а ведется оно съ перваго числа перваго луннаго мѣсяца года—мухаррама. Этотъ день въ годъ установленія геджры пришелся на 15-е іюля. [1]).

Съ переселеніемъ въ Медину какъ въ жизни Мухаммеда, такъ и преподаваемомъ имъ ученіи произошелъ значительный переломъ. Пока Мухаммедъ былъ въ Меккѣ, онъ былъ лишь религіознымъ реформаторомъ,—о захватѣ въ свои руки политической власти и думать, если онъ дѣлалъ это, было безплодно. Въ Мединѣ же онъ уже черезъ нѣкоторое время оказался духовнымъ и временнымъ главой, совмѣстивъ такимъ образомъ въ своихъ рукахъ всю власть, что съ тѣхъ поръ и сдѣлалось идеаломъ мусульманскаго государства.

[2]) Ameer Ali. Spirit. of islam. p. 45.

Глава третья.
(622—624 г.г.)

Вскорѣ Мухаммедъ оказался во главѣ большой и могущественной партіи въ Мединѣ, состоявшей частью изъ «мухаджировъ» (т. е. бѣглецовъ)—мекканцевъ и ансаровъ-мединцевъ. Въ это время въ Мединѣ было въ сущности три партіи Первая, которую мы только что назвали, состояла изъ мухаджировъ и ансаровъ и являлась воплощеніемъ и поддержкой ислама.

Вторая состояла изъ равнодушныхъ послѣдователей новой вѣры, которые какъ слѣдуетъ не давали даже себѣ заботы скрывать свое болѣе сочувственное отношеніе къ идолопоклонству. Во главѣ ихъ стоялъ Абдулла-ибнъ-Обба, изъ племени казраджитовъ, который пользовался въ Мединѣ громкимъ вліяніемъ и претендовалъ даже на королевскую власть тамъ. И онъ навѣрное достигъ бы этого, если бы только прибытіе Мухаммеда не явилось серіозной помѣхой для приведенія въ исполненіе этого плана, питаемаго честолюбивыми замыслами. Народный энтузіазмъ, которымъ ознаменовалось переселеніе въ Медину Мухаммеда, заставилъ его и его послѣдователей сдѣлать номинальное исповѣданіе ислама. Такъ какъ онъ всегда былъ готовъ, при малѣйшемъ удобномъ случаѣ, обратиться противъ Мухаммеда, котораго прежде всего считалъ своимъ политическимъ врагомъ, то онъ являлся для мусульманъ и ихъ вѣры источникомъ серіозной опасности. Мухаммедъ это прекрасно понималъ и оцѣнивалъ положеніе, но все же относился къ партіи съ величайшимъ терпѣніемъ, съ одной стороны, разсчитывая въ концѣ концовъ сдѣлать ихъ искренними своими послѣдователями, а съ другой, если бы это не удалось, онъ не хотѣлъ итти на открытый разрывъ первымъ. Политика его была выжидательная. Такъ какъ ожиданія его относительно искренней вѣрности новыхъ сыновъ ислама многократно обманывались, то онъ прозвалъ ихъ «мунафиками», т. е. лицемѣрами.

Но все же самый опасный элементъ въ данный моментъ представляла третья партія. Это были евреи. [1]). Изъ дальнѣй-

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. 53.

шей исторіи роль ихъ сдѣлается ясной. По прибытіи въ Медину, Мухаммедъ заключилъ съ ними мирный договоръ, по которому имъ предоставлялось право свободнаго отправленія культа и гарантировались права собственности. Однако уже очень скоро для всѣхъ стало яснымъ, что двѣ партіи въ мирѣ ужиться не могутъ [1]).

Получивъ возможность открыто проповѣдывать новую вѣру, Мухаммедъ рѣшилъ прежде всего построить мечеть, и она была заложена тамъ, гдѣ упала верблюдица Мухаммеда при входѣ въ городъ. Мечеть была въ высшей степени проста и построена изъ камня, глины и пальмовыхъ вѣтвей, которыя замѣняли собою крышу. Мухаммедъ личнымъ трудомъ принималъ участіе въ постройкѣ зданія. Расширенная и перестроенная уже нѣсколько разъ, эта мечеть и до сихъ поръ носитъ названіе мечети Пророка.

Первоначально было нѣкоторое сомнѣніе относительно способа призыва къ молитвѣ и словъ призыва. Абдулла-ибнъ-Заидъ подсказалъ Мухамеду формулу теперешняго азана, и тотъ одобрилъ и принялъ ее, такъ какъ «она была внушена Заиду свыше».

Какъ самая мечеть, такъ и служба въ ней отличалась замѣчательной простотой. Пока не былъ устроенъ родъ возвышенія на трехъ ступеняхъ, Мухаммедъ произносилъ свои проповѣди, прислонившись къ одному изъ опорныхъ столбовъ, поддерживающихъ кровлю И съ этимъ обстоятельствомъ связана легенда, которыми такъ богата ранняя исторія ислама.

Когда была построена кафедра, то дерево, служившее до того опорой Мухаммеду во время его проповѣдей, упало, и Мухаммедъ ему предложилъ на выборъ. или быть пересаженнымъ въ садъ и снова зеленѣть, или же впослѣдствіи быть перенесеннымъ въ рай. Дерево конечно предпочло послѣднее и было закопано подъ кафедрой. [2]).

Проповѣди Мухаммедъ произносилъ то сидя, то стоя, на возвышеніи.

Нѣкоторые изъ христіанъ-сектантовъ, признававшихъ лишь человѣческую природу Христа, обратились въ исламизмъ, вѣра котораго признавала Христа величайшимъ изъ пророковъ. Другіе христіане не выказывали враждебности новой вѣрѣ, находя, что она безусловно лучше, чѣмъ идолопоклонство. Но не такъ было съ евреями: они не были такъ разрознены, какъ сектанты-христіане, и скоро они стали по отношенію къ исламизму въ явно враждебное положеніе.

Отъ сознанія ли могущей быть съ этой стороны опасности, или въ надеждѣ слить еврейство въ одно съ новой вѣрой, Мухаммедъ перенялъ многія еврейскія церемоніи и даже одно

---

[1]) Johnstone. Muhammad. p. 153.

[2]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 87.

время установилъ киблой, т. е. мѣстомъ, куда должны быть обращены взоры вѣрныхъ во время молитвы, Іерусалимъ. Корайшиты, благодаря партіи Абдуллы-ибнъ-Обба, были прекрасно освѣдомлены обо всемъ, что происходило въ Меднѣ. они знали, что евреи заключали съ Мухаммедомъ мирный договоръ лишь наружно, по необходимости, но что у нихъ нѣтъ никакого желанія вѣчно придерживаться его, и что какъ только обстоятельства имъ позволятъ, долженъ произойти разрывъ, можетъ быть весьма чреватый послѣдствіями. Корайшиты первоначально такъ были увѣрены въ томъ, что въ очень непродолжительномъ времени политика Мухаммеда будетъ сломлена еврейской, что они даже не особенно старались интриговать въ этомъ направленіи, предоставивъ событія ихъ естественному теченію.

Однако Мухаммедъ и самъ очень скоро разглядѣлъ евреевъ Медины и рѣзко перемѣнилъ свою тактику по отношенію къ нимъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они отвергаютъ своего мессію. Какъ знакъ видимаго выраженія его недовольства, была перемѣна киблы, которой была сдѣлана Мекка.

Изъ этого можно видѣть, что въ самомъ началѣ положеніе было еще очень далеко отъ блестящаго, и Мухаммеду приходилось думать не только о себѣ, но и о всѣхъ тѣхъ, кого онъ взялъ съ собою. Климатъ Медины оказался не особенно хорошъ для мекканцевъ, и многіе изъ нихъ постоянно болѣли. Кромѣ того, большинство изъ нихъ не имѣли постояннаго пріюта. Чтобы помочь этому горю, Мухаммедъ организовалъ родъ братствъ, и мекканецъ былъ связанъ узами обѣта взаимопомощи съ мединцемъ, и эти узы должны были считаться прочнѣе узъ родства. На первое время это какъ будто и помогло, но уже очень скоро сдѣлалось яснымъ, что подобное, чисто искусственное установленіе привиться не можетъ, и понемногу оно было оставлено. Правда, нѣкоторые изъ раньше заключенныхъ союзовъ остались и поражали своей прочностью, но эти союзы были крѣпки тѣмъ, чего именно не хватало большинству,—сердечностью.

Семья Мухаммеда въ Меднѣ состояла изъ Савды и двухъ дочерей покойной Хадиджы-Фатимы и Уммъ-Колтумъ. Дочь его Рокайя была еще въ Абиссиніи съ Усманомъ, а дочь Зейнабъ оставалась со своимъ мужемъ Абд-уль-Ассомъ въ Меккѣ.

Когда прибыла Айша, то прошло уже болѣе двухъ лѣтъ со времени помолвки, и Мухаммедъ рѣшилъ, что настало время сдѣлать ее своей женой. Черезъ нѣсколько времени послѣ ея прибытія въ Медину, была отпразднована ихъ свадьба безъ всякаго шума и блеска, и свадебный ужинъ состоялъ лишь изъ одного молока.

Вскорѣ за этой свадьбой послѣдовало другое семейное событіе: помолвка Фатимы съ Али. Фатимѣ было шестнадцать лѣтъ, а Али 32 года, и оба они были красавцами. И эта свадьба не

отличалась особенной пышностью, хотя мусульманская фантазія и помѣстила въ сопровождавшій новобрачныхъ кортежъ архангеловъ Гавріила и Михаила и съ ними 70000 ангеловъ,—присутствующіе не получили другого угощенія кромѣ финиковъ и маслинъ.

Вообще жизнь Мухаммеда и его семейныхъ отличалась большой простотой: пищей его были хлѣбъ, финики, молоко и медъ. Для каждой изъ своихъ женъ Мухаммедъ устроилъ отдѣльныя комнаты, примыкавшія къ мечети.

Айша была любимицей Мухаммеда, но все же чары ея молодости не могли совершенно изгнать изъ его сердца благодарной памяти къ покойной Хадиджѣ. Когда огорченная этнмъ Айша, со слезами спрашивала Мухаммеда, не получилъ ли онъ вмѣсто Хадиджи лучшую жену, онъ отвѣчалъ: «никогда, никогда Богъ не дастъ мнѣ лучшей! Я былъ бѣденъ, и она обогатила меня. Когда всѣ называли меня обманщикомъ,—она вѣрила мнѣ. Когда всѣ были противъ меня,—она оставалась мнѣ вѣрной».

Пребываніе Мухаммеда въ Мединѣ открываетъ новую эру въ исторіи развитія ислама. До сихъ поръ, будучи слабъ, Мухаммедъ старался дѣйствовать исключительно краснорѣчіемъ, лично ли проповѣдывалъ онъ, или убѣждалъ въ истинности своего ученія черезъ посредство своихъ учениковъ.

Проповѣдь его была еще проповѣдью смиренія, которое до извѣстной степени роднило новую вѣру съ христіанствомъ. Когда же нѣкоторыя надежды не получили осуществленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ Мухаммедъ почувствовалъ за собою силу, ему больше уже не было нужды въ напускномъ смиреніи. И не въ этомъ смиреніи могла арабская натура найти себѣ успокоеніе послѣ тринадцати лѣтъ преслѣдованій, насмѣшекъ и издѣвательства. Онъ, претендующій на званіе Пророка Бога, былъ не болѣе какъ простой изгнанникъ, лишенный въ родномъ городѣ огня и воды, навлекшій на себя и на своихъ злобу могущественныхъ корайшитовъ во главѣ съ Абу-Суфіаномъ. Возможнаго примиренія не было, оставалась только война, и на нее теперь рѣшился Мухаммедъ, Средства для этого, повидимому, находились, такъ какъ среди новообращенныхъ было не мало воинственныхъ арабскихъ племенъ, которыя фанатично привязывались къ тому, во что повѣрили, и были прекраснымъ боевымъ матеріаломъ. Кромѣ того, это рѣшеніе отчасти вызывалось простой жизненной необходимостью. Мухаммеду надо было подумать обо всѣхъ тѣхъ, кто раздѣлилъ съ нимъ его долю. Однимъ изъ вѣрныхъ и быстрыхъ способовъ для осуществленія этого былъ грабежъ каравановъ. Это мало пригодное, въ нашихъ глазахъ, для проповѣдника духовной религіи средство являлось совершенно естественнымъ для

своего времени и своей среды. [1]). Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что было бы ошибкой всѣ дѣйствія Мухаммеда считать исключительно дѣйствіями проповѣдника. Чтобы придать разбойничьимъ набѣгамъ болѣе приличный видъ, ихъ связывали съ миссіонерской проповѣдью. раньше Мухаммедъ только убѣждалъ принять ту вѣру, проповѣдникомъ которой онъ являлся; теперь же онъ заявилъ, что ему приказано обращать въ нее всѣхъ. Новая проповѣдь эта была уже предвѣстіемъ суровой проповѣди меча.

Въ этомъ было одно изъ многочисленныхъ противорѣчій Корана. съ одной стороны, является приказаніе Бога всѣхъ насильно обращать въ исламизмъ, съ другой стороны, Богъ говоритъ, что ему совершенно все равно, будетъ ли это, такъ какъ для Него нѣтъ никакой выгоды въ томъ, что всѣ мусульмане обратились бы въ невѣрныхъ! Кромѣ того, проповѣдуя насильственное обращеніе, Мухаммедъ говорилъ, что Богъ допускаетъ обратиться къ истинной вѣрѣ того, кого Ему угодно, а иныхъ сбиваетъ съ истиннаго пути! Таковы понятія о справедливости Бога, такова мораль ислама. Признавая небеснымъ языкомъ арабскій, нарѣчіе корайшитовъ, Мухаммедъ и Бога своего сдѣлалъ арабомъ, надѣливъ Его аттрибутами, мало идущими къ Верховному Существу.

«Различные пророки, говорилъ Мухаммедъ, были посылаемы Богомъ, чтобы показать различные Его аттрибуты: Моисей Его милосердіе и провидѣніе; Іисусъ Христосъ—Его справедливость, всевѣдѣніе и могущество: Его справедливость—чистотою поведенія, Его всевѣдѣніе—умѣніемъ читать секреты сердецъ, Его могущество чудесами, которыя Онъ совершилъ. Однако всѣхъ этихъ аттрибутовъ не было достаточно для того, чтобы убѣдить, и даже къ чудесамъ Моисея и Христа отнеслись съ недовѣріемъ. Я, послѣдній изъ пророковъ, былъ посланъ съ мечомъ. Пусть тѣ, кто распространяетъ мою вѣру не входятъ въ разсужденія и споры, но убиваютъ всѣхъ, кто отказывается повиноваться закону. Тотъ, кто сражается за истинную вѣру, навѣрное получитъ славную награду, все равно—побѣдитъ онъ или падетъ.

«Мечъ, прибавилъ онъ,—есть ключъ отъ неба и ада: всякій, кто обнажитъ его за дѣло вѣры, получитъ временныя выгоды: каждая пролитая капля крови, каждая перенесенная опасность и трудъ зачтутся наверху, какъ болѣе цѣнные, чѣмъ постъ и молитва. Если они падутъ въ битвѣ, они сразу очистятся отъ всѣхъ своихъ грѣховъ и будутъ перенесены въ рай, чтобы пользоваться тамъ вѣчными наслажденіями въ объятіяхъ черноокихъ гурій. [2]).

На помощь этому воинственному ученію пришло и предо-

[1]) O. Houdas. L'islamisme. p. 43.

[2]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 94.

предѣленіе: человѣкъ не можетъ умереть ни раньше, ни позже, назначеннаго ему времени.

Такая проповѣдь сразу отняла у новой религіи ея призрачную мягкость и гуманность и сдѣлала ее религіей насилія и меча, такъ какъ надо было угодить кочевымъ арабамъ, питая ихъ врожденные инстинкты. Разсчетъ былъ правиленъ, и кочевники толпами стали стекаться подъ знамена Пророка. Самое существенное для нихъ было то, что они получали добычу, нападали на другихъ пользуясь покровительствомъ Мухаммеда и не опасаясь каждый день мести за свое нападеніе. Кромѣ того, какъ легко было избѣгнуть того страшнаго ада, ужасами котораго Мухаммедъ не переставалъ ихъ пугать,—для этого надо было дѣлать лишь то, что они привыкли дѣлать производить набѣги, съ тою лишь разницей, что теперь это должно было дѣлаться по указанію ихъ верховнаго главы и только на тѣхъ, кто не принялъ проповѣдуемой имъ истинной религіи.

Мухаммедъ рѣшился на борьбу съ корайшитами. И, если въ борьбѣ позволительны всѣ средства, то противъ первыхъ экспедицій Пророка, направленныхъ противъ принадлежащихъ враждебнымъ корайшитамъ каравановъ, не приходится возражать,— это было не что иное, какъ и по сіе время примѣняемое корсарство, только сухопутное. И хотя первоначально все это продѣлывалось еще въ сравнительно очень маломъ масштабѣ, но скоро уже корайшиты почувствовали, что имъ нельзя безопасно заниматься торговлей. [1]). Это былъ для нихъ значительный ударъ: помимо личныхъ потерь заинтересованныхъ въ торговлѣ лицъ, а таковыми была вся корайшитская знать, страдало и все населеніе Мекки, такъ какъ караваны привозили туда все, необходимое для существованія въ теченіе года. Мухаммедъ направилъ свои дѣйствія на самое чувствительное мѣсто своего противника.

Тремя первыми экспедиціями, которыя остались почти безъ всякаго результата, предводительствовалъ самъ Мухаммедъ, а четвертая была отправлена подъ предводительствомъ Абдуллы-ибнъ-Джахша. Эта экспедиція кладетъ большую тѣнь на искренность Мухаммеда. Съ Абдуллой было приказаніе, которое онъ долженъ былъ открыть лишь на третій день, такъ какъ въ это время оканчивался священный мѣсяцъ раджабъ, и всѣ военныя дѣйствія должны были прекратиться. Приказаніе заключалось въ слѣдующемъ: въ долинѣ Нахля, между Меккой и Таифомъ, Абдулла долженъ былъ «подкараулить караванъ корайшитовъ и принести какія нибудь свѣдѣнія о немъ». Такое приказаніе можно было понять какъ угодно, и Абдулла разсмотрѣлъ въ немъ замаскированную иронію. Онъ рѣшился дѣйство-

[1]) Johnstone. Muhammad. p. 158.

вать по смыслу, а не по буквѣ письма. Въ долинѣ Нахля онъ дѣйствительно увидалъ караванъ (иначе и быть не могло, такъ какъ о немъ имѣлись самыя подробныя свѣдѣнія), сопровождаемый лишь четырьмя человѣками. Малый конвой можно объяснить именно тѣмъ обстоятельствомъ, что опасаться было нечего, такъ какъ былъ священный мѣсяцъ, а нарушеніе его было еще неслыханнымъ дѣломъ, если не считать набѣга хавазиновъ. Абдулла предательски напалъ на караванъ и захватилъ всю добычу.

Это конечно былъ успѣхъ, но только успѣхъ довольно скандальный такъ какъ священное перемиріе было признано рѣшительно всѣми, какъ мусульманами, такъ и язычниками. И вотъ происходитъ такое дерзкое нарушеніе священнаго мѣсяца, производится оно мусульманами и по приказанію самого Мухаммеда.—было надъ чѣмъ призадумываться Чтобы спасти свою честь и выгородить свое участіе въ этомъ дѣлѣ, Мухаммедъ выразилъ неудовольствіе Абдуллѣ и отказался отъ причитающейся ему части въ захваченной добычѣ. Дѣйствительно, въ его приказаніи прямо относительно производства нападенія ничего не говорится, такъ что формально онъ былъ правъ, но, съ другой стороны, нельзя не признать правильнымъ и толкованіе Абдуллы. Что караванъ съ товарами шелъ, это было извѣстно Мухаммеду, и полученіе объ этомъ дополнительныхъ свѣдѣній было совершенно излишнимъ. Чего же онъ хотѣлъ? Получить извѣстіе о томъ, что караванъ благополучно прослѣдовалъ? Для этого не стоило гонять людей изъ Медины къ Меккѣ. Такъ соображалъ Абдулла и рѣшилъ, что «принесеніе свѣдѣній» должно было заключаться въ другомъ. И, какъ дальнѣйшее показало, онъ былъ въ этомъ совершенно правъ.

Откровеніе, такъ часто спасавшее Мухаммеда въ затруднительныхъ случаяхъ, выручило его и на этотъ разъ: конечно, гласило это откровеніе, нарушеніе священнаго перемирія большой грѣхъ, но изгнаніе вѣрныхъ и идолопоклонство еще большіе грѣхи. Такимъ образомъ свершившійся актъ былъ санкціонированъ небесной властью, и Мухаммедъ не видѣлъ уже ничего предосудительнаго въ полученіи своей части добычи. Одного плѣнника онъ отпустилъ за выкупъ, а другой принялъ исламизмъ. Двое другихъ, сопровождавшихъ караванъ, были убиты во время стычки.

Второй годъ геджры ознаменовался событіемъ капитальной важности, которое, по своимъ послѣдствіямъ, могло бы оказаться роковымъ для будущей судьбы исламизма. Событіе это—битва при Бадрѣ, имѣвшая мѣсто въ 624 году.

Мухаммедъ получилъ свѣдѣнія о томъ, что его злѣйшій врагъ Абу Суфіанъ и тридцать всадниковъ возвращаются въ Мекку, ведя караванъ въ тысячу верблюдовъ, нагруженныхъ

товарами изъ Сиріи. Дорога пролегала неподалеку отъ Медины, между побережьемъ и рядомъ холмовъ. Мухаммедъ рѣшилъ перехватить этотъ караванъ. Для этого предпріятія у него была вполнѣ достаточная сила, а именно: 314 человѣкъ, изъ коихъ 83 мухаджира, 61 авситъ и 170 казраджитовъ. Правда, что во всемъ отрядѣ было всего на всего двѣ лошади, но за то семдесятъ быстроходныхъ верблюдовъ. Въ этой экспедиціи хотѣлъ принять участіе и мужъ Рокайи-Усманъ, только что вернувшійся изъ Абиссиніи, но онъ былъ вынужденъ остаться, такъ какъ его жена была при смерти.

Въ долинѣ ручья Бадръ Мухаммедъ сталъ поджидать караванъ. Онъ приказалъ своимъ людямъ вырыть глубокую канаву и отвести туда воду изъ ручья. [1]).

Абу Суфіанъ также получилъ свѣдѣнія о движеніи непріятеля и тотчасъ же отправилъ вѣстника въ Мекку за помощью. По прибытіи вѣстника, въ Меккѣ поднялась тревога, и просимая Абу Суфіаномъ помощь была немедленно собрана и отправлена. Кромѣ желанія отомстить за коварное намѣреніе мединцевъ, и чисто матеріальныя соображенія играли здѣсь не малую роль, такъ какъ главнѣйшіе изъ корайшитовъ, имѣя свои товары въ караванѣ, были непосредственно заинтересованы въ его охранѣ. Абу Суфіану на подкрѣпленіе былъ отправленъ отрядъ силою въ сто коней и 700 верблюдовъ, и во главѣ этого отряда Абу Джахль.

Постепенно два отряда сближались. Абу Суфіанъ оставилъ свой караванъ позади и скоро нашелъ слѣды отряда Мухаммеда,— враги помѣнялись ролями, и обманутымъ оказался Мухаммедъ. Прослѣдивъ путь, которымъ прошелъ Мухаммедъ, Абу Суфіанъ свернулъ къ морю—пока не получилъ увѣренности, что караванъ находится въ полной безопасности.

Не зная, какая помощь ему будетъ прислана, и желая избѣжать сраженія, онъ послалъ другого вѣстника, который и долженъ былъ сообщить вышедшимъ на помощь корайшитамъ, что караванъ находится въ безопасности, и что они могутъ возвра-

---

[1]) Въ Critical exposition of the djihad, Cheragh Ali пытается доказать, что битва при Бадрѣ была лишь обороной со стороны Пророка, какъ и всѣ другія битвы, въ подтвержденіе чего и приводитъ стихи Корана (VIII, 5, 7, 43, 72 и IX,13). Онъ правъ лишь въ томъ, что въ конечный моментъ Мухаммедъ, попавшій въ собственную ловушку, скорѣе долженъ былъ защищаться, чѣмъ нападать. Однимъ изъ доказательствъ Чирага Али является то, что корайшиты были ближе къ Мединѣ, чѣмъ къ Меккѣ, т. е. пришли, якобы, они. На наивность этого не приходится и указывать. Остальныя же доказательства почіютъ на божественности словъ Корана.

щаться домой. Этотъ второй вѣстникъ очень скоро встрѣтилъ отрядъ, который шелъ на подкрѣпленіе изъ Мекки. Корайшиты вспомогательнаго отряда, услышавъ о томъ, что караванъ находится въ безопасности, остановились и стали держать совѣтъ относительно того, что имъ слѣдуетъ предпринять дальше. Одни говорили, что непремѣнно надо наказать Мухаммеда и его людей, другіе же говорили, что надо возвращаться домой, разъ уже караванъ болѣе не подвергается опасности. Такое именно мнѣніе исходило отъ Абу Суфіана. Это было самымъ благоразумнымъ рѣшеніемъ, но, какъ это весьма часто бываетъ въ жизни, послѣдовали тому,которое было менѣе благоразумно.

Сдѣланная рекогносцировка убѣдила корайшитовъ въ превосходствѣ ихъ собственныхъ силъ, которыя значительно превышали силы Мухаммеда. Это обстоятельство подняло ихъ духъ и окончательно поддержало ихъ въ намѣреніи встрѣчи съ непріятелемъ. Первѣсъ такому рѣшенію далъ голосъ Абу Джахля, непремѣнно желавшаго сраженія. Послѣ этого часть отряда вернулась въ Мекку, а другіе пошли впередъ для встрѣчи съ Мухаммедомъ.

Развѣдчикъ Мухаммеда сообщилъ ему о движеніи непріятеля, и у многихъ мусульманъ дрогнуло сердце, такъ какъ все они шли лишь на легкій грабежъ, а здѣсь ихъ ожидало совершенно иное, и лишь слова Мухаммеда, что Аллахъ обѣщалъ имъ легкую побѣду, нѣсколько успокоили ихъ.

Около Мухаммеда было сдѣлано закрытіе изъ пальмовыхъ вѣтвей, и стоялъ драмадеръ, на которомъ онъ могъ бѣжать въ Медину въ случаѣ пораженія.

Со звукомъ трубъ приблизились корайшиты. Три изъ нихъ вышли впередъ и стали вызывать храбрѣйшихъ мусульманъ помѣряться съ ними силами въ честномъ единоборствѣ. Эти трое были Ота, тесть Абу Суфіана, Валидъ, зять Абу Суфіана, и Шайба, братъ Ота. Всѣ они были отборными воинами, и всѣ они отправились въ походъ, главнымъ образомъ подстрекаемые женой Абу Суфіана, желавшей отомстить за подвергавшагося опасности мужа.

На этотъ вызовъ вышли три мединца, но корайшиты не согласились драться съ ними и сказали, что пусть выходятъ отступники-мекканцы, если только у нихъ хватитъ на то смѣлости, На этотъ вызовъ вышли: Хамза, дядя Мухаммеда. Али—его двоюродный братъ, и еще Обэйда-ибнъ-Аль-Харисъ. Это тоже были все недюжинные воины. Первые двое очень скоро покончили со своими противниками и поспѣшили на выручку тяжело раненому Обэйдѣ: убивъ Ота, они спасли его. Но было уже поздно, и онъ вскорѣ умеръ отъ полученыхъ ранъ. Послѣ этого завязался общій бой. Сначала мусульмане дѣйствовали исключительно оборонительно, но потомъ бросились на врага, ободряемые Мухаммедомъ, который сказалъ, что ему было видѣніе, и что ими будетъ одержана

побѣда. «сражайтесь и не бойтесь, говорилъ онъ—двери рая подъ тѣнью мечей». [1]).

Скоро былъ убитъ Абу Джахль, и корайшиты обратились въ паническое бѣгство: семьдесятъ человѣкъ изъ нихъ было убито и столько же взято въ пленъ. Мусульмане потеряли всего четырнадцать человѣкъ убитыми. Нѣкоторые изъ плѣнниковъ были убиты на мѣстѣ, а другіе были преданы смерти потомъ.

Въ побѣдѣ этой трудно было видѣть чудо: хотя численный перевѣсъ и былъ, правда, на сторонѣ мекканцевъ, но онъ былъ уже не такъ значителенъ послѣ того, какъ часть ихъ возвратилась въ Мекку; корайшиты были изнурены долгимъ походомъ, послѣ котораго сразу же должны были отправиться въ бой, тогда какъ отрядъ Мухаммедъ поджидалъ ихъ съ совершенно свѣжими силами; корайшиты умирали отъ жажды, у мединцевъ же въ изобили была вода, отведенная изъ ручья въ вырытую канаву. Все это даетъ полную возможность допустить, что небесное воинство, помогавшее, по словамъ Корана и преданій, мусульманамъ, рѣшающаго значенія здѣсь не имѣло.

Но положеніе было опасно, и Мухаммедъ сразу оцѣнилъ его, какъ это видно изъ словъ его молитвы: «о, Боже! Если эта кучка мусульманъ погибнетъ, Тебя некому будетъ прославлять на землѣ». И, дѣйствительно, все, что представляло собою нарождающійся исламъ, было тамъ: самъ Мухаммедъ, Абу Бакръ, Омаръ, Али и всѣ важнѣйшіе Спутники Пророка. Если бы корайшиты одержали побѣду, то исламъ былъ бы уничтоженъ въ самомъ зародышѣ. Но корайшиты потерпѣли пораженіе и убѣжали, оставивъ на полѣ сраженія или въ рукахъ непріятеля вождей и главныхъ членовъ корайшитскихъ семействъ Мекки. Изъ одного только домъ Абд-уш-Шамса пало шесть человѣкъ. [2]).

Павшіе въ битвѣ мусульмане были погребены съ большими почестями; трупы же корайшитовъ были свалены въ спеціально для этого вырытый ровъ. Не знали, какъ поступить съ плѣнниками. Омаръ, рѣшенія котораго всегда были очень категоричны, стоялъ за обезглавленіе ихъ, а Абу Бакръ предлагалъ возвратить ихъ за выкупъ. Мухаммедъ на это сказалъ, что Омаръ уподобился Ною, просившему наказать виновнаго потопомъ, а Абу Бакръ—Аврааму, который выступалъ защитникомъ за виновнаго. [3]). Въ концѣ концовъ были обезглавлены лишь двое: Надаръ и Окба. Первый за то, что назвалъ Коранъ сборникомъ пер-

[1]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 100.

[2]) El ahkam es-soulthaniya. Al-Maverdi. Trad. par. comte Leon Ostrorog. v. II. p. 25

[3]) W. Irving. p. 102.

сидскихъ басенъ, а второй за то, что прежде покушался на жизнь Мухаммеда. Большинство же плѣнниковъ было освобождено просто за обѣщаніе болѣе никогда не подымать вооруженную руку противъ Мухаммеда или его послѣдователей. Остальные были задержаны до присылки за нихъ выкупа

Однимъ изъ важнѣйшихъ плѣнниковъ былъ дядя Мухаммеда Аль-Аббасъ, который говорилъ, что въ душѣ онъ мусульманинъ, и что поэтому ему нѣтъ надобности выкупать себя, и что онъ былъ вынужденъ корайшитами принять участіе въ бою. Нѣкоторые утверждаютъ, что дѣйствительно Аль Аббасъ, если не былъ мусульманиномъ тайно, то былъ по крайней мѣрѣ шпіономъ Мухаммеда въ Меккѣ. Другимъ самымъ важнымъ плѣнникомъ былъ Абд-уль-Ассъ, мужъ дочери Мухаммеда—Зейнабъ. Мухаммедъ предложилъ ему свободу за принятіе исламизма, но тотъ отказался. Тогда Мухаммедъ опять предложилъ ему свободу, если онъ согласится вернуть ему Зейнабъ,—на это Абд-уль-Ассъ согласился безъ малѣйшихъ колебаній. Зандъ съ нѣсколькими человѣками былъ посланъ въ Мекку за Зейнабъ, а Абд-уль-Ассъ пока былъ оставленъ заложникомъ въ Мединѣ.

Раздѣлъ добычи, захваченной въ битвѣ при Бадрѣ, былъ произведенъ до возвращенія въ Медину, и это впредь сдѣлалось правиломъ. Причиной его отчасти было то, что раздѣлъ въ городѣ могъ бы дать мѣсто произволу сильныхъ, которые постарались бы захватить себѣ львиную часть,—здѣсь же никто не могъ взять съ собою больше, чѣмъ могъ унести,—лучшее забиралось, что похуже обыкновенно сжигалось.

Хотя караванъ и ускользнулъ, но все же было захвачено довольно много оружія и верблюдовъ, а кромѣ того предстояло получить и не мало денегъ за выкупъ плѣнниковъ. Мухаммедъ рѣшилъ, что все должно быть раздѣлено поровну между всѣми участниками экспедиціи, и, вопреки обычаю арабовъ, по которому вождю шла четвертая часть всей добычи, онъ удовольствовался лишь общей долей. На его долю пришелся знаменитый по своей закалкѣ мечъ, съ которымъ онъ потомъ всегда выходилъ на бой Потомъ этотъ мечъ перешелъ по наслѣдству къ Али.

Такое распредѣленіе добычи поровну вызвало ропотъ въ отрядѣ, такъ какъ участники находили, что не всѣ несли одинаковые труды, и не всѣ одинаково отличались. Когда Мухаммедъ спросилъ ихъ, взялъ ли онъ себѣ хоть лишній волосъ изъ гривы верблюда, тогда они успокоились и заявили, что довольны произведеннымъ раздѣломъ.

Возвращеніе въ Медину было тріумфомъ Мухаммеда, но радость этого возвращенія омрачилась извѣстіемъ о смерти дочери Мухаммеда Рокайи. Это горе однако скоро умѣрилось прибытіемъ въ Медину другой его дочери—Зейнабъ, которую Заиду удалось получить лишь съ большимъ трудомъ, такъ какъ мекканцы бы-

ли озлоблены недавнимъ пораженіемъ и необходимостью тратить много денегъ на выкупъ плѣнниковъ. Сначала хотѣли произвести выдачу Зейнабъ открыто, но на нее по дорогѣ было произведено нападеніе, и Абу Суфіанъ приказалъ тогда произвести выдачу тайно, ночью. Это и было исполнено въ слѣдующую ночь. Во все время переговоровъ Заидъ оставался за городомъ.

Положеніе Мухаммеда по возвращеніи въ Медину значительно упрочилось, и онъ началъ говорить, какъ диктаторъ, требуя безпрекословнаго себѣ повиновенія. Весьма возможно, что видъ награбленной добычи и былъ убѣдителенъ для его послѣдователей, но евреи отнюдь не считали это доказательствомъ божественности его ученія и почти открыто высмѣивали Мухаммеда. Онъ былъ въ гнѣвѣ на нихъ и выжидалъ только случая, чтобы на нихъ обрушиться.[1]).

Помимо достигнутыхъ этой побѣдой матеріальныхъ результатовъ, необходимо учесть еще нравственную ея сторону. Мекканцы приуныли, такъ какъ у нихъ выбыло изъ строя много славныхъ воиновъ, возвращеніе другихъ было связано съ позоромъ выкупа, и недавній лжепророкъ, которому не хотѣли придавать никакого значенія, обратился въ могущественнаго врага. Настроеніе Мекки было самое враждебное. Жена Абу Суфіана требовала отмщенія за смерть отца, дяди и брата, убитыхъ Хамзой и Али. Абу Суфіанъ отправился съ 200 всадниковъ, но обратился въ бѣгство, какъ только увидалъ Мухаммеда.

Преданія говорятъ, что въ это время Мухаммедъ подвергся весьма большой опасности. Однажды онъ спалъ подъ деревомъ и былъ разбуженъ какимъ то шумомъ. Проснувшись, онъ увидалъ передъ собою вражескаго воина съ обнаженнымъ мечомъ. Тотъ сказалъ:

— «О, Мухаммедъ! кто теперь спасетъ тебя?»

— Богъ, отвѣтилъ Мухаммедъ.

Воинъ, отъ неожиданности такого отвѣта, выронилъ мечъ (или же, какъ говорятъ другіе, этотъ мечъ былъ выхваченъ у него изъ рукъ архангеломъ Гавріиломъ), который и былъ быстро подхваченъ Мухаммедомъ, въ свою очередь спросившимъ воина, кто его спасетъ теперь.

— «Увы, никто! отвѣтилъ тотъ.

— Такъ научись же у меня быть милосерднымъ, сказалъ Мухаммедъ и возвратилъ ему мечъ. Это такъ подѣйствовало на того, что онъ немедленно же обратился въ исламизмъ. 1).

Чтобы какъ-нибудь отомстить Мухаммеду, мекканцы отправили посольство къ негусу въ Абиссинію съ просьбой выдать имъ укрывающихся тамъ бѣглецовъ.

Принесенные посланцами богатые подарки подѣйствовали на придворныхъ въ желательномъ для мекканцевъ духѣ, и они

[1]) Johnstone Muhammad. p. 157.

были допущены къ негусу. Негусъ не даромъ считался справедливымъ человѣкомъ: онъ рѣшилъ выслушать обѣ стороны, для чего и назначилъ особое засѣданіе. Когда тѣ и другіе были приведены въ присутствіе негуса, корайшиты, по обычаю своей страны, пали передъ нимъ ницъ. Мусульмане же не сдѣлали этого и сказали:

— « По приказанію нашего Пророка, мы преклоняемся только передъ единымъ Богомъ».

Негусъ удивился этому, но вмѣстѣ съ тѣмъ это внушило ему уваженіе, и онъ сказалъ мусульманамъ о требованіи корайшитовъ. Тогда, по просьбѣ мусульманъ, негусъ спросилъ у посланцевъ, были ли требуемые ими люди бѣглые рабы, или же ихъ требовали для наказанія за убійство, или на нихъ лежалъ долгъ, или что нибудь еще подобное этому,—за что они должны быть выданы имъ?

Посланцы отвѣтили ему, что ничего этого дѣйствительно нѣтъ, что проживающіе теперь въ его странѣ мекканцы всѣ свободные люди и даже знатнаго происхожденія, и что ихъ не заставили бѣжать ни кровь, ни долгъ. Мы, продолжали они, требуемъ ихъ по слѣдующей причинѣ. Эти люди отказались отъ религіи нашей и нашихъ отцовъ, они оскорбили и до сихъ поръ оскорбляютъ нашихъ боговъ, они развращаютъ нашу молодежь,— и изъ-за этого бывшее прежде у насъ согласіе теперь обратилось въ раздоръ. Отдай ихъ намъ, чтобы можно было возстановить прежній порядокъ вещей, закончили они свое обращеніе къ негусу.

На вопросъ негуса, мусульмане отвѣтили, что дѣйствительно они прежде слѣдовали идолопоклонству, пока Богу не было угодно послать имъ извѣстіе черезъ Своего апостола, человѣка ихъ племени, благороднаго происхожденія и безпорочной жизни, который (говорили они) доказалъ неоспоримыми знаменіями истинность своей миссіи и научилъ насъ отказаться отъ своихъ идоловъ и поклониться единому Богу. Онъ приказалъ намъ воздерживаться отъ всякаго зла, быть твердыми въ вѣрѣ, соблюдать время постовъ и молитвы, любить своихъ ближнихъ, платить десятину, очищать свою жизнь отъ пороковъ и слѣдовать добродѣтели.

Негусъ задумался и сказалъ, что и та религія, которую, исповѣдуетъ онъ, учитъ тому же самому. Онъ просилъ мусульманъ прочитать ему что-нибудь изъ удивительнаго посланія ихъ пророка. Когда они прочитали первую часть суры о Маріи, негусъ и епископы растрогались до слезъ и сказали, что такъ это говорится и у нихъ въ Евангеліи.

Видя, что мусульманъ ни въ чемъ серьезномъ обвинять нельзя, негусъ приказалъ посланцамъ уходить. Тѣ увидали, что успѣха ждать трудно, но хотѣли сдѣлать еще послѣднюю попытку и сказали, что Мухаммедъ и его послѣдователи клевещутъ на

Христа. На вопросъ негуса, какъ они думаютъ о Христѣ, му сульмане отвѣтили:

«Мессія, Іисусъ, сынъ Маріи, есть апостолъ Бога и слово Его, которое Онъ низвелъ въ Марію. Онъ Духъ Божій... Наравнѣ съ ангелами, приближенными къ Богу, Мессія не считаетъ униженіемъ быть служителемъ Его (сура IV, 169, 170).

Тогда негусъ сказалъ.

— И мы такъ вѣруемъ. Благословенны будьте вы, и благословеніе да будетъ надъ вашимъ господиномъ! Я признаю его за пророка Бога, о которомъ предсказано въ Евангеліи.

Послѣ этого онъ возвратилъ корайшитамъ всѣ ихъ дары и отпустилъ ихъ. [1]).

Такимъ образомъ эта месть корайшитовъ не удалась Это для нихъ было тѣмъ досаднѣе, что они видѣли, что сраженіе при Бадрѣ произвело на арабовъ сильное впечатлѣніе: новая вѣра обѣщала имъ постоянную добычу. И обращенія стали случаться все чаще и чаще, а съ ними вмѣстѣ стала расти и сила Мухаммеда: мало по малу изъ проповѣдника онъ сталъ обращаться въ военачальника и законодателя. И эта послѣдняя перемѣна прежде всего отразилась на евреяхъ. Очевидно, что всѣ надежды, возлагавшіяся на нихъ Мухаммедомъ, должны были погибнуть: они не только продолжали пребывать въ невѣріи относительно его божественной миссіи, но еще и высмѣивали его ученіе. Еврейка Асма, дочь Мервана, писала сатиры на Мухаммеда, за что и была осуждена на смерть. За поэтическое выраженіе вражды къ Мухаммеду былъ убитъ также и Каабъ-ибнъ-Ашрафъ.

Вскорѣ неудовольствіе Мухаммеда на евреевъ перешло въ открытую враждебность. Причиной ея было оскорбленіе, нанесенное одной арабской дѣвушкѣ нѣсколькими молодыми евреями изъ племени кенока. Ссора послѣдовавшая за оскорбленіемъ, перешла было въ вооруженную схватку, такъ что явился самъ Мухаммедъ и остановилъ ссорившихся. Тутъ онъ рѣшилъ воспользоваться случаемъ и предложилъ евреямъ перейти въ исламизмъ. Они возразили, что это противно заключенному съ ними при его приходѣ въ Медину договору о мирѣ, однако Мухаммедъ, настаивая на своемъ правѣ наказать ихъ, не придалъ этимъ возраженіямъ никакого значенія.

Послѣ этого Бэни-кенока удалились въ свой укрѣпленный кварталъ и рѣшились защищаться. Мухаммедъ окружилъ кварталъ, чтобы воспрепятствовать пропуску туда припасовъ продовольствія. Эта мѣра не замедлила принести свои результаты, и черезъ нѣсколько дней евреи были вынуждены сдаться вслѣдствіе наступившаго среди нихъ голода.

---

[1]) Johnstone. Muhammad. pp. 71—78.

Все имущество взятыхъ въ плѣнъ евреевъ было конфисковано, а они сами, въ числѣ 700 человѣкъ, были изгнаны въ Сирію.

На долю Мухаммеда изъ добычи достались три знаменитыхъ меча, два копья и двѣ серебрянныхъ кольчуги.

Мусульманскіе авторы усиленно доказываютъ, что Мухаммедъ принялъ лишь необходимыя мѣры самообороны. Оспаривать это безполезно: онъ имѣлъ право сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ, и право его—было право сильнаго, во всѣ времена и среди всѣхъ народовъ бывшее самымъ убѣдительнымъ изъ правъ.

Глава четвертая.
(624—630).

После изгнанія изъ Медины евреевъ племени Бэни-кено ка, Мухаммедъ болѣе не искалъ примиренія съ другими еврейскими племенами,—они окончательно сдѣлались его врагами.

Здѣсь на минуту приходиться оставить политику, чтобы вернуться къ семейнымъ дѣламъ Мухаммеда.

Вскорѣ послѣ этого Мухаммедъ женился на Хафсѣ, вдовѣ Хобаша и дочери Омара. Дѣло было такъ. Омаръ предложилъ ее въ жены Абу Бакру, но тотъ отказался, зная ея дурной характеръ: затѣмъ Усману, чтобы утѣшить его въ потерѣ Рокайи. Но и Усманъ отклонилъ это предложеніе. Оскорбленный Омаръ пожаловался Мухаммеду, который успокоилъ его словами: «для Усмана назначена лучшая жена, и лучшій мужъ твоей дочери». За Усмана онъ выдалъ евою дочь Уммъ-Колтумъ, а на Хафсѣ женился самъ.

Былъ ли заключенъ этотъ бракъ единственно съ нѣлью успокоить оскорбленнаго отца, какъ то говоритъ Амиръ Али [1]), сказать трудно. Если же это такъ, то приходится сознаться, что отзывчивость Мухаммеда была очень велика. [2]).

Такой комбинаціей Мухаммедъ еще болѣе привязалъ къ себѣ какъ Усмана, такъ и Омара, и тѣмъ еще болѣе увеличилъ свою силу. А это было далеко не лишнимъ, такъ какъ, по мѣрѣ увеличенія его вліянія, росла и ненависть къ нему среди корайшитовъ Мекки. Жена Абу Суфіана не переставала подстрекать своего мужа къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Мухаммеда, требуя отмщенія за своихъ родственниковъ. Такъ какъ кро-

---

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. 195.

[2]) Къ тѣмъ же причинамъ Амиръ Али относитъ послѣдующіе браки—съ Хэндъ-уль-Сальма, Уммъ-Хабиба и Зейнабъ-уммъ-уль-Масакинъ: всѣ онѣ были вдовами, которыхъ враждебные корайшиты лишили всего, и у которыхъ не было покровителей.

вомщеніе для языческихъ арабовъ являлось вопросомъ чести, то такое настроеніе вполнѣ понятно. Результаты битвы при Бадрѣ наложили обязанность кровомщенія почти на каждую семью Мекки, такъ какъ въ каждой не досчитывались отца, сына или мужа Торговая прибыль цѣлаго каравана была ассигнована на расходы по приготовленію къ экспедиціи противъ Мухаммеда. [1])

Не менѣе настойчиво, чѣмъ жена Абу Суфіана, твердилъ о мести Акрема, сынъ Абу Джахля.

На третій годъ геджры Абу Суфіану удалось собрать отрядъ въ три тысячи человѣкъ—изъ корайшитовъ и арабовъ племени кенана и техама, въ числѣ которыхъ было двѣсти всадниковъ. За отрядомъ слѣдовала и Хэнда, жена Абу Суфіана, и съ нею еще пятьдесятъ женщинъ. родные и родственники которыхъ были убиты въ битвѣ при Бадрѣ

Дядя Мухаммеда Аль Аббасъ послалъ къ Мухаммеду тайнаго гонца, чтобы предупредить его объ опасности, угрожающей ему со стороны Мекки. Вѣстникъ засталъ Мухаммеда въ Кобѣ. Онъ немедленно вернулся въ Медину и собралъ своихъ приверженцевъ на совѣтъ. Люди зрѣлые, видя недостаточность силъ, которая была слишкомъ очевидна, предлагали обороняться въ Мединѣ, а молодежь требовала встрѣтить врага въ полѣ. Мухаммедъ присоединился ко второму мнѣнію.

Выставленный отрядъ едва ли насчитывалъ тысячу человѣкъ, изъ коихъ только сто имѣли кирасы, и у двоихъ были лошади. Когда недостаточность силъ стала очевидна для всякаго, то и крикуны стали совѣтывать возвратиться въ Медину и тамъ защищаться за городскими стѣнами, но теперь Мухаммедъ не соглашался на это. Его упорство было тѣмъ болѣе странно, что отрядъ внезапно уменьшился на триста человѣкъ вслѣдствіе ухода евреевъ и казраджитовъ. Евреи ушли потому, что Мухаммедъ предложилъ имъ перейти въ исламизмъ, если они желаютъ принять участіе въ битвѣ, но они отказались отъ этого. Казраджиты же ушли тайно съ намѣреніемъ ослабить Мухаммеда и способствовать такимъ образомъ его уничтоженію.

Со своимъ маленькимъ отрядомъ Мухаммедъ сталъ поджидать непріятеля у Охода, въ разстояніи около шести миль отъ Медины. Позиція его была отчасти защищена естественнымъ образомъ—скалами и холмами.

На Мухаммедѣ былъ надѣтъ шлемъ и двойная броня. На его мечѣ были вырѣзаны слова: «страхъ приноситъ несчастье, честь обязываетъ наступать, хитрость не спасетъ человѣка отъ его судьбы». [2]). Этотъ мечъ онъ передалъ Абу-Даджану, а самъ

---

[1]) Al-Mawerdi. v. II. p. 25.

[2]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 112.

занялъ командный постъ, съ котораго ему было видно все поле сраженія.

Корайшиты, въ сознаніи превосходства своихъ силъ, съ развѣвающимися знаменами подошли къ подножію холмовъ. Самъ Абу-Суфіанъ командовалъ центромъ, а крыльями, состоявшими каждое изъ ста всадниковъ, командовали: лѣвымъ Акрема, а правымъ Халидъ-ибнъ-аль-Валидъ. По мѣрѣ того, какъ отрядъ подвигался, женщины пѣли боевыя пѣсни. Пусть будутъ остры ваши мечи и безжалостны ваши сердца! кричали онѣ поступающимъ воинамъ.

Мухаммедъ едва сдерживалъ пылъ своихъ воиновъ, не позволяя имъ начинать сраженія: онъ хотѣлъ выжидать, пользуясь выгодами возвышенной позиціи.

Конница лѣваго крыла хотѣла обойти флангъ мусульманъ, но поставленные въ резервѣ стрѣлки прогнали ее, и она въ безпорядкѣ отступила. Тогда раздался боевой крикъ мусульманъ, и Хамза обрушился на центръ корайшитовъ, имѣя по правую руку отъ себя Абу Даджана.

Побѣда была еще очень сомнительной, когда стрѣлки, видя, что корайшиты въ одной сторонѣ совершенно смяты, и забывъ о приказаніи Мухаммеда не трогаться съ мѣста, пока онъ не дастъ имъ знака, бросились въ свалку, съ крикомъ: къ добычѣ, добычѣ! Это несчастное движеніе погубило все дѣло, такъ какъ Халидъ со своей конницей обошелъ флангъ и занялъ оставленную стрѣлками позицію. Сраженіе было безнадежно проиграно.

Мухаммедъ былъ дважды раненъ во время этого сраженія, Хамза былъ убитъ, равно какъ былъ убитъ и славный воинъ Мусабъ-ибнъ-Омэйръ. Такъ какъ послѣдній былъ очень похожъ на Мухаммеда, то и пронесся слухъ, что Мухаммедъ убитъ: это привело въ уныніе мусульманъ и удвоило рвеніе корайшитовъ. Али успѣлъ спасти знамя Пророка.

Мусульмане спѣшно уносили раненыхъ Усмана и Омара, когда услышали голосъ раненаго Мухаммеда, говорившаго, что Пророкъ еще живъ. Его перенесли на холмъ, гдѣ мусульмане и рѣшили защищаться до послѣдней капли крови. Корайшиты же, считая Мухаммеда мертвымъ, не преслѣдовали болѣе мусульманъ. Они грабили и уродовали убитыхъ и раненыхъ, причемъ женщины отличались особеннымъ звѣрствомъ. Жена Абу Суфіана вырвала сердце Хамзы и съѣла его, а Абу Суфіанъ, неся на копье часть изуродованнаго тѣла, говорилъ: «война имѣетъ свои непостоянства, и битва при Оходѣ слѣдуетъ за сраженіемъ при Бадрѣ.» [1]).

Когда корайшиты удалились, Мухаммедъ спустился съ холма и, увидавъ изуродованное тѣло своего дяди, поклялся посту-

---

[1]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 114.

пить такъ съ 70 врагами, какъ только они будутъ въ его власти. Его нѣсколько успокоило лишь появленіе архангела Гавріила, который сказалъ, что Хамза перенесенъ на седьмое небо и названъ «Львомъ Бога и Его Пророка».

Когда приступили къ погребенію умершихъ, Мухаммедъ запретилъ выражать свою печаль стонами и жалобными криками, обрѣзаніемъ волосъ, нанесеніемъ себѣ ранъ и другими способами, которые были въ употребленіи у арабовъ до-исламическаго періода. Онъ показывалъ, что самъ онъ совершенно не унываетъ. Чтобы показать то же самое и непріятелю, онъ немедленно по возвращеніи въ Медину послалъ маленькій отрядъ для преслѣдованія корайшитовъ: и побѣжденные въ битвѣ мусульмане считаютъ себя достаточно сильными и не позволятъ безнаказанно нападать на себя! [1]). Такимъ образомъ, Абу Суфіанъ уже по дорогѣ домой узналъ, что Мухаммедъ живъ, но онъ не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы рѣшиться напасть на городъ. Тогда онъ возвратился, заключилъ съ Мухаммедомъ перемиріе на годъ и послѣ этого возвратился въ Мекку. [2]). Но предварительно онъ прислалъ письмо Мухаммеду, въ которомъ грозилъ прійти и уничтожить всѣхъ мусульманъ. Мухаммедъ на это отвѣтилъ ему, что Богъ—достаточная защита для нихъ. [3]) Этотъ договоръ, заключенный съ Меккой, имѣетъ огромное нравственное значеніе: это было первымъ оффиціальнымъ признаніемъ исламизма и вмѣстѣ съ тѣмъ Мухаммеда въ качествѣ политическаго главы. [4]).

Послѣ этой битвы Мухаммедъ вступилъ въ новый бракъ съ Хэндой или Хиндъ, дочерью вліятельнаго Омэйя Она овдовѣла въ Абиссиніи. Когда она вернулась въ Аравію, она получила предложенія отъ Абу Бакра и Омара, но отказала тому и другому, такъ какъ считала ихъ недостойными себя. И предложеніе, сдѣланное ей Мухаммедомъ, было принято не безъ большихъ затрудненій. Открыто отказать она ему не рѣшилась и поэтому пробовала отговориться. Она сказала Мухаммеду: «я немолода, у меня есть сынъ, и я ревнива,—чего ты можешь ждать отъ меня?» Тогда Мухаммедъ отвѣтилъ ей, что для него она молода, что для ея сына онъ будетъ отцомъ, и что онъ будетъ молить Бога о томъ, чтобы Онъ вырвавъ ревность изъ ея сердца. [5]). Бракъ былъ заключенъ.

Мухаммедъ, умѣвъ воспользоваться побѣдой при Бадрѣ, ис-

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam. p 67.
[2]) W. Irving. Idem. p 115.
[3]) Ameer Ali. Idem p. 67.
[4]) O. Houdas. Islamisme p. 49.
[5]) W. Irving. Life of Mahomet. p 115.

пользовалъ также и пораженіе при Оходѣ. Этому пораженію было придано значеніе Божьяго гнѣва за ослушаніе Его Пророку, котораго вынудили выйти изъ города и дать открытый бой. 1). Все же это пораженіе мусульманъ неблагопріятно подѣйствовало какъ на арабовъ, такъ и на евреевъ. Они стали считать Мухаммеда слабымъ, и были даже случаи предательства—въ разсчетѣ на то, что наказанія не послѣдуетъ. Два города прислали своихъ представителей и выразили желаніе перейти въ исламизмъ Мухаммедъ послалъ съ ними шесть учениковъ. По дорогѣ четверо изъ нихъ были убиты во время сна, а двое отправлены въ Мекку и выданы корайшитамъ, которые убили ихъ.

Предательство было совершено также жителями Наджда: прикидываясь мусульманами, они искали у Мухаммеда помощи противъ своихъ враговъ и получили ее. Но это было лишь коварствомъ: высланная помощь была убита въ разстояніи четырехъ дней пути отъ Медины.—были убиты всѣ, кромѣ одного, которому удалось спастись какимъ то чудомъ. Этотъ спасшійся былъ Амру-ибнъ-Омэйя, который вернулся въ Медину, и разсказалъ о томъ, что произошло. Но, пока онъ добрался до Медины, судьбѣ было угодно запутать обстоятельства. по дорогѣ въ Медину онъ встрѣтилъ двухъ евреевъ изъ племени Бэни-Амиръ и, принявъ ихъ за враговъ, убилъ ихъ. Между тѣмъ это племя было въ мирѣ съ Мухаммедомъ, и оно пожаловалось ему на произведенное насиліе. Мухаммедъ обратился къ посредничеству вождя другого еврейскаго племени Бэни-надиръ.

Вождь этотъ жилъ въ укрѣпленномъ замкѣ Зухра, въ разстояніи трехъ миль отъ Медины. Туда, по приглашенію вождя, Мухаммедъ и отправился на свиданіе съ нимъ въ сопровожденіи Абу Бакра, Омара, Али и нѣсколькихъ другихъ. По дорогѣ Мухаммедъ получилъ тайное сообщеніе, что ему готовится западня. Ничего не говоря своимъ спутникамъ, онъ сразу оставилъ ихъ и возвратился въ Медину. Гнѣвъ его на племя Бэни-надиръ не зналъ предѣловъ, и онъ приказалъ всѣмъ надаритамъ въ десяти дневный срокъ покинуть страну, пригрозивъ за неисполненіе этого приказанія смертной казнью.

Обнадеженные помощью вождя казраджитовъ, Абдуллы, евреи отказались уйти и заперлись въ замкѣ Зухра, въ которомъ и были осаждены Мухаммедомъ. Абдулла, между тѣмъ, ихъ обманулъ, не оказавъ имъ никакой помощи. Черезъ нѣсколько дней, когда они увидали, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно, они сдались, и имъ было разрѣшено покинуть страну, взявъ съ собою по одному груженому имуществомъ верблюду. Все оружіе было отнято. Часть племени была изгнана въ Сирію и часть въ.

---

[1]) O. Houdas. L' islamisme. p. 45.

Хайбаръ. Всю большую добычу Мухаммедъ цѣликомъ взялъ себѣ, и на ропотъ народа по поводу такого раздѣла добычи онъ отвѣтилъ откровеніемъ, что добыча, попавшая въ руки безъ кровопролитія, считается даромъ Бога и должна принадлежать всецѣло Пророку, который и употребитъ ее на добрыя дѣла. Дѣйствительно, все полученное онъ роздалъ мухаджирамъ и нѣкоторымъ изъ ансаровъ. И это было не единственный разъ: въ чемъ нельзя упрекнуть Мухаммеда, это въ томъ, что онъ былъ стяжателемъ. Для себя и для своихъ семейныхъ онъ былъ безсребренникомъ и умеръ почти нищимъ.

Вскорѣ за этимъ послѣдовало нѣсколько небольшихъ экспедицій, одна изъ которыхъ была въ Табукъ (или Тибукъ), на границѣ Сиріи. За это время Мухаммедъ неоднократно подвергался серіозной опасности попасть въ руки враговъ, но каждый разъ счастливо избѣгалъ этого. Его также, и, какъ приходится признать, не безъ основанія, обвиняютъ въ томъ, что онъ прибѣгалъ къ предательскимъ средствамъ и пользовался наемными убійцами.

Приблизительно къ этому же времени относится одно крупное, по своему принципіальному значенію, событіе въ семейной жизни Мухаммеда; это бракъ его съ красавицей Зейнабъ, разведенной женою его пріемнаго сына Заида. По существовавшимъ до того времени правиламъ, подтвержденнымъ Мухаммедомъ, жена пріемнаго сына считалась состоящей въ родствѣ, не позволяющемъ ей брака съ пріемнымъ отцомъ своего бывшаго мужа. На этомъ обстоятельствѣ невольно приходится остановиться нѣсколько подробнѣе.

Дѣло произошло такимъ образомъ. Однажды Мухаммедъ нечаянно вошелъ въ домъ Заида и увидалъ тамъ Зейнабъ съ незакрытымъ лицомъ. При видѣ ея красоты, у него невольно вырвалось восклицаніе восторга, допустимъ, совершенно платоническаго,—восторга передъ совершенствомъ творенія Божія. Зейнабъ потомъ передала это мужу, который сразу понялъ, что Мухаммедъ былъ плѣненъ красотою его жены. Придя къ Мухаммеду, онъ предложилъ ему развестись съ женой для него, но Мухаммедъ отказался, такъ какъ это было противно закону. Тѣмъ не менѣе Заидъ развелся съ Зейнабъ, и Мухаммедъ оцѣнилъ преданность своего пріемнаго сына, взявъ Зейнабъ себѣ въ жены.

На этотъ разъ свадьба была отпразднована пышно, и дверь была открыта для всѣхъ, кто только хотѣлъ прійти, и всѣ приходили, ѣли и пили, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвергали самой жестокой критикѣ какъ разводъ, такъ и бракъ.

Злословіе это продолжалось до тѣхъ поръ, пока откровеніе не разъяснило дѣла: родство вслѣдствіе усыновленія не является препятствіемъ къ браку. Это откровеніе оффиціально исчерпывало вопросъ и зажимало всѣ нескромные рты, такъ какъ про-

должать подобные разговоры послѣ откровенія было бы «невѣріемъ», т е дѣломъ грѣховнымъ и небезопаснымъ. Однако всѣ чувствовали въ этомъ какую то натяжку. Чувствовалъ это и самъ Мухаммедъ, вслѣдствіе чего онъ и уничтожилъ это усыновленіе. и Заидъ по своему настоящему отцу сталъ называться Ибнъ-Харисъ. Но въ сущности, какую же цѣнность могло имѣть уничтоженіе этого усыновленія послѣ того, какъ фактъ уже совершился? Пока отмѣны не было, родство существовало, и, слѣдовательно бракъ былъ заключенъ съ родственницей. Мусульманская мораль не имѣетъ ничего общаго съ христіанской, понятіе о добрѣ и злѣ очень своеобразное: нѣтъ ничего ни хорошаго, ни худого въ самомъ себѣ, а всякая вещь дѣлается таковой вслѣдствіе разрѣшенія или запрещенія Бога; дурнымъ можетъ сдѣлаться то, что кажется хорошимъ для всякаго, и наоборотъ; дурное вчера можетъ сдѣлаться хорошимъ завтра, и наоборотъ,—все зависитъ отъ воли Бога Такъ было и въ данномъ случаѣ: Мухаммедъ призналъ, что онъ поступилъ дурно, и Богъ своимъ разрѣшеніемъ обратилъ это дурное въ хорошее.

Зейнабъ, замѣнившая Мухаммеду незадолго передъ тѣмъ умершую жену того же имени, пользовалась превосходствомъ надъ другими женами Мухаммеда.

Кажется, что въ данномъ случаѣ дѣйствія Мухаммеда ясно показываютъ всякому безпристрастному лицу, что онъ самъ считалъ этотъ бракъ не совсѣмъ нормальнымъ, но и тутъ выступаетъ въ качествѣ его апологета Амиръ Али. Онъ говоритъ, что и здѣсь была все та же фатальная необходимость. Мухаммедъ самъ женилъ Заида на Зейнабъ, происходившей изъ знатнаго рода, и она съ нѣкоторымъ правомъ считала, что освобожденный рабъ ей не пара. Съ самаго начала ихъ семейная жизнь была не особенно счастлива, и скоро ихъ отношенія перешли въ нескрываемую взаимную ненависть. Можетъ быть, что со стороны Заида эта ненависть особенно возрасла вслѣдствіе постояннаго повторенія его женою тѣхъ немногихъ словъ, которыя случайно сорвались съ устъ Мухаммеда, увидавшаго безъ покрывала красавицу Зейнабъ: «хвала Богу, покровителю сердецъ». Это такъ надоѣло Заиду, что онъ рѣшилъ развестись съ Зейнабъ, о чемъ и сказалъ Мухаммеду. Мухаммедъ спросилъ его:

— «Почему? Развѣ ты знаешь за нею какую-нибудь вину?»

— Нѣтъ, отвѣтилъ Заидъ,—но больше я не могу жить съ ней.

— «Ступай и храни свою жену, отвѣчалъ Мухаммедъ,—обращайся съ ней хорошо и бойся Бога, потому что Богъ сказалъ: «заботьтесь о вашихъ женахъ и бойтесь Господа».

Однако Заидъ развелся съ Зейнабъ, не взирая на запрещеніе Мухаммеда, которому это неповиновеніе было особенно грустно потому, что онъ самъ же и устроилъ этотъ бракъ. Что же

касается Зейнабъ, то послѣ развода она стала приставать къ Мухаммеду, чтобы онъ женился на ней, и въ концѣ концовъ она добилась своего [1]).

Пусть же каждый приметъ ту версію, которая нравится ему болѣе,—желаніе быть безпристрастнымъ заставило меня помѣстить ихъ обѣ.

Чтобы покончить съ семейными дѣлами Мухаммеда, скажемъ заодно о происшествіи съ Айшей, надѣлавшемъ много шума и вызвавшемъ новое откровеніе, которое имѣло громадную важность для будущаго, такъ какъ оно сдѣлалось закономъ. Забѣжимъ немного впередъ.

Многія племена хотѣли свести послѣ Охода свои счеты съ Мухаммедомъ. Однимъ изъ нихъ было племя Бэни-мусталикъ корайшитскаго происхожденія. Узнавъ, что они приготовились къ экспедиціи противъ него, Мухаммедъ съ отборными силами, подкрѣпленными казраджитами, отправился имъ навстрѣчу. Застигнувъ непріятеля врасплохъ, Мухаммедъ одержалъ побѣду: вождь Аль-Харисъ былъ убитъ, въ плѣнъ было взято двѣсти человѣкъ, кромѣ того захвачено 5000 барановъ и 1000 верблюдовъ. Въ числѣ добычи была красавица Барра (или Джаваріія?), дочь Хариса. Она досталась одному мусульманину, который потребовалъ за нее громадный выкупъ. Она обратилась къ Мухаммеду съ просьбой, чтобы онъ воздѣйствовалъ на корыстолюбца въ смыслѣ уменьшенія размѣра выкупа. Мухаммедъ рѣшилъ вопросъ проще и предложилъ ей быть его женой, на что она охотно согласилась. Мухаммедъ заплатилъ за нее выкупъ, и, по возвращеніи въ Медину, она сдѣлалась его женой.

По окончаніи битвы, между мухаджирами и казраджитами произошла ссора, и лишь вмѣшательство Мухаммеда предотвратило кровопролитіе. Однако Абдулла-ибнъ-Обба рѣшилъ отомстить и обратился къ казраджитамъ съ зажигательной рѣчью о томъ, что они приняли къ себѣ мухаджировъ, дали имъ пріютъ и имущество, а теперь сами же получаютъ отъ нихъ оскорбленія, и что по возвращеніи въ Медину будетъ видно, кто окажется сильнѣе.

Въ этихъ словахъ нельзя было не видѣть плохо замаскированной угрозы. Мухаммеду сообщили объ этомъ, и Омаръ, какъ всегда вѣрный самому себѣ, предлагалъ ему тотчасъ покончить съ Абдуллой, но Мухаммедъ нашелъ это рискованнымъ. Онъ сейчасъ же приказалъ выступать обратно: шли день, ночь и часть слѣдующаго дня безъ отдыха,—усталость была такова, что, когда пришли на мѣсто, кромѣ отдыха ни о чемъ не могли уже думать. Вызванный Мухаммедомъ Абдулла отрекся отъ своихъ словъ,

[1]) Ameer Ali. Spir. of isl. p. p. 195, 196. Тафсиръ-и-мэвакибъ, т. III, стр. 358, 359.

но они были подтверждены откровеніемъ, которое, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, дало новыхъ прозелитовъ. Видя, что силою взять нельзя, Абдулла рѣшилъ прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Имъ то между прочимъ и былъ пущенъ слухъ объ измѣнѣ Айши. Невозможно рѣшить, насколько этотъ слухъ былъ основателенъ, такъ какъ въ концѣ концовъ для рѣшенія этого вопроса мы располагаемъ лишь заявленіемъ самой Айши о своей невиновности и словами откровенія о томъ же.

Что же касается фактической стороны дѣла, то она заключалась въ слѣдующемъ.

Обыкновенно Мухаммедъ бралъ съ собою въ экспедицію которую нибудь изъ своихъ женъ, причемъ выборъ рѣшался жребіемъ. Однажды жребій палъ на Айшу. Она ѣхала въ закрытомъ паланкинѣ на верблюдѣ, котораго погонщикъ велъ за веревку. На одной остановкѣ, когда собрались уже отправляться въ путь, паланкинъ Айши оказался пустымъ, а Айша догнала караванъ немного погодя. Она ѣхала верхомъ на верблюдѣ, котораго велъ въ поводу молодой арабъ, по имени Сафванъ-ибнъ-аль-Муаттэль. Абдулла-ибнъ-Обба обвинилъ Айшу въ томъ, что она нарушила съ Сафваномъ супружескую вѣрность, и что она съ нимъ дѣйствовала по уговору.

Таковы были факты, какъ они представились въ первый моментъ. Такое происшествіе конечно не могло пройти незамѣченымъ,—объ немъ были разговоры и въ народѣ и въ гаремѣ Пророка, и не замедлившія появиться сатиры говорили о томъ же. По возвращеніи въ Медину, Айша сразу опасно заболѣла, и поэтому ей первое время ничего не говорили, и она не знала о томъ, что ее въ чемъ то обвиняютъ. Однако она не могла не замѣтить, что отношеніе къ ней Мухаммеда значительно измѣнилось. Прежде, когда она бывала больна, онъ цѣлые дни просиживалъ около нея, теперь же заходилъ на нѣсколько минутъ въ ея комнату, спрашивалъ о здоровьѣ и уходилъ до слѣдующаго дня. Однажды на ея вопросъ о причинѣ его охлажденія, онъ разсказалъ ей, какіе слухи циркулируютъ на ея счетъ. Айша на это горько расплакалась, клялась, что она ни въ чемъ невиновата, и дала слѣдующее объясненіе, которое при желаніи можно признать вполнѣ удовлетворительнымъ. Для тѣхъ же, которые усомнились бы въ правдивости разсказа Айши, извиненіе найдется въ томъ, что и самъ Мухаммедъ, выслушавъ ея разсказъ, не освободился отъ своихъ сомнѣній.

Все было очень просто, какъ говорила Айша. При возвращеніи съ похода, когда отрядъ собрался уже трогаться въ путь, слуги поставили передъ шатромъ Айши паланкинъ, и сами отошли, чтобы она могла свободно сѣсть туда. Немного погодя слуги вернулись, подняли паланкинъ и унесли его, полагая по времени, что Айша уже тамъ. Айша была такимъ хрупкимъ созда-

нѣмъ, что ея нахожденіе тамъ большой разницы въ вѣсѣ не составляло. Но ея не было въ паланкинѣ,—она въ это время была занята поисками своего ожерелья Когда же она наконецъ нашла ожерелье, то не нашла ни паланкина, ни даже отряда. Въ надеждѣ что ея хватятся и вернутся за нею, она сѣла у дороги и стала поджидать. Тамъ ее дѣйствительно замѣтилъ Сафванъ, находившійся въ аррiергардѣ, взялъ ее на верблюда и привезъ.

Для тѣхъ, кто не имѣлъ, опредѣленнаго намѣренія обвинить Айшу во что бы то ни стало, такое объясненіе было вполнѣ пріемлемо, тѣмъ болѣе, что его подтвердилъ и Сафванъ, конечно со времени случившейся исторіи не видавшій Айши. Но скептики не безъ злобы задавали вопросъ, неужели въ шатрѣ можно было такъ долго искать ожерелье, что въ это время успѣли унести паланкинъ, и даже отрядъ ушелъ такъ далеко, что его нельзя было догнать?

Цѣль была достигнута, и въ душѣ Мухаммеда остались сомнѣнія, и настолько притомъ серьезныя, что онъ отправилъ Айшу въ домъ ея отца. Онъ спрашивалъ Али, какъ ему поступить. Али, думая его успокоить, говорилъ, что на это не стоитъ обращать вниманія, такъ какъ это дѣло житейское, случается часто, и никто отъ этого не гарантированъ. Однако для Мухаммеда было мало такихъ утѣшеній, виновна или невиновна была Айша, но онъ ее любилъ и сильно тосковалъ по ней, простивъ ее въ душѣ. И, какъ показало дальнѣйшее, онъ былъ совершенно правъ, такъ какъ скоро получилъ откровеніе, которое вполнѣ очищало Айшу отъ всякихъ подозрѣній. Мало того, это откровеніе принимало мѣры на будущее время: впредь для доказательства прелюбодѣянія требовались четыре свидѣтеля. Какъ же назвать это, какъ не предохранительными мѣрами?

Айша съ почестями вернулась въ домъ Мухаммеда, и клеветники, хотя и не главные, были наказаны. Что касается Али, то, хотя послѣ откровенія онъ и увѣровалъ въ невинность Айши, но за то, что онъ хоть на минуту усомнился въ ней, она наградила его такой ненавистью, которую ему не разъ потомъ пришлось почувствовать.

Теперь возвращаемся къ прерванному разсказу.

Годовое перемиріе, заключенное Абу Суфіаномъ съ Мухаммедомъ, послѣ битвы при Оходѣ, приближалось уже къ концу. Абу Суфіанъ не потерялъ времени даромъ и, готовясь бороться съ Мухаммедомъ, вступилъ въ союзъ съ нѣкоторыми арабскими племенами, а также и выгнанными изъ Медины евреями. Мухаммедъ узналъ объ этихъ приготовленіяхъ, и, наученный горькимъ опытомъ, хотѣлъ теперь избѣгнуть открытаго боя. По совѣту Сальмана, о которомъ мы уже говорили выше, какъ о человѣкѣ нѣсколько знакомомъ съ военнымъ искусствомъ, Мухаммедъ при-

казалъ вырыть передъ городомъ большой ровъ, и самъ принималъ дѣятельное участіе въ этой работѣ. И только что она была доведена до конца, какъ на сосѣднихъ холмахъ показался авангардъ многочисленныхъ непріятельскихъ силъ.

Поручивъ командованіе въ городѣ Ибнъ-уль-Мактуму, самъ Мухаммедъ вышелъ изъ города съ 3000 человѣкъ и помѣстился между городскими стѣнами и вырытымъ рвомъ. Этотъ ровъ задержалъ подступъ непріятеля, и въ теченіе цѣлаго ряда дней бой ограничивался лишь пересылкой черезъ этотъ ровъ стрѣлъ, дротиковъ и камней.

Въ это время Мухаммедъ получилъ извѣстіе, что находившееся съ нимъ еврейское племя Бэни-корайтца передалось на сторону Абу Суфіана. Положеніе становилось критическимъ, такъ какъ вскорѣ это подтвердилось. Мухаммедъ собралъ военный совѣтъ и предложилъ сдѣлать попытку посѣять раздоръ среди непріятельской арміи, склонивъ на свою сторону пришедшее съ Абу-Суфіаномъ арабское племя гатафанитовъ, сдѣлавъ имъ нѣкоторыя уступки,—но вожди не согласились на это. Вскорѣ послѣ этого и завязался бой, въ которомъ особенно отличился Али. Бой этотъ извѣстенъ подъ именемъ «Битвы при Рвѣ» или «Битвы Народовъ» [1]).

Исходъ боя не былъ рѣшительнымъ, и дѣло безнадежно затягивалось. Тогда Мухаммедъ рѣшилъ прибѣгнуть къ дипломатическимъ средствамъ. Онъ послалъ одного человѣка, по имени Руйэма, съ порученіями посѣять раздоръ между союзниками, что ему до извѣстной степени и удалось сдѣлать.

Когда Абу Суфіанъ послалъ въ пятницу вечеромъ сказать корайшитамъ, чтобы они были готовы на завтра, тѣ отвѣтили, что завтра—праздникъ, и что кромѣ того они согласны дѣйствовать съ ними заодно только въ томъ случаѣ, если онъ дастъ имъ заложниковъ въ обезпеченіе того, что не покинетъ ихъ до конца. Абу Суфіанъ сразу же понялъ, что дѣло не совсѣмъ ладно, и на открытое нападеніе не рѣшился. Видя такую нерѣшимость, вскорѣ самъ Мухаммедъ перешелъ въ наступленіе. Этого никакъ не ожидали послѣ долгаго ряда дней, въ теченіе которыхъ онъ дѣйствовалъ оборонительно и нападеніе произвело въ лагерѣ Абу Суфіана совершенное смятеніе, и онъ самъ бѣжалъ. Уходя, онъ прислалъ Мухаммеду письмо, въ которомъ онъ стыдилъ его за то, что онъ бьется не какъ арабъ, а прячась за рвами, но что близокъ день, когда они вновь сойдутся въ открытомъ полѣ, и тогда повторится бой при Оходѣ. Мухаммедъ отвѣтилъ ему на это, что приближается уже день, когда онъ въ куски разобьетъ всѣхъ корайшитскихъ идоловъ. [2])

[1]) As-Sahih. Al-Boukhari. v. II. pp. 290, 345

[2]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 128.

Тѣмъ временемъ Мухаммедъ рѣшилъ отомстить племени Бэни-корайтца за ихъ измѣну. Осадивъ ихъ въ ихъ замкѣ, онъ принудилъ ихъ сдаться. Они просили отпустить ихъ на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ были отпущены бэни-кенока, но Мухаммедъ предложилъ имъ подчиниться рѣшенію Саада-ибнъ-Маада, вождя авситовъ, который до того времени считался другомъ племени Бэни-корайтца. Они съ восторгомъ приняли это предложеніе, но не продолжительна была ихъ радость: по ихъ винѣ умирающій отъ ранъ Саадъ-ибнъ-Маадъ уже позабылъ о прежней дружбѣ. Спросивъ, обязуются ли всѣ подчиниться его рѣшенію, онъ получилъ утвердительный отвѣтъ. Тогда онъ приговорилъ всѣхъ мужчинъ до одного къ обезглавленію, женщинъ и дѣтей къ рабству, имущество же обрекъ на разграбленіе. Все это и было приведено въ исполненіе. Было казнено въ одинъ день около 700 человѣкъ! Группами по нѣсколько человѣкъ сводили осужденныхъ на казнь въ ровъ и тамъ обезглавливали ихъ, пока не свалилась послѣдняя голова. Саадъ-ибнъ-Маадъ сидѣлъ на краю рва и любовался зрѣлищемъ этой звѣрской казни: отъ волненія у него открылись раны, и онъ скоро умеръ отъ потери крови.

Когда останавливаешься на этой печальной страницѣ исторіи Мухаммеда, невольно чувствуешь содроганіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ жестокій приговоръ, взятый самъ по себѣ, не долженъ былъ бы вызывать слишкомъ суровой критики, такъ какъ онъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ строгимъ примѣненіемъ допущенныхъ въ то время законовъ и обычаевъ войны. Съ формальной стороны Мухаммеда никакъ нельзя обвинить въ этомъ дѣлѣ, но его можно обвинить и нельзя не обвинить въ коварствѣ. онъ зналъ чувства Саада-ибнъ-Маада къ евреямъ и предложилъ имъ его въ посредники. Его можно обвинять не за то, что онъ утвердилъ приговоръ, чего опять таки, по существовавшимъ тогда законамъ и обычаямъ, онъ не сдѣлать не могъ, а за то, что онъ назначилъ завѣдомо пристрастнаго судью,—и отъ этого обвиненія трудно освободить его память. Правда, случай представлялъ государственную измѣну, но развѣ всѣ были виновны въ ней или по крайней мѣрѣ одинаково виновны?...

Такимъ образомъ пала страшная коалиція, направленная противъ Мухаммеда и состоявшая изъ евреевъ и идолопоклонниковъ. [1]).

Полученная при этомъ добыча была очень велика и состояла главнымъ образомъ въ оружіи и скотѣ. Каждый всадникъ при этомъ раздѣлѣ получилъ тройную долю противъ пѣхотинца. Мухаммеду была отдана пятая часть всего имущества. На его долю между прочимъ досталась Рихана, дочь Симеона, могущественна-

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. 78.

то еврея, которая была самой красивой женщиной изъ всего племени. Она приняла исламизмъ и сдѣлалась женою Мухаммеда. Этотъ бракъ едва ли можно уже относить къ бракамъ по необходимости. Какъ бы вообще ни старались оправдывать многочисленные браки Мухаммеда различными духовными соображеніями, но чувственность играла въ этомъ далеко не послѣднюю роль, и хадисы сообщаютъ намъ, что Пророкъ обыкновенно въ теченіе сутокъ не оставлялъ своимъ вниманіемъ ни одной изъ своихъ одиннадцати женъ. [1]).

Обостренное послѣдними событіями, недовѣріе Мухаммеда къ евреямъ обратилось прямо въ ненависть, и, какъ бы мусульманскіе писатели ни оправдывали дѣйствій Мухаммеда, отношеніе его къ евреямъ было жестоко.

Этотъ періодъ отмѣченъ рядомъ мелкихъ экспедицій Мухаммеда противъ окрестныхъ племенъ. Около этого же времени Мухаммедъ даровалъ христіанамъ хартію, которая, при добросовѣстномъ ея примѣненіи, дѣйствительно могла бы явиться свѣтлой страницей въ исторіи ислама. Но это была лишь временная мѣра, очень скоро отмѣненная IX-й сурой Корана. Хартія говорила о томъ, что всякій мусульманинъ, нарушившій привилегіи, дарованныя христіанскимъ религіознымъ общинамъ, будетъ разсматриваться не иначе, какъ врагъ Бога; она рекомендовала охранять христіанскіе храмы и христіанскихъ священниковъ; она говорила о томъ, что нельзя принуждать христіанъ отказываться отъ своей религіи, и нельзя изгонять монаховъ изъ ихъ монастырей. Вышедшія за мусульманъ христіанскія женщины имѣли право сохранить свою религію; если у христіанъ являлась нужда въ поправкѣ своихъ храмовъ, мусульмане должны были помогать имъ въ этомъ. Если бы у мусульманъ произошла война съ христіанами, то живущіе среди мусульманъ мирные христіане не должны были подвергаться никакимъ насиліямъ. [2]).

Таково приблизительно было содержаніе этой хартіи. Каково же было ея примѣненіе, и что осталось отъ ея обѣщаній, это мы увидимъ дальше, когда рѣчь будетъ итти объ исторіи первыхъ вѣковъ халифата. [3]). Насколько велико было значеніе хартіи, и какъ отлична отъ теперешней была бы вся исторія исламизма, можно понять изъ того, что даже въ современной, ставшей уже конституціонной, Турціи ея христіанскія народности на практикѣ далеко не пользуются тѣми правами, которыя обѣщала эта хартія. Послѣ нѣсколькихъ столѣтій европейской опеки, при существованіи длиннаго ряда капитуляцій, несмотря на многочислен-

---

[1]) As-Sahih. v. I. p.p. 103,
[2]) Ameer Ali. Idem. p. 79.
[3]) См. т. VII.

ныя международныя вмѣшательства и постановленія Берлинскаго Конгресса, христіанское населеніе Турціи, «райя», это что то, стоящее на одномъ уровнѣ со скотомъ. Правда, что, когда въ этомъ обвиняютъ Турцію, Европа хоть шепотомъ должна повторять: mea culpa, mea maxima culpa...

Пока Мекка, священнѣйшее мѣсто для всѣхъ арабовъ, не была въ рукахъ Мухаммеда, проповѣдуемая имъ религія не могла получить самаго широкаго распространенія,—это онъ хорошо сознавалъ и понималъ: вѣдь до сего времени въ глазахъ большинства онъ былъ лишь изгнанникомъ, а главная сила и вліяніе, какъ прежде, продолжали оставаться въ рукахъ мекканскихъ корайшитовъ.

Насталъ мѣсяцъ зуль-кадэ, время большого паломничества и съ тѣмъ вмѣстѣ время общаго священнаго перемирія. Мухаммедъ отправился въ Мекку во главѣ каравана въ 1400 человѣкъ, состоящаго частью изъ мухаджировъ, частью изъ ансаровъ. Онъ взялъ съ собой семьдесятъ верблюдовъ, чтобы принести ихъ въ жертву передъ Каабой. Чтобы показать, что они идутъ съ мирными намѣреніями, уже въ разстояніи одного дня пути отъ Медины они остановились въ селеніи Дзу-Халейфа и тамъ оставили все свое оружіе кромѣ мечей.

Корайшиты, услыхавъ о движеніи Мухаммеда къ Меккѣ во главѣ большого отряда, отнеслись къ нему недовѣрчиво и выслали впередъ Халида-ибнъ-Валида съ довольно сильнымъ отрядомъ конницы, и онъ занялъ пунктъ въ двухъ дняхъ пути отъ Мекки. Мухаммеду, никогда не двигавшемуся безъ предосторожностей и безъ освѣщенія пути, сообщили, что дорога его преграждена, и онъ обошелъ Халида по горамъ, спустившись въ долину уже совсѣмъ близко отъ Мекки.

Отсюда онъ послалъ корайшитамъ увѣреніе въ своихъ мирныхъ намѣреніяхъ и напоминалъ имъ о правахъ паломничества. Корайшиты послали въ лагерь Мухаммеда соглядатая, и тотъ вернувшись разсказалъ, что никогда онъ не видалъ ни къ кому такого почтительнаго отношенія, какое мусульмане выказываютъ Мухаммеду. Тѣмъ болѣе корайшиты не захотѣли пускать къ себѣ въ городъ человѣка, который пользовался такимъ вліяніемъ и такимъ необыкновеннымъ уваженіемъ всѣхъ его окружающихъ, такъ какъ онъ могъ бы попытаться воспользоваться своимъ вліяніемъ и въ самой Меккѣ, а результаты подобнаго дѣйствія даже приблизительно не было возможности опредѣлить.

Нѣсколько разъ Мухаммедъ обращался къ корайшитамъ съ просьбами пустить его, но все было напрасно. Послѣднимъ его посланнымъ былъ Усманъ-ибнъ-Аффанъ. Прошло уже нѣсколько дней съ тѣхъ поръ, какъ отправился въ городъ, а онъ все еще

не возвращался, и объ немъ ничего не было слышно, такъ что въ лагерѣ Мухаммеда возникло опасеніе, уже не убитъ ли онъ. Мухаммедъ рѣшилъ жестоко отомстить и, собравъ весь народъ, онъ взялъ съ него клятву до послѣдней капли крови защищать знамя вѣры. Но въ это время какъ разъ возвратился изъ Мекки Усманъ, и съ возвращеніемъ его въ мусульманскомъ лагерѣ возстановилось прежнее спокойствіе.

Вмѣстѣ съ Усманомъ явился и представитель корайшитовъ для заключенія мирнаго договора. Договоръ былъ заключенъ на десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ Мухаммедъ и его послѣдователи имѣли право свободно являться въ Мекку и оставаться тамъ три дня для выполненія всѣхъ религіозныхъ обрядовъ.

Въ этомъ договорѣ между прочимъ упоминалось о томъ, что малолѣтніе корайшиты, перешедшіе на сторону Мухаммеда безъ разрѣшенія своихъ опекуновъ или вождя племени, должны были немедленно быть возвращаемы обратно въ Мекку; перешедшіе же на сторону корайшитовъ мусульмане не подлежали возвращенію; что всякое племя, по собственному желанію и безъ всякаго понужденія или препятствія, могло вступать въ союзъ какъ съ корайшитами, такъ и съ Мухаммедомъ, и что въ текущемъ году мусульмане не имѣютъ права войти въ Мекку и должны немедленно удалиться. [1]).

Эти условія договора были не особенно лестны, но дѣлать было нечего,—Мухаммеду пришлось согласиться и на нихъ, такъ, какъ иначе положеніе его было бы критическимъ: если бы онъ возвратился въ Медину, не будучи допущенъ въ Каабу, и безъ договора, престижъ его неминуемо долженъ былъ бы сильно пасть въ глазахъ его послѣдователей. Предпринимать же какія-нибудь военныя мѣры противъ Мекки немедленно же, было бы безумiемъ,— это для Мухаммеда было совершенно ясно. Такимъ образомъ даже стѣснительный мирный договоръ являлся пока самымъ лучшимъ исходомъ, какого только онъ могъ ожидать.

Не лишены интереса подробности написанія этого договора. Едва приблизился Сохайль-бинъ-Амръ, уполномоченный Мекки, какъ, безъ излишнихъ предисловій, сказалъ:

— «Составимъ условіе договора, который мы заключимъ другъ съ другомъ».

Пророкъ призвалъ своего секретаря и сказалъ ему:

— Пиши: Во имя Бога, Милостиваго, Милосерднаго...

— «Клянусь Аллахомъ! воскликнулъ Сохайль,—я не знаю, что это такое за слово «рахманъ» (милосердный)? Пиши. во имя Твое, о Боже! какъ писалось прежде»...

— Клянусь Аллахомъ! воскликнули (мусульмане),—мы не

---

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. 83.

поставимъ ничего кромѣ. «Во имя Бога, Милостиваго, Милосерднаго».

— Пиши. «Во имя Твое, о, Боже», сказалъ Пророкъ и прибавилъ: это—договоръ, заключенный между Мухаммедомъ, Пророкомъ Бога и...

— «Клянусь Аллахомъ! воскликнулъ Сохайль,—если бы мы знали, что ты пророкъ Бога, то мы не стали бы препятствовать тебѣ итти въ Каабу и не стали бы сражаться съ тобой. Пиши: «Мухаммедъ, сынъ Абдуллы»..

— Клянусь Аллахомъ! сказалъ Мухаммедъ,—конечно я Пророкъ Бога, хотя вы и отвергаете это. Пиши: «Мухаммедъ, сынъ Абдуллы». Но съ условіемъ, добавилъ онъ, что вы допустите насъ итти въ Каабу и совершить религіозныя церемоніи.

— Клянусь Аллахомъ! сказалъ Сохайль,—не надо, чтобы арабы разсказывали, что мы уступили силѣ. Пусть это будетъ на будущій годъ».

Когда это было написано, Сохайль добавилъ:

— «И съ условіемъ, что никакой человѣкъ изъ нашихъ, хотя бы онъ былъ даже твоей религіи, не явится къ тебѣ безъ того, что ты его отошлешь къ намъ назадъ».

— Великій Боже! воскликнули мусульмане,—какъ? Что бы мы мусульманина отослали обратно къ многобожникамъ!

Какъ разъ въ то время, какъ они были заняты этимъ споромъ, прибылъ Абу-Джандалъ-бинъ-Сохайль-бинъ-Амръ, который съ большимъ трудомъ передвигалъ ноги въ цѣпяхъ: онъ убѣжалъ изъ Мекки и пришелъ искать убѣжища у мусульманъ.

— « О, Мухаммедъ! сказалъ Сохайль,—этотъ будетъ первымъ, котораго ты отошлешь намъ обратно согласно только что заключеннаго нами договора».

— Мы еще не закончили договора, отвѣтилъ Мухаммедъ.

— «Тогда, клянусь Аллахомъ! воскликнулъ Сохайль,—я больше не хочу заключать какихъ бы то ни было условій съ тобой».

— Сдѣлай это какъ личную милость для меня, возразилъ ему на это Мухаммедъ.

— «Я не могу этого сдѣлать, отвѣтилъ Сохайль.

— Полно, сдѣлай это! сказалъ Пророкъ.

— «Я не сдѣлаю этого! воскликнулъ Сохайль.

Тогда заговорилъ Микразъ:

— Хорошо, но эту милость даемъ тебѣ мы!

— О, собраніе мусульманъ! сказалъ Абу Джандалъ,—итакъ, значитъ, я буду отосланъ обратно къ политеистамъ, тогда какъ я пришелъ сюда мусульманиномъ? Развѣ вы не видите того, что я вынесъ?

Въ самомъ дѣлѣ онъ перенесъ тяжелыя мученія за дѣло Бога. Омаръ-бинъ-аль-Хаттабъ говорилъ потомъ: «я отправился къ Пророку Бога и имѣлъ съ нимъ такой разговоръ.

— «Развѣ не правда, что ты Пророкъ Бога? спросилъ я.

— Конечно, да, я Пророкъ, отвѣтилъ Мухаммедъ.

— «Развѣ мы не находимся на настоящемъ пути, а наши враги на ложномъ?»

— Да.

— «Почему же тогда мы принуждены наносить оскорбленіе нашей религіи?»

— Я—посланникъ Бога, я повинуюсь Ему, потому что Онъ защищаетъ меня.

— «Развѣ ты не возвѣстилъ намъ, что мы отправимся въ Каабу для совершенія религіозныхъ церемоній?»

—Конечно, но развѣ я возвѣстилъ тебѣ, что мы пойдемъ туда непремѣнно въ этомъ году?

— «Нѣтъ».

— Ты пойдешь туда, это вѣрно, и ты совершишь тамъ религіозныя церемоніи.

«Тогда, продолжалъ Омаръ,—я отправился къ Абу Бакру, съ которымъ я обмѣнялся слѣдующими словами:

— «О, Абу Бакръ! Не дѣйствительно ли Пророкъ Божій этотъ человѣкъ?»

— Конечно.

— «Не находимся ли мы на истинномъ пути, а враги наши на ложномъ?»

— Да.

— «Почему же тогда мы принуждены наносить оскорбленіе нашей религіи?»

— О, человѣкъ! отвѣтилъ онъ,—конечно, онъ—Пророкъ Бога; онъ не долженъ ослушаться своего Господа, который является защитникомъ его. Прицѣпись къ его стремени, потому что ты находишься на истинномъ пути.

— «Развѣ онъ не возвѣстилъ намъ, что мы отправимся въ Каабу для того, чтобы совершить религіозныя церемоніи?»

— Да, но развѣ онъ говорилъ тебѣ, что ты пойдешь туда непремѣнно въ этомъ году?

— «Нѣтъ».

— Ты пойдешь туда, конечно, и ты тамъ совершишь религіозныя церемоніи.

«Когда редактированіе мирнаго договора было окончено, Пророкъ сказалъ своимъ спутникамъ: «теперь заколите своихъ животныхъ и обрѣйте головы». Клянусь Аллахомъ! ни одинъ человѣкъ не поднялся, хотя онъ и повторилъ свое приказаніе трижды. Тогда, видя, что даже никто не пошевельнулся, онъ вошелъ къ Уммъ-Сальма и разсказалъ ей, какъ было принято его приказаніе.

— «О, посланникъ Бога! сказалъ Уммъ-Сальма,—если ты хочешь, чтобы такъ было сдѣлано, то выходи и не обращайся къ

нимъ ни съ единымъ словомъ, пока не заколешь своихъ жертвенныхъ животныхъ и не пошлешь за парикмахеромъ, чтобы обрить себѣ голову»

«Пророкъ тотчасъ же вышелъ, онъ ни къ кому не обратился ни съ единымъ словомъ, пока не выполнилъ всего этого, т. е. пока онъ не закололъ жертвенныхъ животныхъ, и парикмахеръ не обрилъ ему головы. Когда вѣрующіе увидали это, они сразу всѣ вскочили, закололи своихъ животныхъ и принялись брить другъ другу головы съ такой поспѣшностью, что чуть не перерѣзали одинъ другого». [1]).

Чтобы нѣсколько умѣрить разочарованіе вслѣдствіе этого неудачнаго путешествія, Мухаммедъ предпринялъ походъ на Хайбаръ, населенный евреями и славившійся какъ торговлей, такъ и земледѣліемъ. обильныя пастбища давали возможность держать много скота. Арабскіе историки относятъ существованіе города еще ко времени Моисея.

Хайбаръ представлялъ самый удобный пунктъ для направленія оружія противъ враговъ вѣры, такъ какъ въ городѣ нашли пріютъ выгнанные изъ Медины евреи и всѣ недовольные Мухаммедомъ. Это было въ началѣ седьмого (629) года геджры. Мухаммедъ выступилъ въ походъ съ отрядомъ въ 1200 человѣкъ пѣшихъ и 200 конныхъ, при чемъ съ нимъ были Омаръ, Усманъ Али и другіе выдающіеся воины. Съ ними были два знамени: на одномъ было солнце, на другомъ черный орелъ [2]).

Проникнувъ на территорію Хайбара, отрядъ принялся за осаду мелкихъ замковъ, окружающихъ городъ. Нѣкоторые изъ нихъ сдались безъ всякаго сопротивленія, другіе же приходилось брать силой. Покончивъ съ малыми замками, Мухаммедъ подступилъ къ самому Хайбару, который былъ хорошо укрѣпленъ и считался неприступной крѣпостью со своей высѣченной въ скалѣ цитаделью. Мухаммедъ блокировалъ городъ и время отъ времени дѣлалъ попытки брать его штурмомъ, но дѣло это было совершенно непривычно для арабовъ, и ничего путнаго изъ этого не выходило. Кромѣ того, отрядъ страдалъ отъ голода: съ собою припасовъ было взято по обыкновенію очень мало, а окрестная страна была совершенно разорена.

Наконецъ удалось продѣлать брешь въ стѣнѣ, но всѣ направляемые на эту брешь приступы были отражаемы гарнизономъ города. Такъ были отбиты приступы Абу Бакра и Омара-ибнъ-аль-Хаттаба. Затѣмъ пошелъ Али. Онъ убилъ непріятельскаго вождя Аль-Хариса, а затѣмъ и его брата Мерхаба. Потерявъ своихъ вождей, евреи удалились въ цитадель, и это было сигналомъ къ общему штурму города.

---

[1]) As-Sahih. v. II, p p. 253—256.

[2]) W. Irving. p. 134.

Если бы можно было вѣрить легендамъ, то про осаду надо было бы разсказать не мало чудесныхъ вещей. Мы же перейдемъ прямо къ тому факту, что въ концѣ концовъ цитадель была взята. Когда тамъ не было обнаружено сокровищъ, положенныхъ туда, по слухамъ, еврейскимъ княземъ Кенана, Мухаммедъ обратился къ тому. Тотъ отвѣтилъ, что сокровища были, но что всѣ они уже истрачены на войну. Однако кто то сообщилъ Мухаммеду, что сокровища цѣлы, только спрятаны очень искусно. Кенана былъ подвергнутъ пыткамъ, но добиться отъ него ничего не могли, и онъ былъ убитъ.

Еще не покинувъ цитадели. Мухаммедъ едва не сдѣлался жертвой мщенія евреевъ, онъ попросилъ ѣсть, и ему принесли кусокъ телятины. Едва онъ откусилъ немного, какъ почувствовалъ себя нехорошо, и тотчасъ же выплюнулъ взятый въ ротъ кусокъ. Одинъ мусульманинъ, ѣвшій съ нимъ вмѣстѣ и проглотившій кусокъ, умеръ тутъ же на мѣстѣ. Скоро была найдена еврейка Зейнабъ, которая отравила мясо. Это была племянница Мерхаба, котораго убилъ Али. Она созналась, что хотѣла отравить именно Мухаммеда, чтобы отомстить. Мусульманскіе историки расходятся въ своихъ сообщеніяхъ относительно дальнѣйшей судьбы Зейнабъ одни говорятъ, что она была выдана родственникамъ убитаго мусульманина, а другіе, что Мухаммедъ ее простилъ и возвратилъ семьѣ. [1]).

Въ Хайбарѣ Мухаммедъ взялъ себѣ въ жены красавицу Сафіію, жену убитаго Кенаны. Это былъ послѣдній бракъ, заключенный Мухаммедомъ по склонности. Послѣ этого онъ заключилъ еще нѣсколько браковъ, но уже по мотивамъ чисто дипломатическимъ. Къ такимъ бракамъ можно отнести его бракъ съ дочерью Абу Суфіана, Уммъ-Хабиба, вдовой Абдулла-ибнъ-Салама, который умеръ въ Абиссиніи.

Остатокъ этого года Мухаммедъ провелъ въ Мединѣ и занимался покореніемъ мелкихъ окрестныхъ племенъ. По мѣрѣ расширенія его территоріи, расширялись и его политическіе замыслы. Какъ просто происходили иногда обращенія, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра, который сохранили намъ преданія.

Вотъ что передаетъ Анасъ: «Коранъ запрещаетъ намъ предлагать вопросы Пророку, поэтому мы были очень удивлены, когда какой то бедуинъ, способный разсуждать, сталъ задавать вопросы Пророку въ то время, какъ мы слушали его. Бедуинъ сталъ предлагать вопросы.

— «Твой посланный явился къ намъ и сказалъ намъ, что ты претендуешь на то, что получилъ миссію отъ Бога?

«Это правда, отвѣтилъ Пророкъ.

— «Кто же сотворилъ небо? спросилъ бедуинъ.

---

[1]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 138.

«Богъ, отвѣтилъ Пророкъ

— «Кто сотворилъ землю и горы?

«Богъ.

— «Кто сдѣлалъ вещи полезными для человѣка?

«Богъ.

— «Тогда, воскликнулъ бедуинъ,—клянусь тѣмъ, кто сотворилъ землю, помѣстилъ на ней горы и наполнилъ ее полезными для человѣка вещами, скажи Богъ далъ тебѣ эту миссію?

«Да, отвѣтилъ Пророкъ.

— «Твой посланный, прибавилъ бедуинъ, говоритъ, будто бы мы должны совершать ежедневно пять молитвъ и платить десятину съ нашего имущества?

«Это точно, сказалъ Мухаммедъ

— «Клянусь тѣмъ, кто далъ тебѣ миссію, произнесъ бедуинъ,—это дѣйствительно Богъ поручилъ тебѣ такъ дѣлать?

«Да. отвѣтилъ Пророкъ.

— «Твой посланный сказалъ также, что будто бы мы должны поститься одинъ мѣсяцъ въ году?

«Это точно.

— «Во имя того, кто далъ тебѣ миссію,—это дѣйствительно Богъ предписалъ тебѣ дѣлать такъ?

«Да.

«Твой посланный говорилъ еще, что каждый изъ насъ долженъ совершить паломничество къ Каабѣ, если только это возможно для него?

«Это точно.

— «Во имя того, кто далъ тебѣ миссію,—это дѣйствительно Богъ предписалъ тебѣ дѣлать такъ?

«Да.

«Хорошо, сказалъ бедуинъ,—клянусь Тѣмъ, кто послалъ тебя для распространенія истины, я буду точно сообразоваться съ тѣми предписаніями, ничего не прибавляя къ нимъ и ничего не убавляя отъ нихъ.

«Если этотъ человѣкъ говоритъ искренно, воскликнулъ тогда Пророкъ, то навѣрное онъ попадетъ въ рай». [1]).

Въ надеждѣ распространить исламъ во всемъ мірѣ, Мухаммедъ разослалъ посольства къ различнымъ правителямъ. По этому случаю имъ была заказана серебряная печать съ особенной надписью, такъ какъ «у всѣхъ пророковъ были печати». По одному арабскому преданію, на печати Ноя были вырѣзаны слова: «Нѣтъ бога кромѣ Бога: тысячу разъ, о, Господи умири, меня». На печати Моисея стояло: «терпи и будешь вознагражденъ, будь искренъ и будешь спасенъ». На печати Христа было: «блаженъ

[1]) As-Sahih. v. I. p. 36. v. II. p. 326.

рабъ Бога, который помнитъ о Немъ; горе рабу Бога, который забываетъ о Немъ» [1]). На своей печати Мухаммедъ вырѣзалъ слова: «Мухаммедъ, посланникъ Бога».

Между прочимъ посольство было отправлено къ Хозрову, шаху персидскому, и къ римскому императору Гераклію. Когда посланіе Мухаммеда пришло въ Персію, Хозровъ находился въ зенитѣ своей славы. Когда прочли лишь начало письма Мухаммеда, которое гласило: «Во имя всемилостиваго Бога! Мухаммедъ, сынъ Абдуллы и Апостолъ Бога, Хозрову, шаху Персіи»

— «Какъ, воскликнулъ Хозровъ, вскочивъ въ негодованіи съ мѣста, на которомъ онъ сидѣлъ,—развѣ рабъ, письменно обращаясь ко мнѣ смѣетъ ставить свое имя передъ моимъ?»

Съ этими словами онъ выхватилъ изъ рукъ чтеца письмо и разорвалъ его на мелкіе клочки, не поинтересовавшись даже узнать о его содержаніи. Послѣ этого онъ написалъ своему губернатору въ Іеменѣ: «Мнѣ говорятъ, что въ Мединѣ есть какой то сумасшедшій, изъ племени корайшитовъ, который называетъ себя пророкомъ. Поручаю тебѣ исправить его умственныя способности, а если ты не можешь этого сдѣлать самъ, то пришли мнѣ его голову сюда» [2]).

Когда Мухаммеду сообщили объ участи его посланія, онъ сказалъ «точно такимъ же образомъ Аллахъ разорветъ на куски его державу».

Императору Гераклію письмо Мухаммеда было доставлено въ то время, когда онъ находился въ Іерусалимѣ. Онъ вызвалъ къ себѣ находившагося съ караваномъ въ Сиріи Абу Суфіана и нѣсколькихъ другихъ корайшитовъ. Когда они пришли, онъ всѣхъ ихъ пригласилъ въ залу, гдѣ и произошелъ весьма любопытный разговоръ, который сохраненъ преданіемъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ событіи самъ Абу Суфіанъ:

«Императоръ Гераклій пригласилъ всѣхъ корайшитовъ въ пріемную залу, потомъ онъ велѣлъ привести ихъ въ свое присутствіе и предложилъ переводчику сказать имъ: «Кто изъ васъ является самымъ близкимъ родственникомъ того человѣка, который претендуетъ на званіе пророка?

— «Это я, отвѣтилъ Абу Суфіанъ.

«Пусть этотъ человѣкъ подойдетъ ко мнѣ, а равно пусть подойдутъ и другіе, сказалъ императоръ.—и пусть они помѣстятся за нимъ». Потомъ, обратившись къ своему переводчику, онъ сказалъ: «скажи имъ. что я желаю распросить этого человѣка относительно воображаемаго пророка: если этотъ человѣкъ будетъ лгать, стоящіе за нимъ должны разоблачать его ложь». Разска-

---

[1]) Comte H. de Castries. Moulay Ismail. et Jacques II. p. 54.

[2]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 140.

зывая это, Абу Суфіанъ прибавилъ: «Клянусь Аллахомъ! если бы мнѣ не было стыдно быть разоблаченнымъ во лжи моими спутниками, я смѣло сталъ бы лгать на его счетъ. Первый вопросъ, который былъ мнѣ предложенъ, былъ слѣдующій.

«Какое положеніе занимаетъ между вами его фамилія?

— «Она пользуется большимъ значеніемъ, отвѣтилъ я.

«Говорилъ ли кто-нибудь изъ васъ до него подобныя вещи? продолжалъ Гераклій.

— «Нѣтъ, отвѣтилъ я.

— «Не царствовалъ ли кто-нибудь изъ его предковъ?

«Нѣтъ, отвѣтилъ я.

«Среди какихъ классовъ по преимуществу набираются его послѣдователи,—среди высшихъ или среди низшихъ?

«Среди низшихъ

«Увеличивается ли число ихъ или идетъ на уменьшеніе?

— «Оно увеличивается.

«Есть ли среди нихъ такіе, которые, принявъ эту вѣру, почувствовали бы къ ней отвращеніе и покинули ее?

— «Нѣтъ.

«Подозрѣвали ли вы его во лжи до тѣхъ поръ, пока онъ не началъ говорить того, что говоритъ теперь?

— «Нѣтъ.

«Нарушаетъ ли онъ свои обязательства?

— «Нѣтъ; но въ настоящее время мы съ нимъ заключили перемиріе, и мы не знаемъ, какъ онъ будетъ вести себя, въ теченіе этого перемирія, по отношенію къ намъ». Этотъ отвѣтъ, прибавилъ Абу Суфіанъ, былъ единственный, гдѣ я могъ вставить злостный намекъ на Мухаммеда «Продолжая свои вопросы, Гераклій сказалъ:

«Были у васъ войны съ нимъ?

— «Были отвѣтилъ я.

«Каковъ былъ исходъ данныхъ сраженій?

— «Война между нами шла съ перемѣннымъ успѣхомъ: то онъ одерживалъ побѣду надъ нами, то мы надъ нимъ.

«Что же онъ въ общемъ приказываетъ вамъ?

— «Онъ говоритъ намъ, чтобы мы поклонялись лишь единому Богу, не давая ему въ сообщество никакое существо, чтобы мы отказались отъ вѣрованій нашихъ отцовъ. Онъ приказываетъ намъ молиться, быть твердыми въ вѣрѣ, имѣть чистые нравы, жить въ единеніи со своими ближними».

Тогда Гераклій поручилъ своему переводчику сказать Абу Суфіану:

«Я спросилъ тебя относительно фамиліи его, и ты мнѣ отвѣтилъ, что онъ хорошаго рода. И всегда посланники Бога избирались изъ среды самыхъ благородныхъ въ народѣ, ради котораго давалась имъ миссія. Я спросилъ тебя, не говорилъ ли

кто-нибудя изъ васъ подобнаго, и ты мнѣ отвѣтилъ, что нѣтъ. Тогда я подумалъ про себя, что, если бы кто-нибудь другой до него говорилъ подобныя вещи, то я могъ бы думать, что этотъ человѣкъ лишь воспроизводитъ ученіе своихъ предшественниковъ. Я тебя спросилъ, не было ли среди его предковъ кого-нибудь, кто царствовалъ, и ты мнѣ сказалъ, что нѣтъ Предлагая этотъ вопросъ, я думалъ, что, если кто-нибудь изъ его предковъ царствовалъ, то и этотъ человѣкъ могъ мечтать взойти на тронъ своихъ предковъ. Я тебя спросилъ потомъ, не подозрѣвали ли вы его въ лжи прежде, чѣмъ онъ началъ свое ученіе, и ты мнѣ сказалъ, что нѣтъ. Тогда я понялъ, что, разъ онъ былъ человѣкъ, неспособный лгать по отношенію къ себѣ подобнымъ, то тѣмъ болѣе онъ не могъ лгать по отношенію къ Богу. Я тебя спросилъ, изъ высшихъ или изъ низшихъ классовъ набираются его приверженцы, и ты сказалъ мнѣ, что изъ низшихъ. Именно они то и являются всегда приверженцами пророковъ. Я тебя спросилъ, увеличивается или уменьшается ихъ число, и ты отвѣтилъ мнѣ, что оно увеличивается. Это есть именно свойство вѣры—расти до полнаго развитія. Я спросилъ тебя, не имѣется ли среди нихъ такихъ, которые, послѣ принятія вѣры, почувствовали бы къ ней отвращеніе, и ты мнѣ отвѣтилъ, что нѣтъ. Такъ именно и дѣйствуетъ вѣра, когда сердце проникается ея благодатью. Я спросилъ тебя, не нарушалъ ли онъ свои обязательства, и ты отвѣтилъ мнѣ, что нѣтъ. Таковы пророки, они никогда не нарушаютъ (своихъ обязательствъ). Я тебя спросилъ, что именно онъ вамъ приказываетъ, и ты сказалъ мнѣ, что онъ приказываетъ вамъ поклоняться единому Богу, не давая Ему сообщниковъ, отказаться отъ идоловъ; что онъ предписывалъ молитву, твердую вѣру и чистоту нравовъ. И такъ, если то, что ты говоришь, правда, то этотъ человѣкъ завоюетъ то мѣсто, которое топчутъ сейчасъ мои ноги. Я зналъ впрочемъ, что этотъ человѣкъ скоро долженъ былъ появиться, но я не предполагалъ, что онъ будетъ однимъ изъ васъ (т. е. арабъ). Что же касается меня, то, если бы мнѣ удалось дойти до него, то я употребилъ бы всѣ свои усилія для того, чтобы найти его и, какъ только я былъ бы подлѣ него, я омылъ бы пыль съ его ногъ». [1]).

Послѣ этого Гераклій прочелъ письмо Мухаммеда, очень любезно обошелся съ посланными и отпустилъ ихъ назадъ съ богатыми дарами. Но и только: ласковый разговоръ съ корайшитами не имѣлъ какихъ нибудь реальныхъ послѣдствій. Если Гераклій и допускалъ пророческую миссію Мухаммеду, чему однако на основаніи одного только мусульманскаго преданія вѣрить довольно рискованно, то лишь для идолопоклонниковъ арабовъ; ему

[1]) As-Sahih. v. I. pp. 6—8.

же, христіанину, у этого пророка учиться было нечему, и христіанство на исламизмъ онъ конечно перемѣнить не могъ. Въ мусульманскихъ преданіяхъ относительно этого имѣется такое указаніе, что, вернувшись на родину, онъ собралъ всѣхъ сановниковъ государства и заявилъ имъ о своемъ желаніи принять исламизмъ. и что то же должны сдѣлать и они. Но тѣ наполнили залу криками негодованія и заявили, что этого никогда не будетъ. Тогда онъ поблагодарилъ ихъ и сказалъ имъ, что онъ только захотѣлъ испытать, насколько они тверды въ христіанской вѣрѣ.

Третье посланіе было отправлено къ губернатору Египта, который въ сущности являлся какъ бы независимымъ владѣтелемъ. Онъ тоже очень любезно принялъ посольство, но отвѣтилъ, что перемѣна вѣры—серьезный вопросъ, требующій долгаго размышленія Онъ отпустилъ посольство съ богатыми дарами, среди которыхъ были двѣ абиссинки сестры. Одна изъ нихъ, Марія, сдѣлалась женою Мухаммеда. [1]).

Приблизительно около того же времени исламъ проникъ и въ отдаленный Китай. Преданія говорятъ объ этомъ такъ. Императоръ Тай Тсонгъ, изъ династіи Тангъ, въ 627 году увидалъ сонъ: ему приснилось, что какой то солдатъ, съ тюрбаномъ на головѣ и сопровождаемый демонами, вошелъ въ комнату. Астрологи, сдѣлавъ звѣздныя наблюденія съ цѣлью объясненія сна, сказали, что на западѣ около того времени долженъ былъ родиться святой человѣкъ, что солдатъ приходилъ изъ арабскаго государства, что сопровождавшіе его демоны, которыхъ онъ потомъ убилъ, обозначали темную силу, павшую передъ могуществомъ и величіемъ націи, къ которой онъ принадлежалъ; что государь Аравіи не только богатый и могущественный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и святой человѣкъ, рожденіе котораго сопровождалось многочисленными чудесными знаменіями, и что было бы въ интересахъ Имперіи завязать съ нимъ дружественныя отношенія. По зрѣломъ размышленіи, императоръ рѣшилъ отправить посольство въ Аравію съ богатыми подарками для правителя этой страны. Послѣ этого и изъ Аравіи пришли послы, во главѣ которыхъ былъ нѣкій Касымъ, и въ одномъ изъ нихъ императоръ призналъ человѣка, ко-

---

[1]) Не смотря на исторически доказанный фактъ, что у Мухаммеда отъ Маріи-Коптянки былъ сынъ Ибрагимъ, Мавляви Чирагъ Али, солидный мусульманскій писатель изъ новѣйшихъ, отвергаетъ не только рожденіе Ибрагима, но даже Марію, какъ историческую личность. Доказательства его очень оригинальны. Интересующіеся этимъ вопросомъ могутъ обратиться къ его книгѣ «The critical exposition of djihad».

тораго онъ видѣлъ во снѣ. Услышавъ о благосостояніи Аравіи, императоръ сказалъ, что ученіе Конфуція должно распространиться въ этой странѣ. Посланцы отвѣтили ему на это, что ученіе Конфуція имъ не безызвѣстно, но что они сами тоже имѣютъ священную книгу, сошедшую съ неба и называемую Кораномъ, которая выше всякой другой религіозной книги, какія только существуютъ въ мірѣ, и что въ ней содержатся всѣ указанія относительно важныхъ и второстепенныхъ предметовъ. Касымъ также выполнилъ полностью ритуалъ намаза и изложилъ доктрины ислама къ великому удовлетворенію императора Тай Тсонга, который былъ совершенно очарованъ услужливостью Касыма. Результатомъ этого было то, что посланцы были хорошо приняты, пользовались уваженіемъ и получили разрѣшеніе поселиться въ Нанкинѣ и Контонѣ, гдѣ они и построили мечеть, называемую «Святое воспоминаніе»... Личность Касыма (въ которомъ нѣкоторые думаютъ видѣть Вахба-ибнъ-Абу-Кабша) не выяснена точнымъ образомъ, но во всякомъ случаѣ онъ былъ первымъ мусульманскимъ миссіонеромъ въ Китаѣ. Въ 632 году онъ возвратился въ Аравію, но не засталъ уже Мухаммеда въ живыхъ Онъ не могъ все время оставаться на родинѣ, поэтому, пробывъ тамъ нѣкоторое время, онъ возвратился въ Кантонъ, принеся съ собою списокъ Корана, изданія Абу Бакра. Онъ жилъ и умеръ въ Кантонѣ, и благочестивые мусульмане ходятъ на поклоненіе его могилѣ въ этомъ городѣ... [2]).

Опять приближалось время для совершенія паломничества. Какъ и въ предыдущемъ году, Мухаммедъ отправился въ Мекку. При приближеніи къ городу, его отрядъ снялъ все оружіе и боевые доспѣхи, кромѣ мечей. Послѣ этого свободно и безпрепятственно они вошли въ городъ и выполнили всѣ полагающіеся религіозные обряды.

По совершеніи паломничества, Мухаммедъ вступилъ въ новый бракъ, съ Маймуной, дочерью Аль-Хариса. Это тоже былъ дипломатическій бракъ; Маймуна была уже старуха, но она дала двухъ важныхъ прозелитовъ: своего племянника Халида-ибнъ-Валида и его друга Амру-ибнъ-аль-Асса, который теперь на пользу Мухаммеда обратилъ столько разъ дѣйствовавшее противъ него оружіе своей сатиры. Онъ дѣлалъ это иногда самостоятельно, иногда же по порученію самого Мухаммеда, который на самомъ себѣ испыталъ дѣйствительность этого оружія. Маймуна была послѣдней женой Мухаммеда.

---

[2]) E. Sell- Essays on islam. pp. 190, 200. Между традиціонистами существуетъ споръ относительно личности Касыма: нѣкоторые считаютъ его дядей Мухаммеда, другіе говорятъ, что такаго дяди у него не было.

Около этого времени произошло событіе, которое заставило мечъ ислама еще разъ обнажиться.

Мухаммедъ отправилъ посольство въ Босру, на границѣ Сиріи, чтобы убѣдить населеніе города послѣдовать примѣру другихъ и перенти въ исламизмъ. Посланный Мухаммеда былъ убитъ въ Мута, въ разстояніи трехъ дней отъ Іерусалима. Чтобы отомстить за эту предательскую смерть, Мухаммедъ послалъ 3000-ный отрядъ противъ оскорбителей. Это было первое столкновеніе арабовъ съ римскими войсками. Мусульмане разсчитывали явиться внезапно, но оказалось, что ихъ ожидалъ сильный отрядъ изъ грековъ и арабовъ. Въ горячемъ бою мусульмане потеряли много славныхъ воиновъ. тутъ пали Зайдъ, Джафаръ и Абдулла-ибнъ-Кавахъ. Спасеніемъ отъ полнаго пораженія отрядъ былъ обязанъ только недавно обращенному въ исламизмъ Халиду-ибнъ-Валиду, который получилъ за это прозвище «Меча Божія». Возвращеніе остатковъ отряда въ Медину съ трупомъ Джафара было поистинѣ похоронным шествіемъ. Трудно понять, какъ Ирвингъ могъ видѣть въ этомъ пораженіи побѣду мусульманскаго оружія? [1]). Нѣтъ, не побѣда это была, а ужасное избіеніе, и лишь благодаря дѣйствительно мастерскимъ дѣйствіямъ Халида удалось спасти часть мусульманскаго отряда, которому иначе не суждено было бы вернуться въ Медину. Впрочемъ многіе изъ отряда и предпочли бы не возвращаться, чѣмъ видѣть себя опозоренными.

Отрядъ былъ встрѣченъ стонами и рыданіями, и самъ Мухаммедъ прослезился надъ трупами своихъ друзей Жители Медины не особенно дружелюбно встрѣтили возвратившихся, которымъ они говорили: «Ахъ, вы бѣглецы! позоръ для васъ, что вы поворачиваете свои спины, когда сражаетесь за Господа». Мухаммедъ успокоилъ народъ и поддержалъ бѣглецовъ, сказавъ: «нѣтъ, они не бѣглецы: они люди, которые снова вернутся въ битву, когда Богу будетъ угодно». [2]).

Какъ это ни странно можетъ показаться, но результатомъ и этого сраженія было увеличеніе вліянія Мухаммеда въ Аравіи, и его армія насчитывала уже нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Частыя экспедиціи, сопровождавшіяся грабежами, привлекали арабовъ пустыни: успѣшность дѣйствій внушала имъ довѣріе, и не привыкшіе признавать надъ собой какую бы то ни было власть, они повиновались Мухаммеду какъ начальнику и какъ учителю. Такимъ образомъ вліяніе его значительно окрѣпло, и онъ рѣшилъ увѣнчать наконецъ зданіе своей славы—стереть съ лица земли язычество, начавъ съ Мекки.

---

[1]) Life of Mahomet pp. 143, 144.

[2]) Sir W. Muir. Muhammadan controversy. p. 75.

До сихъ поръ городъ и Кааба, священнѣйшій храмъ, были въ рукахъ его враговъ, и лишь изъ милости онъ допускался туда въ теченіе трехъ дней въ году. И завѣтной его мечтой сдѣлалось—возстановить истинную вѣру, учредивъ въ Каабѣ вмѣсто культа идоловъ культъ единаго Бога. Прежній престижъ Мекки говорилъ за то, что и впредь она будетъ оставаться центромъ арабскаго, а потомъ и вообще мусульманскаго міра.

Существовавшій мирный договоръ не давалъ возможности начать военныя дѣйствія, не найдя по крайней мѣрѣ для этого достаточнаго предлога. Такъ какъ разсчитывать на это было трудно, то приходилось самому создавать этотъ предлогъ

Корайшиты успѣли уже сознать, что Мухаммедъ теперь представлялъ значительную силу, не считаться съ которой нельзя, и что съ нимъ надо не ссориться, а дружить. Поэтому они уговорили Абу-Суфіана отправиться въ Медину въ качествѣ мирнаго вѣстника.

Мухаммедъ принялъ его довольно сухо. не удостоивъ его даже никакимъ отвѣтомъ, и Абу Суфіанъ принужденъ былъ подавить въ себѣ бѣшенство. Онъ пробовалъ обращаться за содѣйствіемъ къ Абу-Бакру, Омару и Али, но они, зная замыслы Мухаммеда, не стали его слушать. Не лучшая участь постигла и его обращеніе къ Фатимѣ, женѣ Али, и къ собственной дочери, Уммъ-Хабибѣ. Особенно сухо приняла его эта послѣдняя. Въ порывѣ злобы Абу Суфіанъ проклялъ свою дочь. но отъ этого дѣло его нисколько не подвинулось впередъ.

Послѣ этого, публично подтвердивъ отъ имени корайшитовъ, что съ ихъ стороны мирный договоръ будетъ свято соблюдаться, Абу-Суфіанъ возвратился въ Мекку.

Хотя такимъ образомъ пока придраться было положительно не къ чему, но Мухаммедъ уже мало-по-малу начиналъ дѣлать приготовленія къ походу на Мекку. Всѣ его приверженцы были созваны въ Медину, хотя имъ и не было ничего опредѣленнаго сообщено о причинахъ этого сбора. Всѣ ведущія къ Меккѣ дороги были подъ строгимъ наблюденіемъ, чтобы никакое извѣстіе о готовящемся походѣ не могло преждевременно дойти до слуха корайшитовъ.

Среди мусульманъ нашелся измѣнникъ, по имени Хатибъ, семья котораго оставалась въ Меккѣ: чтобы выслужиться передъ корайшитами, онъ написалъ письмо, въ которомъ изложилъ всѣ планы Мухаммеда. Письмо это должна была доставить изъ Медины въ Мекку одна хашимитка—пѣвица, по имени Сара. Однако Мухаммедъ, узнавъ про измѣну, послалъ погоню, и женщина была настигнута, обыскана, и письмо было найдено спрятаннымъ въ волосахъ.

Хатибъ, приведенный тотчасъ же къ Мухаммеду, приводилъ въ свое оправданіе то, что онъ сдѣлалъ это не съ цѣлью пре-

дательства, а единственно для того, чтобы позаботиться о своей семьѣ. Не будучи корайшитомъ, а лишь пришельцемъ въ Меккѣ, онъ не могъ разсчитывать на то, что, въ случаѣ нужды, семья его найдетъ себѣ защиту и покровительство у сильныхъ корайшитовъ. Чтобы получить для своей семьи право на это покровительство, онъ и хотѣлъ оказать корайшитамъ услугу Выслушавъ его объясненія и принимая во вниманіе услуги Хатиба исламизму, въ особенности въ битвѣ при Бадрѣ, гдѣ онъ особенно отличился, Мухаммедъ простилъ его, объяснивъ ему, что цѣль его въ себѣ ничего дурного не заключала, но средство было совершенно негодно.

Съ отрядомъ въ 10000 человѣкъ Мухаммедъ выступилъ въ походъ. Были приняты всѣ мѣры предосторожности, чтобы движеніе не получило преждевременной огласки. По дорогѣ они встрѣтили дядю Мухаммеда Аль-Аббаса, который направлялся въ Медину, чтобы принять исламизмъ. Отправивъ семью въ Медину, онъ самъ присоединился къ экспедиціи.

Почти до самой Мекки отрядъ дошелъ, не будучи обнаруженъ. Въ ночной тишинѣ были разставлены палатки, и въ первый разъ за все время похода были разведены огни для приготовленія горячей пищи

Корайшиты знали, что Мухаммедъ не соблаговолилъ даже ничего отвѣтить посланному въ Медину для мирныхъ переговоровъ Абу Суфіану, но они были въ полномъ невѣдѣніи какъ относительно намѣреній Мухаммеда, такъ и относительно тѣхъ средствъ, которыми онъ могъ свободно располагать.

При наступленіи ночи, Абу Суфіанъ и Будэйлъ-ибнъ-Варака выходили изъ города въ надеждѣ получить какія-нибудь свѣдѣнія или указанія. И вотъ однажды ночью Абу-Суфіанъ замѣтилъ на горизонтѣ сильный свѣтъ, точно отраженіе зарева, и сказалъ: «за всю свою долгую жизнь я не видалъ ни такихъ огней, ни такого бивака».

— «Это племя Хузаа выступило въ походъ», сказалъ Ибнъ-Варака.

«Хузаа, отвѣтилъ старый вождь, не таковы, чтобы имѣть подобные огни и подобный бивакъ».

Это былъ лагерь мусульманъ въ Маръ-аз-Захранѣ. [1]).

Хотя Аль-Аббасъ и искренно перешелъ въ мусульманство, однако онъ вовсе не стремился къ уничтоженію корайшитовъ и не хотѣлъ этого, а намѣренія Мухаммеда показались ему подозрительными. Онъ отправился ночью побродить по лагерю и попалъ какъ разъ на сцену. патрули задержали двухъ развѣдчиковъ изъ Медины и привели ихъ къ Омару, который въ одномъ.

---

[1]) Al-ahkam as-soulthaniya. Comte L Ostrorog. v. II. p. 87.

изъ нихъ, при свѣтѣ костра, узналъ Абу Суфіана. Вѣрный себѣ, онъ тутъ же хотѣлъ покончить съ нимъ, но его взялъ подъ свое покровительство подоспѣвшій Аль-Аббасъ. Оба они бросились къ палаткѣ Мухаммеда, чтобы узнать его волю. Мухаммедъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, разборъ его отложилъ до утра. До этого времени охрана плѣнника была поручена Аль Аббасу.

На другое утро Абу Суфіанъ былъ вынужденъ принять исламизмъ и благодаря этому выговорилъ для мекканцевъ, въ случаѣ ихъ подчиненія, всевозможныя льготныя условія.

Когда Абу Суфіанъ и Аль-Аббасъ, при движеніи отряда къ Меккѣ, остановились въ одномъ узкомъ проходѣ и пропустили мимо себя весь отрядъ, Абу Суфіанъ былъ пораженъ тѣмъ порядкомъ и тою образцовой дисциплиной, которыя онъ увидалъ. Особенное же удивленіе его было вызвано охраной самого Мухаммеда. Мухаммедъ на лестныя слова, которыя ему по этому поводу сказалъ Абу Суфіанъ, промолвилъ ему. «возвращайся же въ городъ и скажи, чтобы не оказывали сопротивленія апостолу Бога». [1]).

Когда Абу Суфіанъ пришелъ въ Мекку и передалъ обо всемъ, что произошло, и съ какимъ отрядомъ Мухаммедъ двигается и уже долженъ теперь находиться подъ самыми стѣнами Мекки, произведенное его словами впечатлѣніе было положительно ошеломляюще, и громадное большинство населенія сразу же согласилось допустить входъ Мухаммеда въ городъ безъ всякаго сопротивленія, которое къ тому же казалось и совершенно безполезнымъ. Всѣ видѣли, что для независимой Мекки пришелъ конецъ, но хотѣли по крайней мѣрѣ сохранить жизнь и имущество.

Мухаммедъ не зналъ точно, что произошло въ Меккѣ при появленіи Абу Суфіана, и поэтому подходилъ къ городу со всѣми предосторожностями, къ которымъ приходится прибѣгать при движеніи въ непріятельской странѣ. Силы его были раздѣлены на нѣсколько отрядовъ, расположенныхъ такимъ образомъ, что никакой обходъ ему не былъ страшенъ.

Такъ какъ Мухаммедъ все же ждалъ, что вѣроятно въ концѣ концовъ произойдетъ сраженіе, чего онъ лично желалъ бы избѣгнуть, то сдѣланныя имъ общія распоряженія сводились къ немногому слѣдующему: самимъ сраженія ни въ какомъ случаѣ не начинать, не трогать мирныхъ жителей, равно какъ женщинъ и дѣтей, но оказывающихъ сопротивленіе не щадить.

Опасенія Мухаммеда оказались вполнѣ основательными и оправдались скорѣе, чѣмъ того даже можно было ожидать. Какъ ни старался Абу Суфіанъ убѣдить своихъ согражданъ не оказывать Мухаммеду никакого сопротивленія, чтобы имъ потомъ са-

---

[1]) W. Irving Life of Mahomet. p. 149.

мимъ не было хуже, всѣхъ однако онъ уговорить не могъ, и одинъ отрядъ вышелъ изъ города, разсчитывая напасть на Мухаммеда врасплохъ. Этотъ отрядъ произвелъ нападеніе на лѣвое крыло, которымъ командовалъ Халидъ. Атака была отбита безъ особаго труда, и мусульмане, преслѣдуя напавшій на нихъ отрядъ, въ рукопашномъ бою вошли въ городъ.

Положеніе было въ высшей степени критическое, и здѣсь то проявилось все вліяніе Мухаммеда. Мусульмане были такъ озлоблены произведеннымъ на нихъ предательскимъ нападеніемъ, что хотѣли весь городъ предать поголовному истребленію и разграбленію, но Мухаммедъ сказалъ, чтобы каждый помнилъ его приказъ, какъ будто ничего не случилось. И всѣ сразу успокоились. Какъ только это волненіе улеглось, Мухаммедъ переодѣлся и въ костюмѣ паломника вошелъ въ городскія ворота: онъ направился прямо къ Каабѣ, гдѣ и выполнилъ всѣ предписанные его религіей обряды. Онъ хотѣлъ было войти внутрь Каабы, но Усманъ-ибнъ-Тальха, старый стражъ Каабы, заперъ двери и не пускалъ его туда. Али вырвалъ у него изъ рукъ ключи, но Мухаммедъ приказалъ ему вернуть ихъ обратно, сказавъ, что онъ хочетъ войти мирнымъ путемъ, а не при помощи насилія. Послѣ этого Усманъ отперъ двери и принялъ исламизмъ.

Теперь наконецъ можно было приступить къ очисткѣ святилища отъ идоловъ, и идолы были вынесены одинъ за другимъ и уничтожены, причемъ многіе изъ нихъ были разбиты собственноручно Мухаммедомъ, который говорилъ при этомъ. наступилъ свѣтъ, и разсѣялась тьма!

Отъ Каабы Мухаммедъ прошелъ къ источнику Земъ-земъ, который онъ считалъ священнымъ, связывая его съ исторіей Агари и Измаила. Какъ только онъ подошелъ къ источнику, Аль Аббасъ зачерпнулъ въ кружку воды и подалъ ее Мухаммеду, чтобы онъ могъ совершить омовеніе. За это Мухаммедъ назначилъ его потомственнымъ хранителемъ кружки этого источника, и по настоящее время эта привилегія осталась за потомками его рода.

Въ полдень съ вершины Каабы раздался призывъ къ молитвѣ, и тутъ же была установлена кибла. Когда религіозныя церемоніи были окончены, Мухаммедъ отправился на холмъ Сафа, и всѣ мекканцы проходили передъ нимъ, давая ему клятву вѣрности и навсегда отрекаясь отъ идолопоклонства. Это было торжество, до сихъ поръ еще не испытанное Мухаммедомъ: не только былъ сломленъ самый упорный и могущественный политическій врагъ, отъ вліянія котораго Мухаммедъ освобождалъ многія арабскія племена, но пало и идолопоклонство. По крайней мѣрѣ, оно пало въ оффиціальномъ центрѣ своего культа.

На горѣ Сафа Мухаммедъ установилъ Мекку неприкосновеннымъ святилищемъ, мѣстомъ убѣжища для всѣхъ и на всѣ

времена—до дня воскресенія мертвыхъ, и ничто не должно измѣнить этого и не можетъ измѣнить, такъ какъ завѣтъ вѣченъ. Лишь одинъ день онъ выговорилъ лично себѣ для наказанія тѣхъ, кто особенно оскорбилъ его. Но это былъ день милости, и даже оскорбившіе ого были, въ концѣ концовъ въ громадномъ большинствѣ, или помилованы и прощены или просто освобождены отъ наказанія.

Здѣсь между прочимъ была прощена Хэнда, жена Абу Суфіана, вдохновительница Оходской битвы.

Среди обреченныхъ на смертную казнь былъ абиссинецъ Вакса, убившій Хамзу, дядю Мухаммеда. Но ему удалось бѣжать изъ города, какъ только отрядъ Мухаммеда вступилъ въ него. Впослѣдствіи онъ принялъ исламизмъ, и Мухаммедъ, узнавъ его, заставилъ разсказать подробности дѣла, и простилъ, но запретилъ ему показываться себѣ на глаза.

Другой осужденный на смерть былъ Абдулла-ибнъ-Саадъ. Этотъ былъ осужденъ за то, что, будучи употребляемъ Мухаммедомъ въ качествѣ секретаря для записи откровеній, онъ иногда по небрежности, а иногда и умышленно путалъ слова, искажая такимъ образомъ смыслъ. Онъ также былъ прощенъ Мухаммедомъ.

Третій былъ Акрема-ибнъ-Абу-Джахль, который отъ отца унаслѣдовалъ его ненависть къ Мухаммеду. Онъ бѣжалъ изъ Мекки. За него просила заступничества его жена, и Мухаммедъ не отказалъ ей. Когда Акрема вернулся и исповѣдалъ вѣру, Мухаммедъ сдѣлалъ его начальникомъ отряда хавазелитовъ.

Взятіе Мекки было скорѣе религіознымъ, чѣмъ военнымъ тріумфомъ. Эта побѣда обезпечила окончательное торжество исламизма и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтило окончательное паденіе идолопоклонства въ Аравіи. [1]).

Ансары стали бояться, что Мухаммедъ отдастъ теперь предпочтеніе Меккѣ, отъ чего неминуемо пострадаютъ ихъ интересы. Но Мухаммедъ, изъ признательности къ ансарамъ за помощь полученную отъ нихъ въ черные дни, вернулся въ Медину.

Послѣ разрушенія языческаго пантеона Каабы, Мухаммедъ разослалъ въ разныя стороны отряды, чтобы уничтожить всѣхъ идоловъ, гдѣ бы они ни оказались. Однимъ изъ самыхъ ревностныхъ преслѣдователей идолопоклонства оказался Халидъ: на его долю выпало разрушеніе капища богини Ал-узза. Но Халидъ былъ не совсѣмъ удобенъ, иногда онъ уже слишкомъ увлекался въ своемъ рвеніи, такъ что выходили крупныя недоразумѣнія, которыя не всегда можно было легко уладить. Мухаммедъ старался избѣгать давать ему щекотливыя порученія.

[1]) O. Houdas. L'islamisme. p. 54.

Глава пятая.

(630—632 гг.)

Съ покореніемъ мекканскихъ корайшитовъ не всѣ однако враги ислама были усмирены: между тѣмъ, какъ въ долинѣ шло усердное и быстрое уничтоженіе идоловъ. въ горахъ—различныя племена составляли союзъ, чтобы бороться противъ силы, грозившей поработить всю Аравію. Къ этимъ племенамъ принадлежали такефиты, хавазины, джашмиты, саадиты и многія другія.

Центромъ племени такефитовъ былъ городъ Таифъ съ находившимся неподалеку отъ него капищемъ богини Ал-лать. Главою всего союза былъ вождь племени такефитовъ—Малекъ-ибнъ-Офъ. Онъ выбралъ мѣстомъ сбора долину Утасъ, между Таифомъ и Хонейномъ Зная, что арабы при первомъ представившемся имъ случаѣ разбѣгутся по домамъ, онъ, чтобы удержать ихъ на мѣстѣ, разрѣшилъ имъ явиться съ семьями, такъ что лагерь получился очень большой и безпорядочный. Къ чему это привело, мы увидимъ скоро.

Противъ этого возставалъ, но безуспѣшно, вождь джашмитовъ Дараидъ.

Мухаммедъ пошелъ противъ союзниковъ съ отрядомъ въ 12000 человѣкъ. Въ надеждѣ на превосходство своихъ силъ, онъ на этотъ разъ шелъ безъ всякихъ предосторожностей и за это былъ наказанъ: въ одномъ узкомъ горномъ проходѣ онъ попалъ въ засаду и едва не погибъ тамъ. Произошла паника, и его отрядъ обратился въ бѣгство. Все казалось потеряннымъ, и лишь Аль Аббасу удалось собрать около себя отрядъ: мусульмане, видя, что ихъ никто не преслѣдуетъ, понемногу успокоились и вернулись. Союзники спустились съ занимаемыхъ раньше высотъ, гдѣ была устроена засада, и тутъ начался бой, упорный и кровопролитный, въ которомъ малочисленные союзники не могли устоять и бросились бѣжать въ Таифъ.

Самъ Мухаммедъ остался въ долинѣ Хонейна, а Абу-Амира съ сильнымъ отрядомъ послалъ атаковать лагерь. Абу Амиръ былъ убитъ, и командованіе перешло къ его племяннику Абу-

Мусѣ, который и одержалъ блестящую побѣду. Лагерь былъ захваченъ. Добыча была громадна, такъ какъ въ лагерѣ были семьи и все имущество арабовъ.

Оставивъ плѣнныхъ и добычу въ укромномъ мѣстѣ, Мухаммедъ пустился преслѣдовать укрывшихся въ Таифѣ такефитовъ. Желаніе мести овладѣло имъ, когда онъ подошелъ къ городу, изъ котораго когда то былъ изгнанъ съ такимъ позоромъ.

Городъ былъ слишкомъ хорошо укрѣпленъ для того, чтобы его можно было легко взять штурмомъ. Здѣсь въ первый разъ были примѣнены, по указанію Сальмана, катапульты, которыя до того времени еще не были извѣстны въ арабской войнѣ.

Двадцать дней продолжались безуспѣшныя атаки, и Мухаммедъ уже терялъ надежду овладѣть городомъ, вслѣдствіе чего онъ и далъ приказъ временно отступить. Но немного погодя явилась депутація отъ хавазиновъ, которые приносили покорность подъ условіемъ возврата семей и имущества.

— Что вамъ дороже, спросилъ Мухаммедъ, семьи или имущество?

— Семьи, отвѣтили тѣ.

Тогда Мухаммедъ сказалъ, что онъ и его дядя Аль Аббасъ отдаютъ имъ свою часть, но что надо спросить еще и другихъ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ другіе также согласились отказаться отъ этой добычи, и плѣнники были возвращены. Не мало содѣйствовала успѣшности этой депутаціи старуха Халима, кормилица Мухаммеда, которой онъ не могъ отказать въ ея просьбѣ.[1]).

Послѣ этого Мухаммедъ послалъ къ Малеку въ Таифъ гонца съ сообщеніемъ, что онъ вернетъ все захваченное въ Хонейнѣ имущество и подаритъ еще сто верблюдовъ, если онъ покорится ему и приметъ исламизмъ. Малекъ согласился и съ собою привелъ еще нѣсколько племенъ, заявившихъ покорность Мухаммеду.

Это обстоятельство вызвало сильный ропотъ среди мусульманъ, такъ какъ непонятное для нихъ великодушіе Мухаммеда заставляло ихъ проститься со своей добычей, къ чему они были не особенно расположены: если не будетъ добычи, что же привлекательнаго въ исламизмѣ, стѣснительномъ для нихъ во многихъ отношеніяхъ? Такъ разсуждали между собой дикія племена.

Была еще и другая причина недовольства. при раздѣлѣ добычи, помимо положенной части, Мухаммедъ давалъ еще многимъ лишнее отъ себя. Большинство тѣхъ. кому онъ давалъ, были корайшиты, которыхъ онъ разсчитывалъ этимъ прочнѣе привязать къ себѣ, и это вызвало ропотъ среди ансаровъ. Мухаммедъ краснорѣчиво успокоилъ ихъ тѣмъ, что корайшитамъ онъ даетъ

---

[1]) W. Irving. Life of Mahomet p. 161.

лишь блага сего бреннаго мира, къ которымъ они такъ привязаны, а имъ, ансарамъ, которые увѣровали въ него и защищали его въ тяжелыя минуты, онъ отдаетъ самого себя, такъ какъ останется съ ними до конца своихъ дней.

По раздѣлѣ добычи, Мухаммедъ повернулъ къ Меккѣ, чтобы совершить паломничество, по выполненіи котораго онъ назначилъ Маадъ-ибнъ-Джабаля имамомъ для истолкованія народу догматовъ вѣры. Управленіе же городомъ онъ поручилъ Отабу, юношѣ восемнадцати лѣтъ, и послѣ этого возвратился въ Медину.

Когда онъ прибылъ къ селенію Аль-Абва, гдѣ была похоронена его мать, онъ почувствовалъ, какъ сердце его наполнилось тоской, но его собственный законъ воспрещалъ ему уваженіе къ могиламъ невѣрныхъ, какою была его мать. Онъ обратился съ мольбою къ небу объ уничтоженіи этого закона, и ему показалось, что для него сдѣлано исключеніе, и онъ пролилъ слезы на могилѣ своей матери Потомъ онъ сказалъ:

«Я просилъ у Бога позволить мнѣ посѣтить могилу моей матери, и это было дано мнѣ, я просилъ разрѣшить мнѣ молиться за нее, и въ этомъ мнѣ было отказано». [1]).

Вскорѣ послѣ возвращенія Мухаммеда въ Медину умерла дочь его Зейнабъ, и лишь рожденіе ему сына Маріей-Коптянкой утѣшило его въ этой потерѣ. Сынъ былъ названъ Ибрагимомъ, но онъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ относительно продленія рода, такъ какъ скоро умеръ...

По мѣрѣ того, какъ распространялось вліяніе Мухаммеда, Аравія все болѣе и болѣе объединялась и принимала видъ государства, и Мухаммеду уже приходилось поневолѣ выступать въ качествѣ государственнаго дѣятеля-организатора.

Одно племя за другимъ принимало исламизмъ и заявляло о своей покорности, и одинъ только Таифъ не хотѣлъ отказаться отъ поклоненія богинѣ Ал-латъ, которая до сего времени сумѣла защитить его отъ ига новой вѣры. Такефиты вѣрили въ неприступность своей крѣпости и поэтому не боялись Мухаммеда. Такъ оно и было до поры до времени. Когда же они оказались въ кольцѣ мусульманскихъ племенъ, и это кольцо все болѣе сжималось и сдавливало ихъ, они послали къ Мухаммеду просить о мирѣ.

Мухаммедъ соглашался удовлетворить ихъ просьбу при условіи перехода въ исламизмъ и неограниченнаго подчиненія. Посольство согласилось за себя, но выразило опасеніе, что ихъ племя сразу не согласится отказаться отъ старой вѣры, и они просили установить нѣкоторый срокъ, въ теченіе котораго такефитамъ еще будетъ позволено поклоняться богинѣ Ал-латъ. Но въ

---

[1]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 163.

этомъ имъ было отказано. Когда они просили освободить ихъ по крайней мѣрѣ отъ ежедневней молитвы, то и на эту просьбу имъ было отвѣчено отказомъ.

Въ Таифъ были посланы Абу Суфіанъ и Аль-Могэйра съ порученіемъ уничтожить капище богини Ал-латъ, что и было ими исполнено среди слезъ и жалобъ населенія.

Частью при помощи завоеванія, частью путемъ мирныхъ обращеній, Мухаммедъ мало по малу сдѣлался неограниченнымъ владыкой почти цѣлой Аравіи. Даже императоръ Гераклій сталъ, какъ будто, видѣть въ Мухаммедѣ болѣе, чѣмъ простого фанатика, воодушевленнаго религіозной реформой, и на границѣ своихъ владѣній собиралъ армію въ надеждѣ сокрушить своего новаго врага, если со стороны того ему будетъ грозить какая-нибудь опасность. Мухаммедъ хотѣлъ самъ предупредить его и предпринялъ экспедицію въ Сирію.

Такъ какъ экспедиція на этотъ разъ предстояла весьма продолжительная и серіозная, и вмѣстѣ съ тѣмъ требующая многочисленныхъ и сложныхъ приготовленій, то держать ее въ тайнѣ было невозможно. На этотъ разъ люди собирались подъ знамя Мухаммеда не такъ уже охотно, какъ прежде, такъ какъ война съ дисциплинированными римскими войсками сулила имъ мало хорошаго. Кромѣ того, стояло лѣто, и всѣ источники изсякли отъ жары; помимо этого, приближалось время сбора финиковъ, и люди нужны были дома. Только откровеніе о томъ, что жара ада еще сильнѣе, чѣмъ жара аравійскаго солнца, нѣсколько подняло совершенно упавшій духъ мусульманъ: стали собираться люди, и потекли пожертвованія. Въ концѣ концовъ составилась могущественная армія въ 10000 конныхъ и 20000 пѣшихъ воиновъ. Такого войска еще не видывала Аравія.

На время своего отсутствія Мухаммедъ назначилъ Али губернаторомъ Медины и покровителемъ своей семьи. Это назначеніе, хотя и весьма почетное, не было весьма пріятно для Али, который привыкъ всегда раздѣлять съ Мухаммедомъ опасность,— но дѣлать было нечего, приходилось безпрекословно повиноваться.

Часть отряда состояла изъ казраджитовъ, которыхъ Мухаммедъ называлъ лицемѣрами, подъ предводительствомъ Абдуллаибнъ-Обба. Вскорѣ же по выступленіи отряда, они потихоньку возвратились въ Медину и стали говорить Али, что Мухаммедъ оставилъ его въ Мединѣ лишь для того, чтобы избавиться отъ него. Огорченный Али отправился слѣдомъ за Мухаммедомъ и спросилъ его, правду ли говоритъ Обба. Мухаммедъ увѣрилъ его въ противномъ. сказавъ, что Али для него то же, что Ааронъ былъ для Моисея. и успокоенный Али вернулся домой.

Очень скоро уже послѣ выступленія, отрядъ Мухаммеда началъ таять, такъ какъ, увлеченные примѣромъ казраджитовъ, люди стали уходить, пугаясь съ первыхъ же дней обнаружившейся

трудности похода. Мухаммедъ внѣшнимъ образомъ совершенно спокойно относился къ этому дезертирству. Пожалуй, что онъ былъ правъ, такъ какъ тѣ, которые были на что-нибудь годны, скоро раскаялись въ своей слабости и вернулись къ отряду. Въ уходѣ же негоднаго элемента также была своя выгода, которую можетъ оцѣнить всякій военачальникъ.

Послѣ семи дней марша отрядъ достигъ гористой мѣстности, называемой Хаджеръ, обитаемой когда то самудитами. Отрядъ хотѣлъ расположиться на отдыхъ у ручья, но Мухаммедъ не пожелалъ оставаться въ этомъ грѣховномъ мѣстѣ, и весь отрядъ бросился бѣжать оттуда въ какомъ то паническомъ ужасѣ, словно за ними гнался страшный непріятель. Остановка на слѣдующую ночь была мученіемъ, такъ какъ отрядъ былъ совершенно безъ воды. Къ счастью, выпавшій на слѣдующій день дождь освѣжилъ все живое, и на другой день отрядъ добрался до Табука, границы римскихъ владѣній, на полдорогѣ между Меккой и Дамаскомъ. Здѣсь Мухаммедъ остановился лагеремъ и разослалъ начальниковъ отрядовъ по окрестностямъ, чтобы или привести народъ къ принятію исламизма, или же заставить его платить подать. Успѣхъ былъ полный.

Тѣмъ временемъ отрядъ успѣлъ отдохнуть отъ трудностей пути, и Мухаммедъ двинулся въ глубину Сиріи. Однако его спутники совершенно не раздѣляли его воинственнаго задора: имѣлись уже свѣдѣнія о собранныхъ въ Сиріи громадныхъ силахъ римлянъ. Недовольство было столь сильно и выражалось столь явно, что Мухаммедъ былъ вынужденъ собрать военный совѣтъ и поставить вопросъ: продолжать путь или нѣтъ? Голоса почти всѣхъ военачальниковъ были за оставленіе этого проекта, какъ не сулящаго никакого добра, и Мухаммедъ былъ принужденъ согласиться съ этимъ. Послѣ двадцати-дневнаго отдыха въ Табукѣ отрядъ возвратился въ Медину.

Если прямая цѣль этого похода осталась не выполненной, то все же его нельзя считать совершенно безрезультатнымъ, такъ какъ нѣсколько племенъ были приведены къ покорности и обратились въ исламизмъ.

Возвращеніе въ Медину было совершено въ высшей степени просто, безо всякой помпы, къ которой любили прибѣгать при прежнихъ возвращеніяхъ изъ удачныхъ походовъ. Тѣ, которые отказались при походѣ слѣдовать за арміей, подверглись нѣкотораго рода отлученію, такъ какъ Мухаммедъ запретилъ вѣрнымъ сообщаться съ ними. Но понемногу всѣ они были прощены. Только трое не получили прощенія, и всѣ они очень чувствовали тяжесть постигшаго ихъ наказанія, потому что всѣ мусульмане очень строго исполняли отданное Мухаммедомъ приказаніе и съ отлученными даже не разговаривали.

Вскорѣ послѣ возвращенія отряда въ Медину умеръ вождь «лицемѣровъ» Абдулла-ибнъ-Обба. Несмотря на то, что Мухаммедъ много потерпѣлъ отъ него, онъ навѣщалъ его до самой смерти и даже проводилъ его трупъ до кладбища, гдѣ молился за него,—это было сдѣлано для того, чтобы привлечь казраджитовъ на свою сторону.

Около того же времени произошли непріятности въ семейной жизни Мухаммеда. Хафса обвинила Мухаммеда въ неправильномъ распредѣленіи своего вниманія между женами, но потомъ помирилась съ нимъ на извѣстныхъ условіяхъ. Такъ какъ она ихъ не выполнила, чѣмъ вызвала цѣлую бурю въ гаремѣ, то Мухаммедъ развелся съ нею и разгнѣвался на своихъ остальныхъ женъ и проводилъ все время лишь съ Маріей Мухаммедъ умѣло воспользовался положеніемъ и, при помощи соотвѣтствующаго откровенія, до извѣстной степени эмансипировался отъ гаремной зависимости. Онъ вновь принялъ къ себѣ Хафсу, примирился съ Айшей и другими женами, но было замѣтно, что его предпочтеніе перешло уже къ Маріи, матери его послѣдняго ребенка.

Въ этомъ году у Мухаммеда было много дѣла, и самъ онъ никоимъ образомъ не могъ отправиться въ Мекку для совершенія паломничества, и онъ поручилъ Абу Бакру сопровожденіе каравана. Но не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ онъ со всею поспѣшностью отправилъ въ Мекку Али, чтобы объявить собравшимся тамъ новое откровеніе, только что полученное съ неба. Али прибылъ въ Мекку какъ разъ въ самый разгаръ празднествъ. Когда, послѣ жертвоприношенія въ долинѣ Мина, Абу Бакръ наставлялъ народъ въ догматахъ вѣры, на холмѣ Аль-Акаба появился Али и сказалъ, что онъ приходитъ вѣстникомъ Пророка и приноситъ важное откровеніе. Онъ прочиталъ это откровеніе, это была проповѣдь меча (Коранъ, сура IX), призывавшая мусульманъ къ избіенію невѣрныхъ, гдѣ бы они не встрѣтились, какъ только окончатся священные мѣсяцы.

Когда Абу Бакръ возвратилсе съ караваномъ въ Медину, онъ выразилъ Мухаммеду свое неудовольствіе по поводу того, что не ему была довѣрена почетная миссія возвѣстить новое откровеніе народу. Мухаммедъ успокоилъ его тѣмъ, что сказалъ, что новыя откровенія будутъ возвѣщаться или имъ самимъ, или членами его семьи.

Это послѣднее откровеніе произвело свое дѣйствіе, и въ Медину одинъ за другимъ начали прибывать посланцы непокорившихся еще до сихъ поръ племенъ съ выраженіемъ покорности. За короткое сравнительно время покорность выразили слѣдующія племена.

1) Бэни-амиръ, родственное хавазинамъ племя, обитавшее въ провинціи Наджд.

2) Бэни-Абд-уль-Кансъ—изъ Бахрейна; многіе изъ племени до обращенія въ исламизмъ были христіанами.

3) Бэни-ахмасъ—изъ Іемена.

4) Бэни-аназа—потомки моадитовъ.

5) Бэни-асадъ.

6) Бэни-аздъ—изъ Іемена, потомки аздитовъ; они составляли вѣтвь кахтанскаго племени.

7) Бэни-аздъ-оманъ.

8) Бэни-бабила или иначе Бэни-саадъ-манатъ: потомки Гатафана, моадитскаго племени.

9) Бэни-бахра: вѣтвь племени хузаа гиміарскаго племени.

10) Бэни-раджила: изъ племени кахтанитовъ, обитали въ Іеменѣ.

11) Бэни-бака изъ центра Аравіи, вѣтвь племени Бэни-Амиръ-бинъ-саса.

12) Бэни-Бакръ-бинъ-Вайлъ: обитали въ провинціи Ямама и на берегахъ Персидскаго залива, изъ моадитовъ.

13) Бэни-бали, изъ племени гиміаритовъ.

14) Бэни-барикъ, подраздѣленіе хузаа.

15) Бэни-дари, кланъ племени Лахмъ.

16) Фарва, арабъ изъ племени Бэни-джазамъ, возвѣстившій письмомъ объ обращеніи племени въ исламизмъ.

17) Бэни-фезара—приняли исламизмъ при возвращеніи Мухаммеда изъ Табука.

18) Бэни-гафикъ, изъ кахтаниковъ.

19) Бэни-ганимъ, подраздѣленіе племени Аздъ изъ Іемена.

20) Бэни-Гассанъ, кахтанитское племя, принявшее это имя послѣ выселенія изъ Хэджаса въ Сирію, родственно Бэни-аздъ.

21) Бэни-хамаданъ, кахтанитское племя, обитавшее въ восточной части Іемена.

22) Бэни-ханифа, христіанская вѣтвь племени Бэни-Бакръ, обитавшая въ провинціи Ямама.

23) Бэни Харисъ, изъ Наджрана

24) Бэни-хилаль-бинъ-Амиръ-бинъ-саса, гатафаниты.

25) Бэни-гиміаръ, изъ Іемена, племя, описанное въ Введеніи.

26) Бэни-джадъ, или вѣтвь племени Бэни-Амиръ или кланъ племени Лахмъ.

27) Бэви-Джафиръ-бинъ-Келабъ-бинъ-Рабія, подраздѣленіе Бэни-Амиръ-бинъ-саса.

28) Джеффръ-бинъ-аль-Джеланди, правитель Омана, принявшій исламизмъ со своимъ народомъ въ теченіе 8 и 9-го годовъ геджры.

29) Бэни-Джохэйна.

30) Бэни-джуфи, потомки кахтанитовъ, изъ Іемена.

31) Бэни-Кальбъ, вѣтвь племени Бэни-хузаа, обитали на сѣверѣ Аравіи.

32) Бэни-Хасамъ-бинъ-Анмаръ, іеменскіе кахтаниты.
33) Бэни-хауланъ, тоже.
34) Бэни-килабъ, кланъ хавазинскаго племени.
35) Бэни-кенана, моадиты.
36) Бэни-кинда, кахаланиты.
37) Бэни-Махра, кланъ племени Озра, вѣтви хузаа.
38) Бэни-мухарибъ, моадитскіе гатафаниты.
39) Бэни-мурадъ, кахтаниты съ побережья Іемена.
40) Бэни-мунтафикъ, вѣтвь племени Амиръ-бинъ-саса.
41) Бэни-мурра, вѣтвь Зобіанъ.
42) Бэни-накха, іеменскіе кахтаниты.
43) Бэни-нохдъ, изъ племени хузаа.
44) Бэни-озра, подраздѣленіе хузаа, обитали въ Сиріи.
45) Бэни-раха, іеменскіе кахтаниты.
46) Бэни-раваза, кланъ племени Амиръ-бинъ-саса.
47) Бэни-садъ-хозеймъ, вѣтвь племени хузаа.
48) Бэни-садифъ, кахтаниты Іемена.
49) Бэни-садусъ, кланъ племени Бэни-ханифа.
50) Бэни-сахимъ, кланъ племени Бэни-шайбанъ.
51) Бэни-сакифъ, подраздѣленіе хавазиновъ.
52) Бэни-саламани, изъ племени хузаа.
53) Бэни-шайбанъ, отвѣтвленіе Бакръ-бинъ-Вайль.
54) Бэни-сода, іеменскіе кахтанины.
55) Бэни-таглибъ, моадиты мекканскаго происхожденія.
56) Бэни-таджибъ, кланъ Кинда.
57) Бэни-тамимъ, маадиты.
58) Бэни-тай, іеменскіе кахтаниты.
59) Бэни-зобэидъ, кахтаниты съ побережья Іемена. [1]).

Къ тѣмъ, кто не шелъ самъ, Мухаммедъ, все болѣе чувствовавшій себя владыкой, посылалъ своихъ военачальниковъ во главѣ болѣе или менѣе значительныхъ отрядовъ.

Въ одну экспедицію, въ Южную Аравію, былъ отправленъ Али, которому Мухаммедъ далъ такой завѣтъ: «когда передъ тобой двѣ стороны, никогда не высказывайся въ пользу одной, не выслушавъ другую. Когда Али пришелъ въ Іеменъ и сталъ проповѣдывать истину кораническаго ученія, то въ награду за свое краснорѣчіе получилъ лишь градъ дротиковъ и стрѣлъ. Тогда онъ схватился за свой вѣрный и болѣе, чѣмъ ораторское искусство, сродный ему мечъ, который не измѣнилъ ему и на этотъ разъ.

Успѣхъ такимъ образомъ былъ всюду, и Мухаммедъ долженъ былъ бы почитать себя счастливѣйшимъ изъ людей, если бы его не постигло тяжелое семейное горе,—умеръ его един-

---

[1]) Mav Cheragh Ali. Critical exposition of djihad Intr. pp. 52—58.

ственный сынъ Ибрагимъ. Эта смерть произвела весьма сильное впечатлѣніе на Мухаммеда и окончательно подорвала его здоровье, уже разстроенное хайбарской отравой. Чувствуя, какъ здоровье становится все болѣе и болѣе ненадежнымъ, Мухаммедъ рѣшилъ воспользоваться остающимся ему временемъ для совершенія прощальнаго паломничества.

Когда слухъ о намѣреніи Мухаммеда отправиться въ Мекку распространился среди мусульманъ, то масса народа пожелала сопровождать его, въ Медину потянулись богомольцы со всѣхъ сторонъ Аравіи.

Выступившій въ путь караванъ былъ очень великъ,—онъ насчитывалъ не менѣе 60000 человѣкъ, а нѣкоторые считаютъ эту цифру даже вдвое меньше дѣйствительной. Мухаммеда сопровождали его девять женъ. На первой же остановкѣ Мухаммедъ и его спутники сняли съ себя оружіе и боевые доспѣхи и надѣли одежду паломниковъ. Караванъ подвигался безпрепятственно, такъ какъ болѣе уже не было враговъ, и исламизмъ распространился по всему полуострову. Черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія каравана въ Мекку, туда же явился и Али изъ Іемена.

Такъ какъ это послѣднее паломничество приняло въ глазахъ Мухаммеда значеніе примѣра для всѣхъ вѣрныхъ, то онъ строго соблюдалъ всѣ обряды и церемоніи. Лишь по слабости своего здоровья онъ былъ принужденъ обходъ вокругъ Каабы совершить сидя на верблюдѣ, равно какъ и бѣгъ между горами Сафа и Марва.

По совершеніи этого, Мухаммедъ отправился къ горѣ Арафатъ, произнесъ тамъ рѣчь, которую тотчасъ же подхватывалъ и выкрикивалъ одинъ изъ корайшитовъ, чтобы толпа, собравшаяся на склонѣ холма, могла слушать поученіе Пророка. Эта проповѣдь, сохраненная преданіемъ и получившая названіе Нагорной, резюмировала важнѣйшія заповѣди, вошедшія въ Коранъ, и настойчиво повторяла о справедливости, гумманности, снисхожденіи и братствѣ между всѣми мусульманами, хорошемъ обращеніи съ женщинами и честности въ гражданскихъ отношеніяхъ.

« Я оставляю вамъ, сказалъ въ заключеніе Мухаммедъ,—законъ, который предохранитъ васъ отъ заблужденія, законъ ясный и точный, книгу ниспосланную свыше», и закончилъ свою рѣчь восклицаніемъ: «О Боже! выполнилъ ли я миссію свою?» Да, ты выполнилъ ее, единогласно отвѣтила толпа. [1]).

По окончаніи проповѣди Мухаммедъ собственной рукой убилъ 63 верблюдовъ и освободилъ 63 рабовъ—по одному за каждый годъ своей жизни; Али закололъ тридцать семь верблюдовъ и отпустилъ такое же число рабовъ.

---

[1]) Коранъ, пер. Николаева, стр. 29.

Предчувствуя, что это путешествіе уже послѣднее, Мухаммедъ рѣшилъ дольше пробыть въ Меккѣ и какъ можно лучше внушить всѣмъ ученіе ислама: онъ очень часто говорилъ проповѣди съ Каабы или со спины верблюда. Въ одной изъ этихъ проповѣдей онъ спеціально поручалъ Али любви вѣрующихъ. Вскорѣ послѣ этого Мухаммедъ распростился съ Меккой и отправился въ обратный путь.

Болѣе ничто уже не должно было остановить движеніе исламизма,—ни смерть его основателя, ни даже серіозные конфликты, которые неминуемо должны были возникнуть между тѣми, кто будетъ призванъ получить тяжелое наслѣдство въ достоинствѣ одновременно и духовнаго и временнаго главы новаго государства. По этому поводу удивлялись, что Мухаммедъ ясно не указалъ своего непосредственнаго преемника или не установилъ по крайней мѣрѣ порядка для выбора такового. Однако если немного поразмыслить, приходится признать, что молчаніе Мухаммеда въ данномъ случаѣ было самымъ благоразумнымъ рѣшеніемъ вопроса. Не приходится сомнѣваться, что непосредственный выборъ замѣстителя, сдѣланный самимъ Мухаммедомъ, естественно остановился бы на одномъ изъ четырехъ лицъ его ближайшей свиты. Такъ потомъ и было, такъ какъ всѣ эти четыре лица и были впослѣдствіи призваны къ высшей власти подъ именемъ халифовъ. Но вопросъ,—кого было взять первымъ, кому отдать предпочтеніе? Какъ это сдѣлать такъ, чтобы не обидѣть другихъ? У всѣхъ были извѣстныя достоинства и извѣстные недостатки. [1]).

Предчувствія Мухаммеда оправдались, такъ какъ здоровье его слабѣло съ каждымъ днемъ все больше и больше. Это однако не мѣшало развиваться воинственнымъ замысламъ, и онъ усердно обдумывалъ экспедицію въ Сирію и Палестину.

Послѣдніе дни его жизни были отмѣчены появленіемъ трехъ лжепророковъ, одинъ изъ которыхъ былъ уничтоженъ очень быстро, а два другихъ пережили Мухаммеда. О нихъ приходится сказать нѣсколько словъ, такъ какъ они стремились оспаривать у Мухаммеда власть въ Аравіи и частично и временно имѣли въ этомъ успѣхъ.

Первый былъ Айхала-ибнъ-Каабъ, по прозвищу Аль Асвадъ, т. е. Черный, другой былъ извѣстенъ подъ именемъ Мусейлима, и третій былъ Талайха-ибнъ-Хувайлидъ.

Аль-Асвадъ былъ сначала идолопоклонникомъ, потомъ принялъ исламизмъ, отъ котораго скоро отказался, чтобы создать свою собственную религію и присвоить себѣ званіе пророка. Онъ говорилъ, что онъ получаетъ откровенія съ неба при помощи двухъ ангеловъ. Онъ занимался магіей и показывалъ толпѣ раз-

[1]) O. Houdas. L'islamisme. p. 59.

личные фокусы, называя ихъ чудесами, и толпа вѣрила ему и его необыкновенной силѣ Одно время онъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, такъ какъ умѣлъ дѣйствовать на умы арабовъ. Іеменъ одно время былъ въ его власти.

Чувствуя опасность и сознавая, что все дѣло зависѣло въ сущности отъ одного человѣка, Мухаммедъ отправилъ двухъ человѣкъ, поручивъ имъ такъ или иначе сдѣлать Аль-Асвада безвреднымъ. Оба посланные, выборъ которыхъ едва ли былъ случайнымъ, приходились родственниками убитымъ Аль-Асвадомъ людямъ, и ими руководило не столько религіозное рвеніе, сколько желаніе отомстить за пролитую кровь. Прокравшись въ спальню Асвада, при содѣйствіи жены его, они убили его, и вновь въ Іеменѣ было водружено знамя Мухаммеда Все произошло въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и народъ вновь принялъ исламизмъ съ тою же легкостью, съ которой только что передъ этимъ оставилъ его.

Второй лжепророкъ, Мусейлима былъ правителемъ провинціи Ямама. Его настоящее имя было Абу-Сумама Харанъ ибнъ-Хабибъ. [1]). Въ девятомъ году геджры онъ лично передъ Мухаммедомъ въ Меккѣ исповѣдалъ вѣру. Возвратясь изъ Мекки домой, онъ заявилъ, что и самъ онъ надѣленъ пророческимъ даромъ, и что Богъ поручилъ ему содѣйствовать Мухаммеду въ обращеніи человѣчества на путь истины. Онъ составилъ свой Коранъ. У него также нашлись приверженцы, что еще понятнѣе, такъ какъ онъ не только не отрицалъ Мухаммеда, но себя ставилъ какъ бы на второе мѣсто послѣ него, называя себя его помощникомъ. Однако онъ очень скоро показалъ себя въ настоящемъ свѣтѣ. Онъ отправилъ Мухаммеду письмо, въ которомъ говорилось между прочимъ. «Отъ пророка Аллаха Мусейлимы къ пророку Аллаха Мухаммеду! Приходи и раздѣлимъ міръ,—пусть половина будетъ твоя и половина моя». На это Мухаммедъ, въ ожиданіи дальнѣйшаго, ограничился пока отвѣтомъ: «Отъ Мухаммеда, Пророка Бога къ Мусейлимѣ-лжепророку! Земля принадлежитъ Богу, и Онъ даетъ ее тѣмъ изъ Своихъ слугъ, кого находитъ достойнымъ. Счастливы тѣ, которые живутъ въ страхѣ Божіемъ» [2]). Такъ какъ самъ Мухаммедъ былъ пока занятъ другими дѣлами, то онъ не могъ наказать лжепророка. Какъ говорятъ преданія, вскорѣ вслѣдъ за посылкой письма, Мусейлима и самъ являлся въ Медину. Онъ говорилъ: «Если Мухаммедъ желаетъ сдѣлать меня своимъ преемникомъ, то я послѣдую его ученію». Мухаммедъ подошелъ къ нему въ сопровожденіи Сабита-бинъ-Каисъ-бинъ-Шаммаса, и въ рукахъ онъ держалъ кусокъ

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. 109.
[2]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 184.

пальмовой вѣтви. Остановившись передъ Мусейлимой, который былъ окруженъ своими спутниками, Пророкъ сказалъ: «Если бы ты просилъ у меня кусокъ этой вѣтви, то и этого я не далъ бы тебѣ. Ты не ускользнешь отъ власти Бога. Если ты отвратишься отъ меня, то Богъ конечно погубитъ тебя» [1]).

Третій лжепророкъ былъ уничтоженъ во время халифата Абу-Бакра [2]).

Въ началѣ одиннадцатаго года геджры могущественная армія была готова къ походу въ Сирію. Командованіе этой арміей было поручено Асама, всего двадцатилѣтнему юношѣ, а не кому-нибудь изъ старыхъ опытныхъ воиновъ, въ которыхъ однако у Мухаммеда не было недостатка. Вѣрнѣе всего, какъ можно заключить изъ словъ самого Мухаммеда, выборъ былъ сдѣланъ изъ признательности къ памяти Заида, сыномъ котораго былъ Асама. Боясь, что войска откажутся повиноваться такому молодому человѣку, передъ выступленіемъ отряда Мухаммедъ сдѣлалъ смотръ ему и убѣждалъ войска хранить повиновеніе своему вождю, такъ какъ лишь такимъ образомъ Асама можетъ отомстить за смерть своего отца, павшаго въ битвѣ при Мута. Повиновеніе было обѣщано, и армія въ тотъ же день выступила въ походъ и дошла до Джорфа, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Медины. Обстоятельства, о которыхъ дальше будетъ рѣчь, помѣшали дальнѣйшему ея движенію.

Въ ночь, послѣдовавшую за выступленіемъ отряда, у Мухаммеда былъ сильный приступъ болѣзни. Онъ просилъ раба проводить его на кладбище, гдѣ онъ совершилъ молитвы за умершихъ, послѣ чего сказалъ рабу: «мнѣ предоставлено выбрать—остаться на землѣ до скончанія вѣковъ или же скорѣе возвратиться къ Богу, и я выбралъ это послѣднее». [3]).

Послѣ этого приступа болѣзнь быстрыми шагами пошла впередъ. Умирая Мухаммедъ заповѣдалъ окружающимъ его изгнать изъ Аравіи всѣхъ идолопоклонниковъ, сравнять съ собою въ правахъ всѣхъ обращенныхъ въ исламизмъ и непрестанно молиться.

Незадолго передъ смертью произошло одно обстоятельство, которое хотя и прошло какъ бы незамѣченнымъ, является тѣмъ не менѣе симптоматическимъ. Въ одинъ изъ предсмертныхъ пароксизмовъ Мухаммедъ просилъ принести ему письменныя принадлежности, желая что то продиктовать, и окружающіе его, отойдя немного въ сторону, стали спорить между собою о томъ, надо ли исполнять это приказаніе или нѣтъ, такъ какъ продиктованное

[1]) As-Sahih. v. II p. 573

[2]) Ameer Ali. Idem p. 109.

[3]) Коранъ, пер. Николаева, стр. 30, 31.

Мухаммедомъ въ болѣзненномъ состояніи могло бы оказаться въ противорѣчіи съ ученіемъ Корана. Мухаммедъ слышалъ этотъ споръ и сказалъ, что нехорошо препираться около Пророка, но больше уже своей просьбы не повторилъ. Надо думать, что высказанное ему передъ смертью недовѣріе тяжело подѣйствовало на его и безъ того уже угнетенный духъ.

Чувствуя себя все хуже и хуже, онъ помѣстился въ покояхъ своей жены Айши и далъ самыя точныя указанія относительно обряда своего погребенія. «Когда вы омоете меня и обернете въ саванъ», говорилъ онъ своимъ родственникамъ,—«положите меня на этой постели на край могилы, которая должна быть вырыта въ этой самой комнатѣ и на томъ мѣстѣ, гдѣ я нахожусь теперь. Затѣмъ вы оставите меня одного, пока Гавріилъ и всѣ небесные ангелы будутъ молиться надо мной, послѣ того вы войдите и сами помолитесь надо мною, сначала моя семья, а потомъ и всѣ мусульмане» [1]).

Въ пятницу Мухаммедъ не могъ уже самъ пойти въ мечеть для совершенія молитвы и поручилъ Абу Бакру замѣнить себя. Абу Бакръ трижды отказывался отъ этой чести, но вынужденъ былъ исполнить приказаніе. Когда народъ увидалъ входящаго на кафедру Абу Бакра, произошло большое волненіе, такъ какъ всѣ думали, что Мухаммедъ уже умеръ. Тогда Мухаммедъ показался въ дверяхъ мечети, опираясь на плечи Али и Аль-Аббаса. Онъ обратился къ народу со слѣдующими словами:

«Я слышалъ, что слухъ о смерти вашего Пророка поселилъ среди васъ смятеніе. Но развѣ какой-нибудь изъ пророковъ, бывшихъ раньше меня, жилъ вѣчно? Или вы думаете, что я никогда не покину васъ? Все совершается по волѣ Бога и въ назначенный часъ, и этого времени нельзя ни ускорить, ни замедлить. Я возвращаюсь къ пославшему меня. Мое послѣднее приказаніе вамъ—оставаться объединенными, любить, почитать и поддерживать другъ друга. Подкрѣпляйте другъ друга въ вѣрѣ и постоянствѣ исповѣданія и совершеніи добрыхъ дѣлъ: лишь этимъ только преуспѣваетъ человѣкъ, а все прочее ведетъ къ разрушенію». И онъ еще прибавилъ: «Я долженъ уйти раньше васъ, и вы скоро послѣдуете за мною. Смерть ожидаетъ всѣхъ насъ,—пусть же никто изъ васъ не ищетъ, какъ бы отвратить ее отъ меня. Моя жизнь была для вашего блага, такова же будетъ и моя смерть». Это были послѣднія слова, произнесенныя имъ публично. Послѣ этого Али и Аббасъ отвели его обратно въ комнату Айши. [2]).

На слѣдующій день Мухаммедъ совершенно неожиданно почувствовалъ себя настолько хорошо, что всѣ окружающіе его мог-

[1]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 188.
[2]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 188.

ли заняться своими дѣлами, и съ нимъ оставалась одна только Айша. Но внезапно онъ почувствовалъ приближеніе смерти и немедленно сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ рабы были отпущены на свободу, и чтобы всѣ деньги, которыя были въ домѣ, были розданы бѣднымъ. Айша тотчасъ же послала за отцомъ и Хафсой. Она все время поддерживала на колѣняхъ голову Мухаммеда и старалась умѣрить его предсмертную агонію. Наконецъ онъ произнесъ нѣсколько отдѣльныхъ словъ, изъ которыхъ послѣднимъ было. «да будетъ такъ!» и умеръ.

Это случилось 12-го раби-уль-аввaля 632 года, т. е. въ одиннадцатый годъ геджры. [1]).

Рыданія и крики Айши привлекли къ ея комнатѣ другихъ женъ Мухаммеда, и скоро весь городъ узналъ о смерти своего Пророка Народъ былъ пораженъ, словно случилось что то необыкновенное и неожиданное, и точно эта смерть представлялась чѣмъ то невѣроятнымъ или по крайней мѣрѣ очень отдаленнымъ. Всѣ общественныя занятія были прекращены. Отправленная въ Сирію армія получила приказаніе немедленно возвращаться обратно, и Асама воткнулъ полученное отъ Мухаммеда знамя передъ его дверью. Народъ толпился передъ домомъ, и многіе не хотѣли вѣрить совершившемуся факту. «Какъ онъ можетъ умереть? говорили они,—развѣ онъ не посредникъ нашъ съ Богомъ? Какъ же тогда онъ могъ умереть? Это всевозможно! Онъ лишь въ забытьѣ, и онъ перенесенъ на небо подобно Исѣ и многимъ другимъ пророкамъ». [2]). И раздавались голоса, что не надо предавать тѣло землѣ. Въ это время прибылъ Омаръ, который еще больше увеличилъ волненіе. Пробиваясь черезъ толпу съ мечомъ въ рукахъ, онъ говорилъ, что отрубитъ руки и ноги каждому, кто будетъ увѣрять. что Мухаммедъ умеръ. Онъ говорилъ, что Мухаммедъ лишь ушелъ на нѣкоторое время, но что онъ вернется подобно Моисею.

Черезъ нѣкоторое время, по счастью, прибылъ Абу Бакръ, который совершенно не одобрилъ дѣйствій Омара. Онъ вошелъ въ домъ, поцѣловалъ мертвое лицо Мухаммеда, покрылъ его, и, выйдя назадъ къ народу, сказалъ ему, что Мухаммедъ дѣйствительно умеръ, такъ какъ онъ былъ только пророкъ и долженъ былъ раздѣлить участь всѣхъ земныхъ пророковъ, т. е. умереть, какъ о томъ говорится и въ Коранѣ, что самъ Пророкъ умретъ, но что вѣра останется, и что въ ней лишь спасеніе для будущей жизни.

Наконецъ народъ, а съ нимъ и Омаръ повѣрили въ эту смерть, но все же не могли легко съ нею примириться.

---

[1]) Относительно этой даты существуетъ споръ.

[2]) W. Irving. Idem. p. 189.

Тѣло было обмыто и надушено всякими ароматами, послѣ чего было выставлено для публичнаго поклоненія. Такъ продолжалось три дня. Относительно мѣста погребенія произошелъ споръ, такъ какъ мекканцы и мединцы оспаривали другъ у друга эту честь. Наконецъ, третьи говорили, что погребеніе должно имѣть мѣсто въ Іерусалимѣ, мѣстѣ упокоенія пророковъ. Абу Бакръ разрѣшилъ этотъ споръ, сказавъ, что воля пророка относительно погребенія была выражена совершенно ясно, и что онъ долженъ быть погребенъ тамъ, гдѣ онъ умеръ. И это было выполнено въ точности. Такъ окончилась жизнь человѣка, имя котораго, осѣненное ореоломъ, живетъ въ благоговѣйной памяти его многочисленныхъ послѣдователей.

Какъ передаютъ ранніе біографы Мухаммеда, и какъ его изображаютъ разсказы его современниковъ, сохранившіеся въ преданіи, онъ отличался спокойнымъ и ровнымъ характеромъ, и, хотя иногда былъ склоненъ и къ шуткѣ, но вообще былъ весьма серіозенъ и даже суровъ. Однако эта суровость не оставляла никакого слѣда, какъ только его лицо освѣщалось мягкой улыбкой.

Его интеллектуальныя качества были несомнѣнно очень высоки. Онъ отличался быстрымъ соображеніемъ, прочной памятью, живымъ воображеніемъ и находчивостью. Не получивъ никакого образованія, онъ развилъ свой умъ наблюденіемъ. Онъ отличался наклонностью къ мечтательности и рѣшенію религіозныхъ вопросовъ. Какъ большинство арабовъ, онъ отличался краснорѣчіемъ.

Онъ былъ весьма умѣренъ въ питаніи, велъ воздержаную и трезвую жизнь и весьма мало занимался своею внѣшностью, преслѣдуя главнымъ образомъ лишь одну чистоту. Хотя въ этомъ отношеніи у него была одна слабость, о которой намъ сообщаютъ преданія,—онъ очень любилъ духи и употреблялъ ихъ во всякое время. Одежда его всегда бывала въ высшей степени проста, и онъ запретилъ употребленіе шелковыхъ одеждъ, равно какъ ношеніе золотыхъ колецъ. Самъ онъ носилъ одно серебреное кольцо съ надписью «Мухаммедъ апостолъ Бога», которое служило ему печатью. Будучи воздержанымъ, онъ тѣмъ не менѣе по природѣ былъ сластолюбивъ, и, по собственному его выраженію, двѣ вещи въ этомъ мірѣ всего больше привлекали его,—женщины и благоуханія. [1]). Число женъ у Мухаммеда было 14 или 15, но одновременно не было болѣе одиннадцати.

Въ частной жизни Мухаммедъ былъ справедливъ и ровенъ со всѣми: хотя онъ былъ раздражителенъ и вспыльчивъ, но онъ обладалъ громадной выдержкой и былъ отходчивъ.

При оцѣнкѣ интеллектуальныхъ способностей Мухаммеда приходится сталкиваться съ самыми противорѣчивыми мнѣніями.

[1]) W. Irving. Life of Mahomet. p. 195.

Однако громадное большинство склонно видѣть въ немъ весьма уравновѣшенный умъ: онъ видѣлъ вещи въ настоящемъ ихъ свѣтѣ, равно какъ и оцѣнивалъ людей въ ихъ истинную цѣну «Лишь по отношенію къ Богу это былъ неразмышляющій энтузіастъ.

Въ проповѣдываемой имъ религіи можно найти двѣ характерныя черты его ума: понятіе о Богѣ такъ высоко, какъ только можетъ быть, тогда какъ практическія обязанности религіи по большей части имѣютъ совершенно реалистическій характеръ» [1]).

Смерть Мухаммеда была образцомъ смиренія. Обратившись къ собравшемуся народу, онъ сказалъ: «если среди васъ есть кто нибудь, кого я ударилъ,—вотъ моя спина, пусть ударитъ меня. Если среди васъ есть кто-нибудь, кому я сказалъ грубое слово,—пусть онъ осыпетъ меня упреками. Если среди васъ есть кто-нибудь, у кого я взялъ что-либо несправедливо, пусть выйдетъ впередъ, и ему будетъ возмѣщено». [2]). Легенда прибавляетъ къ этому еще слѣдующее. ....Услышавъ эти слова, Окаша воскликнулъ: «О Пророкъ Господа! Когда однажды мы шли съ тобою вмѣстѣ, ты безъ всякаго повода ударилъ меня плетью по спинѣ Я никогда бы не сталъ искать возмѣщенія за это, но, разъ ты такъ категорически приказалъ это. я почувствовалъ, что я долженъ объявить объ этомъ дѣлѣ. Пророкъ отвѣтилъ на это: «Да будетъ милость Господа на тебѣ, Окаша! Ты желаешь возмѣщенія?».

— «Да, о, апостолъ Бога»!

«Тогда благословенный Мухаммедъ приказалъ Билалю пойти въ жилище Фатимы, сказавъ ему: «принеси мнѣ оттуда плеть, которую я обыкновенно беру съ собою въ экспедиціи» Билаль, пораженный и опечаленный этимъ, отправился въ жилище этой благородной женщины и принесъ оттуда плеть. Тогда Пророкъ подалъ ее Окашѣ и сѣвши водворѣ мечети, сказалъ: «Да будетъ милость Господа на тебѣ, Окаша! Получи свое возмѣщеніе,—не бойся и не щади». Принявъ плеть, Окаша приготовился наносить удары Пророку. Но страшный шумъ, подобный шуму дня суда, поднялся среди собравшейся толпы. Одинъ за другимъ спутники Пророка выходили впередъ и упрекали Окашу за его не знающую страха дерзость—бить Мухаммеда, посланника Божія, который еще кромѣ того находится въ такомъ немощномъ состояніи и готовится къ небесному путешествію. И они предложили вмѣсто него принять тысячу ударовъ, но Окаша замѣтилъ, что Господомъ не допущены подобныя замѣщенія черезъ довѣрителей. Наконецъ Мухаммедъ въ нетерпѣніи воскликнулъ: «Оканчивай скорѣе свое дѣло, Окаша,—Богъ запретилъ пока смерти похитить

---

[1]) O. Houdas. L' islamisme. p p 68, 69.
[2]) W. Irving. Life of Mahomet p. 187.

меня, чтобы этотъ долгъ не остался за мною на вѣчныя времена».

«Окаша сказалъ на это.

— О, благословенный Господомъ! когда ты билъ меня, я былъ нагъ, а ты теперь покрытъ одеждой».

«Тогда благословенный Пророкъ снялъ свою одежду, и тотчасъ же всѣми присутствующими овладѣла глубокая тоска, и послышались жалобные стоны. Тогда ближайшіе къ трону ангелы стали просить Бога о милосердіи... Окаша поднялся и поцѣловалъ печать пророчества—знакъ апостольской миссіи и послѣ этого сказалъ:

— «О возлюбленный Богомъ! самымъ горячимъ моимъ желаніемъ было удостоиться блаженства взглянуть при твоей кончинѣ на печать пророчества. И благодаря этой хитрости я удостоился этого счастья Ни ты никогда не тронулъ меня плетью, ни я никогда не рѣшился бы на то, чтобы просить о возмѣщеніи».

«Тогда Пророкъ призвалъ благословеніе Бога на Окашу и возвратился въ свой домъ» [1]).

Смиренный проповѣдникъ сохранилъ свою простоту даже послѣ того, какъ сдѣлался могущественнымъ правителемъ Аравіи и вершителемъ судебъ всей націи.

Таковъ былъ нравственный обликъ человѣка, котораго одни зовутъ пророкомъ Божіимъ, другіе ловкимъ обманщикомъ. Эти рамки слишкомъ широки для того, чтобы между ними не нашлось мѣста для какой нибудь промежуточной оцѣнки.

«Судимый человѣческимъ судомъ и какъ человѣкъ, Мухаммедъ долженъ быть признанъ достигшимъ той славы, какою не пользовался ни одинъ изъ смертныхъ. черезъ тринадцать слишкомъ вѣковъ послѣ его смерти каждое его слово, каждое движеніе, сохраненныя благоговѣйною памятью преданія, являются примѣромъ подражанія всѣхъ мусульманъ земного шара». [2]).

Но не легко для всякаго исповѣдывающаго другую религію составить безпристрастное мнѣніе о той роли, которую сыгралъ основатель ислама Сужденія тѣхъ, кто отрицаетъ истинность выраженныхъ Мухаммедомъ притязаній, были, да вѣроятно и впредь будутъ, весьма различны. Лютеръ смотрѣлъ на него, какъ на дьявола и первороднаго сына сатаны. Мягкій Меланхтонъ считалъ, что Мухаммедъ былъ вдохновленный сатаной, такъ какъ онъ не объясняетъ, что такое грѣхъ, и не указываетъ причины человѣческихъ страданій. Марачи, со стороны папы, держался того мнѣнія, что мусульманство и лютеранство не особенно разнятся другъ

---

[1]) Sir W. Muir. Muhammadan controversy. pp. 84, 85.

[2]) Stobart. Islam. p. 222.

отъ друга, о чемъ свидѣтельствуютъ иконокластическія тенденціи той и другой религіи. Спангеймъ и Гербело были весьма щедры на такіе эпитеты, какъ «злой обманщикъ», «малодушный лицемѣръ», и т. п. Придо называетъ его сознательнымъ и умышленнымъ обманщикомъ съ начала до конца, который, съ цѣлью достигнуть высшей власти, изобрѣлъ злой обманъ и сумѣлъ увѣнчать его съ такимъ громаднымъ успѣхомъ. Мухаммедъ обвиняется въ томъ, что, при приведеніи въ исполненіе своихъ замысловъ, онъ оставилъ грѣховный образъ жизни и повелъ жизнь отшельника съ цѣлью заслужить репутацію святости еще до того времени, какъ онъ выдалъ себя за пророка; что съ своими соучастниками онъ создалъ Коранъ въ пещерѣ, разсказывая, что онъ уходилъ туда для поста и молитвы. [1])

Но вѣдь все это повторялось еще и при жизни Мухаммеда, все это говорилось ему въ глаза и въ присутствіи его послѣдователей, вѣра которыхъ отъ того не поколебалась. Вѣдь отъ его ученія предостерегали всѣхъ открыто, но ни преслѣдованія, ни пытки не задержали роста религіи, такъ какъ въ насиліи мало убѣдительности, а вѣра, которой преданы искренно, даетъ силы терпѣть Такъ что всѣ выше приведенныя обвиненія не имѣютъ по крайней мѣрѣ цѣнности новизны. И потомъ, какъ можно допустить 23 года сознательнаго и заранѣе обдуманнаго обмана, который никѣмъ не былъ открытъ, и который увѣнчался такимъ успѣхомъ, что теперь на земномъ шарѣ насчитывается по крайней мѣрѣ 230 милліоновъ мусульманъ? Трудно допустить возможность подобной симуляціи. Если Мухаммедъ не былъ пророкомъ Бога, какъ онъ называлъ себя самъ, и за какового почитаютъ его всѣ мусульмане, то онъ не былъ и умышленнымъ обманщикомъ. Изложеніе основъ вѣры ислама покажетъ внимательному и безпристрастному читателю, что Богъ Мухаммеда, хотя и единый, не былъ Единымъ Богомъ христіанъ. Много было причинъ для того, (и мы постараемся указать ихъ по мѣрѣ развитія исламическихъ доктринъ), чтобы силы Мухаммеда для понятія истиннаго Бога оказались недостаточными. Онъ не зналъ Его и кромѣ упоминаемыхъ въ Коранѣ многочисленныхъ аттрибутовъ, часто противорѣчивыхъ, порою мало соотвѣтствующихъ Высшему Существу, онъ избѣгалъ говорить о Немъ, и въ преданіяхъ мы не находимъ объ этомъ почти ничего. Но онъ не хотѣлъ на подобіе греческихъ искателей назвать Его Невѣдомымъ Богомъ и назвалъ Его Аллахомъ. Да, онъ не былъ пророкомъ того Бога, въ Котораго вѣруемъ мы, но кто же былъ онъ, и что онъ представлялъ изъ себя?

«Подобно еврейскимъ пророкамъ, подобно св. Антонію и св. Бенедикту, подобно Жаннѣ д'Аркъ и св. Терезѣ, подобно Сведен-

[1]) Stobart. Islam. p. 63. 64.

боргу и самому Лютеру, и Мухаммедъ имѣлъ свои видѣнія. Какъ всякому извѣстно, видѣнія Лютера были достаточно реальны, потому что онъ даже пустилъ чернильницей въ дьявола, который явился къ нему въ Вартбургскомъ замкѣ. Но, если теоріей обмана не объясняются видѣнія одного, то почему же эта теорія нужна для объясненія видѣній другого? То, про что Мухаммедъ говорилъ, что онъ видѣлъ, онъ дѣйствительно видѣлъ, хотя бы это и было лишь субъективнымъ созданіемъ его собственнаго мозга: и, если результаты являются признакомъ истины, то въ нѣкоторомъ отношеніи видѣнія Мухаммеда были истиной, такъ какъ они дали ему силу для великаго дѣла». [1]). Съ этимъ заявленіемъ Б. Смиса я вполнѣ согласенъ, хотя совершенно расхожусь съ нимъ во взглядахъ на исламизмъ вообще.

Кромѣ того, если принять во вниманіе, что онъ былъ воспитанъ въ правилахъ язычества, то справедливость требуетъ признать, что, для своего времени, нравовъ, среди которыхъ онъ выросъ, и мѣста, онъ былъ вполнѣ нравственнымъ человѣкомъ, но никоимъ образомъ не «чудовищемъ злобы» и не «первороднымъ сыномъ сатаны».

Итакъ, едвали можно всѣ видѣнія, которыя Мухаммедъ называлъ откровеніями Неба, считать умышленнымъ и сплошнымъ обманомъ. Эмпирическимъ путемъ, путемъ посторонняго свидѣтельства—видѣній доказать нельзя. Въ исторіи мы знаемъ не мало примѣровъ видѣній, которыя были признаны дѣйствительно имѣвшими мѣсто и болѣе не подвергаются сомнѣнію. На чемъ основано это довѣріе? Исключительно на лойяльности тѣхъ лицъ, которыя для доказательства справедливости своихъ заявленій были не въ состояніи представить свидѣтелей. Слѣдовательно, Мухаммеду отказывается въ этой лойяльности, и лишь только поэтому могутъ отрицаться его видѣнія.

Другой вопросъ, является ли такой отказъ справедливымъ, и заслужилъ ли его Мухаммедъ? Если быть безпристрастнымъ, то должно на этотъ вопросъ отвѣтить отрицательно: отрицательно на этотъ вопросъ отвѣчали ближайшіе враги Мухаммеда, для которыхъ существованіе ислама было роковымъ вопросомъ жизни и смерти. Предыдущая жизнь Мухаммеда, признанная всѣми его лойяльность, то глубокое почтеніе, которымъ онъ пользовался среди людей своего племени, признаніе его нравственныхъ качествъ даже его злѣйшими врагами—живо протестуютъ противъ этой несправедливости. Мухаммедъ имѣлъ видѣнія, и можно спорить не о наличности ихъ, а только о ихъ характерѣ. Но къ этому вопросу мы еще вернемся, когда рѣчь будетъ итти объ откровеніи.

---

[1]) B. Smith. Muhammad and muh-ism. pp. 100, 101.

Что касается чудесъ, которыя иногда ставятся въ упрекъ Мухаммеду, то объ этомъ едвали даже приходится говорить серьозно: для этого достаточно припомнить только слова самого Мухаммеда, что у него нѣтъ власти творить чудеса, и что онъ не творилъ ихъ. Должно согласиться съ тѣмъ, что нельзя дѣлать его отвѣтственнымъ за позднѣйшія измышленія слишкомъ ревностныхъ его послѣдователей. Единственное чудо, на которое онъ указываетъ, но не приписываетъ его себѣ, это—Коранъ. Но это чудо конечно спорное, такъ какъ правовѣрный мусульманинъ не смотритъ на Коранъ глазами безпристрастнаго изслѣдователя. Это то чудо и будетъ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія въ настоящей книгѣ. Здѣсь обратимъ вниманіе лишь на то, что Коранъ даетъ намъ слишкомъ мало фактическихъ данныхъ для характеристики Мухаммеда, хотя эта книга и является въ высшей степени субъективнымъ твореніемъ. Преданія же, при помощи восточной фантазіи, наполнились такими небылицами, что очень часто лишь дискредитируютъ то, къ чему хотятъ внушить уваженіе. Мы говоримъ здѣсь о словесныхъ преданіяхъ, преимущественно распространенныхъ среди мусульманской массы, а не сборникахъ Сунны, которымъ, какъ мы увидимъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно придавать значеніе историческаго документа.

Въ такомъ вопросѣ, какъ искренность Мухаммеда, примѣнима лишь одна оцѣнка—психологическая. И она даетъ право сказать безпристрастному изслѣдователю, что, если уже необходимо настаивать на обманѣ, то мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ сознательнымъ обманомъ, а съ самогипнозомъ, который иногда, можетъ быть, не былъ даже самопроизволенъ.

Одушевляемый высокой идеей—привести идолопоклонниковъ къ поклоненію единому Богу,—Мухаммедъ всецѣло сосредоточивается на этой идеѣ, сживается съ нею, и она переходитъ въ его плоть и кровь. При особенностяхъ его натуры, переходъ къ видѣніямъ былъ вполнѣ естественнымъ шагомъ, что облегчалось еще молитвой и постомъ, какъ о томъ учитъ Евангеліе, и какъ то признаетъ физіологія. Слѣдовательно, ни человѣкъ религіи, ни человѣкъ науки ничего не можетъ возразить противъ этого принципіально.

Мухаммедъ былъ искренно убѣжденъ въ правотѣ своего ученія. Убѣжденіе въ правотѣ дѣлаетъ человѣка способнымъ на жертвы, и Мухаммедъ не только не «стремился овладѣть высшей властью», но онъ, напротивъ, отрекся отъ всего: отъ богатства, почестей и власти, и промѣнялъ ихъ на изгнаніе. Бракъ его съ Хадиджей далъ ему больше, чѣмъ было нужно для удовлетворенія его скромныхъ потребностей. Когда же потомъ богатства потекли къ нему рѣкой, онъ отказался отъ нихъ и умеръ бѣднякомъ. Можно ли сказать, что онъ искалъ для себя богатства?

Что ему были почести, когда до самаго послѣдняго дня сво-

ей жизни онъ обитатъ все въ той же лачугѣ, въ которой поселился, будучи бѣднымъ изгнанникомъ. А вѣдь въ это время его имя, какъ имя Пророка, уже произносилось съ благоговѣніемъ во всей Аравіи во время каждой молитвы, и имя это произносилось рядомъ съ именемъ Аллаха! Не могъ ли онъ въ это время имѣть какія ему угодно только почести, если бы онъ захотѣлъ этого?

Власть? Но развѣ, рано или поздно, эта власть—надъ Каабой, Меккой, Аравіей—не должна была перейти въ его руки? Знатность рода, личныя достоинства давали ему на это право, а всеобщее уваженіе, которымъ онъ пользовался, служило гарантіей того, что право это будетъ удовлетворено. Онъ не хотѣлъ этой вѣрной власти, и, правда, онъ достигъ высшей, но значитъ ли это, что онъ именно къ ней и только къ ней стремился? Едва ли, такъ какъ начало его карьеры не давало ему на это никакой надежды.

О власти, которой онъ достигъ, очень красиво говоритъ Смисъ, хотя и съ присущимъ ему увлеченіемъ: [1]).

«Глава государства, какъ и глава Церкви, онъ соединитъ въ себѣ Цезаря и Папу; но онъ былъ папой безъ претензіи Папы и цезаремъ безъ легіоновъ Цезаря. Безъ постоянной арміи, безъ тѣлохранителей, безъ дворца, безъ опредѣленнаго дохода: если кто-нибудь могъ сказать, что онъ правитъ божественнымъ правомъ, то это былъ Мухаммедъ, такъ какъ онъ имѣлъ всю власть, но безъ ея орудій и опоръ».

Но это было уже въ концѣ его жизни и его карьеры, и это не можетъ итти въ счетъ. Отмѣчено должно быть то, что, въ періодъ его бѣдности и гоненій, корайшиты, желая мирно покончить съ Мухаммедомъ, предлагали ему все за сохраненіе идолопоклонства: «если ты хочешь пріобрѣсти богатство, то мы соберемъ для тебя состояніе большее, чѣмъ у кого бы то ни было изъ насъ; если ты хочешь почета и уваженія, то мы сдѣлаемъ тебя своимъ вождемъ и не будемъ ничего предпринимать безъ тебя; если ты желаешь власти, мы сдѣлаемъ тебя нашимъ государемъ; если злой духъ, который овладѣлъ тобою, не можетъ быть изгнанъ, мы пригласимъ врачей и будемъ давать имъ богатства до тѣхъ поръ, пока они исцѣлятъ тебя» [2]).. Можетъ ли быть какой нибудь разговоръ о томъ, что Мухаммедъ гнался за призракомъ власти, когда ему давали въ руки самую реальную власть, власть до того времени еще невиданную въ Аравіи? И онъ отказался отъ всего этого ради своей идеи. Цѣлый рядъ неуспѣховъ, гоненія, опасности для жизни—не могли поколебать его убѣжденій, и убѣжденія эти приходится признать искренними.

[1]) Muhammed and muhammedanism, p. 288.

[2]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. 27.

Съ искренностью несовмѣстимъ обманъ, который не можетъ просуществовать въ теченіе тринадцати вѣковъ, все развиваясь и развиваясь. Толпа тогда лишь понимаетъ генія и идетъ за нимъ, когда онъ является выразителемъ ея настойчивыхъ, но неопредѣленныхъ, не могущихъ вылиться въ ясную форму думъ и стремленій. Такимъ геніемъ явился и Мухаммедъ, который въ главныхъ основахъ своего ученія былъ искреннимъ.

Имѣетъ ли онъ право на званіе пророка?

Всякій конечно будетъ отвѣчать на это съ точки зрѣнія той религіи, которую онъ исповѣдываетъ, и единства мнѣній здѣсь не можетъ быть. Онъ былъ ревностнымъ служителемъ единаго Бога, и въ этомъ отношеніи его искренность не можетъ быть подвержена какимъ бы то ни было сомнѣніямъ. Если онъ понималъ единаго Бога иначе, чѣмъ мы понимаемъ Его, это уже иной вопросъ.

Другое дѣло, когда проповѣдникъ сходитъ со сцены, и Коранъ начинаетъ гласить словами мстительнаго араба, дальновиднаго политика или ищущаго земныхъ утѣхъ слабаго человѣка. Сознательно или безсознательно, и скорѣе первое, здѣсь онъ пользуется откровеніемъ для улаженія дѣлъ, часто ничего общаго не имѣвшихъ съ религіей. Но надо умѣть отличить во всей массѣ то, что было именно словами религіозной проповѣди, и это было искренно. Остальное же мы въ правѣ назвать лишь совершенно не систематизированнымъ сводомъ законовъ и временныхъ постановленій, которымъ онъ хотѣлъ придать значеніе божественнаго велѣнія, и въ этомъ было его безуміе, и въ его положеніи оказалось бы всякое государство, которое вздумало бы въ свой сводъ законовъ включить часто ихъ совершенно исключающія секретныя инструкціи, или если бы оно наивно представило сосѣднему государству текстъ секретно заключеннаго противъ него договора съ союзной державой.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, портретъ человѣка, имя котораго извѣстно всему цивилизованному міру, и котораго нѣсколько разъ на дню для болѣе чѣмъ 200 милліоновъ вѣрующихъ съ высоты минаретовъ провозглашаютъ Пророкомъ Бога. Онъ сумѣлъ внушить своимъ согражданамъ такое глубокое убѣжденіе и такую живую вѣру, что никто не задумывался пожертвовать своею жизнью за новую религію.

Исламизму было дано такое движеніе, что въ теченіе менѣе одного столѣтія онъ наводнилъ Аравію и вылился изъ нея, сдѣлавшись религіей различныхъ народовъ отъ береговъ Ганга до береговъ Атлантическаго океана, и ничто уже не могло разрушить его гигантскаго зданія. [1]).

[1]) O. Houdas. L' islamisme p. 69.

Можно называть Мухаммеда лгуномъ, эпилептикомъ или сумасшедшимъ, но этимъ не умаляется его величіе. Въ какой плоскости онъ являлся великимъ, это опять таки другой вопросъ, но результаты его ученія, осязаемые даже тѣми, которые желали бы совершенно игнорировать Мухаммеда, являются доказательствомъ его величія. «Для того, чтобы утонувшіе въ политеизмѣ монотеистическіе элементы могли быть признаны и проникнуты, чтобы изъ ихъ сочетанія вышла новая религія, необходимо было, чтобы въ высшей степени одаренный человѣкъ сумѣлъ вполнѣ овладѣть своими современниками, сплотить разнородныя тенденціи и привести въ единство смутныя идеи, дурно распустившіяся и обреченныя на исчезновеніе, не успѣвъ созрѣть». [1]). «Онъ, какъ это прекрасно характеризуетъ Стобартъ [2]), явился въ варварской странѣ и безъ всякой другой человѣческой силы, кромѣ своей неукротимой воли, уничтожилъ въ родной странѣ процвѣтавшее тамъ идолопоклонство, склонилъ къ себѣ сердца своихъ соотечественниковъ и наконецъ далъ міру ту религію, которая оказала такое ужасное вліяніе на его судьбу. Въ человѣкѣ никто не можетъ не видѣть элементовъ могущества и человѣческаго величія, которое вызываетъ наше удивленіе, если не наше уваженіе; но въ созданномъ имъ исламѣ, въ его конечныхъ проявленіяхъ, исторія признаетъ одно изъ величайшихъ золъ, постигшихъ человѣчество, и это происходитъ какъ отъ его враждебности къ болѣе чистой христіанской вѣрѣ, такъ и отъ лежащаго въ его сущности антагонизма съ прогрессомъ, цивилизаціей и истиной».

---

[1]) Derenbourg. La science des religions. p. 43.
[2]) Stobart. Islam. p 227, 228.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КОРАНЪ.

Глава первая.

Коранъ является первою и главнѣйшею изъ основъ ислама, но не единственной. Всѣхъ основъ четыре, а именно: Коранъ, Сунна, Иджма и Кіясъ. Дальше мы каждый изъ этихъ источниковъ догматическаго ученія разберемъ въ подробностяхъ. Эти четыре источника носятъ также названіе «четырехъ доказательствъ» или «доказательствъ божественнаго закона».

Коранъ и Сунна считаются непогрѣшимыми, абсолютными доказательствами, тогда какъ Иджма и Кіясъ называются лишь вспомогательными—по той роли, которую они призваны играть.[1]). Первые два источника называются также основами въ собственномъ смыслѣ (усуль), вторыя—«отвѣтвленіями» (фуру) [2]), такъ какъ происходятъ отъ основъ и зависятъ отъ нихъ.

Подобно тому, какъ родникъ, давшій начало полноводной въ дальнѣйшемъ теченіи рѣкѣ, не можетъ претендовать на то, что онъ далъ рѣкѣ всю сброшенную въ море воду, точно также было бы напрасно приписывать Корану многое изъ того, что мы находимъ въ практикѣ исламизма. Но, такъ какъ все же началомъ рѣки является родникъ, то, желая ознакомиться съ ученіемъ ислама, мы должны начать съ Корана, первоначальнымъ назначеніемъ котораго было «учредить нѣчто въ родѣ соціальной религіи, союзный договоръ между еврейской, христіанской и мусульманской религіями». [3]). Назначенія этого Коранъ выполнить не могъ, и для того было не мало основательныхъ причинъ, изслѣдованіемъ которыхъ мы и будемъ заниматься далѣе. Однако Коранъ сдѣлалъ не мало, такъ какъ безъ него и безъ его продолженія—Сунны исламизмъ не могъ бы существовать: вся духовная жизнь, равно какъ и религіозная практика мусульманина, основаны на нихъ.

---

[1]) Klein The religion of islam. p. 2.

[2]) Т. е. отвѣтвленія дерева знанія.

[3]) C.-Benattar, L'esprit libèral du Coran. p. 73.

«Я клянусь, что Коранъ является словомъ посланника знаменитаго

«Коранъ является предостереженіемъ для вселенной. для тѣхъ изъ васъ, которые ищутъ пути праваго». (Сура 81-я, ст. 19, 27, 28).

Ежедневная молитва, общественная молитва по пятницамъ въ мечети, торжественные акты, требующіе непремѣнной санкціи религіи, брачный и похоронный обряды,—все это основано или на Коранѣ или на Суннѣ, и лишь черезъ нихъ это вошло въ жизнь мусульманина.

Арабское слово «аль-куръанъ», которое передѣлано въ неправильное, но всѣми употребляемое слово «коранъ», собственно обозначаетъ чтеніе, въ особенности же протяжное церковное чтеніе, речитативъ.

Такъ какъ Коранъ служитъ руководствомъ для различенія добра и зла, онъ называется также «аль-фурканъ», т. е. различеніе. Изъ другихъ названій Корана отмѣтимъ наиболѣе употребляемыя, таковы: «аль-танзилъ», т. е. откровеніе, «китабъ-улла», т. е. Книга Бога, или-же просто «Китабъ», т. е. «книга по преимуществу», названіе совершенно тожественное съ названіемъ Библіи.

«По истинѣ, Коранъ—слово рѣшающее» (Сура 86-я, ст. 13).

«Коранъ этотъ какъ бы свѣтъ для людей; онъ направленіе—доказательство милосердія Божія для тѣхъ, которые имѣютъ твердую вѣру» (Сура 45-я, ст. 19).

«Коранъ служитъ направленіемъ для вѣрующихъ и составляетъ доказательство божественнаго милосердія къ нимъ» (Сура 27-я, ст. 79).

По мѣткому выраженію Стэнли Поля [1]), Коранъ является одною изъ тѣхъ классическихъ книгъ, о которыхъ каждый говоритъ, но никто почти не читаетъ ихъ. Такова участь знаменитыхъ книгъ, читать которыя уже болѣе нѣтъ нужды. такъ какъ въ болѣе или менѣе подробныхъ выдержкахъ онѣ извѣстны каждому.

Въ самомъ дѣлѣ, большинство смутно знаетъ, что Коранъ имѣетъ какое то отношеніе къ мусульманамъ, и этого довольно. Знать нѣсколько болѣе этого для нѣкоторыхъ покажется уже сухимъ педантизмомъ. Надо ли говорить, что въ подобномъ мнѣніи заключается громадная ошибка: какъ будто ни съ чѣмъ нельзя познакомиться безъ педантизма? Помимо своей ошибочности, такое мнѣніе является еще въ высшей степени несправедливымъ. Коранъ—книга, заслуживающая полнаго вниманія уже по одному тому, что онъ является священной книгой одной изъ религій, наиболѣе распространенныхъ на земномъ шарѣ. Вѣдь исламизмъ

---

[1]) Stanley Lane Poole. Le Coran, sa poësie et ses lois. p. 3.

исповѣдывается во всѣхъ частяхъ свѣта приблизительно одною шестою частью всего населенія земного шара.

Взаимное пониманіе—первое условіе разумной соціальной жизни. Мы видимъ, что въ иныхъ мѣстахъ религія ислама является господствующей, въ иныхъ равноправной, въ третьихъ допущенной или едва терпимой. Но, какое положеніе ни занимала бы она, чтобы понимать людей, ее исповѣдывающихъ, надо понять самое религію, а такъ какъ мы признали, что одною изъ главнѣйшихъ основъ этой религіи является Коранъ, то не очевидно ли, что сама жизнь подсказываетъ необходимость изученія его? Въ особенности же это важно для насъ. Помимо того, что наша государственная граница на протяженіи многихъ тысячъ верстъ отдѣляетъ насъ отъ странъ, религіей которыхъ является исламизмъ, въ самомъ отечествѣ мы насчитываемъ свыше 15 милліоновъ мусульманъ, мѣстами составляющихъ основное населеніе цѣлыхъ громадныхъ областей, какъ Туркестанъ.

Изучить Коранъ и понять его—не значитъ прочесть его: для чтенія безъ предварительной подготовки Коранъ одна изъ самыхъ трудныхъ, чтобы не сказать недоступныхъ, книгъ. Правда, это наше мнѣніе противорѣчитъ Корану, который говоритъ:

«Книга эта—арабская книга: не запутано слово ея для того, чтобы люди боялись Господа». (Сура 39-я, ст. 29).

«Мы сдѣлали Коранъ легкимъ, ниспославъ тебѣ его на твоемъ собственномъ языкѣ для того, чтобы при помощи его ты принесъ благія вѣсти людямъ благочестивымъ и предостерегъ сварливыхъ». (Сура 19-я, ст. 97).

Но, во-первыхъ, если повѣрить даже, что Коранъ былъ легокъ, то это для арабовъ, слышавшихъ его въ устной передачѣ самого Пророка, сопровождавшейся всевозможными разъясненіями, когда это требовалось. Во-вторыхъ, слушатели Мухаммеда въ качествѣ мусульманъ видѣли въ словахъ Корана слово Бога: понятное или непонятное, оно не дѣлалось отъ этого менѣе значительнымъ; въ качествѣ же арабовъ, они плѣнялись скорѣе звучностью формъ, чѣмъ ихъ содержаніемъ. Неудобство нашего положенія заключается въ томъ, что мы не можемъ дѣлать ни того, ни другого.

При поверхностномъ чтеніи Корана не остается ничего кромѣ тяжести въ головѣ, и потерянное время будетъ единственнымъ достигнутымъ результатомъ. Однако глубоко неправъ будетъ тотъ, кто, прочитавъ Коранъ, скажетъ, что онъ ничего изъ себя не представляетъ: всякая вещь можетъ быть оцѣнена лишь только тогда, когда ею пользуются или примѣняютъ ее свойственнымъ ей образомъ. Пониманіе же Корана изъ одного поверхностнаго чтенія тѣмъ болѣе затруднительно, что взятый самъ по себѣ, онъ мало понятенъ, и что ученіе его въ чистомъ видѣ не мало отличается отъ той религіи, которую исповѣдываютъ современные му-

сульмане. Это несходство можетъ привести въ смущеніе. Однако вспомнимъ, что и въ современномъ христіанствѣ есть много такого, чего мы напрасно стали бы искать въ Евангеліи.

И, при всемъ несходствѣ съ современнымъ исповѣдываніемъ, Коранъ былъ отправной точкой и базой всей послѣдующей мусульманской цивилизаціи [1]): онъ—слово Бога, истинное правило жизни и источникъ всѣхъ надеждъ будущаго для всякаго правовѣрнаго мусульманина. [2]).

«Богъ повелѣлъ снизойти свыше самому прекрасному слову, которое только когда-либо было дано; изъ него создалъ Онъ книгу, части которой походятъ другъ на друга и повторяются. Имѣющіе страхъ Божій чувствуютъ при чтеніи ея, какъ натягивается кожа ихъ и сжимается на тѣлѣ; при воспоминаніи о Господѣ и словѣ Божіемъ смягчается кожа ихъ и сердца. Таково направленіе отъ Господа: такъ направляетъ Онъ кого пожелаетъ; но гдѣ найдетъ себѣ вожатаго тотъ, кого Богъ собьетъ съ пути?» (Сура 39-я, ст. 24).

«Такъ мы послали тебѣ книгу. Тѣ, которымъ мы дали Писанія, вѣруютъ въ нее; вѣруютъ въ нее также многіе изъ арабовъ, и только невѣрные отрицаютъ наши знаменія.

«Когда то у тебя не было никакой книги божественной для прочтенія, когда то ты даже не сумѣлъ бы правой рукой провести прямой линіи. О! тогда отрицающіе истину могли бы сомнѣваться.

«Да, Коранъ является собраніемъ знаменій очевидныхъ въ сердцахъ тѣхъ, которые получили знаніе; только дурные люди отрицаютъ наши знаменія.

«Развѣ имъ недостаточно, что мы послали тебѣ книгу, изъ которой ты прочитываешь имъ стихи! Конечно, въ этомъ кроется доказательство милосердія Божія и предостереженія для всѣхъ вѣрующихъ людей» (Сура 29-я, ст. 46—48, 50).

Въ Введеніи мы уже говорили о тѣхъ вліяніяхъ, которыя отразились на сформированіи новой религіи, проникнувъ частью въ духъ ея, а частью лишь въ ея форму. Астрологія, магія и всякія оккультныя науки были въ большомъ почетѣ у персовъ, и отъ нихъ онѣ проникли въ Аравію, можетъ быть, благодаря суевѣрному убѣжденію мусульманъ, что небесныя свѣтила имѣютъ громадное вліяніе на человѣческую судьбу, ихъ знамена украсились звѣздами, и полумѣсяцъ сдѣлался обязательнымъ украшеніемъ минаретовъ и куполовъ мечетей. Эти, ничего общаго съ исламомъ не имѣющіе, внѣшніе знаки мало-по-малу въ глазахъ мусульманъ получили символическое, чтобы не сказать дог-

---

[1]) S. Guyard. La civilisation musulmane. p. 16.
[2]) Wollaston. The religion of the Coran. p 11.

матическое, значеніе, а для европейцевъ синонимомъ исламизма сдѣлалась «религія полумѣсяца»! Трудно сказать, откуда это произошло· исторія говоритъ намъ, что отправляясь въ экспедиціи, Мухаммедъ имѣлъ съ собою иногда два знамени, на одномъ изъ которыхъ было изображено солнце, а на другомъ черный орелъ Но оставимъ предположенія, какъ бы правдоподобны они ни казались намъ, иначе событія царствованія Абдулъ Гамида могли бы натолкнуть насъ на нѣкоторыя мистическія толкованія.

Изъ различныхъ фактовъ, сообщаемыхъ Ибнъ-Исхакомъ о дѣятельности Мухаммеда, можно видѣть, что вліяніе Персіи, или точнѣе, маздеизма, проникло въ Аравію еще задолго до начала его проповѣди. Онъ разсказываетъ, что одинъ изъ корайшитовъ, по имени Надаръ-ибнъ-Харисъ, никогда не упускалъ удобнаго случая посмѣяться надъ Мухаммедомъ. Нѣкоторое время онъ жилъ въ Хирѣ, центрѣ иранскаго вліянія, и тамъ ознакомился съ легендарной исторіей Персіи, въ особенности съ разсказами о необыкновенныхъ приключеніяхъ Рустема и Исфендіара. Когда Мухаммедъ сталъ разсказывать своимъ послѣдователямъ о томъ, что архангелъ Гавріилъ приноситъ ему Коранъ съ неба, Надаръ вмѣшался въ толпу присутствующихъ и сказалъ: «Идите сюда, корайшиты, я вамъ разскажу исторію, которую я знаю, и которая будетъ поинтереснѣе тѣхъ, какія онъ хочетъ вамъ разсказывать». И тутъ онъ имъ разсказалъ исторію Рустема и Исфендіара, послѣ чего сказалъ Мухаммеду: «разскажи ка имъ теперь исторію, которая была бы занимательнѣе этой». Трудно допустить, чтобы такой серьозный авторъ, какъ Ибнъ-Исхакъ, первый біографъ Мухаммеда, самъ придумалъ подобный анекдотъ. [1]). Но о подобныхъ насмѣшкахъ упоминаетъ и самъ Коранъ.

«Невѣрные говорятъ: Книга эта—чистая ложь; были и иные люди, которые помогали ему ее измыслить. Вотъ образцы злого ихъ нрава и ихъ вѣроломства.

«Это просто побасенки древнихъ, говорятъ они,—которыя онъ записалъ: ему диктовались они и днемъ и вечеромъ». (Сура 25-я, ст. 5 и 6).

«Когда невѣрнымъ читаютъ стихи наши ясные, они говорятъ объ истинѣ, явившейся къ нимъ: это доказанная магія». (Сура 46-я, ст. 6).

И странно, тогда какъ люди не хотѣли слушать чтеніе Корана, джинны слушали его:

«Однажды мы привели толпу геніевъ для того, чтобы заставить ихъ выслушать Коранъ; они явились и говорили другъ другу. слушайте! А когда окончилось чтеніе, они возвратились въ качествѣ апостоловъ къ своему народу.

«О, народъ нашъ! говорили они: мы слышали Книгу, ни-

[1]) Blochet. Etudes sur l'histoire religieuse de l'Iran p. 21.

спосланную съ неба уже послѣ Моисея и обнимающую всѣ прежнія книги, она ведетъ къ истинѣ по пути правому». (Сура 46-я, ст. 27, 28).

Вліяніе сабеизма, маздеизма, еврейства и христіанства замѣтно чуть ли не на каждой страницѣ Корана [1]), гдѣ такъ и пещрятъ выдержки изъ «Писаній». Но это лишь первое впечатлѣніе,—при болѣе близкомъ знакомствѣ, тексты оказываются взятыми не изъ Библіи и Евангелія, а изъ Талмуда и различныхъ апокрифовъ. Заимствованія не ограничились лишь содержаніемъ, они коснулись даже и формы: раздѣленіе Корана точно такое же, что и книгъ Священнаго Писанія. Всѣ главы Корана начинаются словами «бисмилля», т. е. во имя Бога [2]). Это начало, говоритъ Сэль, очевидно заимствовано изъ другихъ книгъ, такъ какъ у евреевъ было равнозначущее выраженіе. «во имя Господа» или «во имя великаго Бога», у христіанъ. «во имя Отца и Сына и Святого Духа», и у маговъ: «во имя всемилостиваго, справедливаго Бога». [3]). Послѣдняя формула всего ближе подходитъ къ коранической

Разобраться во всей этой смѣси, не имѣя опредѣленной системы, довольно затруднительно. Систематическое же изученіе Корана скидываетъ съ него ту завѣсу непроницаемости, которая отпугиваетъ не малое число желающихъ познакомиться съ ученіемъ Мухаммеда, и въ которой мусульмане видятъ лучшее доказательство божественнаго происхожденія священной книги.

«Эта книга которую мы послали свыше, книга благословенная, подтверждающая прежнее писаніе для того, чтобы ты предостерегъ мать городовъ (Мекку) и тѣхъ, которые занимаютъ ее окрестности. Тотъ, кто вѣритъ въ будущую жизнь, увѣруетъ и въ эту книгу и будутъ точно исполнять молитву» (Сура 6-я ст. 92).

«Ты не надѣялся, чтобы тебѣ была дана Книга. Она была дана тебѣ въ силу милосердія Божьяго. Не будь же опорою для невѣрныхъ». (Сура 28-я, ст. 86).

Въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ идутъ споры относи-

---

[1]) «Поэтическія части Корана, говоритъ Сэлль,— собственное созданіе Мухаммеда; что касается остального, то это заимствовано изъ еврейскихъ преданій, основанныхъ на Талмудѣ. Вавилонская Джеммара (или Гемара) была закончена въ 530 г., іерусалимская въ 430, и Мишна въ 220 г., слѣдовательно, всѣ эти книги были доступны. Другія части Корана проистекаютъ изъ исторій, основанныхъ на апографическихъ евангеліяхъ, христіанскихъ легендахъ и зороастріанскихъ сказаніямъ». E. Sell. The Faith of islam. p. 16.

[2]) За исключеніемъ одной только 9-й суры.

[3]) Sale. P. D. p. 46.

тельно происхожденія Библіи, и сама ортодоксальная церковь приписываетъ евангелія апостоламъ, а не Іисусу Христу. подлинность Корана неоспорима. Это твореніе Мухаммеда и только Мухаммеда: твореніе живое, потому что мѣняющіяся впечатлѣнія Пророка воспроизведены чуть ли не съ механической точностью въ словѣ, часто противорѣчивомъ, обыкновенно искренномъ, которое онъ возвѣщаетъ исходящимъ отъ Бога. [1]).

Что Мухаммедъ былъ авторомъ Корана, это внѣ всякаго сомнѣнія, хотя весьма вѣроятно, что онъ пользовался при этомъ не малой помощью другихъ, о чемъ его соотечественники и не переставали повторять ему; но они не могли доказать своего обвиненія, такъ какъ указывали на самыхъ различныхъ лицъ. Но, если это и было, то Мухаммедъ умѣлъ хорошо скрыть это [2]). Коранъ во многихъ мѣстахъ указываетъ на эти обвиненія.

«Скажутъ ли они: онъ самъ выдумалъ Коранъ?—Нѣтъ, вѣрнѣе они не вѣруютъ

«Пусть же они воспроизведутъ подобную рѣчь, если они искренни.» (Сура 52-я, ст. 33, 34).

«Если они скажутъ: онъ выдумалъ этотъ Коранъ, отвѣть имъ: Хорошо! принесите десятокъ такихъ же суръ, измыслите ихъ и призовите себѣ на помощь всѣхъ, кого только можете, кромѣ Бога. Сдѣлайте это, если вы искренни». (Сура 11-я, ст. 16).

«Если они говорятъ: это онъ измыслилъ, отвѣть имъ: составьте хоть одну главу, подобную главамъ этой книги» (Сура 10-я, ст. 39),

«Книга эта измышлена не кѣмъ другимъ, какъ Богомъ; она лишь подтверждаетъ то, что было до нея, и изъясняетъ Писаніе, изъятое отъ всякихъ сомнѣній, исходящее отъ Владыки вселенной» (Сура 10-я, ст. 38).

Съ авторствомъ невольно связывается вопросъ о грамотности Мухаммеда, хотя одно вовсе не необходимо влечетъ за собою обязательность другого: Мухаммедъ могъ создавать и диктовать. Былъ Мухаммедъ грамотенъ или нѣтъ, это вопросъ очень спорный, и европейскіе авторитеты раздѣляются въ своихъ мнѣніяхъ. Многіе, въ томъ числѣ Нольдеке, рѣшаютъ его въ положительномъ смыслѣ—съ оговоркой, что грамотность эта была во всякомъ случаѣ довольно ограниченной. ([3]) Въ самомъ дѣлѣ, обладая умомъ и способностями, какъ Мухаммедъ могъ не выучиться читать и писать, что ему вѣроятно было даже прямо необходимо, когда онъ занимался торговой агентурой. Въ своихъ путешествіяхъ онъ встрѣчался съ представителями различныхъ религій:

---

[1]) Derenbourg. La sciense des religions. p. 39.

[2]) Sale. P. D. p. 50.

[3]) Noldeke. Geschichte des Qorans. ss. 13—16.

съ христіанами, евреями, сабеянами, огнепоклонниками. Наконецъ, бесѣды его съ ханифами, все это давало ему богатую пищу для размышленія и должно было вызвать желаніе ознакомиться лучше съ этими ученіями, что безъ грамотности выполнить было трудно. Противъ же предположенія грамотности говоритъ то, что Мухаммедъ могъ обойтись и съ одной памятью, которая вообще у арабовъ была феноменальной. Легко можно допустить, что наслушавшись всевозможныхъ разсказовъ, содержаніе которыхъ онъ одобрялъ и смутно желалъ со временемъ примѣнить, онъ, приходя въ экстазъ, считалъ свои мысли, если не внушенными, то одобренными свыше. Въ силу этого онъ и выдавалъ ихъ за откровеніе, чему не всѣ вѣрили, и нападки сыпались на него, какъ это можно видѣть изъ словъ Корана:

«Они говорятъ, что ты самъ изобрѣлъ его (Коранъ). Нѣтъ, но большинство изъ нихъ ничего не знаетъ. Скажи имъ, что духъ святой тебѣ дѣйствительно принесъ его при содѣйствіи твоего Господа, чтобы укрѣпить вѣрующихъ, направить ихъ на истинный путь и объявить благія вѣсти мусульманамъ. Мы хорошо знаемъ, что они говорятъ о какомъ то свѣдущемъ человѣкѣ. Языкъ того, на кого они намекаютъ, языкъ варварскій (1), между тѣмъ какъ Коранъ чисто арабская книга» (Сура 16-я, ст 102-104).

Для мусульманина все содержаніе Корана, все, что заключается «между двумя крышками», есть слово Бога, съ этой точки зрѣнія мы должны смотрѣть на Коранъ, чтобы понять созданную Мухаммедомъ религію.

Коранъ является основой ислама. Авторитетъ его абсолютенъ во всѣхъ вопросахъ: нравственныхъ, политическихъ, научныхъ и религіозныхъ, такъ какъ лишь черезъ него можно отличить истину отъ заблужденія. «Такъ сказалъ Господь»—является основнымъ правиломъ жизни, хотя въ Коранѣ иногда какъ разъ и не имѣется того, что сказалъ Господь, такъ какъ взято толкованіе другихъ словъ, и изъ нихъ выведено правило по аналогіи.

Уваженіе мусульманина къ Корану неограниченное. Знаніе Корана наизусть даетъ право на высшее уваженіе, а во времена ранняго халифата оно вело къ почестямъ и власти, (2).

Знаніе и пониманіе Корана необходимо для тѣхъ, кто имѣетъ дѣло съ мусульманами. можно отрицать кораническія истины, но нельзя забывать, что для мусульманъ онѣ святы. И можетъ ли быть иначе, разъ Коранъ есть слово Бога и только слово Бога? Поэтому, говорятъ мусульмане, Коранъ, не можетъ быть

---

[1]) Намекъ на Сальмана-перса

[2]) Sir W. Muir. The Coran. p. 7.

сравниваемъ съ Евангеліемъ, которое заключаетъ въ себѣ не только слово Бога, а и простыя сказанія евангелистовъ, [1]).

Коранъ обладаетъ извѣстными привилегіями, особенно характерными изъ которыхъ являются слѣдующія: его нельзя отрицать, не будучи невѣрнымъ; онъ можетъ читаться какъ молитва: его нельзя касаться безъ предварительнаго очищенія. [2]) Кромѣ эпитета благословенный Коранъ, употребляется еще «достославный Коранъ» (Сура 85-я, ст. 21).

Этому благоговѣйному уваженію удивляться не приходится, такъ какъ вполнѣ простое и понятное чувство заставляетъ насъ видѣть совершеннымъ то, чему мы поклоняемся, и Коранъ разсматривается не только какъ образецъ арабскаго языка, грамматики, логики, но онъ содержитъ въ себѣ еще элементы безчисленныхъ знаній. За прочтеніе одной буквы или слога Корана человѣкъ получаетъ въ будущей жизни вознагражденіе, какъ за доброе дѣло, и оно стоитъ десяти обыкновенныхъ добрыхъ дѣлъ.

«Не поэзіи мы обучили его, она не идетъ ему,—и книга эта, Коранъ, не что иное, какъ предостереженіе и чтеніе ясное» (Сура 36-я, ст. 69).

«Такъ низвели мы книгу арабскую и разсѣяли въ ней угрозы свои. Быть можетъ, они окончатъ страхомъ Божіимъ; быть можетъ, Коранъ заставитъ ихъ задуматься» (Сура 22-я, ст. 112).

Эти разсыпанныя въ Коранѣ угрозы еще болѣе увеличиваютъ уваженіе мусульманъ къ нему, и почтеніе ихъ таково, что Коранъ нельзя ни продавать, ни покупать, а экземпляры его «дарятся» всякому желающему пріобрѣсти его, а пріобрѣтающій «даритъ» продавцу стоимость книги! Конечно это звучитъ фальшью и ханжествомъ, и примѣровъ такого ханжества можно привести множество. Коранъ должно оберегать отъ того, чтобы онъ не попалъ въ руки невѣрныхъ. Поэтому Пророкъ запретилъ брать съ собою Коранъ при путешествіи въ непріятельскую страну. [3]).

Мусульмане усердно возставали противъ перевода Корана на другіе языки свободнымъ языкомъ, и всѣ тафсиры, т. е. толкованія корана на различныхъ восточныхъ языкахъ, снабжены тяжелыми буквальными переводами, иногда совершенно недоступными для пониманія. Правда, имѣются переводы, сдѣланные на восточные и европейскіе языки, но для мусульманина они не

---

[1]) Comte de Castries. Moulay Ismail. p. 2.
[2]) Riad Ghali. La tradition. comme source du droit mus. p. 23.
[3]) As-Sahih. Al-Boukhari. v. II. p. 344.

имѣютъ никакого значенія, и на нихъ опираться никоимъ образомъ нельзя. [1]).

Здѣсь нельзя обойти молчаніемъ одного факта. Въ развитіи ислама мы находимъ наглядный примѣръ того, что порою запрещеніе достигаетъ совершенно обратной цѣли: запрещеніе переводить Коранъ съ арабскаго на другіе языки создало въ Персіи классъ духовенства, и «это было первою ересью, одною изъ самыхъ главныхъ въ глазахъ суннитовъ». [2]). Получивъ право исключительнаго толкованія священнаго текста, духовенство не замедлило сдѣлать его орудіемъ для достиженія не всегда божественныхъ цѣлей.

Коранъ является послѣднею изъ 104 божественныхъ книгъ, посланныхъ въ разное время на землю [3]), и, такъ какъ, по ученію большинства мусульманъ, исламъ уничтожаетъ всѣ предыдущія религіи, то Коранъ превосходитъ всѣ писанія. Существованіе такой вѣры кажется нѣсколько страннымъ, такъ какъ она не мирится со словами самого Корана:

«Мы послали тебѣ книгу, содержащую истину. Книга эта подтверждаетъ писаніе, бывшее прежде нея, и предохраняетъ его отъ всякаго искаженія. Разбери всѣ ихъ согласно приказанію Бога и остерегайся уступить желаніямъ ихъ и удалиться отъ дарованнаго тебѣ одному. Мы указали путь, дорогу, проторенную для каждаго изъ васъ» (Сура 5-я, ст. 52).

Но противорѣчіямъ Корана не слѣдуетъ удивляться и не слѣдуетъ считать, что все, что есть въ Коранѣ, можетъ быть примѣнено къ жизненнымъ обстоятельствамъ: часть отмѣнена, но какая часть, это знаетъ, можетъ быть, одинъ изъ тысячи мусульманъ, если еще не меньше. Это одна изъ причинъ, почему они боятся опираться непосредственно на Коранъ. они могутъ впасть въ ересь, принимая за существующее то, что уже отмѣнено; тогда какъ въ Суннѣ собрано все, что примѣняется къ жизненнымъ обстоятельствамъ. Кромѣ того, тексты Корана могутъ вызвать вопросы, которые были бы грѣховными. Большой извѣстностью пользуется фраза: «Мы знаемъ, что Аллахъ сидитъ;

---

[1]) Первое печатное изданіе Корана на арабскомъ языкѣ вышло въ Венеціи въ 1530 г. Только что изданіе было окончено, какъ всѣ экземпляры, по приказанію папы, были сожжены. Слѣдующимъ по времени изданіемъ было Гамбургское, 1694 года. Третье изданіе, далеко превосходящее по качеству оба предыдущія, было отпечатано въ Петербургѣ въ 1787 г., по приказанію Екатерины II.

[2]) Nicolas, Le Bab. p. 118.

[3]) Адаму—10 книгъ, Сифу—50, Еноху—30, Аврааму—10, Моисею, Давиду, Христу и Мухаммеду по одной.

какъ онъ сидитъ, это знаетъ только Онъ; зачѣмъ Онъ сидитъ, задавать вопросы объ этомъ есть невѣріе». Это характерный образчикъ теологическихъ споровъ. Въ Коранѣ говорится:

«Одно Богъ уничтожаетъ, другое поддерживаетъ сообразно волѣ Своей; мать Книги въ рукахъ у Него» (Сура 13-я ст. 39).

Слѣдовательно, никакихъ «почему» быть не можетъ,—такова воля Бога, и никакимъ нравственнымъ законамъ Его обязать нельзя: stet pro ratione voluntas!

Когда Мухаммедъ имѣлъ первое видѣніе, архангелъ Гавріилъ приказалъ ему читать тотъ свитокъ, который былъ у него въ рукахъ,—это былъ Коранъ. Коранъ считается вѣчнымъ чудомъ, такъ какъ никто не въ состояніи произвести что-либо подобное.

«Если вы сомнѣваетесь въ Книгѣ, которую ниспослали мы служителю нашему, то сочините хоть одну главу, подобную содержащимся въ ней, и призывайте, если вы чистосердечны, свидѣтелей, тѣхъ, кого вы указываете наряду съ Богомъ» (Сура 2-я, ст. 21).

«Коранъ, говоритъ Сэлль, это чудная книга, потому что въ теченіе болѣе двѣнадцати столѣтій онъ помогалъ созидать вѣру, внушать мужество, разгонять унынie массъ, будь то обитатели дикихъ нагорій Центральной Азіи, или Индостана, или береговъ Средиземнаго Моря. Туранецъ и арiецъ, арабъ и негръ—одинаково заучиваютъ звучныя фразы, изо дня въ день повторяютъ начальныя слова и возсылаютъ молитву въ тѣхъ же словахъ, которыми раньше молились ихъ отцы» [1]).

Хотя жизнь и твореніе Мухаммеда имѣютъ во многихъ отношеніяхъ такъ много общаго, однако можно съ разныхъ точекъ зрѣнія и совершенно отдѣльно разсматривать какъ человѣка, такъ и созданную имъ систему. «Одинъ былъ существомъ земнымъ, другая претендовала на божественное происхожденіе; одинъ признаетъ себя окруженнымъ грѣхами и ошибками, свойственными человѣку, другая говоритъ, что ея истинное названіе—слово Бога; одинъ въ концѣ концовъ долженъ былъ внять призыву ангела смерти,—другая претендуетъ на вѣчное существованіе для направленія и благодѣтельствованія человѣчества» [2]).

Сошедшій съ неба Коранъ былъ данъ Мухаммеду въ откровеніи черезъ посредство архангела Гавріила, который передавалъ его по частямъ.

«Невѣрные говорятъ: зачѣмъ Коранъ не былъ посланъ ему сразу? Мы поступили такъ, чтобы укрѣпить сердце твое,—мы прочитываемъ его отрывками» (Сура 25-я, ст. 34).

---

[1]) E. Sell. Faith of islam. p 92.

[2]) Stanley Lane Poole. Le Coran. p. 35. Stobart. Islam. p. 227.

Оспаривая откровеніе Корана, Сэль говоритъ: «конечно это была удивительно политичная выдумка—перенести сразу весь Коранъ лишь на нижнее небо, а не на землю, какъ бы это сдѣлалъ простодушный пророкъ; такъ какъ, если бы все было оглашено сразу, то были бы сдѣланы безчисленныя замѣчанія, разрѣшить которыя для Мухаммеда было бы очень трудно, если не невозможно порою. Но, такъ какъ онъ говорилъ, что получаетъ откровеніе по частямъ, и такъ какъ Богу было угодно, чтобы онѣ опубликовывались для обращенія и наставленія народа, то у него было вѣрное средство найти отвѣтъ во всѣхъ непредвидѣнныхъ случаяхъ и съ честью выходить изъ всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, которыя могли представиться» [1]).

Конечно такой взглядъ можетъ вызвать лишь улыбку на устахъ мусульманина: нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ миссіи Мухаммеда, такъ какъ со времени самой глубокой древности на землѣ періодически являлись пророки. Это были обыкновенные люди, но лишь одаренные лучшими качествами, отличавшіеся святой жизнью и иногда одаренные силой творить то, что превосходитъ человѣческій разумъ,—чудеса. Каждое новое появленіе пророка было усиленнымъ подтвержденіемъ миссіи предыдущаго. Когда же явился послѣдній изъ пророковъ, Мухаммедъ, его миссія была такъ совершенна, что послѣ него уже ничего дополнять не придется, такъ какъ переданная ему архангеломъ Гавріиломъ священная книга обнимаетъ не только всѣ небесныя и земныя явленія, но и содержитъ всѣ событія настоящаго, прошедшаго и будущаго времени. [2]).

Чтобы знать, какъ и при какихъ обстоятельствахъ произошло откровеніе, обратимся къ хадисамъ. Какъ мы увидимъ дальше, въ глазахъ мусульманъ, они могутъ почитаться историческими документами. Вотъ какъ передавала послѣ смерти Мухаммеда Айша, прозванная «матерью вѣрующихъ».

«Откровеніе началось у Пророка съ благочестивыхъ видѣній, которыя онъ имѣлъ во время своего сна. Всѣ эти видѣнія представлялись ему по крайней мѣрѣ съ ясностью зари. Позднѣе онъ полюбилъ уединеніе. Тогда онъ удалялся въ пещеру Хира, гдѣ онъ предавался «таханнуту», т. е. практикѣ поклоненія, въ теченіе нѣсколькихъ ночей подрядъ, не возвращаясь домой. Поэтому онъ захватывалъ съ собою провизію. Послѣ этого онъ возвращался къ Хадиджѣ и забиралъ снова провизіи для новаго уединенія. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, когда ему наконецъ была принесена истина въ эту самую пещеру Хира. Ангелъ тогда

---

[1]) Sale. P. D. p. 50

[2]) Mavakif, II, 408 Loc. cit. Comte L. Ostrorog. Droit public musulman. II, 7.

явился ему и сказалъ ему: Читай!—Я не изъ тѣхъ, кто читаетъ, отвѣтилъ онъ. И ангелъ тотчасъ же схватилъ меня, разсказываетъ Пророкъ,—онъ сжалъ меня такъ. что я совершенно потерялъ силы, и онъ повторилъ мнѣ: Читай!—Я не изъ тѣхъ, кто читаетъ, повторилъ я опять. Ангелъ опять схватилъ меня и сжалъ такъ, что отнялъ у меня всю силу, потомъ отпустилъ меня со словами. «Читай во имя твоего Господа, который все сотворилъ, который создалъ человѣка изъ кровяного сгустка. Читай, ибо Богъ твой обладаетъ высшимъ великодушіемъ». (Сура 96-я, ст. 1—3).

«Съ этими стихами на устахъ, съ трепетнымъ сердцемъ Пророкъ вошелъ къ Хадиджѣ-бентъ-Хувайлидъ и вскричалъ: «покройте меня, покройте меня!» Тотчасъ же его покрыли и держали такъ до тѣхъ поръ, пока не разсѣялся его ужасъ. Потомъ, обратившись къ Хадиджѣ, онъ разсказалъ ей о томъ, что произошло, и прибавилъ: «ахъ, мнѣ показалось, что я умираю».—Нѣтъ, отвѣтила Хадиджа,—конечно никогда Богъ не допуститъ твоего посрамленія, потому что ты друженъ со своими близкими, ты поддерживаешь слабыхъ, ты даешь ничего неимущимъ, ты привѣтливъ съ гостями, и ты защищаешь жертвъ несправедливости.

«Послѣ этого Хадиджа отвела Мухаммеда къ Варака-ибнъ-Нофаль-бинъ-Асадъ-бинъ-Абд-уль-Узза. Этотъ человѣкъ, который былъ двоюроднымъ братомъ Хадиджи со стороны отца, еще въ до-исламическія времена принялъ христіанство. Онъ умѣлъ писать по-еврейски, и онъ переписалъ по-еврейски часть Евангелія, которую Богу угодно было, чтобы онъ переписалъ. Въ это время ему было уже много лѣтъ, и онъ былъ слѣпъ. «О, мой двоюродный братъ! сказала Хадиджа,—слушай, что тебѣ скажетъ сынъ твоего брата.—О. сынъ моего брата! отвѣтилъ Варака,—въ чемъ дѣло? Тогда Пророкъ разсказалъ то, что онъ видѣлъ». Этотъ ангелъ, сказалъ Варака,—Довѣренный (Бога), котораго Богъ нѣкогда посылалъ къ Моисею. Ахъ, если бы я былъ молодъ въ настоящее время! Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось жить еще въ то время, когда твои сограждане изгонятъ тебя!—Они, значитъ, прогонятъ меня? спросилъ Пророкъ.—Да, отвѣтилъ Варака,—никогда человѣкъ не приносилъ того, что ты приносишь, не вызвавъ преслѣдованій. Если я въ тотъ день еще буду живъ, я помогу тебѣ всѣми силами». Вскорѣ послѣ этого Варака умеръ, и откровенія прекратились» [1]).

Такимъ образомъ исламизмъ происходитъ непосредственно отъ Бога черезъ данное Пророку откровеніе, сомнѣваться въ чемъ не можетъ ни одинъ мусульманинъ. Всякій, кто отрицаетъ откровеніе, тотъ не имѣетъ яснаго ума, подобно тому, какъ тотъ, кто

---

[1]) As-Sahih. I, 2.

не видитъ видимаго всѣмъ свѣтомъ, является слѣпымъ съ матеріальной точки зрѣнія. [1]).

Въ первой части, разбирая различныя мнѣнія относительно искренности Мухаммеда, мы высказали убѣжденіе, что онъ имѣлъ видѣнія. Разсмотримъ теперь, съ точки зрѣнія теологіи ислама, что такое откровеніе.

Откровеніе можетъ быть явное и подразумѣваемое. Явное можетъ быть облечено въ три формы: первая та, въ которой Коранъ былъ переданъ Мухаммеду архангеломъ Гавріиломъ:

«Это откровеніе Владыки вселенной. Вѣрный духъ принесъ его свыше и положилъ его на твое сердце, о, Мухаммедъ! для того, чтобы ты былъ апостоломъ» (Сура 26-я, ст. 192—194)

«Коранъ, это—откровеніе, сдѣланное ему» (Сура 53-я, ст. 4).

Вторая форма есть ангельское внушеніе. Въ сборникѣ хадисовъ Малекъ-ибнъ-Анаса говорится:

«Святой духъ продиктовалъ моему сердцу, что душа не умираетъ никогда раньше, чѣмъ достигнетъ положеннаго ей предѣла». [2]).

Третья форма, это—личное вдохновеніе Пророка въ качествѣ носителя божественной благодати:

«Мы послали тебѣ, о, Мухаммедъ, книгу, содержащую истину, чтобы ты судилъ людей, пользуясь мудростью, дарованной тебѣ Богомъ» (Сура 4-я, ст. 106).

Приближеніе откровенія всегда чувствовалось Пророкомъ, и оно выражалось вдохновеніемъ. Здѣсь кстати оговориться, что эти два понятія иногда смѣшиваются, но ихъ слѣдуетъ различать, такъ какъ вдохновеніе могло быть и самопроизвольное, т. е. являющееся помимо воли Мухаммеда, и активное, умышленно имъ вызванное, и это было нѣчто среднее между экстазомъ мистиковъ и «умнымъ дѣланіемъ» масоновъ; откровеніе же всегда бывало пассивнымъ вдохновеніемъ.

Какъ и откровеніе, вдохновеніе раздѣляется, въ мусульманской теологіи, на внѣшнее (вахи) и внутреннее (ильхамъ). Въ передачѣ Корана, что было внѣшнимъ вдохновеніемъ, Мухаммедъ служилъ лишь посредникомъ между Богомъ и людьми; откровеніе же достигало слуха Мухаммеда черезъ посредство архангела Гавріила или «ангела вдохновенія»: какъ учитъ мусульманская теологія, передача откровенія—спеціальное дѣло архангела Гавріила. Такъ въ преданіяхъ говорится, что онъ являлся 12 разъ Адаму, четыре раза—Еноху, 50 разъ Ною, 42 раза—Аврааму,

---

[1]) Blochet. Etudes sur l'histoire relig. de l'Iran. II, 47.

[2]) Riad Ghali. Tradition comme source du droit musulman, p. 14.

400 разъ—Моисею, десять разъ—Іисусу и 24000 разъ Мухаммеду. [1]).

Низшей степенью внѣшняго откровенія является «знакъ ангела», что значило, что «святой Духъ вошелъ въ грудь Пророка»,—въ этомъ случаѣ вдохновеніе происходило черезъ архангела Гавріила.

Внутреннимъ называется вдохновеніе, посылаемое святому или пророку, когда онъ, руководимый высшей силой, выражаетъ свои собственныя мысли. [2]).

Говорится, что за исключеніемъ передачи Корана, Мухаммедъ говорилъ въ ильхамѣ, а не въ вахи, но это не всеобщее мнѣніе.

Вдохновеніе у Мухаммеда выражалось и передавалось различными способами:

1) По словамъ Айши, на Пророка сходилъ блескъ, подобный сіянію утра, который, какъ передаютъ комментаторы, не пропадалъ въ теченіе шести мѣсяцевъ. Этимъ путемъ архангелъ Гавріилъ передавалъ Мухаммеду волю Бога.

2) Иногда архангелъ Гавріилъ являлся Мухаммеду въ видѣ одного изъ его Спутниковъ-Дихайя, т. е. являлся въ человѣческомъ видѣ. [3]).

3) Иногда откровеніе возвѣщалось звономъ, среди котораго Мухаммедъ различалъ слова ангела. Сошествіе вдохновенія рѣзко выражалось на пророкѣ: онъ весь начиналъ дрожать, и даже въ холодное время на лбу у него выступалъ крупный потъ. [4]). Однажды онъ ѣхалъ верхомъ, и, послѣ того, какъ на него сошло откровеніе, верблюдъ его упалъ. Голова Мухаммеда дѣлалась при этомъ очень тяжелой. [5]).

---

[1]) E. Sell. Faith of islam. p. 56.

[2]) Имамъ Газали опредѣляетъ ильхамъ и вахи такъ: «1) Пріемникъ воспринимаетъ сообщеніе изъ неизвѣстнаго источника и неизвѣстнымъ путемъ. Это называется «вдыханіемъ въ грудь». Это—вдохновеніе святыхъ и суфи. Это—ильхамъ 2) Пріемникъ знаетъ посредника, черезъ котораго онъ получаетъ откровеніе, т. е. ангелъ является ему. Это есть вахи, вдохновеніе пророковъ. 3) Между ильхамомъ и вахи только та разница, что являющійся посредникомъ ангелъ появляется въ вахи, а въ ильхамѣ нѣтъ». Цит. изъ Mudakul-arifin, III, 30, Sell. Faith of islam. p. 57.

[3]) As-Sahih. I, 2.

[4]) Idem.

[5]) E. Sell. Faith of islam. p. 60.

4) Иногда архангелъ Гавріилъ вдохновлялъ Мухаммеда, не будучи видимъ имъ.

5) Дважды къ Мухаммеду являлись ангелы въ своемъ видѣ, «т. е. съ 600 крыльевъ», и приносили сообщеніе отъ Бога.

6) Иногда Богъ являлся Мухаммеду во снѣ, клалъ руку ему на плечо и возвѣщалъ ему Свою волю.

7) Во время своего путешествія на седьмое небо Мухаммедъ говорилъ съ Богомъ лицомъ къ лицу, безъ посредства ангеловъ. Мнѣнія богослововъ въ данномъ случаѣ расходятся въ разрѣшеніи вопроса: было покрыто лицо Бога или нѣтъ. Тогда какъ одни говорятъ, что оно не было покрыто, другіе высказываютъ мнѣніе, что оно было покрыто 20000 завѣсъ. Послѣднее мнѣніе представляется намъ болѣе обоснованнымъ, такъ какъ поддерживается гораздо большимъ количествомъ хадисовъ, одинъ изъ которыхъ является весьма опредѣленнымъ:

«Масрукъ передаетъ, что онъ сказалъ Аіішѣ: «О, мать! видѣлъ ли Мухаммедъ Бога?»—Мои волосы подымаются отъ ужаса, когда я слышу, что ты говоришь это, отвѣтила она. Развѣ ты не понимаешь, что изъ разсказаннаго тебѣ три вещи являются чистой ложью. Тотъ, кто тебѣ сказалъ, что Мухаммедъ видѣлъ Бога, солгалъ тебѣ, и она прочитала слѣдующія слова изъ Корана: «Люди не могли бы достичь до Него своими взорами, отъ Его же взоровъ ничто не укроется: онъ проницателенъ, Онъ освѣдомленъ обо всемъ» (Сура 6-я, ст. 103). «Человѣку не было дано слышать слово Бога иначе, какъ путемъ откровенія или черезъ завѣсу» (Сура 42-я, ст. 50). Тотъ, кто тебѣ говорилъ, будто Мухаммедъ зналъ, что будетъ на слѣдующій день, солгалъ тебѣ. Тогда она прочитала слѣдующій стихъ: «Ни одной душѣ невѣдомо, что получитъ она на слѣдующій день». (Сура 31-я, ст. 34). Тотъ, кто тебѣ сказалъ, что Пророкъ скрылъ что-нибудь, солгалъ. И она прочитала стихъ: «О, Пророкъ! возвѣсти обо всемъ, что даровано черезъ тебя Господомъ твоимъ» (Сура 5-я, ст. 71). Но Пророкъ дважды видѣлъ Гавріила лично. [1]).

Относительно звона, который возвѣщалъ откровеніе, Мухаммедъ самъ говорилъ такъ: «при приближеніи откровенія онъ слышалъ какъ бы звонъ колокольчиковъ въ ушахъ. Лишь когда прекращался звонъ, для него становилось яснымъ переданное ему ангеломъ» [2]).

При первомъ появленіи ангела Мухаммедъ сомнѣвался, добрый это или злой ангелъ, такъ какъ и самому ему иногда начинало казаться, что онъ одержимъ злымъ духомъ. Такого же мнѣнія держались и невѣрные.

---

[1]) As-Sahih. III. 455.

[2]) As Sahih I. pp. 1, 2

«Не демоны принесли Коранъ съ неба.

«Это было бы не къ лицу имъ, и они не были бы въ силахъ сдѣлать это.

«Они лишены даже права слушать его на небѣ» (Сура 26-я, ст. 210—212).

Подъ откровеніемъ подразумѣваемымъ обыкновенно понимаются тѣ толкованія, которыя давались Пророкомъ послѣ зрѣлаго обсужденія опредѣленнаго текста. Пророкъ очевидно былъ вдохновленъ, когда онъ читалъ божественное слово, которое ему передавалъ архангелъ Гавріилъ. Равнымъ образомъ онъ бывалъ вдохновленъ, когда говорилъ подъ знакомымъ впечатлѣніемъ святого духа, или же вслѣдствіе внезапнаго внушенія истины. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ рѣшалъ толкованіемъ возникающіе вопросы по поводу значенія открытыхъ черезъ него словъ, то это говорилъ не человѣкъ, а это былъ опять таки пророкъ, открывающій божественную мысль,—лишь въ этомъ случаѣ онъ былъ направляемъ тайнымъ вдохновленіемъ. [1]). Слѣдовательно, слова Пророка, являясь продуктомъ явнаго или подразумѣваемаго (тайнаго) откровенія, наравнѣ съ содержаніемъ Корана, суть проявленія божественной мысли и, на этомъ основаніи, источникъ абсолютной истины.

Однако этотъ послѣдній видъ откровенія признается далеко не всѣми, такъ какъ единоличное рѣшеніе при толкованіи всегда допускаетъ возможность ошибки, т. е. не можетъ быть признано источникомъ абсолютной истины или источникомъ божественнаго права. Другіе же признаютъ это подразумѣваемое откровеніе, основываясь на Коранѣ, Суннѣ и доводахъ разума. Главнымъ доказательствомъ конечно служитъ Коранъ:

«Вашъ соотечественникъ, о, корайшиты, не принадлежитъ къ людямъ, находящимся въ заблужденіи или какомъ-нибудь соблазнѣ. И говоритъ онъ не подъ вліяніемъ своихъ страстей» (Сура 53-я, ст. 2, 3).

Рѣшенія, постановленныя Мухаммедомъ по вопросамъ законодательнаго характера, должны были имѣть божественное внушеніе. Такова богословская теорія. Но будемъ смотрѣть на дѣло нѣсколько проще. Различные законодательные вопросы на сцену являются лишь въ мединскій періодъ, когда Мухаммедъ облекся временной властью. Но еще положеніе Мухаммеда было совсѣмъ не таково, чтобы съ первыхъ же дней своего появленія въ Мединѣ онъ могъ заговорить тономъ диктатора. Если для мухаджировъ и ансаровъ постановленныя имъ рѣшенія могли имѣть значеніе божественнаго внушенія, то они не являлись таковыми ни

[1]) Kashf. III. 204. Mirat. II 197. Loc. cit. Comte L. Ostrorog. II. p. 9.

для еврейской колоніи, ни для колоніи языческихъ арабовъ. И у тѣхъ и у другихъ были свои законы, хотя бы въ видѣ обычнаго права. Этимъ то обычнымъ правомъ Медины главнымъ образомъ и руководствовался Мухаммедъ, иллюстрируя свои рѣшенія текстами изъ Корана или новыми откровеніями. И въ Суннѣ мы находимъ не мало примѣровъ того, что Мухаммедъ, объясняя тексты примѣрами практической жизни, дѣлаетъ изъ нихъ общіе выводы Кромѣ того, кто же лучше Мухаммеда могъ истолковать смыслъ какого-нибудь текста: было бы совершенно неловко отказывать ему въ томъ, что разрѣшается другимъ. Поэтому Сунна также должна быть признана божественнымъ откровеніемъ.

Больше того, когда не было откровенія, и Мухаммедъ рѣшалъ какой-нибудь вопросъ совмѣстно со Спутниками, и тутъ Богъ руководилъ имъ, дабы не произошло ошибки, которая могла бы гибельно отозваться на всемъ будущемъ ислама, чего Богъ конечно не могъ хотѣть, такъ какъ исламъ былъ единственной правильной религіей. Это замѣчательное разсужденіе является высшей аргументаціей мусульманскихъ муллъ.

Такимъ образомъ, если мы возьмемъ за положеніе, что исламъ—единственная правильная религія, содержащая въ себѣ только духъ истины, что для мусульманъ является абсолютнымъ, тогда многое можно доказать очень легко. Въ затруднительныхъ случаяхъ мы какъ щитомъ можемъ закрываться этимъ талисманическимъ возраженіемъ. это такъ, и утвержденіе противнаго было бы гибельно для ислама, а этого Богъ не можетъ хотѣть!

Слѣдовательно, бывало ли откровеніе явное или подразумѣваемое, другими словами, казалось ли Мухаммеду, что Богъ такъ приказываетъ или только одобряетъ образъ его мыслей,—слова Пророка постоянно имѣли характеръ божественной миссіи. На этотъ пунктъ надо обратить особенное вниманіе, такъ какъ. въ противномъ случаѣ, на всемъ протяженіи дальнѣйшаго чтенія, явится множество безполезныхъ, грѣховныхъ «почему?»

Дальше, спутники Пророка, а въ частности первые четыре халифа, проводившіе почти все свое время съ Мухаммедомъ и получавшіе непосредственно отъ него объясненія во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, не могли не знать истиннаго смысла текстовъ Корана, и высказываемое ими по этому поводу мнѣніе также является абсолютной истиной.

Ставъ на точку зрѣнія истинности ислама, нельзя удержаться отъ формулировки нѣкоторыхъ вопросовъ, которые напрашиваются сами собою.

Если Коранъ есть откровеніе и слово Бога, въ которомъ не можетъ быть ошибокъ, такъ какъ Богъ непогрѣшимъ,—какимъ образомъ могла явиться надобность уничтожить нѣкоторые стихи Корана, какъ не соотвѣтствующіе общему ученію? Правда, въ Коранѣ говорится:

«Мы не отмѣнимъ ни одного стиха изъ книги этой. ни одного изъ нихъ не уничтожимъ въ памяти твоей, не замѣнивъ его лучшимъ или равнымъ» (Сура 2-я, ст. 100).

Стихъ этотъ указываетъ намъ на двѣ вещи: 1) что очень скоро уже противорѣчія Корана были замѣчены, и явилась необходимость отмѣнить нѣкоторые стихи, и 2) такъ какъ была полная возможность повторенія подобныхъ случаевъ и въ будущемъ, отмѣну пришлось сдѣлать общимъ правиломъ. При существованіи же этого, вы лишены совершенно возможности доказать мусульманину, что въ Коранѣ много противорѣчій, такъ какъ онъ отвѣтитъ вамъ, что противорѣчій нѣтъ, такъ какъ кажущіяся людямъ противорѣчія Богъ замѣнилъ другими стихами, о чемъ Онъ самъ говоритъ въ Коранѣ, а почему Онъ сдѣлалъ это, спрашивать объ этомъ—невѣріе.

Если муджтахиды учатъ, какъ дальше мы это увидимъ, что нѣкоторыя мѣста Корана могутъ быть объяснены лишь въ совокупности съ другими текстами, имѣющими къ нимъ отношеніе,—можно ли считать, что все въ Коранѣ растолковано правильно, если самими мусульманскими богословами признанъ фактъ, что въ теперешній Коранъ вошло не все, что было получено Пророкомъ въ откровеніи! Изъ дальнѣйшаго чтенія мы увидимъ, что нѣкоторыя главы Корана потеряли значительное число стиховъ, которые не были отмѣнены, но просто потерялись, и отъ нихъ осталась только память, что они были.

Если Коранъ является дополненіемъ и исправленіемъ прежнихъ ученій,—какимъ образомъ въ немъ могутъ быть ошибки и колебанія, разъ уже прежнія ученія представляли изъ себя опредѣленную, правильную систему?

Если Коранъ вѣченъ, какъ то учитъ мусульманская теологія, то какъ объяснить то, что въ теченіе какого-нибудь десятка лѣтъ взглядъ Корана (или Мухаммеда въ Коранѣ) на очень многое совершенно мѣняется? Если же имѣвшія мѣсто измѣненія произошли вслѣдствіе того, что мѣнялись чисто случайныя обстоятельства, вызвавшія въ свое время то или другое откровеніе, то справедливо ли каждому слову Корана придавать значеніе обсолютной и вѣчной доктрины?

Въ самомъ дѣлѣ, откровеніе въ Меккѣ было весьма отлично отъ позднѣйшаго откровенія. Первое почти исключительно посвящено прославленію Бога, провозглашенію Его единства и Его могущества, возвѣщенію о будущей жизни и судѣ надъ праведниками и грѣшниками. Второе по большей части посвящено земнымъ вопросамъ самаго различнаго характера, хотя попадаются и чисто догматическія страницы. Это все понятно: то, что было возвѣщено, уже не требовало повторенія. Но важенъ вотъ какой вопросъ. Разъ исламъ былъ объявленъ очищающимъ продолженіемъ религій Писанія, и первоначально «люди писанія» пользо-

вались нѣкоторымъ уваженіемъ со стороны Мухаммеда, какимъ образомъ они постепенно обращаются во враговъ ислама, въ невѣрныхъ, которыми первоначально были лишь язычники арабы? Правда, особенно за послѣднее время, среди мусульманъ появились сторонники примиренія, которые стараются объяснить враждебныя отношенія мусульманскаго міра къ христіанству слѣдствіемъ невѣрнаго толкованія Корана. Уже это самое заявленіе, исходящее отъ нихъ, съ мусульманской точки зрѣнія является ересью при самой мягкой и снисходительной оцѣнкѣ, а по настоящему—невѣріемъ. Но допустимъ на одну минуту это положеніе, чтобы только увидать, что мы не можемъ дольше оставаться на этой точкѣ зрѣнія.

Эти сторонники примиренія говорятъ, что мѣры противъ евреевъ и христіанъ были вызваны чисто политическими, а не религіозными соображеніями, и имѣли лишь временный, а не постоянный характеръ. Но вѣдь въ качествѣ военнаго диктатора Мухаммедъ не былъ уполномоченъ передавать слово Бога? Кромѣ того, разъ нѣкоторыя части Корана носили лишь временный характеръ, то они не могли быть словомъ Бога, которое вѣчно. Слѣдовательно, стараясь примирить непримиримое, либеральные писатели вступаютъ на скользкій путь отрицанія вѣчности Корана и его божественности въ цѣломъ. Нечего и говорить о томъ, что проповѣдь ихъ не можетъ имѣть успѣха среди мусульманъ —въ противномъ случаѣ, исламизмъ кончилъ бы существовать. Но, съ нашей точки зрѣнія, они правы, такъ какъ въ Коранѣ имѣется очень много мѣстъ, уничтоженіе которыхъ значительно возвысило бы и оживило эту холодно замкнутую и злобно обособленную религію.

Когда Мухаммедъ былъ силенъ, онъ могъ свободно дѣлать распоряженія въ качествѣ государя, а не пророка, и этимъ распоряженіямъ повиновались бы такъ же безропотно, но онъ этого не сдѣлалъ. Въ силу этого онъ не могъ быть искреннимъ всегда, о чемъ я говорилъ уже выше. Гдѣ, напримѣръ, онъ является неискреннимъ, такъ это въ заявленіи о томъ, что доказательствомъ его божественной миссіи служатъ сообщаемые имъ изъ древней библейской исторіи факты; свои же ошибки въ сообщеніи этихъ фактовъ онъ объясняетъ тѣмъ, что относительно нѣкоторыхъ фактовъ ему было откровеніе, а относительно другихъ не было. Но кто же можетъ вѣрить тому, что знакомство съ этими фактами изъ библейской исторіи не было пріобрѣтено изъ источниковъ земныхъ, а ошибки произошли въ силу того, что эти земные источники не были на надлежащей высотѣ? Самъ же Мухаммедъ съ истиннымъ ученіемъ евреевъ и христіанъ не былъ знакомъ, такъ что у него не было никакой возможности сколько-нибудь критически относиться къ почерпаемымъ со всѣхъ сторонъ фактамъ. И такое знакомство, которое доказано исторически, совершенно не имѣло нужды прятаться за архангела Гав-

ріила,—оно было болѣе чѣмъ естественнымъ: разъ Мухаммеду было поручено очистить религію евреевъ и христіанъ, не первымъ ли его дѣломъ было ознакомиться съ этими религіями? Но не будемъ путать слѣдствія съ причиной. Было даже наоборотъ: послѣ знакомства съ тѣми религіями, которыя подъ именемъ вѣры Авраама и Христа проникли въ Аравію, у Мухаммеда явилось намѣреніе объединить арабскую націю въ монотеистической религіи, составивъ ее изъ существующихъ вѣрованій. Ободреніемъ для него служило то, что и среди арабовъ монотеистическія тенденціи проявлялись сильнѣе и сильнѣе.

Мы можемъ охотно признать, что Мухаммедъ искренно вѣрилъ въ свою божественную миссію, что онъ всегда старался поступать такъ, какъ подсказывало ему его сердце, очищенное архангеломъ Гавріиломъ дважды отъ всякой грѣховной скверны и обращенное къ Богу, что онъ училъ тому, что ему представлялось внушеннымъ свыше, и что даже въ отдѣльныхъ случаяхъ, при разрѣшеніи вопросовъ чисто мѣстнаго характера, онъ, погружаясь въ религіозную созерцательность, какъ бы вызывалъ откровеніе,—все это можно допустить. Но что Коранъ не былъ его твореніемъ, это не укладывается въ нашемъ понятіи, такъ какъ погрѣшности, встрѣчающіяся въ Коранѣ, объясняются именно его человѣческой природой.

Для правовѣрнаго мусульманина Коранъ является точнымъ воспроизведеніемъ слова Божія, переданнаго Мухаммеду архангеломъ Гавріиломъ. Коранъ является величайшимъ изъ чудесъ.

«Во всѣ времена каждый истинный пророкъ совершалъ чудеса въ той области человѣческаго искусства или знанія, которое наиболѣе процвѣтало въ данный періодъ. Такъ, напримѣръ, въ дни Моисея большимъ вліяніемъ пользовалась магія,—но всѣ маги фараонова двора должны были склониться передъ превосходнымъ искусствомъ еврейскаго пророка. Въ дни Іисуса процвѣтала медицина, но ни одинъ докторъ не могъ сравниться въ искусствѣ съ Іисусомъ, Который не только исцѣлялъ больныхъ, но и воскрешалъ мертвыхъ. Во времена Мухаммеда спеціальной и самой характерной чертой времени была удивительная сила арабовъ въ поэзіи. Въ краснорѣчіи имъ не было равныхъ, равно какъ они не знали соперниковъ въ томъ искусствѣ, съ которымъ они распредѣляли свой матеріалъ и давали выраженіе своимъ мыслямъ. И въ этой то спеціальной области Коранъ оказался верхомъ превосходства, и для мусульманскаго ума въ этомъ ясный знакъ его чудеснаго происхожденія» [1]).

Вѣчный Коранъ, пребывавшій на небѣ, сходилъ на землю

[1]) E. Sell. Faith of islam. p p. 7, 8.

лишь по частямъ, и Мухаммеду иногда ставили въ упрекъ то, что у другихъ (т. е. у евреевъ и христіанъ) есть опредѣленныя книги, тогда какъ у него нѣтъ полнаго откровенія. Въ отвѣтъ на это было ниспослано откровеніе:

«Невѣрные говорятъ: зачѣмъ Коранъ не былъ ему посланъ сразу? Мы поступили такъ, чтобы укрѣпить сердце твое: мы прочитываемъ его отрывками.

«Всякій разъ, какъ они будутъ предлагать тебѣ какія-нибудь уподобленія, мы будемъ давать тебѣ истину и наисовершеннѣйшее объясненіе» (Сура 23-я, ст. 34, 35).

«Не торопись повторять стихи Корана, пока откровеніе будетъ оставаться неполнымъ» (Сура 20-я, ст. 113).

Бухари передаетъ слѣдующее.

«Когда вдохновеніе сошло на него (Мухаммеда), онъ двигалъ языкомъ и губами, желая удержать откровеніе въ памяти. Тогда Богъ послалъ слова:

«О, Мухаммедъ! не приводи въ слишкомъ быстрое движеніе языкъ свой, когда ты повторяешь откровеніе, не проявляй излишняго безпокойства относительно того, что ускользнетъ отъ тебя данное тебѣ откровеніе.

«Это уже наше дѣло соединить части и прочесть его какъ слѣдуетъ» (Сура 75-я, ст. 16, 17).

«Другими словами, Пророку нечего было трудиться запоминать ихъ наизусть,—они должны были прійти ему въ память, когда это будетъ нужно». [1]).

Въ другомъ мѣстѣ говорится:

«Мы научимъ тебя читать Коранъ, и ты ничего не забудешь» (Сура 87-я, ст. 6).

Если бы мы не знали того, что архангелъ Гавріилъ былъ приставленъ къ Мухаммеду для того, чтобы находиться при немъ безотлучно, невольно пришлось бы удивляться современности всякихъ откровеній. При чтеніи хадисовъ постоянно встрѣчаешь фразу: «и тутъ былъ открытъ стихъ».

Разъ признана божественная природа Корана и его чудесное происхожденіе, это уже обезпечиваетъ ему высшій авторитетъ во всѣхъ вопросахъ, къ какой бы области они не принадлежали.

Приводимъ нѣсколько хадисовъ, въ которыхъ говорится о чтеніи и пониманіи Корана.

«Абу Муса передаетъ, что Пророкъ сказалъ: Тотъ, кто читаетъ Коранъ, подобенъ апельсину, вкусъ котораго превосходенъ, и запахъ ароматенъ; тогда какъ тотъ, который не читаетъ Корана, подобенъ финику, у котораго прекрасный вкусъ, но который лишенъ аромата. Нечистивецъ, который читаетъ Коранъ, по-

[1]) E. Sell. Faith of islam. p. 68.

добенъ мирту, запахъ котораго пріятенъ, а вкусъ горекъ. Нечестивецъ, который не читаетъ Корана, подобенъ горькой тыквѣ, вкусъ которой горекъ, и которая не имѣетъ аромата» [1]).

Коранъ говоритъ о невѣрныхъ:

«Когда ты читаешь Коранъ. мы опускаемъ завѣсу между тобою и тѣми, которые не вѣруютъ въ будущую жизнь.

«Мы обертываемъ ихъ сердца покрывалами, чтобы лишить ихъ разсудительности. Мы сдѣлаемъ ихъ глухими». (Сура 17-я, ст. 47, 48).

«Почему, когда читаютъ Коранъ имъ, они не падаютъ ницъ?» (Сура 84-я, ст. 21).

«Абдулла-ибнъ-Омаръ передаетъ, что онъ слышалъ слова Пророка Бога: «Есть только два человѣка, жребій которыхъ завиденъ: тотъ, кому Богъ далъ Коранъ, и кто его читаетъ въ ночное время; и тотъ, кому Богъ далъ богатство, и онъ пользуется имъ для раздачи милостыни и днемъ и ночью» [2]).

«По словамъ Усманъ-ибнъ-Аффана, Пророкъ сказалъ: «Всего больше заслуги имѣетъ тотъ изъ васъ, кто читаетъ Коранъ и учитъ его потомъ». [3]).

«По словамъ Абдуллы, Пророкъ сказалъ: «Старайтесь думать о Коранѣ, потому что онъ легче выскальзываетъ изъ памяти человѣка, чѣмъ (оставленный безъ наблюденія) верблюдъ» [4]).

Съ одной стороны, мусульмане считаютъ каждое слово Корана словомъ Бога, съ другой стороны, они допускаютъ, что истина была многократно открываема не черезъ посредство Мухаммеда, а другихъ людей, которые не могли претендовать на пророческую миссію. Такъ, Сюйюти приводитъ слова Ибнъ Мардавійя: [5]).

«Омаръ обыкновенно выражалъ свое мнѣніе относительно опредѣленнаго предмета, и вотъ! Коранъ являлъ откровеніе, согласное съ нимъ».

О томъ же говоритъ и Бухари:

«Омаръ имѣлъ обыкновеніе говорить: «я и мой Господь сошлись относительно трехъ вещей. Я сказалъ: «о, апостолъ Бога! Мы можемъ принять мѣсто Авраама, Каабу, какъ мѣсто поклоненія», и по этому поводу сошло откровеніе: «Мы основали домъ святой, чтобы онъ служилъ убѣжищемъ и пристанищемъ для людей и сказали: назначьте для проповѣди въ немъ мѣсто Авраама»

[1]) As-Sahih. III. 532.
[2]) As-Sahih. III. 534.
[3]) Idem.
[4]) Idem. p. 536.
[5]) Klein. The religion of islam. Loc. cit. pp. 17, 18.

(Сура 2-я, ст. 119). Тогда я сказалъ: «о, апостолъ Бога! Я вижу, что благочестивые и злые входятъ въ домъ твой и смотрятъ на твоихъ женъ: было бы лучше, если бы приказалъ имъ помѣщать (передъ собой) занавѣсъ», и вотъ былъ открытъ стихъ о покрывалѣ:«.. если вы пожелаете спросить что-нибудь у женъ Пророка, спрашивайте ихъ черезъ покрывало. такъ и ваше и ихъ сердце сохранится въ чистотѣ» (Сура 33, ст. 53). Когда я увидалъ, что жены Пророка собрались около него въ ревности, я сказалъ. «Можетъ быть, Богъ повелитъ ему развестись съ вами и дастъ ему женъ, лучшихъ, чѣмъ вы»,—и вотъ сошло откровеніе: «Если онъ отвергнетъ васъ, то Господь дастъ ему еще лучшихъ супругъ, женщинъ мусульманскихъ и вѣрующихъ, благочестивыхъ, охотно раскаявающихся, покорныхъ, соблюдающихъ постъ, изъ которыхъ однѣ уже были раньше замужемъ, а другія—дѣвицы» (Сура 66-я, ст. 5). Дальше Омаръ говоритъ: «Когда стихъ «мы создали человѣка изъ тонкой глины» (Сура 23-я, ст. 12) былъ открытъ, я воскликнулъ: «да будетъ благословенъ Богъ, превосходнѣйшій изъ творцовъ», и это буквально принято въ Коранѣ»

Можно привести еще множество примѣровъ, наглядно показывающихъ, что Мухаммедъ ничего не имѣлъ противъ включенія въ Коранъ мыслей и выраженій другихъ людей, разъ онъ находилъ эти мысли подходящими и ярко выраженными. [1]).

Одинъ хадисъ, сообщенный Абд-ур-Разакомъ, воспроизводитъ пантеистическую доктрину рожденія Мухаммеда. Вотъ этотъ хадисъ, переданный со словъ Джабаръ-ибнъ-Абдуллы: [2]).

«Я спросилъ Пророка, что Богъ сотворилъ прежде всего, и онъ отвѣтилъ мнѣ. о, Джабаръ! Прежде всѣхъ вещей Богъ сотворилъ свѣтъ твоего Пророка. Онъ сотворилъ его изъ своего свѣта, т. е. изъ свѣта, который Онъ создалъ, и который Онъ назвалъ Своимъ, чтобы больше прославить его. Этотъ свѣтъ принялся вращаться, блуждая въ Царствѣ по всемогуществу высшей воли. Еще не было ни Стола (или Доски для записыванія рѣшеній—Сокровенныя Таблицы). ни Пера (которымъ пишутся эти рѣшенія), ни рая, ни ада, ни ангеловъ, ни неба, ни земли, ни солнца, ни луны, ни генія, ни человѣка. Когда Богъ захотѣлъ произвести твореніе, Онъ раздѣлилъ этотъ свѣтъ на четыре части. Изъ первой (1:4) Онъ сотворилъ Перо, изъ второй Таблицу (или Доску), изъ третьей Престолъ. Изъ четвертой части Онъ сдѣлалъ четыре другихъ части: первая (1:16), это—поддерживающіе Тронъ ангелы, вторая—самый Тронъ, третья—остальные ангелы. Четвертую часть Онъ раздѣлилъ на четыре части: изъ пер-

---

[1]) Klein. p. 18. Loc. cit Itkan. 1. 43.

[2]) Cnmte de Castries Moulay Ismail. p. 74.

вой (1.64) Онъ сдѣлалъ небеса, изъ второй земли, изъ третьей рай и адъ. Четвертая часть снова была раздѣлена на четыре части: первая (1:256) сдѣлалась свѣтомъ очей вѣрующихъ, вторая —свѣтомъ ихъ сердецъ, и это есть признаніе Бога, третья была свѣтомъ ихъ довѣрія, что есть монотеизмъ, выраженный словами: «нѣтъ бога кромѣ Бога, и Мухаммедъ Пророкъ Бога».

На этомъ кончается хадисъ, не говоря о томъ, что сдѣлалось съ послѣдней четвертью (1:256) первоначальнаго свѣта.

Хотя этого хадиса нѣтъ въ сборникахъ Бухари и Муслима, и хотя онъ имѣетъ не совсѣмъ ортодоксальный характеръ, онъ достаточно распространенъ въ словесной передачѣ. Приводится онъ обыкновенно для того, чтобы показать, почему Богъ избралъ Мухаммеда для передачи Корана, а равно и для того, чтобы стало понятнымъ, какимъ образомъ Авраамъ, Моисей и Іисусъ Христосъ могли проповѣдывать исламъ задолго до появленія этой религіи на землѣ.

Разъ въ годъ Мухаммедъ удостаивался видѣть полный списокъ Корана, который ему показывалъ архангелъ Гавріилъ: Этотъ списокъ былъ написанъ на шелкѣ золотыми буквами и украшенъ драгоцѣнными камнями. Въ послѣдній годъ своей жизни Мухаммедъ увидѣлъ его дважды. [1]). Обыкновенно это бывало въ мѣсяцъ рамазанъ, который, какъ говорится, былъ избранъ Богомъ для передачи всѣхъ откровеній въ формѣ священныхъ книгъ. Такъ, въ первую ночь этого мѣсяца съ неба сошли книги Авраама, въ шестую—книги Моисея, въ 13-ю Евангеліе и въ 27-ю—Коранъ. [2]). Хотя относительно этой послѣдней даты самъ Мухаммедъ высказывалъ сомнѣніе, что ему было сказано, когда бываетъ «ночь рѣшеній», но онъ забылъ и можетъ сказать только, что ее должно искать въ послѣднихъ десяти дняхъ мѣсяца.

Хотя мусульмане и считаютъ Коранъ не сотвореннымъ и существовавшимъ отъ вѣчности, однако эта доктрина не была всегда и всеобщимъ вѣрованіемъ. Несмотря на всѣ попытки ортодоксальныхъ мусульманъ поддержать догматъ вѣчнаго существованія Корана, престижу книги Пророка былъ нанесенъ страшный ударъ, когда халифъ Аль-Мамунъ, бывшій въ сущности язычникомъ, открыто присоединился къ ученію о сотвореніи Корана. [3]).

Въ исповѣданіяхъ вѣры, составленныхъ различными богословами, такъ говорится о несотворенности Корана.

Ашари говоритъ: «Мы учимъ, что слово Бога не сотворено». Газали говоритъ: «Коранъ, Туратъ (Пятикнижіе), Инджиль (Еван-

---

[1]) Sale. P. D. p. 50.

[2]) E. Sell. Faith of islam. p. 2 Тафсиръ-и-мэвакибъ, т I. стр. 109.

[3]) Galland. Mo' tazelites. p. 72.

геліе) и Забуръ (Псалмы)—суть книги Бога, открытыя Имъ Своимъ пророкамъ. Коранъ повторяется языками, пишется на бумагѣ, сохраняется въ сердцахъ; несмотря на все это, онъ не имѣетъ начала, существуя въ сущности Бога, и, хотя переданный на листы и въ сердца, онъ не можетъ быть раздѣленъ». [1]).

Начало споровъ о сотвореніи Корана или его вѣчномъ существованіи относится ко времени халифа Аль-Мамуна. Вопросъ этотъ имѣетъ капитальную важность въ глазахъ мусульманина, и эта то именно важность и заставляетъ ихъ рѣшать вопросъ признаніемъ вѣчности Корана. Если Коранъ вѣченъ, не значитъ ли это, что другія религіи откровенія имѣли лишь временное значеніе? Если же допустить созданіе Корана, т. е. признать его чисто служебную роль для облегченія проповѣди Мухаммеда, то не значило ли бы это, что онъ явился лишь эволюціей уже окончательно установленныхъ доктринъ? Въ этомъ послѣднемъ случаѣ не было бы возможности отвергать существовавшихъ раньше книжныхъ религій. Послѣдняго мнѣнія придерживаются мутазелиты, для всѣхъ же ортодоксальныхъ мусульманъ Коранъ является сотвореннымъ отъ вѣка, и лишь для появленія его на землѣ было выбрано время. [2]).

Къ двумъ приведеннымъ выше исповѣданіямъ относительно несотворенія Корана прибавимъ еще третье, самое распространенное, которое принадлежитъ ханефитскимъ имамамъ.

«Коранъ есть слово Бога, вдохновленное, посланное Имъ и Его атрибутъ. Оно не есть Онъ, но и не что нибудь другое, чѣмъ Онъ. Написанное въ книгахъ, читаемое языкомъ, запоминаемое, въ сердцахъ,—оно не входитъ въ нихъ. Буквы, чернила, бумага, письмена, все это сотворено, ибо это—дѣло слугъ. Калямъ (слово) не сотворенъ, потому что слова, буквы, письмена и стихи суть только инструменты Корана, нужные для слугъ Бога. Тотъ, кто говоритъ, что Коранъ сотворенъ,—кафиръ (невѣрный)» [3]).

Мутазелиты первыми высказали мнѣніе о сотвореніи Корана, за что и были объявлены еретиками. Однако эта ересь, какъ мы выше замѣтили, поддерживалась даже нѣкоторыми халифами, т. е. высшимъ духовнымъ авторитетомъ.

Мутазелиты, о которыхъ дальше мы будемъ говорить подробнѣе, возставали противъ абсолютизма буквы Корана и требовали, чтобы было предоставлено нѣкоторое мѣсто и для сужденія. Основная идея ихъ положенія была безусловно правильна, и, при благоразумномъ ея проведеніи, она сулила превосходные результаты, такъ какъ значительно раздвинула бы узкія рамки мусуль-

---

[1]) D. B. Macdonald. Muslim Theology. pp. 294, 304.
[2]) O. Houdas. L'islamisme. p. 5.
[3]) E. Sell. Faith of islam. p. 211.

манскаго міра. Разсматривая Коранъ, какъ созданіе человѣческаго ума, они тѣмъ не менѣе относились къ нему съ величайшимъ уваженіемъ. Помимо того, умѣлое пользованіе имъ давало въ руки могущественное оружіе для убѣжденія своихъ противниковъ.

Главные доводы, которые они приводили противъ доктрины о несотвореніи Корана, заключались въ слѣдующемъ:

1) Онъ написанъ по-арабски, спустился (съ неба), читается, слушается и написанъ. Онъ былъ предметомъ чуда Онъ раздѣленъ на части, и нѣкоторые стихи отмѣнены другими.

2) Событія описаны въ прошедшемъ времени, но, если бы Коранъ былъ вѣченъ, то было бы употреблено будущее время.

3) Коранъ содержитъ приказанія и запрещенія. Если бы онъ былъ вѣченъ, то кому приказывали и кого уговаривали?

4) Если бы онъ существовалъ отъ вѣчности, то онъ долженъ также существовать до вѣчности (въ будущемъ), и въ послѣдній день, и въ будущемъ мірѣ люди будутъ находиться подъ обязательствомъ выполненія тѣхъ же самыхъ религіозныхъ обрядовъ, которые они выполняютъ теперь.

5) Если Коранъ вѣченъ, то въ такомъ случаѣ вообще имѣется два вѣчныхъ.

6) Люди въ состояніи написать книгу, подобную этой по краснорѣчію и стилю. [1]).

Повидимому, самъ Пророкъ предвидѣлъ тѣ споры, которые должны были подняться около Корана. Въ одномъ преданіи, переданномъ Абдулла-ибнъ-Омаромъ, говорится: «тотъ, кто скажетъ, что Коранъ сотворенъ—богохульникъ», и еще: «настанетъ время, когда иные изъ моей націи будутъ говорить, что Коранъ сотворенъ. Пусть никто изъ васъ не слѣдуетъ имъ въ этомъ, такъ какъ они отрицаютъ всемогущаго Бога,—они не войдутъ въ рай и не будутъ вдыхать его ароматовъ». [2]).

Коранъ также отмѣчаетъ:

«Пророкъ скажетъ: Господи, народъ мой пренебрегъ Кораномъ этимъ» (Сура 25-я ст. 32).

Для мутазелитовъ же, напротивъ, признаніе Корана вѣчнымъ считалось богохульствомъ, такъ какъ подобное ученіе рядомъ съ Богомъ устанавливало существованіе второй вѣчности.

Признаніе человѣческаго происхожденія Корана не могло не отразиться на уваженіи къ нему, которое замѣтно начало уменьшаться. Не только появились сомнѣнія относительно чудесъ, о которыхъ говорится въ Коранѣ, но стали даже высказывать, что Коранъ имѣетъ два лица: одно человѣческое, а другое звѣриное. Этимъ хотѣли показать возможность двойного толкованія Корана—

---

[1]) E. Sell. Faith of islam. p. 212.

[2]) Galland. Mo'tazelites. p. 68.

по буквѣ и по смыслу. [1]) Можетъ быть, аллегорія мѣтила выше и изображала двойственное начало Корана. духовное и плотское...

Сюйюти пишетъ въ своей «Исторіи халифовъ» [2]), что халифъ Аль-Мамунъ публично призналъ истинной доктрину о сотвореніи Корана, но народъ съ отвращеніемъ отшатнулся отъ него, но однако нѣкоторое время все было сравнительно спокойно, не было ни гоненій, ни преслѣдованій. Но въ 218 году Аль-Мамунъ написалъ своему намѣстнику въ Багдадѣ, Исхаку-бинъ-Ибрагимъ-уль-Хузаи, между прочимъ слѣдующее:«... Высочайшій сказалъ въ Коранѣ: «Истинно, мы создали арабскій Коранъ». И конечно то, что Онъ создалъ, Онъ сотворилъ». И халифъ дальше обвиняетъ тѣхъ, кто имѣетъ несходные съ нимъ взгляды, въ томъ, что они «корабли невѣжества и свѣточи лжи, люди, свидѣтельство которыхъ должно быть отвергаемо». Онъ говоритъ Исхаку-ибнъ-Ибрагиму. «Собери находящихся въ твоемъ районѣ казіевъ, прочти имъ мое письмо, спроси у нихъ ихъ взглядъ на это дѣло, вывѣдай у нихъ, что они думаютъ о сотвореніи Корана; еще увѣдоми ихъ, что я не ищу для своей службы и не довѣряю тѣмъ, кто не православенъ въ своей вѣрѣ. Если они согласятся съ этимъ и будутъ единодушны, то прикажи имъ спросить относительно вѣры въ существованіе Корана тѣхъ свидѣтелей, которые являются къ нимъ».

Семь извѣстныхъ казіевъ были отправлены для свиданія съ Аль-Мамуномъ. Вмѣстѣ съ ними были вызваны многіе извѣстные богословы, въ числѣ которыхъ былъ и Ахмедъ-ибнъ-Ханбалъ, Валидъ и др.,—всѣ они явились къ Исхаку-ибнъ-Ибрагиму Нижеслѣдующее какъ нельзя лучше иллюстрируетъ то, что произошло при этомъ свиданіи. «Исхакъ обратился къ Ибнъ-уль-Бака и спросилъ его: «что ты скажешь?» Бака отвѣтилъ: «я заявляю на основаніи яснаго текста, что Коранъ былъ сдѣланъ и приведенъ къ существованію». Исхакъ сказалъ: «а то, что сдѣлано, сотворено?»—Да, отвѣтилъ тотъ.—«Тогда, сказалъ Исхакъ,—Коранъ сотворенъ» [3]).

Такимъ образомъ, этотъ опросъ никого и ни въ чемъ осо-

---

[1]) Galland. Mo'tazelites. p. 69.

[2]) Loc cit. E. Sell. Faith of islam. pp. 213, 214.

[3]) Въ другихъ источникахъ объ этомъ передается нѣсколько иначе. Испытаніе относительно вѣры въ происхожденіе Корана происходило дѣйствительно въ присутствіи Абу-Гарунъ-ибнъ-аль-Бака, но отвѣтъ его былъ не утвердительный, а лишь колеблющійся. Онъ сказалъ, что Коранъ «приказанъ», какъ это видно изъ словъ: «Я приказалъ Коранъ для тебя». Что было приказано, то сотворено, но едвали это можетъ быть примѣнено къ Корану» (Galland, Mo'tazelites. p. 136).

бенно не убѣдилъ: натяжка объясненія, а особенно неувѣренность тона его чувствовались положительно всѣми.

Вскорѣ послѣ этого Аль-Мамунъ снова написалъ: «До моего свѣдѣнія дошло то, что отвѣтили претендующіе на православіе и искатели авторитета. Теперь, всякій, кто не допускаетъ, что Коранъ сотворенъ, долженъ быть отстраненъ отъ занятія судебныхъ должностей и лишенъ права передавать преданія». Были посланы и отдѣльные именные приказы: «Скажи Бишру, что, если онъ станетъ отрицать, что Коранъ сотворенъ, голова его будетъ отрублена и отправлена ко мнѣ». Другому же онъ говоритъ: «Мечъ надъ тобой». Всѣмъ угрожали, и всѣ были въ смертельномъ страхѣ, какъ бы не лишиться жизни, такъ какъ Аль-Мамунъ, услышавъ, что нѣкоторые согласились съ его доводами лишь вслѣдствіе принужденія, вызвалъ ихъ къ себѣ. По дорогѣ они узнали о его смерти. Такъ «Господь былъ милостивъ къ нимъ и прогналъ ихъ страхъ».

Когда былъ обнародованъ эдиктъ о сотвореніи Корана, то были случаи отступничества, но большинство оставалось втайнѣ вѣрными своему ученію о вѣчномъ существованіи божественной книги. Въ Багдадѣ былъ учрежденъ особый трибуналъ, назначенный для суда надъ противниками государственной религіи. По обвиненію въ ереси, передъ этимъ трибуналомъ оказался и Ахмедъ-ибнъ-Ханбалъ, основатель одной изъ четырехъ ортодоксальныхъ школъ.

Такъ какъ онъ вмѣстѣ съ другими учеными богословами отказался признать правильной доктрину о сотвореніи Корана, то, закованный въ цѣпи, онъ былъ отправленъ въ Тарсъ, гдѣ и заключенъ въ темницу. Во время правленія Аль-Мутасима Ибнъ-Ханбалъ былъ публично наказанъ, и лишь только переходъ власти къ болѣе либеральному Мутаваккилю открылъ двери его темницы. [1]). Съ вступленіемъ на престолъ этого халифа для ортодоксальныхъ мусульманъ опять настали лучшія времена, и доктрина вѣчнаго существованія Корана опять восторжествовала. Хотя поворотъ къ православію, т. е. признанію Корана несотвореннымъ, начался еще до этого халифа. «Во время правленія его предшественника, халифа Васика, секта мутазелитовъ, учившихъ, что Коранъ сотворенъ, пользовалась силою при дворѣ. Сунниты терпѣли жестокія преслѣдованія. Судъ былъ жестокъ, такъ какъ во главѣ инквизиціоннаго судилища въ Багдадѣ стоялъ глава мутазелитовъ Ахмедъ-ибнъ-абу-Даудъ. При немъ однажды имѣлъ мѣсто знаменитый диспутъ въ присутствіи самого халифа. Диспутъ происходилъ между Ахмедомъ и однимъ старикомъ-суннитомъ, ко-

[1]) Galland. Mo'tazelites. p. 44.

торый былъ приведенъ изъ темницы и получилъ отъ халифа разрѣшеніе предложить Ахмеду нѣсколько вопросовъ.

«Произошелъ слѣдующій разговоръ

— «Ахмедъ, сказалъ арестованный,—что это за догматъ, который вы хотите установить?

— «Что Коранъ сотворенъ, отвѣтилъ Ахмедъ.

— «Тогда этотъ догматъ, безъ сомнѣнія, составляетъ существенную часть религіи, настолько, что безъ него она не можетъ быть названа полной?

— «Конечно.

— «Училъ ли этому людей апостолъ Бога, или же онъ оставилъ ихъ свободными въ этомъ отношеніи?

— «Онъ оставилъ ихъ свободными.

— «Былъ ли апостолъ Бога знакомъ съ этимъ догматомъ, или нѣтъ?

— «Онъ былъ знакомъ съ нимъ.

— «Вслѣдствіе чего же вы желаете навязывать вѣру въ то, относительно чего апостолъ Бога предоставилъ людямъ свободу думать, какъ имъ угодно?

«Такъ какъ Ахмедъ молчалъ на это, старикъ повернулся къ Васику и сказалъ ему;

— «О, повелитель правовѣрныхъ! Я хорошо установилъ первое свое положеніе.

«Потомъ, обратившись къ Ахмеду, онъ сказалъ.

— «Богъ сказалъ: «Въ этотъ день я усовершенствовалъ религію для васъ и исполнилъ мѣру моихъ милостей къ вамъ, и мнѣ очень пріятно, что исламъ ваша религія». Но, по вашимъ словамъ, исламъ не является совершеннымъ, пока мы не примемъ доктрины, что Коранъ сотворенъ. Кто же теперь больше достоинъ довѣрія,—Богъ ли, Который называетъ исламъ полнымъ и совершеннымъ, или вы, высказывающіе противное?

«Ахмедъ хранилъ молчаніе.

— «О, повелитель правовѣрныхъ! сказалъ старикъ,—вотъ и второе мое положеніе хорошо утверждено.

«Онъ продолжалъ:

— «Ахмедъ, какъ вы объясняете слѣдующія слова Бога въ Его святой Книгѣ: «о, апостолъ! объяви все, что было послано тебѣ твоимъ Господомъ, потому что, если ты не сдѣлаешь этого, то (это будетъ какъ будто бы) ты совсѣмъ не объявилъ Моего посланія?» Теперь, что касается того догмата, который вы хотите распространить,—училъ ли Пророкъ ему, или же онъ воздержался отъ этого?

«Ахмедъ хранилъ молчаніе. Старикъ заключилъ:

— «О, повелитель правовѣрныхъ! таково мое третье доказательство.

«Потомъ, повернувшись къ Ахмеду, онъ сказалъ:

— «Если Пророкъ былъ знакомъ съ догматами, которые вы хотите навязать намъ, имѣлъ ли онъ право обойти его молчаніемъ?

— «Онъ имѣлъ это право.

— «Принадлежало ли то же право Абу-Бакру, Омару, Усману и Али?

— «Принадлежало.

— «О, повелитель правовѣрныхъ! сказалъ арестованный старикъ,— истинно, Господь хочетъ быть суровъ по отношенію къ намъ, если Онъ насъ лишаетъ той свободы, которую Онъ даровалъ Пророку и его Спутникамъ.

«Халифъ согласился съ этимъ и тотчасъ же освободилъ старика. Такимъ образомъ закончилось одно изъ самыхъ ужасныхъ преслѣдованій суннитовъ» [1]).

Въ смыслѣ мусульманской діалектики, это разсужденіе было блестяще, и уже съ перваго положенія Ахмедъ безъ сомнѣнія понялъ, куда мѣтилъ старикъ, но былъ лишенъ возможности представить ему какое-либо возраженіе. И это было неминуемо, такъ какъ, признавая Коранъ сотвореннымъ, мутазелиты тѣмъ не менѣе видѣли въ немъ слово Божіе. Въ этомъ была слабость ихъ положенія: противъ нихъ съ успѣхомъ приводили доказательства изъ того, что они отрицали, и они были вынуждены принимать эти доказательства.

Отсюда можетъ быть выведено ясное заключеніе: такъ какъ догматъ о вѣчномъ существованіи и божественномъ происхожденіи Корана не можетъ быть оставленъ безъ уничтоженія исламизма, то ни одно слово изъ Корана не можетъ быть выкинуто, ни одному слову не можетъ быть придано временное значеніе, утратившее смыслъ съ исчезновеніемъ вызвавшихъ его появленіе обстоятельствъ; и такъ какъ возможное примиреніе исламизма съ другими религіями мыслимо лишь на подобныхъ условіяхъ, слѣдовательно, оно не можетъ имѣть мѣста, несмотря на искреннія стремленія къ тому просвѣщенныхъ умовъ мусульманскаго міра.

Но вернемся къ предмету. У имама Аш-Шафи также былъ въ Багдадѣ публичный диспутъ съ Хафсомъ, проповѣдникомъ доктрины мутазелитовъ. Шафи привелъ стихъ: «да будетъ!—и стало» и спросилъ: «не сотворилъ ли Богъ всѣ вещи по слову—да будетъ»? Хафсъ согласился съ нимъ, находя это вполнѣ возможнымъ. «Если, въ такомъ случаѣ, продолжалъ Шафи, Коранъ былъ сотворенъ, то развѣ не должно было съ нимъ вмѣстѣ быть сотворено и слово—да будетъ?» Хафсъ опять таки не могъ отрицать такого простого предположенія. «Тогда, сказалъ Шафи,— всѣ вещи, по вашему мнѣнію, были сотворены сотвореннымъ су-

[1]) E. Sell. Faith of iclam. pp 199, 200.

ществомъ, а это страдаетъ полной несостоятельностью и является явнымъ нечестіемъ». Такимъ образомъ, къ величайшему своему удовлетворенію, онъ доказалъ, что Коранъ не былъ сотворенъ. [1]).

Здѣсь мы указали лишь на главнѣйшіе споры, которые раздѣляли мусульманъ въ вопросѣ относительно сотворенія или несотворенія Корана; помимо этого, и въ настоящее время имѣются секты, послѣдователи которыхъ совершенно искренно считаютъ себя мусульманами самой правой вѣры, но которые смотрятъ на Коранъ не совсѣмъ ортодоксальными глазами. Разъ среди мусульманъ нѣтъ полнаго согласія относительно этого пункта, сомнѣнія христіанъ или евреевъ въ вѣчности Корана не должны казаться для нихъ странными. Можно сказать лишь то, что порою лучшіе мусульманскіе богословскіе умы чувствовали какую то натяжку въ этой доктринѣ, слѣдствіемъ чего и явилось желаніе примирить, насколько это возможно, обѣ доктрины. Разсужденія этихъ богослововъ сводились къ тому, что духъ Корана, его идея, какъ слово Бога, несомнѣнно вѣчны; какъ книга же, онъ является созданіемъ человѣческимъ. [2]).

Однажды, когда Бухари спросили относительно Корана, сотворенъ онъ или нѣтъ, тотъ отвѣтили слѣдующими, допускающими различное пониманіе словами: «Коранъ, слово Бога не сотворенъ, но людскія дѣйствія сотворены». Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что фактъ чтенія Корана человѣкомъ составляетъ актъ. А такъ какъ никто не сомнѣвается, что акты людей сотворены, то и Коранъ—подъ этой формой—является сотвореннымъ. Что же касается Корана, въ качествѣ слова Божія, то онъ не былъ сотворенъ, такъ какъ исходилъ изъ божественнаго существа. Такой отвѣтъ давалъ нѣкоторое удовлетвореніе противоположнымъ доктринамъ или, лучше сказать, почти на нѣтъ сводилъ ихъ значеніе, такъ какъ и ту и другую лишалъ ихъ абсолютности. Изъ сочиненій имама Газали, этого величайшаго мусульманскаго богослова-мыслителя, видно, сколько у него было колебаній и сомнѣній, и сколько времени отрицаніе было его единственнымъ отвѣтомъ на всѣ зарождавшіеся въ пытливомъ умѣ вопросы. Въ своемъ мѣстѣ мы вернемся къ нему.

---

[1]) E. Sell. Faith of islam. p. 217.

[2]) Sale. P. D. p. 50. И часть мутазелитовъ пыталась примирить свое ученіе съ ортодоксальнымъ взглядомъ на Коранъ и формулировала положеніе такъ: на небесахъ существовалъ вѣчный я несотворенный Коранъ, а книга Мухаммеда есть лишъ копія священнаго текста, такъ какъ одна и таже вещь не можетъ одновременно находиться въ двухъ мѣстахъ. Maracci, I. 45. Loc. cit. Galland. Mo'tazelites p 71.

Каковы бы ни были богословскія разсужденія, почти для всѣхъ мусульманъ Коранъ, отъ вѣчности бывшій на высочайшемъ изъ небесъ подлѣ престола Божія, въ «ночь рѣшеній» былъ посланъ на нижнее небо, откуда уже по частямъ перенесенъ на землю. И мнѣніе этого громаднаго, абсолютнаго большинства, даже съ мусульманской точки зрѣнія, грѣшитъ нѣкоторой нелогичностью. Не вѣруютъ ли сами мусульмане, что архангелъ Гавріилъ ежегодно показывалъ Мухаммеду полный списокъ Корана? Если это такъ, то приходится заключить, что небесный текстъ не былъ переданъ, а лишь скопированъ.

Прежде чѣмъ явилась нужда передать на землю откровеніе Корана, онъ хранился на седьмомъ небѣ, гдѣ находился отъ вѣчности: въ него были вписаны всѣ рѣшенія Бога и всѣ событія настоящаго, прошедшаго и будущаго времени. [1]). Не служитъ ли такая вѣра самымъ простымъ доказательствомъ того, что наличность трехъ временъ сама по себѣ устанавливаетъ дату созданія Корана? Но объ этомъ безполезно спрашивать мусульманина, ибо спрашивать объ этомъ невѣріе. Если онъ самъ бы такъ не думалъ, то вѣчный Коранъ приказываетъ ему это·

«Когда ты видишь, что невѣрные затѣваютъ разговоръ о нашихъ знаменіяхъ, удались отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока они не начнутъ говорить о чемъ-нибудь другомъ...» (Сура 6-я, ст. 67).

Всякое слово, выражающее какое-либо сомнѣніе относительно вѣчнаго существованія Корана, является, въ глазахъ мусульманина, посягательствомъ на цѣлость того, что ввѣрено его храненію, такъ какъ на каждомъ мусульманинѣ лежитъ эта обязанность, какъ мы можемъ заключить это изъ хадиса:

«Тальха сказалъ: «Когда я спросилъ Абдулла-бинъ-Абу-Авфа, оставилъ ли Пророкъ завѣщаніе, онъ мнѣ отвѣтилъ: нѣтъ.— Тогда, сказалъ я,—разъ всѣ люди должны составить завѣщаніе, почему Пророкъ не составилъ завѣщанія?—Его завѣщаніе, отвѣтилъ онъ, это—Коранъ» [2]).

По мнѣнію однихъ мусульманъ, Коранъ былъ написанъ на шелковомъ свиткѣ золотыми буквами, по мнѣнію другихъ, на сокровенныхъ таблицахъ. Что такое сокровенныя таблицы? Нѣкоторыя уподобляютъ ихъ скрижалямъ Моисеевыхъ заповѣдей, но это не совсѣмъ правильно. Вотъ какъ Джорджани резюмируетъ главнѣйшее о сокровенныхъ таблицахъ:

«Есть четыре таблицы: 1) Таблица рѣшеній, на которой они или уничтожаются или поддерживаются (Сура 13-я, ст. 33), другими словами, приводятся въ исполненіе, или исполненіе ихъ отмѣняется. Это—таблица Первичнаго Разума (Міровой Разумъ).

---

[1]) W Irving. Life of Mahomet. p. 203.

[2]) As-Sahih. III p. 533.

«2) Таблица постановленія (или приведенія въ исполненіе рѣшеній. Чтобы понять различіе съ первой, надо помнить, что на первой вопросъ о приведеніи въ исполненіе или уничтоженіи рѣшается лишь принципіально, такъ какъ здѣсь получаетъ практическое примѣненіе), т. е. таблица всемірной Разсудочной Души, на которой раздѣлены міровые типы первой таблицы; эти общіе типы остаются въ зависимости отъ ихъ первоисточника, или первоначальной причины; въ частности этой таблицѣ дается имя Сокровенной.

«3) Таблица частичной небесной Души, въ списки которой заносятся всѣ существа здѣшняго міра—съ ихъ формой, объемомъ и видомъ; ее называютъ Ближайшимъ Небомъ, и это небо есть какъ бы воображеніе міра, подобно тому, какъ первая таблица является его разумомъ и вторая—сердцемъ.

«4) Таблица первичной матеріи, воспріимчивой къ принятію формъ въ мірѣ чувствъ» [1]).

Нѣкоторые высказываютъ предположеніе, что архангелъ Гавріилъ получалъ откровеніе отъ Бога какимъ-нибудь сверхъестественнымъ способомъ, или же выучивалъ его по сокровеннымъ таблицамъ, послѣ чего уже спускался на землю и сообщалъ его Мухаммеду. При этомъ одни полагаютъ, что архангелъ сообщалъ Мухеммеду лишь смыслъ, а другіе утверждаютъ, что и слова—по-арабски. Послѣднее мнѣніе должно считать болѣе правильнымъ, такъ какъ Коранъ многократно говоритъ о томъ, что это—книга арабская, посланная на этомъ языкѣ для того, чтобы арабамъ было легче понять ее. На основаніи этихъ словъ Корана, и при условіи допущенія нѣкоторой логики, можно заключить, что арабскій языкъ не является, какъ того хотятъ мусульмане, оффиціальнымъ и единственнымъ языкомъ небесъ. Если бы это было такъ, то не могло бы явиться никакой нужды въ оповѣщаніи, что на арабскомъ языкѣ книга посылается для легкости. Правда, что въ этомъ случаѣ мы могли бы прійти къ рискованному выводу, что арабы не являются избраннымъ народомъ Бога.

Таково было откровеніе, данное послѣднему изъ пророковъ, печати пророковъ, какъ Мухаммедъ называется въ Коранѣ.

Общее число пророковъ, которые были время отъ времени посылаемы Богомъ на землю для направленія людей на путь истины, доходитъ, по одному мусульманскому преданію, до 224000 и до 124000, по другому; третье выбираетъ приблизительно среднюю цифру и опредѣляетъ ее въ 180000. Среди этихъ пророковъ было 313 апостоловъ, посланныхъ со спеціальной миссіей отвра-

[1]) Guyard. Traitê de prédestination. Входитъ въ объясненіе данныхъ здѣсь терминовъ слишкомъ отвлекло бы насъ отъ предмета Это будетъ сдѣлано въ т. II, въ главѣ о Предопредѣленіи.

тить родъ человѣческій отъ невѣрія и суевѣрія. Шестеро изъ нихъ принесли новые законы, которые, какъ вѣруютъ мусульмане, послѣдовательно отмѣняли предыдущіе. Это были Адамъ, Ной, Авраамъ, Моисей, Іисусъ и Мухаммедъ. Вообще мусульмане вѣрятъ, что всѣ пророки были чужды большихъ грѣховъ и заблужденій, (что изъ того, что Коранъ говоритъ о томъ, что Адамъ былъ за свой грѣхъ изгнанъ изъ рая!) и что всѣ они исповѣдывали одну и ту же религію, несмотря на различные законы, которые они соблюдали, и эта религія была исламъ. Первое мѣсто среди пророковъ мусульмане даютъ носителямъ откровеній, а за ними уже слѣдуютъ апостолы. [1]).

Закончу эту главу словами Ренана: [2]).

«Рожденіе исламизма—фактъ единственный и по истинѣ неоцѣнимый. Исламизмъ былъ послѣднимъ религіознымъ созданіемъ человѣчества и во многихъ отношеніяхъ наименѣе оригинальнымъ.. Вмѣсто той тайны, въ которую другія религіи закутываютъ свою колыбель, онъ родится среди исторіи: корни религіи на поверхности земли. Жизнь ея основателя намъ такъ же хорошо извѣстна, какъ жизнь реформаторовъ 16-го вѣка. Годъ за годомъ мы можемъ слѣдить за движеніями его мысли, за его противорѣчіями, за его слабостями. Въ другихъ религіяхъ начала теряются въ грезахъ: лишь самой утонченной критикѣ съ большимъ трудомъ удается отличить дѣйствительность отъ обманчивой внѣшности миѳа и легенды. Исламизмъ, напротивъ, является уже среди сдѣлавшаго успѣхъ размышленія, и сверхъестественное совершенно отсутствуетъ въ немъ. Мухаммедъ, Омаръ, Али—не ясновидцы, не просвѣтленные, не чудотворцы. Каждый изъ нихъ прекрасно знаетъ, что дѣлаетъ, никто изъ нихъ не обманываетъ себя; каждый доступенъ анализу въ обнаженномъ видѣ и со всѣми человѣческими слабостями».

---

[1]) Sale. P. D p. 59.

[2]) Renan. Etudes de l' histoire religieuse. pp. 220, 221.

Глава вторая.

Ознакомившись съ тѣмъ, что такое Коранъ съ точки зрѣнія теологіи, обратимся теперь къ исторіи этой книги.

Вѣроятно не было и нѣтъ автора, который былъ бы отвѣтственъ за изданіе своего труда менѣе, чѣмъ Мухаммедъ Даже посмертныя изданія по большой части подготовляются при жизни автора, или относительно ихъ оставляется его распоряженіе. Ничего этого не было здѣсь. Правда, одно преданіе говоритъ, что, когда Мухаммедъ почувствовалъ свою близкую кончину, онъ сказалъ однажды: «принесите мнѣ чернила и бумагу,—я хочу написать вамъ книгу, чтобы навсегда предохранить васъ отъ ошибки». Но было уже слишкомъ поздно. Онъ немогъ уже писать или диктовать, и онъ сказалъ только: «Пусть Коранъ всегда будетъ вашимъ руководствомъ. Исполняйте то, что онъ приказываетъ вамъ, воздерживайтесь отъ того, что онъ вамъ запрещаетъ». [1]). Таково было завѣщаніе Мухаммеда. Однако сказать это было легче, чѣмъ исполнить: Корана въ томъ видѣ, какимъ мы его имѣемъ теперь, не существовало.

Различныя части, вошедшія въ составъ теперешней книги, были произнесены Мухаммедомъ въ теченіе 23-лѣтняго періода, и во время его жизни онѣ не были собраны вмѣстѣ или систематизированы. Не было сдѣлано даже попытокъ собрать въ одну книгу всю массу откровеній, составляющихъ Коранъ. Различныя части записывались по мѣрѣ того, какъ Мухаммедъ говорилъ, какимъ-нибудь изъ его друзей или секретарей. Иногда же сказанное просто довѣрялось памяти и припоминалось потомъ.

Для этихъ записей были употребляемы по большей части самые грубые и примитивные матеріалы, которые были въ то время въ употребленіи у арабовъ, какъ то: пальмовыя листья, кожа, плоскіе камни или лопатки верблюдовъ или козъ. При такомъ способѣ писанія о какой-нибудь мало мальски сносной системѣ конечно не могло быть и рѣчи, да не было къ этому и стремленія. Цѣль собиранія, если она и была, существовала еще

---

[1]) E. Sell. Faith of islam. p. 13.

совершенно безсознательно въ умѣ собирателей. При этомъ нѣкоторые записывали все, что они слышали. другіе лишь то, что производило на нихъ особенное впечатлѣніе, и потомъ оказалось, что нѣкоторыя суры были записаны цѣликомъ, другія были въ отрывкахъ, что впрочемъ должно быть совершенно понятно, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ были открываемы по частямъ въ различные періоды, а другіе дополнялись позднѣйшими откровеніями. Нѣкоторыя суры или главы были коротки и съ опредѣленнымъ содержаніемъ, другія были гораздо длиннѣе и трактовали о самыхъ различныхъ предметахъ, между которыми было бы трудно установить какую-нибудь связь.

Всѣ эти одиночныя записи, ведшіяся безъ всякой связи не имѣли какого-либо авторитета. Относительно порядка храненія ихъ преданія говорятъ, что записанное секретарями Пророка сохранялось по большей части у которой-нибудь изъ его женъ. Долго этой честью хранить записи откровеній пользовалась Зейнабъ, а потомъ Хафса. Записи отдѣльныхъ частей сохранялись также и у нѣкоторыхъ друзей Мухаммеда, которые записывали ихъ для себя. [1]).

Списки нѣкоторыхъ суръ, частое повтореніе которыхъ ставилось въ особую заслугу, были распространены въ большомъ количествѣ еще и въ раннемъ періодѣ, и списки эти сохранялись съ благоговѣніемъ. Подобно тому, какъ въ древней Руси переписываніе Евангелія, переписываніе коранических откровеній считалось актомъ благочестія, добрымъ дѣломъ, за которое обѣщана небесная награда.

Но самымъ лучшимъ хранилищемъ божественнаго откровенія все же являлась превосходная память арабовъ.

При всякомъ дѣлѣ, при всякомъ случаѣ части Корана перечитывались и повторялись, и это было въ такомъ уваженіи, что запоминаніе Корана считалось актомъ высшей добродѣтели. [2]),

Несмотря на такое положеніе дѣлъ, надо предположить существованіе если не полныхъ относительно сборниковъ, то все же такихъ, которые содержали въ себѣ сущность ученія. Хотя арабы и славились своей прекрасной памятью, и эта слава была вполнѣ заслуженная, тѣмъ не менѣе было рискованно посылать съ проповѣдью въ различные концы Аравіи и даже за ея предѣлы людей, которые въ изложеніи новаго ученія руководствовались бы исключительно своей памятью. Но совершенно полнаго сборника до смерти Мухаммеда составлено не было, и такъ продолжалось до дѣхъ поръ, пока не произошла битва при Ямама, что имѣло мѣсто приблизительно черезъ годъ послѣ смерти Пророка.

---

[1]) Sir W. Muir. The Coran. p. 38.

[2]) E. Sell. Essays on islam. p. 218.

Если мы имѣетъ теперешній Коранъ, этимъ мы обязаны двумъ изданіямъ или сборникамъ, сдѣланнымъ при халифахъ Абу Бакрѣ и Усманѣ.

Какъ мы уже говорили выше (см. Часть I), въ концѣ жизни Мухаммеда въ Аравіи появились лжепророки, изъ которыхъ одинъ былъ уже вскорѣ уничтоженъ, а два другихъ продолжали свою проповѣдь. Изъ этихъ двухъ опаснѣйшихъ былъ Мусайлима. Абу Бакръ рѣшилъ съ нимъ покончить, и дѣйствительно въ битвѣ при Ямама Мусайлима былъ уничтоженъ. Однако эта побѣда стоила мусульманамъ многихъ жизней. Потеря эта была особенно чувствительна потому еще, что въ числѣ убитыхъ оказалось много людей, знавшихъ весь или почти весь Коранъ наизусть. Пока Коранъ хранился въ памяти, гибель людей съ тѣмъ вмѣстѣ являлась и гибелью Корана.

У Омара, который послѣ Абу Бакра сдѣлался халифомъ, возникло основательное опасеніе, что вѣрный текстъ Корана можетъ мало-по-малу совершенно утратиться: въ виду возможности частаго повторенія войнъ, человѣческій мозгъ не представлялъ надежнаго хранилища для божественнаго слова.

Преданіе, переданное Заидъ-ибнъ-Сабитомъ, сохранило рѣчь Омара. Онъ говорилъ Абу Бакру:

«Я боюсь, что во время битвъ на другихъ поляхъ сраженія многіе изъ читающихъ Коранъ могутъ быть потеряны; поэтому теперь мое мнѣніе таково, что ты немедленно долженъ дать приказаніе о собираніи Корана». [1]).

Это мнѣніе, повидимому, совершенно согласовалось съ собственнымъ мнѣніемъ халифа, хотя первоначально онъ и не рѣшался дать приказаніе относительно составленія сборника изъ имѣющихся откровеній, говоря, что онъ не имѣетъ на то приказанія Пророка. [2]). Тѣмъ не менѣе оставлять такъ этого дѣла онъ не хотѣлъ, такъ какъ вполнѣ оцѣнивалъ всю его важность. Онъ вызвалъ къ себѣ Заида, который былъ личнымъ секретаремъ Пророка и считался однимъ изъ лучшихъ знатоковъ Корана. Онъ сказалъ ему: «Ты человѣкъ молодой и мудрый, и никто изъ насъ ни въ чемъ не можетъ упрекнуть тебя; ты былъ призванъ записывать вдохновенныя откровенія Пророка Господа,—теперь собери ихъ всѣ вмѣстѣ и составь Коранъ». [3]).

Заидъ сталъ собирать отдѣльныя части, которыя были записаны на чемъ попало; онъ записывалъ также со словъ тѣхъ, которые могли припомнить какую-нибудь суру, часть ея или даже хотя бы одинъ какой-нибудь стихъ. Работа эта была не лег-

[1]) E. Sell. Essays on islam. p. 218.
[2]) Klein. Religion of islam. p. 10.
[3]) E. Sell. Essays on islam. 219.

кая и въ высшей степени кропотливая, такъ какъ документы, на основаніи которыхъ возстанавливалось все откровеніе, часто разнились между собою; когда же не было такихъ записей, въ безусловной точности которыхъ не было сомнѣнія, приходилось провѣрять ихъ по памяти. Но и память иногда оказывалась шаткимъ свидѣтелемъ. Въ виду этого можно сказать, что нѣкоторыя части Корана возстановлены лишь съ возможно большей степенью вѣроятности. [1]). Когда все было собрано вмѣстѣ, Заидъ передалъ образовавшійся матеріалъ халифу Абу Бакру, отъ котораго потомъ этотъ сборникъ перешелъ къ халифу Омару, который отдалъ его на храненіе своей дочери Хафсѣ, одной изъ вдовъ Пророка, которыя и раньше обыкновенно хранили записи откровенія. Въ теченіе десяти лѣтъ это изданіе было во всеобщемъ употребленіи.

Весь трудъ выполнялся подъ наблюденіемъ Омара. и онъ ничего не признавалъ въ качествѣ составной части Корана. если это не подтверждалось по крайней мѣрѣ двумя свидѣтелями.

Относительно стиха: «если женатый мужчина или замужняя женщина совершатъ прелюбодѣяніе, то безъ сомнѣнія ихъ должно побить камнями» Омаръ сказалъ, что не можетъ признать его частью Корана и боится, что, если онъ его включитъ, то его обвинятъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ прибавленія къ Корану. Дѣло въ томъ, что самъ Омаръ зналъ этотъ стихъ, но только онъ не могъ найти подкрѣпляющаго свидѣтельства. Фактъ, что побиванія камнями есть настоящее мухаммеданское наказаніе за прелюбодѣяніе, и что неизвѣстно никакого другого основанія для этого, кромѣ выброшеннаго Омаромъ стиха, повидимому показываетъ, что онъ имѣлъ авторитетное основаніе для своего утвержденія. Во всякомъ случаѣ это опущеніе показываетъ, съ какою тщательностью производилось собираніе Корана. [2]).

Что нѣкоторые стихи Корана были забыты, это можно считать достовѣрнымъ. Подобные случаи забвенія были засвидѣтельствованы самимъ Пророкомъ. Такъ въ хадисахъ мы находимъ слѣдующее:

«Айша сказала: «Пророкъ, слушая, какъ какой то человѣкъ читалъ въ мечети Коранъ, сказалъ: да будетъ Богъ милосердъ къ нему, такъ какъ онъ мнѣ напомнилъ такой то и такой то стихъ такой то суры». [3]). Другой хадисъ указываетъ отчасти на то, что помимо записи при откровеніяхъ, Пророкъ иногда диктовалъ ранѣе открытыя ему суры. Во всякомъ случаѣ, добросовѣстное выполненіе работы собиранія Корана служитъ гарантіей за то, что въ настоящемъ Коранѣ мы имѣемъ все, что только бы-

[1]) Sir W. Muir. The Coran. p. 39.
[2]) E. Sell. Essays on islam. 219.
[3]) As-Sahih. III, p. 537.

ло сохранено къ моменту составленія сборника. Но едва ли это было все сказанное Мухаммедомъ. Точно такого же мнѣнія держатся и мусульманскіе авторы. Сюйюти приводитъ слова Омара: «Нѣкоторые изъ васъ говорятъ: «я владѣю цѣлымъ Кораномъ», но какъ онъ можетъ знать, что такое весь Коранъ, когда большая его часть исчезла. Пусть онъ скажетъ лучше: «я владѣю тѣмъ, что сохранилось до сихъ поръ». Айша также говорила: «сура о Союзникахъ (33-я) состояла во время Пророка изъ 200 стиховъ; когда же Усманъ написалъ Масхафъ, онъ былъ въ состояніи собрать лишь то, что она теперь заключаетъ» (т. е. 73 стиха). Точно также Убай-ибнъ-Каабъ сказалъ Зарру-ибнъ-Джахшу: «во сколько стиховъ ты считаешь суру Союзники? И тотъ отвѣтилъ: въ 72 или 73». Убай сказалъ. «а она была такъ же длинна, какъ сура о Коровѣ (т. е 286 стиховъ), и мы обыкновенно читали въ ней стихъ о побиваніи камнями прелюбодѣевъ». Зарръ сказалъ: «Что это за стихъ о побиваніи камнями? «На это Убай отвѣтилъ: «если старый мужчина или старая женщина совершатъ прелюбодѣяніе, то побейте ихъ камнями». Омаръ самъ былъ такъ убѣжденъ, что этотъ стихъ составляетъ часть Корана, что онъ сказалъ: «если бы я не боялся, что народъ скажетъ, что я прибавилъ что-нибудь къ книгѣ Бога, то я вписалъ бы его въ Коранъ». [1]).

При собираніи Корана Заидъ ограничился, повидимому, только тѣмъ, что собралъ вмѣстѣ всѣ отрывки Корана, не заботясь объ ихъ связи и общемъ смыслѣ. Это подтверждается хадисомъ, переданнымъ Ибнъ-Алійя: «Заидъ послѣ продолжительнаго труда собралъ Коранъ безъ всякаго порядка суръ» [2]).

Нѣкоторые ортодоксальные мусульмане утверждаютъ, что настоящая форма была приказана Богомъ, и что она соотвѣтствуетъ тому расположенію, которое сдѣлали Спутники Пророка. Если это такъ, то трудно объяснить нужду въ собраніи, предпринятомъ Абу Бакромъ. Или же, можетъ быть, эти заявленія относятся именно къ сборнику Абу Бакра, такъ какъ составителя его также всѣ были Спутниками Пророка. [3]).

---

[1]) Itkan II. 30—32. Loc. cit. Klein. Religion of islam. p. 18.

[2]) E. Sell Essays on islam. p. 219.

[3]) Вэйль говоритъ, что Абу Бакръ измѣнилъ нѣкоторыя мѣста. Въ доказательство этого онъ приводитъ преданіе, что Омаръ не хотѣлъ вѣрить смерти Пророка и энергично выражалъ свои сомнѣнія, пока Абу Бакръ не прочелъ ему нѣкоторыхъ мѣстъ о смерти Пророка Вэйль считаетъ, что Омаръ и другіе мусульмане не знали объ этихъ мѣстахъ, и что самъ Абу Бакръ изобрѣлъ ихъ. Однако Нольдеке, Мюръ, Сэлль и др компетентные критики считаютъ, что подобный взглядъ не имѣетъ фактическихъ основаній.

Нѣкоторые обвиняютъ Абу Бакра въ томъ, что онъ изобрѣлъ нѣкоторые стихи Корана, а именно стихи относительно смерти Пророка, чѣмъ и объясняется невѣріе Омара. Но, говоритъ Сэлль [1]), обстоятельства дѣла были таковы: Омаръ, видя спокойное состояніе Пророка, сказалъ: «онъ не умеръ, онъ находится только въ забытьѣ». Одному, пытавшемуся увѣрить его въ противномъ, онъ отвѣтилъ: «Ты лжешь, апостолъ Бога не умеръ... Пророкъ Бога не умретъ, пока не уничтожитъ всѣхъ лицемѣровъ и невѣрныхъ». Со словами, подобными этимъ, онъ обратился и къ собравшейся передъ домомъ толпѣ. Тогда Абу Бакръ воскликнулъ: «молчать! Омаръ, садись и успокойся. Развѣ Всемогущій не открылъ Пророку этотъ стихъ, сказавъ: «Истинно, ты умрешь, и они умрутъ» (Сура 39-я, ст. 31). Потомъ, послѣ сраженія при Оходѣ, пришло откровеніе: «Мухаммедъ лишь апостолъ, и до него были другіе апостолы. Если онъ умретъ или будетъ убитъ, вернетесь ли вы къ прежнему?» (Сура 3-я, ст. 138). Скажи же теперь тѣмъ, кто поклоняется Мухаммеду, что Мухаммедъ умеръ». Тогда Омаръ былъ удовлетворенъ. Имѣются также и другія мѣста, говорящія о смерти Пророка, а именно:

«До тебя мы не даровали вѣчной жизни ни одному человѣку. Если ты умрешь, то неужели же они будутъ мнить себя безсмертными.

«Всякая душа вкуситъ смерти». (Сура 21-я, ст. 35, 36).

«Всякая душа вкуситъ смерти, а затѣмъ вы всѣ возвратитесь ко мнѣ». (Сура 29-я, ст. 57).

Слѣдовательно, справедливость заставляетъ признать Абу Бакра не виновнымъ въ обманѣ, который ему приписываютъ. Вэйль считаетъ также вставкой Абу Бакра 13-й стихъ 46-й суры:

«Мы заповѣдывали человѣку обращаться хорошо съ отцомъ и матерью; страдая мать носила его и страдая родила на свѣтъ Божій: беременность и кормленіе грудью продолжаются тридцать мѣсяцевъ. Онъ достигъ, наконецъ, зрѣлости и дожилъ до сорокалѣтняго возраста, тогда, обратился онъ къ Господу съ такой молитвой: Господи, внуши мнѣ признательность за всѣ тѣ благодѣянія, которыми Ты осыпалъ меня; сдѣлай такъ, чтобы я совершалъ только благія дѣла, угодныя Тебѣ; дай мнѣ счастье въ дѣтяхъ моихъ. Я возвращаюсь къ Тебѣ, я одинъ изъ числа тѣхъ, которые отдаются на волю Твою».

По толкованію комментатора Хусайна, Абу Бакръ принялъ исламизмъ на 38-мъ году своей жизни. Его родители также были обращены. На сороковомъ году онъ сказалъ: «О, Господи! вдохнови меня, чтобы я чувствовалъ благодѣянія». Такимъ образомъ предполагалось, что этотъ стихъ относится прямо къ нему, но

---

[1]) E. Sell. Essays on islam. pp. 220, 221.

это никоимъ образомъ не доказываетъ, что онъ вставилъ его. Поэтому обвиненіе можетъ быть отброшено, какъ неосновательное

Хотя сдѣланное такимъ образомъ, подъ руководствомъ Абу Бакра, собраніе имѣло характеръ частнаго предпріятія, и ему нельзя придавать слишкомъ большой важности, тѣмъ не менѣе оно представило цѣнность въ качествѣ основанія для оффиціальнаго изданія халифа Усмана.

Съ достаточной точностью не выяснено, до или послѣ смерти Абу Бакра окончилъ Заидъ свой трудъ, но сборникъ былъ отданъ на храненіе Хафсѣ, что какъ бы служитъ подтвержденіемъ неоффиціальности этого изданія. [1]).

Что касается народной массы, то она не столько была занята изученіемъ Корана, сколько военными операціями, доставлявшими ей военную добычу, и каждый читалъ Коранъ такъ, какъ онъ умѣлъ, и какъ онъ привыкъ, не имѣя для этого нужды справляться съ трудомъ Заида Да едвали многіе и знали объ этомъ трудѣ. Насколько знаніе Корана было далеко отъ того, чтобы имѣть право назваться всеобщимъ, можно видѣть изъ слѣдующаго. Послѣ сраженія при Кадезіи, Омаръ приказалъ вождю побѣдоносной арміи раздѣлить добычу между тѣми воинами, которые лучше знали Коранъ. Вызвали одного, и онъ отвѣтилъ, что, будучи занятъ войной, онъ ничего не выучилъ наизусть; другой сказалъ. что онъ изъ всего Корана знаетъ лишь «бисмилля» и т. д. [2]).

Съ этого списка были сдѣланы копіи, и вѣроятно съ ошибками, такъ, какъ послуживъ въ свою очередь образцами, они не дали совершенно тожественныхъ редакцій [3]), и съ теченіемъ времени даже среди ученыхъ людей стали замѣчаться разногласія въ чтеніи, и каждый старался доказать превосходство своего. Прошло еще немного времени, и на этой почвѣ стали возникать ссоры. Дѣло принимало непріятный и даже опасный оборотъ. Народъ задавалъ себѣ вопросъ, какимъ образомъ могутъ быть разныя чтенія, когда Коранъ былъ посланъ съ неба одинъ. [4]). Это грозило опасностью раскола, и халифъ Усманъ рѣшилъ примѣнить рѣзкую мѣру. Онъ поручилъ Заиду вновь пересмотрѣть свой прежній трудъ. Такъ какъ различія состояли главнымъ образомъ въ діалектѣ или выраженіяхъ, то была учреждена комиссія изъ трехъ корайшитовъ, которые и должны были высказаться за окончательное рѣшеніе вопроса. Комиссія эта, данная въ помощь Заиду,

---

[1]) E. Sel. Essays on islam. p. 221.
[2]) E. Sell. Essays on islam. p. 222
[3]) Sir W Muir. The Coran. p. 39.
[4]) E. Sell Idem.

состояла изъ Абдуллы-ибнъ-Джобаира, Саидъ-ибнъ-уль-Асса и Абдуррахмана-аль-Хариса. Усманъ далъ имъ такую инструкцію: «когда у васъ выходитъ разногласіе съ Заидомъ относительно языка Корана, тогда записывайте на нарѣчіи корайшитовъ, такъ какъ откровеніе было сдѣлано на этомъ нарѣчіи». [1]). Такимъ образомъ новое изданіе было составлено на чистомъ мекканскомъ нарѣчіи, какимъ говорилъ Мухаммедъ. Съ этого изданія были сдѣланы списки и разосланы въ разныя мѣста: такъ по одному экземпляру были отправлены въ Куфу, Басру, Іеменъ, Бахрейнъ и Дамаскъ; одинъ экземпляръ былъ оставленъ въ Мединѣ. Существующее теперь изданіе есть неизмѣнная редакція Заида, или такъ называемое усмановское. Если теперь и существуютъ нѣкоторыя, канонически дозволенныя, различія въ чтеніи, то это благодаря изобрѣтенію діакритическихъ знаковъ, чего въ самое первое время не было. [2]).

При составленіи второго изданія трудъ Заида былъ уже нѣсколько легче, такъ какъ въ его основу онъ взялъ свое первое изданіе и собралъ всѣ списки, какіе только можно было найти. Когда же его трудъ былъ оконченъ, Усманъ уничтожилъ всѣ книги стараго изданія, за исключеніемъ принадлежавшей Хафсѣ копіи.

Эта послѣдняя была потомъ уничтожена Марваномъ, губернаторомъ Медины. [3]) Что работа Заида была совершена хорошо, за это лучшимъ ручательствомъ служитъ то обстоятельство, что составленный имъ Коранъ былъ принятъ Али и его партіей, т. е. противниками Усмана. Правда, что въ добросовѣстномъ отношеніи Заида къ труду не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Если при составленіи возникало какое-нибудь сомнѣніе или разногласіе, Заидъ докладывалъ объ этомъ Усману, и дѣло рѣшалось или членами повѣрочной комиссіи изъ корайшитовъ или же самимъ халифомъ. Такимъ образомъ Коранъ былъ сохраненъ на мекканскомъ нарѣчіи, «языкѣ архангела Гавріила и Мухаммеда». Впрочемъ, значительная часть разногласій была чисто лексическаго характера и вліянія на смыслъ не имѣла.

Желаніе Усмана сдѣлать новое изданіе Корана нѣкоторые объяснили стремленіемъ возбудить къ себѣ особое почтеніе за уничтоженіе всякихъ сомнѣній относительно кораническаго текста, и тѣмъ усилить свою партію противъ многочисленныхъ противниковъ. Возможно, что политическіе мотивы не были совершенно чужды этому дѣлу, но предпринялъ его Усманъ съ согла-

---

[1]) Klein Religion. of islam. p. 12.
[2]) Sir W. Muir. Idem.
[3]) E. Sell. Idem p. 223.

сія Спутниковъ и при ихъ содѣйствіи, безъ чего авторитетность труда неминуемо была бы подвергнута сомнѣнію.

Ибнъ Зобаиръ говоритъ: «Я прочелъ Усману стихъ; «кто изъ васъ, умирая, оставитъ жену послѣ себя (или женъ), тотъ долженъ завѣщать имъ имущество (достаточное) для ихъ содержанія въ теченіе года и не принуждая при этомъ покинуть домъ» (Сура 2-я, ст. 241). Но вѣдь фраза «покинуть домъ» отмѣнена другими стихами (ст. 234-й той же суры), такъ зачѣмъ вы написали это? Тогда Усманъ сказалъ: «о, мой племянникъ! оставь это, я ничего не хочу перемѣнять (собст., мѣнять съ своего мѣста)». [1]).

Настоящая форма Корана была установлена Заидомъ и его сотрудниками. Они вездѣ удержали «Бисмилля» (т. е. во имя Бога), за исключеніемъ 9-й суры, такъ какъ онъ выразилъ сомнѣніе, не составляетъ ли она одного цѣлаго съ предыдущей. Въ концѣ концовъ, они рѣшили раздѣлить ихъ, но опустить «Бисмилля», чтобы не было слишкомъ очевиднаго знака отличія [2]) Такое объясненіе мнѣ кажется не достаточно основательнымъ: для составителей надо было выяснить вопросъ, составляютъ ли двѣ предполагаемыя суры одну, или же онѣ раздѣльны. Съ одной стороны, они разрѣшаютъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что суры раздѣльны, но, съ другой, стараются скрыть эту раздѣльность, опуская «Бисмилля». Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ коментаторъ: «такъ какъ сура 9-я содержитъ приказаніе объ убіеніи, то передъ нею и не написано слово «Бисмилля». Произнесеніе его во время убійства не годится, такъ какъ Богъ создалъ человѣка не для убійства, а для милосердія и благотворенія» [3]). Это объясненіе, мнѣ кажется, гораздо больше подходитъ къ случаю.

Почему опущено «Бисмилля», разъ дѣло идетъ объ убійствѣ, можно понять лишь тогда, когда извѣстно, какое значеніе придается мусульманами этимъ словамъ.

«Одинъ ученый написалъ на бумажкѣ «Бисмилля» и завѣщалъ, чтобы ее положили съ нимъ въ гробъ, когда онъ умретъ. Когда въ день страшнаго суда меня спросятъ, сказалъ онъ,— какая польза въ этихъ словахъ, я отвѣчу, что эти слова, находящіяся во главѣ посланной Богомъ книги, составлены изъ 19 буквъ, и въ двухъ изъ нихъ я нашелъ пользу. Одна въ томъ, что демоновъ, которые терзаютъ грѣшниковъ въ аду, тоже 19, и Богъ словами «Бисмилля» отгоняетъ отъ вѣрныхъ ихъ ужасъ. Вторая та, что Богъ сотворилъ день и ночь въ 24 часа, и сдѣ-

---

[1]) E. Sell. Essays on islam. p 224.

[2]) Idem.

[3]) Тафсир-и-мэвакибъ, т. I, стр. 6.

лалъ обязательными пять молитвъ въ пять часовъ. И 19 буквъ «Бисмилля» служатъ искупленіемъ за грѣхи, совершенные въ теченіе 19 часовъ, не занятыхъ молитвой».

«Всѣ знанія заключены въ трехъ книгахъ: Туратѣ, Евангеліи и Псалмахъ; знанія этихъ трехъ книгъ заключаются въ одномъ Коранѣ, и всѣ знанія Корана въ сурѣ Фатиха, и всѣ знанія суры Фатиха въ словахъ «Бисмилля». [1]). При такой талисманической силѣ, эта формула несомнѣнно должна пользоваться самымъ высокимъ уваженіемъ.

Коранъ имѣетъ громадный недостатокъ, заключающійся въ томъ, что никогда нельзя поручиться за связь,—при составленіи сборника совершенно не придерживались хронологическаго порядка. Въ этомъ отношеніи Коранъ изобилуетъ скачками и пропусками, и позднѣйшія суры предшествуютъ болѣе раннимъ. Такъ какъ каждая запись, послужившая для составленія сборника, являлась словомъ Бога, то человѣческая рука не дерзала сдѣлать то, чего самъ Мухаммедъ вѣроятно лишь не умѣлъ сдѣлать: систематизировать свои откровенія. Въ результатѣ получилось то, что Коранъ полонъ неясныхъ мѣстъ, что въ своемъ цѣломъ онъ совершенно непонятенъ для громаднаго большинства мусульманъ, и что для тѣхъ, кому пониманіе его доступно, онъ все же представляетъ почву для совершенно различныхъ часто толкованій, въ особенности когда дѣло касается вопросовъ отвлеченнаго характера.

Помимо этого, въ Коранѣ имѣются отмѣненные стихи и стихи сомнительные. Опять таки, стихи отмѣненные извѣстны лишь очень немногимъ, а для массы такое положеніе даже непріемлемо, поелику каждое слово Корана есть слово Бога. Но самое большое зло представляютъ сомнительные стихи: разъ сомнителенъ стихъ, то сомнительнымъ является и рѣшеніе предмета, о которомъ онъ трактуетъ, и, слѣдовательно, толкованія единой истины могутъ быть различны, что мы и видимъ на практикѣ. Но какъ и не быть различнымъ толкованіямъ, разъ мусульмане искренно убѣждены, что каждое слово Корана имѣетъ 76 значеній?

При составленіи сборника лично Мухаммедомъ, всѣ отмѣненные стихи безъ сомнѣнія не вошли бы въ него, и для сомнительныхъ тогда не осталось бы мѣста. Помимо того, часть содержанія Корана касается вопросовъ, имѣвшихъ чисто мѣстный и скоропреходящій характеръ, и ограничить время и мѣсто ихъ примѣненія было лишь во власти Мухаммеда,—послѣ его смерти это сдѣлалось уже невозможнымъ. И что же произошло вслѣдствіе этого? Суетныя заботы текущаго дня обратились въ вѣчные идеалы, временныя мѣры—въ навѣки непреложный законъ, примѣненныя

[1]) Тафсир-и-мэвакибъ, т. I, стр. 6, 8.

къ опредѣленнымъ лицамъ дозволенія или запрещенія, совсѣмъ не въ интересахъ соціальной жизни, распространились на всѣхъ мусульманъ.

Противорѣчія, которыхъ такъ много въ Коранѣ, непримиримы съ идеей божественнаго откровенія, но приказанія могутъ быть отмѣнены или измѣнены, разъ они касаются способныхъ мѣняться обстоятельствъ. Встрѣчаясь съ такими противорѣчіями, толкователи принимаютъ за правило, что болѣе ранній стихъ отмѣняется позднѣйшимъ согласно текста: «мы не отмѣнимъ ни одного стиха изъ книги этой, ни одного изъ нихъ не уничтожимъ въ памяти твоей, не замѣнивъ его лучшимъ или равнымъ. Знаешь ли ты, что Богъ всемогущъ?» (Сура 2-я. ст. 100).

Единственнымъ основаніемъ для размѣщенія суръ въ томъ порядкѣ, въ какомъ мы ихъ находимъ, служитъ ихъ длина,—исключеніе сдѣлано лишь для вступительной или открывающей суры (Фатиха): сначала идутъ длиннѣйшія суры, затѣмъ менѣе длинныя, и такъ далѣе, до самыхъ короткихъ, которыми книга заканчивается. Въ смыслѣ хронологіи такое распредѣленіе въ общемъ почти какъ разъ обратно тому, что должно бы было быть, и, слѣдовательно, чтобы лучше понять ученіе Корана и имѣть возможность прослѣдить за развитіемъ этого ученія, чтеніе слѣдуетъ, самое лучшее, начинать съ конца книги и приближаться къ началу. Но это лишь въ общихъ чертахъ,—о частностяхъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ есть составныя суры, и время откровенія составляющихъ ихъ стиховъ порою разнится на десять слишкомъ лѣтъ.

Вернемся къ прежнему.

«Книга, стихи которой были сначала установлены на прочномъ основаніи, а потомъ открыты, исходитъ отъ Мудраго и Всемогущаго». (Сура—11-я, ст. 1). Эти слова доказываютъ неизмѣняемость Корана. Разъ существуетъ такой взглядъ, то критическое отношеніе къ его тексту во время составленія сборника не могло не вызвать нѣкотораго смущенія, изъ котораго, по счастью, удачно нашли выходъ. Одинъ изъ Спутниковъ Пророка, Ибнъ-Каабъ такъ славился своимъ знаніемъ Корана, что самъ Пророкъ сказалъ: «читайте Коранъ по Ибнъ-Каабу». Ибнъ-Каабъ сказалъ, что однажды, непріятно пораженный тѣмъ, что люди приходятъ въ мечеть, и каждый читаетъ Коранъ по своему, онъ сталъ говорить объ этомъ Пророку. Тогда Пророкъ сказалъ: «о, Абу-ибнъ-Каабъ, мнѣ былъ посланъ разумъ для чтенія Корана на одномъ нарѣчіи, я былъ покоренъ приказанію Бога и сказалъ: «сдѣлай чтеніе Корана легкимъ для моихъ племенъ». Тогда мнѣ во второй разъ были присланы инструкціи въ словахъ: «читай Коранъ на двухъ нарѣчіяхъ». Тогда я повернулся къ Дворцу Бога сказалъ: «сдѣлай чтеніе Корана легкимъ для моихъ племенъ». Тог-

да въ третій разъ мнѣ былъ посланъ голосъ, говорящій: «читай Коранъ на семи нарѣчіяхъ».

Есть также другое преданіе, которое Омаръ передавалъ такъ. «При жизни Пророка я однажды слышалъ, какъ одинъ человѣкъ читалъ суру Корана. Я слушалъ его чтеніе, и, такъ какъ оно отличалось отъ того, какое было извѣстно мнѣ, и которое я слышалъ изъ устъ Пророка, я подумалъ, что молитва будетъ недѣйствительна. По окончаніи молитвы я разсердился на него, ударилъ его и сказалъ, гдѣ онъ слышалъ такое чтеніе? Тогда онъ отвѣтилъ мнѣ, что слышалъ его отъ Мухаммеда. Тогда мы отправились къ Пророку, чтобы разрѣшить споръ. Онъ сказалъ, что чтенія были правильны и прибавилъ: «истинно, Коранъ посланъ въ откровеніи на семи нарѣчіяхъ,—читайте его на столькихъ, на сколькихъ вы можете». [1]).

Таково происхожденіе существующихъ теперь «семи чтеній» Корана. При неимѣніи преданій, ихъ было бы нельзя объяснить: такъ какъ преданія эти необходимы, то лучше не сомнѣваться въ ихъ подлинности. Различіе чтеній, т. е. произношенія совершено естественно для различныхъ племенъ, говорящихъ отличнымъ другъ отъ друга нарѣчіемъ, и здѣсь даже едва ли была нужда прибѣгать къ какимъ-нибудь догматическимъ объясненіямъ.

Такъ какъ Коранъ Усмана не имѣлъ гласныхъ знаковъ, то для различныхъ чтеній была полная свобода,—это второе объясненіе, также вполнѣ понятное и очевидное, и опять таки ему не для чего было находить извиненіе заднимъ числомъ. Но, какъ бы тамъ ни было, различныя чтенія образовались. Такъ какъ каждый считалъ свое болѣе правильнымъ, то начались взаимныя обвиненія, тѣмъ болѣе, что провѣрить было трудно: по приказанію Усмана, всѣ копіи стараго изданія были уничтожены. Это послѣднее обстоятельство дало поводъ къ обвиненію его въ измѣненіи текста и сокрытіи слѣдовъ своего дѣянія путемъ сожженія старыхъ списковъ. Обвиненіе было несправедливо, но оно не было совершенно неправдоподобно. Онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что изданіе было предпринято съ цѣлью предотвратить всякія раздоры, такъ какъ люди стали отдавать предпочтеніе одной копіи передъ другой.

---

[1]) E. Sell Essays on. islam. p. 226. Эти семь нарѣчій по племенамъ; корайшиты, хавазины, тай, хазилъ, гиміаръ, такифъ и іеменъ. Нольдеке въ Geschichte des Qorans, ч. 1, стр. 41, указываетъ существующіе варіанты, а именно: корайшъ, кенана, асадъ, хузайль, ташимъ, дабба, каисъ. Или: корайшъ, саадъ-бэни-бакръ, кенана, хузайль, такифъ, хузаа, асадъ, дабба. Или: корайшъ, іеменъ, ташимъ, джорхумъ, хавазинъ, куджа, тай.

Между прочимъ, какъ говорятъ преданія, не всѣ старыя книги были уничтожены разомъ: изъ нихъ главнѣйшими были Убая-ибнъ-Кааба и Ибнъ-Масуда. У Убая суры 105 и 106-я были соединены вмѣстѣ, вообще суры были размѣщены въ другомъ порядкѣ, и были прибавлены двѣ неизвѣстныя, подъ названіемъ Халя и Хавзъ. [1]). Возможно, что эти двѣ коротенькія суры были лишь простыми молитвами, записанными на поляхъ Корана, но неизвѣстно, точно ли это было такъ. Древнѣйшая книга, въ которой Нольдеке нашелъ ихъ, относится къ пятому вѣку геджры.

Возраженіе, которое дѣлается противъ подлинности этихъ суръ, заключается въ томъ, что въ нихъ человѣкъ обращается къ Богу, а не наоборотъ. Но это возраженіе не можетъ имѣть серьознаго значенія, такъ какъ, во-первыхъ, таковъ же и стиль первой суры, а во вторыхъ, можно подразумѣвать слово: говори.

Копія Ибнъ-Масуда не имѣла суръ 1, 113 и 114-й.

Копія, находившаяся у Али, была, говорятъ, расположена въ хронологическомъ порядкѣ, и первою стояла сура 96-я.

Въ нѣкоторыхъ копіяхъ суры 93 и 94-я были соединены.

Самымъ серьознымъ оппонентомъ текста Усмана былъ Ибнъ-Масудъ, великій богословъ. Онъ отказался дать свою копію предсѣдателю повѣрочной комиссіи изъ корайшитовъ, и этимъ навлекъ на себя сильный гнѣвъ халифа, который приказалъ его наказать публично. Наказаніе было выполнено и съ такимъ усердіемъ, что черезъ нѣсколько дней послѣ этого Ибнъ-Масудъ умеръ отъ полученныхъ побоевъ. Современники съ порицаніемъ относились къ этой ненужной жестокости халифа, въ особенности же это возбудило злобу среди приверженцевъ Али.

Все же, несмотря на всѣ эти недоразумѣнія, пререканія и споры, несмотря на многочисленныхъ враговъ, Коранъ Усмана былъ принятъ, и это служитъ лучшимъ ручательствомъ за его подлинность. Шіиты утверждаютъ, что первоначально Али и его послѣдователи отвергли книгу Усмана. Обвиненія, предъявленныя къ нему, относятся уже къ болѣе позднему времени, и, хотя историческая ихъ цѣнность не можетъ быть особенно велика, они не могутъ быть совершенно пропущены безъ вниманія. Несом-

---

[1]) E. Sell. Essays on islam. pp 227, 228:—Сура Халя. Во имя милостиваго Бога! О, Боже! мы молимся Тебѣ о помощи и прощеніи; мы славимъ Тебя, и благодарность къ Тебѣ съ нами: мы пойдемъ и оставимъ всякаго, кто нарушаетъ Твои заповѣди.

«Сура Хафзъ: Во имя милостиваго, милосерднаго Бога! О, Боже! Мы служимъ Тебѣ, и Тебѣ мы молимся, Тебѣ поклоняемся; мы стремимся къ Тебѣ; мы надѣемся на Твое милосердіе, и о Твоемъ наказаніи страхъ въ насъ. Поистинѣ, наказаніе Твое побѣждаетъ невѣрныхъ».

нѣнно, что нѣкоторыя копіи стараго Корана были сохранены владѣльцами вопреки приказанію халифа уничтожить ихъ.

Шіитское преданіе гласитъ, что Пророкъ сказалъ: о, Али! истинно, что Коранъ, открытый вамъ, написанъ отрывками на клочкахъ шелка или кожи; собери ихъ, но не дѣлай такъ, какъ евреи поступили съ книгой закона». Али сказалъ, что онъ получилъ свою копію, обернутую въ шелковую матерію, и читалъ ее Пророку въ его домѣ. [1]).

Поэтому то Али, согласно того же шіитскаго преданія, и сказалъ, что Коранъ долженъ держаться въ его домѣ и въ его семействѣ. Кромѣ того, эта обязанность падала на Али еще и въ качествѣ прямого непосредственнаго замѣстителя Пророка: шіиты празднуютъ «праздникъ Пруда» въ воспоминаніе того, что у одного пруда Пророкъ назначилъ Али своимъ прямымъ намѣстникомъ.

Когда Омаръ просилъ Али прислать свою копію для того, чтобы можно было сличить съ ней другія, Али отказалъ въ этомъ, говоря, что находящійся у него Коранъ есть самый точный и совершенный и не можетъ быть подвергнутъ какимъ бы то ни было измѣненіямъ, которыя могутъ оказаться необходимыми для другихъ копій. Онъ прибавилъ, что намѣренъ преемственно передавать свою копію своимъ потомкамъ до прибытія имама Махди. [2]). Если признать это преданіе правильнымъ, говоритъ Сэлль, то невольно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ Али могъ отказать дать для сличенія собственную копію, которую онъ признавалъ единственно точной?

По моему вопросъ не въ этомъ: преданіе никоимъ образомъ точнымъ быть не можетъ, такъ какъ ничто не служитъ для насъ доказательствомъ того, что Али считался провидцемъ. Преданіе должно было уже появиться очевидно послѣ имама Махди, обстоятельство, которое едва ли могъ предвидѣть Али. Такъ что этихъ словъ Али произнести не могъ, но что онъ отказалъ въ выдачѣ своей копіи, въ этомъ невозможнаго конечно ничего нѣтъ, такъ какъ онъ считалъ себя обиженнымъ, но въ смутное время, въ которое онъ жилъ, онъ не имѣлъ ни досуга, ни благопріятнаго случая, чтобы убѣдить поддерживавшихъ его противниковъ мусульманъ, что съ нимъ поступили несправедливо; и онъ не могъ также пустить въ обращеніе свою собственную копію, не изъявъ всѣхъ копій Усмана, а это былъ актъ, на который онъ не смѣлъ рѣшиться. Это только увеличило бы уже существующія разногласія и ускорило бы его паденіе,—поэтому онъ предоставилъ дѣло его естественному теченію. [3]).

---

[1]) E. Sell. Essays on Islam. p. 229.

[2]) Idem.

[3]) Idem. p. 230.

Послѣ убійства Али, его сыновья Хасанъ и Хусейнъ были покорены Муавіей и, внѣшнимъ образомъ по крайней мѣрѣ признали официальное изданіе Корана единственно вѣрнымъ и сказали, что правовѣрные должны пользоваться имъ именно въ такомъ видѣ, не обращая вниманія на другіе отрывки, разсматриваемые нѣкоторыми ихъ приверженцами, какъ составныя части истиннаго текста. Тайнымъ же образомъ они увѣрили своихъ приверженцевъ, что истинный Коранъ остается спрятаннымъ до появленія Махди, послѣдняго имама, который и объявитъ всему мусульманскому міру скрытыя мѣста текста. Эти вѣрованія также имѣютъ, безъ сомнѣнія, болѣе позднее происхожденіе. Даже и теперь нѣкоторые изъ особенно фанатичныхъ шіитскихъ муллъ говорятъ, что нѣкоторыя выпущенныя мѣста и по настоящее время имѣютъ силу, и обвиняютъ Омара и Усмана въ томъ, что они умышленно пропустили или измѣнили слова и цѣлыя фразы.

Такъ ст. 164-й суры 4-й читается—суннитами:

«Самъ Богъ свидѣтель тому что Онъ послалъ тебѣ по мудрости Своей; ангелы свидѣтельствуютъ о томъ же ..»

шіитами:

«Самъ Богъ свидѣтель тому, что Онъ послалъ тебѣ по мудрости Своей *относительно Али;* ангелы свидѣтельствуютъ о томъ же...»

Ст. 71-й суры 5-й:

«О, Пророкъ! возвѣсти обо всемъ, что даровано черезъ тебя Господомъ твоимъ...»

«О, Пророкъ! возвѣсти обо всемъ, что даровано черезъ тебя Господомъ твоимъ *относительно Али*...»

Ст. 136-й суры 4-й:

«Кто, увѣровавши, возвратился къ невѣрію. затѣмъ снова повѣрилъ и потомъ снова сталъ невѣрнымъ и еще усугубилъ невѣріе свое, тому Богъ не проститъ и не поведетъ его по пути правому.

«Кто, увѣровавши, возвратился къ невѣрію, затѣмъ снова повѣрилъ и потомъ снова сталъ невѣрнымъ и еще усугубилъ невѣріе свое *по отношенію къ семейству Мухаммеда и его правамъ,* тому не проститъ Богъ и не поведетъ его по пути правому».

Ст. 228-й суры 26-й:

«...ибо нападающіе первыми узнаютъ, какая участь имъ уготована».

«...ибо нападающіе *на семейство Мухаммеда и его права* первыми узнаютъ, какая участь имъ уготована».

Кромѣ того, шіиты считаютъ, что измѣнены нѣкоторые отрывки и слова.

Ст. 106-й суры 3-й.

«Вы народъ совершеннѣйшій изъ всѣхъ народовъ, когда либо появлявшихся среди людей; вы поощряете все хорошее и запрещаете дурное: вы вѣруете въ Бога...» Вмѣсто «народовъ» шіиты читаютъ «имамовъ». Они подкрѣпляютъ свое мнѣніе тѣмъ, что сдѣланное описаніе поощренія и запрещенія съ большимъ правомъ примѣнимо къ имамамъ, какъ къ правителямъ, чѣмъ къ націямъ.

Ст. 74-й суры 25-й:

«Кто говоритъ: Господи, даруй намъ въ нашихъ женахъ и дѣтяхъ радость и допусти насъ итти во главѣ питающихъ страхъ Божій». Вмѣсто «допусти насъ итти во главѣ питающихъ страхъ Божій» шіиты читаютъ: «дай намъ имамовъ изъ боящихся тебя», т. е. Али и его потомковъ.

Ст. 12-й суры 13-й:

«У каждаго изъ людей есть ангелы, слѣдующіе за нимъ безпрерывно и спереди и сзади; они сохраняютъ его по приказанію Господа». Шіиты читаютъ: «У каждаго есть ангелы позади его и стража; они сохраняютъ его по приказанію Господа».

Ст. 20-й суры 11-й:

«Развѣ будутъ сравнены съ невѣрными тѣ, кто опирается на явныя доказательства отъ Господа, доказательства, которыя приводитъ имъ свидѣтель, явившійся отъ Господа же вслѣдъ за книгой Моисеевой, данной, какъ руководство и знаменіе милости Божіей?..» Въ чтеніи шіитовъ «свидѣтель» слѣдуетъ послѣ словъ «руководства и знаменіе» и относится къ Али, а не къ Моисеевой книгѣ. Вообще это одинъ изъ трудныхъ стиховъ. Одни говорятъ, что свидѣтель есть Гавріилъ, который пришелъ отъ Бога и читалъ Коранъ Мухаммеду. Другіе говорятъ, что «явное доказательство» есть Мухаммедъ и свидѣтель—Али; другіе, что «свидѣтель» есть самъ Коранъ.

Ст. 39-й суры 23-й:

«Нѣтъ иной жизни, кромѣ той, которой мы наслаждаемся здѣсь на землѣ; мы умремъ и живемъ и не будемъ никогда воскрешены». Шіиты говорятъ, что надо переставить слова: «мы живемъ и умремъ».

Шіиты находятъ также стихи, которые поставлены не на должномъ мѣстѣ.

Ст. 58-й суры 2-й.

«...Моисей отвѣтилъ вамъ: «хотите ли вы обмѣнить лучшее на худшее? Тогда идите въ Египетъ, тамъ вы найдете то что просите».

Дальше слѣдуетъ:

«И униженіе и бѣдность постигли ихъ...» Шіиты же считаютъ, что вмѣсто этихъ словъ въ истинномъ Коранѣ слѣдовали слова, находящіяся теперь въ ст. 27-мъ суры 5-й.

«О, Моисей, отвѣтилъ народъ, мы никакъ не проникнемъ туда до тѣхъ поръ, пока оттуда не выйдутъ обитающіе тамъ...»
Ст. 6-й суры 25-й.

«Это просто побасенки древнихъ, говорятъ они еще, которыя онъ записалъ; ему диктовались онѣ и днемъ и вечеромъ». Шіиты говорятъ, что въ истинномъ Коранѣ за этими словами слѣдовали:

«Когда то у тебя не было никакой божественной книги для прочтенія, когда то ты не сумѣлъ бы даже правой рукой провести линіи. О, тогда отрицающіе истину могли бы сомнѣваться» (Сура 29-я, ст. 47).

Но самымъ серіознымъ обвиненіемъ является пропускъ цѣлой суры, называемой «Два Свѣта», подъ которыми обозначаются Мухаммедъ и Али. Вотъ она:

«Во имя Бога, милостиваго, милосерднаго.

«О, вы, вѣрующіе! вѣрьте въ два свѣта, которые мы послали, которые читали наши знаменія и предохраняли васъ отъ наказаній послѣдняго дня. Эти два свѣта (происходятъ) одинъ отъ другого. По истинѣ, Я—слышащій, знающій.

«Для тѣхъ, кто повинуется приказанію Бога и Его Пророка, согласно этимъ стихамъ, (уготованъ) рай наслажденій; но тѣ, кто отступили отъ вѣры послѣ того, какъ повѣрили, и которые нарушаютъ свои обѣщанія и то, что Пророкъ поставилъ для нихъ условіемъ, будутъ ввергнуты въ адъ.

«Тѣ, которые повредили свои собственныя души и не повиновались намѣстнику Пророка (т. е. Али), будутъ пить кипящую воду.

«По истинѣ, Богъ даетъ свѣтъ небесамъ и землѣ, Онъ выбираетъ ангеловъ, пророковъ, онъ дѣлаетъ вѣрными; они Его твореніе: Онъ творитъ то, что Онъ хочетъ: нѣтъ бога кромѣ Него, милосерднаго, милостиваго.

«По истинѣ, тѣ, кто были раньше ихъ, обманули своихъ пророковъ. Я ихъ наказалъ за ихъ обманъ, и Мое наказаніе строго и сурово.

«По истинѣ, Богъ уничтожилъ Адъ и Самудъ за то, что они содѣяли, и сдѣлалъ ихъ напоминаніемъ вамъ, но вы не повѣрили. И Онъ сдѣлалъ то же самое съ Фараономъ за его сопротивленіе Моисею и брату его Аарону. Онъ потопилъ его и всѣхъ, кто слѣдовали за нимъ, какъ знакъ для васъ, и все же большинство изъ васъ развращены. Истинно, Богъ соберетъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ въ день воскресенія, и они не въ состояніи будутъ отвѣтить, когда ихъ будутъ спрашивать: и адъ будетъ для нихъ, потому что Богъ—знающій и мудрый.

«О, Пророкъ! объяви мои предостереженія, можетъ быть, они послѣдуютъ имъ. По истинѣ, тѣ, которые отвернулись отъ моихъ

знаменій, моихъ приказаній, погибли. Что же касается тѣхъ, которые исполняютъ твои завѣты. Я награжу ихъ раемъ наслажденій. Истинно, Богъ—прощающій и щедро награждающій.

«По истинѣ, Али—одинъ изъ благочестивыхъ людей, и мы возстановимъ его въ его правахъ въ день суда. Для насъ не остается неизвѣстной несправедливость, совершенная съ нимъ. Мы возвеличили его надъ всѣми твоимъ семействомъ, и онъ и его потомство терпѣливы, а его враги—глава грѣшниковъ.

«Скажи тѣмъ, которые отказались отъ вѣры послѣ того, какъ повѣрили: «вы искали славы земной жизни и торопились достичь ея, и забыли что Богъ и Его Пророкъ обѣщали вамъ, и вы нарушили обѣщанія, несмотря на строгое приказаніе относительно этого». Мы дали вамъ примѣры, и, можетъ быть, вы будете направлены.

«О, Пророкъ! Мы послали явныя знаменія: въ нихъ показано, кто будетъ вѣрить въ него (Али), и кто послѣ тебя отвернется отъ него.

«Отвернись отъ нихъ: очевидно, они сворачиваютъ въ сторону, и конечно мы спросимъ съ нихъ въ день страшнаго суда, когда уже ничто не послужитъ имъ на пользу, и никто не сжалится надъ ними. Поистинѣ, мѣсто для нихъ въ аду, и они не вернутся. Прославляй имя твоего Господа и будь изъ тѣхъ, кто поклоняется ему.

«По истинѣ, мы послали Моисея и Аарона съ тѣмъ, что было нужно, и они возмутились противъ Аарона. Терпѣніе хорошо, и такъ мы обратили ихъ въословъ и свиней и прокляли ихъ до дня воскресенія. Будь терпѣливъ, они будутъ наказаны.

«Мы послали тебѣ приказаніе, какъ сдѣлали то предшествовавшимъ пророкамъ. Мы назначили тебѣ преемника (т. е. Али) изъ числа ихъ: можетъ быть, они возвратятся. Отъ того, кто отвращается отъ моего приказанія, отвращусь и я, и изъ своего невѣрія они извлекутъ малую пользу. Не спрашивай относительно тѣхъ, которые нарушаютъ законъ.

«О, Пророкъ! мы заключили для тебя договоръ на шеѣ тѣхъ, кто вѣруетъ; владѣй имъ и будь изъ числа тѣхъ, которые чувствуютъ благодарность.

«По истинѣ, Али постояненъ въ ночной молитвѣ, онъ дѣлаетъ предписанные поклоны и не боится послѣдняго дня и надѣется на милость отъ своего Господа

«Скажи какъ можно сравнивать тѣхъ, которые притѣсняютъ, и тѣхъ, которые знаютъ мое безпокойство. Они положатъ четки на свою шею, и они раскаются въ своихъ дѣяніяхъ.

«Мы дали тебѣ добрыя вѣсти и благочестивыхъ потомковъ, и они не будутъ непокорными. Мой миръ и Моя милость на нихъ, живыхъ или мертвыхъ, и въ день, когда они снова возстанутъ.

Гнѣвъ мой на тѣхъ изъ нихъ, кто преступитъ заповѣди послѣ тебя. По истинѣ, это дурной народъ, и они уклонятся отъ пути праваго; на тѣхъ же, кто идетъ впередъ по пути правому, Мое благоволеніе, и они будутъ невредимы въ высокихъ покояхъ.

«Хвала Господу обоихъ міровъ. Аминь». [1]).

Мнѣніе Казем Бека таково, что эта сура является только слабымъ подраженіемъ Корану и принадлежитъ вѣроятно перу какого-нибудь фанатичнаго муллы-шіита. Онъ говоритъ, что до седьмого вѣка геджры даже и не упоминалось объ этой сурѣ.

Garcin de Tassy, первый открывшій эту суру, допускаетъ возможность ея подлинности, но не рѣшается этого доказывать.

Мюръ говоритъ о собраніяхъ Корана: [2])

«Заключеніе, которое мы теперь можемъ съ увѣренностью вывести, то, что какъ изданіе Абу Бакра, такъ и изданіе Усмана, оба были не только вѣрны, но и полны—насколько было добыто матеріаловъ. И, если тамъ и могутъ быть какія-нибудь опущенія, они во всякомъ случаѣ не были умышленно допущены составителями... Мы можемъ съ величайшей вѣроятностью полагать, что каждый стихъ Корана есть подлинное и неизмѣненное созданіе самого Мухаммеда и заключить словами Von-Hammer'а: «что мы признаемъ, что Коранъ такъ же истинно является словомъ Мухаммеда, какъ мусульмане утверждаютъ, что онъ есть слово Бога». [3]).

Знаніе Корана наизустъ даетъ право на лестный титулъ «хафизъ», т. е. хранитель. Онъ не только долженъ знать наизустъ весь текстъ священной книги, но также долженъ умѣть правильно произносить каждое слово. Въ первые дни ислама высшими авторитетами въ дѣлѣ правильности чтенія Корана были четыре первыхъ халифа и вообще Спутники Мухаммеда, которые учились у самого пророка произносить такъ, какъ это дѣлалъ архангелъ Гавріилъ. [4]).

Чтеніе Корана, это цѣлое искусство: для чтенія Корана мало быть только грамотнымъ и умѣть читать по-арабски.

Вообще чтецъ Корана называется «кары» (т. е. читающій, слово отъ одного корня со словомъ Коранъ), но въ частности этотъ титулъ присваивается семи извѣстнымъ чтецамъ и ихъ ученикамъ. Различіе между этими чтеніями заключается въ разнообразномъ произношеніи гласныхъ. Но такъ какъ Мухаммедъ получилъ откровеніе, чтобы Коранъ читался именно на семи нарѣчіяхъ, то

---

[1]) E Sell. Essays on islam. pp. 231—236

[2]) Idem. pp. 240—241.

[3]) Idem.

[4]) E Sell. Faith of islam. p 26.

все было хорошо, и всѣ семь чтеній были признаны. Но при различномъ произношеніи, все же должна была быть общая манера чтенія, и въ хадисахъ мы находимъ, что «Мухаммедъ, читая Коранъ, тянулъ произношеніе» [1]). Такому чтенію и учили знающіе люди. Во время перваго халифата было четыре главныхъ чтеца Корана, которые были одобряемы еще Мухаммедомъ. Это были: Абдулла-ибнъ-Масудъ, Салимъ-ибнъ-Макашъ, Маадъ-ибнъ-Джабалъ и Убай-ибнъ-Каабъ. Первые два были мухаджиры, вторые ансары. Салимъ былъ убитъ въ сраженіи при Ямама; Маадъ умеръ во время халифата Омара, и два остальныхъ во время халифата Усмана. [2]).

Когда этихъ первыхъ учителей не стало, изъ числа ихъ учениковъ нѣсколько человѣкъ заступили ихъ мѣсто. Изъ нихъ то семь человѣкъ и были основателями школъ чтенія Корана.

Когда Коранъ читаютъ или скорѣе напѣваютъ, то интонація голоса должна мѣняться то повышаясь, то понижаясь согласно точно установленнымъ правиламъ. О томъ, какъ мѣняется интонація, и дѣлаются паузы, существуетъ цѣлая наука. Какъ мы уже сказали выше, допускается семь различныхъ способовъ чтенія, и это называется «Кираэтъ». Придерживаться такого то кираэта значитъ читать Коранъ по правиламъ такого то чтеца. Каждый изъ семи чтецовъ имѣлъ двухъ учениковъ, которые спеціально были избраны изъ числа другихъ для того, чтобы не только обучиться самимъ, но быть способными передать свое умѣніе и другимъ. Они то и распространяли ученіе своего учителя. Какъ и передатчики преданій, эти ученики носили имя «рави», т. е. передающій сказанное ему.

Имена семи знаменитыхъ чтецовъ были слѣдующія:

1) Имамъ-ибнъ-Касиръ былъ изъ числа «таби», т. е. тѣхъ, которые имѣли сношеніе со Спутниками Пророка. Онъ родился въ Меккѣ въ 45 году геджры и умеръ въ томъ же городѣ въ 120 году. Его система чтенія Корана распространялось его учениками: Баби-умеръ въ 191 году и Ханбалъ въ 170 году.

2) Имамъ Асимъ, умершій въ Куфѣ въ 127 году. Онъ самъ научился чтенію Корана отъ одного лица, которое, въ свою очередь, было ученикомъ халифовъ Усмана и Али. Ученики его: Абу Бакръ, умеръ въ 193 году, и Хафсъ, умеръ въ 180 году.

3) Имамъ-абу-Амръ, родился въ Меккѣ въ 70 году и умеръ въ Куфѣ въ 154 году. Про него разсказываютъ, что, когда была приготовлена первая копія Корана и представлена Усману, онъ сказалъ: «здѣсь есть ошибки,—пусть арабы поправятъ ихъ своей рѣчью». Смыслъ этого таковъ, что они должны произносить слова

---

[1]) As-Sahih. v. III. p. 539.

[2]) Klein Religion of islam p. 26.

правильно, когда читаютъ книгу, но не измѣнять копій. Абу Амръ считался однимъ изъ ученѣйшихъ арабовъ своего времени. Два его ученика носили имена Дури и Сузи.

4) Время рожденія имама Хамзы точно не извѣстно, но мѣсто рожденія былъ городъ Куфа, умеръ же онъ въ 156 году въ Хальванѣ. Онъ извѣстенъ также подъ прозвищемъ «Аз-зайятъ» т. е. масленый человѣкъ, чѣмъ онъ былъ обязанъ тому обстоятельству, что велъ торговлю масломъ. Два его ученика были: Халладъ Базасъ и Абу Иса-Халладъ.

5) Имамъ Нафи былъ уроженцемъ Медины. Онъ уже не засталъ никого изъ Спутниковъ Пророка, и система чтенія перешла къ нему по преданію. Онъ умеръ въ Мединѣ въ 169 году. Учениками его были: Варшъ и Калунъ.

6) Имамъ Кисаи былъ уроженцемъ Куфы. Онъ пріобрѣлъ извѣстность въ качествѣ филолога. Онъ былъ наставникомъ Аль Амина, сына халифа Гарун-ар-Рашида. Умеръ въ 189 году. Его ученики были: Абуль-Харисъ и Дури.

7) Имамъ-ибнъ-Амиръ былъ уроженцемъ Сиріи. Учениками его были: Хишамъ и Ибнъ-Заквамъ. [1]).

Иногда между послѣдователями семи чтецовъ происходили большіе споры. «Въ 323 году Ибнъ-Шанабудъ, резидентъ въ Багдадѣ, вздумалъ ввести нѣкоторые варіанты въ свое чтеніе Корана. Населеніе Багдада, не зная ихъ, вошло въ ярость, и халифъ былъ принужденъ посадить оскорбителя въ тюрьму. Былъ собранъ совѣтъ духовныхъ лицъ, передъ которымъ и предсталъ Ибнъ-Шанабудъ. Нѣкоторое время онъ настаивалъ на правильности своего чтенія, но, получивъ семь ударовъ, онъ воскликнулъ: «я отказываюсь отъ своего способа чтенія и въ будущемъ буду слѣдовать лишь манускрипту, сдѣланному халифомъ Усманомъ, и который вездѣ принятъ» (Ибнъ-Калликанъ, III, 16). [2])

Съ распространеніемъ ислама, явилась необходимость излагать ученіе Корана лицамъ, не знакомымъ съ арабскимъ языкомъ, и появился новый отдѣлъ знанія—грамматика. Правила грамматики были составлены примѣнительно къ Корану, и онъ оказался вслѣдствіе этого верхомъ совершенства. Созданіе діактрическихъ знаковъ давало возможность читать Коранъ даже тѣмъ, кто не слыхалъ его чтенія, такъ какъ эти знаки почти въ совершенствѣ замѣняютъ собою отсутствующія гласныя буквы. Честь изобрѣтенія этихъ знаковъ принадлежитъ Халидъ-ибнъ-Ахмеду, который родился въ 100 и умеръ въ Басрѣ въ 170 году. [3]).

Остановки «вакфъ» или паузы при чтеніи, которыя обяза-

---

[1]) E. Sell. Essays on islam. pp. 251,252.

[2]) E. Sell. Faith of islam. p. 65

[3]) E. Sell. Essays on islam. p. 253, 255.

тельно должны быть дѣлаемы, раздѣляются на пять главнѣйшихъ категорій.

1) Вакф-и-лязимъ, т. е. остановка, которая непремѣнно должна быть сдѣлана, безъ чего можетъ быть искаженъ смыслъ.

2) Вакф-и-мутлакъ—употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда въ вакф-и-лязимъ нѣтъ необходимости, такъ какъ смыслъ не уничтожается безъ остановки, но онъ лишь затрудняется безъ нея. Другими словами, ея назначеніе—облегчить пониманіе текста

3) Вакф-и-джаизъ и

4) Вакф-и-муджаввазъ—два вида необязательныхъ паузъ,—въ употребленіи ихъ не ощущается абсолютной надобности, но употребленіе ихъ способствуетъ легкости пониманія, такъ какъ нѣсколько замедленное чтеніе понимается легче быстраго.

5) Вакф-и-мураххасъ есть допустимая пауза. Это остановка такого рода, что въ ней нуждается не ясность текста, не слушатель, а только самъ чтецъ, чтобы во время длиннаго стиха имѣть возможность передохнуть. [1])

Эти пять видовъ остановокъ при чтеніи получили право гражданства съ давнишнихъ временъ. Было бы ошибкой думать, что это всѣ знаки. Нѣтъ, въ болѣе позднее время чтецы изобрѣли еще много другихъ, но это уже вопросъ слишкомъ спеціальный, и мы больше задерживаться на немъ не можемъ.

Во время мѣсяца рамазана въ мечетяхъ прочитывается весь Коранъ. Имамъ, который началъ читать Коранъ однимъ чтеніемъ, долженъ уже во все время придерживаться этого чтенія. Хорошимъ чтецомъ считается тотъ, кто знаетъ всѣ семь чтеній.

Коранъ раздѣляется на:
хуруфъ, т. е. составляющія находящіяся въ немъ слова буквы,
калиматъ, т. е. составляющіе стихи слова.
айятъ, т. е. составляющіе суры или главы стихи. Стихъ въ сущности говоря, опредѣленіе произвольное.—точнѣе было бы сказать: отличный знакъ, знаменіе, какой смыслъ придаетъ имъ самъ Коранъ.
суры или главы, изъ которыхъ составлены
джузвы (нѣкоторые допускаютъ произношеніе *джэзъ*) или, по-персидски, *сипарэ*. Послѣднимъ раздѣленіемъ является *руку*. (См. въ приложеніи).

Буквъ въ Коранѣ всего 338606, включая въ то число и буквы вступительныхъ словъ «Бисмилля». Эта цифра указывается Сэллемъ, но это лишь одна изъ нѣсколькихъ цифръ, въ которыя опредѣляется число буквъ Корана. На первый взглядъ это кажется нѣсколько страннымъ, но, принимая во вниманіе особен-

[1]) E. Sell. Essays on Islam. p 255.

ности различныя чтенія, находишь это различіе неизбѣжнымъ. При одномъ чтеніи, напр., нѣкоторыя изъ написанныхъ буквъ не произносятся совершенно или же, произносятся буквы, написанія которыхъ въ словахъ нѣтъ.

Число словъ, употребленныхъ въ Коранѣ, также не даетъ одной опредѣленной цифры и колеблется между 77934 и 79087. Здѣсь разница происходитъ оттого, что нѣкоторые сложныя слова считаютъ за одно, а другіе—считаютъ ихъ за два; нѣкоторые считаютъ членъ за слово, другіе—нѣтъ; слитые со словами предлоги для нѣкоторыхъ составляютъ отдѣльныя слова, для нѣкоторыхъ—нѣтъ.

Стихи или знаменія. Названіе «айтъ» было дано Мухаммедомъ и употребляется въ Коранѣ. Стихъ отъ стиха въ Коранѣ отдѣляется маленькимъ кружкомъ. Первоначально нѣкоторые чтецы не приняли такой размѣтки стиховъ кружками. и это было причиной полученія пяти различныхъ размѣтокъ и разницы въ счетѣ стиховъ. Какъ дальше мы увидимъ, эта различная размѣтка стиховъ имѣла своимъ результатомъ не только различное ихъ счисленіе, что едва ли имѣетъ какую-нибудь важность, но и различное пониманіе смысла, иногда въ вопросахъ принципіальнаго характера и имѣющихъ догматическій характеръ. Различныя изданія имѣютъ различное число стиховъ, такъ:

изданіе, сдѣланное въ Куфѣ, имѣетъ 6239 стиховъ (распространено главнымъ образомъ въ Индіи),
изданіе, сдѣланное въ Басрѣ, имѣетъ 6204 стиха,
» » » Дамаскѣ » 6225 » (распространено въ Сиріи),
изданіе, сдѣланное въ Меккѣ, имѣетъ 6219 стиховъ и
» » » Мединѣ » 6211 » Въ эти цифры не входятъ 113 Бисмилля, которыя также нѣкоторыми считаются за отдѣльные стихи.

Разница въ числѣ стиховъ объясняется такъ: «Сначала Пророкъ останавливался въ концѣ каждаго стиха; потомъ онъ сталъ пропускать паузы въ концѣ нѣкоторыхъ стиховъ. Тѣ, которые его слышали въ первое время, насчитывали болѣе стиховъ,чѣмъ слышавшіе его въ болѣе позднійі періодъ. Кромѣ того, незначительная пауза для передышки могла быть понята невѣрно и считаться оканчивающей стихъ паузой». (Давабит-уль-фурканъ, 52)[1]).

«Слово сура обозначаетъ собственно рядъ кирпичей въ постройкѣ или линію въ книгѣ или письмѣ. Къ главамъ Корана это названіе примѣнено, такъ какъ онѣ какъ бы составляютъ отдѣльные ряды въ зданіи цѣлаго». [2]).

---

[1]) E. Sell. Faith of islam. pp. 78, 79.
[2]) Klein. Religion of islam. p. 3.

Въ арабскихъ текстахъ суры не нумерованы и извѣстны лишь по именамъ, или же онѣ обозначены особыми буквами, которыя въ этомъ случаѣ также играютъ роль названія. Не нумерованы также и стихи въ нихъ, и, если эта вольность допускается европейскими переводчиками, то это сдѣлано исключительно съ цѣлью удобства цитированія нужныхъ мѣстъ.

Въ цѣляхъ религіозной практики Коранъ раздѣленъ на тридцать частей (джузвъ или сипарэ), такъ что, при чтеніи по одной части ежедневно, онъ можетъ быть прочитанъ весь въ теченіе одного мѣсяца. Каждый джузвъ обозначается первымъ словомъ части. [1]). По прочтеніи извѣстнаго числа стиховъ, дѣлаются преклоненія или «рикъатъ» и часть, заключенная между двумя «рикъатъ», называется «руку». Поэтому, когда мусульманинъ желаетъ цитировать какое-нибудь мѣсто изъ Корана, онъ не скажетъ подобно тамъ такой то стихъ такой то суры, но скажетъ: такой то руку такого то джузва. [2]). Равнымъ образомъ существуетъ дѣленіе всего содержанія Корана на шестьдесятъ равныхъ приблизительно частей, которыя называются «хизбъ». При большихъ мечетяхъ имѣется всегда нѣсколько человѣкъ—до 60—особыхъ чтецовъ, называемыхъ «хаззабъ», т. е читающій хизбъ. Каждый изъ нихъ читаетъ лишь избранный имъ или избранные хизбы, но дѣлаетъ это уже въ совершенствѣ. Такъ какъ чтеніе Корана или его слушаніе, что одно и то же, составляетъ доброе дѣло, за которое полагается награда, размѣры которой зависятъ отъ количества прочтенныхъ стиховъ, то иногда мусульмане заказываютъ прочитать весь Коранъ сразу: и всѣ хаззабы мечети въ одинъ голосъ принимаются каждый за чтеніе своей части,—въ какой-нибудь часъ прочитывается весь Коранъ. Какъ это легко, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ велика награда за это! Поэтому хаззабы никогда не остаются безъ хлѣба. Нечего и говорить, что первоначальная идея-посвященія себя всецѣло Богу—совершенно извратилась, и эти лица въ чтеніи Корана видятъ такое же ремесло, которое кормитъ ихъ, какъ и всякое другое, но оно имѣетъ то преимущество, что они работаютъ въ ореолѣ благочестія.

За заглавіемъ каждой суры обыкновенно слѣдуетъ указаніе относительно мѣста происхожденія, т. е. была ли дана сура въ Меккѣ, или Мединѣ, что, какъ мы увидимъ дальше, имѣетъ громадную важность для толкованія смысла.

Наконецъ, существуетъ еще дѣленіе, по которому каждый джузвъ состоитъ изъ четырехъ «рэбъ», т. е. четвертей. [3]).

---

[1]) Sir W. Muir. The Coran. p. 48.
[2]) E. Sell Essayl on islam. p. 258.
[3]) Klein. Religion of islam p. 3

Слѣды раздѣленія Корана или основанія къ этому мы находимъ въ преданіяхъ. Вотъ что говоритъ Абдулла-ибнъ-Амръ:

«Мой отецъ женилъ меня на благородной женщинѣ. Онъ часто приходилъ къ своей невѣсткѣ и разспрашивалъ ее о мужѣ. «Какой превосходный человѣкъ! сказала она,—но только онъ никогда не проситъ меня о выполненіи супружескихъ обязанностей, и онъ даже ни разу не пошутилъ со мной за все время, что я нахожусь у него». Такъ какъ это положеніе продолжалось, то отецъ мой сказалъ объ этомъ Пророку, который и приказалъ ему: «приведи ко мнѣ твоего сына». И когда я пришелъ къ нему, онъ повелъ со мной слѣдующій разговоръ:

«—Какъ ты постишься?

«Каждый день.

«—Какъ ты прочитываешь Коранъ цѣликомъ?

«Каждую ночь.

«—Хорошо! но постись ты три дня въ мѣсяцъ и прочитывай Коранъ цѣликомъ разъ въ мѣсяцъ.

«Но я могу сдѣлать больше.

«—Тогда постись три дня въ недѣлю.

«Но я могу сдѣлать больше.

«—Тогда постись одинъ день изъ трехъ.

«Но я могу сдѣлать больше.

«Тогда совершай лучшій изъ постовъ, постъ Давида, который постился одинъ день изъ двухъ, и разъ въ недѣлю прочитывай весь Коранъ.

«Ахъ, если бы Богу было угодно, чтобы я выполнилъ тогда умѣренное предписаніе Пророка Бога, такъ какъ теперь я уже старъ, и у меня больше нѣтъ силъ». [1]).

Всѣхъ суръ 114, и онѣ носятъ слѣдующія названія:

1. Открывающая (Фатиха).
2. Корова.
3. Поколѣніе Имрана.
4. Женщины.
5. Трапеза.
6. Скотъ.
7. Эль-Арафъ.
8. Добыча.
9. Изъятіе и покаяніе.
10. Іона.
11. Гудъ.
12. Іосифъ.
13. Громъ.
14. Авраамъ, миръ ему!
15. Хиджръ.
16. Пчела.
17. Ночное путешествіе.
18. Пещера.
19. Марія.
20. Тага.
21. Пророки.
22. Путешествіе въ Мекку.
23. Вѣрующіе.
24. Свѣтъ.
25. Аль-Фурканъ или различеніе.
26. Поэты.
27. Муравей.
28. Исторія или приключенія.

---

[1]) As Sahih v. III. p. 541

29. Паукъ.
30. Греки.
31. Локманъ.
32. Поклоненіе.
33. Союзники.
34. Сава.
35. Ангелы или Творецъ.
36. Я—синъ.
37. Чинно стоящіе.
38. Садъ.
39. Толпы.
40. Вѣрующій.
41. Изложенные.
42. Совѣщаніе.
43. Золотыя украшенія.
44. Дымъ.
45. Колѣнопреклоненные.
46. Аль-Ахкафъ.
47. Мухаммедъ.
48. Побѣда.
49. Покои.
50. Кафъ.
51. Развѣвающія.
52. Гора Синай.
53. Звѣзда.
54. Луна.
55. Милосердный.
56. Событіе.
57. Желѣзо.
58. Тяжущаяся.
59. Переселеніе.
60. Подвергнутая испытанію.
61. Порядокъ битвы.
62. Собраніе.
63. Лицемѣры.
64. Взаимный обманъ.
65. Разводъ.
66. Запретъ.
67. Власть
68. Перо.
69. Неизбѣжный день.
70. Ступени.
71. Ной.
72. Геніи.
73. Завернувшійся
74. Покрытый плащемъ своимъ.
75. Воскресеніе.
76. Человѣкъ.
77. Посланные.
78. Великая вѣсть.
79. Ангелы, исторгающіе душу.
80. Хмурое чело.
81. Согнутое солнце.
82. Расщепляющееся небо.
83. Обманщики.
84. Небеса разверзающіяся.
85. Знаки небесные.
86. Звѣзда ночная.
87. Всевышній.
88. День облекающій.
89. Утренняя. заря.
90. Страна.
91. Солнце.
92. Ночь
93. Утро.
94. Развѣ не открыли мы?
95. Смоковница.
96. Кровяной сгустокъ.
97. Аль-кадръ.
98. Знаменіе очевидное.
99. Землетрясеніе.
100. Скакуны.
101. Ударъ.
102. Желаніе обогатиться.
103. Послѣполуденный часъ.
104. Клеветникъ.
105. Слонъ.
106. Корайшиты.
107. Милостыня.
108. Кевсерь.
109. Невѣрные.
110. Помощь.
111. Абу Лагабъ.
112. Единство Божіе.
113. Разсвѣтъ.
114. Люди. [1]).

---

[1]) Взято изъ оглавленія Корана, пер. Николаева.

Обыкновенно эти названія брались изъ содержанія, которому была посвящена данная сура, хотя не всегда намъ заглавіе даетъ вѣрную идею, даже приблизительно, о томъ, что мы можемъ найти въ извѣстной главѣ, основываясь исключительно на ея названіи. Иногда заглавіемъ служило лишь какое-нибудь слово, упоминаемое въ главѣ, такъ, напримѣръ, Дымъ, Паукъ и др.

Въ употребленіи заглавій можно видѣть подраженіе обычаю евреевъ. Изъ преданій мы видимъ, что Мухаммедъ самъ уже называлъ нѣкоторыя суры по именамъ, какъ, напр. Корова, Союзники, Фатиха и др., и это были именно тѣ названія, которыя остались за ними и теперь. Правда, Мухаммеду рѣдко приходилось дѣлать сноски на суры, такъ какъ суръ, открытыхъ цѣликомъ или въ большомъ количествѣ стиховъ, было сравнительно немного,— онъ дѣлалъ указанія на стихи, или на «чудеса» (также значеніе слова айтъ), такъ какъ каждый стихъ Корана разсматривается какъ божественное чудо, подобное которому не могутъ воспроизвести люди и геніи, взятые вмѣстѣ. (Сура 17-я, ст 90).

Иныя суры Корана были озаглавлены лишь нѣсколькими буквами, «смыслъ которыхъ невозможно объяснить». Таковы:

АЛМ АЛМР АЛР ТА Кафъ-ха-йя-айнъ-садъ (совокупности этихъ буквъ по-русски передать нельзя).

АЛМ	стоитъ	передъ	сурами 2, 3, 29, 30, 31 и 32.
АЛМР	»	»	сурой 13.
АЛР	»	»	сурами 10, 11, 12, 14 и 15.
АЛМС	»	»	сурой 7.
ТГ	»	»	» 20.
ТСМ	»	»	» 26.
ТС	»	»	» 27.
ЯС	»	»	» 36.
С	»	»	» 38.
ХМ	»	»	сурами 40, 41, 43, 44, 45, 46.
К	»	»	сурой 50.
Н	»	»	» 68.

Кафъ-ха-йя-айнъ-садъ-передъ сурой 19 и

Ха-мимъ-айнъ-синъ-кафъ—передъ сурой 42.

«Предпослѣдняя группа—кафъ-ха-йя-айнъ-садъ,—по предположенію Доктора Шпренгера, можетъ символически изображать Христа, на подобіе буквъ INRI (Iesus Nazarenus Rex Iudeorum). Эти буквы предшествуютъ сурѣ 19-й, которая говоритъ о Христѣ, и которая была прочитана мусульманами передъ абиссинскимъ негусомъ. Эта любопытная теорія, повидимому, должна быть признана несостоятельной, такъ какъ Ибнъ-Халдунъ говоритъ: «Богъ помѣстилъ эти буквы въ нѣкоторыхъ сурахъ, какъ родъ вызова, какъ бы говоря: «это—элементы, составляющіе Ко-

ранъ. возьми ихъ и попробуй составить книгу, которая могла бы сравниться съ Кораномъ». [1]).

Комментаторы Корана пытаются дѣлать разныя предположенія, чтобы въ концѣ концовъ сказать, что это—тайна, въ которую человѣку не дано проникнуть. Но всѣ они согласны въ томъ, что каждая изъ этихъ таинственныхъ буквъ есть ключъ къ одному изъ именъ Бога, такъ, напримѣръ: А—Аллахъ, Л—Лятифъ (прекрасный), М—Маджидъ (прославленный, славный), и т. д. Но весьма любопытное объясненіе мы находимъ въ «Предварительной Рѣчи» Сэля. Это объясненіе остроумно, просто и въ высшей степени правдоподобно. Вотъ что онъ говоритъ: [2]).

«Двадцать девять суръ Корана имѣютъ ту особенность, что онѣ начинаются буквами алфавита. Мусульмане считаютъ, что буквы эти составляютъ особые знаки Корана и скрываютъ въ себѣ много глубокихъ тайнъ, истинное пониманіе которыхъ, какъ признаютъ то наиболѣе разумные, не было сообщено ни одному смертному, за исключеніемъ Пророка. [3]). Несмотря на это, нѣкоторые берутъ на себя смѣлость пытаться объяснить ихъ значеніе при помощи рода кабалистики, называемой евреями Нотариконъ, и считаютъ, что буквы замѣняютъ по числу слова, обозначающія слова и аттрибуты Бога, Его дѣла, приказанія и рѣшенія; и тогда эти таинственныя буквы, наравнѣ со стихами Корана, должны называться знаменіями. Нѣкоторые хотятъ объяснить значеніе этихъ буквъ ихъ природой, другіе—ихъ численнымъ значеніемъ по другой еврейской кабалистикѣ, называемой Джематрія, но неувѣренность этихъ объясненій въ достаточной степени видна изъ ихъ несходства. Такъ, напримѣръ, пять главъ, одна изъ которыхъ вторая, начинаются буквами АЛМ, чему нѣкоторые придаютъ значеніе (по смыслу предполагаемыхъ арабскихъ словъ)—«Богъ милостивъ и долженъ быть прославленъ», или «мнѣ и отъ меня», т. е. принадлежитъ всякое совершенство,

---

[1]) E. Sell. Essays on islam. p. 225

[2]) Sale. P. D. pp 46, 47.

[3]) Едва ли можно согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Подобное предположеніе заставляетъ допустить существованіе этихъ буквъ при жизни Михаммеда, и тогда является совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ эта тайна не возбудила ничьего любопытства? Ни въ Коранѣ, ни въ преданіяхъ нѣтъ никакихъ указаній на то, что Пророкъ объяснялъ или отказывался объяснить кому-нибудь значеніе этихъ буквъ. Дальше, при собираніи Корана, эти буквы обойдены молчаніемъ, ибо никто не зналъ объясненія ихъ, и онѣ были приняты за божественную тайну.

и происходитъ все добро: или «Я мудрый Богъ», или «Аллахъ, Гавриилъ, Мухаммедъ», т. е. авторъ, открыватель и проповѣдникъ Корана. Другіе говорятъ, что А принадлежитъ нижней части горла, первому изъ органовъ рѣчи, Л—небу, среднему органу, и М—губамъ, которыя являются послѣднимъ органомъ. Такимъ образомъ, эти буквы обозначаютъ, что Богъ—начало, средина и конецъ; или долженъ быть прославляемъ въ началѣ, въ серединѣ и въ концѣ всякихъ нашихъ словъ или дѣйствій. Или, если обратиться къ общему численному значенію этихъ трехъ буквъ, т. е. 71, то онѣ обозначаютъ, что на протяженіи этого числа лѣтъ проповѣдываемая въ Коранѣ религія должна распространиться всюду. Мнѣніе одного ученаго христіанина таково, что эти буквы были поставлены секретарями Пророка и обозначаютъ «амр-ли-мухаммадъ», т. е. «по приказанію Мухаммеда», подобно тому, какъ пять буквъ, предшествующихъ сурѣ 19-й, замѣненныя соотвѣтственными арабскими словами, даютъ значеніе «такъ онъ приказалъ».

Безъ сомнѣнія, это послѣднее объясненіе можно было бы признать за самое естественное и правдоподобное, но для мусульманъ оно покажется черезчуръ простымъ, такъ какъ слишкомъ прозаическимъ образомъ сдергиваетъ завѣсу съ воображаемой тайны.

Мнѣніе Нольдеке таково, что эти буквы были только помѣтками собственниковъ копій и вошли въ Коранъ лишь по недосмотру. Хотя всѣ суры Корана являются одинаковыми въ качествѣ слова Бога, но въ числѣ нихъ есть нѣсколько, которыя имѣютъ особое талисманическое значеніе. Онѣ пользуются особеннымъ почетомъ

Укажемъ нѣкоторыя изъ этихъ суръ.

Первая сура—Фатиха—называется такъ потому, что она открываетъ Коранъ. Среди другихъ ея именъ слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія, какъ наиболѣе характерныя: Мать Корана, такъ какъ съ нея начинается божественная книга; основаніе, такъ какъ она содержитъ въ себѣ весь заключающійся въ Коранѣ смыслъ; Молитва такъ какъ чтеніе ея за молитвой обязательно, и, если она опущена, то молитва дѣлается совершенно ничтожной и какъ бы не имѣвшей мѣста; Исцѣленіе, такъ какъ Пророкъ сказалъ, что эта сура исцѣляетъ всякую скорбь. [1]). Въ этой сурѣ заключается все знаніе Корана, который содержитъ съ себѣ знанія Пятикнижія, Евангелія и Псалмовъ. [2]).

Чтенія суры 2-й, Корова, достаточно для того, чтобы отогнать отъ себя демона. [3]).

---

[1]) Тафсиръ-и-Мэвакибъ, т. I стр 4.

[2]) Тамъ же стр. 6

[3]) As-Sahih. v. III. p. 529.

Едва ли не самыми большими почестями пользуется сура 112-я, Единство Бога. Она равняется по достоинству трети всего Корана. [1]). Преданіе говоритъ, что относительно этой суры Пророкъ сказалъ: «семь небесъ и семь земель построены на этой сурѣ, и кто читаетъ ее, попадетъ въ рай». [2]).

Сура о Невѣрныхъ, 109-я, по достоинству равняется четверти всего Корана [3]).

Пророкъ сказалъ, что каждый прочтенный стихъ ихъ суры Имрана, 3-й, дастъ безопасность на мосту Сыратъ. [4]).

Пророкъ сказалъ: «тотъ, кто прочтетъ начало и конецъ суры Пещера, 18-я, освѣтится съ ногъ до головы, а кто прочтетъ всю суру цѣликомъ, для того будетъ свѣтъ отъ земли до неба. [5]).

Пророкъ сказалъ: «если кто на ночь прочтетъ суру Дымъ, 46-я, то до утра 70000 ангеловъ будутъ молиться о его прощеніи. Если же кто прочтетъ суру дымъ въ ночь на пятницу, то къ утру простятся всѣ его грѣхи». [6]).

Пророкъ сказалъ: «въ Коранѣ есть сура, она состоитъ изъ 30 стиховъ, это—сура Власть, 67-я. Ея силою въ день страшнаго суда человѣкъ будетъ извлеченъ изъ адскаго огня и будетъ введенъ въ рай». [7]).

Пророкъ сказалъ: «тотъ, кто каждую ночь читаетъ суру Событіе, 56-я, къ нему не приблизятся бѣдность и несчастіе». [8]).

Анасъ-бинъ-Маликъ сказалъ, что, по словамъ Пророка, тотъ, кто въ день будетъ читать 50 стиховъ Корана, не будетъ записанъ въ числѣ неблагоразумныхъ; если онъ будетъ читать по 100 стиховъ, то будетъ записанъ въ числѣ повинующихся; если онъ будетъ читать по 200 стиховъ, то въ послѣдній день Коранъ не станетъ обвинять его; если же онъ будетъ читать по 500 стиховъ, то онъ попадетъ въ рай». [9]).

Для мусульманина хронологія въ Коранѣ не имѣетъ особеннаго значенія: разъ каждая сура есть слово Бога, то не все ли равно, было оно произнесено годомъ раньше или годомъ позже,— оно вѣчно; какая можетъ быть важность въ томъ, та ли сура была

---

[1]) As-Sahih. v. III. 530. Тафсир-и-мэвакибъ, т. I, стр. 8.
[2]) S. M. Zwemer. The Muslim doctrine of God. p. 18.
[3]) Тафсир-и-мэвакибъ, т IV. стр 332
[4]) Тамъ же, т I, стр 276.
[5]) Тамъ же, т. III, стр 76.
[6]) Тамъ же, т IV стр. 114.
[7]) Тамъ же, т. IV, стр. 249.
[8]) Тамъ же, т. IV, стр. 195.
[9]) Тамъ же, т. IV, стр. 272

сказана раньше, или другая,—для вѣчности нѣтъ предыдущаго и послѣдующаго. Къ сожалѣнію для насъ, когда мы, не касаясь божественности Корана, разсматриваемъ его, какъ извѣстное ученіе, до извѣстной степени способное къ развитію, такой взглядъ не можетъ быть пріемлемъ, и для правильнаго пониманія Корана необходимо установить, насколько это возможно, хронологію. Надъ этимъ много потрудились европейскіе ученые коранисты, выводомъ изъ трудовъ которыхъ мы и пользуемся.

Самымъ вѣрнымъ средствомъ для установленія хронологіи, говоритъ Нольдеке, является стиль. На такого рода изслѣдованіе въ его трудѣ отведено 160 страницъ [1]). Онъ и Мюръ безспорно признаются лучшими изслѣдователями Корана

Различіе между трудами двухъ изслѣдователей заключается въ томъ, что Нольдеке раздѣлилъ весь Коранъ на четыре періода: три мекканскихъ и одинъ мединскій, тогда какъ у Мюра такихъ періодовъ имѣется шесть.—установленіе же хронологическаго порядка суръ у нихъ приблизительно одинаково. Отдать предпочтеніе тому или другому, это—задача свыше моихъ силъ, и, если я ниже привожу конечные выводы, сдѣланные Мюромъ, это лишь потому, что на какомъ-нибудь изъ нихъ надо остановиться. Въ концѣ книги помѣщена сравнительная таблица.

Не будемъ забывать того, что всякая попытка размѣстить суры въ точномъ хронологическомъ порядкѣ, въ лучшемъ случаѣ можетъ дать лишь приблизительные результаты. Есть нѣсколько опорныхъ пунктовъ, которые позволяютъ производить эту работу въ извѣстныхъ предѣлахъ точности. Это стиль. Сильный и поэтическій въ раннемъ періодѣ, когда короткія вдохновенныя суры слѣдуютъ одна за другой и развертываютъ поэтическія картины, переходитъ въ прозаическій и повѣствовательный въ среднемъ періодѣ; въ послѣднемъ—онъ становится сухимъ, оффиціальнымъ и властнымъ, это уже не проповѣдь, это серія законовъ и постановленій.

Вторымъ опорнымъ пунктомъ является развитіе доктринъ: мало мальски внимательное чтеніе позволяетъ замѣтить, какъ характеръ ученія мѣняется по мѣрѣ того, какъ послѣ идолопоклонниковъ Мекки, рѣчь обращается къ евреямъ, христіанамъ и «лицемѣрамъ» Медины. Какая разница его тона, когда рѣчь идетъ о вѣрныхъ: сначала это—гонимые, притѣсняемые, преслѣдуемые, а потомъ они обращаются въ единственный народъ, достойный населять землю, которая лишь временно отдана въ пользованіе другимъ народамъ: вѣрные непрестанно бряцаютъ оружіемъ,—имъ нечего бояться, такъ какъ Богъ всегда обѣщаетъ имъ легкую побѣду надъ невѣрными. Для такого народа религія смиренія могла

[1]) 2-е изд. Geschichte des Qorans. ss. 74—234.

бы быть униженіемъ, и она постепенно обращается въ религію насилія.

Суры, говорящія объ историческихъ событіяхъ, даютъ возможность довольно точно опредѣлить время откровенія. Однако иногда эти откровенія бывали такъ туманны, что являлся вопросъ, къ какому именно событію стихъ можетъ относиться. Это въ частности касается военныхъ экспедицій Пророка, которыхъ было много сравнительно въ короткій періодъ времени.

Главнѣйшую трудность представляютъ составныя суры, которыя, будучи составлены изъ полученныхъ въ разное время откровеній, не могутъ конечно быть отнесены цѣликомъ къ одному опредѣленному періоду; помимо того, иногда по одному или двумъ стихамъ слишкомъ трудно судить о стилѣ, и ошибки помѣщенія вставныхъ стиховъ не въ соотвѣтственные періоды болѣе чѣмъ возможны. Есть безцвѣтныя, не имѣющія ничего характернаго суры,—ихъ также нелегко отнести къ какому-нибудь опредѣленному періоду: онѣ могли быть произнесены во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ, такъ какъ не видно что бы ихъ вызвали какія-нибудь особыя.

Итакъ, расположеніе суръ въ хронологическомъ порядкѣ можетъ быть только приблизительное, и въ этомъ приблизительномъ расположеніи европейскіе и мусульманскіе авторитеты не сходятся. (См. таблицу въ концѣ книги).

Привожу теперь хронологическое расположеніе, сдѣланное Мюромъ: при не меньшей другихъ компетентности, оно имѣетъ еще преимущество относительной свѣжести.

Хронологическій порядокъ суръ Корана.

Первый періодъ.—Въ него входятъ восемнадцать суръ, а именно: 103, 100, 99, 91, 106, 1, 101, 95, 102, 104, 82, 92, 105, 89, 90, 93, 94, 108.

Это, говоритъ Клейнъ [1]),—лишь короткія рапсодіи лишь всего по нѣсколько строкъ каждая. Возможно говоритъ Мюръ, что они были составлены Мухаммедомъ еще до того времени, когда онъ окончательно созналъ идею божественной миссіи: ни одна изъ нихъ не имѣетъ формы вѣсти, исходящей отъ Божества.

Второй періодъ.—Состоитъ изъ суръ, относящихся къ началу апостольской миссіи Мухаммеда. Сура 96-я составляетъ первое откровеніе; далѣе—113-я говоритъ объ единствѣ и вѣчности Бога; сура 74-я содержитъ приказанія проповѣдывать, относится къ 613 году; сура 111 содержитъ проклятіе Абу Лахаба и относится къ 613 или 614 году.

Третій періодъ.—Состоитъ изъ суръ, полученныхъ отъ на-

[1]) The religion of islam.

чала миссіи до первой геджры, т. е. бѣгства мусульманъ въ Абиссинію. Это суры: 87, 97, 88, 80, 81, 84, 86, 110, 85, 83, 78, 77, 76, 75, 70, 109, 107, 55 и 56. Всѣ онѣ посвящены главнымъ образомъ описанію будущей жизни въ связи съ обращеніемъ къ корайшитамъ.

Четвертый періодъ.—Время съ 616 по 620-й годъ. Въ него входятъ суры: 67, 53, 32, 39, 73, 79, 54, 34, 31, 69, 68, 41, 71, 52, 50, 45, 44, 37, 30, 26, 15, 51, Этотъ періодъ посвященъ главнымъ образомъ разсказамъ христіанскихъ и еврейскихъ легендъ.

Пятый періодъ.—Время отъ 620 до 622 года. Въ него входятъ суры: 16, 72, 35, 36, 19, 18, 27, 42, 40, 38, 25, 20, 43, 12, 11, 10, 14, 6, 64, 28, 23, 22, 21, 17, 16, 13, 29, 7, 113, (въ части) 114. Главнѣйшее содержаніе этихъ суръ состоитъ въ разсказахъ ихъ Евангелія; о паломничествѣ, о воскресеніи, судномъ днѣ, раѣ и адѣ.

Шестой періодъ.—Онъ состоитъ изъ суръ, открытыхъ въ Мединѣ. Онѣ слѣдующія: 98-я—объ евреяхъ и христіанахъ; 2-я состоитъ изъ длиннаго ряда разнообразныхъ откровеній, полученныхъ въ теченіе двухъ трехъ лѣтъ; тамъ есть стихи объ евреяхъ, въ связи съ ними о киблѣ, о «лицемѣрахъ» и о священной войнѣ; 3-я въ части относится къ періоду, слѣдующему непосредственно за битвой при Бадрѣ, а въ части—къ Оходской битвѣ; тамъ говорится еще о депутаціи изъ Наджрана и о прощальномъ паломничествѣ. 8-я—о раздѣлѣ добычи, захваченной при Бадрѣ. 47-я говоритъ о войнѣ съ невѣрными. 62-я посвящена невѣжеству евреевъ. 5-я говоритъ объ евреяхъ, опровергаетъ доктрины христіанскаго ученія, упоминаетъ также о паломничествѣ; нѣкоторое мѣсто въ ней отведено гражданскимъ законамъ. 59-я говоритъ о покореніи Бэни-надыръ. 4-я говоритъ о женщинѣ, о наслѣдствѣ, дѣлаетъ рядъ постановленій общаго характера. порицаетъ дружбу съ идолопоклонниками. 58-я говоритъ о разводѣ и «лицемѣрахъ». 65-я о разводѣ. 63-я—о вождѣ «лицемѣровъ». 24-я посвящена главнымъ образомъ приключенію съ Айшей. 33-я говоритъ о Зейнабъ и другихъ семейныхъ дѣлахъ Мухаммеда, объ осадѣ Медины и о покореніи Бэни-корайтца. 57-я—о борьбѣ противъ невѣрныхъ, о необходимости производить пожертвованія на этотъ предметъ. 61-я трактуетъ о томъ же предметѣ. 48-я—о мирномъ договорѣ въ Ходайбѣ. 60-я о женщинахъ и о дружбѣ съ невѣрными. 66-я о Маріи Коптянкѣ. 49-я о неискренности бедуиновъ. 9-я—о битвѣ при Табукѣ, объявленіе исламомъ войны другимъ религіямъ, о рабствѣ или избіеніи идолопоклонниковъ, о войнѣ противъ христіанъ и евреевъ. Эта сура называется также сурой Джихада, и, во время войнъ ранняго халифата, она часто читалась на полѣ брани передъ сраженіемъ [1]).

[1]) Sir W. Muir. The Coran. pp. 43—47.

Чтобы закончить эту главу, осталось сказать нѣсколько словъ о порядкѣ чтенія Корана. Оно совершается по извѣстной формѣ и съ соблюденіемъ извѣстныхъ церемоній. Въ извѣстныхъ мѣстахъ долженъ говорится «такбиръ» (отъ «аллаху акбаръ», т. е. Богъ величайшій) По мнѣнію однихъ, такбиръ долженъ, и это на основаніи слова Пророка, произноситься послѣ каждой суры, слѣдующей за сурой 93-й. Мнѣніе другихъ, что его слѣдуетъ произносить лишь послѣ одиннадцати суръ, а именно: 93—98, 100, 102, 109, 110, 112. Послѣ же всѣхъ другихъ суръ обязательно должны быть произносимы слова «тавхида», т. е. исповѣданія единства Бога: «нѣтъ бога кромѣ Бога». Чтеніе должно производиться съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ опредѣленнаго краэта, т. е. должны быть соблюдаемы правила произношенія, ударенія и паузъ [2])

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію второй основы ислама Суннѣ, резюмируемъ вкратцѣ сказанное въ двухъ главахъ.

Съ точки зрѣнія мусульманской теологіи Коранъ есть божественная книга, слово Бога, неизмѣнное и вѣчное, въ которомъ ничто не подлежитъ ни малѣйшему измѣненію, и одна мысль объ этомъ была бы невѣріемъ. Отрицаніе божественности Корана и его небеснаго происхожденія есть невѣріе. Онъ есть первое и главнѣйшее основаніе религіи,—поколебать его, значило бы потрясти всю религію.

Другая точка зрѣнія никакъ не допускаетъ видѣть въ Коранѣ вѣчность и въ Богѣ его автора. Какъ внѣшніе признаки говорятъ противное, такъ и нѣкоторыя доктрины, которыя излагаетъ Коранъ, дѣлаютъ его несовмѣстимымъ съ божественностью. Онъ не только не вѣченъ и неизмѣненъ, но еще во время своего составленія подвергался неоднократнымъ перемѣнамъ и теперь содержитъ въ себѣ много противорѣчій, такъ что, являясь основой всей религіозной и политической жизни мусульманъ, онъ является опаснымъ учрежденіемъ для народовъ, думающихъ иначе, чѣмъ онъ.

Носители этихъ двухъ противоположныхъ взглядовъ, мусульмане и христіане, лишь тѣмъ отличаются другъ отъ друга, что первые, считая вторыхъ врагами, должны стремиться ихъ уничтожить; религія вторыхъ приказываетъ имъ жить въ мирѣ со своими врагами.

При современномъ распространеніи христіанства и исламизма, почти всюду двѣ религіи соприкасаются: если они не хотятъ знать насъ, мы должны узнать ихъ, для чего должны познакомиться съ ихъ религіей. Такъ какъ основой этой религіи является Коранъ, то знакомство съ нимъ необходимо для обоюдной выгоды и тѣхъ и другихъ.

[2]) E. Sell. Faith of islam. p. 83.

Глава третья.

Сунна.

Мы должны нѣсколько дольше остановиться на Суннѣ, такъ какъ въ жизни мусульманина она практически имѣетъ еще гораздо большее значеніе, чѣмъ Коранъ. Не зная, что такое Сунна. не уяснивъ себѣ какъ слѣдуетъ ея происхожденія и причинъ, это происхожденіе вызвавшихъ; не ознакомившись съ ея технической стороной, т. е. съ порядкомъ ея составленія и ея составителями, мы будемъ не въ состояніи отдать себѣ отчетъ во многомъ, что будетъ излагаться далѣе. Болѣе подробное разсмотрѣніе этого вопроса здѣсь освободитъ насъ отъ необходимости часто возвращаться къ нему. Такими выраженіями, какъ: «согласно съ Сунной», «противорѣчитъ Суннѣ»—пестритъ мусульманское право.

Знакомство съ Сунной важно какъ съ религіозной точки зрѣнія, такъ какъ она является одною изъ основъ ислама, такъ и съ точки зрѣнія практической жизни, которая вся наполнена Сунной. Сунна не только источникъ права, но она руководитель всей жизни мусульманина. Нѣкоторые изъ мусульманъ считаютъ, что всѣ дозволенные акты содержатся въ Суннѣ, а то, чего нѣтъ, надо считать если не запрещеннымъ, то молчаливо осужденнымъ со стороны Пророка. Всѣмъ извѣстно, что образованнѣйшій мусульманинъ, одинъ изъ основателей одной изъ четырехъ ортодоксальныхъ школъ, Ахмедъ-ибнъ-Ханбалъ, какъ передаютъ преданія, не ѣлъ никогда арбуза только потому, что «въ Суннѣ нѣтъ ничего о томъ, ѣлъ ли арбузъ Пророкъ, и какъ онъ въ данномъ случаѣ поступалъ!» Съ нашей точки зрѣнія, это—лишь вызывающее улыбку ребячество, а съ точки зрѣнія мусульманина, это—выраженіе высшаго благочестія.

При изложеніи [1]) мы все время будемъ имѣть дѣло съ тер-

---

[1]) При изложеніи ученія о Суннѣ я придерживался порядка, указаннаго Riad Ghali въ его De la Tradition considérée comme source du droit musulman. Оттуда я почерпнулъ тѣ подробности, какія нашелъ возможнымъ помѣстить въ настоящей главѣ.

минами. преданіе, хадисъ, Сунна, преданія. Нѣкоторые авторы употребляютъ ихъ безразлично, но это едва ли правильно. Правда, слово преданіе имѣетъ частное и общее значеніе: въ первомъ случаѣ оно съ успѣхомъ можетъ замѣнить слово «хадисъ», а во второмъ—совокупность ихъ, составляющую Сунну, т. е. письменное преданіе. Это одно значеніе Сунны, и изъ дальнѣйшаго будетъ видно, когда слово преданіе употреблено нами въ частномъ значеніи, когда въ общемъ. Напримѣръ: По одному преданію, Пророкъ.. и т. д. (употреблено въ смыслѣ «хадисъ». Въ преданіяхъ мы не находимъ, несогласно съ преданіемъ и т. п.—употреблено въ значеніи «Сунна»).

Сунна, помимо этого своего значенія—письменное (по преимуществу) преданіе, имѣетъ еще другое: «путь слѣдованія», «способъ дѣйствія», такъ какъ она содержитъ въ себѣ указанія того, какъ правовѣрный долженъ поступать во всѣхъ случаяхъ жизни.

Первоначально мы разсмотримъ образованіе Сунны или письменнаго преданія и его значеніе для мусульманина, а затѣмъ перейдемъ къ ея технической сторонѣ, гдѣ увидимъ, какимъ образомъ преданія передавались, какъ производилась ихъ провѣрка, на какіе виды они раздѣляются, и какое значеніе каждый видъ имѣетъ въ качествѣ источника права.

Происхожденіе и составленіе Сунны.

Чтобы составить себѣ опредѣленное понятіе о какой-либо религіи, едва ли можно ограничиться изученіемъ ея въ ея развитіи въ данный моментъ, когда она, что всегда очень возможно, уже болѣе или менѣе отклонилась отъ первоначальной идеи, которою былъ вдохновленъ ея основатель. Въ этомъ случаѣ изученіе исламизма представляетъ сравнительную легкость, такъ какъ, по выраженію Ренана, «корни этой религіи на поверхности земли», такъ какъ «съ самаго ранняго времени всякій фактъ можетъ быть провѣренъ историческимъ документомъ. Это обиліе матеріаловъ легко объяснить тѣмъ, что Мухаммедъ вызвалъ къ себѣ интересъ не только какъ религіозный реформаторъ, но съ нимъ приходилось считаться и какъ съ политической величиной... Чтобы избѣжать клеветы и злорѣчія, Мухаммедъ, такъ сказать, на глазахъ у всѣхъ и всегда, кромѣ ночного времени, былъ для всѣхъ доступенъ. Отсюда ясно, что множеству хадисовъ, сообщенныхъ о его малѣйшихъ дѣйствіяхъ и передающихъ чуть ли не каждое его слово, удивляться не приходилось. Что же касается ночного времени, то не мало хадисовъ идутъ отъ его женъ, въ особенности отъ Айши, которая была любимой женой Мухаммеда. Кромѣ того, у дома Мухаммеда всегда находили пріютъ разные бѣдняки, которые были самыми прилежными наблюдателями жизни Му-

хаммеда Изъ ихъ числа особенно извѣстенъ Абу-Хораїра, давшій массу хадисовъ». [1]).

Отсюда уже начинаетъ быть виднымъ, какое важное значеніе должно было имѣть Преданіе. Оно говоритъ тамъ, гдѣ молчитъ Коранъ, и «на основаніи преданія, т. е. словъ Пророка, не вошедшихъ въ Коранъ, а равно и на основаніи его примѣра, построены различныя школы ислама». [2]).

Сунна подчинена Корану, такъ какъ вообще или расширяетъ его смыслъ или служитъ для объясненія его. При такомъ положеніи дѣла, т. е. если придавать Суннѣ служебную роль, можетъ возникнуть вопросъ, нужна ли она? И это мы дѣйствительно видимъ на практикѣ: такой вопросъ возникъ, и часть отвѣтила на него отрицательно, ибо шіиты отказываются признавать Сунну, какъ источникъ божественнаго откровенія Свои разсужденія они основываютъ на слѣдующихъ текстахъ Корана:

«Нынѣ я сдѣлалъ совершенной религію вашу и завершилъ благодѣянія свои для васъ Я захотѣлъ, чтобы исламъ сталъ вашей религіей».. (Сура 5-я, ст. 5-й).

«Мы посылали ихъ (пророковъ) съ чудесами и книгами И тебѣ также мы дали книгу для того, чтобы ты объяснилъ людямъ то, что имъ было послано, и чтобы они поразмыслили» (Сура 16-я, ст. 46).

Сунниты также текстами Корана отвѣчаютъ на это, что является очень характернымъ явленіемъ: двѣ группы мусульманъ стараются доказать два исключающихъ другъ друга положенія и для этого пользуются словомъ Бога, единаго и неизмѣннаго. Сунниты въ подкрѣпленіе себѣ находятъ слѣдующее.

«О вы, вѣрующіе! повинуитесь Богу, повинуйтесь апостолу и тѣмъ, кто имѣетъ власть среди васъ Обращайтесь съ разногласіями своими къ Богу и къ апостолу, если вы вѣрите въ Бога и въ послѣдній день. Такъ лучше всего рѣшитъ споръ.

«Мы послали апостоловъ для того, чтобы имъ повиновались..

«Я клянусь Богомъ, что они не увѣруютъ до тѣхъ поръ, пока не выберутъ тебя судьею разногласій своихъ. Тогда тебя нельзя будетъ упрекнуть въ томъ, что ты рѣшилъ такъ, и они вполнѣ подчинятся твоему рѣшенію.

«Повинующійся Пророку, повинуется Богу. Посылая тебя, мы не поручали тебѣ быть сторожемъ тѣхъ, кто отвращается отъ тебя». (Сура 4-я, ст. 62, 67, 68, 82).

Изъ этого видно, что повиновеніе Богу не является полнымъ—а оно должно быть таковымъ, такъ какъ въ преданіи себя Богу и состоитъ истинная религія—Исламъ,—безъ повинове-

---

[1]) O. Houdas. L'islamisme. pp 100, 104, 105.

[2]) Sir W. Muir. The Coran. p 7.

нія Пророку. Пока Пророкъ былъ живъ, то споры было легко рѣшить. стоило только обратиться къ Мухамеду, и, сидя у порога своего дома, онъ рѣшалъ дѣла такъ, какъ Богу было угодно, чтобы онъ рѣшалъ ихъ,—никакого сомнѣнія въ этомъ не могло быть. Но, когда умеръ Пророкъ, должно ли это было прекратиться? Отнюдь нѣтъ, такъ какъ Коранъ предупреждалъ вѣрующихъ, что «умретъ Пророкъ ихъ, но не умретъ религія»,—слѣдовательно, Пророку должно хранить повиновеніе и послѣ его смерти, но это можно дѣлать уже только по памяти къ его рѣшеніямъ и исполняя приказанія его, заключающіяся въ Суннѣ. которая является дополненіемъ Корана. Однако, разъ самъ Богъ сказалъ, что онъ сдѣлалъ религію ислама совершенной и полной въ то время, какъ Сунны не было и не могло быть,—въ качествѣ какого дополненія она можетъ быть? Истинно, Коранъ полонъ, такъ какъ онъ содержитъ въ себѣ всѣ знанія и всѣ событія настоящаго, прошедшаго и будущаго, но онъ содержитъ ихъ въ главныхъ положеніяхъ, а частностей въ нихъ не хватаетъ: пока былъ живъ Пророкъ, къ нему обращались съ вопросами о томъ, какъ понять такой то стихъ, и что онъ обозначаетъ, и отвѣтъ Мухаммеда рѣшалъ дѣло и уничтожалъ сомнѣніе, дѣлалъ яснымъ то, что имѣло, какъ будто, скрытый смыслъ; какъ же послѣ смерти Мухаммеда лишать себя возможности получить объясненіе въ подобныхъ случахъ, прислушиваясь къ тому, что говоритъ Сунна? Не является ли она загробнымъ голосомъ Пророка Бога? Слѣдовательно, Сунна—необходима Таковъ ортодоксальный взглядъ и приблизительный путь разсужденія, который къ этому взгляду приводитъ.

Наконецъ, для арабовъ Сунна не была какимъ-нибудь новымъ установленіемъ. Въ Введеніи мы говорили, что исторія ихъ была—собраніе легендарныхъ разсказовъ о предкахъ, ихъ мораль—подражаніе славнымъ дѣяніямъ этихъ предковъ, конечно, если это бывало выгодно. У каждаго племени, у каждаго клана были свои легенды, свои предки, дѣяніямъ которыхъ арабы и подражали,—это былъ цѣлый рядъ Суннъ. Послѣ смерти Мухаммеда ничего не измѣнилось въ этомъ отношеніи, кромѣ того, что ихъ Сунна объединилась въ подражаніи единому лицу, Мухаммеду, подражаніе которому, помимо того, что являлось для нихъ вполнѣ естественнымъ, приказывалось еще Кораномъ.

Дальше, какъ говоритъ Гюйяръ [1]), Сунна замѣнила устное обычное право, бывшее въ употребленіи у первыхъ мусульманъ какъ при жизни Мухаммеда, такъ и нѣкоторое время послѣ его смерти. [2]). И если бы исламъ не вышелъ съ Полуострова, быть

---

[1]) S Guyard. La civilisation musulmane. p. 11.

[2]) Обычное право Медины.

можетъ, Сунна и не приняла бы своего теперешняго вида. Какъ ни велико почтеніе мусульманъ къ Мухаммеду, но собираніе преданій было вызвано не столько желаніемъ имѣть всѣ подробныя свѣдѣнія о немъ, сколько необходимостью въ его дѣйствіяхъ искать отвѣта на практическіе вопросы жизни.

Есть много исторій, показывающихъ, какое значеніе придавали Суннѣ Спутники Пророка. Такъ однажды халифъ Омаръ, повернувшись къ Черному Камню въ Каабѣ, сказалъ: «Клянусь Богомъ, я знаю, что ты—только камень и не можешь ни повредить, ни помочь. Если бы я не зналъ, что Пророкъ цѣловалъ тебя, я тоже не сталъ бы дѣлать этого, но ради него я поступаю такъ». И подобная мысль въ разное время рождалась у многихъ мусульманъ, которые были не изъ худшихъ послѣдователей своей религіи. Но этотъ обрядъ основанъ на Суннѣ, и этимъ все сказано, такъ какъ громадное большинство мусульманъ «признаетъ, что, со времени откровенія, Мухаммедъ и говорилъ и дѣйствовалъ подъ божественнымъ вліяніемъ. Этимъ и объясняется ихъ почтеніе къ Суннѣ. Разница лишь въ томъ, что въ Коранѣ вдохновеніе было объективное, а въ Суннѣ субъективное. Безъ знанія Сунны исламъ не можетъ быть понятъ, такъ какъ многое основано на ней». [1]). И именно всего лучше изученіемъ хадисовъ, т. е. преданій можно постигнуть истинный духъ мусульманской религіи какъ въ ея чистой теоріи, такъ и въ практическомъ ея примѣненіи. [2]). Кромѣ того, самъ Коранъ, духъ религіи неминуемо долженъ былъ породить Сунну. Между тѣмъ, какъ говоритъ Мюръ, христіанское Писаніе, предписывая принципы, предоставляетъ примѣненіе ихъ обстоятельствамъ дня и совѣсти каждаго, Коранъ содержитъ подробныя инструкціи относительно обрядовъ и церемоній, относительно общественныхъ и домашнихъ обязанностей. Такъ какъ мусульманинъ привыкъ каждый свой шагъ соразмѣрять съ указаніемъ Корана (такъ было въ первыя времена), то и явилась необходимость черпать откуда-нибудь указанія, не содержащіяся опредѣленно въ Коранѣ, и этимъ былъ данъ могущественный толчокъ развитію Сунны. [3]).

Хадисы.

Слово «хадисъ» есть прилагательное и имѣетъ значеніе «новый, недавній» въ противоположность понятію «старый, древній». Но это—насколько вопросъ касается этимологіи, въ практическомъ

---

[1]) E Sell. Faith of islam. p. 93.
[2]) O. Houdas. L'islamisme p 109.
[3]) Sir W. Muir The Muhammadan controversy p. 107.

же и особенно спеціальномъ языкѣ слово уже съ раннихъ поръ употреблялось въ качествѣ существительнаго со значеніемъ «новость, новое сообщеніе», и въ особенности въ примѣненіи къ новымъ сообщеніямъ, касающимся Мухаммеда.

Какъ терминъ мусульманскихъ богословскихъ сочиненій, хадисъ обозначаетъ всякій разсказъ, касающійся поступковъ Мухаммеда со дня перваго откровенія. [1]). Но «поступокъ»—это является опредѣленіемъ слишкомъ общимъ, и, въ сущности говоря, преданія раздѣляются на три опредѣленныхъ категоріи:

1) Первая сообщаетъ о дѣйствіяхъ Мухаммеда,

2) Вторая о его словахъ и

3) Третья свидѣтельствуетъ о его молчаніи по какому-либо поводу. И въ этомъ молчаніи иногда видятъ одобреніе, иногда порицаніе.

Для тѣхъ мусульманъ, которые сознательно и съ пониманіемъ относятся къ своей религіи, хадисы, несмотря на свой высокій авторитетъ, не имѣютъ священнаго характера, иначе говоря, тѣ указанія, которыя въ нихъ находятся, исходятъ не отъ Бога, какъ въ Коранѣ, а только отъ Мухаммеда, который въ тѣ минуты, когда онъ не передавалъ откровеніе былъ лишь обыкновеннымъ человѣкомъ. Но Мухаммедъ всегда дѣйствовалъ правильно и примѣнительно къ Корану, слѣдовательно, хадисы являются какъ бы истолкованіемъ Корана, подобно тому, какъ жизнь Мухаммеда была практическимъ его примѣненіемъ. [2]). Отсюда ясно, что для того, чтобы поступать по Корану, т. е. какъ приказано Богомъ, надо подражать Мухаммеду, а это можно сдѣлать лишь въ томъ случаѣ, когда извѣстно, какъ онъ поступилъ въ извѣстномъ случаѣ, или что онъ сказалъ при такихъ то обстоятельствахъ.

Кромѣ того, хадисы имѣютъ громадное преимущество въ томъ отношеніи, что языкъ ихъ доступенъ всякому, и всякій находитъ въ нихъ совершенно ясные отвѣты на свои вопросы, чего далеко нельзя сказать про Коранъ.

Не всѣ хадисы имѣютъ одинаковую цѣнность: среди нихъ есть истинные и ложные. Пороки и недостатки общи всему человѣчеству, независимо отъ національности. Когда выяснилось значеніе хадисовъ и ихъ громадное вліяніе въ практической жизни, явилось не мало людей, которые выдумали хадисы для того, чтобы найти выходъ изъ извѣстнаго положенія или съ какой-нибудь другой опредѣленной, только для нихъ извѣстной, цѣлью. Иногда это было просто проявленіемъ недомыслящаго самолюбія, что «и я не хуже другихъ, и я слышалъ отъ Пророка то то и то то».

---

[1]) O. Houdas Collection des Traditions v. II Avant-propos. p II.

[2]) O. Houdas L'islamisme. p. 111.

Такъ какъ иногда было трудно категорически высказаться относительно того, является ли хадисъ истиннымъ или ложнымъ, такъ какъ порою не хватало достаточныхъ данныхъ для того, чтобы отнести его къ истиннымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ было мало основаній для того, чтобы назвать его ложнымъ, то пришлось установить извѣстныя градаціи. Такимъ образомъ хадисы получились: истинные, ложные, совершенные, хорошіе и посредственные. Эта оцѣнка ихъ касается не столько содержанія передаваемыхъ хадисами фактовъ, сколько точности этой передачи.

Это раздѣленіе качественное. По формѣ хадисы бываютъ или общаго распространенія, т. е. согласнымъ образомъ передаваемые цѣлой массой людей, и хадисы единичной передачи Первые не требуютъ никакой провѣрки. вторые должны имѣть свой «иснадъ», т. е. свидѣтельство о преемственной передачѣ. Дальше мы въ подробности будемъ говорить объ этомъ.

Въ принципѣ хадисы должны быть точнымъ повтореніемъ словъ произнесенныхъ первымъ, кто былъ свидѣтелемъ сообщаемаго факта. Дальше хадисъ передается достойными довѣрія людьми, которые носятъ специальное имя «рави», и, чтобы хадисъ былъ доказательнымъ, (или чтобы воспользоваться теологическимъ терминомъ, имѣлъ иснадъ) необходима непрерывная цѣпь передатчиковъ.

Иснадовъ можетъ быть, и такъ это есть на практикѣ, и нѣсколько, такъ какъ нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Мухаммедъ объ одномъ фактѣ сообщилъ нѣсколькимъ современникамъ, или что имъ было совершено какое-нибудь дѣйствіе или сказано какое-нибудь слово въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей, изъ которыхъ каждый началъ передавать другимъ то, чему ему довелось быть свидѣтелемъ.

Абу Хорайра, напримѣръ, сообщилъ массу хадисовъ, по его словамъ, благодаря тому, что въ то время, какъ мухаджиры занимались своими дѣлами или на базарѣ или чѣмъ-нибудь другимъ, онъ оставался всегда подлѣ Пророка, довольствуясь возможностью удовлетворить голодъ. Онъ говорилъ. «Я былъ тамъ, тогда какъ они отсутствовали, и я наполнялъ свою память, между тѣмъ какъ ихъ память оставалась пустой. Что касалось нашихъ братьевъ ансаровъ, то они отдавали всѣ свои заботы полевымъ трудамъ, между тѣмъ какъ я оставался бѣднякомъ среди другихъ бѣдняковъ Дивана [1]), и я собиралъ преданія въ то время, какъ они

---

[1]) Людьми Дивана назывались бѣдняки, проводившіе все свое время около порога дома Пророка, отдыхая на цыновкахъ: онъ шелъ куда-нибудь, и они сопровождали его. Абу Хорайра былъ однимъ изъ нихъ.

не могли этого дѣлать». [1]). Изъ другихъ хадисовъ можно заключить, что Мухаммедъ велъ иногда съ этимъ человѣкомъ бесѣды. Такъ въ одномъ хадисѣ Абу Хорайра передаетъ: «Я собралъ отъ Пророка Бога двѣ серіи хадисовъ: одну я распространяю среди людей, другую я не распространяю, иначе мнѣ перерѣзали бы горло» [2]).

Этотъ хадисъ, который признается истиннымъ, невольно заставляетъ задуматься, и онъ не прошелъ незамѣченнымъ со стороны коментаторовъ. Одни изъ нихъ объясняютъ его такъ, что дѣло вѣроятно шло о какихъ-нибудь тайныхъ доктринахъ, другіе говорятъ, что это были личные оскорбительные намеки.

Иснадъ является единственнымъ средствомъ провѣрить подлинность хадиса: должно подняться до перваго «рави», который безспорно былъ однимъ изъ спутниковъ Пророка.

Первоначально устная передача хадисовъ являлась неизбѣжной, такъ какъ большинство изъ Спутниковъ Пророка были неграмотны.

Такъ какъ здѣсь Спутникъ является въ качествѣ лица, пользующагося извѣстными привилегіями и отчасти особыми правами, то будетъ своевременно объяснить, что должно разумѣть подъ этимъ словомъ.

Нѣкоторые даютъ такое опредѣленіе: «Спутникъ есть тотъ, кто видѣлъ Пророка, вѣруя въ него, и умеръ мусульманиномъ». Но нѣкоторымъ это опредѣленіе кажется уже слишкомъ широкимъ. Иные говорятъ, что для полученія званія Спутника нужно было хоть нѣкоторое время пробыть съ Пророкомъ. Другіе еще говорятъ, что время общенія съ Пророкомъ должно было быть болѣе или менѣе продолжительнымъ, чтобы въ теченіе этого періода можно было пріобрѣсти его качества. Такимъ образомъ относительно продолжительности срока пребыванія съ Пророкомъ единодушія нѣтъ: разные юристы-богословы опредѣляютъ этотъ срокъ въ шесть мѣсяцевъ, въ одинъ или два года; или вмѣсто болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія съ Пророкомъ требовалось участіе въ двухъ экспедиціяхъ по крайней мѣрѣ. Кромѣ этихъ условій, еще необходимо было быть возмужалымъ и исповѣдывать исламизмъ. Свидѣтельство относительно званія Спутника можетъ заключаться въ народной молвѣ, передаваться преданіемъ, быть сдѣлано третьимъ лицомъ или самимъ Спутникомъ, разъ онъ—помимо этого своего качества—считается достойнымъ довѣрія человѣкомъ. [3]).

Въ первое время исламизма живыми хранителями преданія

---

[1]) As-Sahih v. II p. 2

[2]) Idem v I. p 58.

[3]) R ad Ghali. pp. 68 – 71

были халифы, къ которымъ народъ и обращался во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ. Первоначально были противъ записи Преданія, такъ какъ Пророкъ сказалъ, что исламъ долженъ быть написанъ въ сердцахъ людей. [1]). Помимо того, словесную передачу хадисовъ арабы предпочитали письменной, находя ее болѣе точной. Понятное для ориенталистовъ, это обстоятельство можетъ вызвать недоумѣніе у людей, не посвященныхъ въ тайны восточнаго письма. Арабское письмо не имѣетъ гласныхъ буквъ и, чтобы прочесть слово, надо знать его и знать, какъ оно произносится. Теперь чтеніе облегчается діакритическими знаками, которые условно замѣняютъ гласныя буквы. Въ первое же время діакратическихъ знаковъ, появившихся лишь во второмъ вѣкѣ геджры, не было. Такимъ образомъ являлось возможнымъ то или другое чтеніе написаннаго, а приданіе написаннымъ согласнымъ того или другого гласнаго звука порою совершенно мѣняло смыслъ. Всякій можетъ продѣлать опытъ такого чтенія, выпустивъ изъ какого-нибудь слова всѣ гласныя буквы. Передача словесная, при богатѣйшей арабской памяти, гарантировала вѣрность передачи: хадисъ могъ быть забытъ, но онъ не могъ быть искалѣченъ.

Такъ продолжалось нѣкоторое время, но позже, когда хадисовъ появилось слишкомъ много, и началось явное злоупотребленіе ими, стали тщательно собирать хадисы, примѣняя къ нимъ критическую оцѣнку. А злоупотребленія были сильныя, и иногда, какъ это ни странно могло бы показаться, они поощрялись тѣми, обязанностью которыхъ было слѣдить за тѣмъ, чтобы этого не было.

«Какъ извѣстно, Хасанъ, сынъ Али, вручилъ халифатъ Муавіи. Этотъ послѣдній, сдѣлавшись главой верховной власти, понялъ, что лишь при условіи уничтоженія алидовъ ему и его потомкамъ удастся удержаться у власти. И онъ началъ осыпать милостями всѣхъ враговъ этой семьи, а всѣхъ ея приверженцевъ лишилъ занимаемыхъ ими должностей. Не довольствуясь этимъ, онъ подкупалъ людей для распространенія ложныхъ хадисовъ, приписывающихъ Али и его потомкамъ разныя неподобающія дѣянія, что должно было отвратить сердца мусульманъ отъ алидовъ. Тутъ то и начался дождь хадисовъ: приверженцы Али, въ свою очередь, также фабриковали ихъ въ пользу своего главы, и, какъ говоритъ мусульманскій историкъ,—«открылась дверь споровъ относительно хадисовъ, и ей уже не суждено было болѣе закрыться». [2]).

Кромѣ того, съ удаленіемъ отъ времени, къ которому относилось содержаніе хадисовъ, запоминаніе ихъ для людей, не об-

---

[1]) E. Sell Faith of Islam. p. 94.

[2]) A. L. M. Nicolas. Le Bab. p. 115.

ладающихъ феноменальной памятью, дѣлалось все труднѣе и труднѣе: приходилось держать въ памяти событіе, свидѣтелемъ котораго самъ не былъ, и при этомъ еще держать въ умѣ цѣлую вереницу лицъ, при посредствѣ которыхъ сообщеніе дошло до послѣдняго его передатчика. А безъ этого хадисъ терялъ всю свою цѣнность. И, вполнѣ естественно, съ теченіемъ времени все меньше стало находиться лицъ, знающихъ много хадисовъ. Полное забвеніе угрожало Преданію, и такое хрупкое хранилище, какъ человѣческая жизнь, оказывалось недостаточно надежнымъ.

Возможно, что хадисы при письменномъ изложеніи подверглись легкому измѣненію, но лишь въ формѣ конечно. [1]).

Сунна.

Совокупность хадисовъ составляетъ Сунну. Такъ какъ Коранъ указываетъ на Пророка, какъ на лучшій примѣръ для подражанія, то и Сунна сдѣлалась путеводителемъ мусульманъ во всѣхъ обстоятельствахъ ихъ повседневной жизни. И въ этомъ заключается много зла: фанатическое почтеніе къ Пророку приводитъ иногда къ тому, что самое обыкновенное гигіеническое указаніе возводится въ религіозный обрядъ. Такъ какъ Сунна именно наполнена повседневными мелочами, и такъ какъ подавляющее большинство мусульманъ, чтобы быть правовѣрными, интересуется не догматическимъ ученіемъ, а тѣмъ, какимъ образомъ совершать омовеніе или въ какомъ порядкѣ приступать къ отправленію естественныхъ надобностей, то дающая на все это самые обстоятельные отвѣты Сунна мало по малу совершенно заслонила собою Коранъ. И это понятно, такъ какъ въ значительной своей части Коранъ трактуетъ труднымъ языкомъ о предметахъ для массы или совершенно не понятныхъ, или для земной жизни имѣющихъ слишкомъ мало значенія. Но, такъ какъ и знакомство съ Сунной доступно далеко не для всякаго, то нѣкоторые спеціально посвятили себя этому дѣлу, чтобы быть въ состояніи явиться учителями, когда это бываетъ нужно.

Наука о Преданіи считается самой возвышающей и самой превосходной послѣ знанія Корана,—по важности изученіе Преданія приближается къ изученію Корана. Мухаммедъ самъ говорилъ, чтобы Спутники запоминали его слова и передавали ихъ другимъ.

Вскорѣ послѣ смерти Мухаммеда, говоритъ Клейнъ [2]), почувствовалась нужда имѣть болѣе точныя свѣдѣнія относительно значенія нѣкоторыхъ стиховъ Корана, извѣстныхъ доктринъ

---

[1]) O. Houdas. L'islamisme p 103.

[2]) Klein Religion. of islam. p. 25.

и практическихъ обязанностей ислама; явилась нужда собрать ходившія въ народѣ преданія въ одно цѣлое, чтобы предохранить ихъ отъ порчи и имѣть на будущее время кодексъ.

Первая попытка сдѣлать собраніе всѣхъ хадисовъ относится къ концу перваго или къ началу второго вѣка геджры, ко времени халифата Омара-ибнъ-Абд-уль-Азиза, который во всѣ провинціи разослалъ приказаніе записывать циркулирующіе тамъ хадисы.

Такъ какъ къ этому времени преданій уже распространилось слишкомъ много, то собирателямъ были даны инструкціи, устанавливающія для принятія хадисовъ въ качествѣ достовѣрныхъ извѣстныя правила, въ основаніи которыхъ лежали слова Пророка: «Не сообщаите другимъ ни одного изъ сказанныхъ мною словъ, если вы не знаете ихъ достовѣрности. Истинно, тотъ, кто съ умысломъ ложно представитъ мои слова, найдетъ себѣ мѣсто лишь въ огнѣ». [1]).

Самымъ цѣннымъ руководствомъ при собираніи хадисовъ были безъ сомнѣнія записи, сдѣланныя еще при жизни Пророка. Что это дѣлалось, хотя и не въ широкихъ размѣрахъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ хадисовъ.

«Абу-Джухайфа сказалъ: «Когда я спросилъ Али, не было ли у нихъ какого-нибудь (писанаго) сборника, онъ мнѣ отвѣтилъ: «нѣтъ, у насъ нѣтъ ничего кромѣ Книги Бога, или толкованія, которое по поводу нея давалось каждому мусульманину, и наконецъ того, что написано на этомъ листкѣ.—А что содержитъ этотъ листокъ? спросилъ Абу Джухайфа.—Въ этомъ листкѣ, отвѣтилъ Али, есть все, что касается цѣны крови, освобожденія плѣнниковъ и правила, что мусульманинъ никогда не долженъ быть осужденъ на смерть изъ-за невѣрнаго».

«Абу Хорайра сказалъ: «никто изъ Спутниковъ Пророка не обладаетъ большимъ количествомъ преданій относительно него, чѣмъ я. Однако слѣдуетъ сдѣлать исключеніе для Абдуллы-ибнъ-Амра, который записывалъ ихъ». [2]).

Первый изъ этихъ хадисовъ имѣетъ капитальную важность въ нѣсколькихъ отношеніяхъ, о чемъ мы въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ и скажемъ, здѣсь же обратимъ вниманіе лишь на то, что онъ, какъ и второй, показываютъ, что кое-какія записи дѣлались.

Первый сборникъ еще большого, серьознаго значенія имѣть не могъ, такъ какъ онъ былъ составленъ почти безъ примѣненія критической оцѣнки. Но онъ и имѣлъ только значеніе подготовительной работы, это было собраніе сырого матеріала, собраннаго въ одно мѣсто для болѣе удобной его обработки. Важно

---

[1]) E Sell Faith of islam p 94

[2]) As-Sahih, v I. pp. 55, 56.

было начало,—толчокъ былъ данъ, и за этой работой не замедлили послѣдовать другія, а именно были составлены пять сборниковъ, въ которыхъ уже до извѣстной степени былъ примѣненъ принципъ критической оцѣнки Это были сборники.

1) Маликъ-ибнъ-Анаса. Онъ былъ составленъ въ Мединѣ и былъ первымъ. Онъ содержалъ приблизительно 1700 хадисовъ, тщательно собранныхъ и классифицированныхъ. Сборникъ этотъ носитъ названіе «муватта», т. е преодолѣнныя трудности. [1]).

2) Абдуллы-бинъ-Джорайджа, былъ составленъ въ Меккѣ.

3) Абдуррахмана-аль-Авзаи, былъ составленъ въ Дамаскѣ.

4) Суфіана-ат-Тсаури, былъ составленъ въ Куфѣ.

5) Хамидъ-бинъ-Сальма-бинъ-Динара, былъ составленъ въ Бассорѣ. [2]).

Эта серія, въ свою очередь, послужила для составленія въ третьемъ вѣкѣ новыхъ трудовъ, которые уже имѣли безспорную научную цѣнность. Это были шесть сборниковъ хадисовъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ «сахихъ-ус-ситта, т. е. шесть достовѣрныхъ сборниковъ. Это были:

1) Сборникъ Бухари, составленъ въ 256 году геджры.
2) » Муслима » » 261 » »
3) » Тирмизи » » 279 » »
4) » Абу Дауда » » 275 » »
5) » Ан-Насаи » » 303 » »
6) » Ибнъ-Маджа » » 273 » »

Каждый изъ этихъ сборниковъ заслуживаетъ вниманія. Но, прежде чѣмъ сказать о нихъ нѣсколько словъ, дополнимъ перечень извѣстныхъ сборниковъ хадисовъ еще пятью, которые появились въ теченіе двухъ слѣдующихъ столѣтій и принадлежали перу шіитскихъ богослововъ. Это были:

1) Сборникъ Кафи, составленъ въ 329 году геджри.
2) » Шейха Али » » 381 » »
3) » Абу Джафара » » 466 » » подъ названіемъ «Тахзибъ».
4) Сборникъ Абу Джафара » » 466 » » подъ названіемъ «Истибсаръ».
5) Сборникъ Ар-Рази » » 406 » »

При классификаціи хадисовъ примѣнялись двѣ системы: одна по именамъ «рави», т. е. передатчиковъ, другая—по содержанію, и преимущество этой послѣдней было сознано и оцѣнено очень быстро. Оставалось лишь произвести окончательную чистку, чтобы отдѣлить подлинные хадисы отъ сомнительныхъ. Два

[1]) S. Guyard. La civilisation musulmane p 47.
[2]) O. Houdas Collection. v. II. p. VIII.

человѣка отличились въ этой работѣ. Муслимъ и въ особенности Аль-Бухари, на котораго я и дѣлаю ссылки въ своей работѣ.

Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ сборниковъ, сборники этихъ двухъ авторовъ извѣстны подъ именемъ «сахихъ», т. е подлинный, достовѣрный. За ними по достоинству слѣдуетъ сборникъ Тирмизи. Къ нему тоже примѣняется названіе «сахихъ» но за нимъ обязательно слѣдуетъ его имя, иначе будетъ понято, что это сборникъ Бухари или Муслима.

Разсмотримъ теперь вкратцѣ каждый изъ шести сборниковъ сунитовъ.

1) Преимущества сборника Бухари заключаются въ томъ, что его авторъ не ограничился простой ролью издателя собраннаго раньше матеріала, а внесъ въ эту работу много индивидуальнаго труда. О добросовѣстности чистки можно заключить по тому, что весь его сборникъ заключаетъ, если не считать повторенія около 3000 хадисовъ, тогда какъ ему ихъ было извѣстно до 600.000. Слѣдовательно, можно надѣяться, что все было сдѣлано для того чтобы обработанному матеріалу дать достоинство точности.

Бухари снабдилъ хадисы выдержками изъ Корана, имѣющими отношеніе къ каждому случаю, это, съ одной стороны, облегчаетъ пониманіе, съ другой служитъ сдерживающимъ началомъ отъ излишняго увлеченія распространительнымъ толкованіемъ. Кромѣ того, рубрики носятъ заглавія, которыя уже сами по себѣ даютъ нѣкоторое указаніе на то, какъ именно долженъ толковаться хадисъ.

Съ соціальной точки зрѣнія, хадисы продолжаютъ снабжать мусульманина драгоцѣнными указаніями относительно вопросовъ, прямого рѣшенія которыхъ нѣтъ въ Коранѣ. Всякій разъ, когда является затрудненіе или колебаніе въ области политической, нравственной или иной, прибѣгаютъ къ сахиху. Во время рамазана его очень часто читаютъ въ мечетяхъ. Сборникъ Бухари считается высшимъ твореніемъ человѣка въ этой области.

Аль-Бухари родился въ Бухарѣ 12 шаввала 194 года. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ уже обнаружилъ колоссальныя способности и богатую память. Въ 16 лѣтъ онъ окончилъ уже свое обученіе и переселился въ Мекку, гдѣ и принялся за подготовку своего труда. Предварительно онъ написалъ нѣсколько сочиненій догматическаго и историческаго характера. Послѣ этого онъ посѣтилъ цѣлый рядъ городовъ отъ Басры до Египта и собиралъ хадисы. Во всѣхъ посѣщенныхъ имъ городахъ онъ имѣлъ встрѣчу болѣе чѣмъ съ 1000 рави, отъ которыхъ онъ и слушалъ хадисы. Это собираніе хадисовъ, а затѣмъ классификація ихъ заняли около 16 лѣтъ.

Умеръ Бухари въ послѣдній день рамазана 256 года въ городѣ Хартенгѣ. Сборникъ хадисовъ не былъ единственнымъ его

трудомъ въ этой области. помимо «сахиха» имъ оставлено еще шестнадцать капитальныхъ трудовъ о хадисахъ. [1]).

2) Сахихъ Муслима-ибнъ-Ходжаджа. Муслимъ родился въ Нушапурѣ. городѣ Хорассана, этой истинной колыбели мусульманскихъ ученыхъ. Онъ собралъ около 3000 преданій. изъ которыхъ составилъ сборникъ. пользующійся большимъ почетомъ въ Испаніи и Сѣверной Африкѣ.

Про него говорятъ, что онъ былъ въ высшей степени правдивый человѣкъ и всегда желалъ обязать каждаго, кто искалъ его совѣта. Эта его обязательность и была косвенной причиной его смерти. Однажды онъ сидѣлъ въ мечети, когда нѣсколько человѣкъ пришли къ нему и спросили его относительно одного преданія Такъ какъ онъ не могъ найти его въ бывшихъ съ нимъ книгахъ, онъ отправился искать дома. Народъ принесъ ему корзину финиковъ. онъ искалъ и ѣлъ. ѣлъ такъ много, что отъ этого умеръ. Это было въ 261 году

3) Сунанъ Абу Дауда. Абу Даудъ былъ уроженецъ Сеистана. родины легендарнаго Рустема. онъ родился въ 202 году и умеръ въ 275 году. Онъ много путешествовалъ и посѣтилъ всѣ главнѣйшія мѣста мусульманскаго обученія. Изъ полумиллиона собранныхъ имъ преданій онъ извлекъ всего 4800 для своего сборника. Первое образованіе онъ получилъ въ Нишапурѣ, гдѣ былъ товарищемъ съ сыномъ Исхака-бинъ-Рахэви, и ему не было еще и 20 лѣтъ, когда онъ подъ диктовку Мухаммеда-бинъ-Аслехи, изъ Туса, записывалъ преданія. О сынѣ Абу Дауда. который тоже былъ знаменитымъ богословомъ, разсказываютъ слѣдующій анекдотъ «Шейкъ Ахмедъ-бинъ-Салихъ, для подержанія порядка и приличій. запретилъ мальчикамъ доступъ на свои лекціи. Абу Даудъ, обучавшійся въ то время, не зналъ покоя отъ своего молодого сына, который явно уже выражалъ желаніе посвятить себя изученію Преданія. Чтобы дать сыну возможность попасть на лекціи, онъ пустился на хитрость· онъ подвязалъ сыну къ подбородку фальшивую бороду, чтобы заставить думать, что онъ достигъ уже возмужалости Ахмедъ-бинъ-Салихъ не замедлилъ обнаружить обманъ и обратился съ упреками къ Абу Дауду. Тотъ отвѣтилъ: «о, шейхъ! въ моемъ поведеніи нѣтъ ничего предосудительнаго; чтобы убѣдить васъ въ этомъ, разрѣшите моему сыну вступить въ диспутъ съ вашими богословами и знатоками преданія,—если побѣда останется не за нимъ, тогда удалите его съ курса». Испытаніе было сдѣлано, и оно окончилось успѣшно для юноши. Все же шейхъ отказался передать ему больше первой части своего словеснаго обученія» [2]).

---

[1]) O. Houdas. Collection v. II. pp IX-XXIII.

[2]) Barbier de Meynard. Dictionnaire de la Perse p. 304.

4) Джами Абу Иса-Мухаммедъ-Тирмизи. Тирмизи, бывшій ученикомъ Бухари и слѣдовавшій его системѣ, родился въ 209 году и умеръ въ 279 году.

5) Сунанъ Абу-Абдуррахмана-бинъ-Али-бинъ-Бахрабинъ-Сенана-ан-Насаи, названнаго такъ по мѣсту родины въ г. Наса, въ Хорассанѣ. Первоначально онъ изучилъ преданіе на родинѣ, потомъ въ Дамаскѣ. Говорятъ, что онъ постился черезъ день. Сборникъ его пользуется заслуженной репутаціей. Онъ родился въ 214 и умеръ 303 году. [1])

Однажды спрошенный въ Дамаскѣ относительно ошибочныхъ выраженій въ хадисахъ, онъ отвѣтилъ: «если эти выраженія въ ходу у арабовъ, и въ особенности среди корайшитовъ, то ихъ не должно исправлять, потому что святой Пророкъ сказалъ, что онъ говоритъ людямъ понятнымъ имъ языкомъ. Если же они не встрѣчаются въ арабскихъ діалектахъ, они должны быть отброшены, потому что Пророкъ не могъ употреблять варваризмовъ». Когда его спросили о превосходствѣ Муавіи, онъ отвѣтилъ: «Чтобы восторжествовать, Муавія долженъ былъ бы срубить всѣ головы» [2]).

По однимъ свѣдѣніямъ, смерть его наступила отъ побоевъ, полученныхъ въ Дамаскѣ; по другимъ, уже въ преклонномъ возрастѣ онъ просилъ перенести себя въ Мекку, гдѣ и умеръ по прибытіи. Онъ былъ похороненъ между холмами Сафа и Марва.

6) Сунанъ Ибнъ-Маджа. Онъ родился въ Иракѣ въ 209 году и умеръ въ 273 году. Его сборникъ содержитъ 4000 преданій. [3]).

Получивъ теперь общія понятія о томъ, что такое хадисъ и, что такое Сунна, и какое значеніе они имѣютъ для мусульманъ, перейдемъ къ болѣе подробному ихъ разсмотрѣнію.

Какъ стихи Корана, такъ и хадисы могутъ быть выражены различными способами, т. е. имѣть болѣе или менѣе категорическую форму.

Выраженіе можетъ быть очевиднымъ и сомнительнымъ, и то и другое подраздѣляются на нѣсколько категорій.

Выраженіе «захиръ»—очевидно, когда составляющія его слова являются достаточными для выраженія его смысла.

Оно—«нассъ»—формально, когда къ очевидности смысла присоединяется еще очевидность намѣренія.

Оно—«муфэссиръ»—точно, когда къ очевидности смысла и намѣренія прибавлено еще опредѣленіе, не оставляющее больше

---

[1]) E. Sell. Faith of islam p. 96.

[2]) Barbier de Meynard. Dictionnaire de la Perse. p. 564.

[3]) E Sell. Faith of islam. pp. 96, 97.

мѣста ни для какого другого толкованія. Оно можетъ быть отмѣнено лишь послѣдующими выраженіями.

Оно—«мухкэмъ» категорично, когда оно отвергаетъ всякую возможность измѣненія или отмѣны.

Четвертая категорія даетъ абсолютную увѣренность, а три первыя лишь относительную—до доказательства противнаго.

Выраженіе увѣренности можетъ быть скрытымъ—«хафи», когда, будучи яснымъ по значенію словъ, онъ носитъ въ себѣ скрытый смыслъ, дѣлающійся очевиднымъ лишь по разсмотрѣніи.

Выраженіе бываетъ сомнительно—«мушкиль», когда смыслъ его трудно проникнуть, такъ какъ, на первый взглядъ, форма противорѣчитъ содержанію.

Выраженіе можетъ быть темнымъ—«муджмэль», когда оно не можетъ быть понято безъ вспомогательныхъ указаній.

Выраженіе можетъ быть таинственно—«мушабихъ», т. е. человѣческій разумъ не въ состояніи проникнуть его значенія.

Эти четыре категоріи не даютъ увѣренности, а лишь большую или меньшую степень вѣроятности послѣ размышленія и вывода. [1]):

Поученія или слова Пророка, выраженныя въ достаточно категорической формѣ, не представляютъ никакой особенно трудности для пониманія Но не такъ обстоитъ дѣло, когда Сунна приводитъ или его дѣйствія или, въ особенности, его молчаніе

Трудность при толкованіи дѣйствій Пророка заключается въ томъ, что часть ихъ была лишь его привилегіей, а часть-примѣромъ для націи: кромѣ того въ качествѣ обыкновеннаго человѣка, онъ совершалъ дѣйствія, которымъ не можетъ быть придано какое бы то ни было особенное значеніе. Ни о первой, ни о третьей категоріи дѣйствій Сунна не говоритъ, занимаясь лишь дѣйствіями, долженствующими служить примѣромъ для всей націи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ иногда бываетъ очень трудно различить дѣйствія Пророка, которыя являются его привилегіе, отъ его дѣйствій, долженствующихъ служить примѣромъ.

Эти послѣднія дѣйствіе раздѣляются на:

1) «Ваджибъ» или обязательныя,

2) «Мустахаббъ» или рекомендуемыя,

3) «Мубахъ» или позволенныя и

4) «Аль-вакфъ», это дѣйствія, отъ которыхъ должно воздерваться во что бы то ни стало.

1) Когда дѣйствіе является обязательнымъ (ваджибъ), то исполненіе его является долгомъ (фарзъ).

Ханефиты, малекиты и ханбалиты согласны, что подражаніе

---

[1]) Al-Mawerdi. Le droit public musulman v. I pp. 20-27.

совершенному Пророкомъ акту является обязательнымъ для наши. Это основывается на слѣдующихъ кораническихъ текстахъ:

«Скажи имъ: Если вы любите Бога, слѣдуйте за мной. Онъ васъ полюбитъ. Онъ проститъ вамъ грѣхи ваши, Онъ снисходителенъ и милолюбивъ, Онъ проститъ вамъ грѣхи ваши. Онъ снисходителенъ и милосердъ Повинуйтесь Богу и Пророку, но если вы станете лицемѣрить передъ нимъ, знайте, что Богъ не любитъ невѣрныхъ» (Сура 3-я, ст. 29).

«Въ Пророкѣ своемъ вы имѣете прекрасный образчикъ для всѣхъ тѣхъ, которые надѣются на Бога и вѣрятъ въ послѣдній день, которые думаютъ о немъ часто.» (Сура 33-я, ст. 21).

«Кто слѣдуетъ посланнику, пророку, хотя и неученому, но относительно котораго они найдутъ указаніе въ книгахъ своихъ..· —всѣ будутъ людьми счастливыми,

«Скажи имъ: О, люди! Я—апостолъ, посланный отъ Бога ко всѣмъ вамъ». Сура 7-я, ст. 156; 157).

«Бойтесь Господа и повинуйтесь мнѣ» (Сура 26-я, ст. 108).

Всѣ эти стихи показываютъ, что Пророку должно быть оказываемо повиновеніе-исполненіемъ ли того, что онъ говорилъ, подражаніемъ ли тому, что онъ дѣлалъ.

2) Когда дѣло идетъ о какомъ-нибудь актѣ благочестія, то слѣдованіе примѣру Пророка является рекомендуемымъ дѣйствіемъ.

3) Дозволенными дѣйствіями являются тѣ, которыя не сдѣланы обязательными. и на которыя не послѣдовало запрещенія.

4) Должно воздерживаться отъ тѣхъ дѣйствій и актовъ, которые свойственны только Пророку и являются его привилегіей.

Что касается одобряющаго молчанія или молчаливаго согласія, то оно разсматривается какъ дозволеніе только, но не приказаніе. Пророкъ имѣлъ возможность протестовать; но не сдѣлалъ этого, слѣдовательно, онъ разрѣшаетъ это: если же бы выполненіе даннаго дѣйствія было обязательно, то Пророкъ подчеркнулъ бы это своими словами. Ибо нельзя допустить, чтобы Пророкъ своимъ молчаніемъ санкціонировалъ какой-нибудь актъ, заслуживающій порицанія. Но, возражаютъ нѣкоторые, могло случиться такъ, что Пророкъ не разобралъ того, что было сказано, или же промолчалъ, сознавая безплодность замѣчанія въ данномъ случаѣ. или же по какой-нибуль причинѣ отложилъ высказать свое мнѣніе, или, наконецъ, дѣло могло итти лишь о легкомъ нарушеніи, сдѣланномъ совершенно случайно.

Такъ какъ все это случаи возможные, то юристы и удѣляютъ имъ вниманіе, различая два случая:

1) Актъ въ моментъ совершенія былъ уже запрещенъ, но совершившій его считалъ его дозволеннымъ и

2) Актъ не былъ запрещенъ.

Въ зависимости отъ наличности того или другого случая, и молчаніе истолковывается различно.

Въ первомъ случаѣ, т. е. когда актъ былъ уже запрещенъ, молчаніе, по мнѣнію большинства, не обозначаетъ дозволенія. По ученію ханефитовъ, это молчаніе отмѣняетъ общій смыслъ текста и, по ученію шафеитовъ, специализируетъ его для даннаго случая.

Въ случаѣ, когда актъ не былъ предусмотрѣнъ и запрещенъ, возникаетъ легкое противорѣчіе. Здѣсь надо постараться схватить тонкость разсужденія.

Мнѣніе однихъ таково, что молчаніе Пророка передъ совершеніемъ запрещеннаго—по своей природѣ—акта не уничтожаетъ принципа запрещенія (хотя бы и не выраженнаго текстомъ), такъ какъ это молчаніе можетъ быть объяснено предположеніемъ, что принципъ запрещенія былъ неизвѣстенъ совершившему актъ лицу, и тогда его дѣйствіе не можетъ вызывать никакой санкціи; или же, что Пророкъ, въ первый разъ сказавши о запрещеніи и видя, что предупрежденіе оставляется безъ вниманія, не счелъ должнымъ повторить его. Но какъ сказать, что Пророкъ хранитъ молчаніе подъ предлогомъ, что совершившій запрещенный актъ или сказавшій запрещенное слово не навлекаетъ на себя никакого наказанія вслѣдствіе незнанія о запрещеніи? Это никоимъ образомъ не объясняетъ его утвердительнаго молчанія, напротивъ, въ данномъ случаѣ Пророкъ долженъ былъ бы разсѣять мракъ и объяснить запрещеніе, чтобы нарушеніе не было повторено въ другой разъ. И въ этомъ случаѣ молчаніе Пророка было бы неизвинительно. Слѣдовательно, въ подобныхъ случаяхъ молчаніе Пророка не можетъ быть толкуемо, какъ дающее разрѣшеніе на совершеніе запретнаго акта.

Другое мнѣніе таково, не запрещенное дѣйствіе существуетъ всегда, подтвержденное молчаливымъ согласіемъ: если даже дѣйствіе и было запрещено, то это запрещеніе уничтожается, и дѣйствіе снова дѣлается дозволеннымъ. [1]).

Передача преданій.

Передатчики (рави) преданій могутъ быть раздѣлены на два класса: обычныхъ (или привычныхъ) и случайныхъ. Первыми считаются тѣ, которые передали значительное число преданій; ко вторымъ относятся тѣ, которые передали одинъ или два хадиса, и личность которыхъ неизвѣстна.

Обычные, въ свою очередь, были раздѣлены на законовѣдовъ и не законовѣдовъ, но всѣ они были Спутниками Пророка.

Къ законовѣдамъ относятся четыре первыхъ халифа, т. е. Абу Бакръ. Омаръ, Усманъ и Али; Маадъ-ибнъ-Джабалъ, Абдулла-ибнъ-Масудъ, Абдулла-ибнъ-Аббасъ, Абдулла-ибнъ-Омаръ, Абдулла-ибнъ-Зобаиръ (всѣ четверо извѣстны подъ сборнымъ именемъ Убаидъ-Улла), Али-ибнъ-Каабъ, Абдуррахманъ-ибнъ-Авфъ,

[1]) Riad Ghali. pp. 33 – 45.

Хузайфа-ибнъ-аль-Іеменъ, Зандъ-ибнъ-Сабитъ, Абу-Муса-аль-Ашаи и Айша.

Къ числу Спутниковъ не-законовѣдовъ относятся: Абу-Хорайра, Салма, Анасъ-бинъ-Маликъ, Солиманъ и Билаль.

Преданіе, переданное Спутниками-законовѣдами, не требовало для принятія никакой провѣрки и считалось безусловно исходящимъ отъ Пророка,—оно имѣетъ силу закона

Что касается передачи преданія обычными передатчиками, но не законовѣдами, то Абу Ханифа дѣлаетъ различіе. Въ этомъ случаѣ преданіе получаетъ силу закона лишь тогда, когда оно подтверждается «кіясомъ», т. е выводомъ по аналогіи. Происходитъ это въ силу того, что не-законовѣдъ легко могъ спутать слова Пророка или неточно передать ихъ смыслъ, или пропустить въ нихъ что-нибудь: такимъ образомъ, въ самомъ преданіи уже оказывается сомнѣніе, къ которому должно быть прибавлено еще и сомнѣніе относительно точности передачи Сужденіе же и выводъ по аналогіи (кіясъ), представляя возможность лишь одного сомнѣнія, получаетъ въ данномъ случаѣ предпочтеніе. Съ этимъ мнѣніемъ не согласны Шафи и Маликъ: первый изъ нихъ даетъ предпочтеніе преданію, второй аналогіи, и вотъ почему.

Шафи говоритъ, что послѣ провѣрки личности передатчиковъ даже противорѣчивость преданія, позволяющая предполагать возможность лжи, уничтожается; кромѣ того, разсужденіе и выводъ по аналогіи представляютъ еще болѣе возможности для ошибки, чѣмъ передача преданія.

Маликъ же, напротивъ, отдаетъ предпочтеніе аналогіи, такъ какъ она также признана всѣми Спутниками, и они часто пользовались ею, тѣмъ болѣе что личное преданіе представляетъ уже въ себѣ недостатокъ формы, который, въ соединеніи съ его противорѣчіемъ аналогическому сужденію (если случай имѣетъ мѣсто), дѣлаетъ его еще болѣе сомнительнымъ.

Другіе возражаютъ на это, что, во-первыхъ, преданіе конечно исходитъ отъ Пророка, и, во-вторыхъ, невѣрность передачи представляется лишь возможной и вѣроятной, но не является непремѣнной, нельзя держаться мнѣнія, что она обязательно имѣетъ мѣсто.

Если преданіе передается одновременно двумя лицами, изъ которыхъ одно является законовѣдомъ, а другое—нѣтъ, то предпочтеніе отдается законовѣду: нѣкоторые отдаютъ ему безусловное предпочтеніе, другіе—за исключеніемъ того случая, когда законовѣдъ передаетъ лишь общій смыслъ, а не законовѣдъ самый текстъ.

Теперь перейдемъ къ случайнымъ передатчикамъ.

Случайными называются тѣ, личность которыхъ неизвѣстна, и которые передали одинъ два хадиса, не больше. Хотя они и видѣли

Пророка, но они не изъ числа Спутниковъ, иначе была бы извѣстна ихъ біографія.

Вопросъ, насколько является пріемлемымъ переданное такимъ лицомъ преданіе? Мнѣнія имамовъ раздѣляются. Шафенты считаютъ его прямо непріемлемымъ. Что касается ханефитовъ, то они принимаютъ подобныя преданія лишь въ случаѣ увѣренности, что они появлялись въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ геджры. Къ нимъ примѣняются слѣдующія правила:

1) Если потомство приняло его съ довѣріемъ, то его принимаютъ за истинное, такъ какъ принятіе преданія потомствомъ можетъ считаться равносильнымъ провѣркѣ личности передатчиковъ. Поэтому оно принимается наравнѣ съ сообщеніемъ обычныхъ передатчиковъ

2) Оно пріемлемо и въ томъ случаѣ, когда имѣется разногласіе о его подлинности, и это на томъ основаніи, что лица, подтверждающія его, являются какъ бы сами передатчиками. Другими словами, въ этомъ случаѣ преданіе передается какъ бы цѣлой группой лицъ. Но достаточно двухъ лицъ, лишь бы только эти лица удовлетворяли требуемымъ качествамъ, разъ они говорятъ, что *слышали*, чтобы имъ дать предпочтеніе передъ ста человѣками, которые говорятъ, что они *не слыхали*. Но такъ какъ отсутствіе единогласія все же возбуждаетъ нѣкоторое недовѣріе, то преданіе отвергается въ томъ случаѣ, если оно противно аналогическому сужденію.

3) Если потомство предоставляетъ преданію свободно циркулировать, то оно принимается, такъ какъ въ данномъ случаѣ имѣется единодушное молчаливое признаніе.

4) Если преданіе было отвергнуто потомствомъ, оно не принимается, такъ какъ прежнее непринятіе показываетъ, что у преданія не хватило какихъ-нибудь требуемыхъ для его принятія качествъ.

Если же преданіе появилось послѣ первыхъ трехъ вѣковъ геджры, то для его принятія требуется провѣрка аналогіей. (1).

Передатчики.

Условія и качества, которымъ должны удовлетворять передатчики для того, чтобы передаваемое ими преданіе могло почитаться истиннымъ, раздѣляются на основныя и вспомогательныя. Къ основнымъ условіямъ относятся слѣдующія:

1) надо быть мусульманиномъ,

2) быть возмужалымъ и въ здравомъ умѣ,

3) быть нравственнымъ и

---

[1]) Riad Ghali. pp 59 – 68.

4) способнымъ разсуждать.

Разсмотримъ каждое изъ этихъ условій отдѣльно.

1) Надо быть мусульманиномъ, т. е. вѣрить въ Бога, признавать Его имена и атрибуты, принимать Его рѣшенія и законы. Исламизмъ можетъ быть активнымъ или пассивнымъ.

Активный исламизмъ выказывается исповѣданіемъ вѣры. Что для этого нужно, можно видѣть изъ хадиса.

«Пророкъ, чтобы провѣрить вѣру одного араба, говорившаго, что онъ видѣлъ луну, рамазана, спросилъ его «свидѣтельствуешь ли ты, что нѣтъ бога кромѣ Бога, и я Его Пророкъ?—Да, просто отвѣтилъ арабъ. И это было все.»

Пассивный исламизмъ обозначаетъ религію человѣка, родившагося отъ мусульманскихъ родителей, но еще не сдѣлавшаго исповѣданіе вѣры.

Исламизмъ требуется на томъ основаніи, что невѣрные стараются разрушить его, и поэтому къ его словамъ не можетъ быть довѣрія.

2) Совершеннолѣтіе или даже просто возмужалость требуются на томъ основаніи, что лишь въ томъ возрастѣ можетъ быть полнота разума, который и придастъ смыслъ словамъ, заставляетъ бояться Бога и избѣгать лжи.

3) Нравственность есть «присущая душѣ сила которая заставляетъ ее подчинятьсвои страсти и свою вѣру разуму, такъ что она удерживаетъ отъ совершенія серьозныхъ преступленій и не позволяетъ упорствовать въ простительныхъ нарушеніяхъ, т. е. предохраняетъ отъ совершенія большихъ и малыхъ грѣховъ». Нравственными почитаются тѣ, кто имѣетъ правильные и безупречные нравы и является безупречнымъ и убѣжденнымъ мусульманиномъ».

Нравственность, въ свою очередь, можетъ быть поздраздѣлена на ограниченную или дополнительную, присутствіе которой подразумѣвается у всякаго мусульманина, и полную или основную, которая заставляетъ жить строго по предписаніямъ религіи. Лишь люди, обладающіе полной нравственностью, допускаются къ передачѣ преданій. Въ случаѣ, если обладающій полной нравственностью человѣкъ совершитъ по невѣдѣнію какой—нибудь поступокъ, то, по мнѣнію нѣкоторыхъ богослововъ, онъ не теряетъ своихъ правъ (относительно передачи преданій), такъ какъ невѣдѣніе служитъ смягчающимъ обстоятельствомъ. Другіе сомотрятъ строже и говорятъ, что—сознателенъ или безсознателенъ проступокъ, онъ всегда свидѣтельствуетъ о безнравственности.

Истинное раскаяніе возвращаетъ утраченное право на передачу преданій.

Чтобы провѣрить нравственность кого-либо, прибѣгаютъ, во-первыхъ, къ сбору свѣдѣній по молвѣ, и, во-вторыхъ, къ дозна-

нію (аль-тазкійя). Это дознаніе можетъ быть гласное и секретное.

Здѣсь приходится разсмотрѣть четыре пункта:

а) Сколькихъ лицъ надо опросить? Нѣкоторые находятъ, что достаточно опросить хотя бы одно лицо, такъ какъ дѣло идетъ лишь о сборѣ свѣдѣній. Другіе считаютъ, что это все же свидѣтельство, и, слѣдовательно, требуется опросъ по крайней мѣрѣ двухъ лицъ. Такого взгляда придерживаются ханефиты.

б) Необходимо, чтобы опрашиваемое лицо было способно свидѣтельствовать, и чтобы оно знало того, о которомъ производится дознаніе, и съ похвалой отзывалось о немъ.

в) Когда окажется, что передатчикъ имѣетъ какой-либо порокъ, то обыкновенно ограничиваются сообщеніемъ о наличности порока, препятствующаго принять передачу преданія. Ханефиты требуютъ точнаго опредѣленія причины отказа.

г) Можетъ оказаться такъ, что мнѣнія производящихъ дознаніе раздѣляются: одинъ можетъ признать передатчика нравственнымъ, а другой порочнымъ. Рѣшеніе принимается по большинству голосовъ, а при равномъ ихъ раздѣлѣ перевѣсъ является на сторонѣ отказа.

Подобная провѣрка не можетъ касаться Спутниковъ Пророка, такъ какъ по словамъ Корана:

«Самые древніе, первые между мухаджирами и ансарами, подражавшіе прекрасному поведенію ихъ, найдутъ себѣ у Бога удовлетвореніе такъ же, какъ Онъ самъ нашелъ Себѣ удовлетвореніе въ дѣяніяхъ ихъ. Онъ обѣщалъ имъ сады, орошенные потоками водъ, они пребудутъ тамъ вѣчно. Это неизмѣримое счастье.» (Сура 9-я, ст. 101).

4) Четвертымъ качествомъ, которое непремѣнно требуется отъ передатчиковъ, является способность сужденія (аз-забтъ). Это качество заключается «въ выслушаніи преданія цѣликомъ, въ понятіи его смысла, въ удержаніи его въ памяти и, наконецъ, въ точной передачѣ довѣреннаго». Здѣсь мы видимъ, что одно и то же лицо фигурируетъ въ двухъ роляхъ: сначала слушателя, отъ котораго требуется слушаніе, пониманіе и запоминаніе, и затѣмъ—передатчика, который долженъ точно сообщить услышанное.

Каждый изъ этихъ моментовъ требуетъ разсмотрѣнія. При этомъ надо замѣтить, что средства для выполненія означенныхъ дѣйствій были различны въ первое время и во времена, болѣе позднія, когда, съ распространеніемъ ислама, условія значительно измѣнились. Эти средства могутъ быть или *дѣйствительныя* («азима») или *подразумѣваемыя* («рухса»).

Каждое изъ этихъ дѣйствій требуетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія.

а) *Слушаніе.* (ас-сама).

Слушаніе можетъ почитаться дѣйствительнымъ только тогда, когда оно имѣло мѣсто при посредствѣ слухового органа самого

передатчика. Если оно совершилось другимъ путемъ, оно будетъ лишь подразумѣваемое. Также, слушаніе можетъ быть de jure и de facto. [1]).

Случай слушанія de jure будетъ тогда, когда выслушавшій преданіе и словесно передающій его рави говоритъ: «такой то мнѣ передалъ, или такой то мнѣ сказалъ, или я слышалъ, какъ такой то говорилъ».

Слушаніе de facto можетъ имѣть мѣсто при помощи чтенія или посланія.

Когда слушаніе происходитъ при помощи чтенія, оно можетъ быть безразлично произведено тѣмъ или другимъ лицомъ. Въ этомъ случаѣ преданіе будетъ передаваться такъ: «такой то прочелъ мнѣ (а я записалъ)» или «я прочелъ такому то, и онъ подтвердилъ мнѣ».

Посланіе можетъ имѣть двѣ формы: письменную, если оно отправлено въ формѣ письма, или устную, если оно передается черезъ кого-нибудь въ формѣ словеснаго сообщенія. Въ такомъ случаѣ формула для передачи принимаетъ видъ. «такой то написалъ мнѣ» или «такой то прислалъ сказать мнѣ»

Таковы виды слушанія дѣйствительнаго. Перейдемъ теперь къ слушанію подразумѣваемому.

Подразумѣваемое слушаніе имѣетъ мѣсто тогда, когда кто-либо говоритъ другому: «я уполномачиваю васъ передать, какъ исходящее отъ меня, преданіе, заключающееся въ этой запискѣ, равно какъ и всѣ преданія, которыя вамъ передадутъ отъ меня, если вы примите ихъ (т. е. за истинныя)».

Абу Ханифа считаетъ, что такая передача недѣйствительна, такъ какъ въ дѣйствительности «слушанія» здѣсь не было. Но на это совершенно справедливо возражаютъ, что цѣль достигается одинаково хорошо и въ данномъ случаѣ, и, что, если пренебрегать совершенно этимъ способомъ передачи, пришлось бы лишиться множества преданій. Формула передачи здѣсь такова: «такой

---

[1]) Передача хадисовъ въ самое первое время дѣлалась съ непосредственной ссылкой на Пророка, и употребляемые при этомъ термины были различны по формѣ, но равнозначущи: «Пророкъ Бога, человѣкъ правдивый и достойный довѣрія, училъ насъ», «я слышалъ слово Пророка», «Пророкъ Бога училъ насъ», «говорятъ, что Пророкъ такъ передавалъ слова Бога», и т. п. По мѣрѣ удаленія отъ времени Пророка, формула неизбѣжно удлинялась, такъ какъ слѣдовалъ цѣлый рядъ передатчиковъ. Обращеніе можетъ быть дѣлаемо въ передачѣ какъ въ прямой, такъ и въ косвенной рѣчи. (Сахихъ. Бухари, т. I, стр 34, 35)

то уполномочилъ меня передать», или «мнѣ передали по уполномочію такого то».

Наконецъ, подразумѣваемое слушаніе можетъ имѣть мѣсто при неожиданной находкѣ какого-нибудь манускрипта преданій. Тогда формула передачи бываетъ такая: «я нашелъ», или «я прочелъ у такого то», или «я нашелъ написанное моимъ отцомъ или такимъ то».

Абу Ханифа категорически отрицаетъ возможность такой передачи, такъ какъ здѣсь отсутствуетъ слушаніе. Два его ученика допускаютъ ее въ томъ случаѣ, разъ удостовѣрена подлинность преданія. Это дѣлается на томъ основаніи, что Спутники Пророка иногда выполняли его приказанія по письмамъ отъ него.

Относительно возраста, въ который слушаніе можетъ имѣть мѣсто, мнѣнія расходятся. Между прочимъ въ сборникѣ Бухари имѣется хадисъ: «Махмудъ-ибнъ-Рабъ сказалъ: я помню, что Пророкъ взялъ глотокъ воды и выпустилъ его мнѣ въ лицо. Въ то время мнѣ было пять лѣтъ». Слѣдовательно, заключаютъ нѣкоторые, разъ можно помнить о томъ, что произошло въ пять лѣтъ, то въ этомъ возрастѣ можно слушать и преданіе. Другіе указываютъ возрастъ возмужалости, т. е. приблизительно въ 15 лѣтъ. Третьи, наконецъ, предлагаютъ индивидуальную оцѣнку для каждаго случая.

Термины, употребляемые при передачѣ преданій Спутниками, были, въ силу ихъ непосредственнаго общенія съ Пророкомъ, особые. Напримѣръ: «Пророкъ мнѣ сказалъ, сообщилъ мнѣ», «я слышалъ, какъ Пророкъ говорилъ», или «Пророкъ сказалъ», «Пророкъ приказалъ это», «Пророкъ запретилъ это», «Пророкъ сдѣлалъ это обязательнымъ», или «это—Сунна», или просто «отъ Пророка», или «при жизни Пророка мы поступали такимъ то образомъ».

б) *Пониманіе* (аль-фахмъ).

Пониманіе заключается въ томъ, чтобы передатчикъ уяснилъ себѣ смыслъ и значеніе словъ.

«Если преданіе является опредѣленнымъ текстомъ, или объясненіемъ текста, или выводомъ по аналогіи,—можно передавать лишь смыслъ при условіи, чтобы передатчикъ имѣлъ основательное знакомство съ синтаксисомъ. При этомъ безразлично, будетъ ли онъ законовѣдомъ или нѣтъ, понимаетъ ли онъ смыслъ или нѣтъ,—онъ долженъ лишь передать то, что ему говорили и довѣрили для передачи. Но, если смыслъ преданія допускаетъ различныя толкованія, то лишь посвятившіе себя изученію законовѣдѣнія люди могутъ передавать его, потому что только они способны открыть смыслъ.

в) *Запоминаніе* (аль-хифзъ).

Запоминаніе заключается въ удержаніи въ памяти словъ, въ которыхъ было передано преданіе.

Подобно слушанію, запоминаніе можетъ быть полнымъ или дѣйствительнымъ и ограниченнымъ или подразумѣваемымъ

Запоминаніе будетъ дѣйствительнымъ тогда, когда преданіе отъ слова до слова удержано въ памяти безъ всякой записи. Запоминаніе будетъ лишь подразумѣваемымъ, если преданіе для памяти записано на бумагѣ.

При жизни Пророка запоминаніе было всегда дѣйствительнымъ, по крайней мѣрѣ среди Спутниковъ.

Нѣкоторые возстаютъ противъ записыванія и въ подкрѣпленіе своего мнѣнія приводятъ хадисъ: «не переписывайте отъ меня ничего кромѣ Корана, и пусть тотъ, кто записалъ что-нибудь другое отъ меня, уничтожитъ это». Другіе возражаютъ имъ на это текстомъ Корана:

«Мы научимъ тебя читать Коранъ, и ты ничего не забудешь» (Сура 87-я, ст. 6)

Разъ уже Пророкъ, какъ это можно понять изъ текста, способенъ забывать несмотря на всѣ свои качества, то чего же можно требовать отъ обыкновенныхъ людей.

Чтобы примирить это разногласіе, Бухари принялъ двойную гипотезу, а именно, что Пророкъ разрѣшилъ записывать тѣмъ, которые не увѣрены въ прочности своей памяти, и не дозволилъ это тѣмъ, которые за свою память могутъ ручаться; или же что, можетъ быть, онъ первоначально опасался, какъ бы при записи Коранъ не былъ спутанъ съ Сунной, а потомъ, когда это опасеніе разсѣялось, разрѣшилъ дѣлать это.

Уже съ конца третьяго вѣка геджры повсемѣстно было допущено подразумѣваемое запоминаніе, т. е. Сунна была закрѣплена на бумагѣ.

г) *Передача.* (аль-таблигъ).

«Передача заключается въ томъ, что передатчикъ, сохранивъ преданіе и примѣнивъ на практикѣ содержащееся въ немъ правило, передаетъ его другимъ». По словамъ Пророка, «иногда тотъ, кому передаютъ сообщеніе, понимаетъ его лучше, чѣмъ тотъ, кому оно было довѣрено раньше». (Бухари, т. I, стр. 39).

Передача можетъ быть дѣйствительная или подразумѣваемая.

Передача будетъ дѣйствительна въ томъ случаѣ, когда она произведена въ собственныхъ словахъ, и подразумѣваемая тогда, когда она передаетъ только смыслъ. Послѣдняя допускается въ томъ случаѣ, если слова замѣнены равноцѣнными имъ, иначе можетъ измѣниться смыслъ. Необходимость такой замѣны требуетъ основательнаго знакомства съ лексическими особенностями языка. Такъ, въ сборникахъ мы находимъ одинъ и тотъ же хадисъ, переданный разными лицами и въ разныхъ словахъ. Конечно,

возможно предполагать, что и передатчики мѣняли слова: но нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что Пророкъ высказывалъ одну и ту же мысль въ разныхъ словахъ и выраженіяхъ, передавая ее различнымъ лицамъ и въ разное время.

По ученію ханефитовъ, четыре качества, требующіяся отъ передатчиковъ, должны быть налицо лишь къ моменту передачи, такъ какъ, какъ мы то видѣли выше, чтобы слушать преданіе, не надо обязательно быть совершеннолѣтнимъ. Но нѣкоторые возстаютъ противъ слушанія (здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, слово употребляется въ спеціальномъ значеніи) малолѣтними, такъ какъ, говорятъ они, съ самаго перваго момента преданіе можетъ быть не понято достодолжнымъ образомъ, затѣмъ плохо запомнено, и, слѣдовательно, представляетъ много вѣроятности плохой передачи. Другіе возражаютъ на это, что Спутники бывали слушателями въ раннемъ возрастѣ. Больше того, нѣкоторые изъ нихъ были слушателями въ то время, когда они еще не приняли мусульманства.

Вспомогательныя или дополнительныя условія, требуемыя отъ передатчиковъ, какъ показываетъ самое ихъ названіе, не являются обязательными: но, при наличности ихъ, къ передатчику чувствуется гораздо больше довѣрія.

Въ общемъ эти условія тѣ же, которыя требуются и для свидѣтельствованія, такъ какъ передача преданія является свидѣтельствомъ передъ всей мусульманской націей.

Они заключаются въ слѣдующемъ.

1) зрѣніе,
2) даръ слова,
3) свободное состояніе,
4) мужской полъ,
5) арабская національность и
6) знаніе арабскаго языка.

Основанія для требованія наличности этихъ условій представляются достаточно ясными.

Зрѣніе нужно для того, чтобы видѣть, въ пользу кого или противъ кого произносится свидѣтельство, и чтобы быть въ состояніи свидѣтельствовать о томъ, что видѣлъ.

Даръ слова необходимъ для того, чтобы быть въ состояніи подтвердить свое свидѣтельство.

Свободное состояніе требуется потому, что свидѣтельство есть родъ обязательства, и рабъ не имѣетъ права давать его.

Арабская національность служитъ порукой за то, что дѣйствіе не вызвано какою-нибудь враждой.

Знаніе языка необходимо для того, чтобы быть понятымъ и передать слова на томъ языкѣ, на которомъ они были сказаны Пророкомъ.

Мужской полъ предпочтителенъ, какъ внушающій болѣе довѣрія, если свидѣтельство приносится женщинами, ихъ требуется по крайней мѣрѣ двѣ.

Таковы требованія при свидѣтельствѣ, но при передачѣ преданія они нѣсколько измѣняются, если отсутствіе одного или нѣсколькихъ вспомогательныхъ условій не можетъ порочить передаваемаго преданія, то вполнѣ возможно обойтись и безъ этого условія или безъ этихъ условій. Такъ, напримѣръ, отсутствіе зрѣнія нисколько не препятствуетъ слушанію преданія, запоминанію его и передачѣ. Также необязательнымъ является и свободное состояніе, если рабъ мусульманинъ, такъ какъ, будучи неправоспособнымъ въ имущественномъ отношеніи, въ религіозномъ онъ правоспособенъ. Въ религіозныхъ вопросахъ женскій полъ совершенно равенъ мужскому [1]). Даже не обязательно быть арабской національности,—надо быть лишь мусульманиномъ, такъ какъ исламизмъ—всемірная религія. Можно даже не знать арабскаго языка, такъ какъ объясненія могутъ быть даны на какомъ либо другомъ языкѣ. Лишь отсутствіе дара слова является непреодолимымъ препятствіемъ.

Въ случаѣ противорѣчія между передатчиками, предпочтеніе отдается тѣмъ, которые совмѣщаютъ въ себѣ какъ всѣ основныя, такъ по возможности и всѣ вспомогательныя качества.

Чтобы закончить о качествахъ, требующихся отъ передатчиковъ для того, чтобы передаваемыя ими преданія были приняты за истинныя, добавимъ нѣсколько словъ о томъ, что порочитъ передачу или, какъ говорятъ мусульманскіе авторы, «прерываетъ Сунну».

Состояніе идіотизма при возмужалости разсматривается какъ состояніе малолѣтняго, разница лишь въ томъ, что малолѣтнему разума не хватаетъ лишь предъ лицомъ закона, а идіоту—фактически. Равнымъ образомъ, не можетъ быть допущенъ къ передачѣ преданія человѣкъ, обычно дѣйствующій безъ отданія себѣ яснаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, или вообще небрежно.

Нравственность и исламизмъ, могущіе существовать и независимо другъ отъ друга, разсматриваются совмѣстно, такъ какъ «не-мусульманинъ случайно можетъ быть нравственнымъ, но мусульманинъ безъ нравственности, это—исключительное явленіе».

Передача преданія не можетъ быть произведена невѣрнымъ или человѣкомъ безнравственнымъ, такъ какъ перваго можно всегда заподозрѣть въ умышленной лжи противъ исламизма, а второго—просто въ привычной лжи. Нѣкоторые дѣлаютъ различіе между невѣрнымъ и безнравственнымъ и, отказывая въ до-

---

[1]) Вопросъ очень спорный, какъ будетъ видно дальше См. т. III.

вѣрнн второму, принимаютъ передачу преданія первымъ, разъ онъ пользуется добрымъ именемъ.

Передача не можетъ быть сдѣлана также человѣкомъ неизвѣстнымъ—съ физической и нравственной стороны. [1]).

Такимъ образомъ, когда въ цѣпи передатчиковъ является одно изъ вышеуказанныхъ лицъ, что должно выясниться при провѣркѣ, преданіе должно быть отвергнуто, т. е. Сунна прерывается.

Виды Сунны.

По способу передачи, преданіе раздѣляется на *постоянное* (мутаватиръ) и *прерванное* (мункаты).

Постоянное преданіе.

Постояннымъ называется преданіе, дошедшее до насъ отъ древности при посредствѣ передачи отъ одного поколѣнія къ другому.

Постоянное преданіе, въ свою очередь, подраздѣляется на:

1) совершенное (мутаватиръ)
2) несовершенное (маджхуръ)
3) личное (хабаръ-и-ахадъ).

Нѣкоторые признаютъ лишь два вида, выкидывая второй, т. е. несовершенное преданіе.

1) Совершенное преданіе.

«Совершенное преданіе, называемое также абсолютнымъ или общеизвѣстнымъ, есть то, которое было намъ передано въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ геджры, притомъ столь многочисленными лицами, что не представляется никакой возможности предположить съ ихъ стороны соглашеніе относительно обмана» (Иснави, II, 37). Анализъ этого опредѣленія приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: увѣренность въ истинности преданія намъ дается количествомъ передатчиковъ и ихъ нравственными качествами.

Но какъ велико должно быть минимальное количество передатчиковъ для того, чтобы преданіе могло считаться совершеннымъ? Мнѣнія относительно этого сильно расходятся. Нѣкоторые считаютъ число пять, такъ какъ четыре является максимальнымъ числомъ свидѣтелей, требующихся для юридическихъ доказательствъ. Другіе требуютъ десять, «такъ какъ ниже этой цифры единицы». Затѣмъ двѣнадцать, такъ какъ Богъ обѣщалъ быть съ 12 вождями:

«Богъ вступилъ въ союзъ съ дѣтьми Израиля. Мы воздвигли

[1]) Riad Ghali. pp. 72 – 127.

изъ среды ихъ двѣнадцать вождей, и Богъ сказалъ: я буду съ вами .» (сура 5-я, ст 15).

Затѣмъ двадцать—на основаніи стиха:

«О, Пророкъ! возбуждай вѣрующихъ къ войнѣ. Два десятка стойкихъ изъ нихъ поразятъ двѣ сотни невѣрныхъ...» (Сура 8-я, ст. 66).

Затѣмъ сорокъ—на основаніи стиха:

«О, Пророкъ! Тебѣ достаточно Бога и тѣхъ изъ вѣрующихъ, которые идутъ за тобой». (Сура 8-я, ст. 65). Этихъ вѣрующихъ было какъ разъ сорокъ человѣкъ.

Затѣмъ семьдесятъ—на основаніи стиха:

«Моисей избралъ изъ среды своего народа семьдесятъ мужей, чтобы съ ними предстать предъ нами...» (Сура 7-я, ст. 154).

Наконецъ—«триста и нѣсколько дюжинъ»—по числу сражавшихся въ битвѣ при Бадрѣ.

Есть даже такіе, которые требуютъ, чтобы число передатчиковъ восходило до 1300, 1400, 1500 и 1700 человѣкъ. Но эти цифры конечно совершенно произвольны. Такое рѣзкое противорѣчіе привело къ тому, что въ концѣ концовъ вопросъ о числѣ былъ совершенно оставленъ, какъ не представляющій капитальной важности. Разъ имѣется «нѣсколько» свидѣтелей, внушающихъ довѣріе, то оцѣнка собственной совѣсти послужитъ лучшимъ критеріемъ достаточности или недостаточности числа передатчиковъ.

Такимъ образомъ, внушеніе довѣрія или увѣренности является качествомъ, присущимъ совершенному преданію, но степень этой увѣренности не одинакова для различныхъ видовъ. Увѣренность эта раздѣляется на:

а) немедленную,

б) по разсмотрѣніи и

в) вѣроятность.

а) Немедленная увѣренность.

Когда не является никакого сомнѣнія въ истинности преданія, т. е. въ его подлинности, содержаніе его сразу становится обязательнымъ для исполненія (если для того есть мѣсто), какъ бы непосредственно отъ Пророка полученнымъ приказаніемъ.

б) Увѣренность по разсмотрѣніи.

Другіе говорятъ, что преданіе, сколь многими лицами ни было бы оно передано, все же требуетъ провѣрки относительно того, удовлетворяютъ ли передатчики всѣмъ требующимся отъ нихъ качествамъ. Допустимость такой провѣрки заставляетъ предполагать возможность принятія или непринятія преданія. Слѣдовательно, предварительно должна быть сдѣлана провѣрка, а послѣ уже преданіе получаетъ законную силу. Другими словами, увѣренность не является немедленно, но лишь по оцѣнкѣ преданія.

в) Вѣроятность.

Третьи, наконецъ, смотрятъ на вопросъ еще строже и разсуждаютъ такъ: въ сущности не представляетъ ли преданіе, передаваемое цѣлой массой лицъ, рядъ личныхъ преданій, всегда допускающихъ сомнѣніе относительно своей истинности? Каждая изъ такихъ личныхъ передачъ можетъ давать лишь вѣроятность истины, что переходитъ и на совокупность этихъ отдѣльныхъ сообщеній.

2) Несовершенное преданіе.

«Несовершенное преданіе есть то, которое было передано въ первомъ вѣкѣ геджры нѣсколькими Спутниками, было принято націей, и въ два послѣдующихъ вѣка было передано достаточнымъ количествомъ послѣдователей и послѣдователей послѣдователей, которые не могли войти другъ съ другомъ въ соглашеніе съ цѣлью обмана». (Пэздави, II, 688).

Слѣдовательно, несовершенное преданіе имѣетъ мѣняющійся характеръ: будучи личнымъ въ теченіе перваго вѣка, оно обращается въ совершенное во время второго и третьяго вѣка геджры. Иначе говоря, оно является промежуточной ступенью между личнымъ и совершеннымъ преданіемъ, и оно иногда уподобляется и тому и другому.

Тѣ, которые уподобляютъ его личному преданію, говорятъ: «оно имѣетъ достоинство вѣроятности, которую можно принять со спокойною совѣстью. Происходя отъ личнаго сообщенія, оно менѣе совершеннаго преданія; но, такъ какъ оно извѣстно, хотя бы и случайно, то оно больше совершеннаго преданія». (Шамсъ-Эддинъ, 143).

Тѣ, которые уподобляютъ его совершенному преданію, дѣлаютъ это въ силу того довѣрія, которое имъ внушаютъ послѣдователи и послѣдователи послѣдователей.

3) Личное преданіе.

«Личнымъ преданіемъ называется преданіе, которое намъ было передано въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ геджры однимъ, двумя или тремя передатчиками».

Это опредѣленіе показываетъ, что въ данномъ случаѣ число играетъ роль. Однако, въ виду противорѣчивыхъ данныхъ, которыя могли служить основаніемъ для вывода какихъ либо опредѣленныхъ правилъ, вопросъ опредѣленнаго рѣшенія не получилъ. Вышеприведенное опредѣленіе соединяетъ въ себѣ различные взгляды, насколько ихъ возможно обобщить. Въ виду лишь относительнаго рѣшенія вопроса, и авторитетность личнаго преданія является только относительной. При этомъ должно замѣтить, что относительна она не сама по себѣ, а по несогласію взглядовъ на нее. Взгляды эти можно привести къ тремъ основнымъ группамъ:

1) Личное преданіе есть источникъ права, и является въ силу этого обязательнымъ.

2) Личное преданіе есть источникъ права, но не является обязательнымъ во всѣхъ своихъ принципахъ.

3) Личное преданіе не есть источникъ права.

Разсмотримъ каждое изъ этихъ разнорѣчивыхъ мнѣній отдѣльно, чтобы уяснить причины разногласія.

1) Личное преданіе есть источникъ права и является въ силу этого обязательнымъ.

Такого мнѣнія придерживаются ханефиты и основываютъ свои доказательства на слѣдующемъ. Опираясь на текстъ Корана:

«Огонь наполнитъ внутренности тѣхъ, которые утаиваютъ мѣста изъ книги, посланной свыше, и такъ дорого уплачиваютъ за предметы малоцѣнные. Богъ не обратитъ къ нимъ слова своего въ день воскресенія, и они не будутъ оправданы. Тяжкое наказаніе ждетъ ихъ» (Сура 2-я, ст. 169),—они говорятъ: «Богъ угрожаетъ тѣмъ, кто, зная религіозное предписаніе, не передаетъ его другимъ или скрываетъ его. Съ какою цѣлью угрожать имъ? Не для того ли, чтобы предписаніе было сообщено для общественнаго свѣдѣнія? Но для чего его сообщать, если не съ цѣлью сдѣлать обязательнымъ?»

Другой текстъ является еще болѣе убѣдительнымъ:

«Всѣмъ вѣрующимъ не слѣдуетъ уходить сразу на войну. Лучше пусть выступитъ только извѣстная часть каждаго племени, и пусть они поучаются дѣламъ благочестія и въ свою очередь наставляютъ своихъ согражданъ, какъ слѣдуетъ вести себя людямъ осмотрительнымъ». (Сура 9-я, ст. 123).

Этотъ стихъ уже ясно приказываетъ обучаться черезъ могущихъ научить религіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ должна соблюдаться извѣстная осторожность, чтобы ложь не была принята за истинное ученіе:

«Если дурной человѣкъ приноситъ вамъ какую-нибудь вѣсть, то постарайтесь уяснить ее себѣ изъ боязни, чтобы не сдѣлать какого нибудь зла по невѣдѣнію и чтобы потомъ не жалѣть объ этомъ». (Сура 49-я, ст. 6).

Доказательство находится также и въ личномъ примѣрѣ Пророка, который, какъ самъ принималъ личныя сообщенія, такъ и посылалъ даже одиночныхъ лицъ для распространенія вѣры. Это доказательство едва ли не слѣдуетъ считать самымъ убѣдительнымъ, такъ какъ посылаемые имъ люди были обыкновенные смертные, которымъ не сообщилась божественная благодать, какъ ему.

Равнымъ образомъ, Спутники Пророка принимали личныя сообщенія, и имъ въ этомъ подражали ихъ послѣдователи, завѣщая то же самое и своимъ послѣдователямъ. Слѣдовательно, у

законовѣдовъ не было никакого основанія отказываться отъ подражанія имъ.

Наконецъ, умозаключительное доказательство заключается въ томъ, что провѣркой нравственности передатчика до извѣстной степени устанавливается истинность преданія. И, разъ передатчикъ достоинъ довѣрія, какъ же не считать обязательнымъ для себя силу переданнаго имъ преданія?

Но высшимъ аргументомъ, заставляющимъ принять личное преданіе, является необходимость: Коранъ не предвидѣлъ всѣхъ случаевъ законодательства, по крайней мѣрѣ въ ихъ конкретной формѣ, и сама жизнь заставляетъ искать недостающее. Въ этомъ отношеніи личное преданіе приноситъ громадную пользу, и отказъ отъ него вынудилъ бы слишкомъ часто прибѣгать къ средству, представляющему еще менѣе достовѣрности,—къ заключенію по аналогіи.

2) Личное преданіе есть источникъ права, но не является обязательнымъ во всѣхъ своихъ принципахъ.

Для держащихся такого мнѣнія личное преданіе пріемлемо лишь въ извѣстныхъ случаяхъ—въ зависимости отъ его содержанія, которое можетъ касаться божескихъ правъ и человѣческихъ. Божественныя права состоятъ изъ догматовъ вѣры и актовъ поклоненія, а также изъ наказаній.

«Большинство ханефитовъ принимаютъ личное преданіе относительно актовъ поклоненія, но не относительно догматовъ. Меньшинство не принимаетъ его, для установленія принципа вѣры или религіознаго принципа, но соглашается на него, когда дѣло идетъ лишь о распространеніи извѣстнаго принципа. Въ первомъ случаѣ дѣло идетъ объ основаніи религіи, чего нельзя устанавливать, руководствуясь личными преданіями; но какъ различить принципъ отъ его распространенія (расширенія)? Кромѣ того, это распространеніе, передаваясь на новые случаи, образовало бы новые принципы. Каково же основаніе этого различенія, которое намъ навязываютъ? Разъ личное преданіе принято, оно должно быть для насъ обязательнымъ безъ какого бы то ни было ограниченія. Несмотря на свои несовершенства, оно достаточно для того, чтобы внушить намъ вѣрованіе, т. е. нравственный актъ, такъ какъ оно признано достаточнымъ—съ вѣроятностью истины—для обязанія насъ религіозной практикой». (Шамсъ-Эддинъ. 144).

Что касается наказанія, то большинство авторовъ принимаютъ говорящія о нихъ преданія. Таково, напримѣръ, преданіе о знаменитомъ стихѣ «побиванія камнями».

Человѣческія права состоятъ въ обязательствахъ (или сдѣлкахъ) и въ совѣщаніи (фэтва). Вопросъ объ обязательствахъ выходитъ изъ рамокъ Сунны, и ему далѣе посвященъ отдѣльный томъ. (VI-й).

Совѣщаніе есть полученіе юридическаго мнѣнія на предложенный вопросъ въ области чистаго права или же въ области религіи. Названіе «фэтва» примѣняется также и къ отвѣту на предложенный вопросъ такого рода.

3) Личное преданіе не есть источникъ права.

Юристы, придерживающіеся этого взгляда, возражаютъ на первое мнѣніе, находя свою аргументацію равнымъ образомъ въ Коранѣ, Суннѣ, дѣйствіяхъ спутниковъ и въ разсужденіи.

Они ссылаются на слѣдующіе тексты Корана.

«За невѣдомымъ не гонись. Съ очей, ушей и сердца вашего спросится отчетъ. Вамъ придется дать отчетъ во всемъ». (Сура 17-я, ст. 38).

«Они ничего не знаютъ объ этомъ; они слѣдуютъ только своимъ мнѣніямъ. Мнѣнія же никоимъ образомъ не могли бы замѣнить истины». (Сура 53-я, ст. 29).

Этими текстами запрещается слѣдовать тому, относительно чего нѣтъ истиннаго знанія. Богъ запрещаетъ давать вѣру личнымъ мнѣніямъ или предположеніямъ.

«Такъ какъ личное преданіе не даетъ намъ истиннаго знанія того, о чемъ оно не сообщаетъ, то какъ слѣдовать ему? И, если даже предположить, что оно даетъ намъ это знаніе, то все же это будетъ только личное мнѣніе, которому мы не можемъ слѣдовать на основаніи второго текста». (Бухари, т. II. стр. 696).

Что касается доказательства при помощи Сунны, то, говорятъ они, «Пророкъ, разъ мы хотимъ въ этомъ слѣдовать его примѣру, отправлялъ множество эмиссаровъ съ однимъ и тѣмъ же сообщеніемъ, и это множество достигало числа, необходимаго для совершеннаго преданія. Допущеніемъ сообщенія достигается допущеніе совершеннаго преданія, а не личнаго».

Относительно дѣйствій Спутниковъ говорится, что они принимали личное преданіе единогласно.

Противъ доводовъ разсужденія возражаютъ, что, если вѣрить всему, что только возможно и вѣроятно, то можно зайти очень далеко. Даже нельзя сказать, что необходимость заставляетъ принимать личное преданіе. Необходимость, говорятъ юристы, есть аргументъ разума, и, допуская этотъ аргументъ, мы допускаемъ, что разумъ можетъ сдѣлать для нихъ обязательными принципы, которые сами по себѣ никоимъ образомъ не могли бы быть для насъ обязательными: дѣйствовать такъ, значитъ—ставить свой умъ на одинъ уровень съ законодателемъ. (Аль-Банани, 99).

Прерванное преданіе.

«Прерваннымъ называется преданіе, въ которомъ не всѣ послѣдовательные передатчики извѣстны».

Это обстоятельство является порокомъ, ослабляющимъ степень достовѣрности преданія, такъ какъ достовѣрность гарантируется именно передатчиками.

Шафеиты совершенно отрицаютъ такого рода преданіе, но оно принимается ханефитами и малекитами.

«И почему не принимать его, разъ единодушіе мусульманской нации и разумъ предсказываютъ намъ его принятіе? Во всѣ времена Спутники передавали преданія, не указывая на посредниковъ, т. е. это были прерванныя преданія. Тѣмъ не менѣе не только никто не разоблачалъ ихъ, но всѣ принимали ихъ безъ возраженія. Если бы оно не имѣло никакой цѣны, то Спутники не передавали бы его, или по крайней мѣрѣ ихъ никто не подтвердилъ бы». (Пэздави, III. 724).

Шафеиты отказываютъ въ принятіи прерваннаго преданія на томъ основаніи, что, разъ неизвѣстны передатчики, то не можетъ быть извѣстна и степень достовѣрности преданія. Это тѣмъ болѣе важно, что, въ случаѣ какого-нибудь противорѣчія, можетъ явиться нужда въ сравненіи нравственныхъ качествъ нѣсколькихъ передатчиковъ, дабы была возможность съ основаніемъ оказать одному предпочтеніе передъ другимъ.

Изъ принимающихъ прерванное преданіе одни даютъ ему превосходство передъ совершеннымъ, другіе—нѣтъ.

Преданіе можетъ прерываться *явно* или *скрытно*. Когда оно прерывается явно, различаются слѣдующіе случаи:

1) Когда преданіе передавалось Спутниками, то бывали случаи такого рода, что молодые Спутники передавали слова другихъ, не называя ихъ по именамъ, а просто говоря: «Пророкъ сказалъ». Что касается формы, то такое преданіе должно быть признано порочнымъ, ибо не имѣетъ именъ передатчиковъ. Что же касается содержанія, то оно истинно, такъ какъ кто бы изъ Спутниковъ ни былъ передатчикомъ, всѣ они одинаково заслуживаютъ довѣрія.

2) Когда преданія передавались уже послѣдователями Спутниковъ или послѣдователями ихъ послѣдователей, и кто-нибудь пропускалъ имена передатчиковъ, то дѣло сводилось къ первому случаю, такъ какъ послѣдователи Спутниковъ равнымъ образомъ признаются заслуживающими полнаго довѣрія людьми.

3) Когда преданіе передавалось послѣ третьяго вѣка геджры, и были пропущены имена передатчиковъ, то мнѣнія богослововъ раздѣляются—изъ предосторожности и по завѣту Пророка, который сказалъ, что послѣ первыхъ трехъ вѣковъ начнетъ распространяться обманъ и ложь.

Изъ этого нѣкоторые юристы выводятъ заключеніе, что ко всѣмъ послѣдующимъ поколѣніямъ обязательно должна быть примѣняема система оффиціальнаго недовѣрія. Но нѣкоторые прини-

мают переданное такимъ образомъ преданіе. Наконецъ, если въ позднѣйшее время кто-либо сообщаетъ преданіе, его принимаютъ въ томъ случаѣ, если будетъ провѣркой установлено, что оно было уже кѣмъ-нибудь передано прежде. Въ противномъ случаѣ его отвергаютъ —не какъ прерванное, а просто какъ ложное, такъ какъ раньше уже были собраны всѣ преданія, какія только возможно было собрать

4) Можетъ быть и такой случай, что одно и то же преданіе передается какъ совершенное и какъ прерванное. Тутъ могутъ быть два разныхъ положенія:

а) оба преданія переданы однимъ лицомъ и

б) преданія переданы разными лицами.

Какое, въ первомъ случаѣ, у передатчика могло быть намѣреніе при сокрытіи именъ нѣкоторыхъ передатчиковъ? Нѣкоторые видятъ въ этомъ желаніе обмануть, лишивъ принимающаго возможности произвести провѣрку передатчиковъ,—преданіе отвергается, а вмѣстѣ съ тѣмъ теряется и почтенность передатчика. Другіе считаютъ это несправедливымъ на томъ основаніи, что, разъ то же самое лицо передало это преданіе полностью то объ обманѣ не можетъ быть рѣчи, и преданіе должно быть принято при условіи, что передатчикъ обладаетъ нравственными качествами и способностью сужденія.

Если преданіе передается въ разныхъ формахъ и различными лицами, то изъ двухъ преданій должно быть выбрано то, передатчики котораго представляютъ болѣе гарантій за подлинность переданнаго ими преданія.

Наконецъ, кромѣ этихъ четырехъ случаевъ, можетъ быть еще такой, что преданіе передается съ прибавленіемъ или сокращеніемъ. Большинство юристовъ принимаютъ такое преданіе, когда дѣло идетъ объ увеличеніи, такъ какъ оно доказываетъ болѣе обширное знакомство. Конечно это дѣлается лишь въ томъ случаѣ, когда прибавленіе не противорѣчитъ основной части преданія.

Когда преданіе передается съ сокращеніемъ, то оно можетъ быть принято, если сокращеніе не измѣняетъ или не убавляетъ его смысла; въ противномъ случаѣ оно должно быть отвергнуто.

Преданіе можетъ быть прервано еще скрытнымъ или тайнымъ образомъ. Такимъ образомъ можетъ быть прервано всякое преданіе, тогда какъ явно можетъ быть прервано только личное преданіе.

Такого рода преданія подраздѣляются на четыре категоріи:

1) противорѣчащія Корану,

2) противорѣчащія Суннѣ,

3) составляющія исключеніе изъ какого-нибудь принципа, оставленіе котораго могло бы вызвать бѣдствіе и

4) не принятое Спутниками-законовѣдами.

Каждая изъ этихъ категорій заслуживаетъ отдѣльнаго вниманія, такъ какъ сами по себѣ онѣ не представляются достаточно ясными.

1) Коранъ—слово Бога, высшая истина, и поэтому естественно, что разъ преданіе противорѣчитъ ему, оно должно быть отвергнуто. Это основано на преданіи: «Послѣ моей смерти вамъ сообщатъ отъ меня много преданій. Каждый разъ, когда вамъ будутъ сообщать преданіе, сравните его съ книгой Бога: то, что согласно съ ней, примите, и то, что противорѣчитъ ей, отвергните». Таковы слова Пророка.

Тѣмъ не менѣе, если противорѣчіе является лишь кажущимся, то преданіе должно быть принято.

2) Если личное преданіе противорѣчитъ совершенному, то оно должно быть отвергнуто.

3) Когда въ личномъ преданіи выражено правило, непримѣненіе котораго можетъ оказаться причиной общественнаго бѣдствія, то это преданіе принимается и исполняется, лишь бы были извѣстны упоминаемые въ преданіи передатчики.

«Богъ далъ Пророку способность распространять преданіе различными способами. Возможно, что въ случаѣ, когда можно опасаться общественнаго бѣдствія, Онъ хочетъ, чтобы мы прибѣгли къ личному преданію».

4) Въ принципѣ, отвергнутое Спутниками преданіе должно быть отвергнуто. Но однако не должно слѣпо подражать примѣру Спутниковъ, такъ какъ нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что и для нихъ какое-нибудь преданіе осталось неизвѣстнымъ. А въ такомъ случаѣ произошло бы неповиновеніе Богу:

«Вѣрующіе того и другого пола не должны слѣдовать своему собственному выбору, когда Господь и апостолъ Его рѣшили иначе. Всякій, кто отказываетъ неповиновеніе Богу и Его апостолу, находится въ явномъ заблужденіи». (Сура 33-я, ст. 36).

Осталось разобрать еще одинъ вопросъ, относительно отмѣны преданій. Такъ какъ теперь этотъ вопросъ имѣетъ чисто академическій характеръ, то мы не будемъ задерживаться на немъ.

Находящееся въ обращеніи преданіе можетъ быть разоблачено или отвергнуто кѣмъ-либо или передатчикомъ, которому его приписываютъ. Въ такомъ случаѣ передатчикъ долженъ формально заявить, что ему совершенно ложно приписывается передача преданія, или же, если онъ самъ не увѣренъ, сказать, что онъ не помнитъ, передавалъ онъ или нѣтъ. По мнѣнію однихъ, въ этомъ случаѣ преданіе уничтожается, такъ какъ сомнѣніемъ уничтожено основаніе его истинности; по мнѣнію другихъ, оно не уничтожается, а лишь вызываетъ сомнѣніе вслѣдствіе неизвѣстности, кто лжетъ. передатчикъ или тотъ, кто ему ложно приписываетъ передачу хадиса?

Разоблаченіе хадисовъ или ихъ опороченіе можетъ исходить

отъ Спутниковъ, отъ знатоковъ хадисовъ и отъ помянутыхъ въ въ преданіи передатчиковъ. [1]).

Резюмируемъ въ двухъ словахъ сказанное.

Какъ стихи Корана, такъ и хадисы, выраженные въ категорической формѣ принуждаютъ къ вѣрѣ (итимадъ) и къ дѣйствію, практикѣ (амэль). Другими словами, выраженная въ нихъ формулировка добра и зла сознательно должна приниматься, какъ догматическая истина—въ теоріи, а на практикѣ—какъ руководящій принципъ.

Если предметомъ приказанія является добро, то выполненіе его составляетъ категорическую обязанность (фарзъ).

Если предметомъ запрещенія является зло, то оно должно разсматриваться, какъ категорически запрещенное (харамъ).

Тотъ, кто просто отрицаетъ авторитетность этихъ приказаній, есть невѣрный (кафиръ), такъ какъ, отрицая приказаніе, онъ тѣмъ самымъ отвергаетъ вѣру въ Пророка.

Тотъ кто принципіально отрицаетъ этотъ авторитетъ, но не примѣняетъ его на практикѣ, есть нечестивецъ (фасикъ), но не невѣрный.

Приказанія и запрещенія типа «нассъ» со смертью Пророка сдѣлались абсолютными до скончанія вѣковъ, такъ какъ, выражая божественную волю, лишь божественной волей они и могли быть измѣнены или отмѣнены. Когда же не стало болѣе орудія выраженія божественной воли—Пророка, исчезла и самая возможность какихъ бы то ни было измѣненій.

Такъ какъ число нассовъ ограничено, то, слѣдовательно, ограниченнымъ является и число выраженныхъ въ нихъ приказаній и запрещеній. Но сила насса простирается не только на ясно выраженное въ немъ, но и на то, на что онъ указываетъ, или намекаетъ, или что является неизбѣжнымъ его слѣдствіемъ. [2]).

Это приблизительно все, на что необходимо было указать, говоря о Суннѣ, но, можетъ быть, нѣкоторымъ читателямъ и эти подробности показались излишними. Отчасти они правы, такъ какъ вся техника Сунны есть не болѣе, какъ теорія, срокъ примѣненія которой теперь давно уже окончился. Но безъ знанія этой техники, безъ знанія того, съ какими трудами были собраны тѣ нѣсколько тысячъ преданій, которыя почитаются подлинными, съ какой тщательностью они были выбраны изъ безчисленной массы другихъ, внѣшнимъ видомъ отъ нихъ ничѣмъ не отличившихся,—было бы невозможно понять, откуда явилось это благо-

[1]) Riad Ghali. pp. 133—236.

[2]) Al-Mawerdi. Le droit public musulman. v. I. p. 29 C. L. Ostrorog.

говѣйное почитаніе Сунны, это возведеніе ея на степень, почти равную Корану, а практически—будемъ говорить, что есть—даже предпочтеніе ея Корану.

Но и съ Сунной случилось нѣчто, подобное тому, что случилось съ Кораномъ. Когда мы говоримъ Сунна, преданія, мы употребляемъ ихъ въ теологическомъ смыслѣ, придавая имъ строго опредѣленное значеніе провѣреннаго преданія, внесеннаго въ тотъ или другой сборникъ, имѣнующійся подлиннымъ, «сахихъ», и обязывающаго всякаго правовѣрнаго мусульманина—какъ въ смыслѣ приказанія, такъ и въ смыслѣ запрещенія. Такъ это и для ученаго мусульманина, но далеко не такъ для мусульманской массы. Какъ Сунна заслонила собою Коранъ, такъ и истинная Сунна заслонена милліономъ апокрифическихъ хадисовъ. Если бы литература хадисовъ ограничивалось только сборниками подлинныхъ хадисовъ, и они получили бы широкое распространеніе, тогда мусульманскій міръ былъ бы избавленъ отъ многаго зла и раздоровъ. Значительная часть словесныхъ хадисовъ, а ихъ въ употребленіи не одна сотня тысячъ, можетъ быть подвергнута сомнѣнію. Не говоря уже о томъ, что одного того обстоятельства, что они не вошли въ сборники, достаточно, чтобы ихъ на законномъ основаніи можно было отвергнуть, но и самый снисходительный разумъ противится ихъ принятію.

Но сборники доступны лишь для избранныхъ, для людей ученыхъ или, по крайней мѣрѣ, широко образованныхъ по мусульмански, а для массы остается именно словесное преданіе. Достаточно составить какую-нибудь фразу съ именемъ Пророка, и хадисъ готовъ. Еще при жизни Пророка нѣкоторые, въ личныхъ интересахъ, стали приписывать ему слова, которыхъ онъ никогда не произносилъ Разсчетъ былъ правиленъ: если тотъ, къ невыгодѣ котораго были направлены эти слова, не вѣрилъ ихъ подлинности, онъ часто все же вслухъ не рѣшался ихъ оспаривать, чтобы не сдѣлаться невѣрнымъ; а обратиться къ самому Пророку—не всегда и не для всѣхъ была возможность. Наконецъ, не являлась ли у него надежда при случаѣ воспользоваться тѣмъ же самымъ средствомъ и съ тѣмъ же успѣхомъ? Весьма возможно, и такимъ образомъ обращеніе къ помощи хадиса сдѣлалось какъ бы всеобщей сокровищницей, изъ которой каждый хваталъ полными горстями, какъ только въ этомъ являлась нужда.

Что же изъ этого въ концѣ концовъ получилось? Вотъ что. Собираніе хадисовъ было предпринято съ цѣлью предохраненія Сунны отъ внесенія въ нее чуждаго ей матеріала; результатъ этотъ достигнутъ: полученной такимъ образомъ чистой Суннѣ было придано значеніе закона, приравненнаго къ божественному. Все, что не вошло въ оффиціально признанные сборники,

тѣмъ самымъ объявлено подозрительнымъ и не заслуживающимъ довѣрія. Но хадисы можно было уничтожить только *юридически*, не допустивъ ихъ въ ряды другихъ, признанныхъ истинными, но практически не было возможности изгнать ихъ изъ народной памяти: можно заставить смолкнуть разговоръ, но нельзя заставить замолчать молву. Для народной массы апокрифическіе хадисы остались. Но на этомъ еще не окончилось зло,—всѣмъ имъ придали то значеніе,которое закрѣпилось за истинной Сунной. Тѣ лица, которыя могли бы исправить эту ошибку, не всегда находятъ это выгоднымъ для себя. Совѣтомъ духовнымъ для мусульманъ являются казіи, и отъ нихъ ли ждать направленія на истинный путь, когда, какъ говорятъ мусульманскіе авторы, «изъ трехъ казіевъ два навѣрное попадутъ въ адъ, а попадетъ ли въ рай третій, это вопросъ еще очень сомнительный».

Что же касается отношенія къ Суннѣ людей ученыхъ, одинъ европейскій авторъ даетъ ему очень мѣткую характеристику.

...«Преданіе есть литературная форма, употреблявшаяся мусульманскими учеными всѣхъ временъ для выраженія собственнаго толкованія факта или ихъ собственнаго отвѣта на вопросъ, который представляется ихъ уму. Безъ всякаго стѣсненія они влагаютъ въ уста самому Мухаммеду, органу истины, мнѣнія, которыя имъ самимъ представляются правильными. Естественно хотѣлось бы назвать эту распространившуюся въ первые вѣка ислама привычку скорѣе «литературнымъ пріемомъ», чѣмъ «обманомъ благочестія», если бы на каждомъ шагу не приходилось констатировать, что истинные и серьозные приверженцы каждой тенденціи разсматриваютъ преданія, удобныя для ихъ теоріи, подлинными во всемъ значеніи этого слова». [1]).

Въ этихъ словахъ лежитъ много горькой истины и пожалуй непоправимаго зла. Сунна собиралась одновременно съ развитіемъ толкованія Корана: такъ какъ она служитъ его дополненіемъ, то не естественнымъ ли являлось, что въ Сунну не могло быть допущена основаніи аналогическаго сужденія—то, что противорѣчило Корану въ его толкованіи? Но, чтобы быть болѣе убѣдительнымъ, я закончу свою мысль словами мусульманскаго автора.

...«Терпимость есть основная мечта, забота всей книги мусульманской религіи. И какъ изъ нея могли сдѣлать орудіе нетерпимости и фанатизма? Какъ изъ этихъ данныхъ, столь широкихъ, столь гуманныхъ, столь общественныхъ могли, благодаря узкимъ умамъ, кровожаднымъ подстрекательствамъ заинтересованныхъ комментаторовъ, закрыть двери Ислама для всего чело-

[1]) Snouck Hurgronje Contributions récentes àla connaissance de l'islam

вѣчества, заключить мусульманина въ его собственной странѣ и въ его невѣдѣніи, исключить изъ всякаго движенія прогресса и цивилизаціи и дать ему эти жестокіе и кровожадные нравы, которые дѣлаютъ его столь мало общественнымъ?... Цѣль, которую преслѣдовали комментаторы, была война, это было развитіе воинственнаго инстинкта, который составляетъ основу арабскаго характера, и—чтобы примѣнить современный политическій терминъ—это была культура націонализма, тѣмъ болѣе, что проповѣдуемыя и имѣвшія мѣсто войны сопровождались успѣхомъ, имѣли результатомъ добычу и грабежъ, и такимъ образомъ способствовали развитію кровожадныхъ инстинктовъ солдатчины и толпы... Чистѣйшій либерализмъ Корана обратился въ фанатизмъ... Не составляетъ ли такое толкованіе самое непростительное, съ точки зрѣнія гуманности, преступленіе?» [1]).

Эта же самая идея не могла не отозваться и на работѣ по собиранію Сунны: она столь же фанатична, какъ и «истолкованный» Коранъ. Но, тогда какъ Коранъ, вслѣдствіе того, что тамъ имѣются отмѣненные стихи, нѣкоторые изъ которыхъ неизвѣстны, и есть также сомнительные, «смыслъ которыхъ извѣстенъ только Богу», допускаетъ еще нѣкоторое сомнѣніе относительно правильности толкованія, какъ то показываютъ выше приведенныя строки,—этого нѣтъ для Сунны, которая сама является дополненіемъ и толкованіемъ Корана. И лишь возможный, предполагаемый, допустимый, оспариваемый фанатизмъ Корана она сдѣлала неоспоримымъ, непримиримымъ и нераздѣльнымъ съ религіей. Фанатизмъ—кровь ислама.

---

[1]) C.-Benattar L'esprit libéral du Coran.

Глава четвертая.

Такъ какъ законъ Корана и дополняющей его Сунны является верхомъ совершенства въ какой угодно—религіозной, политической или научной-области. то всякое нововведеніе считается ересью, касается ли оно области религіозной практики, или политической области. Это нововведеніе называется «бидъа». Но какъ въ арабскомъ языкѣ имѣются «признанныя ошибки», такъ и среди нововведеній, въ принципѣ почитающихся ересью, есть бидъа дозволенныя и бидъа недозволенныя, или собственно ересь.

Къ первой категоріи нововведеній относится все, что не находится въ Коранѣ, но очевиднымъ образомъ не противорѣчитъ его духу. Такъ напримѣръ, либеральные мусульмане не находятъ предосудительнымъ имѣть школы, пользоваться телеграфомъ и желѣзными дорогами; когда же они забываютъ смотрѣть на эти учрежденія съ точки зрѣнія религіи, какъ всякій мусульманинъ долженъ дѣлать, то они даже находятъ эти учрежденія весьма полезными и пользуются ими ad majorem Dei gloriam. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мыслимо бы было безъ телеграфа организовать избіеніе христіанъ одновременно во многихъ мѣстахъ, какъ это дѣлалъ Абдулъ-Гамидъ?

Все же, что такъ или иначе расходится съ духомъ Корана или Сунны, считается запрещенной ересью. И, если бы единственными основами ислама были только Коранъ и такъ тѣсно связанная съ нимъ Сунна, случаи запрещенныхъ «бидъа» были бы безчисленны. Но этого нѣтъ, такъ какъ исламъ имѣетъ еще и другія основы.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію третьей основы ислама, и именно—Иджма.

Подъ именемъ «Иджма» разумѣютъ собраніе всѣхъ рѣшеній, постановленныхъ четырьмя первыми халифами—при условіи однако, что закономѣрность ихъ была признана или Спутниками или людьми, бывшими съ ними въ общеніи и основательно зна-

комыми съ хадисами. Но иногда обращали вниманіе лишь на то, чтобы эти рѣшенія согласовались съ мѣстными обычаями. [1]).

Критическая оцѣнка со стороны Спутниковъ была нѣкотораго рода предохраненіемъ отъ удаленія отъ Корана.

Такой порядокъ продолжался во все время ихъ правленія. Какъ и Мухаммедъ, они при рѣшеніи многихъ вопросовъ придерживались мединскаго обычнаго права. Но это право касалось вопросовъ мелкихъ, повседневныхъ, и примѣненіе его не было стѣсненіемъ неограниченной власти халифа. Помимо того, такъ какъ обычное право не является искусственнымъ закономъ, подъ который часто упорно, но безуспѣшно стараются вогнать жизнь, а кодифицированной жизнью, то оно даже избавляло ихъ отъ траты времени на разрѣшеніе различныхъ вопросовъ. Въ остальномъ, что касалось вопросовъ высшаго порядка, они были непогрѣшимы.

Но слѣдующіе за ними халифы такими непогрѣшимыми уже не были, и явилась необходимость найти въ комъ-нибудь замѣну органа высшей юридической власти, какимъ являлись первые четыре халифа. Въ отношеніи постановленія юридическихъ рѣшеній ихъ замѣнили «муджтахиды»: Иджма обратилась въ единодушное согласіе всей мусульманской націи въ лицѣ ея ученыхъ представителей-муджтахидовъ.

Первое примѣненіе Иджма слѣдуетъ видѣть раньше: избраніе Абу Бакра халифомъ называется «иджма-уль-умматъ», т. е. единодушное согласіе націи. Но тамъ дѣло не касалось юридическаго рѣшенія, но акта.

Обращеніе къ голосу народа въ лицѣ его представителей въ первое время было вполнѣ нормальнымъ и не лишеннымъ цѣлесообразности рѣшеніемъ вопроса. Спутники Пророка и ихъ послѣдователи хорошо знали всѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ былъ открытъ каждый стихъ. Они одни знали, какіе стихи Корана отмѣнены другими и какими именно. Свои знанія они передали своимъ послѣдователямъ.

Характерный эпизодъ относительно примѣненія Иджма разсказываетъ Сюйюти. [2]).

«Ибнъ-Даудъ разсказываетъ, что однажды схизматикъ пришелъ къ халифу Аль-Мамуну, который спросилъ его:

«—Зачѣмъ ты намъ противишься?

«По стиху книги Бога, отвѣтилъ тотъ.

«—Какому?

«Слово Высочайшаго:—Кто судитъ не согласно тому, что Богъ открылъ, тотъ невѣрный.

«Тогда халифъ пожелалъ узнать, точно ли онъ зналъ, что

---

[1]) O. Houdas. L'islamisme. p 184.

[2]) 335. Loc. cit. E. Sell. Faith of islam. p. 27.

этотъ стихъ былъ открытъ, и каково было его доказательство. Схизматикъ отвѣтилъ на это:

«Единодушное признаніе народа.

«—Разъ ты принимаешь, сказалъ ему на это Аль-Мамунъ, согласіе народа относительно откровенія, то будь же доволенъ и его единодушіемъ относительно истолкованія его.

«Тогда человѣкъ сказалъ:

«Ты сказалъ истину: миръ да будетъ надъ тобою, о, повелитель правовѣрныхъ!»

Важность, придаваемая единодушному рѣшенію или согласію, основана на словахъ Мухаммеда, который сказалъ: «мой народъ никогда не согласится на ложь».

Пока Пророкъ былъ живъ, люди могли приходить къ нему со своими сомнѣніями или опасеніями: непогрѣшимый авторитетъ всегда былъ налицо. Народъ по опыту зналъ, что при каждомъ новомъ случаѣ, который представлялся, при всякомъ возникавшемъ непредвидѣнномъ обстоятельствѣ—архангелъ Гавріилъ приносилъ прямо съ неба какое-нибудь сообщеніе. Наконецъ просто Мухаммедъ былъ правильно руководимъ въ тѣхъ совѣтахъ, которые онъ давалъ.

«Въ первые дни ислама знаніе закона было чисто традиціоннымъ. При постановленіи рѣшеній халифы не прибѣгали ни къ разсужденію, ни къ частному мнѣнію, ни къ выводамъ по аналогіи» (Ибнъ Халдунъ, т. II, стр. 469).

Обязанностью религіозныхъ учителей, по словамъ Ибнъ-Халдуна, было сообщать другимъ приказанія, которыя они слушали изъ устъ законодателя. (Тамъ же, т. I. стр. 60) «Пророкъ поручилъ выборнымъ людямъ изъ своихъ Спутниковъ учить (арабскій) народъ правиламъ закона, который онъ принесъ людямъ. Эта миссія была первоначально довѣрена десяти главнѣйшимъ Спутникамъ, а послѣ того и другимъ—низшаго ранга. Когда исламъ былъ прочно установленъ, и его основанія окрѣпли, то болѣе отдаленные народы принимали его черезъ посредство ихъ послѣдователей. Но черезъ нѣкоторое время ученіе это потерпѣло измѣненіе, и они должны были изъ священныхъ текстовъ выводить правила и примѣнять ихъ къ многочисленнымъ случаямъ, безпрестанно проходившимъ передъ судомъ» (Тамъ же, т. I. стр. 61).

«Такъ, по мѣрѣ роста государства, появлялись новыя условія жизни, выдвигая вопросы, относительно которыхъ Мухаммедъ не далъ никакого прямого указанія. Это вызывало примѣненіе иджтихада. Во время халифата четырехъ правовѣрныхъ халифовъ вѣрные имѣли обыкновеніе совѣтываться съ ними относительно способа дѣйствія, который надо было примѣнять при новомъ развитіи обстоятельствъ. И такъ какъ они знали, какъ никто, слова и дѣйствія Пророка, то они могли вызвать изъ своей памяти ка-

кія-нибудь слова или дѣйствія, изъ которыхъ можно было сдѣлать выводъ. Такимъ образомъ, всякій мусульманинъ могъ чувствовать, что, слѣдуя ихъ рѣшеніямъ и указаніямъ, онъ шелъ по правому пути». 1).

Такъ какъ послѣ смерти четвертаго халифа непогрѣшимыхъ больше не стало, то больше не у кого стало спрашивать совѣта или руководства. Но жизнь отъ этого не остановилась и продолжала итти своимъ чередомъ, выдвигая впередъ все новыя и новыя нужды, и очевидно кому нибудь надо-было принимать рѣшенія въ вызывающихъ затрудненія случаяхъ и разрѣшать сомнѣнія народа. Эту роль приняли на себя ученые юристы-богословы, и народъ призналъ ихъ власть въ этой области, т. е. призналъ авторитетность ихъ рѣшеній или «иджтихада», откуда и они получили названіе «муджтахидовъ».

Вотъ мы возвратились къ пункту, отъ котораго сдѣлали отклоненіе. Эти юристы изучали Коранъ, Сунну, рѣшенія первыхъ четырехъ халифовъ и на основаніи этихъ источниковъ постановляли свои рѣшенія.

Какъ выше мы сказали, первоначально, какъ временная мѣра, это было цѣлесообразнымъ рѣшеніемъ вопроса. Практическое неудобство такой системы скоро дало себя почувствовать,—нужна была какая-нибудь другая, опредѣленная система, которая избавила бы отъ блужданія въ потемкахъ и отъ безполезной траты времени для отысканія рѣшеній въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Какъ мы увидимъ дальше, задачу систематизированія всей массы сырого матеріала приняли на себя четыре имама, жившіе въ первомъ и второмъ вѣкѣ геджры.

Итакъ, высшимъ рѣшающимъ голосомъ сдѣлался иджтихадъ, при помощи котораго и приходили къ единодушному рѣшенію путемъ размышленія, взвѣшиванія предмета и вывода заключенія.

Помимо первыхъ четырехъ халифовъ, главными муджтахидами считались и всѣ Спутники Пророка—одни въ большей степени, другіе въ меньшей.

Сила иджтихада основана на стихѣ Корана:

«Вы народъ совершеннѣйшій изъ всѣхъ народовъ, когда-либо появлявшихся среди людей; вы поощряете все хорошее и запрещаете дурное; вы вѣруете въ Бога. Если бы люди получившіе Писаніе, захотѣли вѣрить, это послужило бы лишь на пользу имъ: и иные изъ нихъ вѣруютъ, большая же часть пребываетъ въ невѣріи». (Сура 3-я, ст. 106).

Слѣдовательно, когда что-либо не предусмотрѣно нассомъ, и вся нація, въ лицѣ своихъ представителей, выражаетъ новое приказаніе или запрещеніе, оно должно быть разсматриваемо, какъ

---

1) E Sell Faith of Islam. p 29.

истинное и справедливое, такъ какъ, на основаніи приведеннаго выше стиха Корана, должно заключить, что оно впередъ уже принято Богомъ

Но для того, чтобы рѣшеніе націи могло имѣть такую силу, оно должно быть единогласно. это единогласіе можетъ быть опредѣленно выражено или же можетъ только подразумѣваться, когда приведеніе въ исполненіе принятаго рѣшенія ни въ комъ изъ муджтахидовъ не встрѣчаетъ препятствій Однако не слѣдуетъ забывать, что «муджтахидъ не имѣетъ никакой власти, кромѣ нравственной власти мудраго, заставить невѣждъ признать обязательнымъ свое рѣшеніе». [1]).

Согласіе можетъ быть также сложнымъ или простымъ.

Первое, будучи единодушнымъ по существу, можетъ быть не достигнуто относительно частностей вопроса.

Второе является абсолютнымъ

Между мусульманскими учеными существуетъ разногласіе относительно того, можетъ ли быть теперь иджтихадъ, и, если можетъ, то кто имѣетъ право на званіе муджтахида?

Уже и относительно древнихъ муджтахидовъ мнѣнія были далеко не согласны: нѣкоторые считали таковыми лишь Спутниковъ, другіе къ нимъ прибавляли ансаровъ, третьи мухаджировъ. Многіе мусульманскіе богословы признаютъ, что истинные муджтахиды могутъ быть во всякое время, и что единогласное ихъ мнѣніе должно быть рѣшающимъ. [2]).

Таково, напримѣръ, мнѣніе шіитовъ, которые, вопреки мнѣнія суннитовъ, взятыхъ въ массѣ, признаютъ, что муджтахиды могутъ быть въ настоящее время, но только всѣ ихъ рѣшенія должны быть строго согласованы съ Кораномъ и Сунной.

«Вопросъ объ иджтихадѣ является весьма важнымъ, такъ какъ съ нимъ связана возможность реформы мусульманскаго государства Но это лишь теорія, такъ какъ на практикѣ иджтихадъ давно уже обратился въ простое сужденіе по аналогіи, втиснутое въ рамки Корана и Сунны. Еще Ибнъ-Халдунъ сказалъ, что послѣ четырехъ имамовъ никто не можетъ «рѣшать новыхъ вопросовъ разумомъ или добросовѣстнымъ примѣненіемъ собственнаго сужденія». [3]).

Муджтахиды были раздѣлены на нѣсколько классовъ, а именно:

1) абсолютныхъ, которымъ было предоставлено рѣшеніе вопросовъ во всѣхъ областяхъ права.

---

[1]) Al-Mawerdi. Le droit public musulman. p 61. Tr par. C. Ostrorog.

[2]) Klein. Religion of islam. p. 30.

[3]) E. Sell. Faith of islam. pp. 41—42.

2) муджтахидовъ опредѣленной школы, компетенція которыхъ ограничивалась рѣшеніемъ вопросовъ въ предѣлахъ ученія данной школы, и

3) муджтахидовъ для рѣшенія спеціальныхъ вопросовъ, которые не были рѣшены основателями четырехъ ортодоксальныхъ школъ.

Каждый изъ этихъ классовъ или степеней слѣдуетъ разсмотрѣть отдѣльно.

Первая степень иджтихада.

«Абсолютная независимость въ законодательствѣ есть прерогатива Бога или Его даръ. Тотъ, кому онъ данъ, не имѣетъ нужды слѣдовать какому-либо учителю для отысканія смысла божественнаго закона. Этотъ даръ былъ данъ законовѣдамъ перваго и нѣкоторымъ второго и третьяго вѣковъ геджры. Однако Спутники, которые были въ тѣсномъ общеніи съ Пророкомъ и передали непосредственно потомству сокровища законодательства, разсматриваются какъ муджтахиды высшаго авторитета, чѣмъ тѣ, которые жили во второмъ и третьемъ вѣкахъ. Абу Ханифа говоритъ: «то, что приходитъ къ намъ отъ Спутниковъ, на нашихъ головахъ и глазахъ (т. е. должно быть принимаемо съ почтеніемъ); что же касается того, что къ намъ приходитъ отъ послѣдователей Спутниковъ, то они люди, и мы люди». [1]).

Со времени послѣдователей Спутниковъ эта степень была дана лишь шести великимъ имамамъ, т. е. четыремъ основателямъ ортодоксальныхъ школъ и Суфіану-аз-Заури и Дауду-аз-Захири.

Въ теоріи каждый мусульманинъ можетъ достичь этой степени, но однимъ изъ принциповъ законовѣдѣнія является то, что утвержденіе этой степени зависитъ отъ многихъ условій, и практически теперь никто не можетъ добиться этой чести. Условія эти слѣдующія:

1) Знаніе Корана и всего, что имѣетъ отношеніе къ нему, а это значитъ: совершенное знакомство съ арабской литературой, глубокое знаніе всѣхъ приказаній Корана и всѣхъ его подраздѣленій; отношеніе ихъ другъ къ другу и ихъ отношеніе къ правиламъ Сунны, чтобы съ перваго взгляда понять прочитанный священный текстъ. Кандидатъ долженъ знать кромѣ того, когда и при какихъ обстоятельствахъ открытъ каждый стихъ Корана, онъ долженъ быть знакомъ съ буквальнымъ значеніемъ словъ, частнымъ или общимъ характеромъ каждаго постановленія, отмѣняющими и отмѣненными стихами, а равнымъ образомъ и со степенью категоричности или сомнительности каждаго постановленія, приказанія или запрещенія. Онъ долженъ быть въ состояніи

[1]) E. Sell. Faith of islam. p. 52 и сл.

выяснить смыслъ темныхъ мѣстъ, разобраться между буквальнымъ и аллегорическимъ, общимъ и частнымъ.

2) Онъ долженъ знать Коранъ наизусть со всѣми преданіями и толкованіями.

3) Онъ долженъ имѣть основательное знакомство съ преданіями или по крайней мѣрѣ знать три тысячи изъ нихъ. Онъ долженъ знать ихъ источникъ, исторію, предметъ и ихъ соотношеніе съ законами Корана.

4) Онъ долженъ быть справедливымъ человѣкомъ, т. е. правильно вѣровать, вести воздержную и набожную жизнь и, по мѣрѣ возможности, быть чуждымъ заблужденій.

5) Быть знакомымъ со всѣмъ знаніемъ Корана для того, чтобы ни въ чемъ ему не могло встрѣтиться затрудненія.

Если же кто-нибудь теперь желаетъ добиться этой степени, то прибавляется еще одно условіе, а именно:

6) Основательное знакомство съ ученіемъ четырехъ ортодоксальныхъ школъ или мазхабовъ.

Чтобы резюмировать все это, скажемъ, что муджтахидъ долженъ быть ученымъ, вѣрующимъ и религіознымъ.

Изъ перечисленныхъ условій видно, что препятствія являются почти непреодолимыми. Съ одной стороны, суровость улемовъ, которые требуютъ отъ кандидата почти невозможныхъ вещей; съ другой стороны, улемы привязаны къ собственнымъ имамамъ, и, если бы такой человѣкъ и явился, никто не сталъ бы слушать его. Имамъ Ханбалъ сказалъ: «извлекай свое знаніе откуда имамы извлекали его и не довольствуйся лишь слѣдованіемъ за другими (т. е современными муджтахидами), потому что это конечно лишь ослѣпленіе зрѣнія». Такимъ то образомъ школы четырехъ имамовъ остаются неприкосновенными по прошествіи тысячи лѣтъ, и со времени тѣхъ имамовъ улемы не признали никого муджтахидомъ первой степени. Послѣднимъ изъ нихъ былъ Ибнъ-Ханбалъ.

Права человѣка, который достигалъ этой степени, были очень значительны. Онъ не обязанъ былъ быть чьимъ-либо ученикомъ или послѣдователемъ. Онъ былъ посредникомъ между Закономъ и его исполнителями, для которыхъ онъ учредилъ систему законодательства, и никто не имѣлъ права возражать ему. За нимъ признавалось право толковать Коранъ, Сунну и Иджма по своему собственному пониманію. Онъ употреблялъ слова Пророка, между тѣмъ какъ его ученики—лишь его слова. Если бы ученикъ нашелъ какое-нибудь разногласіе между рѣшеніемъ своего имама и Кораномъ или Сунной, онъ долженъ былъ бы подчиниться рѣшенію имама. (Правда, не всѣ имамы смотрѣли на это такимъ образомъ). Разъ ученикъ вступилъ въ школу одного имама, онъ

не можетъ оставить ее и присоединиться къ другой. [1]). Онъ теряетъ право частнаго сужденія, такъ какъ лишь муджтахидъ имѣетъ право оспаривать рѣшеніе одного изъ имамовъ. Въ теоріи такіе муджтахиды могутъ найтись, но на практикѣ, какъ это только что показано, ихъ появленіе представляется невозможнымъ или почти невозможнымъ, такъ какъ, помимо трудности условій, это еще и нежелательно тѣмъ, отъ кого зависитъ принятіе.

Вторая степень иджтихада.

Эта степень была дарована непосредственнымъ ученикамъ великихъ имамовъ, которые разработывали системы своихъ учителей. Они пользовались особеннымъ почтеніемъ современныхъ улемовъ и соотвѣтственныхъ имамовъ которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже допускали ихъ оставаться при своемъ мнѣніи. Наиболѣе знаменитыми изъ подобныхъ муджтахидовъ являются два ученика Абу Ханифы, имамы Абу-Юсуфъ и имамъ Мухаммедъ ибнъ-аль-Хасанъ. Во второстепенныхъ вопросахъ ихъ мнѣніе имѣетъ громадную силу. Считается правиломъ, что муфти можетъ слѣдовать единодушному мнѣнію этихъ двухъ, когда оно идетъ противъ мнѣнія Абу Ханифы.

Третья степень иджтихада.

Это есть степень спеціальной независимости сужденія. Кандидаты на полученіе этой степени должны имѣть совершенное знакомство со всѣми подробностями законовѣдѣнія согласно ученія всѣхъ четырехъ ортодоксальныхъ школъ, а равно и съ арабскимъ языкомъ и литературой. Они могутъ разрѣшать представляющіеся имъ вопросы, мотивируя свои рѣшенія, или же рѣшать въ тѣхъ случаяхъ, когда соотвѣтственное рѣшеніе не было постановлено предшествовавшими муджтахидами. Однако какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ ихъ рѣшенія должны быть согласны съ рѣшеніями муджтахидовъ перваго и второго класса и съ принципами, которые послужили основаніемъ для тѣхъ рѣшеній. Многіе изъ этихъ людей достигли извѣстности за свою жизнь, но большинству изъ нихъ степень муджтахида была дарована уже послѣ смерти. Имамъ Казн-Ханъ, умершій въ 592 году, заканчиваетъ листъ наиболѣе знаменитыхъ изъ этихъ людей, сочиненія которыхъ служатъ руководствомъ для муфтіевъ и законовѣдовъ позднѣй-

[1]) Такова теорія, но на практикѣ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Напр., никто не можетъ воспрепятствовать ханефиту обратиться за разборомъ дѣла къ судьѣ шафеитскаго или другого ученія. Правовѣрные мусульмане очень часто пользуются этимъ, въ особенности, когда характеръ ученія извѣстной школы уже предрѣшаетъ дѣло.

шаго времени. Другіе съ тѣхъ поръ добивались этого званія, но обыкновенно ортодоксальные мусульмане отказывали имъ въ этомъ.

Будучи несравненно выше обыкновенныхъ людей по своему знанію и по святости своей жизни, все же муджтахиды не могутъ почитаться непогрѣшимыми. Разсужденія ихъ приводятъ къ выводамъ, которые представляютъ лишь большую или меньшую вѣроятность, но не истину, такъ какъ истина имѣетъ божественное происхожденіе.

Такъ какъ «кіясъ» былъ выдвинутъ собственно во время образованія четырехъ ортодоксальныхъ школъ, мы и разсмотримъ этотъ вопросъ совмѣстно съ вопросомъ о четырехъ школахъ.

Всѣ ортодоксальныя школы на практикѣ отличаются лишь незначительными подробностями какъ со стороны ритуальной, такъ и со стороны законоположеній Всякій правовѣрный мусульманинъ совершенно одинаково можетъ примкнуть къ той или другой изъ этихъ школъ.

Хотя всѣхъ основателей этихъ школъ обыкновенно зовутъ великими имамами, но спеціально это названіе примѣняется къ Абу-Ханифѣ Трудъ этихъ людей сводится къ установленію основъ для законоположеній каноническихъ, гражданскихъ и уголовныхъ. Но ихъ нельзя назвать законодателями въ истинномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не составилъ настоящаго кодекса. Они лишь намѣтили тотъ путь, слѣдованіе по которому во всѣхъ случаяхъ жизни предохраняетъ вѣрующихъ отъ паденія въ противорѣчіе съ Кораномъ и Сунной. Они лишь намѣтили дорогу, формулировали общія теоріи, предоставляя своимъ послѣдователямъ разработывать ихъ для практическихъ примѣненій.

Это должно быть объяснено духомъ ислама, не предоставляющимъ никому права быть законодателемъ. Мухаммедъ былъ таковымъ лишь по божественному вдохновенію. Уже для признанія законномѣрными мнѣній первыхъ четырехъ халифовъ требовалось, чтобы эти рѣшенія были согласны съ мнѣніемъ Спутниковъ Пророка.—это уже было, если позволено будетъ такъ выразиться, цензурой высшей власти Узурпаторство омайядовъ отняло у этой линіи халифовъ тотъ нравственный авторитетъ, которымъ пользовались ихъ предшественники. Когда же власть перешла къ абассидамъ, они могли бы законно претендовать на этотъ авторитетъ, но сила ихъ рѣшеній заключалась въ томъ, что они согласовали ихъ съ рѣшеніями ортодоксальныхъ халифовъ. Это было въ сущности продолженіемъ начатой системы съ тою лишь разницей, что устное преданіе замѣнилось письменнымъ.

Что же получилось изъ этого? Отсутствіе главы въ какомъ-нибудь дѣлѣ до извѣстной степени позволяетъ предполагать равно-

праве всѣхъ членовъ. Можно ли въ данномъ случаѣ, по аналогіи, сказать, что разъ никто не облеченъ специальной законодательной властью, это значитъ, что всѣ и каждый могутъ заняться этимъ дѣломъ въ случаѣ надобности?

Это не совсѣмъ такъ, и вотъ почему. Съ мусульманской точки зрѣнія, создавать законъ не приходится, такъ какъ онъ весь—для настоящаго, прошедшаго и будущаго—уже заключается въ Коранѣ и Суннѣ, и всякій можетъ имъ пользоваться, когда это нужно. Но такъ какъ «всякій можетъ» не значитъ «всякій умѣетъ», и нужно было по необходимости указать путь, который ведетъ къ цѣлесообразному и правильному пользованію предоставленной на общее благо сокровищницей. Эту то именно работу и совершили великіе имамы.

Въ такомъ положеніи дѣла была даже извѣстная выгода. Всякій законченный кодексъ неизбѣжно обреченъ на отсталость черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, тогда какъ Коранъ и Сунна представляютъ вѣчный матеріалъ, изъ котораго можно извлечь все, могущее понадобиться во всякія времена и для всѣхъ народовъ. Такова была первоначальная точка зрѣнія. Однако скоро пришлось ее измѣнить: жизнь стала ставить такіе вопросы, которые никакъ нельзя было рѣшить по аналогіи съ указаніями Корана или Сунны, и пришлось прибѣгнуть къ новому средству, а именно—Кіясу. [1]).

Кіясъ является четвертой основой ислама. Что касается законодательства то съ нимъ законодательная власть спускается степенью ниже, чѣмъ Иджма. Эта система—вывода по аналогіи—не требуетъ строгаго подражанія практикѣ ортодоксальныхъ халифовъ: всякій ученый муджтахидъ имѣетъ право воспользоваться Кіясомъ для пополненія несовершеннаго законодательства.

Кіясъ, которому придается значеніе «разсужденія и вывода по аналогіи», имѣетъ собственно значеніе «взвѣшиваніе». Это показываетъ, что примѣняется терминъ къ такимъ сужденіямъ, выводъ изъ которыхъ также ясенъ и очевидно правиленъ, какъ наклоненіе чашки вѣсовъ подъ грузомъ. Когда чашка вѣсовъ наклонилась «потому что она тяжелѣе другой», не можетъ явиться вопроса, «дѣйствительно ли она тяжелѣе»,—также должно быть и въ выводѣ по аналогіи.

Разсужденіе это, касающееся какихъ-либо трудныхъ вопросовъ, производится муджтахидами, а имъ руководствомъ въ ихъ рѣшеніи должны служить Коранъ, Сунна и Иджма. Эта система рѣшенія затруднительныхъ вопросовъ основа на словахъ Корана: ...«Воспользуйтесь же примѣромъ этимъ, люди, одаренные пониманіемъ» (Сура 59-я, ст. 2), т. е., какъ говорятъ комментаторы, «сравнивайте одну вещь съ другой».

[1]) O. Houdas L'islamisme. pp. 180, 183, 184.

Для наличности Кіяса необходимы четыре элемента: [1])

1) предметъ, съ которымъ производятъ сравненіе,

2) предметъ сравненія,

3) пунктъ сходства между обоими и

4) рѣшеніе, являющееся результатомъ сравненія ихъ обоихъ.

Кіясъ можетъ быть очевидный (или ясный-джали) и скрытый (хафи).

Какъ для наличности Кіяса требуются четыре элемента, такъ и для дѣйствительности его необходимы четыре условія:

1) чтобы правило или обычай, на которыхъ онъ основывается, были общаго, а не частнаго примѣненія,

2) причина приказанія должна быть извѣстна и понятна,

3) основаніемъ для рѣшенія должны служить Коранъ, или Сунна, или Иджма,

4) онъ не долженъ быть въ противорѣчіи ни съ чѣмъ, что было объявлено въ Коранѣ, Суннѣ или Иджма

Ученые богословы ислама раздѣляются на два лагеря въ отношеніи ученія о Кіясѣ. Одни носятъ названіе «народа Кіяса» и другіе «народа Преданія».

Первымъ вопросомъ является, какое основаніе имѣетъ Кіясъ? Это основаніе видятъ въ дѣйствіяхъ самого Пророка.

Когда Мухаммедъ отправлялъ Маада въ Іеменъ для сбора налоговъ и распредѣленія ихъ, онъ спросилъ его, какой законъ онъ возьметъ себѣ въ руководство

— «Коранъ, отвѣтилъ Маадъ.

«Но если ты тамъ не найдешь нужныхъ для тебя указаній?

— «Тогда я буду дѣйствовать по примѣру Пророка.

«А если этотъ примѣръ отсутствуетъ?

—«Тогда я сдѣлаю сравненіе и на основаніи этого поступлю».

«Мухаммедъ, заканчиваетъ хадисъ, одобрилъ находчивость своего ученика и отпустилъ его. Это и было началомъ примѣненія системы аналогіи. Хотя этотъ хадисъ находится въ оффиціальныхъ сборникахъ, но нѣкоторые европейскіе критики подвергаютъ сильнымъ сомнѣніямъ его подлинность, приписывая ему позднѣйшее происхожденіе. Если это такъ, то это было необходимо для оправданія примѣненія сужденія по аналогіи Но едва ли можно высказывать такое мнѣніе только на основаніи того, что существованіе хадиса было во что бы то ни стало необходимо для оправданія системы. Есть и другіе хадисы, которые показываютъ, что Мухаммедъ пользовался этимъ.

«Однажды женщина пришла къ Пророку и сказала: «мой отецъ, не совершивши паломничества, умеръ». Пророкъ сказалъ: «Если бы твой отецъ умеръ, оставивъ долгъ,—что бы ты сдѣла-

---

[1]) Klein. Religion of islam. p. 32.

ла?—«Я заплатила бы долгъ», отвѣтила женщина —«Хорошо, тогда заплати и этотъ».

И этотъ хадисъ является очень характернымъ. Здѣсь не только приведено сужденіе по аналогіи, но этотъ способъ косвеннымъ образомъ рекомендуется, дается указаніе, какъ надо поступать въ подобныхъ случаяхъ. Когда женщина произнесла: «мой отецъ умеръ, не совершивъ паломничества», то недосказанная часть ея фразы можетъ быть передана такъ: «надо ли что-нибудь сдѣлать въ этомъ случаѣ?». Мухаммедъ не отвѣчаетъ просто: «соверши паломничество», но онъ ведетъ разговоръ такимъ образомъ, что женщинѣ становится яснымъ, что именно она должна сдѣлать—и не по приказанію Пророка, а уже по раньше существовавшему закону. Дальше намъ придется встрѣчаться съ такими фразами: «покойный долженъ искупить свой грѣхъ»,—это значитъ, что на наслѣдникахъ лежитъ долгъ, оставленный покойнымъ, причемъ безразлично, будетъ ли этотъ долгъ по отношенію къ людямъ или по отношенію къ Богу.

Ортодоксальные мусульмане считали, что данный Мухаммедомъ законъ былъ окончательнымъ, совершеннымъ и не допускающимъ никакихъ прибавленій. Фатимидскіе халифы, напротивъ, считали, что они сами являются воплощеніемъ божественнаго разума, и что только они могутъ быть истолкователями внутренняго смысла положительныхъ принциповъ закона.

«Доктрина ихъ заключалась въ томъ, что всѣ феномены здѣшняго чувственнаго и матеріальнаго міра были типами или символами соотвѣтственныхъ реальностей въ духовномъ и невидимомъ мірѣ. Всякое положительное правило закона было аллегорическимъ утвержденіемъ незримой истины: и такъ какъ одинъ чистый міровой Разумъ господствовалъ надъ тѣмъ духовнымъ міромъ, то было необходимо, чтобы и въ здѣшнемъ мірѣ чистый Разумъ былъ воплощенъ въ одномъ видимомъ лицѣ Такъ этотъ разумъ былъ воплощенъ въ Измаилѣ и его потомкахъ, а затѣмъ и въ фатимидскихъ халифахъ Египта». [1]).

Эта теорія была довольно рискованна, такъ какъ она была, въ сущности говоря, проповѣдью пантеизма, чего ортодоксальные мусульмане конечно допустить не могли.

Выше мы уже говорили о томъ, что почти всѣ мусульмане согласны относительно того, что, начиная съ конца третьяго вѣка геджры, никто не имѣетъ права претендовать на званіе муджтахида. Хотя на основаніи такой теоріи и примѣненіе Кіяса уже должно было давно окончиться, но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, такъ какъ совершенный отказъ отъ этого средства явился бы серьезной угрозой отправленію правосудія. Рѣшили принимать рѣшенія, постановленныя муфтіями, которые, не будучи всегда пер-

[1]) Osborn Islam under the Arabs. pp. 249, 250.

богословскими учеными, все же являются теологически образованными людьми. Авторитетъ подобныхъ лицъ менѣе авторитета муджтахидовъ, но, за неимѣніемъ ихъ, замѣняетъ его. Фэтва, т. е. рѣшеніе, постановленное муфтіемъ по предложенному вопросу, является обязательнымъ для даннаго случая и для заинтересованныхъ лицъ, но не имѣетъ обязательной силы вообще и для всѣхъ; такъ какъ другой муфтій можетъ высказаться по тому же вопросу иначе. [1]).

Слѣдовательно, Коранъ, Сунна, Иджма и Кіясъ являются градаціями законодательства. Какъ Сунна имѣетъ много общаго съ Кораномъ по своему примѣненію въ качествѣ источника божественнаго права, такъ общее мы находимъ и между Иджма и Кіясомъ. И то и другое есть сужденіе, которое—въ раннее время—было прерогативой муджтахидовъ. Такъ какъ теперь ихъ нѣтъ, то ихъ прерогативы, въ отношеніи Кіяса, перенесены на муфтіевъ. Иджма имѣла общее значеніе, это было законоположеніемъ для всей мусульманской націи. Кіясъ имѣетъ значеніе частное, являясь обязательнымъ лишь для извѣстныхъ лицъ. Въ этомъ заключается главнѣйшая разница.

Примѣненіе Кіяса въ законодательной области не могло не вызвать бури,—для нѣкоторыхъ это казалось нечестивымъ нововведеніемъ. Однако требованія жизни были суровѣе требованій ригоризма, и Кіясъ мало по малу получилъ право гражданства.

Теоретически, казалось бы, примѣненіе Кіяса обѣщало широкую будущность мусульманскому законодательству, но практика не оправдала этихъ ожиданій въ томъ видѣ, въ какомъ Кіясъ примѣняется, онъ является скорѣе слабымъ мѣстомъ мусульманскаго законодательства. Такъ какъ Кіясъ не долженъ выходить изъ рамокъ Корана. Сунны и Иджма, то это придаетъ слишкомъ узкій характеръ всѣмъ его выводамъ, «такъ какъ они основываются на томъ, что осталось существовать, но не живетъ уже». [2]). Другая слабость Кіяса заключается въ томъ, что, разъ допускается нѣсколько рѣшеній одного и того же вопроса, и эти рѣшенія въ видѣ руководства или справки приведены въ кодексѣ, судья, по своему усмотрѣнію, можетъ воспользоваться или тѣмъ или другимъ. Правда, это предусмотрѣно, и судьѣ предоставленъ выборъ рѣшенія, но на немъ вмѣстѣ съ тѣмъ лежитъ и обязательство примѣнять это рѣшеніе ко всѣмъ. Все же зла избѣжать окончательно нельзя, такъ какъ стороны всегда могутъ найти судью, который сдѣлаетъ постановленіе въ желательномъ духѣ.

Но вѣдь подобная мѣра могла бы служить хоть какой-нибудь гарантіей лишь въ томъ случаѣ, если бы можно было положиться

---

[1]) O. Houdas. L'islamisme pp. 185, 186.

[2]) E. Sell. Faith of islam. p. 44.

на судъ. Но кому же не извѣстно, что мусульманскій судъ часто лишь одно посмѣшище: голоса закона совершенно не слышно, слышенъ лишь голосъ судьи. И это съ давнихъ поръ установленный порядокъ. Не даромъ же въ мусульманскихъ общинахъ судъ является синонимомъ произвола, несправедливости и вымогательства. Народныя сказки мусульманскихъ народовъ переполнены жалобами на судей или насмѣшками надъ ними. Едва ли въ этомъ много преувеличенія, и едва ли кто съ спокойной совѣстью можетъ сказать въ ихъ защиту серьезное слово. Какъ вездѣ и во всемъ, и среди судей имѣются счастливыя исключенія, но ихъ очень немного. Откройте Коранъ и читайте:

«Не расточайте богатствъ вашихъ на вещи пустыя, а особенно не подкупайте на нихъ судей съ тѣмъ, чтобы завладѣть вопреки всякой справедливости имуществомъ другого Все это вамъ извѣстно». (Сура 2-я, ст. 184)

Въ своемъ мѣстѣ я вернусь къ этому вопросу,—для насъ онъ слишкомъ важенъ и животрепещущъ и стоитъ въ непосредственной связи съ «судебной автономіей» русско-подданныхъ мусульманъ. Читатель, которому не приходилось познакомиться поближе съ этой автономіей, не можетъ себѣ и представить, какой жестокой насмѣшкой звучатъ эти слова

Теперь вернемся къ предмету.

Ортодоксальныя школы (мазхабы).

Помимо того, что Коранъ, являющійся главнымъ основаніемъ мусульманскаго закона, содержитъ въ себѣ отмѣненные и сомнительные стихи, языкъ его не настолько понятенъ, чтобы всякій могъ выводить изъ него правильныя заключенія. Цѣлый рядъ мусульманскихъ ученыхъ посвятили всю свою жизнь изученію Корана и ставили потомству цѣнныя указанія.

Въ особенности это знаніе было сильно подвинуто впередъ при правленіи абассидскихъ халифовъ, хотя и до нихъ были уже произведены труды въ этой области.

Четыре знаменитыхъ богослова заслуженно пользуются всеобщей извѣстностью среди ортодоксальныхъ мусульманъ. Они являются основателями четырехъ школъ или толковъ (мазхабъ), которымъ они и оставили свои имена. Ихъ ученія нѣсколько разнятся другъ отъ друга, но лишь въ такой степени, что ортодоксальныя доктрины отъ этого нисколько не страдаютъ. Каждая школа имѣетъ свои особенности, и основатели ихъ шли различными путями въ своихъ изслѣдованіяхъ. Беря отправной своей точкой Коранъ и Сунну, богословы ислама сдѣлали изъ нихъ такіе выводы, что «своимъ ученіемъ приписали Мухаммеду многое, въ чемъ онъ былъ совершенно не виноватъ. Они выработали полныя теологическія и этическія системы, приписывая ихъ или

всецѣло Мухамеду или представляя ихъ естественнымъ выводомъ изъ его ученія Такъ какъ почва для такихъ выводовъ часто бываетъ очень невѣрна, то и въ ученіи четырехъ школъ оказались нѣкоторыя несходства. Хотя всѣ мусульмане признаютъ, что Коранъ—слово единаго Бога, но различно толкуютъ его». [1]).

Система, въ главнѣйшихъ чертахъ, была одна у всѣхъ, но примѣненіе ея было различно. Графъ Л. Остророгъ въ общемъ введеніи къ переводу Аль-Мавэрди говоритъ: [2]).

«Мусульманскіе законовѣды, сравнивая право съ деревомъ, вѣтви котораго, съ тысячами развѣтвленій, черпаютъ жизнь изъ нѣсколькихъ могущественныхъ и глубокихъ корней, раздѣляютъ науку права на двѣ части, ясно различныя: знаніе корней или «усуль», которое научаетъ методу, при помощи котораго вырабатывается право, направляющимъ принципамъ этого права и, въ числѣ этихъ принциповъ, правамъ, которыя законъ обезпечиваетъ всякому мусульманину: и другая часть, знаніе вѣтвей или «фуру», которое составляетъ простое изложеніе практическаго права, выработаннаго согласно этому методу и основаннаго на этихъ принципахъ».

Хотя съ вопросами права для мусульманъ неразрывно связаны и вопросы религіи, но работа четырехъ главныхъ имамовъ, касавшаяся обоихъ этихъ вопросовъ, была посвящена не столько догматамъ вѣры, сколько ея практическимъ обязанностямъ: это было приготовленіе матеріала для кодификаціи божественныхъ и человѣческихъ правъ.

Характерныя черты ученія каждаго изъ четырехъ имамовъ рѣзко обозначены: у Абу Ханифы многое основано на собственномъ сужденіи, тогда какъ Ибнъ-Маликъ и Ибнъ-Ханбалъ отдавали предпочтеніе авторитету и прецеденту. Что же касается Аш-Шафи, то для него личное сужденіе первоначально почти не существовало. Всѣ они признаютъ авторитетъ подлиннаго преданія, но не всѣ оцѣниваютъ его одинаково.

«Ихъ точка зрѣнія на доктрины и религіозную практику составляетъ третью основу вѣры. Каждый мусульманинъ долженъ принадлежать къ одной изъ юридическихъ школъ, хотя это не обязываетъ его считать еретиками вѣрующихъ, принадлежащихъ къ иной, чѣмъ онъ, школѣ... Многія догматическія сочиненія упоминаютъ о томъ, что незаконно слѣдовать ученію кого бы то ни было кромѣ четырехъ имамовъ. Каждый, кто слѣдуетъ ученію какой бы то ни было школы, тѣмъ самымъ дѣлаетъ для себя обязательными всѣ ея постановленія. Такъ какъ всѣ четыре имама совершенно согласны между собою, въ своихъ конечныхъ выво-

[1]) Sir W. Muir. The Coran. p. 49

[1]) Comte L. Ostrorog. Le droit public musulman v. I. p. 6.

дахъ. относительно основныхъ вопросовъ вѣры, то высказанное ими единодушное мнѣніе является Иджма, т. е. обязательнымъ для всего суннитскаго міра. И на нихъ остановилась творческая часть мусульманскаго законодательства хотя, съ теченіемъ времени, нарождающіяся новыя условія соціальной и политической жизни выдвинули много требовавшихъ разрѣшенія вопросовъ,— всѣ рѣшенія должны были быть согласны по духу съ рѣшеніями четырехъ великихъ имамовъ, этихъ послѣднихъ муджтахидовъ, за послѣднимъ изъ которыхъ «затворилась дверь толкованія». Такимъ образомъ въ мусульманскихъ государствахъ законодательныя реформы совершенно невозможны. Инициативы не существуетъ. Султанъ или халифъ можетъ разсчитывать на вѣрность своихъ подданныхъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ остается точнымъ исполнителемъ предписаній закона». [1]).

Сэль даетъ мусульманскому законовѣдѣнію очень характерное названіе, полное глубокаго смысла,—гражданское богословіе. [2]).

Можетъ явиться вопросъ, справедливо ли, что группа четырехъ человѣкъ являетъ собою божественный почти авторитетъ, въ своихъ рѣшеніяхъ представляя третью основу ислама—Иджма?

Авторъ Тарджума-и-шарх-и-викайя говоритъ въ предисловіи къ своему труду: «Муджтахиды не являются источникомъ приказаній закона.—они лишь посредники, черезъ которыхъ мы получаемъ законъ. Такъ, имамъ Абу Ханифа сказалъ: «мы выбираемъ сначала изъ Корана, потомъ изъ преданія, затѣмъ изъ рѣшеній Спутниковъ. Мы примѣняемъ то, что было принято Спутниками: гдѣ они сомнѣвались, и мы сомнѣваемся». Комментаторъ Джаналъ-Эддинъ Махли говоритъ: «простой народъ и тѣ, кто не достигли званія муджтахида, должны слѣдовать ученію одного изъ четырехъ имамовъ». На это можно замѣтить, что Богъ не давалъ приказанія относительно назначенія четырехъ имамовъ. Но въ Преданіи вспоминаются слова Пророка: «слѣдуйте по пути большого общества; кто отклонится отъ него попадетъ въ адъ». Послѣдователи имамовъ и составляютъ большое общество». [3]).

Изъ этого можно видѣть, и это общее мнѣніе, что четыре имама вполнѣ заслуженно занимаютъ отведенное имъ высокое мѣсто. Всѣ они считаются «абсолютными муджтахидами». Какъ мы говорили уже, во всѣхъ главнѣйшихъ доктринахъ ислама они сходятся, и различіе въ ихъ ученіи касается только второстепенныхъ вопросовъ, религіозныхъ обрядовъ, церемоній и юридическихъ законовъ. Напримѣръ, довольно значительная разница существуетъ въ ученіи о разводѣ, т. е. когда мужъ можетъ сдѣлать

---

[1]) E. Sell. Faith of islam. pp. 53, 45, 36.

[2]) Sale. P. D. p. 118.

[3]) E. Sell. Faith of islam p. 45.

это самъ, и когда онъ долженъ прибѣгать къ рѣшенію судьи. 1). Но объ этомъ специальномъ вопросѣ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Чтобы разобрать всѣ особенности ученія каждой школы, пришлось бы цѣликомъ разсматривать всѣ ихъ, но пока мы должны ограничиться лишь краткой характеристикой ученія каждаго изъ четырехъ имамовъ.

Школа Абу Ханифы.

Абу-Ханифа-ан-Нуманъ-ибнъ-Сабитъ родился въ 80-мъ году геджры во время правленія Абд-ул-Малика-ибнъ-Марвана. Онъ былъ персомъ по національности.

Онъ воспитывался въ шіитской школѣ законовѣдѣнія и первое юридическое образованіе получилъ отъ имама Джафара-ас-Садыка, а Сунну онъ слушалъ отъ Абу-Абдулла-ибнъ-аль-Мубарака и отъ Халида-ибнъ-Сулеймана. На своего учителя, шіитскаго имама, Абу Ханифа часто ссылается какъ на неоспоримый авторитетъ. По возвращеніи въ свой родной городъ Куфу, онъ все продолжалъ оставаться ревностнымъ приверженцемъ дома Али, но уже отдѣлился отъ шіитской юридической школы и создалъ свою собственную систему, во многихъ важныхъ вопросахъ совершенно отличную отъ доктрины шіитовъ. Тѣмъ не менѣе онъ не малымъ воспользовался изъ матеріаловъ, собранныхъ его учителями.

Ученіе Абу-Ханифы было принято абассидскими халифами и другими властителями Востока, и по настоящее время оно примѣняется въ Турціи и Египтѣ, его придерживаются большинство индійскихъ мусульманъ, афганцевъ и мусульманъ Средней Азіи. Эта школа насчитываетъ самое большое число послѣдователей.

Абу Ханифа былъ теоретикъ-идеалистъ. Не занимая, повидимому, никогда судебныхъ должностей и не сталкиваясь практически съ жизненнымъ примѣненіемъ закона, онъ совершенно не былъ знакомъ съ людьми. Свою родную Куфу онъ покидалъ лишь для Медины и Багдада. Это не могло не отозваться на его трудѣ, который былъ чисто академическимъ. Это была казуистика, но въ лучшемъ смыслѣ этого слова, попытка построить на научныхъ принципахъ систему правилъ, которыя служили бы отвѣтомъ на любой юридическій вопросъ. Главнѣйшими орудіями его при созданіи системы были сужденіе, Коранъ и Сунна.

Въ своихъ трудахъ Абу Ханифа, повидимому, поставилъ девизомъ, что буква убиваетъ, а смыслъ живитъ. Онъ больше всего заставлялъ работать свой разумъ, не поддаваясь впечатлѣнію внѣшняго значенія словъ, а заглядывая далеко въ глубину того смыс-

---

[1]) Klein. Religion of islam. p 35. Ameer Ali. Spirit of islam. p 204.

ла, который представляло или могло представлять их сочетание. Вследствие этого его учение является более гибким, и это дает возможность получить более либеральные законодательные положения.

Он малообращал внимания на Предание предпочитая брать непосредственно тексты Корана и развивать из них детали. Часто он делал такое применение старого закона, о котором первый законодатель вероятно и не мечтал даже, но которое — по своей логичности, по своей жизненности — могло считаться прямым назначением этого закона. Это была своего рода юридическая фикция: теоретически как будто соблюдался старый закон, но на деле он был заменен совершенно другим. Поэтому то до известной степени с равным правом как Абу Ханифа мог утверждать, что он следует божественному закону, так и его противники говорят, что он следует просто на просто своему собственному мнению.

Другой принцип, выработанный им, отличался еще большей свободой. Вызвано это было следующим обстоятельством. По мере расширения границ государства, которое так быстро росло в первые века геджры, подъ однимъ управлением оказались люди, жившие совершенно различной жизнью, и очевидно, что законъ кочевниковъ не могъ въ равной мѣрѣ примѣняться къ жителямъ городовъ, и наоборотъ. Поэтому, въ качествѣ общаго принципа и въ самыхъ общихъ чертахъ, было принято «примѣнение къ мѣстнымъ обстоятельствамъ». Но Абу Ханифа передѣлалъ эту формулу въ другую, которую развѣ съ большой натяжкой можно считать почти равнозначущей съ первой, а именно, «считаю за лучшее». Такимъ образомъ онъ говорилъ: «хотя по аналогии въ данномъ случаѣ слѣдовало бы примѣнить такое то или такое то правило, но, въ виду обстоятельствъ, я считаю лучшимъ примѣнить такое то».

За это противники Абу Ханифы жестоко обрушились на него. Однако его система пережила всѣ нападки и пользуется наибольшимъ распространеніемъ. Помимо причинъ особеннаго свойства, которыя будутъ видны дальше, обязана она была этимъ своимъ достоинствамъ: теоретическое ея происхожденіе сдѣлало ее совершенной съ философской стороны,—строгая безъ педантизма, она была опредѣленна, не будучи лишена гибкости. Такъ какъ Абу Ханифа былъ совершенно чуждъ практической жизни, и законъ его носилъ идеальный характеръ. Въ этомъ была и слабая и сильная сторона, и эта сильная сторона, была вторымъ достоинствомъ системы: цѣлое поколѣніе талантливыхъ практиковъ богато разработало всѣ детали.

Основной законъ конечно не въ состояніи предвидѣть всѣхъ деталей, и это положеніе вполнѣ нормально. Исключенія изъ закона, созданныя одновременно съ закономъ, не являются ли та-

кимъ же одноцѣннымъ закономъ какъ основной, и вмѣстѣ съ тѣмъ, являясь зачастую прямо ему противорѣчивыми, не обвиняютъ ли они его въ несовершенствѣ? Исключенія должна указывать жизнь, а не законодатель, который можетъ лишь терпѣть ихъ, такъ какъ всякое исключеніе есть ослабленіе закона. Этихъ то вотъ исключеній и не было въ системѣ Абу Ханифы, что и дало возможность развить всѣ детали по мѣрѣ того, какъ этого требовала сама жизнь.

Абу Ханифа славился, какъ великій мастеръ въ дѣлѣ примѣненія Кіяса. По этому поводу Ибнъ-Халиканъ передаетъ забавную исторію, разсказанную Ани-ибнъ-Асуномъ.

«Я пошелъ повидать Абу Ханифу, и у него засталъ цирульника, который приготовился стричь ему волосы.

— «Стриги только тѣ части, которыя бѣлы, сказалъ Абу Ханифа.

«Ты настаиваешь на этомъ?» спросилъ цирульникъ.

— «Почему же нѣтъ?

«Потому что отъ этого увеличится ихъ бѣлизна.

— «Хорошо, сказалъ Абу Ханифа.—въ такомъ случаѣ стриги только тѣ части, которыя черны, и это, можетъ быть, увеличитъ ихъ черный цвѣтъ».

Ани-Ибнъ-Асунъ продолжаетъ исторію такъ:

«Я разсказалъ объ этомъ Шауку. Онъ засмѣялся и сказалъ:» если когда-нибудь Абу Ханифа оставлялъ свою систему Кіяса, такъ онъ сдѣлалъ это въ разговорѣ съ цирульникомъ; потому что онъ употребилъ слово «можетъ быть», но не вывелъ рѣшительнаго заключенія».

Два ученика Убу Ханифы были имамы Абу Юсуфъ и Мухаммедъ-аш-Шайбамъ. Абу Юсуфъ при Халифѣ Гаруъ-ар-Рашидѣ сдѣлался главнымъ казіемъ Багдада, и арабскія сказки «тысяча и одна ночь» дѣлаютъ неоднократныя упоминанія о немъ Онъ и имамъ Мухаммедъ сдѣлали практическіе выводы изъ доктрины Абу Ханифы, оба оставили очень много сочиненій. Были среди учениковъ Абу Ханифы и такіе, которые пользовались его кузуистическими пріемами, но только повернули въ дурную сторону, чѣмъ компрометировали школу.

Нѣкоторые авторы упоминаютъ о капитальномъ трудѣ Абу-Ханифы «аль-фикхъ-акъ-кабиръ», т. е. подробное законовѣдѣніе (каноническое) но гораздо болѣе вѣроятно, что онъ не оставилъ никакого опредѣленнаго кодекса, и всѣ подобныя писанія принадлежатъ уже перу его учениковъ.

Абу Юсуфъ сумѣлъ создать себѣ очень прочное положеніе при дворѣ халифа, такъ какъ помимо того, что онъ былъ весьма ученымъ юристомъ, ему нельзя было отказать и въ придворной ловкости—въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Возможно, что безъ его сильнаго вліянія школа ханефитовъ и не заняла бы такъ быстро своего господствующаго положенія, которое она сумѣла удержать до нашихъ дней. Абу Юсуфъ написалъ для Га-

рунъ-ар-Рашида книгу о государственныхъ доходахъ, гдѣ онъ выказалъ себя истиннымъ геніемъ въ области примиренія непримиримаго: оставаясь добродѣтельнымъ, надо было въ то же время оправдывать пороки. И онъ выполнилъ это. Трудно судить, насколько Гарунъ-ар-Рашидъ вѣрилъ искренности написаннаго, но было важно то, что оно служило для него формальнымъ оправданіемъ.

Шахрастани зоветъ ханефитовъ «людьми разсужденія» въ отличіе отъ другихъ школъ, почти совершенно отвергающихъ частное сужденіе.

Пунктъ, на который слѣдуетъ обратить вниманіе въ ученіи четырехъ школъ и въ особенности пожалуй въ школѣ ханефитовъ, это —ученіе о безгрѣшности пророковъ. Происхожденіе этой доктрины не совсѣмъ ясно мало сказать, что это догматъ, надо знать его происхожденіе. Прямо объ этомъ Коранъ не говоритъ, но говоритъ противное: не согрѣшилъ ли Адамъ, и не былъ ли онъ за этотъ грѣхъ изгнанъ изъ рая? Не наказывалъ ли Господь Давида и Соломона? Не молился ли Мухаммедъ ежедневно о прощеніи своихъ грѣховъ? Это одно изъ яркихъ противорѣчій Корана: съ одной стороны, изъ него якобы слѣдуетъ, что пророки безгрѣшны, съ другой же онъ многократно упоминаетъ о грѣхахъ пророковъ.

Умеръ Абу Ханифа въ 150 году геджры. Жизнь свою онъ окончилъ въ Багдадской тюрьмѣ, куда онъ былъ заключенъ за свой отказъ сдѣлаться судьей Ни угрозы, ни дурное обращеніе принудителей не могли заставить его принять должность, такъ какъ, по его словамъ, онъ предпочиталъ быть наказаннымъ скорѣе ими, чѣмъ Богомъ. Газали говоритъ, что, когда Абу Ханифа всячески отговаривался отъ принятія должности и говорилъ, что онъ не способенъ для этого, то на вопросъ о причинѣ, онъ отвѣтилъ: «если я стану говорить правду, то я не гожусь; чтобы годиться, я долженъ лгать,—но вѣдь лгунъ не годится для занятія должности судьи». Говорятъ, что за время своего пребыванія въ тюрьмѣ онъ болѣе 7000 разъ прочелъ Коранъ. [1]).

Школа Ибнъ-Малика.

Основатель второй ортодоксальной школы былъ Абу-Абдулла-ибнъ-Маликъ-ибнъ-Анасъ, который умеръ въ 179 году, во вре-

[1]) D Macdonald The muslim theology pp. 95—107. Sale. P. D. p. 120. Riad Ghali. De la Tradition comme source du droit musulman p. 30 Klein. Religion of islam. p. 34 E. Sell. Faith of islam. p. 32. O Houdas L'islamisme. p 179. Seyd Ameer Ali The spirit of islam. pp. 322, 323.

мя халифата Гарунъ-ар-Рашида, за три года передъ смертью Абу Юсуфа и 29 лѣтъ спустя послѣ смерти Абу Ханифы.

Ибнъ-Маликъ хадисамъ придавалъ гораздо большее значеніе, чѣмъ основатель первой школы Кромѣ того, его высокое благочестіе заставляло его признавать, что собственное слово Бога (т. е. Коранъ) было самымъ точнымъ выраженіемъ божественной воли И онъ отказывался толковать Коранъ иначе, какъ при помощи самаго же коранического текста

Юридическая система Малика была основана главнымъ образомъ на обычномъ правѣ Медины, а это право, въ свою очередь, было основано на Коранѣ, Суннѣ и рѣшеніяхъ четырехъ первыхъ халифовъ.

Онъ хотѣлъ систематизировать всѣ циркулировавшія въ Меднинѣ предания и изъ нихъ, совокупно съ мѣстнымъ обычнымъ правомъ, создать законодательство, которое обнимало бы всѣ жизненные запросы. Значительную часть составленнаго имъ сборника составляютъ судебныя рѣшенія и мнѣнія Спутниковъ, въ силу чего законодательная система была охарактеризована, какъ исторіко-традиціонная.

Ибнъ-Маликъ всегда высказывалъ свое восхищеніе передъ преданіями. По его собственнымъ словамъ, онъ съ такимъ почтеніемъ относился къ словамъ Пророка Божія, что никогда не произносилъ ихъ, если не чувствовалъ себя въ состояніи совершенной чистоты. Ибнъ-Халиканъ говоритъ, что, когда онъ находился на смертномъ одрѣ, одинъ изъ его друзей пришелъ посѣтить его и на свой вопросъ, о чемъ онъ плачетъ, получилъ слѣдующій отвѣтъ: «какъ же мнѣ не плакать, и кто больше имѣетъ права на то, чтобы плакать? Клянусь Богомъ! я хочу, чтобы меня тѣлесно наказали за каждый юридическій вопросъ, по поводу котораго я произносилъ мнѣніе, основанное на моемъ частномъ сужденіи». Его по заслугамъ прозвали «защитникомъ преданій».

Въ противоположность Абу Ханифѣ, Маликъ былъ юристомъ практикомъ, занимавшимъ судебныя должности. Безъ принятія сужденія по аналогіи онъ не могъ бы построить своей системы, но для него оно не играло главной роли,—это было лишь крайнее средство въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

Подобно Абу Ханифѣ, онъ допускалъ принципъ общественной пользы, заставлявшій дѣлать исключеніе изъ опредѣленнаго закона, примѣняя его въ извѣстныхъ случаяхъ иначе, чѣмъ въ другихъ. Главная сила его ученія была въ Иджма. Такъ какъ послѣ смерти Мухаммеда всѣ жившіе въ Меднинѣ Спутники образовали родъ совѣщательнаго совѣта при халифѣ, то ихъ рѣшенія были окончательны, это былъ какъ бы голосъ Церкви. Система непогрѣшимости мусульманской общины въ ея цѣломъ была разработана въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Разсужденія не должно

было быть.—всѣ споры онъ прекращалъ словами: «вѣруй, не спрашивая, какъ». Онъ любилъ повторять извѣстную фразу: «Сидѣніе Бога на тронѣ извѣстно; какъ это дѣлается, неизвѣстно,—этому должно вѣрить, такъ какъ вопросы объ этомъ являются ересью».[1]).

Школа Ашъ-Шафи.

Основателемъ третьей ортодоксальной школы былъ Аш-Шафи. Онъ родился въ Сиріи, въ Газенѣ, въ тотъ же годъ, когда умеръ Абу-Ханифа, и умеръ въ Египтѣ въ 204 году, во время халифата Аль-Мамуна. Онъ былъ современникомъ фатимидскаго имама Али-ибнъ-Муса-ар-Реза. Настоящее имя Шафи было очень длинно и читалось такъ: Абу-Абдулла-бинъ-Идрисъ-бинъ-ал-Аббасъ-бинъ-Усманъ-бинъ-Шафа-бинъ - Санбъ - бинъ - Обэйдъ - бинъ-Абдъ-Іезидъ-бинъ-Хашемъ-бинъ- Аль - Муталебъ - бинъ - Абдъ - Манафъ-бинъ-Косай.

Онъ былъ прозванъ Шафи или Шафэи по одному изъ своихъ предковъ, который звался Шафа; Корши, такъ какъ онъ происходилъ изъ рода Корайшъ; Муталэби—по причинѣ своего дѣда Муталиба, дяди Пророка; Хэджази, потому что онъ былъ родомъ изъ Хэджаза; Мекки, потому что съ двухлѣтняго возраста онъ былъ отправленъ въ Мекку на воспитаніе.

Въ семь лѣтъ Шафи зналъ уже весь Коранъ, а въ 10 трудъ имама Малика. Онъ изучалъ право подъ руководствомъ Муслима-бинъ-Халидъ-азъ-Занджи, который уже въ пятнадцать лѣтъ далъ ему разрѣшеніе давать юридическіе совѣты. Послѣ этого онъ нѣкоторое время учился въ Мединѣ у имама Малика, затѣмъ отправился на жительство въ Багдадъ.

Система Аш-Шафи занимаетъ какъ бы среднее мѣсто между системами Абу-Ханифы и Малика. Онъ придавалъ громадное значеніе хадисамъ, и онъ является истиннымъ создателемъ знанія, называемаго «усуль», и которое имѣетъ предметомъ установить правила, при помощи которыхъ изъ Корана и Сунны выводятъ общія теоріи мусульманскаго права. Онъ систематизировалъ работу своихъ предшественниковъ въ этомъ направленіи.

По свидѣтельству Ибнъ-Халикана, никто не могъ сравниться съ Аш-Шафи въ знаніи Корана, Сунны и рѣшеній Спутниковъ. Тѣмъ не менѣе, хотя онъ и придавалъ преданіямъ громадное значеніе, онъ не видѣлъ, подобно Малику, единственнаго спасенія въ нихъ; признавая частное сужденіе, онъ не удѣлялъ ему такого большого мѣста, какъ Абу Ханифа, что и заставляетъ помѣстить его между этими двумя.

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. 323. D. Macdonald. The muslim theology. pp. 99, 100. O. Houdas. L'islamisme p 179. E. Sell. Faith of islam. p. 33.

Признавая, какъ и другіе, первоисточниками Коранъ и Сунну, онъ пользовался ими нѣсколько иначе, почерпаемые изъ Корана и Сунны принципы права подраздѣлялись въ зависимости отъ того, содержались ли они опредѣленно въ Коранѣ или Суннѣ или только ясно въ нихъ подразумѣвались Базой его ученія была грамматика, точнѣе—фонетика, морфологія, синтаксисъ, а потомъ къ этому присоединилась еще филологія. По мнѣнію Шафи, самыя буквы алфавита имѣли вліяніе на смыслъ текста! Всѣ эти тонкости ему были нужны для того, чтобы прійти къ извѣстнымъ выводамъ,—разъ это сдѣлано, о нихъ можно забыть.

Хотя, какъ ужъ сказано, онъ не придавалъ такого исключительнаго значенія преданію, какъ Маликъ, но почтенія къ нему питалъ пожалуй еще больше. Онъ неоднократно повторялъ своимъ ученикамъ. «Если вамъ случится встрѣтить преданіе отъ Пророка, говорящее одну вещь, а мое рѣшеніе будетъ говорить о противоположномъ, то слѣдуйте преданію и не слушайте моня». Это важно въ томъ отношеніи, что онъ, въ качествѣ великаго имама и абсолютнаго муджтахида, могъ признать преданіе неподлиннымъ, т. е. дать перевѣсъ своему мнѣнію, которому и должны бы были слѣдовать его ученики.

Признанное подлиннымъ преданіе онъ считалъ равнымъ Корану божественнымъ авторитетомъ. И Коранъ и Сунна были откровеніемъ, лишь слегка отличнымъ по формѣ: въ Коранѣ въ откровеніи были даны самыя слова, а въ Суннѣ только общая мысль. И если откровеніе Сунны слѣдовало за откровеніемъ Корана и противорѣчило какому-нибудь мѣсту въ немъ, то письменный законъ Корона отвергался устнымъ закономъ Преданія.

Начавъ съ Корана и Сунны, онъ вскорѣ къ этимъ источникамъ права прибавилъ третій—единодушное рѣшеніе націи; вскорѣ и этого оказалось мало, и онъ сталъ прибѣгать къ сужденію по аналогіи съ Кораномъ и Сунной Разсужденіе его было таково: «законы Корана и Сунны ограниченны,—возможные же случаи неограниченны: а то, что неограниченно, не можетъ заключаться въ томъ, что ограниченно». Такое разсужденіе было встрѣчено съ негодованіемъ извѣстной партіей мусульманъ.

Если въ окончательномъ видѣ система Шафи выработалась въ такую форму, что ее можно помѣстить между системами Абу-Ханифы и Малика, то это получилось не сразу,—она прошла черезъ разныя стадіи: сначала было увлеченіе Кораномъ и Сунной, не уступавшее пристрастію къ этимъ источникамъ со стороны Малика; потомъ было слишкомъ усердное примѣненіе системы сужденія по аналогіи, едва ли не болѣе свободное, чѣмъ примѣняемое Абу Ханифой. Въ самомъ дѣлѣ, проводя параллель между какимъ-нибудь даннымъ случаемъ и извѣстнымъ закономъ Корана, онъ не старался даже найти, хоть какое-нибудь внѣшнее-

сходство, ограничиваясь аналогіей по содержанію, по духу. Не было ли это нечестивымъ желаніемъ проникнуть въ таины Бога? Нечего человѣку прибѣгать къ разуму, говорили его оппоненты, когда онъ просто долженъ повиноваться.

Но разумъ въ концѣ концовъ восторжествовалъ, и всѣ четыре источника божественнаго права, т. е. Коранъ, Сунна, Иджма и Кіясъ стали пользоваться правомъ гражданства. Потомъ это сдѣлалось уже обязательнымъ, и теперь, напримѣръ, лицо, не пользующееся всѣми четырьмя источниками, не можетъ быть назначено судьей.

Самъ Шафи даетъ такое опредѣленіе юриста: «не тотъ юристъ, кто группируетъ извѣстныя положенія и даетъ предпочтеніе одному изъ нихъ; но тотъ, кто устанавливаетъ новый принципъ, изъ котораго можетъ выйти сотня деталей».

Чистыя традиціонисты были противъ этого,—они ничего не хотѣли признавать кромѣ закона Бога и Его Пророка. У нихъ не было недостатковъ въ приверженцахъ, такъ какъ народной массѣ простыя преданія были яснѣе и понятнѣе, чѣмъ тонкія юридическія разсужденія. Вскорѣ во главѣ этихъ традиціонистовъ сталъ Даудъ-аз-Захири, родившійся за три или четыре года до смерти Шафи. Онъ основалъ свою школу, изъ ученія которой сужденіе по аналогіи было совершенно отброшено; Иджма, въ качествѣ источника права, допускалась лишь съ извѣстнымъ ограниченіемъ. Словомъ, дѣло свелось къ тому, что онъ почти ограничивался Кораномъ и Сунной. Особенностью его ученія было еще то, что онъ отрицалъ для учениковъ обязательство слѣдовать непремѣнно своему учителю,—они могутъ изслѣдовать доказательства и сдѣлать свое собственное заключеніе: но истинные источники божественнаго права—Коранъ и Сунна—должны быть принимаемы въ буквальномъ смыслѣ,—это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отрицанія сужденія по аналогіи. Однако онъ не могъ не увидать въ концѣ концовъ, что эта система была шагомъ назадъ, такъ какъ «ограниченное не можетъ вмѣщать неограниченнаго». Понемногу и онъ пришелъ къ сознанію необходимости пользоваться аналогіей, которую онъ называлъ не источникомъ («асль»), а доказательствомъ («делиль»). Это было лишь перемѣной формы,—новое названіе не измѣнило сущности дѣла. Захириты не были признанной мусульманской школой и не назначались судьями.

По смерти Шафи, подъ управленіемъ его учениковъ, его школа не измѣнила своего направленія, развѣ лишь легкое измѣненіе послѣдовало въ формулировкѣ дѣленія источниковъ права,—вопросъ, который существеннаго значенія не имѣлъ. Такъ всѣ источники откровенія, т. е. основанія божественнаго права, были подѣлены на двѣ основныхъ группы: одна заключала въ себѣ то, что исходитъ отъ Пророка, и другая-то, что исходитъ

отъ другихъ лицъ. Въ первомъ случаѣ, это—тексты Корана или Сунна, во второмъ случаѣ, если лица, отъ которыхъ откровенное рѣшеніе исходитъ, пользуются юридическою непогрѣшимостью, это будетъ Иджма, а, въ противномъ случаѣ, Киясъ.

Въ ученіи о пророкахъ шафеиты нѣсколько разнятся отъ ханефитовъ: они допускаютъ, что пророки могутъ совершать невольно важные грѣхи и сознательно мелкіе, лишь бы это происходило не отъ лживости или низости натуры.

Можетъ быть, Шафи пошелъ бы въ своихъ выводахъ значительно далѣе, чѣмъ онъ это сдѣлалъ, если бы поле дѣйствія было свободно, но въ его время большимъ распространеніемъ пользовалось ученіе мутазелитовъ-рационалистовъ ислама. Было увлеченіе философіей, чуждыя идеи были принесены на арабскую почву, но она оказалась подходящей для нихъ, и въ извѣстный періодъ онѣ пышно развились. Еще какой нибудь шагъ впередъ, и Шафи могъ рисковать смѣшаться съ тѣми, кто въ его глазахъ былъ еретиками, отрицающими вѣчное существованіе Корана. Онъ совершенно отрицалъ схоластическую науку и говорилъ, что, если человѣкъ тратитъ свое время на это, его слѣдуетъ утвердить на колѣ, въ такомъ видѣ провезти по землямъ всѣхъ арабскихъ племенъ и возвѣщать передъ нимъ: «вотъ награда тому, кто, оставивъ Коранъ и Сунну, отдался изученію схоластическаго богословія».

Газали говоритъ про имама Шафи, что онъ обыкновенно дѣлилъ ночь на три части: одна была для занятій, другая для молитвы и третья для сна. Говорятъ про него также, что онъ ни разу не произнесъ клятвы именемъ Бога—ни для того, чтобы подтвердить истину, ни для того, чтобы опровергнуть ложь; что когда однажды спросили его мнѣніе, онъ нѣкоторое время хранилъ молчаніе. Когда его спросили о причинѣ молчанія, онъ отвѣтилъ: «я обсуждаю предварительно, будетъ ли лучше говорить или хранить молчаніе (сдерживать языкъ)». Ему также приписываютъ слѣдующія слова «кто говоритъ, что онъ любитъ одновременно и міръ и его Творца, тотъ лжецъ».

Въ настоящее время школа шафеитовъ имѣетъ своихъ послѣдователей главнымъ образомъ въ Сѣверной Африкѣ, отчасти въ Египтѣ, въ Южной Аравіи, на Малайскихъ островахъ и на Цейлонѣ. Имѣется нѣкоторое число ихъ и въ Индіи.

Двумя главнѣйшими учениками имама Шафи были имамы Ахмедъ и Аз-Захири.

Живущая теперь въ мирѣ съ другими школами, одно время шафеитская школа сильно враждовала съ ханефитами, и въ особенности Исфаганъ былъ ареной проявленія религіознаго фанатизма обѣихъ школъ. Городъ находился въ непрерывной войнѣ: ссоры переходили изъ квартала въ кварталъ, и побѣдоносная партія сжигала и разграбляла все, что принадлежало побѣжденному,

нисколько не заботясь объ общности происхожденія, а иногда даже и объ узахъ родства. 1).

Школа Ибнъ-Ханбала.

Четвертая школа была основана Ибнъ Ханбаломъ. Хотя было бы правильнѣе сказать, что она носитъ его имя, но основана была не имъ, а его учениками уже послѣ его смерти.

Настоящее имя его было Абу-Абдулла-Ахмедъ-бинъ Мухаммедъ-ибнъ-Ханбалъ. Онъ родился въ Багдадѣ въ 164 году и тамъ же умеръ въ 241 году. Его ученіе было довольно узко,—оно проповѣдывало грубый антропоморфизмъ. Онъ явился однимъ изъ главнѣйшихъ орудій ортодоксальной реакціи противъ свободомыслящаго мусульманства. Обладая замѣчательной памятью, онъ, говорятъ, зналъ наизусть по крайней мѣрѣ милліонъ хадисовъ.

Все ученіе Ибнъ-Ханбала основано на Преданіи, въ которомъ онъ находитъ единственное толкованіе для объясненія текстовъ Корана, признавая разсужденіе недостаточнымъ для этого. Съ этой, и только съ этой стороны, школа Ханбала приближается до извѣстной степени къ школѣ Малика, такъ какъ для Малика Богъ не былъ простымъ человѣческимъ существомъ, возсѣдающимъ на небесахъ.

Теологическіе споры, которые были особенно живы во время Ханбала, грозили раздѣлить исламизмъ, и было необходимо остановить эту разнузданность, возвратившись насколько возможно болѣе къ первоначальной вѣрѣ. Такъ какъ вскорѣ это реакціонное движеніе прошло, и порожденная имъ система получила цѣнность почти только историческую, такъ какъ въ настоящее время эта школа съ трудомъ насчитываетъ нѣсколько милліоновъ послѣдователей.

Даже во время возникновенія школы своими относительными успѣхами она была обязана не столько своему ученію, сколько личности учителя. Во время правленія халифовъ Абдуллы III, Аль-Мамуна и Мухаммеда-аль-Мутасима происходили страшные споры: рѣшался вопросъ о томъ, вѣченъ Коранъ или сотворенъ. Ханбалъ, который не раздѣлялъ мнѣнія халифа относительно со-

---

1) Ameer Ali. Spirit of islam. p 323. Luciani. Traité des successions musulmans pp. XIV, XV. O Houdas L'islamisme p. 179 E Sell Faith of islam. p 34. C Benattar. L'esprit libéral du Coran. p. 36. Riad Ghali. Tradition comme source du droit musulman. pp. 23, 30. Sale. P. D. pp. 118, 121. Klein. The Religion of islam. p. 34. D Macdonald. The muslim theology pp 104—109. Barbier de Meynapd. Dictionnaire de la Perse p. 46.

творенія Корана, подвергся преслѣдованіямъ, былъ посаженъ въ тюрьму и битъ. Халифъ Мутаваккиль, который отличался большей терпимостью, освободилъ его и принималъ у себя при дворѣ. Изъ числа многочисленныхъ учениковъ Ханбала особенно выдались Измаилъ-аль-Бухари и Муслимъ-ибнъ-Даудъ.

По преданіямъ Ибнъ-Ханбалъ былъ сдѣланъ имамомъ за то, что онъ съ такой тщательной заботливостью относился къ Суннѣ. Какъ то однажды, сидя въ обществѣ, онъ лишь одинъ выполнилъ обряды, рекомендованные практикой Пророка. Тотчасъ же приблизился къ нему архангелъ Гавріилъ и сообщилъ ему, что теперь—и именно въ силу этого акта—онъ сдѣланъ имамомъ. Короче сказать, это назначеніе показываетъ, что лучшимъ изъ всѣхъ дѣлъ считается слѣдовать практикѣ Пророка.

Сущность религіи, въ опредѣленіи ученаго богослова, сводилась къ тремъ вещамъ:

1) слѣдовать Пророку въ нравственности и поступкахъ,

2) ѣсть лишь дозволенную пищу и

3) быть искреннимъ въ своихъ поступкахъ.

Говорятъ, что, когда хоронили Ибнъ-Ханбала, сопровождавшій его тѣло кортежъ состоялъ изъ 800000 мужчинъ и 60000 женщинъ. Въ тотъ же день, говорятъ преданія, 20000 человѣкъ перешло въ мусульманство. [1]).

Приблизительное распредѣленіе мусульманъ-суннитовъ по школамъ таково:

	По Сэллю [2])	По Цвемеру [3]).
ханефиты	130 милліоновъ	140 милліоновъ
шафеиты	58 »	58 »
малекиты	16 »	16 »
ханбалиты	6 »	7 »

Если четыре основанія вѣры, которыя мы до сихъ поръ разсмотрѣли, а именно: Коранъ, Сунна, Иджма и Кіясъ—обезпечиваютъ существованіе системы, то вмѣстѣ съ тѣмъ они пожалуй служатъ и препятствіемъ для духовнаго роста.

Выведемъ логическое заключеніе изъ ученія ортодоксальныхъ школъ. Съ одной стороны, Коранъ является вѣчнымъ словомъ Бога, совершеннѣйшимъ закономъ для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ, который восполнилъ и исправилъ всѣ бывшія до него божественныя откровенія; съ другой, когда требованія

[1]) Klein. Religion. of islam. p 35 O. Houdas Islmisme p. 180. Ameer Ali Spirit of islam pp. 323, 324. E. Sell. Faith of islam. pp. 34, 35, 25 Galland. Mo'tazelites. p. 73.

[2]) E. Sell. Faith of islam. p. 35.

[3]) Zwemer. Muhammedan world of to-day. p. 293.

жизни заставили систематизировать этотъ совершеннѣйшій законъ примѣнительно къ жизненнымъ потребностямъ, было признано, что Коранъ, усиленный дополняющей его Сунной, не всегда являлся достаточнымъ, чтобы отвѣтить на жизненные запросы. Теоретически заключая въ себѣ все, практически онъ заставлялъ ощущать недостатокъ многаго. «ограниченное не могло вмѣщать въ себѣ неограниченнаго». Роковая формула была произнесена. Широкое примѣненіе новаго принципа заключало въ себѣ немало угрожающаго для ислама, и сразу же былъ придуманъ коррективъ, не выходить въ своихъ сужденіяхъ изъ рамокъ того, что только что было признано ограниченнымъ. Получился заколдованный кругъ, выхода изъ котораго нѣтъ. Весь укладъ жизни пригнанъ къ ограниченному количеству каноническихъ постановленій.

Вслѣдствіе этого лишь теократическій режимъ возможенъ въ мусульманскихъ государствахъ: правительственная власть не желаетъ перемѣны, и тамъ нѣтъ мѣста для оригинальной мысли, для свободнаго мышленія. Это до самыхъ послѣднихъ временъ мы видѣли во всѣхъ мусульманскихъ государствахъ: государство составляетъ единое съ религіей (съ Церковью, хотѣлось бы сказать, но это выраженіе было бы не совсѣмъ правильно), съ преимущественнымъ положеніемъ этой послѣдней, и правительственныя установленія были тамъ столь же неизмѣнны, какъ догматы религіи.

Теперь въ Турціи и въ Персіи конституція. Слѣдовательно, скажутъ,—форма правленія очевидно измѣнилась, и, можетъ быть, возможенъ прогрессъ. На первый взглядъ казалось бы, что это такъ, но только на первый взглядъ.

Во-первыхъ, какъ турки, такъ и персы стараются доказать, что ихъ конституціи законны съ точки зрѣнія религіи, однако съ этимъ согласны далеко не всѣ. Если Мухаммедъ иногда совѣтывался со своими Спутниками, а на этомъ именно главнымъ образомъ и почіетъ доказательство «закочности» конституціи, то Преданіе сохранило не мало такихъ примѣровъ, изъ которыхъ ясно виденъ характеръ этого совѣщанія. Въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ, напримѣръ, Мухаммедъ обращался за совѣтомъ къ вождямъ, какъ надо поступить, и при этомъ высказывалъ и свое мнѣніе. Ему отвѣчали на это: «О, Пророкъ! если тебѣ такъ приказано (Богомъ), то мы такъ и поступимъ». Мухаммедъ возражалъ на это: «если бы мнѣ такъ было приказано, то я такъ и поступилъ бы и не сталъ бы спрашивать вашего совѣта». Другими словами, если при Мухаммедѣ, въ лицѣ его Спутниковъ, было коллегіальное учрежденіе, то оно не имѣло постояннаго законосовѣщательнаго, а тѣмъ болѣе законодательнаго характера. Дальше, при первыхъ четырехъ халифахъ былъ совѣщательный совѣтъ, составленный изъ тѣхъ же Спутниковъ Пророка,—и это

второе доказательство конституціоналистовъ относительно того, что конституція законна Но въ этомъ видно или непониманіе или умышленно неправильное толкованіе факта. Да, совѣщательный совѣтъ былъ, но значитъ ли изъ этого, что при халифѣ каковымъ считается Султанъ, долженъ состоять совѣщательный совѣтъ, ассамблея, парламентъ? Отнюдь нѣтъ, и доказывающіе противное отлично знаютъ свою неправоту Сила совѣщательнаго совѣта при первыхъ четырехъ халифахъ была не въ учрежденіи, какъ таковомъ, а въ лицахъ, его составляющихъ. Это была случайная, самообразовавшаяся коллегія изъ лицъ, единственно знакомыхъ съ практикой Пророка. Эти члены были муджтахидами, т. е. за каждымъ изъ нихъ было признано право толковать божественный законъ. Предоставлено ли это право депутатамъ парламента, которые всѣ должны быть равны,—турки, евреи, армяне, греки, болгары и другіе? А это должно быть такъ, разъ законность конституціи основывается на примѣрѣ совѣщательнаго совѣта при первыхъ халифахъ Дальше, изъ совѣщательнаго совѣта выбывали члены,—замѣщались они другими? Нѣтъ, такъ какъ ихъ некѣмъ было замѣстить, такъ какъ центръ тяжести лежалъ не въ учрежденіи, а въ лицахъ. Прошло нѣкоторое время, и муджтахидовъ совершенно не стало, «дверь толкованія закона» закрылась навсегда. Или, можетъ быть, въ первые вѣка геджры такихъ людей не было, а теперь они нашлись?..

Во-вторыхъ, конституціонныя свободы влекутъ за собою многое, противное мусульманской религіи, и влекутъ неизбѣжно, если турки и персы, получившіе конституцію, способны къ прогрессу, то мусульмане въ нихъ къ нему не способны. Но, прежде всего, было бы очень и очень наивно думать, что конституція сама по себѣ является какимъ то залогомъ прогресса Наоборотъ, прогрессъ дѣлаетъ людей способными оцѣнить конституціонную свободу и умѣть ею пользоваться Если персы на это способны (я говорю теоретически, при полной абстракціи отъ политическаго положенія Персіи), то у нихъ конституція можетъ привиться легче, чѣмъ въ Турціи. Пользованіе конституціонными свободами, искреннее ихъ примѣненіе и ученіе Корана непримиримы, они не могутъ существовать рядомъ: или то или другое должно быть принесено въ жертву. Но этого не можетъ быть, пока божественнымъ ненарушимымъ закономъ являются слова:

«О, вѣрующіе! не ищите друзей среди христіанъ и евреевъ; всѣ они ведутъ дружбу между собою; заключившій дружбу съ ними, самъ уподобится имъ, а Богъ не станетъ направлять нечестивыхъ» (Сура 5-я, ст. 56).

«Невѣрные не обращаютъ никакого вниманія ни на кровныя узы, ни на клятвы свои въ отношеніи вѣрующихъ, ибо нѣтъ у нихъ справедливости.

«Когда же пройдутъ священные мѣсяцы, убивайте ихъ, за-

хватывайте въ плѣнъ, осаждайте города ихъ и подстерегайте въ засадахъ: но если они обратятся къ Богу, если они будутъ соблюдать молитву, творить милостыню, оставьте ихъ въ покоѣ, ибо Богъ терпѣливъ и милостивъ» (Сура 9-я, ст. 10, 5).

Въ-третьихъ, если—какъ это ни мало вѣроятно—допустить законность конституціи съ точки зрѣнія религіи, то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что такая конституція подразумѣваетъ исключительно мусульманское общество,—и въ этомъ, можетъ быть, одна изъ причинъ націоналистическихъ стремленій младотурокъ.

Невыгода положеній этихъ послѣднихъ заключается въ томъ, что съ деспотическимъ режимомъ заповѣдь джихада уживалась еще болѣе или менѣе хорошо, а при конституціи выполнять ее нѣсколько затруднительнѣе. И турецкая конституція—поскольку она можетъ дать положительные результаты для жизни государства—противна религіи; поскольку же она согласна съ религіей ислама, она содержитъ въ себѣ сѣмена распаденія государства...

Но здѣсь насъ интересуетъ не политическая судьба Турціи, а лишь вопросъ исламизма. Итакъ, какъ мы сказали, въ мусульманскихъ государствахъ, пока они остаются истинно мусульманскими государствами, возможенъ и нормаленъ лишь теократическій режимъ.

Секта сэнуситовъ, одна изъ самыхъ могущественныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ непримиримыхъ изъ всѣхъ дервишескихъ сектъ или орденовъ, разсматриваетъ міръ ислама именно съ теократической точки зрѣнія и считаетъ, что такъ же долженъ смотрѣть на него и всякій правовѣрный мусульманинъ. Слѣдствіемъ такого взгляда и является великое панисламистское движеніе.

«Цѣль, которая преслѣдуется этимъ движніемъ, заключается въ возрожденіи ислама, въ возстановленіи его прежняго положенія, такъ какъ они считаютъ, что въ томъ видѣ онъ представляетъ надежный барьеръ противъ разрушительной силы европейской цивилизаціи и современнаго духа». [1]).

Въ заключеніе не могу не привести глубокихъ словъ Тренча, совершенно подтверждающихъ мою мысль:

«Если въ христіанскомъ мірѣ часто дѣлались попытки сплести въ одно неразрывное цѣлое царство Бога и царство Цезаря, то эти попытки всегда оканчивались неудачей. Въ исламѣ же онѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и этомъ успѣхъ былъ результатомъ не извращенія или уничтоженія цѣлей, съ которыми было основано мусульманство, но полнаго осуществленія всего, чѣмъ онъ намѣревался быть. Деспотизмъ Востока не случайность, но естественный результатъ Корана, и, пока онъ существуетъ какъ книга авторитета, онъ не можетъ быть замѣненъ ничѣмъ лучшимъ». [2]).

---

[1]) E. Sell Essays on islam. p. 141.

[2]) Trench. Lectures on Medieval Church History. p. 56.

Глава пятая.

Нѣтъ ни одного религознаго кодекса, который былъ бы до такой степени субъективенъ, какъ Коранъ. Мюръ доказываетъ 1), что съ самаго начала до конца карьеры Мухаммеда въ даваемомъ ему откровеніи можно слѣдить за его личностью. И,прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію комментаріевъ Корана, прослѣдимъ тотъ путь, который былъ сдѣланъ Мюромъ, что дастъ намъ возможность привести характерныя выдержки изъ Корана, бросающія свѣтъ на то, чѣмъ наполнена священная книга Мусульманъ.

Въ началѣ книги мы болѣе, или менѣе подробно разсмотрѣли, при какихъ обстоятельствахъ Мухаммедъ, размышляя о таинственномъ жребіи человѣка и періодически повторяющихся откровеніяхъ, назначенныхъ для просвѣтленія глубокой тьмы идолопоклонства, мало по малу дошелъ до того, что въ концѣ концовъ сталъ видѣть въ себѣ того апостола, очередь появленія котораго наступила. Онъ долго объ этомъ думалъ и отчасти говорилъ съ Хадиджей и ея двоюроднымъ братомъ Варакой. Настроеніе его дѣлалось все болѣе и болѣе повышеннымъ, истощеніе же постомъ и безсонницей во время ночей, проводимыхъ все въ тѣхъ же размышленіяхъ, вызвало галлюцинаціи. Ему было видѣніе. Архангелъ Гавріилъ явился ему и приказалъ ему читать:

«Читай, во имя твоего Господа, который все сотворилъ,
«Который создалъ человѣка изъ кровяного сгустка.
«Читай, ибо Богъ твой обладаетъ высшимъ великодушіемъ.
«Онъ научилъ человѣка пользоваться перомъ (калямомъ).
«Онъ научилъ человѣка тому, чего тотъ не зналъ раньше.
«Да. Но человѣкъ возмутился противъ него.
«Какъ только увидалъ себя богатымъ.

---

[1]) Sir W Muir. The Coran.

«Все должно возвратиться къ Господу.» (Сура 96-я, ст. 1-8).

И Мухаммедъ прочиталъ тотъ свитокъ, который былъ въ рукахъ у архангела Гавріила,—это былъ Коранъ. Когда онъ разсказалъ о случившемся Хадиджѣ, она сразу признала его пророкомъ, что даетъ право думать, что мечты Мухаммеда не были ей неизвѣстны, хотя отчасти, и разговоръ о пророческой миссіи, пусть даже только въ видѣ неопредѣленно выраженныхъ пожеланій, подымался между ними.

«Читай», сказалъ архангелъ Гавріилъ, и «неграмотный пророкъ», какъ Мухаммедъ называетъ себя въ Коранѣ, послѣ троекратнаго отказа получилъ способность читать тотъ свитокъ, что былъ у Гавріила въ рукахъ. Преданія глухо говорятъ о томъ, что именно было въ рукахъ ангела, былъ ли это полный свитокъ Корана, который онъ разъ въ годъ показывалъ Мухаммеду, или только часть. Во всякомъ случаѣ, Мухаммедъ прочелъ то, что показалъ ему ангелъ.

Прочитанное ли Мухаммедомъ требовало продолжительнаго обдумыванія и размышленія, требовалось ли провѣрить самого Мухаммеда послѣ перваго видѣнія, показавшаго ему, что онъ избранникъ Божій, только откровеній не было въ теченіе около трехъ лѣтъ. Мухаммедъ уже началъ отчаяваться, и у него даже появилась мысль покончить жизнь самоубійствомъ. Такія мрачныя мысли пришли ему въ голову потому, что онъ началъ сомнѣваться какъ въ истинности своего призванія, такъ и въ реальности перваго видѣнія. Иногда же онъ не сомнѣвался въ послѣднемъ, но думалъ, что ангелъ, являвшійся ему, не былъ ангеломъ Божіимъ, а былъ злымъ духомъ..

И вотъ, когда онъ лежалъ, по обыкновенію закутавшись въ свой плащъ, въ пещерѣ Хира, когда отчаяніе его достигло уже высшихъ предѣловъ, ему было новое видѣніе, и на этотъ разъ онъ уже получилъ опредѣленное приказаніе проповѣдывать.

«О ты, плащемъ покрытый!
«Возстань и предостерегай людей.
«Твой Господь, прославляй Его.
«Твои одежды, держи ихъ въ чистотѣ,
«А осквернія избѣгай.
«Не раздавай съ тѣмъ, чтобы собирать.
«Терпѣливо ожидай своего Господа.
«Когда порывъ вѣтра принесетъ звукъ трубы.
«То будетъ тяжелый день для невѣрныхъ.» (Сура 74-я, ст. 1-9).

Такимъ образомъ періодъ испытанія прошелъ, и Мухаммедъ сдѣлался пророкомъ, и откровенія начали непрерывно слѣдовать одно за другимъ. Вполнѣ возможно, что въ этотъ именно періодъ

и были составлены, какъ это говоритъ Мюръ, короткія вдохновенныя суры. Вполнѣ понятно, что онѣ приняли именно такой видъ, и это психологически объясняется весьма легко.

Не будемъ забывать того, что Коранъ есть откровеніе, исходящее непосредственно отъ Бога. Необходимость посланія новаго пророка уже сама по себѣ указываетъ на то, что человѣчество было близко къ гибели, и лишь призывъ обращенія къ истинной вѣрѣ, истинному Богу могъ спасти его. Каждый мигъ былъ дорогъ, здѣсь не было мѣста и времени для разсужденій и споровъ, здѣсь нуженъ былъ лишь вдохновенный призывъ къ спасенію, бьющій по сердцамъ крикъ. И такимъ крикомъ являются, напримѣръ, слѣдующія суры.

«Клянусь скакунами, задыхающимися на бѣгу,

«Скакунами, у которыхъ искры брызжутъ изъ подъ копытъ,

«Нападающими по утрамъ на враговъ,

«Поднимающими подъ ногами пыль,

«Пролагающими себѣ путь черезъ ряды враговъ:

«Во истину, неблагодаренъ человѣкъ по отношенію къ своему Господу.

«И, конечно, онъ самъ это видитъ.

«Онъ пылаетъ любовью къ благамъ міра сего.

«Развѣ онъ не знаетъ, когда находящіеся въ могилахъ будутъ ниспровергнуты,

«Когда тайны сердца окажутся у всѣхъ на виду,

«Что узнаетъ тогда Господь о дѣяніяхъ ихъ?» (Сура 100-я).

Клятвы, употребляемыя Мухаммедомъ какъ въ этой, такъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ суръ указываютъ на ихъ несомнѣнно раннее происхожденіе, арабъ еще не освоился какъ слѣдуетъ со своимъ новымъ положеніемъ, и онъ клянется какъ арабъ, а не какъ пророкъ, которому въ свидѣтели надлежитъ призывать лишь имя Бога.

Всѣ эти суры пока еще только рисуютъ ужасъ того положенія, въ которое человѣкъ себя добровольно ставитъ своимъ невѣріемъ.

«Когда земля сотрясется тѣмъ сотрясеніемъ, которое ей уготовано.

«Когда вытряхнетъ она бремя свое,

«Спроситъ человѣкъ, что съ ней.

«Тогда разскажетъ она о своей участи,

«Послѣ того, какъ Господь укажетъ ей это въ откровеніи.

«И двинутся въ день тотъ люди толпами, чтобы увидать дѣянія свои.

«Тотъ, кто сотворилъ благое дѣло вѣсомъ съ атомъ, увидитъ его.

«И тотъ, кто совершилъ дурное дѣло вѣсомъ съ атомъ, также увидитъ его». (Сура 99-я).

«Ударъ. Что такое ударъ?
«Кто научитъ тебя, что такое ударъ?
«День, когда люди будутъ разсѣяны, какъ бабочки,
«Когда горы будутъ летать, какъ клочки окрашенной шерсти.
«Тотъ, дѣянія кого покажутъ большую тяжесть на вѣсахъ, будетъ вести жизнь пріятную.
«А тотъ, дѣянія кого окажутся легковѣсными, будетъ пребывать во рву.
«Кто же можетъ научить тебя, что такое ровъ?
«Это-огни горючіе». (Сура 101-я).

Вдохновенный пророкъ не себѣ требуетъ повиновенія, нѣтъ,— «говори, такъ сказалъ Господь» или предшествуетъ каждому новому откровенію или подразумѣвается передъ нимъ. Или это славословіе, какъ въ первой сурѣ

«Хвала Богу, властителю вселенной,
«Милосердному, милостивому.
«Владыкѣ дня суда, дня возданія.
«Во истину, Тебѣ мы поклоняемся и Тебя молимъ о помощи.
«Наставь насъ на путь правый,
«На путь тѣхъ, кого Ты осыпалъ милостями,
«Но не тѣхъ, кто навлекъ Твой гнѣвъ, и кто заблуждается».

Эта сура представляетъ ту особенность, что по формѣ въ ней не Богъ обращается къ человѣку, но человѣкъ къ Богу. Поэтому, чтобы сдѣлать ее откровеніемъ, необходимо подразумѣвать передъ ней слово—«говори». Иначе быть не можетъ, такъ какъ для истинно вѣрующаго каждое слово Корана есть слово Бога.

Типичнымъ образчикомъ проповѣди ранняго періода является сура 56-я, которую считаю не безполезнымъ привести цѣликомъ.

«Когда наступитъ событіе, не найдется ни одной души, которая подвергла бы сомнѣнію его наступленіе. Оно унизитъ, и оно же возвыситъ.

«Когда земля придетъ въ сильное сотрясеніе, когда горы разсыпятся осколками и уподобятся пыли, разсѣянной во всѣ стороны; когда вы, люди, будете раздѣлены на три толпы, тогда будутъ люди правой стороны (о, люди правой стороны!) и люди лѣвой стороны (о, люди лѣвой стороны!).

«И первые будутъ первыми. Они будутъ самыми приближенными къ Богу, они населятъ сады усладъ, и среди нихъ бу-

детъ большое число древнихъ (отъ Адама до Мухаммеда) и только небольшое число изъ современниковъ.

«Отдыхая на сѣданицахъ, украшенныхъ золотомъ и камнями, прилегши на локоть они обратятся лицомъ другъ къ другу. А вокругъ нихъ будутъ двигаться юноши, обладающіе вѣчной молодостью, съ бокалами, кувшинами и чашами, наполненными прозрачной жидкостью, отъ которой они не будутъ испытывать ни головной боли, ни головокруженія, съ плодами, которые они будутъ выбирать по своему вкусу. И съ мясомъ тѣхъ птицъ, которыхъ они такъ любятъ.

«У нихъ будутъ красавицы съ громадными, черными глазами, красавицы, подобныя жемчужинамъ, заботливо спрятаннымъ.

«Такова будетъ награда за дѣянія ихъ. И они не услышатъ ни пустыхъ, разговоровъ, ни словъ, ведущихъ къ грѣху; но услышатъ они тамъ лишь такія слова, миръ, миръ! Люди правой стороны (какъ счастливы будутъ люди правой стороны!) пребудутъ среди деревъ лотуса безъ шиповъ и банановъ, обремененныхъ своими лѣтними плодами до самаго низа, подъ тѣнью, которая далеко раскинется, возлѣ бѣгущаго ручейка воды, среди множества плодовъ, которыхъ никто не станетъ снимать, и къ которымъ не будетъ запрета приближаться. И будутъ они пребывать на высокихъ ложахъ. Мы создали красавицъ рая особымъ творческимъ актомъ, мы сохранили ихъ дѣвственность. Любимыя мужьями своими, въ возрастѣ, одинаковомъ съ ними, онѣ будутъ предназначены людямъ правой стороны. Древніе составятъ среди нихъ большое число, но много также будетъ и современниковъ нашихъ.

«А люди лѣвой стороны (о, люди лѣвой стороны!), они будутъ среди пагубнаго вѣтра и воды кипящей, въ тѣни отъ чернаго дыма, въ тѣни, не обладающей ни свѣжестью, ни пріятностью. Раньше они вели жизнь, полную удовольствій. Они упорствовали въ ненависти непримиримой и говорили: Когда мы умремъ и превратимся въ прахъ и кости, то неужели мы будемъ оживлены снова такъ же, какъ и наши праотцы? Скажи: древніе и современники будутъ неизмѣнно собраны на свиданіе въ день, назначенный заблаговременно, а затѣмъ вы, погруженные въ ошибки, вы невѣрующіе, будете ѣсть плодъ дерева, плодъ закума. Вы наполните имъ желудокъ свой и напьетесь воды кипящей, какъ пьетъ верблюдъ, одолѣваемый жаждой.

«Таковъ будетъ пиръ у нихъ въ день возмездія. Мы создали васъ, а почему мы не могли создать васъ и для воскресенія. А сѣмя, изъ котораго вы зарождаетесь, вы ли создали или мы? Мы рѣшили, чтобы среди васъ были мертвые, и никто не предупредитъ насъ, если мы не захотимъ замѣстить васъ другими, людьми на васъ походящими, или воспроизвести васъ подъ такой формой, которой вы не знаете. Вамъ извѣстно первое твореніе, почему вы не подумаете? Обращали ли вы вниманіе на земледѣльческія ра-

боты? Вы ли обсѣменяете поля, вы ли являетесь сѣятелями? Если бы мы захотѣли, мы обратили бы жатвы ваши въ стебли сухой соломы, и вы безпрерывно удивлялись бы и восклицали: вотъ вовлечены мы въ долги, вотъ обмануты мы въ надеждахъ своихъ и погублены. Не обращали ли вы вниманія на воду, когда вы ее пьете? Вы ли низводите ее изъ тучъ или мы? Если бы мы захотѣли, мы могли бы придать ей солоноватый вкусъ. Почему же вы не имѣете признательности?

«Не обращали ли вы взоровъ своихъ на огонь, полученный отъ тренія? Вы ли создали дерево, которое даетъ его или мы? Мы хотѣли сдѣлать изъ него поученіе и полезный предметъ для путешественниковъ въ пустынѣ.

«Прославляй имя Бога Всевышняго. Я не буду клясться заходящими звѣздами (это великая клятва, какъ извѣстно вамъ), что Коранъ—Коранъ, сохраненный въ книгѣ скрытой, и никто, кромѣ чистыхъ людей не прикоснется къ нему. Онъ—откровеніе владыки вселенной. Уже не на эту ли книгу взираете вы съ презрѣніемъ? И насущнымъ хлѣбомъ своимъ дѣлаете обвиненіе противъ книги сей? Почему же въ тотъ моментъ, когда сердце у васъ подкатится подъ самое горло, когда вы будете бросать взоры во всѣ стороны, когда мы будемъ возлѣ васъ, и вы всетаки насъ не замѣтите, почему же, если вамъ не предстоитъ ни суда, ни воздаянія, почему не возвратите вы назадъ души, уже готовой исчезнуть? Скажите, если вы искренни!

«Тому, кто будетъ въ числѣ самыхъ приближенныхъ къ Богу, тому уготованы отдыхъ, удовольствія и сады услады. Тому, кто будетъ въ числѣ людей правой стороны, скажутъ: привѣтъ тебѣ отъ людей правой стороны. Тѣмъ же, кто будетъ среди людей, поступавшихъ съ пророками, какъ съ лжецами, среди впавшихъ въ заблужденіе, тѣмъ вмѣсто пиршественныхъ блюдъ будетъ вода кипящая. Мы будемъ таковыхъ жечь на огнѣ. Это—истина неизмѣнная. Прославляй же великое имя твоего Господа».

Первоначально кругъ слушателей Пророка былъ очень ограниченъ и состоялъ почти исключительно изъ его семейныхъ и близкихъ.

Такъ какъ проповѣдь Мухаммеда о поклоненіи единому Богу была естественно связана съ отрицаніемъ идолопоклонства, мекканцы начали противиться, ставить всякія затрудненія проповѣди и преслѣдовать вѣрующихъ. Самого Мухаммеда они пока еще не рѣшались трогать, такъ какъ онъ находился подъ покровительствомъ своего дяди Абу Талиба. И самъ Мухаммедъ былъ принужденъ уговаривать своихъ послѣдователей искать временнаго убѣжища въ Абиссиніи.

«Тотъ, кто покинетъ страну свою во имя Господне, найдетъ

на землѣ другихъ, вынужденныхъ къ тому же, людей и въ изобилии средства къ существованію. Если тотъ, кто оставитъ страну свою, чтобы встать за дѣло Божіе, будетъ внезапно застигнутъ смертью, Богъ позаботится вознаградить его какъ слѣдуетъ, а Богъ снисходителенъ и милосердъ». (Сура 4-я, ст. 101).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Мухаммедъ предупреждалъ гонителей.

«Видѣлъ ли ты, какъ поступилъ Господь съ людьми слона,
«Развѣ Онъ не разстроилъ ихъ хитростей?
«Развѣ не посылалъ Онъ на нихъ птицъ абабилей,
«Которыя метали въ нихъ камнями съ значками, вытисненными еще на небѣ.
«Онъ сдѣлалъ изъ нихъ подобіе шара, ядро котораго было выѣдено». (Сура 105-я, ст. 1—5)

«Я только позвалъ васъ, и вы мнѣ отвѣтили. Упрекайте не меня, а себя самихъ. Я ни самъ не могу оказать вамъ помощи, ни получить ее отъ васъ. Хотя вы и ставили меня на ряду съ Богомъ, я самъ никогда не считалъ себя равнымъ ему. Несправедливые заслуживаютъ только тяжкой кары». (Сура 14-я, ст. 27).

Все же Мухаммедъ одну минуту поколебался, принявъ нашептыванія сатаны за принесенное ангеломъ откровеніе, и хотѣлъ примирить непримиримое: идоловъ онъ хочетъ сдѣлать заступниками за людей передъ Богомъ. Цѣлью его было смягчить корайшитовъ, и онъ достигъ этой цѣли. Корайшиты сказали: признай нашихъ боговъ, и мы признаемъ твоего. Для корайшитовъ ученіе объ единомъ Богѣ было опасно не само по себѣ, а въ силу того, что оно вытѣсняло идоловъ и лишало ихъ власти. Разъ Мухаммедъ признавалъ идоловъ и сохранялъ ихъ, для нихъ не составляло большой разницы признать и еще одного бога. Мухаммедъ призналъ дочерьми Бога идоловъ Ал-латъ, Ал-манатъ и Ал-уззу, а кораишиты признали единаго Бога. Но онъ понялъ, что онъ этимъ разрушалъ все свое зданіе новой религіи и взялъ свои слова обратно. Въ Коранѣ уже нѣтъ первоначальныхъ его словъ, но ихъ замѣна показываетъ, каковы они были:

«Какъ вы думаете объ Ал-латъ и Ал-уззѣ
«И о третьемъ идолѣ Менатѣ?
«Будетъ ли у васъ мужское потомство, а у Бога женское?
«Несправедливо же вы подѣлили.
«Вѣдь это одни только названія. Вы и отцы ваши назвали ихъ такъ. Богъ не далъ вамъ въ откровеніи никакихъ доказательствъ относительно этого, вы слѣдуете здѣсь лишь идеямъ

своимъ и наклонностямъ, а между тѣмъ вы получили направленіе отъ Господа вашего». (Сура 53-я, ст. 19—23).

Оговорка довольно мягкая, и можно предполагать, что Мухаммедъ еще не потерялъ надежды на то, что убѣдитъ корайшитовъ, указавъ имъ на то, что считать трехъ идоловъ божествами было лишь недоразумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно приписывать Богу дочерей, когда ихъ убиваютъ и земные родители, такъ какъ онѣ являются для нихъ униженіемъ. Такимъ образомъ, Мухаммедъ явился не столько защитникомъ единобожія, сколько защитникомъ личнаго достоинства Бога. Но корайшиты не пошли на это, и гоненія возобновились съ удвоенной силой. Образовался союзъ, избѣгавшій всякаго общенія съ мусульманами и вполнѣ допустимо, что они всѣ могли бы быть уничтожены, если бы Абу Талибъ не объединилъ всѣхъ хашимитовъ подъ своимъ главенствомъ для защиты ихъ.

И вотъ мы видимъ Мухаммеда и его послѣдователей почти въ теченіе трехъ лѣтъ запертыми въ замкѣ Абу Талиба и имѣющими возможность выходить оттуда только во время священныхъ мѣсяцевъ.

Рѣдкіе случаи проповѣди, бесѣды исключительно со своими послѣдователями очевидно должны были заставить Мухаммеда глубже продумать то, что онъ проповѣдывалъ до этого времени. И здѣсь, повидимому, въ немъ наступилъ переломъ, такъ какъ стиль и характеръ относящихся къ этому періоду суръ мѣняются: онѣ становятся длиннѣе и прозрачнѣе. Онѣ полны описаніями загробнаго міра, кромѣ того въ нихъ содержатся частыя ссылки на еврейскія и христіанскія писанія. Это былъ періодъ надежды найти себѣ поддержку въ монотеистахъ, такъ какъ въ язычникахъ онъ начиналъ уже отчаяваться. А въ поддержкѣ чувствовалась особенная нужда, такъ какъ со смертью Абу Талиба онъ лишился покровительства, а въ Хадиджѣ потерялъ для себя нравственную опору. Преслѣдованія усилились, и онъ былъ вынужденъ бѣжать въ Таифъ, откуда былъ съ позоромъ изгнанъ и вновь возвратился въ Мекку

На Мекку больше не было никакой надежды, и онъ перенесъ свое вниманіе на Ятрибъ, чему помогъ случай и, какъ извѣстно, въ этомъ имѣлъ успѣхъ. И вотъ съ Абу Бакромъ онъ покинулъ Мекку.

«Помните, что, будучи слабыми и малочисленными въ странѣ этой, вы боялись погибнуть отъ руки враговъ своихъ, но Богъ далъ вамъ убѣжище, Онъ оказалъ вамъ помощь Свою и доставилъ нужныя для вашего существованія средства. Быть можетъ, вы воздадите Ему дѣяніями благодарности». (Сура 8-я, ст. 26).

«Если вы не придете на помощь своему пророку, Богъ самъ поможетъ ему, подобно тому, какъ Онъ помогъ ему, когда невѣр-

ные гнали его, а съ нимъ былъ только одинъ человѣкъ. Они оставались одни въ пещерѣ, и онъ сказалъ своему спутнику: не печалься, ибо съ нами Богъ. Онъ спустилъ съ неба покровъ защиты Своей, поддержалъ его войсками незримыми и унизилъ слово невѣрныхъ». (Сура 9-я, ст. 40)

Мекканскій періодъ можно охарактеризовать такъ: Мухаммедъ еще былъ простымъ проповѣдникомъ, и въ то время мысль о насиліи и принужденіи не приходила ему въ голову. Но съ переходомъ въ Медину, картина эта совершенно мѣняется. Тамъ Мухаммедъ тоже имѣлъ враговъ и, можетъ быть, еще худшихъ чѣмъ корайшиты, такъ какъ эти послѣдніе были по крайней мѣрѣ откровенны, открыто преслѣдовали послѣ предупрежденія, открыто грозились убить. Не то было съ врагами Медины: внѣшнимъ образомъ они признали и власть и религію Мухаммеда, но первую они думали отнять у него, а надъ второй лишь смѣялись. Мухаммедъ скоро понялъ ихъ и прозвалъ лицемѣрами.

Кромѣ того онъ обманулся и въ своей надеждѣ на евреевъ: они не хотѣли признавать его пророческой миссіи. И вотъ Коранъ обрушивается на людей, которые убиваютъ своихъ пророковъ и отвергаютъ своего Мессію.

Мало по малу Мухаммедъ начинаетъ уничтожать тѣ нравственныя уступки, которыя онъ до того времени сдѣлалъ евреямъ. Онъ уже не думаетъ больше о томъ, чтобы съ ними или съ христіанами слиться въ одной вѣрѣ,—онъ хочетъ во всей ея чистотѣ возстановить религію Авраама, который «не былъ ни еврей, ни христіанинъ, но ханифъ». Онъ называетъ въ другомъ мѣстѣ Авраама «муслимъ». Это созданіе до-исламическаго мусульманства являлось логической необходимостью. вѣра Авраама была признана истинной, а истинная вѣра одна, слѣдовательно, вѣра Авраама была исламомъ, религіей, которую проповѣдывалъ Мухаммедъ

Первоначально въ Мединѣ власть Мухаммеда была признана только обратившимися въ исламизмъ жителями, но понемногу вліяніе его росло, и скоро онъ сдѣлался главою города.

Первое время было занято постройкой мечети, и молитвы совершались съ самаго перваго дня прибытія.

Отрицаніе евреевъ и христіанъ произошло не сразу. Коранъ свидѣтельствуетъ о томъ, что первоначально намѣренія Мухаммеда были самаго примирительнаго характера:

«Нынѣ позволено вамъ все хорошее; законъ разрѣшаетъ вамъ принимать ту пищу, которую вкушаютъ люди Писанія. Позволено вамъ брать себѣ въ жены честныхъ дѣвъ изъ числа вѣрующихъ и получившихъ Писанія до насъ, если только вы выдадите имъ вознагражденіе. Живите съ ними скромно, не предавай-

тесь разврату и не берите наложницъ. Измѣнившій вѣрѣ своей лишится плода своихъ добрыхъ дѣяній и на томъ свѣтѣ будетъ несчастнымъ». (Сура 5-я, ст. 7)

Мухаммедъ ждетъ нѣкоторое время, но видитъ, что евреи ничуть не измѣняютъ своего недовѣрчиво-выжидательнаго положенія по отношенію къ нему, и что ихъ большими симпатіями пользуются скорѣе «лицемѣры», чѣмъ мусульмане.

«Обратили ли вы вниманіе на тѣхъ, кто получилъ часть Писанія? Они торгуютъ своимъ заблужденіемъ и хотѣли бы заставить васъ покинуть путь правый; но Господу извѣстны враги ваши. Вамъ достаточно имѣть Бога своимъ покровителемъ и помощникомъ.

«Иные между іудеями переставляютъ слова Писанія своего и говорятъ, мы слышали, но не хотимъ повиноваться. Выслушай же то, что ты до сихъ поръ еще не слыхалъ, испытай насъ Они запутываютъ слова своею рѣчью и клевещутъ на истинную религію.

«Отчего они не скажутъ лучше: мы слышали и станемъ повиноваться? Внимай намъ и обрати взоръ на насъ. Такая рѣчь была бы для нихъ и гораздо выгоднѣе, и гораздо честнѣе. Но они прокляты Богомъ за невѣріе свое, и среди нихъ немногіе остаются вѣрующими.

«Вы, получившіе Писаніе, увѣруйте въ посланное съ неба Богомъ, чтобы подтвердить Свои священныя книги прежде, чѣмъ мы сотремъ черты лицъ вашихъ и обратимъ ваши лица въ противоположную сторону. Увѣруйте прежде, чѣмъ вы будете прокляты нами подобно тому, какъ мы прокляли преступившихъ субботу. Приказаніе Бога исполнилось тотчасъ же». (Сура 4-я, ст. 47—50).

Словъ оказывалось мало. Тогда то Мухаммедъ и начинаетъ отбирать дарованныя прежде привиллегіи и старается всячески отдѣлиться отъ евреевъ. Сначала нѣкоторые изъ еврейскихъ праздниковъ и постовъ были приняты мусульманами. Таковъ былъ, напримѣръ, день Ашуры. Но, чтобы говорить правильнѣе, этотъ день не былъ принятъ для празднованія совмѣстно съ евреями, —онъ просто совпалъ, такъ какъ и языческіе арабы праздновали этотъ день. Когда же общеніе съ евреями было нежелательно, Мухаммедъ измѣняетъ время постовъ. Такъ, большой еврейскій постъ онъ перенесъ на мѣсяцъ рамазанъ.

«Поститься слѣдуетъ во время луны рамазана, когда посланъ былъ свыше Коранъ, чтобы управлять людьми, давать имъ ясное толкованіе правилъ и научить различію между добромъ и

зломъ. Лишь только замѣтите вы эту луну, вы тотчасъ же должны готовиться къ посту » (Сура 2-я, ст. 181).

Около того же времени измѣняется и Кибла. Исторія эта такова. Первоначально не было никакого опредѣленнаго указанія относительно направленія во время молитвы:

«Во власти Бога востокъ и западъ: куда ни обратитесь вы, вездѣ вы встрѣтите лицо Его, Богъ необъятенъ и всевѣдущъ». (Сура 2-я, ст. 199).

Чтобы было единообразіе въ молитвѣ, Мухаммедъ рѣшилъ избрать опредѣленное направленіе: чтобы угодить евреямъ киблой былъ избранъ Іерусалимъ:

«И неразумные изъ людей спросятъ: кто же отвратилъ ихъ отъ киблы, которую они приняли сначала? Отвѣть имъ: Востокъ и Западъ во власти Господа; тѣхъ, кого Онъ пожелаетъ, Онъ ведетъ по пути правому.

«Мы установили передъ этимъ киблу для того, чтобы различать между вами послѣдовавшихъ за пророкомъ и отъ него отвращавшихся. Такое измѣненіе киблы затруднительно, но не для тѣхъ, кого направляетъ Богъ. Во истину, Богъ не оставитъ вашей вѣры безплодной, ибо Онъ преисполненъ благости и милосердія къ людямъ». (Сура 2-я, ст. 136, 138).

Послѣ—ссора съ евреями, Мухаммедъ получаетъ откровеніе, которое ему энергично повторяетъ о необходимости назначить новую киблу:

«Мы видѣли, какъ ты обращалъ лицо свое ко всѣмъ странамъ свѣта, но мы желаемъ, чтобы отнынѣ ты направлялъ его, куда тебѣ будетъ угодно. Такъ обращайся же къ мѣсту священной проповѣди. Гдѣ бы вы ни были, къ этому мѣсту направляйте взоры свои. И тѣ, кто получили писанія, знаютъ, что это истина, отъ самого Бога, и Онъ не оставитъ безъ вниманія дѣяній ихъ.

«Если ты даже сотворишь всевозможныя чудеса въ присутствіи тѣхъ, кто получилъ Писаніе, то они все же не примутъ твоей киблы. Ты же, въ свою очередь, не слушай ихъ. И не всѣ изъ нихъ слѣдуютъ одной и той же киблѣ. Если вопреки тому, что позналъ ты, ты всетаки будешь сообразоваться съ желаніемъ ихъ, то и ты будешь въ числѣ нечестивыхъ.

«Откуда бы ты ни былъ родомъ, обращай лицо свое къ мѣсту священной проповѣди. Это истина, исходящая отъ Господа твоего. Гдѣ бы вы ни были, обращайте лица свои въ эту сторону, чтобы не дать людямъ повода къ нареканію на васъ. Нечестивыхъ не бойтесь, но Меня страшитесь, Я благодѣтельствую

для васъ, и вы будете на пути правомъ». (Сура 2-я, ст. 139. 140, 145).

Второй годъ геджры ознаменовался враждебнымъ дѣйствіемъ противъ корайшитовъ, и тонъ Корана измѣняется еще больше: уже здѣсь начинаетъ говорить не мирный проповѣдникъ. Караванъ корайшитовъ подвергся нападенію во время священнаго мѣсяца, и это получило верховную санкцію.

«Они спросятъ тебя о священномъ мѣсяцѣ: разрѣшилъ ли Богъ въ теченіе его вести войну? Скажи имъ: война въ этомъ мѣсяцѣ великій грѣхъ, но еще большій грѣхъ—отвернуться отъ пути Божьяго, не вѣрить въ Бога и въ мѣсто священной проповѣди, изгонять изъ ограды его живущихъ тамъ. Соблазнъ отъ язычества хуже всякой рѣзни. Невѣрующіе не прекратятъ войны съ вами, пока не заставятъ васъ отказаться отъ религіи вашей, если только задача имъ окажется подъ силу. Но тѣ изъ васъ, которые отрекутся отъ вѣры и умрутъ невѣрными, погубятъ дѣла свои какъ въ этой жизни, такъ и для будущей. это люди, обреченные геенне огненной, и они пробудутъ въ ней вѣчно». (Сура 2-я, ст. 214).

Послѣ этого Коранъ уже совершенно ясно и опредѣленно приказываетъ сражаться за вѣру.

«На пути божіемъ сражайтесь съ воюющими противъ васъ. Но, нападая на нихъ, не совершайте несправедливости, ибо Богъ не любитъ неправедныхъ.

«Убивайте ихъ повсюду, гдѣ они встрѣтятся вамъ, откуда они изгонятъ васъ. Соблазнъ отъ язычества хуже всякой рѣзни на войнѣ. Но не вступайте съ ними въ бой у мѣста священной проповѣди, если только они сами не нападаютъ на васъ. Если же они это сдѣлаютъ, бейте ихъ на смерть. Таково должно быть воздаяніе невѣрнымъ». (Сура 2-я, ст. 186, 187).

Это пока еще только проповѣдь оборонительной войны, но все же Коранъ понемногу обращается въ книгу приказовъ верховнаго начальника Медины. И эти приказы часто не имѣютъ ничего общаго съ божественными велѣніями.

Тутъ уже можно читать общія положенія о побѣдѣ и пораженіи, правила о раздѣлѣ добычи, объ обращеніи съ плѣнниками; постановленія уголовнаго и гражданскаго права—о бракѣ, наслѣдствѣ, разводѣ, рабствѣ; правила общежитія, личныя привилегіи пророка и улаженіе инцидентовъ его семейной жизни.

И все это, въ глазахъ правовѣрнаго мусульманина, наравнѣ съ догматами вѣры является словомъ Бога!

Побѣда надъ превосходными силами корайшитовъ при Бадрѣ окончательно упрочиваетъ положеніе Мухаммеда въ Мединѣ. О Бадрѣ есть упоминанія въ нѣсколькихъ мѣстахъ

«Знаменіемъ для васъ были тѣ два воиска, которыя вступили другъ съ другомъ въ рукопашный бой. Одно изъ нихъ было со стороны невѣрныхъ, другое сражалось на пути Божіемъ Число ихъ показалось невѣрнымъ вдвоинѣ, ибо Богъ оказывалъ помощь Свою, кому пожелалъ. И въ этомъ окончательно заключалось назиданіе для людей проницательныхъ.

«Вспомни день, когда ты утромъ покинулъ домъ свой, чтобы приготовить вѣрующимъ поле битвы, и Богъ слышалъ и зналъ все

«Вспомни день, когда два отряда войска твоего теряли бодрость, и Богъ сталъ защитникомъ ихъ. Пусть же вѣрующіе полагаются на Бога.

«Богъ помогъ вамъ въ день при Бадрѣ, когда вы были очень слабы. Бойтесь же Бога и возносите Ему благодарственныя молитвы.

«Тогда ты, о, Мухаммедъ! ты говорилъ вѣрующимъ, не довольно ли вамъ трехъ тысячъ ангеловъ, посланныхъ Богомъ на помощь?

«Числа этого, конечно, было достаточно; но если вы обладаете настойчивостью и боитесь Бога, то при всякомъ внезапномъ нападеніи враговъ Онъ пошлетъ вамъ на помощь пять тысячъ вооруженныхъ воиновъ». (Сура 3-я, ст 11, 117—121).

И въ другомъ мѣстѣ:

«Господь обѣщалъ передать въ ваши руки одно изъ этихъ войскъ, вы не хотѣли отнести обѣщаніе это къ сильнѣйшему изъ нихъ, но Господь пожелалъ доказать истину Своихъ словъ и истребить невѣрныхъ всѣхъ до послѣдняго.

«И виновные досадовали на то, что истина возстановлялась, а ложь предавалась уничтоженію.

«Когда вы умоляли Всевышняго о помощи, Онъ внялъ вамъ. Въ подкрѣпленіе Я вамъ пошлю десять тысячъ ангеловъ, которые безъ перерыва послѣдуютъ другъ за другомъ.

«Онъ далъ вамъ это обѣщаніе для того, чтобы внести въ сердца ваши радость и довѣріе.

«Вспомните о томъ моментѣ, когда въ знакъ вашей безопасности, Онъ повелѣлъ сну охватить васъ и низвелъ съ неба воду, чтобы очистить васъ, устранить отъ васъ всякую сатанинскую скверну, соединить сердца ваши вѣрой и укрѣпить стопы ваши». (Сура 8-я, ст. 7—11).

«О, вѣрующіе не обращайтесь въ бѣгство при встрѣчѣ съ вражеской арміей, подвигающейся въ стройномъ порядкѣ.

«Кто обратится въ бѣгство въ день битвы не съ тѣмъ, чтобы заманить врага или надъ нимъ насмѣяться, на того Господь обрушитъ гнѣвъ Свой. Тотъ найдетъ себѣ убѣжище только въ аду. Какое ужасное мѣсто!

«Не вы убиваете ихъ,—убиваетъ ихъ Богъ. Когда ты бросаешь копье свое, то Богъ направляетъ руку твою съ тѣмъ, чтобы подвергнуть вѣрныхъ прекрасному испытанію, ибо Богъ слышитъ и знаетъ все.

«Такъ поступаетъ Господь и разрушаетъ всѣ козни невѣрныхъ.

«Вы, невѣрные, желали побѣды, но побѣда обратилась противъ васъ же самихъ. Если бы вы первыми прекратили битву, то это было бы для васъ только выгоднѣе. Если бы вы снова вернулись къ ней, то и мы поступили бы такъ же. Васъ много, но пользы отъ этого вамъ никакой не будетъ, ибо Богъ съ тѣми, кто вѣритъ въ Него». (Тамъ же, ст 15—19).

Пораженіе при Оходѣ потребовало новаго откровенія. Со свойственнымъ ему мастерствомъ, Мухаммедъ сумѣлъ изъ этого пораженія извлечь положительные результаты: не было ли видно перста Божія въ томъ, что дважды раненый Пророкъ былъ сохраненъ живымъ? Слѣдовательно, впереди былъ триумфъ, это же было только временное затрудненіе испытаніе для вѣрующихъ и заблужденіе для ихъ враговъ, которые о своей силѣ думаютъ больше, чѣмъ слѣдуетъ.

«Не теряйте мужества и не огорчайтесь, вы побѣдите, если будете вѣрить

«Если вамъ будутъ нанесены раны, такъ что же? развѣ у другихъ не было ранъ? Мы чередуемъ удачи и неудачи между людьми такъ, чтобы Богъ узналъ вѣрующихъ, и среди нихъ избралъ свидѣтелей Своихъ (Онъ ненавидитъ злыхъ).

«Чтобы испытать вѣрующихъ и истребить невѣрныхъ.

«Думаете ли вы вступить въ рай прежде, чѣмъ Богу будетъ извѣстно, кто изъ васъ сражался и устоялъ?

«Вы пожелали смерти, и она явилась: видѣли ее, вы были передъ ней лицомъ къ лицу, и вы поколебались.

«Мухаммедъ—только посланникъ, а до него были иные посланники. Если онъ умретъ или будетъ убитъ, вернетесь ли вы назадъ?..

«Многимъ пророкамъ приходилось бороться съ безчисленными войсками непріятеля, но ни одинъ изъ нихъ однако не падалъ духомъ отъ тѣхъ неудачъ, которыя постигали его на пути Божіемъ; они не ослабѣли въ вѣрѣ своей и не предались малодушно непріятелю. Безъ сомнѣнія, Богъ любитъ стойкихъ.

«Богъ уже выполнилъ обѣщанія Свои, когда по волѣ Его вы уничтожили враговъ своихъ: но мужество ваше поколебалось, и вы стали пререкаться о томъ дѣлѣ, извѣстномъ вамъ; вы отказались повиноваться даже послѣ того, какъ Пророкъ далъ вамъ возможность увидать то, чего вы добивались.

«Одни изъ васъ искали благъ этого міра; другіе желали жизни будущей. Богъ обратилъ васъ въ бѣгство отъ враговъ, чтобы испытать васъ; но затѣмъ онъ простилъ васъ, ибо онъ преисполненъ великодушія къ вѣрующимъ.

«Вспомните, какъ вы бѣжали тогда въ безпорядкѣ, не дожидаясь другъ друга, а Пророкъ въ то же время посылалъ вамъ вслѣдъ призывы къ бою. Богъ заставилъ васъ испытать одно несчастіе за другимъ, чтобы вы больше не сокрушались объ ускользнувшей отъ васъ добычѣ и о постигшемъ несчастьѣ. Богу извѣстны всѣ ваши дѣянія

«Тѣ, кто бѣжали въ тотъ день, когда сошлись два войска, дѣйствовали по внушенію сатаны въ наказаніе за какой-нибудь проступокъ, совершенный ими. Но Богъ простилъ имъ, ибо Онъ снисходителенъ и милостивъ.

«Если вы умрете или будете убиты въ бою на пути Божіемъ, то васъ ждутъ прощеніе и милосердіе Его. Они дороже богатствъ, собираемыхъ вами.

«Застигнутые ударомъ судьбы въ первый разъ (а раньше вы заставили испытать враговъ вашихъ несчастіе вдвое большее), вы сказали: откуда такое бѣдствіе на насъ? Отвѣчай имъ: отъ васъ самихъ, Богъ всемогущъ.

«Удары судьбы, полученные вами въ тотъ день, когда сошлись оба войска, были ниспосланы по волѣ Божіей для того, чтобы Онъ могъ различить вѣрныхъ отъ лицемѣровъ. Когда кричали имъ: идите въ бой на пути Божіемъ, они отвѣчали: если бъ умѣли мы сражаться, то послѣдовали бы за вами, и тогда они были ближе къ невѣрію, чѣмъ къ вѣрѣ». (Сура 3-я, ст. 133—138, 140, 145—147, 149, 151, 159, 160).

Далѣе, какъ извѣстно, слѣдовали удачныя экспедиціи противъ племенъ Бэни-Кэнока и Бэни-Надыръ.

«Онъ приказалъ невѣрнымъ, изъ числа получившихъ Писаніе, выйти изъ жилищъ своихъ. Такъ началось переселеніе ихъ. Вы не вѣрили, что они уйдутъ отсюда, а сами они думали, что крѣпости ихъ защитятъ ихъ отъ Бога. И что же? Богъ напалъ на нихъ съ такой стороны, откуда они не ожидали нападенія, Онъ забросилъ чувство ужаса въ сердца ихъ; они собственными своими руками и руками вѣрующихъ уничтожили дома свои. Воспользуйтесь же примѣромъ, люди одаренные пониманіемъ!

«Если бы у Бога заблаговременно въ приговорахъ Его не было назначено изгнаніе ихъ, они всетаки были бы наказаны въ этомъ мірѣ. Въ другомъ же мірѣ ожидаетъ ихъ кара огненная.

«За то, что они разорвали съ Богомъ и Его апостоломъ. И пусть всякій, кто разрываетъ съ Богомъ, знаетъ, что Богъ страшенъ въ карахъ своихъ.

«Вы срубили часть пальмъ, а другую оставили на корню. Все это было сдѣлано съ соизволенія Господа для того, чтобы усмирить невѣрныхъ». (Сура 59-я, ст. 2—5).

Въ пятомъ году геджры, во время похода противъ племени Бэнимусталикъ, ненадежность лицемѣровъ явно выказалась, и лишь находчивость спасла Мухаммеда.

«Когда лицемѣры приходятъ къ тебѣ, они говорятъ: мы признаемъ, что ты посланникъ Божій. Господу хорошо извѣстно, что ты Его посланникъ, но Онъ же свидѣтель того, что невѣрные лгутъ.

«Клятва имъ служитъ покровомъ, а сами они отклоняютъ другихъ отъ пути Божьяго. Какъ отвратительно они ведутъ себя!

«Сначала они увѣровали, но потомъ возвратились къ невѣрью. Печать наложена на сердце ихъ, и они ничего не разумѣютъ.

«Именно такіе то и говорятъ жителямъ Медины: ничего не давайте тѣмъ, которые находятся вмѣстѣ съ Пророкомъ, и тогда они будутъ вынуждены покинуть его. Сокровища неба и земли принадлежатъ Богу; но лицемѣры ничего не слышатъ.

«Они говорятъ: если бы мы возвратились въ городъ, то сильнѣйшій изгналъ бы слабѣйшаго. Сила у Господа, она у апостола Его, у вѣрующихъ; но лицемѣры не вѣдаютъ ничего». (Сура 63-я, ст. 1—3, 7, 8).

Этотъ годъ былъ кромѣ того богатъ семейными недоразумѣніями, неоднократно заставлявшими раздаваться голосъ Божій. Первое—женитьба Мухаммеда на Зейнабъ. Выше мы подробно разбирали это происшествіе и поэтому здѣсь остановимся только на томъ, что говоритъ о немъ Коранъ.

«О, Мухаммедъ! ты сказалъ однажды человѣку, относительно котораго Господь былъ преисполненъ доброты, и котораго Онъ осыпалъ Своими милостями: оберегай жену свою и бойся Бога: и ты скрылъ въ сердцѣ своемъ то, что Господь долженъ былъ вскорѣ выдвинуть всѣмъ на видъ. Ты испугался людей, но лучше было бы, если бы ты побоялся Господа. Но когда Заидъ подчинился долѣ своей и рѣшилъ отвергнуть жену свою, мы бракомъ соединили ее съ тобой для того, чтобы вѣрующіе не считали для

себя преступленіемъ брать себѣ въ супруги женъ своихъ пріемныхъ сыновей, которыхъ тѣ отвергнутъ. Постановленіе Господа исполнилось

«И нѣтъ преступленія со стороны Пророка принять то, что даровалъ ему Господь: Богъ поступилъ такъ же и съ тѣми, которые жили до тебя (приказаніе Господа назначены заблаговременно).

«Съ тѣми, которые выполняли возложенныя на нихъ порученія отъ Господа, которые боялись Господа и одного Его только. Для всѣхъ достаточно одного Господа

«Не отцомъ является Мухаммедъ между вами. Онъ посланникъ и печать пророковъ. Богу все извѣстно». (Сура 33-я, ст. 37—40).

Другое происшествіе, надѣлавшее еще больше шуму, есть эпизодъ съ Аишей.

«Кто возводитъ обвиненіе на честную женщину, а самъ не въ состояніи представить четырехъ свидѣтелей, долженъ быть наказанъ восемьюдесятью ударами кнута; кромѣ того, такихъ людей не допускайте быть свидѣтелями ни въ одномъ дѣлѣ, ибо это нечестивые люди.

«Пока не раскаются въ своемъ проступкѣ и не станутъ вести себя примѣрно: Богъ, вѣдь, милостивъ и милосердъ.

«Среди васъ довольно много такихъ людей, которые утверждали ложь; но не считайте ее зломъ, напротивъ; она оказалась для васъ благомъ. Каждый изъ виновныхъ въ преступленіи этомъ будетъ наказанъ, а кто отягчитъ его, тотъ подвергнется ужасному наказанію

«Когда обвиненіе дошло до нашихъ ушей, то развѣ вѣрующіе—и мужчины и женщины—не взглянули на это дѣло благоразумно? Не сказали ль они: это очевидная ложь?

«Почему клеветники не представили четырехъ свидѣтелей? А если они не могли представить таковыхъ, то предъ лицомъ Бога они являются лжецами.

«Не будь неисчерпаемой благости Божіей и Его милосердія въ сей жизни и будущей, васъ уже постигла бы страшная кара въ возмездіе за тѣ слухи, которые вы распространяли, заставляя ихъ перебѣгать изъ устъ въ уста и произнося своими губами то, о чемъ не имѣли достовѣрныхъ свѣдѣній, что вамъ казалось малозначущимъ, то въ глазахъ Бога имѣетъ большое значеніе.

«Отчего, внимая этимъ слухамъ, вы не сказали лучше такъ: къ чему мы говоримъ объ этомъ? Слава Тебѣ, Боже, это ужасная клевета.

«Богъ внушилъ вамъ относиться и впредь съ осторожностью

къ такого рода обвиненіямъ, если вы принадлежите къ числу вѣрующихъ.

«Богъ даетъ вамъ Свои наставленія: Онъ мудръ и всемогущъ.

«Кто любитъ распространять клеветы насчетъ вѣрующихъ, того постигнетъ тяжкое наказаніе.

«На этомъ и на томъ свѣтѣ. Богъ знаетъ все, а вы—ничего.

«Кто возводитъ обвиненіе на честныхъ женщинъ изъ числа вѣрующихъ, а онѣ убѣждены въ своей правотѣ и не спѣшатъ обнаружить истины, тотъ будетъ проклятъ и на этомъ и на томъ свѣтѣ и подвергнется страшному наказанію.

«Настанетъ день, когда ихъ языки, руки и ноги будутъ свидѣтельствовать противъ нихъ же.

«Въ тотъ же день Господь съ точностью воздастъ имъ по заслугамъ; они узнаютъ тогда, что Богъ—сама справедливость». (Сура 24-я, ст. 4—6, 11—19, 23—25).

Но въ концѣ концовъ, какова ни была эта исторія въ дѣйствительности, Мухаммедъ лишь себя долженъ былъ бы упрекнуть въ недостаткѣ наблюденія за едва четырнадцатилѣтней дѣвочкой. Какъ видно изъ выше приведенныхъ строкъ, урокъ не прошелъ незамѣченнымъ. Но за этими мѣрами послѣдовалъ еще цѣлый рядъ другихъ откровеній, содержащихъ мѣры относительно женщинъ вообще и женъ Пророка въ частности. Было бы слишкомъ долго приводить ихъ въ подробностяхъ, но укажемъ нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ.

«Прикажи вѣрующимъ ходить съ потупленными взорами и соблюдать воздержаніе. Это сдѣлаетъ ихъ еще болѣе чистыми. Богу извѣстны всѣ дѣянія ихъ.

«Внушай женщинамъ изъ вѣрующихъ опускать глаза долу и соблюдать воздержаніе, выставлять на видъ только наружныя украшенія, завѣшивать перси покрываломъ, показывать наряды только своимъ мужьямъ, или отцамъ, или свекрамъ, сыновьямъ или пасынкамъ, братьямъ или сыновьямъ братьевъ, сыновьямъ сестеръ, или женамъ этихъ послѣднихъ, или своимъ рабамъ, или слугамъ мужского пола, не имѣющимъ нужды въ женщинахъ, или дѣтямъ, не различающимъ еще половыхъ особенностей женщины. Пусть женщины не дѣлаютъ такихъ движеній ногами, при которыхъ обнаруживались бы ихъ скрытыя украшенія. Обращайте сердца ваши къ Богу, дабы быть счастливыми.

«Не вступавшихъ въ бракъ соединяйте союзомъ брачнымъ, честныхъ слугъ своихъ жените на служанкахъ; если онѣ бѣдны, то Богъ обогатитъ ихъ сокровищемъ своей благодати, ибо Богъ необъятенъ и знаетъ все.

«Женщины, неспособныя рождать и не надѣющіяся болѣе выйти замужъ, могутъ безъ стѣсненія снимать свои одежды, не

обнаруживая однако своихъ украшеній; но если онѣ воздержатся отъ этого, имъ же будетъ лучше. Богъ слышитъ и знаетъ все» (Сура 24-я, ст. 30—32, 59).

«О, Пророкъ! скажи своимъ женамъ если вы ищете роскошной жизни здѣсь, на землѣ, то ступайте: я готовъ удѣлить вамъ прекрасную долю и съ честью отпустить васъ.

«Но если вы ищете Бога и апостола Его и желаете себѣ мѣста и на томъ свѣтѣ, то Господь вѣдь уготовалъ прекрасныя награды тѣмъ, которые ведутъ жизнь добродѣтельную.

«О, жены Пророка! если одна изъ васъ провинится въ постыдномъ дѣяніи и будетъ въ этомъ уличена, Господь удвоитъ наказаніе ей Это легко для Господа

«Та же, которая твердо увѣруетъ въ Господа и Его апостола, которая будетъ творить благія дѣла, та получитъ двойную награду: мы уготовили ей прекрасную долю

«О, жены Пророка! вы не то, что остальныя женщины: если вы боитесь Бога, не проявляйте слишкомъ большой угодливости въ словахъ своихъ, изъ боязни, что человѣкъ, сердце котораго постигнуто невѣріемъ, заподозритъ васъ въ грѣховныхъ желаніяхъ. Рѣчь ваша пусть всегда будетъ приличной.

«Спокойно проводите время въ домахъ своихъ; не увлекайтесь роскошью, той роскошью, которая царила въ прежнія времена, во времена невѣжества; соблюдайте часы молитвы, творите милостыню; повинуйтесь Богу и Его апостолу. Господь желаетъ устранить все гнустное отъ всѣхъ васъ, отъ семьи его, и обезпечить за вами совершенную чистоту.

«Вызывайте въ памяти своей стихи Корана, которые прочитываютъ въ домахъ вашихъ, а также и поученія мудрости. Конечно, Господь добръ и освѣдомленъ обо всемъ.

«О, Пророкъ! тебѣ разрѣшено вступить въ бракъ со всѣми женщинами, которыхъ ты одаришь, съ плѣнницами, которыхъ Господь отдастъ въ твои руки, съ дочерьми дядей и тетокъ твоихъ какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны, которыя бѣжали вмѣстѣ съ тобой, и со всякой вѣрной женщиной, которая отдастъ свою душу Пророку, если Пророкъ пожелаетъ жениться на ней. Это преимущество, которые мы даемъ тебѣ передъ всѣми вѣрными.

«Мы знаемъ, что мы предписали вамъ относительно супругъ вашихъ и относительно плѣнницъ вашихъ для того, чтобы не было въ томъ грѣха съ твоей стороны. Богъ терпѣливъ и милосердъ.

«Одной, по своему выбору, ты можешь подать надежду, другую же, если тебѣ будетъ угодно, ты можешь взять къ себѣ на ложе; а также и ту, къ которой ты снова почувствуешь влеченіе, послѣ того, какъ ею уже пренебрегъ. И тебѣ не будетъ поставлено въ вину, если ты такъ поступишь. Такимъ образомъ

легче будетъ утѣшить ихъ. Пусть онѣ не печалятся, пусть довольствуются тѣмъ, что ты имъ даешь. Богу извѣстно, что кроется въ сердцахъ вашихъ. Знаніемъ обладаетъ Онъ и человѣколюбіемъ.

«Отнынѣ тебѣ не позволено брать иныхъ женъ, ни мѣнять ихъ на новыхъ, даже если бы красота ихъ очаровала тебя Но нѣтъ запрещенія относительно плѣнницъ, которыхъ ты можешь пріобрѣсти. Вѣдь Богъ за всѣмъ наблюдаетъ.

«О, вѣрующіе! не входите безъ позволенія въ домъ Пророка, если только васъ не пригласили принять участіе въ трапезѣ вмѣстѣ съ нимъ, и если васъ не ожидаютъ тамъ. Но когда вы приглашены, идите туда, но, принявши пищу, отдѣлитесь, а не вступайте развязно въ бесѣду, ибо все это причинитъ ему страданіе; Пророкъ покраснѣлъ бы, если бы ему пришлось сказать вамъ, но Господь не краснѣетъ передъ истиной. Если вы пожелаете спросить что-нибудь у женъ его, спрашивайте ихъ черезъ покрывало такъ и ваше и ихъ сердце сохранится въ чистотѣ. Избѣгайте причинять страданіе посланнику Божію Никогда не берите себѣ въ жены тѣхъ женщинъ, съ которыми онъ будетъ имѣть половыя сношенія, это было бы тяжкимъ преступленіемъ въ глазахъ у Господа

«Жены ваши могутъ снимать съ себя покрывало передъ своими отцами, передъ своими дѣтьми, передъ своими племянниками и женами ихъ и передъ своими рабами Бойтесь Господа Онъ является свидѣтелемъ всѣхъ вашихъ дѣяній.

«О, Пророкъ! предпиши женамъ и дочерямъ своимъ, а также всѣмъ женамъ вѣрующихъ, чтобы покрывала ихъ ниспадали до самаго низу, такъ легче имъ будетъ оставаться неузнанными и избѣжать клеветы всяческой. Богъ терпѣливъ и милосердѣнъ». (Сура 33-я, ст. 28—34, 49—53, 55, 59).

Такъ чреваты были послѣдствіями пустыя сами по себѣ обстоятельства. Въ томъ же году произошло нападеніе корайшитовъ на Медину.

«О, вѣрующіе! вспомните о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя Господь оказалъ вамъ, когда войска обрушились на васъ, и когда мы наслали вѣтеръ и армію невидимую, ибо Господь видитъ то, что вы дѣлаете.

«Тогда враги нападали на васъ и сверху и снизу; когда взоры ваши блуждали, а сердце подкатилось подъ самое горло, тогда вы имѣли о Господѣ всякаго рода мысли.

«А вѣрные подверглись въ то время жестокому испытанію, они дрожали какъ бы отъ сильной лихорадки.

«Когда лицемѣры и тѣ, сердца которыхъ были поражены болѣзнью, говорили: Господь по напрасну вамъ только наобѣщалъ.

«Когда одни изъ васъ говорили. о, жители Ятриба, нѣтъ для васъ здѣсь убѣжища, возвратитесь скорѣе домой, и иные изъ васъ просили у Пророка позволенія возвратиться назадъ, говоря: дома наши остались безъ защиты, нѣтъ, они не оставались незащищенными, но люди эти только хотѣли бѣжать отсюда.

«Если бы въ этотъ моментъ враги вступили въ Ятрибъ, если бы ихъ попросили совершать безчинства и избивать вѣрующихъ, то они предались бы имъ, но и въ этомъ случаѣ они остались бы тамъ на самый короткій срокъ.

«И однако они предварительно обѣщали Господу не обращаться въ бѣгство. Вѣдь о договорѣ, заключенномъ съ Господомъ, спрашивается отчетъ.

«Скажи: бѣгство не принесетъ вамъ никакой пользы. Если вы избѣжите смерти или избіенія на воинѣ, то и въ такомъ случаѣ вы вѣдь не долго будете наслаждаться жизнью.

«Скажи: кто дастъ вамъ убѣжище противъ Господа, если Онъ пожелаетъ наслать на васъ какое-нибудь несчастье или если пожелаетъ оказать вамъ Свое милосердіе. Вы не найдете противъ него ни помощника, ни покровителя». (Сура 33-я, ст. 9—17).

Въ шестой годъ геджры Мухаммедъ задумалъ совершить паломничество въ Мекку, результатомъ чего явилось десятилѣтнее перемиріе, заключенное въ Ходайбѣ.

«Господь удовольствовался тѣми вѣрующими, которые подали подъ древомъ тебѣ руку въ знакъ вѣрности; Ему вѣдомы мысли ихъ сердца; Онъ влилъ въ нихъ покой, Онъ тотчасъ же вознаградилъ ихъ побѣдой». (Сура 48-я, ст. 18)

Несмотря на заключеніе мира, отношеніе къ невѣрнымъ принимаетъ все болѣе и болѣе непріязненный характеръ.

«Только невѣрные поднимаютъ споры о знаменіяхъ Божіихъ; но пусть благоденствіе ихъ на сей землѣ не омрачаетъ тебя.

«Еще до нихъ народъ Ноя поступалъ съ Ноемъ, какъ съ лжецомъ, а послѣ сего народа еще сколько другихъ племенъ дѣлали то же. Каждый народъ замышлялъ козни противъ своихъ пророковъ и хотѣлъ насильно овладѣть ими, при помощи лжи вели они борьбу, чтобы ею задушить истину, но Я захватилъ ихъ всѣхъ, и вы видите, каково было мое наказаніе.

«Такъ исполняется относительно невѣрныхъ приговоръ твоего Господа: огню они будутъ преданы.

«Видѣли ли вы тѣхъ, которые спорили о знаменіяхъ божіихъ?—Что сталось съ ними?

«А считавшіе ложью книгу и другія откровенія довѣренныя, нами посланникамъ нашимъ, узнаютъ со временемъ истину.

«Въ ошейникахъ и закованные они будутъ увлечены въ адъ и тамъ преданы въ пищу огню.

«Имъ воскликнутъ тогда, гдѣ тѣ, которыхъ вы присоединяли къ Богу? И отвѣтятъ они: они впали отчасти въ заблужденіе, впрочемъ, мы никогда и ничего не призывали. Такъ Господь вовлекаетъ въ заблужденіе невѣрныхъ.

«Таково воздаяніе за вашу несправедливую наглость на землѣ и за ваши неумѣренныя радости.

«Вступите во врата геенны, чтобы остаться тамъ вѣчно. Какъ же ужасно это жилище для гордыхъ!

«Когда среди нихъ появились посланники, укрѣпленные очевидными доказательствами и своей миссіей, то они гордились тѣмъ знаніемъ, которымъ они обладали; но наказаніе, надъ которымъ смѣялись они, охватило ихъ со всѣхъ сторонъ

«А когда они испытали всю силу ударовъ нашихъ, они стали кричать: вотъ, вотъ, мы увѣровали въ Бога единаго: вотъ, вотъ, мы не вѣруемъ болѣе въ божества, которыя къ Нему мы присоединяли.

«Но вѣра ихъ, такъ внезапно охватившая ихъ, не послужила имъ ни къ чему, разъ они узнали силу нашу. Таковъ былъ постоянный обычай Господа по отношенію къ тѣмъ людямъ, которыхъ больше уже не существуетъ. Такъ погибаютъ невѣрные». (Сура 40-я, ст. 4—6, 71—76, 83—85).

Въ восьмой годъ геджры откровеніемъ приходится усмирять цѣлую домашнюю бурю, причиной которой было слишкомъ большое вниманіе Мухаммеда къ Маріи-Коптянкѣ. Обстоятельства этого дѣла были уже нами разсмотрѣны, обратимся прямо къ Корану.

«О, Пророкъ! зачѣмъ запрещаешь ты то, что разрѣшилъ Господь. Ты ищешь удовлетворенія у женъ твоихъ. Господь терпѣливъ и милосерденъ.

«Богъ позволилъ вамъ освобождать себя отъ клятвъ своихъ. Онъ покровитель вашъ. Онъ—знающій, мудрый.

«Однажды сообщилъ Пророкъ секретъ одной изъ женъ своихъ, а та передала его другой. Богъ же увѣдомилъ объ этомъ Пророка, который, въ свою очередь, объ одной части этого откровенія сообщилъ, а о другой умолчалъ. И когда Пророкъ сообщилъ объ этомъ женѣ своей, та спросила у него: кто освѣдомилъ тебя обо всемъ этомъ?—Мудрый освѣдомилъ меня, отвѣтилъ Пророкъ.

«Если вы возвращаетесь къ Богу, ибо уклонились сердца ваши (т. е. Хафсы и Айши), Богъ проститъ вамъ; но если вы соединитесь объ противъ Пророка, то знайте, что Богъ—покровитель его, что Гавріилъ и всякій справедливый человѣкъ изъ вѣрующихъ и ангелы окажутъ ему свою помощь.

«Если онъ отвергнетъ васъ, то Господь дастъ ему еще лучшихъ супругъ, женщинъ мусульманскихъ и вѣрующихъ, благочестивыхъ, охотно раскаивающихся, покорныхъ, соблюдающихъ постъ изъ которыхъ однѣ уже раньше были замужемъ, а другія—дѣвицы.

«О, вы, вѣрующіе! берегите семейства свои и самихъ себя отъ огня, пищей котораго будутъ люди и камни. Надъ ними же будутъ парить ангелы, жестокіе и страшные, которые не уклонятся отъ приказаній Господа, а исполнятъ Его волю». (Сура 66-я, ст. 1—6).

Въ томъ же году произошла битва при Мута и завоеваніе Мекки. Такимъ образомъ, въ девятомъ году геджры власть Мухаммеда распространилась уже на весь полуостровъ Этотъ годъ извѣстенъ подъ именемъ «года депутацій».

Въ томъ же году имѣла мѣсто послѣдняя предпринятая Мухаммедомъ экспедиція въ Табукъ. Мухаммедъ вновь обрушивается на лицемѣровъ. Падаетъ послѣдній оплотъ идолопоклонства на полуостровѣ—Танфъ. Здѣсь бы, казалось, голосъ Корана могъ зазвучать примирительно, но, наоборотъ, раздалась суровая рѣчь, сдѣлавшаяся тяжелымъ наслѣдіемъ будущихъ поколѣній ислама. Это было завѣщаніе Мухаммеда всѣмъ правовѣрнымъ.

«Господь и Его Пророкъ объявляютъ здѣсь изъятіе тѣмъ изъ язычниковъ, съ которыми вы заключите союзъ.

«Вы же, вѣрные, путешествуйте по странѣ четыре мѣсяца въ полной безопасности и знайте, что вы не превзойдете Бога, но что Господь покроетъ позоромъ невѣрныхъ.

«Такое заявленіе дѣлаетъ Господь и Пророкъ Его людямъ на тотъ день, когда совершается путешествіе къ великимъ святынямъ. Богъ свободенъ отъ всякихъ обѣщаній по отношенію къ язычникамъ такъ же, какъ и Его апостолъ. Если вы обратитесь къ Нему, для васъ же будетъ выгоднѣе, если вы отъ Него отвернетесь, знайте, что вы не будете сильнѣе Бога. Возвѣсти тяжкія наказанія невѣрующимъ.

«Но мы говоримъ здѣсь не о тѣхъ язычникахъ, съ которыми вы заключили миръ, и которые не нарушили его и не оказали своей помощи никому противъ васъ. Точно соблюдайте тѣ обѣщанія, которыя вы дали имъ, въ теченіе всего назначеннаго вами срока. Богъ любитъ боящихся Его.

«Когда же пройдутъ священные мѣсяцы, убивайте ихъ, захватывайте въ плѣнъ, осаждайте города ихъ и подстерегайте въ засадахъ, но если они обратятся къ Богу, если они будутъ соблюдать молитву, творить милостыню, оставьте ихъ въ покоѣ, ибо Богъ терпѣливъ и милосердъ.

«Если кто-нибудь изъ язычниковъ попроситъ у тебя убѣ-

жища, пріютп его для того, чтобы онъ могъ услышать слово Божіе, а затѣмъ отвези его въ безопасное мѣсто. Такъ предписано тебѣ, ибо то люди, ничего не вѣдающіе.

«Развѣ могъ бы состояться какой-нибудь договоръ между Богомъ, Его апостоломъ и язычниками, если только вы не заключите его въ домѣ молитвенномъ? Поскольку они будутъ поступать съ вами законно, постольку же и вы поступайте съ ними законно. Богъ любитъ боящихся Его.

«Какъ могли бы они соблюсти союзъ этотъ? Разъ они возьмутъ верхъ, они не будутъ уже обращать вниманія на кровныя связи, ни на клятвы свои. Устами своими они даютъ свое согласіе, а сердце ихъ далеко. Большинство изъ нихъ люди преступные.

«Они продаютъ поученія Господа за ничтожную цѣну, они совращаютъ и другихъ съ Его пути. Какъ дурны дѣянія ихъ!

«Они не обращаютъ никакого вниманія ни на кровныя узы, ни на клятвы свои въ отношеніи вѣрующихъ, ибо нѣтъ у нихъ справедливости.

«Но если они обращаются къ Богу, если они исполняютъ молитву, если они творятъ милостыню, то они являются братьями нашими по религіи. Мы точно изъясняемъ наши поученія тѣмъ, кто обладаетъ разумѣніемъ.

«Если они, заключивъ союзъ, нарушаютъ клятвы свои, нападаютъ на вашу вѣру, нападайте и вы на вождей невѣрныхъ (ибо по отношенію къ нимъ нѣтъ священныхъ клятвъ) для того, чтобы они прекратили свои злодѣянія.

«Неужели вы откажетесь сражаться съ народомъ, который нарушилъ клятвы свои и пытается изгнать пророка вашего? Вѣдь они являются зачинщиками? Развѣ вы не боитесь Бога? Онъ достоинъ того, чтобы вы Его боялись, если вы только въ Него вѣруете.

«Разите ихъ, чтобы Богъ покаралъ ихъ рукою вашей и покрылъ ихъ позоромъ, для того чтобы Онъ даровалъ вамъ побѣду надъ ними и исцѣлилъ сердца вѣрныхъ.

«Для того, чтобы Онъ уничтожилъ гнѣвъ въ сердцахъ невѣрныхъ. Богъ возвращается къ тѣмъ, къ кому пожелаетъ, ибо Онъ мудръ и обладаетъ всевѣдѣніемъ.

«Неужели вы думаете, что вы будете покинуты, какъ будто бы Богъ не признаетъ между вами тѣхъ, кто участвуетъ въ битвахъ и не признаетъ иного союза, какъ съ Богомъ, Его апостоломъ и вѣрующими? Богъ освѣдомленъ о дѣяніяхъ вашихъ.

«Зачѣмъ невѣрные стали бы посѣщать храмы Божіе, когда они сами свидѣтельствуютъ о своемъ невѣріи? Дѣянія ихъ не принесутъ плодовъ, а сами они пребудутъ вѣчно въ огнѣ адскомъ.

«Пусть храмы Божіе посѣщаются только тѣми, кто вѣритъ въ Бога и въ день страшнаго суда, кто соблюдаетъ молитву и

творитъ милостыню, и кто одного Его только и страшится. Таковые, быть можетъ, будутъ наставленны на путь правый.

«Неужели же тѣхъ, кто подаетъ воду странникамъ и посѣщаетъ молитвенные дома, вы поставите на одинъ уровень съ вѣрующими въ Бога и день страшнаго суда и сражающимися на пути Божьемъ? Нѣтъ, они не будутъ равны передъ Богомъ. Богъ не даетъ направленія дурнымъ людямъ.

«Покинувшіе родину свою и ревностно сражавшіеся на пути господнемъ займутъ еще болѣе высокую степень передъ Господомъ. Они будутъ счастливы.

«Господь возвѣщаетъ имъ о Своемъ милосердіи и благоволеніи, и о садахъ райскихъ, гдѣ они непрерывно будутъ вкушать наслажденія

«Они пребудутъ тамъ вѣчно, во вѣки вѣковъ, ибо награды Господа неизмѣримы.

«О, вѣрующіе! ни отца, ни брата не считайте другомъ своимъ, если они невѣрію отдаютъ предпочтеніе передъ закономъ. Тѣ, кто нарушатъ предписанія эти, будутъ дурными людьми

«Если отцы ваши и дѣти, братья ваши и жены, родственники ваши, богатства, пріобрѣтенныя вами, торговля, упадка которой вы такъ боитесь, и жилища, которыми вы такъ любуетесь,—если все это вамъ дороже Бога, Его апостола и священной войны, то неужели же вы думаете, что Господь самъ явится исполнить Свое дѣло? Богъ не даетъ направленія дурнымъ людямъ.

«Богъ многократно оказывалъ вамъ свою помощь: оказалъ онъ ее и въ день при Хонейнѣ, когда вы гордились своей многочисленностью, которая однако вамъ ни къ чему не послужила: какъ ни была обширна земля, она оказалась тогда для васъ тѣсной, и вы обратились въ бѣгство.

«Затѣмъ Господь опустилъ покровъ защиты Своей на апостола Своего и на вѣрующихъ Онъ приказалъ снизойти съ неба, для васъ арміи незримой и наказалъ тѣхъ, которые не увѣровали. Таково возмездіе невѣрнымъ.

«И Богъ возвратится къ тѣмъ, къ кому Онъ пожелаетъ, ибо Онъ терпѣливъ и милосердъ.

«О, вы, вѣрующіе! тѣ, кто присоединяетъ (другія божества къ Богу).—люди нечистые, они не должны уже приближаться къ дому молитвенному, послѣ того какъ минетъ годъ этотъ. Если вы боитесь бѣдности, то Господь обогатитъ васъ сокровищами Своей милости. Онъ мудръ и обладаетъ всевѣдѣніемъ.

«Войною идите на тѣхъ, кто не вѣруетъ въ Бога и день страшнаго суда, кто не считаетъ запретнымъ запрещенное Господомъ и Его апостоломъ, и на тѣхъ изъ людей Писанія, которые не исповѣдываютъ истинной вѣры. Войною идите на нихъ до тѣхъ поръ, пока они не станутъ вашими данниками, всѣ безъ исключенія, и не будутъ усмирены». (Сура 9-я, ст.1—29).

Глава шестая.

Если основываться только на нѣкоторыхъ словахъ Корана, то слѣдовало бы вывести заключеніе, что всякія толкованія для него излишни, такъ какъ онъ говоритъ:

«Мы однако доставили имъ книгу (т. е. Коранъ) и мудро растолковали ее для того, чтобы она указывала направленіе и была милосердіемъ Божіимъ для вѣрующихъ.

«Ждутъ ли они еще новаго толкованія? Когда же наступитъ день для ея толкованія, то пренебрегающіе ею здѣсь, на землѣ, воскликнутъ: «апостолъ Господа приносилъ намъ истину. Не найдется ли заступника для насъ, или нельзя ли намъ будетъ вернуться назадъ на землю?» (Сура 7-я, ст. 50, 51).

Однако, на дѣлѣ это не такъ. Коранъ далеко не такъ ясенъ, чтобы быть доступнымъ всякому, и коментаріи его многочисленны. Этому, правда, не приходится удивляться, такъ какъ Коранъ является основой не только религіи мусульманъ, но и главнымъ правиломъ всей ихъ жизни. Кромѣ того, они одновременно являются и апологіей священной книги. Исполняя свое истинное назначеніе, они объясняютъ текстъ Корана, въ чемъ встрѣчается настоятельная нужда.

Пока не встрѣтится противорѣчій, все идетъ гладко; но разъ явилось противорѣчіе между текстами Корана, и нѣтъ опредѣленнаго указанія относительно отмѣны того или другого изъ нихъ, благочестивый мусульманинъ постольку же является апологетомъ, поскольку и комментаторомъ.

Очевидно, что Богъ не можетъ противорѣчить Себѣ самому, и, слѣдовательно, приходится выбирать одинъ изъ двухъ противорѣчащихъ другъ другу стиховъ. Но—какой выбрать? Кромѣ того, предварительно надо истолковать ихъ. Какъ истолковать? Хорошо, если стихи имѣютъ независимый смыслъ, но если они могутъ быть уяснены лишь въ связи съ другими? Разъ ихъ приходится толковать въ связи съ другими, то понятно, что, въ зависимости отъ того или другого сочетанія, долженъ измѣняться и смыслъ цѣлой группы стиховъ. Слѣдовательно, надо и тому и другому стиху дать такое толкованіе, которое, несмотря на очевидное противорѣчіе, въ концѣ концовъ было бы пріемлемо. Вслѣд-

ствіе этого иногда комментатору приходится рѣшать вопросъ, такъ, что противорѣчіе является лишь внѣшнимъ, а внутренній смыслъ долженъ быть въ гармоніи съ цѣлымъ, ибо Богъ можетъ вести къ истинѣ различными путями, и человѣку не дано проникать въ нѣкоторыя тайны.

Пока былъ живъ Мухаммедъ, всѣ недоразумѣнія рѣшались, и всѣ сомнѣнія разъяснялись на мѣстѣ, и все казалось яснымъ. Но ясность эта была мнимая, и божественная книга казалась мусульманамъ ясной не въ силу такового качества своей рѣчи, а въ силу присутствія Мухаммеда. Это гораздо проще, чѣмъ можетъ показаться на первый взглядъ.

Психологически это объясняется тѣмъ, что, вѣчно состоя подъ началомъ, человѣкъ лишается способности проявить инициативу: получая всегда готовый отвѣтъ на только что зародившійся въ его умѣ и даже не успѣвшій еще развиться въ стройную мысль вопросъ, онъ разучивается или не получаетъ привычки глубоко думать. Таково было положеніе Спутниковъ.

Историческое объясненіе этому мы находимъ въ томъ, что почти до самой смерти Мухаммеда откровенія не прекращались, —пока еще надо было только запоминать, обдумывать какъ слѣдуетъ еще не было времени. Кромѣ того, большинство Спутниковъ Пророка едва ли, по своимъ умственнымъ способностямъ и при своемъ духовномъ кругозорѣ, были способны предложить извѣстные вопросы, которые потомъ казались такими естественными. Они искренно вѣрили въ то, что проповѣдывалъ Мухаммедъ, и вѣра ихъ не была любопытна: «такъ сказалъ Господь», это объясняло все. Рѣдко они задавали вопросы Пророку, потому что «Коранъ запретилъ имъ это дѣлать», и чаще Мухаммедъ самъ ихъ спрашивалъ, понимаютъ ли они то или другое, и на это слѣдовалъ стереотипный отвѣтъ: «это лучше извѣстно Богу и Его Пророку».

Была еще третья причина, также не лишенная важности: это—опасеніе быть смѣшанными съ невѣрными. Тѣ задавали Мухаммеду различные вопросы—иногда съ цѣлью посмѣяться надъ нимъ и надъ его ученіемъ, а иногда и съ искреннимъ недоумѣніемъ. А такое недоумѣніе жило и въ сердцахъ нѣкоторыхъ вѣрныхъ, которые дышали однимъ воздухомъ, жили одной жизнью, мыслили одинаковымъ образомъ съ невѣрными—вплоть до того времени, какъ одинъ за другимъ приходили къ Мухаммеду и говорили ему: «запиши насъ въ число вѣрующихъ въ единаго Бога и Его Пророка». Моментально эти сомнѣнія не могли исчезнуть изъ сердецъ вѣрныхъ, но вопросы стыли у нихъ на устахъ, когда на подобные же вопросы, заданные невѣрными, Мухаммедъ отвѣчалъ громовыми откровеніями.

Такимъ образомъ, при жизни Мухаммеда для безпокойнаго исканія мысли мѣста не было. Но умеръ Мухаммедъ, и вѣрные

принуждены были разобраться въ доставшемся имъ наслѣдствѣ. Съ этого то времени и начинается толкованіе.

Отцомъ толкованія считается Ибнъ-Аббасъ, сынъ дяди Мухаммеда. Онъ открылъ публичные курсы, на которыхъ читалъ и толковалъ Коранъ. Его толкованіе послужило основой для всѣхъ комментаріевъ въ первые четыре вѣка геджры. Комментарій, написанный имъ, сохранился: имѣется шесть различныхъ изданій его, и всѣ болѣе или менѣе разнятся между собою, доходя иногда до очень крупныхъ противорѣчій. [1]).

Это можно объяснить тѣмъ, что переписчики прибавляли иногда свое, иногда выбрасывали и исправляли то, что имъ казалось неправильнымъ. Эта небрежность въ обращеніи съ сочиненіемъ, которое имѣло, и, какъ можно было видѣть, и впредь должно было имѣть громадное значеніе, была по меньшей степени непростительна. Это представляетъ одну изъ главнѣйшихъ трудностей при изученіи источниковъ мусульманскаго права. Подобное внесеніе въ книгу чуждаго ей матеріала, безъ соотвѣтственныхъ объясненій, или, наоборотъ, позаимствованіе изъ другихъ сочиненій, безъ указанія источника, порождали путаницу, разобраться въ которой прямо не представлялось возможности. Для толкованія же Корана было безусловно важно установить хронологію источниковъ

Ріядъ Гали указываетъ еще другую трудность: она состоитъ «въ именахъ которыя давали ученымъ, напримѣръ, Фахръуль-исламъ (т. е. Гордость ислама), Шамсъ-уд-динъ (т е. Солнце вѣры) и др. Иногда это собственныя имена, иногда нарицательныя,—какъ различить ихъ, когда мы ихъ встрѣчаемъ въ своихъ чтеніяхъ? Прибавимъ къ этому собственныя имена, прозвища, имена отцовъ и дѣдовъ; замѣтимъ, что каждый авторъ пользуется каждымъ изъ этихъ именъ для обозначенія автора цитируемаго мнѣнія, такъ что одинъ и тотъ же авторъ или одно и то же лицо въ одной и той же книгѣ называется тремя или четырьмя различными именами .. Нѣкоторые изъ Спутниковъ Пророка просто обозначены подъ именемъ Абдулла, но такихъ Абдулла было множество» [2]).

Трудъ комментатора не легокъ потому, что тѣ вопросы, разъясненіемъ которыхъ ему приходится заниматься, въ большинствѣ случаевъ лишь вскользь упомянуты въ Коранѣ. И порою совершенно невозможно было бы сдѣлать какой нибудь разумно логическій выводъ, если бы не было разъясненій, оставленныхъ самимъ Пророкомъ и сохраняемыхъ въ преданіи.

«Работа эта трудна еще вслѣдствіе обилія противорѣчій въ Коранѣ: приходится рѣшать вопросъ, что добро, и что худо, и

[1]) E. Sell Muhammadan Controversy. p. 142.

[2]) Riad Ghali. Tradition comme source du droit mus p. 9.

оказывается, что запрещенное въ одномъ стихѣ разрѣшается другимъ. Для мусульманъ этого противорѣчія не существуетъ, такъ какъ они говорятъ, что есть отмѣненные стихи и есть отмѣняющіе, слѣдовательно, вопросъ сводится къ опредѣленію датъ противорѣчивыхъ откровеній.

«Изъ этого видно, что мало прочесть точный переводъ Корана для того, чтобы ознакомиться съ сущностью той или другой доктрины. Всегда можно напасть на сомнительный или на отмѣненный стихъ. У мусульманъ существуетъ по этому поводу историческій анекдотъ, очень ярко иллюстрирующій данное положеніе. Дѣло было около вѣка тому назадъ. Генералъ Мэнуженился на мусульманкѣ и, возвратившись во Францію, онъ убѣдилъ свою жену перейти въ христіанство, прочитавъ ей переводъ того мѣста Корана, въ которомъ говорится, что всѣ, христіане и евреи, которые вѣруютъ въ единаго Бога и будущую жизнь, будутъ спасены. Переводъ былъ строго точенъ, но стихъ отмѣненъ!» [1])

Первое толкованіе состояло главнымъ образомъ въ припоминаніи того, какъ Мухаммедъ объяснялъ извѣстный стихъ, что онъ говорилъ или дѣлалъ въ такомъ то случаѣ,—такимъ образомъ параллельно съ толкованіемъ Корана собиралась и Сунна безъ которой и Коранъ былъ неясенъ, и не былъ возможенъ иджтихадъ. Эти вопросы у насъ уже разсмотрѣны выше, и здѣсь мы на нихъ останавливаться не будемъ. Припомнимъ лишь то, что первоначально происходило лишь собираніе сырого матеріала: при противорѣчивости его о какомъ-нибудь окончательномъ толкованіи не могло быть и рѣчи до полнаго сбора всего матеріала. Далѣе мы видѣли, что эта работа выпала главнымъ образомъ на долю четырехъ великихъ имамовъ. Всѣ основатели ортодоксальныхъ школъ старались истолковать смыслъ стиховъ Корана, сопоставляя ихъ съ текстами хадисовъ. Когда они не могли найти въ хадисахъ объясненія, равно не находили его и въ жизни Пророка, они вникали въ духъ хадисовъ, чтобы прійти къ какому-либо выводу, и такимъ образомъ они достигли извѣстной гармоніи. Эти ученые говорили: «если какое-нибудь указаніе хадисовъ находится въ противорѣчіи съ ученіемъ моей школы, слѣдуйте хадисамъ, а не моей школѣ, такъ какъ ученіе моей школы состоитъ изъ того, что утверждено хадисами» [2]).

Отсюда значеніе Сунны для толкованія Корана видно совершенно ясно. Иначе не можетъ и быть, такъ какъ Коранъ въ себѣ самомъ таитъ сѣмена раздора. Какъ только захотѣли заняться изученіемъ его, представились «безчисленныя затрудненія, которыя неизбѣжно должны были привести лучшіе умы къ сом-

[1]) O. Houdas. L'islamisme. pp. 78, 79.

[2]) C.-Benattar. L'esprit libéral du Coran. pp. 38, 39.

нѣнію и ереси Ортодоксальные мусульмане, не будучи въ силахъ опровергать всѣ народившіяся ереси систематически, ограничивались тѣмъ, что возражали, что Коранъ не долженъ быть толкуемъ аллегорически, ни браться всегда въ слишкомъ буквальномъ смыслѣ, они говорили, что, когда невозможно примирить два противорѣчивыхъ указанія, то слѣдуетъ допустить, что здѣсь тайна, и что въ такомъ случаѣ было бы совершенно напрасно стараться найти то, что Богу было угодно скрыть отъ насъ» [1]).

Всякій ли можетъ толковать Коранъ, и, если не всякій, то кто именно, и какія качества для этого требуются? На это мы имѣемъ вполнѣ точный и опредѣленный отвѣтъ.

Сюйюти, авторъ Иткана, говоритъ во введеніи къ своему труду, что всякій берущійся толковать Коранъ долженъ прежде всего ознакомиться съ нимъ, а для этого требуется знать, меккенскія и мединскія суры; суры, открытыя дома, во время путешествія, днемъ, ночью, зимой, лѣтомъ, въ постели, во снѣ, на небѣ, на землѣ; раньше открытыя и позже открытыя суры, причину различныхъ откровеній: то, что было открыто устами другихъ людей, а не Мухаммедомъ, то, что было дважды открыто; что сдѣлалось закономъ раньше, чѣмъ было открыто въ Коранѣ, и что сдѣлалось закономъ послѣ того, какъ было открыто въ Коранѣ; мѣста открытыя цѣликомъ, и части, открытыя отдѣльно; что было открыто и другимъ пророкамъ, и что было открыто только одному Мухаммеду, способъ, какимъ происходило откровеніе Корана; имена Корана и названія суръ: собираніе и расположеніе Корана; различные кираэты; основанія для различныхъ чтеній; науку чтенія Корана, что написано не на арабскомъ языкѣ, что ясно, и что требуетъ толкованія: отмѣняющіе стихи и стихи отмѣненные: мѣста, внѣшнимъ образомъ противорѣчивыя; что должно быть понимаемо въ прямомъ смыслѣ, и что въ аллегорическомъ; сравненія и уподобленія, употребляемыя въ Коранѣ; красоты и превосходства Корана, его риѳмы, науки, получившія происхожденіе отъ Корана и т. д. [2]).

Изъ этого, далеко еще не полнаго, перечня можно видѣть, что къ комментатору предъявляются немалыя требованія, что лишаетъ возможности «всякаго» быть комментаторомъ

Говоря о комментаторахъ, нельзя не обратить вниманія на очень характерный фактъ. Хотя Коранъ и есть «книга арабская», посланная съ неба на этомъ языкѣ «для легкаго пониманія», но, когда дѣйствительно потребовалось пониманіе Корана, и явилась

---

[1]) S.-Guyard. La civilisation musulmane. p. 38.

[2]) Loc. cit. Klein Religion of islam. p 23.

нужда въ толковании, то главную роль въ этомъ дѣлѣ сыграли не арабы, а персы

«Завоеваніе Персіи исламомъ было, можетъ быть, менѣе глубоко и менѣе полно, чѣмъ завоеваніе ислама иранскимъ духомъ; не говоря уже о шиизмѣ, который былъ реформой болѣе важной, чѣмъ реформа Лютера въ лонѣ христіанства, и въ которомъ старинныя иранскія вѣрованія проглядываютъ со всѣхъ сторонъ, даже самъ суннизмъ не замедлилъ попасть въ руки персовъ. Всѣ главнѣйшія сочиненія, толковательныя и догматическія, на которыхъ и основано все толкованіе Корана, обязаны персамъ». [1]).

Съ тѣмъ, что шиизмъ занялъ въ исламѣ мѣсто лютеранства въ лонѣ христіанской церкви, согласиться едва ли можно, но иранскій духъ въ исламъ проникъ, это правда, и начало этому было положено еще до завоеванія Персіи.

Однимъ изъ знаменитыхъ коментаторовъ—персовъ является Замахшари

Абуль-Касимъ Махмудъ-аз-Замахшари не былъ ортодоксальнымъ мусульманиномъ, онъ открыто почти проповѣдывалъ, или по крайней мѣрѣ исповѣдывалъ, идеи мутазелитовъ, и несмотря на это его замѣчательный комментарій Кашшафъ даже и теперь принятъ въ мусульманскихъ ортодоксальныхъ школахъ. Чтобы принять его комментарій, пришлось измѣнить все на всего одно слово. Его комментаріи начинался словами «Хвала Богу, сотворившему Коранъ». Друзья Замахшари сказали ему, что народъ откажется пользоваться такимъ комментаріемъ. Тогда онъ подумалъ немного и сдѣлалъ уступку, въ которой онъ не видѣлъ никакого ущерба для своихъ идей: вмѣсто «сотворилъ» онъ поставилъ «учредилъ». Но ортодоксальные мусульмане и это нашли недостаточнымъ и вмѣсто «учредилъ» написали «открылъ». Основной характеръ Кашшафа, это—проведеніе идеи, что предписанія Корана не являются чѣмъ-либо абсолютно законченнымъ, и что сообщенія Пророка могутъ быть толкуемы менѣе буквально, чѣмъ того требуютъ сунниты. Такія идеи вызвали бурю, но, не соглашаясь съ идеями по обязанности правовѣрія, никто не могъ возразить противъ логической послѣдовательности разсужденій и доказательствъ. [2]).

Кромѣ Замахшари, въ числѣ главнѣйшихъ коментаторовъ Корана слѣдаютъ отмѣтить: Мухаммеда Фахр-уд-дина Рази, Аль-Багави, Аль-Байдави, Джалаль-уд-дина, Хусеина. Послѣдній комментарій, написанный на персидскомъ языкѣ, хотя и не отличается полнотою болѣе старыхъ, но вполнѣ достаточенъ для выясненія всѣхъ темныхъ мѣстъ чуждой намъ религіи.

Позднѣйшіе комментаторы, которыхъ очень много, не вно-

---

[1]) Blochet. Etudes sur l'histoire religieuse de l'Iran. I p. 9.

[2]) Galland. Mo'tazelites pp. 108—110.

сятъ уже въ толкованіе Корана ничего оригинальнаго, а главнымъ образомъ цитируютъ капитальные труды своихъ предшественниковъ. За лучшими изъ нихъ имѣется то преимущество, что, содержа въ себѣ основныя идеи древнихъ комментаріевъ, они, при своей относительной краткости, являются почти столь же полными.

Выше было уже сказано о тѣхъ недостаткахъ, которые представляетъ Коранъ въ своемъ настоящемъ видѣ,—отсутствіе какой-либо хронологіи, зачастую отсутствіе всякой оргическої связи, историческія неточности. Въ Коранѣ очень много противорѣчивыхъ мѣстъ, другія непонятны, и смыслъ ихъ былъ извѣстенъ только Пророку. Это знаніе онъ сообщилъ своимъ Спутникамъ:

«Мы посылали ихъ съ чудесами и книгами. И тебѣ также мы дали книгу для того, чтобы ты объяснилъ людямъ то, что имъ было послано, и чтобы они поразмыслили» (Сура 16-я, ст. 46).

Ибнъ-Халдунъ говоритъ [1]): «Пророкъ раскрылъ смыслъ, сдѣлалъ различіе между отмѣняющими и отмѣненными стихами и сообщилъ это знаніе своимъ Спутникамъ. Изъ его устъ они узнали значеніе стиховъ, и обстоятельства, которыми сопровождалось открытіе каждаго стиха». Наученные такимъ образомъ, Спутники въ совершенствѣ освоились со всѣмъ откровеніемъ. Свое знаніе они передали своимъ послѣдователямъ, а тѣ своимъ. Искусство письма сдѣлалось тогда всеобщимъ.

«Дѣломъ комментатора стало собирать вмѣстѣ слова Спутниковъ, пущенныя такимъ образомъ въ обращеніе. Критика кораническаго текста не входила въ его обязанность, критика комментарія къ нему, сдѣланнаго Спутниками, была совершенно внѣ его компетенціи: первый былъ слишкомъ священенъ, чтобы прикасаться къ нему, второй долженъ былъ быть принятъ, если только цѣпь передатчиковъ преданія правильно замыкалась. Таковы были правила толкованія, установленныя въ ранній періодъ ислама. Каждое слово, каждая мысль имѣютъ теперь свое мѣсто и свой классъ. Современный комментаторъ долженъ лишь воспроизвести то, что было написано ранѣе, хотя онъ можетъ, для пролитія большаго свѣта въ данномъ мѣстѣ, привести какое-нибудь преданіе, до того времени не отмѣченное. Однако даже и это не легко сдѣлать». [2]). Все, что только возможно было использовать, было использовано. Комментаторы Корана очень много заимствовали изъ хадисовъ, и, главнымъ образомъ благодаря этимъ послѣднимъ, они могли опредѣлить, къ какой категоріи принадлежитъ каждый отдѣльный стихъ, и является ли онъ отмѣняющимъ, отмѣненнымъ или сомнительнымъ. Не всѣ однако преданія принимались одинаково, ибо среди нихъ было не мало и ложныхъ.

[1]) II. 459. Loc. cit. E. Sell. Faith of islam. p. 69

[2]) Idem.

Съ другой стороны, вполнѣ возможно допустить, что было не мало преданій не столько ложныхъ, сколько неудобныхъ. Допустимъ далѣе, что Коранъ дѣйствительно является откровенной книгой, но всю Сунну безъ очень большой натяжки едва ли можно признать словомъ Бога, даже при самой широкой довѣрчивости. Мухаммедъ отнюдь не былъ ученымъ теологомъ, и промахи съ его стороны были болѣе чѣмъ вѣроятны. Ибнъ-Аббасъ, считавшійся отцомъ толкованія, однажды сказалъ своимъ друзьямъ: «если бы я сталъ учить всему (что самъ знаю), народъ побилъ бы меня камнями» [1]. И онъ говорилъ такъ не одинъ.

Общеустановленныя правила для толкованія Корана касались отдѣльныхъ словъ, стиховъ и суръ. Такъ какъ стихи состояли изъ отдѣльныхъ словъ, то первымъ дѣломъ и пришлось классифицировать слова.

Слова Корана по своему значенію раздѣляются на четыре класса:

1) «хассъ», т. е. частныя или спеціальныя слова, которыя, въ свою очередь, подраздѣляются на три группы.

а) родовыя, напр., человѣчество,

б) видовыя, напр., мужчина въ отличіе отъ женщины,

в) личныя, напр., Абдулла.

2) «аммъ», т. е. имена общія или собирательныя, напр., народъ.

3) «муштаракъ», или общія для нѣсколькихъ. Это—слова, имѣющія нѣсколько различныхъ значеній, но въ каждомъ данномъ случаѣ можетъ быть годно лишь одно изъ этихъ нѣсколькихъ значеній.

4) «муавваль», или аллегорическія, т. е. допускающія много различныхъ толкованій, изъ которыхъ нѣсколько могутъ быть примѣнены совершенно съ равнымъ правомъ.

По способу употребленія, слова Корана также раздѣляются на четыре группы:

1) «хакикатъ»—слова, употребленныя въ положительномъ смыслѣ,

2) «маджазъ» — слова, употребленныя въ фигуральномъ смыслѣ,

3) «сарихъ»—слова, смыслъ которыхъ совершенно очевиденъ.

4) «кинайя»—слова, которыя могутъ быть уяснены только въ связи съ другими.

Когда изучающій Коранъ освоился въ совершенствѣ съ отдѣльными словами, онъ переходитъ къ анализу цѣлыхъ выраженій. Они раздѣляются на очевидныя или ясныя и сокровенныя или требующія толкованія. Это основано на текстѣ Корана.

«Онъ послалъ тебѣ книгу отъ Себя. Одни стихи этой книги неизмѣнны и представляютъ изъ себя какъ бы мать книги,

[1]) E Sell Muhammadan Controversy. p 131

другіе же требуютъ толкованія тѣ, сердце которыхъ уклонилось съ пути истины, ищутъ иносказаній, ибо они желаютъ смуты и имъ хочется стать толкователями. Но толкованіе доступно лишь Богу. Люди, обладающіе твердымъ знаніемъ, скажутъ мы вѣруемъ въ эту книгу, все, что заключается въ ней исходитъ отъ Господа нашего Да, разумѣющіе только одаренные разумомъ» (Сура 3-я, ст. 5)

Это одинъ изъ важнѣйшихъ стиховъ Корана для толкованія, и мы еще вернемся къ нему впереди.

Итакъ, стихи Корана раздѣляются на очевидные и сокровенные Очевидные, въ свою очередь, подраздѣляются на.

1) «захиръ»—явные, значеніе которыхъ понятно съ перваго взгляда: если они положительнаго характера и не отмѣнены, они разсматриваются, какъ приказаніе Бога.

2) «нассъ»—дѣлающіеся ясными изъ разбора находящихся въ нихъ словъ.

3) «муфэссаръ»—такіе, для пониманія которыхъ требуется прибавленіе нѣсколькихъ объяснительныхъ словъ.

4) «мухкэмъ»—категорическіе служатъ для выраженія общихъ сентенцій, велѣній и не могутъ быть отмѣнены.

На столько же группъ раздѣляются и сокровенные стихи:

1) «хафи»—скрытые подъ упоминаемыми въ нихъ лицами и вещами скрываются другія

2) «мушьиль»—допускающіе разное толкованіе, причемъ каждое можетъ считаться только болѣе или менѣе приблизительнымъ.

3) «муджмэль»—составленные изъ словъ, допускающихъ различное толкованіе; и, слѣдовательно, сами допускающіе различное толкованіе Или это тѣ, въ которыхъ имѣется рѣдко встрѣчающееся слово, смыслъ котораго непонятенъ.

4) «муташабихъ»—понятіе ихъ не доступно для человѣческаго ума. [1]).

Итканъ такъ говоритъ о раздѣленіи стиховъ:

«Очевидными стихами называются тѣ, которые понятны безъ всякаго фигуральнаго толкованія; сомнительные или аллегорическіе тѣ, знаніе которыхъ Богъ оставилъ Себѣ. Таковы стихи о послѣднемъ днѣ, о пришествіи антихриста, буквы въ началѣ суръ, выраженія, какъ лицо, рука, когда они примѣняются къ Богу. Этимъ стихамъ надо вѣрить, но они не могутъ быть объяснены» [2]).

Безусловно однимъ изъ самыхъ трудныхъ мѣстъ толкованія является ученіе объ отмѣняемыхъ и отмѣняющихъ стихахъ. Теоріи относительно этихъ стиховъ очень различны Приводимъ нѣкоторыя.

---

[1]) E Sell Faith of islam pp 70—76

[2]) Loc. cit Klein Religion of islam. p 21.

Если нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній объ отмѣнѣ, то выражающіи велѣніе стихъ является отмѣняющимъ, и по смыслу его должно поступать. Сомнительные стихи—отмѣненные

Или—ясные стихи тѣ, которые выражаютъ отмѣну, велѣніе, запрещеніе, ограниченіе и все, относящееся до вѣрованія и религіозной практики. Сомнительные стихи тѣ, которые отмѣнены или касаются вопросовъ вѣры, не имѣющихъ примѣненія на практикѣ.

Или—ясные стихи тѣ, смыслъ которыхъ Богу угодно было передать людямъ, а сомнительные тѣ, смыслъ которыхъ ясенъ лишь Богу, какъ напр. стихи о послѣднемъ часѣ.

Или—ясные стихи тѣ, которые допускаютъ лишь одно толкованіе, а сомнительные тѣ, которые допускаютъ ихъ нѣсколько.

Или—ясные тѣ, которые имѣютъ независимый смыслъ, а сомнительные тѣ, которые такого смысла не имѣютъ

Ибнъ-Аббасъ называетъ себя «расихъ», что обозначаетъ человѣка, въ совершенствѣ знакомаго съ религіей, и онъ говорилъ, что онъ знаетъ объясненіе сомнительныхъ стиховъ, но «вѣрнѣе считать, что объясненіе такихъ стиховъ не можетъ знать никто, кромѣ Бога» [1]).

Мнѣніе улемовъ относительно отмѣны стиховъ Корана различно. Одни говорятъ, что текстъ Корана можетъ быть отмѣненъ только и исключительно текстомъ же Корана. Другіе же держатся такого мнѣнія, что кораническій текстъ можетъ быть отмѣненъ и Сунной, такъ какъ и она является словомъ Бога. Сунна можетъ отмѣнить Коранъ въ томъ случаѣ, говорятъ они, когда она является откровеніемъ вахи. Если же Сунна является только иджтихадомъ, то отмѣнить текста Корана она не можетъ; правда, имамъ Шафи допускаетъ отмѣну и въ послѣднемъ случаѣ, но другіе имамы считали болѣе благоразумнымъ не допускать этого [2]).

Но каковы бы ни были теоріи относительно отмѣны стиховъ, фактъ присутствія въ Коранѣ этихъ стиховъ не подлежитъ сомнѣнію, и, такъ какъ комментатору приходится съ ними встрѣчаться, то онъ долженъ знать ихъ, иначе толкованіе его не можетъ быть правильнымъ. Случалось такъ, что новое откровеніе измѣняло или отмѣняло смыслъ предыдущаго, но слова оставались, и отъ этого происходило очевидное противорѣчіе.

Коранъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ упоминаетъ объ отмѣнѣ стиховъ.

«Если мы замѣщаемъ въ этомъ Коранѣ одинъ стихъ другимъ (Богъ лучше другихъ знаетъ, что Онъ даетъ въ Своемъ откровеніи), они говорятъ, что ты самъ его изобрѣлъ. Нѣтъ, но большинство изъ нихъ ничего не знаетъ» (Сура 16-я, ст. 102).

---

[1]) Тафсир-и-мэвакибъ, т. I. стр 198, 199.

[2]) Тамъ же т. I стр. 192.

«Мы не отмѣнимъ ни одного стиха изъ книги этой, ни одного изъ нихъ не уничтожимъ въ памяти твоей, не замѣстивъ его лучшимъ или равнымъ. Знаешь ли ты, что Богъ всемогущъ?» (Сура 2-я, ст 100).

«Одно Богъ уничтожаетъ, другое поддерживаетъ сообразно волѣ Своей. Мать книги въ рукахъ у Него» (Сура 13-я, ст. 39).

«Мы научимъ тебя читать Коранъ, и ты ничего не забудешь, если это не будетъ угодно Богу; ибо Ему извѣстно что у всѣхъ на виду, и что остается скрытымъ» (Сура 87-я, ст. 6, 7).

Нѣкоторые стихи, которые были отмѣнены, теперь уже не существуютъ. «Абдулла-ибнъ-Масудъ говоритъ, что однажды Пророкъ сказалъ стихъ, который онъ немедленно же записалъ. Утромъ онъ увидалъ, что этотъ стихъ исчезъ съ того матеріала, на которомъ былъ написанъ. Удивившись этому, онъ увѣдомилъ о томъ Пророка, и отъ него узналъ, что данный стихъ былъ отмѣненъ». [1]).

Къ сожалѣнію, Ибнъ-Масудъ скупъ на подробности, и не извѣстно, на какомъ именно матеріалѣ былъ написанъ означенный стихъ, и гдѣ этотъ матеріалъ хранился. Если бы всѣ подробности были извѣстны то это могло бы служить лишнимъ шансомъ для выясненія вопроса, умѣлъ Мухаммедъ читать или нѣтъ. Кромѣ того, въ этомъ преданіи на себя обращаетъ вниманіе поразительная скорость отмѣны вѣчное слово Бога просуществовало одну только ночь и вернулось въ небытіе. Можно объяснить отмѣну велѣніи, имѣвшихъ временный характеръ, но здѣсь объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

Въ преданіи мы находимъ другой подобный примѣръ.

«Ибнъ-Омаръ передаетъ. «Однажды Пророкъ прочелъ одну суру двумъ человѣкамъ. Они ее читали. Однажды вечеромъ они остановились, чтобы совершить молитву, но не были въ состояніи припомнить хотя бы одно слово изъ этой суры. Утромъ они поспѣшили къ Пророку и сообщили ему о томъ, что произошло. Онъ отвѣтилъ, что эта сура отмѣнена, и поэтому они забыли ее» [2]).

«Установлено, что 225 стиховъ Корана отмѣнены по смыслу, но сохранена ихъ буква: однако не имѣется строго опредѣленныхъ правилъ для распознанія отмѣненныхъ стиховъ отъ неотмѣненныхъ» [3]).

Такое положеніе вызвало различное толкованіе текстовъ, что являлось не болѣе, какъ отраженіемъ эпохи. Иногда мусульмане очень рьяно принимались за обращеніе невѣрныхъ, а иногда разсуждали въ томъ смыслѣ, что въ обращеніи этомъ нѣтъ

---

[1]) E. Sell. Faith of islam. p. 84.

[2]) Тафсир-и-мэвакибъ, т. I. ст 73.

[3]) Haines. Islam as a missionary religion. p. 132, 133.

никакой пользы число вѣрныхъ опредѣлено Богомъ,—такъ можетъ ли человѣкъ по своей волѣ увеличить или уменьшить это число?

Система отмѣны коранических стиховъ, основанная на текстахъ Корана, была разработана мусульманскими богословами. Абуль-Касимъ-Хабат-уллa-ибнъ-Салама, авторъ труда «объ отмѣняющемъ и отмѣненномъ», раздѣляетъ отмѣненные стихи на три класса

1) Стихи смыслъ которыхъ отмѣненъ, но слова остались Таковы, напримѣръ, стихи о кибтѣ

2) Стихи, слова которыхъ были отмѣнены, а смыслъ остался Таковъ, напримѣръ, стихъ о побивании камнями прелюбодѣевъ: словъ уже въ Коранѣ не существуетъ, а приказание продолжаетъ существовать

3) Стихи, слова и смыслъ которыхъ отмѣнены напримѣръ, приказание матерямъ кормить своихъ дѣтей грудью десять мѣсяцевъ.

Вообще могутъ быть отмѣнены стихи, касающіеся запрещения или приказания, но историческія части откровеній, обѣщания, возвѣщения не могутъ быть отмѣняемы [1]).

Если это такъ, замѣчаетъ Клеинъ [2]), то христіанскіе оппоненты совершаютъ ошибку, считая, что мусульмане держатся того мнѣния, будто Ветхій Завѣтъ былъ отмѣненъ Новымъ, и оба они отмѣнены Кораномъ. Согласно вышеизложенной теории могли быть отмѣнены лишь приказания и запрещения, все же остальное должно сохранять свою силу. Повидимому это замѣчание ученаго миссионера вызвано лишь недоразумѣніемъ. съ точки зрѣния данной теории, мусульмане теоретически признаютъ Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, но находятъ невозможнымъ практически пользоваться ими, такъ какъ «эти писанія умышленно извращены»

Вернемся къ предмету. Въ Коранѣ встрѣчаются мѣста, которыя считаются учеными лишь «внѣшнимъ образомъ» противорѣчивыми, но которыя можно привести въ гармонію «должнымъ толкованіемъ». Если же это оказалось бы невозможнымъ, то одинъ изъ стиховъ слѣдуетъ признать отмѣняющимъ, такъ какъ «невозможно допустить, чтобы Коранъ противорѣчилъ самому себѣ». Вотъ что является высшимъ доказательствомъ!

Ученіе объ отмѣнѣ стиховъ всего болѣе заставляетъ сомнѣваться въ божественности происхожденія Корана. Въ самомъ дѣлѣ, мусульмане вѣруютъ и учатъ, что Коранъ есть слово Бога, вѣчное, недѣлимое. То, что отмѣняется, перестаетъ существовать:

---

[1]) Itkan II, 24—32 Loc. cit. Klein. p 19, 20 Тафсир-и-мавакибъ, 1, 92

[2]) Klein Religion of islam. p. 20.

отмѣненные стихи перестаютъ существовать, хотя бы слова ихъ и остались въ книгѣ, такъ какъ «вѣченъ смыслъ Корана, а бумага, чернила, письмена-созданія рукъ человѣческихъ», и они не могутъ воскресить переставшую существовать мысль. Слѣдовательно, отмѣненная часть Корана тѣмъ самымъ является не вѣчной, т. е. не словомъ Бога. А такъ какъ Коранъ недѣлимъ, то отмѣна части его, въ качествѣ слова Бога, равносильна отмѣнѣ цѣлаго. Если же съ отмѣной перестаетъ существовать только отмѣненная часть, то, слѣдовательно, Коранъ дѣлимъ, что противорѣчитъ догмату о немъ.

Сэлль приводитъ нѣсколько примѣровъ отмѣненныхъ стиховъ [1]).

Ст. 59-й суры 2-й. «Несомнѣнно, и вѣрующіе, іуден такъ же какъ христіане и сабеи, словомъ всѣ, кто признаетъ Бога и день страшнаго суда и будетъ творить добро—всѣ они получатъ награду отъ Господа. Страхъ не постигнетъ ихъ, и въ печали своей они будутъ утѣшены». Этотъ стихъ отмѣненъ слѣдующимъ:

Ст. 79-й суры 3-й. «Кто захочетъ иного культа, кромѣ покорности волѣ Божіей (ислама), тотъ получитъ культъ не отъ Бога и будетъ на томъ свѣтѣ въ числѣ несчастныхъ».

По поводу этого стиха въ Хуляс ат-ут-тафасиръ (I, 278) сказано, что онъ отмѣняетъ всѣ предшествующія религіи и всѣ тѣ, которыя могли бы появиться впослѣдствіи.

Ст. 109-й суры 2-й: «Во власти Бога и востокъ и западъ; куда ни обратитесь вы, вездѣ вы встрѣтите лицо Его. Богъ необъятенъ и всевѣдущъ»—отмѣненъ ст. 139-мъ той же суры: «Мы видѣли, какъ ты обращалъ лицо твое во всѣ страны неба, но мы желаемъ, чтобы отнынѣ ты направлялъ его, куда тебѣ будетъ угодно. Такъ обращайся же къ мѣсту священной проповѣди. Гдѣ бы вы ни были, къ этому мѣсту направляйте взоры свои. И тѣ, кто получили писанія, знаютъ, что это истина, отъ самого Бога, и Онъ не оставитъ безъ вниманія дѣяній ихъ».

Ст. 52-й суры 33-й: «Отнынѣ тебѣ не позволено брать иныхъ женъ, ни мѣнять ихъ на новыхъ, даже если бы красота ихъ очаровала тебя, но нѣтъ запрещенія относительно плѣнницъ, которыхъ ты можешь пріобрѣсти. Вѣдь Богъ за всѣмъ наблюдаетъ»—отмѣненъ слѣдующимъ: 49-мъ той же суры: «О, Пророкъ! тебѣ разрѣшено вступать въ бракъ со всѣми женщинами, которыхъ ты одаришь, съ плѣнницами, которыхъ Господь отдастъ тебѣ въ руки... и со всякой вѣрной женщиной, которая отдастъ свою душу пророку, если пророкъ пожелаетъ жениться на ней. Это преимущество, которое мы даемъ тебѣ передъ всѣми вѣрующими».

Ст. 2-й суры 73-ей: «Стой на молитвѣ въ теченіе всей ночи или немного менѣе»—замѣненъ 20-мъ ст. той же суры: «Гос-

[1]) E. Sell. Faith of islam pp. 85, 86.

подь твои, о, Мухаммедъ, хорошо знаетъ, что ты остаешься на молитвѣ то двѣ трети ночи, то половину ея, или треть ея, и большинство твоихъ послѣдователей поступаетъ такимъ же образомъ. Господь умѣетъ раздѣлять день и ночь; Онъ знаетъ, что вы соблюдаете это въ точности. Онъ прощаетъ вамъ это...»

Въ ст. 60-мъ суры 9-й. «Дѣйствительно милостыня назначается неимущимъ и бѣднымъ, тѣмъ, кто принимаетъ ихъ, тѣмъ, сердце которыхъ расположено къ исламу, къ выкупу плѣнныхъ, несостоятельныхъ должниковъ, къ Господу и путникамъ.»—отмѣнены слова: «тѣмъ, сердце которыхъ расположено къ исламу».

Особеннаго вниманія при толкованіи Корана заслуживаетъ 5-й ст. 3-ей суры, который у насъ выше приведенъ. Для тѣхъ, кто принимаетъ приведенное чтеніе, а такихъ громадное большинство, ясно, что толкованіе нѣкоторыхъ стиховъ, будучи доступнымъ лишь Богу, недоступно людямъ. Этимъ очень любятъ пользоваться мусульмане во время всякихъ теологическихъ споровъ.

Но съ этимъ чтеніемъ согласны не всѣ, и они имѣютъ основаніе на это. Въ арабскомъ языкѣ нѣтъ знаковъ препинанія и для облегченія чтенія тѣмъ, кто не слышалъ чтенія Пророка или Спутниковъ, были придуманы знаки остановокъ, что болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ знакамъ препинанія. Разставлялись знаки на основаніи свидѣтельства людей, слышавшихъ чтеніе Пророка, и оказалось, что нѣкоторые стихи разными лицами были читаемы различно. Однимъ изъ такихъ стиховъ является и этотъ, имѣющій такое капитальное значеніе для толкованія.

Одно чтеніе признаетъ полную, соотвѣтствующую нашей точкѣ, остановку послѣ слова Богъ:

«... но толкованіе доступно лишь Богу. Люди обладающіе твердымъ знаніемъ, скажутъ, мы вѣруемъ...»

Другое же чтеніе помѣщаетъ полную остановку послѣ слова знаніе, вслѣдствіе чего смыслъ совершенно мѣняется:

«...но толкованіе доступно лишь Богу и людямъ, обладающимъ твердымъ знаніемъ. Они скажутъ: мы вѣруемъ...»

Теперь, такъ какъ этотъ стихъ является сомнительнымъ, а его нельзя признать инымъ, разъ толкованіе его порождаетъ два діаметрально противоположныхъ мнѣнія, то даже признающіе первое чтеніе не въ правѣ отринуть мнѣнія принявшихъ второе чтеніе. Это—одинъ изъ заколдованныхъ круговъ мусульманской теологіи. Въ самомъ дѣлѣ, разъ толкованіе доступно только Богу, то никто изъ людей не въ правѣ сказать, что его толкованіе является исключительно вѣрнымъ и не оставляетъ мѣста ни для какого другого.

Что касается преданій, то они подтверждаютъ возможность какъ того, такъ и другого толкованія. Ибнъ Аббасъ называлъ себя «расихъ» т. е. обладающимъ властью толковать сомнительные стихи, и онъ же сказалъ, что всякій долженъ вѣрить въ сомнительные стихи, но не долженъ ихъ брать за правило для своего поведенія.

Всѣ раціоналисты ислама приняли второе мнѣніе, что и дало имъ возможность построить сложныя системы на основаніи того, что ранѣе запрещалось не только толковать, но даже стремиться понять. Они разсуждали такъ: «какъ можетъ вѣрить человѣкъ въ то, чего онъ не знаетъ? Оппоненты отвѣчали имъ, что вѣра въ неизвѣстное для Бога всего цѣннѣе. Схоластики тогда спрашивали, почему, разъ Коранъ былъ посланъ для того, чтобы служить руководствомъ людямъ, не всѣ его стихи ясны? Отвѣтъ былъ таковъ, что арабы признавали два рода краснорѣчія. Одинъ родъ заключался въ размѣщеніи словъ и идей въ ясномъ и простомъ стилѣ, такъ чтобы значеніе сразу могло быть яснымъ; другой заключался въ пользованіи фигуральнымъ языкомъ. И если бы Коранъ не заключалъ въ себѣ и тотъ и другой стиль, то онъ не могъ бы претендовать на то положеніе, которое онъ занимаетъ въ качествѣ книги, абсолютно совершенной какъ по формѣ, такъ и по содержанію». [1]).

Какъ изъ этого можно видѣть, прямого отвѣта на вопросъ получено не было. Мы же можемъ вывести заключеніе, что ясность была принесена въ жертву краснорѣчію.

Дальше, иные стихи, имѣющіе внѣшнимъ образомъ совершенно ясный смыслъ. были бы совершенно неправильно истолкованы, если имъ придать общее значеніе. Необходимо знать происхожденіе стиха. Напр., ст. 1-й суры 66-й:

«О, пророкъ! зачѣмъ запрещаешь ты то, что разрѣшилъ Господь? Ты ищешь удовлетворенія у женъ своихъ. Господь терпѣливъ и милосерденъ».

Происхожденіе этого стиха было таково. Однажды Мухаммедъ нарушилъ очередь между своими женами, предпочтя Марію Коптянку—Хафсѣ. Та разразилась упреками, и Мухаммедъ далъ ей клятву, что послѣ этого порветъ всѣ сношенія съ Маріей, если только Хафса не скажетъ о происшествіи другимъ женамъ. Таковъ фактъ, передаваемый преданіемъ. Дальше говорится, что Хафса проболталась Айшѣ, чѣмъ и привела въ сильный гнѣвъ Мухаммеда: въ гаремѣ поднялась буря. Омаръ, вообще сторонникъ крутыхъ мѣръ, предлагалъ Мухаммеду поставить женамъ ультиматумъ: если онѣ не замолкнутъ, то Мухаммедъ разведется съ ними и возьметъ другихъ, которыя будутъ и лучше

[1]) E Sell Faith of islam. p 192.

стихъ и послушнѣе Мухаммедъ, видя, что нѣтъ иного средства унять бурю, получилъ въ откровеніи стихъ:

«Если онъ отвергнетъ васъ, то Господь дастъ ему еще лучшихъ супругъ» (ст. 5-й той же суры).

Средство сразу подѣйствовало, и буря стихла. Но вернемся къ первому стиху... «что Богъ разрѣшилъ», т. е. онъ могъ не соблюдать строгой очереди между своими женами. Если это такъ (а такъ это должно быть, такъ какъ ст. 51-й суры 33-й говоритъ «одной по своему выбору ты можешь подать надежду, другую же, если тебѣ будетъ угодно, ты можешь взять себѣ на ложе..»), и если его поступокъ не представлялъ ничего неделикатнаго по отношенію къ другимъ женамъ, то къ чему эта клятва и таинственность? И была ли какая-нибудь надежда сохранить тайну? Едва ли, такъ какъ перемѣна отношенія Мухаммеда къ Маріи не могла остаться незамѣченной и возбудила бы разговоръ; помимо того, секретъ былъ въ рукахъ ревнивой женщины, и она каждую минуту могла проболтаться, что и не замедлило случиться. Теперь вопросъ, что этимъ стихомъ разрѣшается Мухаммеду: сношенія съ Маріей или неисполненіе клятвы? Второй стихъ говоритъ: «Богъ позволилъ вамъ освобождать себя отъ клятвъ своихъ». Большинство комментаторовъ обходятъ молчаніемъ этотъ стихъ, и это вполнѣ понятно, такъ какъ нормально освобожденіе отъ клятвы не могло имѣть мѣста, а сношенія съ Маріей были подчинены этому. Мусульманское законовѣдѣніе учитъ, что клятва можетъ не имѣть обязательнаго значенія лишь въ случаѣ ея вынужденной дачи, принужденіе же должно быть такого характера, что неисполненіе его можетъ угрожать жизни. Здѣсь этого ничего не было. И откровеніе не удовлетворило никого изъ заинтересованныхъ,—тогда Мухаммедъ и послѣдовалъ совѣту Омара: другими словами, отъ доводовъ онъ перешелъ къ аргументаціи грубой силой, и это быстро подѣйствовало»[1]).

Этотъ стихъ явился бы непонятнымъ въ томъ случаѣ, если бы не знать обстоятельствъ дѣла. И здѣсь мы можемъ оцѣнить всю гибкость классификаціи словъ и стиховъ. Когда поставить стихъ объ освобожденіи отъ клятвы наряду съ другими стихами, которые говорятъ объ обязательности клятвы и о наказаніи за ея нарушеніе, то оказывается передъ противорѣчіемъ,—такъ по крайней мѣрѣ должно было бы быть. Но оказывается, что на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ, и что противорѣчіе въ этомъ могутъ видѣть лишь тѣ, кто хочетъ уклониться отъ пути праваго. Да, есть кажущееся противорѣчіе, но оно лишь въ словахъ, такъ какъ стихи запрещающіе имѣютъ общій характеръ, а данный стихъ имѣетъ характеръ частный. Кромѣ того, Богъ не все

[1]) Тафсир-и-мэвакибъ, т. IV, стр. 240, 241. Тафсир-и Хусайни, стр. 898, 899.

разрѣшалъ вѣрующимъ, что разрѣшалъ Своему пророку.—такова воля Бога, и доискиваться причины этого значило бы сомнѣваться въ Его справедливости.

Есть стихи другого рода, представляющіе другую трудность. Дается длинное толкованіе, и все же въ концѣ концовъ чувствуется, что сдѣлано лишь объясненіе нѣкоторыхъ словъ, но таково ли было значеніе стиха, вопросъ остается открытымъ. Однимъ изъ такихъ стиховъ является стихъ 35-й суры 24-й.

«Богъ есть Свѣтъ неба и земли. Этотъ свѣтъ подобенъ очагу, въ которомъ находится свѣтильникъ, заключенный въ хрустальномъ сосудѣ, напоминающемъ блестящую звѣзду. Этотъ свѣтильникъ освѣщается масломъ изъ благословеннаго оливковаго дерева, котораго нѣтъ ни на Востокѣ, ни на Западѣ, и масло котораго горитъ даже безъ огня. Это—свѣтъ сверхъ свѣта. Богъ ведетъ къ свѣту, кого хочетъ, и предлагаетъ людямъ притчи, ибо Онъ всевѣдущъ».

Анализъ стиха показываетъ, что истолкованіе его по прямому смыслу словъ не приводитъ ни къ какому сколько-нибудь удовлетворительному результату. Здѣсь примѣняется уподобленіе. Вообще уподобленіе примѣняется для поясненія незнакомаго предмета знакомымъ. Въ данномъ случаѣ Свѣтъ Бога уподобленъ свѣтильнику. Бѣда въ томъ, что свѣтильникъ этотъ не совсѣмъ обыкновенный, и сравненіе не подвигаетъ насъ впередъ. Что это, напримѣръ, за оливковое масло, которое горитъ безъ огня? Такого мы не знаемъ. И изъ какого оливковаго дерева оно добывается, котораго нѣтъ ни на Западѣ, ни на Востокѣ? Это еще болѣе запутываетъ дѣло, такъ какъ извѣстно, что оливковое дерево произрастаетъ въ различныхъ мѣстностяхъ и, въ какой бы точкѣ земного шара мы ни находились, на Западѣ и на Востокѣ —въ большемъ или меньшемъ удаленіи—будутъ находиться оливковыя деревья? Мы видимъ, что положительное толкованіе, по буквальному смыслу словъ, заводитъ насъ въ логическій тупикъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Если бы эта фраза была не въ Коранѣ, а гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, мы имѣли бы полное право усомниться въ томъ, слѣдуетъ ли вообще искать въ ней какой-нибудь смыслъ. Но слово Бога не можетъ не имѣть смысла, и поэтому здѣсь долженъ быть смыслъ аллегорическій. Посмотримъ теперь, какъ этотъ стихъ истолковывается комментаторами, и какъ различны между собою различныя толкованія.

«Богъ есть Свѣтъ неба и земли», т. е. Богъ просвѣщаетъ всѣхъ и ведетъ къ истинѣ, выводя Своимъ свѣтомъ изъ мрака.

Или же онъ является свѣтомъ на небѣ черезъ ангеловъ, а на землѣ черезъ пророковъ.

Или же Онъ—свѣтъ, т. е. руководитель всѣхъ дѣлъ, какія только могутъ быть, на небѣ и на землѣ.

Или же это значитъ, что Онъ украсилъ небо солнцемъ, лу-

ной и звѣздами, а землю—пророками, улемами и правовѣрными, а также прославляющей Его растительностью.

Или же Онъ начало всякаго свѣта, который исходитъ отъ Него.

«Этотъ свѣтъ подобенъ очагу, въ которомъ находится свѣтильникъ, заключенный въ хрустальномъ сосудѣ, напоминающемъ блестящую звѣзду». Это свѣтъ, который Богъ вселилъ въ сердца вѣрныхъ, и онъ направляетъ ихъ по пути истины.

Или этотъ свѣтъ заключается въ откровеніи Корана, или въ Мухаммедѣ.

Этотъ свѣтъ въ свѣтильникѣ подобенъ звѣздѣ, одной изъ самыхъ большихъ, т. е. Сатурну, Марсу, Меркурію, Юпитеру или Венерѣ.

«Этотъ свѣтильникъ освѣщается масломъ изъ благословеннаго оливковаго дерева, котораго нѣтъ ни на Востокѣ, ни на Западѣ, и масло котораго горитъ даже безъ огня».

Въ этомъ свѣтильникѣ горитъ благословенное оливковое масло. Пророкъ сказалъ про него: «вкушайте оливковое масло и натирайте имъ тѣла свои, потому что оно извлекается изъ благороднаго оливковаго древа».

Это дерево не находится на Востокѣ, такъ какъ тогда на него не попадали бы лучи заходящаго солнца; и оно равнымъ образомъ не находится на Западѣ, потому что тогда ему не пришлось бы пользоваться свѣтомъ лучей восходящаго солнца. Можетъ быть, оно находится въ странѣ полуденной, или въ Сиріи, гдѣ находятся лучшія оливковыя деревья. Можетъ быть оно растетъ на вершинѣ горы, а, можетъ быть, по срединѣ обширной равнины.

Можетъ быть, его и совсѣмъ нѣтъ на землѣ. Произошло это дерево въ раю, и оттуда было перенесено на землю, поэтому къ нему не можетъ примѣняться толкованіе Востока или Запада.

Въ маслѣ этого дерева заключается столько яркости, что оно—свѣтъ безъ огня.

«Это—свѣтъ сверхъ свѣта. Богъ ведетъ къ свѣту, кого хочетъ, и предлагаетъ притчи, такъ какъ Онъ всевѣдущъ».

Свѣтъ сверхъ свѣта обозначаетъ, что свѣтъ масла дѣлается еще болѣе яркимъ отъ свѣта стекла свѣтильника.

Относительно толкованія этого пункта толкователи расходятся въ мнѣніяхъ всего болѣе.

Ибнъ-Каабъ говоритъ, что это уподобленіе имѣетъ въ виду Мухаммеда: свѣтильникъ, это—его сердце, а свѣтъ въ немъ, это—даръ пророчества.

Ибнъ-Омаръ говоритъ, что свѣтъ, заложенный Богомъ въ Мухаммеда, не есть свѣтъ іудейства или христіанства, но свѣтъ, перешедшій отъ Авраама. И его свѣтъ возсіялъ еще больше свѣта Авраама.

Мухаммедъ-бинъ-Кабъ говоритъ, что здѣсь имѣется въ ви-

ду Авраамъ, Измаилъ и Мухаммедъ, происшедшій отъ благословеннаго древа—Авраама. Свѣтъ Мухаммеда пришелъ послѣ свѣта всѣхъ пророковъ,—онъ не пришелъ ни съ Запада, ни съ Востока, точно также, какъ Авраамъ не былъ ни іудеемъ, ни христіаниномъ, но былъ ханифомъ (см. выше, часть первую): такъ какъ іудеи поворачивались во время молитвы на Западъ, а христіане на Востокъ.

Мухаммедъ былъ свѣтъ надъ свѣтомъ, пророкъ изъ рода пророковъ, свѣтъ надъ свѣтомъ Авраама.

Ибнъ Каабъ говоритъ еще: или здѣсь имѣется въ виду правовѣрный, и свѣтъ есть Коранъ и заключающаяся въ сердцѣ вѣрнаго вѣра. Постигаетъ вѣрнаго насчастье, онъ терпитъ; приходитъ къ нему благополучіе, онъ благодаритъ.

Ибнъ-Аббасъ говоритъ: свѣтъ сверхъ свѣта, это—сердце вѣрнаго, такъ какъ, еще не получивши знанія, оно могло уже дѣйствовать при руководителѣ. Когда же въ него сошелъ свѣтъ истинной религіи, то прежній свѣтъ засіялъ еще ярче.

Келѣби говоритъ, что здѣсь имѣется въ виду вѣра и набожность вѣрнаго.

Сиди говоритъ, что здѣсь разумѣются свѣтъ вѣры и свѣтъ Корана. [1]).

Схоластическія тонкости этихъ разсужденій заставляютъ насъ убѣдиться, что громадное большинство правовѣрныхъ, будучи предоставлены самимъ себѣ, могутъ видѣть въ Коранѣ лишь мертвое слово. Коранъ не понятенъ не только большинству простонародья, но даже и такъ называемаго образованнаго класса, если только не имѣется достаточной богословской подготовки. Эта же подготовка, въ свою очередь, заключается не столько въ изученіи Корана и преданій, сколько въ заучиваніи толкованій на нихъ. Вотъ главнѣйшая причина, почему комментаторы могли владѣть массой и почему, давно уже сойдя со сцены, до сихъ поръ они держатъ эту массу въ прежнихъ, неразжимаемыхъ тискахъ, изъ которыхъ ей не суждено выбраться. Новѣйшіе комментаторы не внесли ничего новаго, и ихъ комментаріи являются перепѣвомъ старыхъ пѣсенъ.

Улемы и муллы, зачастую глубокіе невѣжды съ правомъ на званіе мнимой учености, сдѣлали изъ религіи ремесло. Они въ формѣ непонятныхъ для большинства уставовъ, которые приходится заучивать наизусть, чтобы дѣйствовать по нимъ, преподносятъ вѣрующимъ то, что должно было бы дѣйствовать на сердце ихъ. Истолкователи религіи, по своему усмотрѣнію толкующіе слова Бога, совершенно скрыли Его отъ толпы вѣрующихъ. Непознанный Богъ остается необъясненнымъ.

---

[1]) Тафсиръ-и-мэвакибъ, т IV, стр. 200—202. Тафсир-и-Хусайни, стр 567, 568. Тафсир-и-Сафи-Али-Шахъ, стр 741, 742.

Къ сказанному приходится добавить очень немного. Такъ какъ для пониманія Корана необходимо выяснить послѣдовательность откровенія, и расположеніе суръ въ Коранѣ нисколько этому не помогаетъ, а напротивъ затрудняетъ дѣло то комментаторы указываютъ общія правила, которыми надо руководствоваться для различенія мекканскихъ и мединскихъ суръ. Они сводятся къ слѣдующему.

1) Суры, начинающіяся словами «о, вѣрующіе»,—принадлежатъ къ мединскимъ сурамъ позднѣйшаго періода.

2) Суры, начинающіяся словами—«о, сыны Адама» или «о, люди», принадлежатъ къ мекканскимъ сурамъ

3) Мѣста, гдѣ говорится о прошедшихъ поколѣніяхъ, относятся къ мекканскимъ сурамъ.

4) Мѣста, содержащія законы и приказанія, относятся къ послѣднимъ мединскимъ сурамъ.

Но даже когда, примѣнительно къ этимъ правиламъ, приблизительно можно установить время откровенія, все же толкованіе нѣкоторыхъ суръ представляетъ особенную трудность для тѣхъ, кто ихъ происхожденіе считаетъ небеснымъ. Такъ, напримѣръ, открывающая сура, помѣщенная первой въ Коранѣ, является въ сущности только молитвой, обращенной человѣкомъ къ Богу,—какъ можно сомнѣваться въ ея человѣческомъ происхожденіи? Но оказывается, какъ говорятъ комментаторы, что слѣдуетъ подразумѣвать слово «говори», и тогда становится совершенно яснымъ, что Богъ учитъ человѣка, какъ тотъ долженъ къ Нему обращаться, когда онъ молится

Помимо этого, въ ученіи о Богѣ есть такія подробности, которыя не подлежатъ обсужденію,—это безусловно воспрещается правовѣрнымъ, «ибо, какъ человѣкъ дерзающій смотрѣть на солнце и ослѣпляемый его блескомъ, въ концѣ концовъ видитъ только одну тьму, точно такъ же въ тьму погружается и тотъ, кто хочетъ постигнуть тайны Бога».

Противъ этого конечно возражать не приходится, такъ какъ, если бы въ религіи совершенно не было бы тайнъ, то она обратилась бы просто въ философскую систему, ясную для ума, но ничего не говорящую для сердца. Но противъ злоупотребленія тайной, противъ придаванія имени тайны всякимъ противорѣчіямъ, всему не примиряющемуся ни съ какимъ нравственнымъ закономъ,—можно возражать.

Но едва ли не самой трудной частью толкованія является выводъ доказательствъ изъ Корана, или «истидлаль». Въ этомъ отношеніи кораническіе тексты подраздѣляются на:

1) «ибаратъ», т. е. простое выраженіе, изъ котораго выводъ можетъ быть сдѣланъ при помощи простого грамматическаго анализа.

2) «исхаратъ», т. е. намекъ или указаніе, которые могутъ быть получены изъ порядка расположенія словъ.

3) «дэлалатъ» или доказательство, которое можетъ быть выведено изъ употребленія нѣкоторыхъ спеціальныхъ словъ въ стихѣ.

4) «иктида», т. е. выводъ, требующій извѣстныхъ условій. [1]).

Выше мы упомянули о томъ, что трудъ комментатора имѣетъ громадное вліяніе на массу. Иначе и не можетъ быть, такъ какъ, хотя Коранъ, представляющій идеалъ стиля и являющійся словомъ Бога, долженъ былъ бы быть понятенъ для тѣхъ, на чьемъ языкѣ онъ написанъ, но этого нѣтъ. Какъ мы видѣли изъ бѣглаго очерка, онъ трудно понятенъ въ цѣломъ и въ отдѣльныхъ мѣстахъ былъ бы совершенно непонятенъ, если бы долгія изслѣдованія ученыхъ комментаторовъ не пролили свѣтъ на эти мѣста. Поэтому всякій мусульманинъ, который не желаетъ исказить мысль священной книги, долженъ придерживаться толкованія какого-нибудь оффиціально признаннаго комментатора [2]). Поэтому то «жизнь громаднаго большинства мусульманъ въ настоящее время и направляется не столько правилами и указаніями Учителя, какъ теоріями и мнѣніями муджтахидовъ и имамовъ, изъ которыхъ каждый, сообразно своимъ силамъ, пытался растолковать полученныя Учителемъ откровенія.

«Они мѣшали иногда временное съ вѣчнымъ и общее съ частнымъ. Подобно духовнымъ лицамъ въ христіанствѣ, не мало изъ нихъ было на службѣ государей и деспотовъ, требованія которыхъ были непримиримы съ правилами Учителя. Были изобрѣтены каноны, составлены теоріи, открыты преданія, и словамъ были даны толкованія, совершенно противорѣчивыя ихъ духу». [3]).

Вотъ слова мусульманина, правда, слова не совсѣмъ ортодоксальныя, ясно показывающія, что случилось какъ разъ то, чего боялся Мухаммедъ, говоря въ откровеніи: «Тѣ, сердце которыхъ уклонилось съ пути истины, ищутъ иносказаній, ибо они желаютъ смуты, и имъ хочется стать толкователями». (Сура 3-я, ст. 5). Комментаторы, увлекаясь обстоятельствами данной эпохи, старались—сознательно и добровольно или вынужденно—не столько толковать текстъ Корана въ истинномъ смыслѣ, сколько искали въ немъ иллюстрацій къ проводимымъ ими мыслямъ. Называя себя рабами Бога, они часто заставляли Его—Своимъ словомъ, которое въ ихъ рукахъ оказывалось мягче воска—служить сво-

---

[1]) E. Sell. Faith of islam. p. 76.

[2]) O. Houdas L'islamisme. p. 72.

[3]) Ameer Ali. Spirit of islam. pp. 162, 163.

имъ земнымъ цѣлямъ. Получились результаты, которыхъ и слѣдовало ожидать.

«Сдѣлавшись фанатичными, комментаторы закрыли дверь ислама для другихъ расъ и воспрепятствовали всякому движенію между ними и мусульманами. Это является прямымъ нарушеніемъ завѣта.

«Мы послали тебя ко всѣмъ людямъ безъ исключенія, о, Мухаммедъ! для того, чтобы ты сразу принесъ имъ и вѣсти, и угрозы. Но большинство людей не вѣдаетъ» (Сура 34-я, ст. 27).[1]).

Я умышленно цитирую мусульманскаго автора, чтобы естественно вытекающее изъ выше сказаннаго заключеніе не казалось тенденціознымъ.

Иногда толкованія, какъ въ былое время откровенія, вызывались обстоятельствами частнаго характера.

«Прикажи вѣрующимъ ходить съ потупленными взорами и т. д.

«Внушай женщинамъ изъ вѣрующихъ опускать глаза долу и соблюдать воздержаніе и т. д. (Сура 24-я, ст. 30, 31. См. выше).

Бэнаттаръ (опять мусульманскій авторъ), приводя настоящіе тексты говоритъ:

«Этотъ переводъ, къ несчастью, требуетъ объясненія. Казимірскій объяснилъ слово «зина», какъ «украшеніе». Но по-арабски слово «зина» примѣняется ко всему, что служитъ для украшенія, для дѣланія прекраснымъ. Слѣдовательно, это равнымъ образомъ можетъ быть манера держаться и платье, прическа, чистота, подробности туалета, драгоцѣнности, духи, наконецъ какъ самая приличная манера держать себя, такъ и самое утонченное кокетство.

«Но какимъ образомъ законовѣды, ученые и комментаторы—мусульмане перевели слово «зина»? Они сказали, что «зина» обозначаетъ «лицо».

(Къ этому заключенію, не лишенному извѣстной галантности, они пришли слѣдующимъ путемъ. Такъ какъ «зина» обозначаетъ все, что служитъ для украшенія; такъ какъ цѣль украшенія—привлечь къ себѣ восторженный взоръ,—то какое же украшеніе можетъ привлечь къ себѣ болѣе восторженный взоръ, какъ не прекрасное женское лицо, это естественное украшеніе природы?! На самомъ же дѣлѣ запрещеніе было вызвано тѣмъ, что иныя украшенія носились на такихъ мѣстахъ, которыя дѣйствительно неловко было показывать всѣмъ. Но продолжаю).

«Такимъ образомъ, благодаря этому переводу, или точнѣе этому толкованію, результатъ былъ легко достигнутъ, и для жен-

---

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam pp. 162, 163.

щины стало запрещеннымъ открывать свое лицо передъ всѣми, кромѣ перечисленныхъ въ приведенныхъ выше стихахъ.

«Лишь самое грубое невѣжество могло бы внушить подобное толкованіе, если бы не была очевидной цѣль, которой хотѣли достичь комментаторы и мужья, и если бы не было ясно, что они хотѣли установить запрещеніе тамъ, гдѣ оно не существуетъ, и гдѣ оно никогда не существовало».

(Опять долженъ прервать цитируемаго автора, чтобы обратить вниманіе на одно обстоятельство капитальной важности. Какъ онъ ни рѣзокъ, но онъ не рѣшается или не хочетъ поставить точки надъ і,—мнѣ нѣтъ основанія слѣдовать его примѣру. Если его разсужденія справедливы, то толкованія комментаторовъ не являются просто *невѣрнымъ* толкованіемъ, но они являются *невпріемъ*, какъ это можно и должно заключить изъ одного преданія, направленнаго противъ христіанъ. Если мусульмане скажутъ, что это преданіе сомнительной подлинности. что оно выдумано, тѣмъ хуже: оно служитъ оружіемъ, обращеннымъ противъ тѣхъ, кто его приготовилъ: Вотъ что говоритъ Аль-Байдави: «Богъ приказалъ Своему Апостолу сказать христіанамъ, которые признаютъ за своими священниками право запрещать извѣстныя вещи и позволять другія: «мы (мусульмане) не признаемъ господъ среди насъ, кромѣ Бога». Христіанинъ сказалъ: «о, апостолъ Бога! но вѣдь мы не поклоняемся этимъ людямъ». Пророкъ сказалъ: «они позволяютъ вамъ одни вещи и запрещаютъ вамъ другія, и вы слѣдуете тому, что они говорятъ. не такъ ли?» Тотъ отвѣтилъ: «Да».—«Вотъ именно, это—поклоненіе», сказалъ Пророкъ. (1, 211). А поступать по отношенію къ людямъ такъ, какъ должно поступать только по отношенію къ одному Богу, значитъ совершать смертный грѣхъ многобожія, для котораго нѣтъ прощенія (Байдави, 1, 303) [1]). Но христіане признаютъ, что священники дѣлаютъ это «властью, данной имъ отъ Бога», и что ихъ долгъ повиноваться. Но какъ повинуются комментаторамъ мусульмане, не только не признавая за ними власти приказывать, но собственное повиновеніе имъ приравнивая къ идолопоклонству? Къ сожалѣнію,—это только логика, орудіе слабое для мусульманъ. Цитирую дальше).

«Кромѣ стиховъ, которые мы только что указали, ничто въ Коранѣ не говоритъ о воображаемомъ вуалѣ, который мусульманскія женщины должны надѣвать на свои лица.

«Простое чтеніе этихъ стиховъ ясно доказываетъ, что для мусульманской женщины нѣтъ никакого запрещенія показывать свое лицо, и что, при соблюденіи извѣстныхъ условій приличія и.

---

[1]) C.-Lêon Ostrorog. Al Mawerdi. Droit public musulman. v. I. p. 65.

умѣнья держать себя, женщины могутъ выставлять свои черты взглядамъ всякаго.

«Разсмотримъ теперь тексты, которые послужили комментаторамъ для того, чтобы запереть мусульманскую женщину въ своемъ домѣ и сдѣлать изъ нея настоящую заключенную.

«Тексты эти касаются двухъ категорій женщинъ, женъ Пророка и вообще всѣхъ мусульманскихъ женщинъ.

Что касается, первыхъ, то имѣются слѣдующіе стихи

«О, вѣрующіе! не входите безъ позволенія въ домъ Пророка .. Если вы пожелаете спросить что—нибудь у женъ его, спрашивайте черезъ покрывало...» (Сура 33-я, ст. 53).

«Но это покрывало (закрывающее женъ Пророка отъ взглядовъ собесѣдника) должно быть убираемо передъ отцами и т. д. (ст. 55).

«О жены Пророка! вы не то, что остальныя женщины и т. д.

«Спокойно проводите время въ домахъ своихъ и т д. (ст. 32 и 33)

«Надо ли комментарій для этихъ стиховъ? Не обладаетъ ли ихъ смыслъ ослѣпительной ясностью?

«Коранъ не предписываетъ женамъ Пророка закрывать себѣ лицо, онъ предписываетъ имъ укрываться отъ взглядовъ, и онъ рекомендуетъ вѣрующимъ говорить съ ними черезъ какое—нибудь препятствіе, какъ напр., черезъ перегородку, дверь или занавѣску и т. д. Коранъ желаетъ, чтобы жены Пророка не увлекались остроумными и веселыми разговорами, не старались вызвать желаніе себя, онъ хотѣлъ бы, чтобы рѣчь ихъ была прилична, и поведеніе скромно, и, скажемъ слово, сурово даже Онъ рекомендуетъ имъ не особенно показываться на улицахъ, не предаваться безумной роскоши язычниковъ, результатомъ которой бывало выставленіе напоказъ женскихъ чаръ

«Могутъ ли эти совѣты, касающіеся женъ Пророка, относиться ко всѣмъ мусульманскимъ женщинамъ?—Очевидно, нѣтъ. Самъ Коранъ указываетъ это. Жены Пророка не то, что вообще всѣ мусульманскія женщины, онѣ несравненно выше ихъ, потому что онѣ жены Пророка. Нужно ли доказательство этого? Всѣ вдовы мусульманъ могутъ вновь выйти замужъ. Этотъ второй бракъ запрещенъ женамъ Пророка.

«Слѣдовательно всѣ эти стихи, приведенные выше, составляютъ лишь исключеніе изъ общаго правила, исключеніе, которое, чтобы воспользоваться шаблоннымъ выраженіемъ, только подкрѣпляетъ общее правило.

«Кромѣ того—и мы неограниченное количество разъ готовы повторять это—эти стихи обращены къ женамъ Пророка исключительно, иначе они были бы редактированы такъ: «скажи женщинамъ мусульманскимъ» или «женамъ вѣрующихъ» и т. д.

«Существуетъ другое объясненіе этихъ стиховъ, которое совершенно подтверждаетъ это толкованіе. Оно заключается въ обстоятельствахъ или причинахъ откровенія этихъ стиховъ Пророку.

«Когда однажды отъ Мухаммеда ушелъ одинъ надоѣдливый посѣтитель, котораго ему удалось удалить только съ помощью Омара, этотъ послѣдній сказалъ ему: «Ты долженъ былъ бы запереть твоихъ женъ въ домѣ и укрыть ихъ отъ взглядовъ назойливыхъ, потому что твои жены, жены Пророка, выше другихъ женщинъ. Такимъ образомъ ты будешь освобожденъ отъ непріятности видѣть у себя подобныхъ посѣтителей».

«Таковы были причины откровенія этихъ стиховъ. Изъ этого видно, что эти стихи не могутъ быть примѣнены къ другимъ женщинамъ, кромѣ женъ Пророка, и что обобщеніе ихъ смысла и примѣненіе ихъ ко всѣмъ мусульманскимъ женщинамъ составляетъ совершенную безсмыслицу и истинную ересь.

«Что касается женщинъ вообще, то въ Коранѣ нѣтъ ни одного стиха, который приказывалъ бы имъ выходить закрытыми или запираться въ своихъ домахъ.

«Что касается отношеній женщинъ къ мужчинамъ, имѣется только одинъ хадисъ, но и тотъ, какъ всегда, истолкованъ весьма ложно.

«Пророкъ сказалъ: «Женщина можетъ оставаться съ глазу на глазъ лишь съ человѣкомъ, за котораго ей запрещено выходить замужъ (напр., отецъ, братъ, дядя и т. д.)».

«Смыслъ этого хадиса очень ясенъ и согласенъ съ правилами приличія. Это правила, приняты не только евреями и христіанами, но и послѣдователями другихъ религій и даже тѣми, которые не имѣютъ никакой религіи.

«Мусульманскіе законовѣды, ученые и комментаторы до такой степени обобщили смыслъ этого хадиса, что запретили мусульманской женщинѣ показывать свое лицо кому либо, кромѣ тѣхъ, за кого она не можетъ выйти замужъ, но еще сдѣлали ее запертой, замкнутой, заключенной для всѣхъ. По мнѣнію этихъ комментаторовъ, она даже не можетъ находиться въ присутствіи двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ ея близкій родственникъ, за котораго она не можетъ выйти замужъ, и другой —чужой, т. е. возможный мужъ.

«Можно ли въ большей степени извратить, изувѣчить текстъ, обладающій такой очевидной и точной ясностью? Не должно ли сказать, читая эти толкованія, что желаніе истины не принимало въ нихъ участія?

«Изъ того, что мы только что сказали, вытекаетъ, что мусульманская женщина должна имѣть открытое лицо, что ничто не обязываетъ ее проводить жизнь, запершись у себя и прячась отъ взоровъ, что она можетъ, подобно европейской женщинѣ, при-

ходить. уходить, заниматься своими дѣлами безо всякой опасности для Мусульманскаго Общества.

«Обученіе обязательно для мусульманской женщины. Три хадиса доказываютъ это.

«1) Пророкъ обучилъ свою жену Айшу и рекомендовалъ вѣрующимъ приходить и почерпать у этой женщины религіозныя свѣдѣнія.

«2) Пророкъ сказалъ: «Обученіе обязательно для всякаго мусульманина и для всякой мусульманки».

«3) Пророкъ сказалъ: «почерпайте знаніе всюду, гдѣ только можно его найти, даже въ Китаѣ». 1).

Цитированныя мысли въ устахъ мусульманина получаютъ особенное значеніе. Итакъ, мы можемъ сказать, что порою комментаторы напрягали свои усилія на то, чтобы изъ бѣлаго сдѣлать черное, такъ какъ этого, по ихъ мнѣнію, хотѣлъ Богъ.

Даже если допустить, что въ толкованіи не было ничего чуждаго желанію истины, все же толкованіе текста, вызваннаго опредѣленными обстоятельствами, основанное исключительно на умозаключеніи, не можетъ почитаться свободнымъ отъ всякой погрѣшности, и подобное толкованіе, взятое въ основаніе системы, не можетъ быть убѣдительно одинаково для всѣхъ.

Какъ, напримѣръ, нѣкоторые толковали стихъ:

« ..Господь желаетъ устранить все гнусное отъ всѣхъ васъ, отъ семьи его, и обезпечить за вами совершенную чистоту» (Сура 33-я, ст. 33).

Шіиты, ссылаясь на этотъ отрывокъ, видятъ въ немъ подтвержденіе той связи, которая существовала между Пророкомъ, съ одной стороны, и Али и его потомствомъ, съ другой. 2)

«Нѣкоторые изъ теологовъ, сдѣлавшихъ потомство Мухаммеда фетишами, даютъ этому стиху слѣдующее толкованіе: Богъ хотѣлъ, чтобы ложе шэрифа было предохранено отъ скверны прелюбодѣянія, и чтобы дѣти славной линіи Мухаммеда всегда были законными. По мнѣнію этихъ комментаторовъ, оспаривать законность шэрифа или обвинять въ прелюбодѣяніи жену шэрифа —значитъ грѣшить противъ вѣры. Подобно женѣ Цезаря, жена шэрифа не должна быть подозрѣваема. Однако, какъ извѣстно, клеветы не избѣгла даже любимая жена Мухаммеда Айша...» 3).

Надо ли удивляться послѣ этого, что, когда возникли споры относительно законности происхожденія Идриса II, защита его матери была довольно своеобразна. «Ибнъ-Халдунъ возстаетъ противъ этого подозрѣнія, онъ говоритъ, что «ребенокъ родился

---

1) C Benattar. L'esprit libéral du Coran. pp 13—18.

2) Коранъ, пер. Николаева, стр. 395, прим. 2-е.

3) Comte de Castries Moulay Ismail p. 57—58.

на ложѣ отца, а ребенокъ принадлежитъ ложу. Кромѣ того, является однимъ изъ догматовъ вѣры, что потомки Пророка находятся внѣ подобныхъ подозрѣній»! Цитируя выше приведенный стихъ, онъ заканчиваетъ свою апологію такъ: «изъ этого заявленія Корана явствуетъ, что ложе Идриса I было чуждо подобной профанаціи и лишено всякой скверны. Посему, всякій, кто поддерживаетъ противное мнѣніе, совершаетъ смертный грѣхъ и ударяется въ невѣріе» [1]).

Доказательство считается совершенно яснымъ.

Но были эпохи, когда являлись ученые комментаторы съ самыми широкими взглядами, одаренные свѣтлымъ и живымъ умомъ, за нѣсколько столѣтій предвосхитившіе нѣкоторыя идеи европейской философіи; но ихъ труды пропадали даромъ, для массы они ничего не говорили: привыкшіе къ темнотѣ люди отворачивались отъ яркаго свѣта. Особенно въ концѣ четырнадцатаго и началѣ пятнадцатаго вѣка нашей эры появилось много «трудовъ схоластическаго характера, въ которыхъ метафизическіе вопросы рѣшались съ довольно большой, для мусульманъ, независимостью. Среди авторовъ подобныхъ трудовъ слѣдуетъ отмѣтить автора «Акиды»—Абу Абдулла-Мухаммедъ-бинъ-Мухаммеда, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Шейха Сэнуси. Въ Малой Акидѣ онъ рѣшаетъ вопросы о существѣ Бога, Его аттрибутахъ, о сотвореніи міра. Онъ начинаетъ теоріей сужденія, которое онъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: «сужденіе есть признаніе или отрицаніе какой-нибудь вещи.- Это признаніе или отрицаніе вытекаетъ или изъ догмата, или изъ опыта, или изъ разума. Поэтому сужденіе раздѣляется на три вида: догматическое, экспериментальное и раціональное». [2]). Къ этому мы возвратимся при разсмотрѣніи философскихъ школъ ислама.

Если мы прослѣдимъ исторію толкованія Корана, то мы увидимъ, что первоначально толкованіе Корана не отличалось особеннымъ фанатизмомъ, который появляется на сцену главнымъ образомъ со времени крестовыхъ походовъ, что вполнѣ понятно: какъ мусульмане были невѣрными для христіанъ, такъ и христіане были невѣрными для мусульманъ. Ненависть къ крестоносцамъ достигла своего апогея, и комментаторы Корана часто толковали священный для нихъ текстъ не такъ, какъ они понимали его по внутреннему смыслу, а такъ, какъ хотѣли внушить этотъ смыслъ толпѣ. Частныя велѣнія Корана, самимъ временемъ и обстоятельствами отмѣненныя и обратившіяся лишь въ мертвую букву, стали, въ ихъ толкованіи, общими.

Безъ преувеличенія это было то же самое, какъ если бы

---

[1]) Comte de Castries. Moulay Ismail. p. 57—58.

[2]) G Delphin. La philosophie de Cheih Senoussi pp. 8, 9.

современный администраторъ, справедливо преклоняясь передъ геніемъ Петра Великаго, сталъ бы придерживаться во всемъ уставовъ Петра.

Комментаторы покривили совѣстью, но у нихъ былъ предлогъ они дѣйствовали во славу Бога! Результатомъ этого было то, что толпа была окончательно фанатизирована, а комментаторамъ больше не стало пути для отступленія,—они должны были продолжать. И они продолжали свое дѣло со спокойной совѣстью, такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ войны велись почти непрерывно. Когда прекратились войны, остановиться было уже невозможно, было поздно: двери Иджтихада были навсегда закрыты.

Такимъ образомъ, апологеты исламизма могутъ сваливать вину на комментаторовъ, которые своимъ толкованіемъ исказили священный текстъ,—но что за польза отъ этого? Это лишь объясненіе, которое нисколько не можетъ поправить дѣла, такъ какъ они не могутъ заставить мусульманскую массу признать ошибку —сознательную чаще, иногда безсознательную—комментаторовъ. Коранъ дано понимать не всѣмъ,—«поэтому вѣрно то, что говорятъ комментаторы». Возставать противъ нихъ? Не безуміе ли попытаться поколебать значеніе тѣхъ именъ, которыя съ почтеніемъ произносятся во всемъ мусульманскомъ мірѣ?...

Это дурная сторона по отношенію общенія мусульманъ съ людьми другихъ религій. Но зло на этомъ не остановилось. Несогласіе въ толкованіяхъ, сведенное къ партійнымъ вопросамъ, вызвало борьбу; вмѣсто того, чтобы искреннимъ обмѣномъ мнѣній пытаться установить истину, стали всѣ усилія напрягать на доказательство непогрѣшимости собственнаго сужденія и для этого стали утрировать свои толкованія. Въ итогѣ—какъ слишкомъ буквальное толкованіе породило ереси, такъ и слишкомъ свободное привело къ тому же Мусульмане сдѣлались врагами другъ друга, стали воевать другъ съ другомъ вопреки предсмертному завѣту Пророка, что они должны составлять одинъ народъ.

Очень часто, въ особенности въ писаніяхъ новѣйшихъ апологетовъ мусульманства, приходится встрѣчать не лишенное извѣстнаго смысла, но имѣющее слишкомъ мало практическаго значенія, объясненіе, что «кажущійся» фанатизмъ Мухаммеда былъ не болѣе, какъ мѣрою, вызванною жизненной необходимостью въ данный моментъ (въ прошломъ), но что такая мѣра не можетъ разсматриваться, какъ вытекающая изъ духа религіи. Но тогда вполнѣ естественно и неизбѣжно является вопросъ, какимъ же образомъ цѣлому можно придавать вѣчное значеніе, разъ часть его признается только временнымъ, и гдѣ проходитъ раздѣлительная грань? Что—нибудь одно: или завѣтъ былъ вѣченъ, и тогда попытки мусульманъ оправдать его временнымъ характеромъ яв-

ляются лишь доказательствомъ слабости или негодности принципа; или же завѣтъ былъ временной мѣрой, и въ такомъ случаѣ онъ долженъ быть отмѣненъ. А чтобы сдѣлать послѣднее, надо подвергнуть сомнѣнію вѣчность содержащагося въ Коранѣ. Но и то и другое безполезно,—«дверь иджтихада закрыта». Вотъ печальный принѣвъ, безъ котораго никакъ нельзя обойтись, разъ приходится говорить о примиреніи мусульманскаго міра съ иновѣрными.

Чтобы закончить настоящую главу, считаю не безынтереснымъ привести нѣсколько мнѣній о вопросѣ современныхъ мусульманскихъ писателей, людей европейски образованныхъ.

«Со смертью Мухаммеда, подъ господствомъ первыхъ халифовъ и въ теченіе первыхъ вѣковъ ислама Коранъ былъ толкуемъ самымъ либеральнымъ образомъ, результатомъ чего были громадные успѣхи новой религіи, которая допускала существованіе другихъ религій, заставляла уважать всѣ мнѣнія, запрещала острые споры между религіями, между сектами и расами; которая не только позволяла смѣшанные браки, но внушала уваженіе къ культу жены—не мусульманки и предоставляла свободное отправленіе этого культа: которая запрещала всякое насиліе и всякое принужденіе съ религіозной точки зрѣнія» [1]).

Вѣрнѣе было бы сказать, что при желаніи такое толкованіе было бы возможно. Но, увы! этого желанія какъ разъ и не было, и не столько либерализму, сколько именно насилію исламъ обязанъ быстрымъ своимъ распространеніемъ въ первые вѣка геджры. Дальше мы увидимъ, что исторія ранняго халифата далеко не даетъ намъ примѣра слишкомъ либеральнаго толкованія Корана. Впрочемъ, мало по малу къ тому же приходитъ и цитируемый мною авторъ.

Онъ говоритъ, что такъ какъ наука толкованія получила главное свое развитіе, расцвѣла и остановилась въ періодъ первыхъ вѣковъ геджры, когда исламъ велъ войны съ христіанскимъ міромъ, то враждебность, среди которой жили мусульмане, не могла не отозваться на духѣ толкованія.

Если справедливо выраженіе, что отъ состоянія желудка министра зависитъ иногда участь населенія цѣлаго государства, то смѣло можно сказать, что участь всѣхъ мусульманъ—бывшихъ и будущихъ—была рѣшена въ минуты сильнаго разстройства.

И вотъ, сознавая свою безпомощность, невозможность поправить сдѣланное зло, мусульманскій авторъ клеймитъ такое толкованіе Корана «самымъ непростительнымъ преступленіемъ» [2]).

---

[1]) C. Benattar L'esprit libéral du Coran p. 9.

[2]) Idem. p. 93.

Но бѣда въ томъ, что подобные крики являются единичными, раздаются слишкомъ рѣдко и не могутъ имѣть практическаго значенія. для мусульманской массы они являютея лишь ересью. Исламизмъ въ тѣхъ рамкахъ, въ которыя его заключили комментаторы, имѣетъ такъ же мало общаго съ либерализмомъ, какъ нѣкоторые пытаются это доказать, какъ гуманность съ убійствомъ.

И, не высказываясь такъ прямо, развѣ не то же говорятъ нѣкоторые мусульманскіе писатели. Такъ, напримѣръ, Амиръ Али пишетъ:

«.. какъ во всякой религіи, въ исламѣ просвѣщеніе должно предшествовать реформѣ; и, раньше чѣмъ можетъ быть обновленіе религіозной жизни, умъ долженъ освободиться отъ тѣхъ тисковъ, которые наложили на него столѣтія буквальнаго толкованія и «доктрина сообразованія». Формализмъ, который совершенно ничего не говоритъ сердцамъ вѣрующихъ, долженъ быть оставленъ; обрядности должны быть подчинены внутреннимъ чувствованіямъ, и уроки морали должны быть запечатлены въ умѣ. И лишь только тогда мы можемъ надѣяться на восторгъ передъ принципомъ долга, преподаннымъ Пророкомъ ислама. Реформа ислама можетъ начаться тотчасъ же, какъ будетъ признано, что божественныя слова, переведенныя на любой языкъ, удерживаютъ свой божественный характеръ, и что на какомъ бы языкѣ не было совершено поклоненіе. оно пріемлемо для Бога» [1]).

Мавляви Чирагъ Али говоритъ:

«Рабское подражаніе и слѣдованіе буквѣ и полное пренебреженіе къ духу Корана является печальной характеристической чертой кораническихъ комментаторовъ и выводовъ мусульманскихъ богослововъ». [2]).

Для тѣхъ, кто прочтетъ эти строки, наше мнѣніе не должно показаться пристрастнымъ мнѣніемъ человѣка, исповѣдывающаго другую религію,—къ тѣмъ же выводамъ приходятъ и сознательные мусульмане, являющіеся лидерами передовыхъ партій.

Цитированные выше слова представляютъ широкое поле для вывода многочисленныхъ заключеній, но здѣсь мы должны ограничиться только тѣмъ, что непосредственно относиться къ Корану.

Истинный духъ Корана не понятъ, смыслъ его истолкованъ ложно, полезное распространеніе его задерживается ни на чемъ не основанномъ запрещеніемъ переводить его на другіе языки, слишкомъ низкій уровонь просвѣщенія не позволяетъ массѣ от-

---

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam p. 162.

[2]) Maulavi Cheragh Ali. Reforms under Muslim rule Loc. cit. E Sell Faith of islam. p. 221.

дать себѣ отчетъ въ своемъ заблужденіи относительно ученія Корана.

Вотъ что слѣдуетъ изъ словъ мусульманскихъ авторовъ, и поэтому мусульманскій же авторъ называетъ «самымъ непростительнымъ преступленіемъ» тотъ путь, по которому комментаторы привели исламизмъ къ этому положенію.

Таково теоретическое положеніе дѣла: оно указываетъ ошибку. но указываетъ и средства для ея исправленія. Практика дѣла хуже, она едва ли не безнадежна. Люди, рѣшившіеся высказать подобныя смѣлыя мысли, являются не болѣе какъ еретиками съ точки зрѣнія ортодоксальныхъ мусульманъ, такъ какъ эти мысли грозятъ потрясти все зданіе ислама.

Глава седьмая

Хотя стиль Корана строго и не выдержанъ, но все же въ громадномъ большинствѣ суръ рѣчь ведется въ первомъ лицѣ, что должно быть вполнѣ естественно, разъ онъ является словомъ Бога Попадаются и такія мѣста, гдѣ рѣчь ведется въ одномъ и томъ же стихѣ въ первомъ и третьемъ лицѣ, но это не должно смущать вѣрующаго, такъ какъ, какъ то совершенно справедливо замѣчаютъ коментаторы, Богъ можетъ говорить о себѣ и въ третьемъ лицѣ.

Выше мы говорили уже о томъ, что стиль Корана мусульманами считается совершеннно безупречнымъ, идеаломъ изящества и краснорѣчія, а самъ Коранъ называетъ свой языкъ яснымъ, но европейскіе ученые въ стилѣ находятъ погрѣшности, а рѣчь считаютъ, и не безъ основанія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно неяснои. Было сказано и о томъ, что въ разные периоды своей пророческой миссіи Мухаммедъ говорилъ разнымъ языкомъ, такъ какъ, съ измѣненіемъ мыслей, онъ долженъ былъ искать и новои формы для болѣе соотвѣтственнаго облеченія ихъ.

«Стиль Корана признанъ мусульманами совершенствомъ арабскаго языка, верхомъ красоты и краснорѣчія, недоступныхъ для творенія человѣка, что само по себѣ уже достаточно явственно говоритъ о божественнои природѣ Корана. Мухаммедъ самъ многократно обращалъ вниманіе на это чудо, лучше всего доказывающее истинность его миссіи. Онъ вызывалъ самыхъ краснорѣчивыхъ людей Аравіи произвести что-либо подобное Корану. Компетентные люди своего времени дѣйствительно находили языкъ Корана совершеннымъ. Въ подтвержденіе этого разсказываютъ слѣдующую исторію. Лабадъ-ибнъ-Рабія, одинъ изъ величайшихъ поэтовъ Аравіи времени Мухаммеда, получилъ разрѣшеніе вывѣсить у дверей мекканскаго храма одну изъ своихъ поэмъ,—величайшая честь, добиться которои мечтали всѣ поэты. Когда вскорѣ послѣ этого тамъ же была вывѣшена вторая сура Корана, то Лабадъ призналъ свое несовершенство, сказавъ, что только божественное откровеніе могло произвести такую вещь,

какъ Коранъ, и онъ увѣровалъ. Впослѣдствіи онъ былъ очень полезенъ Мухаммеду, составляя отвѣты на памфлеты и сатиры, которые писались противъ него поэтами того времени, и въ особенности Амру-ибнъ-Кансомъ» (ибнъ-Ассомъ?) [1]).

Въ Меккѣ, въ особенности въ началѣ миссіи Мухаммеда, Коранъ еще не высказываетъ никакихъ велѣній,—Мухаммедъ получилъ пока только приказаніе призывать къ культу истиннаго Бога, того истиннаго Бога, твореніе Котораго, вся природа являявляется сплошнымъ чудомъ: имѣющіе очи видѣть, да видятъ! имѣющіе уши слышать, да слышатъ! Такова его рѣчь Это все, что нужно для познанія истиннаго Бога. Стоитъ оглянуться кругомъ, прислушаться и приглядѣться къ вѣчному движенію природы, и величіе, могущество Бога чувствуется гораздо яснѣе и рельефнѣе, чѣмъ при помощи заучиванія отвлеченныхъ догматовъ. Для заучиванія ихъ требуется усиліе воли и разума, а разумъ противится воспріятію того, что недоступно ему. Это лучшій, увлекательнѣйшій, красивѣйшій періодъ проповѣди Мухаммеда. Создавъ себѣ ложную идею о Богѣ въ Его проявленіяхъ, онъ постигъ Его въ природѣ, и природа является громаднымъ, сплошнымъ алтаремъ; предъ которымъ всякое твореніе возноситъ хвалы своему Творцу. И когда Богъ посылалъ на землю пророковъ, чтобы они пробудили людей отъ духовнаго сна и не были безчувственны къ величію природы—проявленію славы Божіей, и люди отвергали этихъ пророковъ.—что выходило изъ этого? Люди гибли.

Такимъ образомъ, первый періодъ проповѣди въ Меккѣ можетъ быть названъ періодомъ религіозной поэзіи: это—зеркало, въ которомъ отражается природа—созданіе единаго Бога.

Первыя суры очень коротки. но иначе и не могло быть: долго нельзя было вести рѣчь этимъ страстнымъ, возвышеннымъ, пламенемъ пылающимъ тономъ. который дѣйствительно могъ жечь сердца людей. Какъ будто проповѣдникъ призвалъ на помощь себѣ поэта, чтобы вѣрнѣе бить по сердцамъ.

Проповѣдь проста: призывъ къ вѣрѣ въ единаго Бога, къ дѣланію добра. Доказательствомъ существованія этого единаго Бога можетъ служить простая провѣрка впечатлѣній своихъ чувствъ: голосъ природы есть неумолчный крикъ о существованіи Бога.

«Милосердный научилъ Корану. Онъ создалъ человѣка; Онъ училъ его краснорѣчію.

«Солнце и луна движутся сообразно исчисленію. Растенія и деревья падаютъ ницъ передъ Господомъ. Онъ возвысилъ не-

---

[1]) Sale. P. D. PP. 47, 48,

бо и установилъ вѣсы для того, чтобы вы не обманывали въ вѣсѣ. Отвѣшивайте по справедливости и не портите вѣсовъ. А землю Онъ положилъ для различныхъ народовъ.

«На землѣ находятся плоды и пальма, у которой плодъ покрытъ оболочкой. И хлѣба съ ихъ соломою, и душистыя растенія.

«Какое же изъ благодѣяній Господа вы будете отрицать?

«Онъ образовалъ человѣка изъ той же глины, которую употребляетъ горшечникъ. Онъ создалъ геніевъ изъ чистаго огня безъ дыма. Какое же изъ благодѣяній Господа вы будете отрицать? [1]).

«Онъ владыка двухъ восходовъ, Онъ владыка двухъ закатовъ. Онъ раздѣлилъ два соприкасавшихся моря: между ними подымается преграда, и не вдаются они одно въ другое... То и другое доставляютъ жемчугъ и кораллы... Ему принадлежатъ корабли, пересѣкающіе моря, какъ горы... Все сущее на землѣ прейдетъ, остается вѣчно одинъ только ликъ Божій, окруженный величіемъ и славой... Все сущее на небесахъ и на землѣ обращается къ нему со своими мольбами. Каждый день Онъ занимается какимъ-нибудь новымъ дѣяніемъ... Мы посвятимъ одинъ день суду надъ вами, о, люди и геніи!.. О, сонмъ людей и геніевъ! если вы можете проникнуть за предѣлы неба и земли, сдѣлайте это; но вы проникнете туда благодаря только дѣйствительной власти... Ливень изъ пламени и растопленной мѣди устремится на васъ. Вы не будете торжествовать.. Когда расколется небо, когда оно будетъ красно, какъ выкрашенная кожа... Въ тотъ день не будутъ спрашивать ни геніевъ, ни людей о грѣхахъ ихъ... Преступные люди будутъ признаны по значкамъ ихъ: ихъ схватятъ за волосы и за ноги... Вотъ геенна, которую невѣрные считали выдумкой. Они будутъ вращаться вокругъ пламени и воды кипящей... Питающіе же страхъ къ величію Господа получатъ въ обладаніе два сада... Оба украшенные рощами... Въ каждомъ изъ нихъ по живому источнику... Въ каждомъ изъ нихъ всяческіе плоды двухъ видовъ... Отдыхая они лягутъ на ковры, у которыхъ подкладка будетъ сдѣлана изъ парчи. Плоды въ обоихъ садахъ будутъ на такой высотѣ, чтобы каждый желающій могъ сорвать ихъ... Тамъ будутъ молодыя дѣвы съ скромными взорами, до которыхъ никогда не прикасался ни человѣкъ, ни геній. Они походятъ на гіацинты и кораллы... Развѣ не благомъ будетъ награда за благое?.. Кромѣ двухъ сихъ садовъ, будутъ еще два другихъ сада... Два сада, покрытые зеленью... Гдѣ будутъ бить два ключа... Тамъ будутъ плоды, пальмы и гранатовыя деревья... Тамъ будутъ добрыя, прекрасныя женщины... Дѣвственницы съ

---

[1]) Этотъ стихъ повторяется почти черезъ каждые два стиха, а иногда и чаще Мы отмѣтили ихъ многоточіями, чтобы не повторять.

большими черными глазами. И будутъ онѣ находиться въ шатрахъ.. Ни человѣкъ, ни геній никогда не прикасались къ нимъ... И будутъ мужья ихъ отдыхать на зеленыхъ подушкахъ и великолѣпныхъ коврахъ... Да будетъ благословенно имя Господа, преисполненнаго величія и великодушія» (Сура 55-я).

И лучше повѣрить! такъ будетъ лучше для самого человѣка: для вѣрующихъ будетъ рай, для невѣрующихъ адъ. какое ужасное мѣсто! И онъ въ яркихъ образахъ рисуетъ картину суда:

«Когда расщепленется небо,
«Когда звѣзды будутъ разсѣяны,
«Когда моря сольютъ свои воды,
«Когда могилы перевернутся вверхъ дномъ.
«Когда душа увидитъ свои и старыя и новыя дѣянія.
«О, человѣкъ! кто ослѣпилъ тебя для того, чтобы ты не видѣлъ своего великодушнаго владыки,
«Твоего владыки, который придалъ тебѣ совершеныя и правильныя формы,
«По образцу, имъ лично избранному?
«Но вы считаете его религію ложью.
«Конечно, у него есть стражи, которые старательно наблюдаютъ за вами,
«Стражи знаменитые, записывающіе дѣянія ваши,
«Имъ извѣстны дѣянія ваши.
«Конечно люди справедливые будутъ находиться въ садахъ услады,
«А развратные найдутъ себѣ мѣсто въ аду.
«Въ день возмездія они будутъ горѣть на огнѣ,
«И не будутъ въ состояніи освободиться отъ него.
«Кто сообщитъ тебѣ, что такое день возмездія?
«И еще разъ спрашиваю тебя. кто научитъ тебя, что такое день возмездія?
«Это день, когда ни одна душа не будетъ въ состояніи ничего сдѣлать для другой, Въ день сей вся достанется Господу.» (Сура 82).

Въ еще болѣе яркихъ словахъ онъ описываетъ то же:

«Когда солнце будетъ согнуто,
«Когда падутъ звѣзды,
«Когда горы придутъ въ движеніе,
«Когда верблюдицы будутъ покинуты,
«Когда дикіе звѣри соберутся стаями,
«Когда закипятъ моря,
«Когда души будутъ собраны парами;

«Когда спросятъ закопанную дѣвушку, за какое преступленіе ее лишили жизни!

«Когда листъ книги будетъ развернутъ.

«Когда небеса будутъ сдвинуты въ сторону.

«Когда огни ада будутъ съ шумомъ пылать.

«Когда приблизится рай:

«Всякая душа признаетъ тогда всѣ дѣянія, которыя она совершила.

«Я не буду клясться звѣздами отступающими,

«Которыя быстро бѣгутъ и скрываются.

«Я клянусь наступающей ночью,

«Зарею занимающейся.

«Что Коранъ является словомъ посланника знаменитаго,

«Могучаго у владыки трона, твердаго,

«Повелѣвающаго и вѣрнаго.

«Согражданинъ вашъ не одержимый.

«Онъ ясно видѣлъ его на вершинѣ неба,

«И не заподозритъ онъ таинъ, открытыхъ ему.

«Это слово—демона, побитаго камнями

«Куда же идете вы?

«Коранъ является предостереженіемъ для вселенной,

«Для тѣхъ изъ васъ, которые ищутъ пути праваго.

«Но вы не можете желать того же, чего хочетъ Богъ, владыка вселенной». (Сура 81-я).

Что касается языка Корана, то второй періодъ проповѣди въ Меккѣ отличается тѣмъ, что поэтъ уже все рѣже и рѣже слышится въ проповѣдникѣ. Болѣе нѣтъ тѣхъ цѣлыхъ образовъ, которые раньше такъ волновали чувство. Каждая сура почти упоминаетъ о томъ, что она является откровеніемъ Божіимъ. Главная сила аргументаціи теперь уже заключается въ исторіи, которая, правда, иногда нѣсколько разнится отъ настоящей. Передъ слушателями проходитъ вереница библейскихъ пророковъ, иногда ясно названныхъ, иногда легко угадываемыхъ подъ чуждымъ имъ именемъ, иногда не дающихъ и этой возможности. Мухаммедъ приводитъ ихъ исторію для того, чтобы показать, какъ не хорошо бывало отъ того, что люди не слушали посылаемыхъ къ нимъ пророковъ. Такъ же будетъ и съ тѣми, кто не будетъ слушать его, такъ какъ онъ такой же пророкъ, но выше другихъ, такъ какъ каждая миссія бывала совершеннѣе предыдущей, и его миссія вѣнчаетъ это зданіе посланнаго людямъ откровенія.

Очень характерной сурой этого періода является сура 54-я:

«Насталъ часъ, и раскололась луна; но невѣрные при видѣ и этого чуда отворачиваются и говорятъ: все это сплошь одна магія. И считали они предостереженія эти ложью и поступали

сообразно желаніямъ своимъ, но все опредѣлено неизмѣннымъ образомъ. Имъ однако дали возможность выслушать разсказы, въ которыхъ было нѣчто такое, отъ чего могъ бы ихъ охватить страхъ. Это высшая мудрость, но предостереженія не послужили имъ ни къ чему.

«Оставь же ихъ, о, Мухаммедъ! Въ тотъ день, когда ангелъ, на котораго возложена обязанность призвать всѣхъ людей, призоветъ къ ужасному Съ опущенными взорами они выйдутъ изъ могилъ своихъ и, подобно разсѣявшейся саранчѣ, стремительно побѣгутъ передъ ангеломъ, призывавшимъ ихъ. И скажутъ тогда невѣрные: вотъ трубный день.

«Еще до нихъ народъ Ноя принялъ истину за ложь И съ нашимъ служителемъ Ноемъ поступилъ, какъ съ лжецомъ. Про него говорили, вотъ одержимый, и былъ онъ отвергнутъ.

«И воскликнулъ Ной своему Господу, меня тѣснятъ со всѣхъ сторонъ. Приди на помощь ко мнѣ. Мы разверзли небеса, и вода потоками устремилась оттуда. Мы разсѣкли землю источниками, и небесная вода слилась съ ключевой водой, какъ это было назначено въ приговорѣ, произнесенномъ заблаговременно.

«Мы носили его въ ковчегѣ, построенномъ изъ досокъ, скрѣпленныхъ гвоздями И на глазахъ нашихъ носился онъ по морю. Такова была награда тому, относительно котораго они оказались неблагодарными Его мы сдѣлали знаменіемъ предостереженія. Неужели никто не подумаетъ? Хорошо! каково же было наше наказаніе и наши угрозы? Мы сдѣлали Коранъ доступнымъ для того, чтобы онъ могъ служить увѣщаніемъ. Неужели никто не подумаетъ объ этомъ?

«Адъ (племя) считалъ истину ложью. Хорошо! каково же было наше наказаніе и наши угрозы? Мы послали на нихъ бурный вѣтеръ въ день праздничный, и дулъ онъ не ослабѣвая. Онъ поднималъ людей, какъ обломки пальмы, съ силой оторванные. Хорошо! каково же было наше наказаніе и наши угрозы? Мы сдѣлали Коранъ доступнымъ для того, чтобы онъ служилъ увѣщаніемъ. Неужели никто не подумаетъ объ этомъ?

«Самудиты считали наши угрозы ложью. Будемъ ли мы слушаться такого же человѣка, какъ мы сами? говорили они: право, тогда были бы погружены въ заблужденіе и безуміе. Неужели предостереженія неба были бы даны ему одному изъ всѣхъ насъ. Нѣтъ, это наглый лжецъ. На слѣдующій же день узнаютъ они, кто изъ насъ былъ наглымъ лжецомъ. И послали мы во искушеніе имъ верблюдицу, мы будемъ слѣдить за всѣми движеніями ихъ, а ты, Салехъ, будь терпѣливъ. Возвѣсти имъ, что вода изъ ихъ цистернъ должна быть раздѣлена между ними и верблюдицей, и пусть порціи ихъ чередуются. И призвали самудиты одного изъ согражданъ своихъ. Тотъ вынулъ саблю и убилъ верблюдицу. Хорошо! каково же было наше наказаніе и

наши угрозы? Мы послали на них только крикъ ангела, и они стали, какъ стебли сухой соломы, смѣшанной съ глиной.

«Мы сдѣлали Коранъ доступнымъ для того, чтобы онъ служилъ увѣщаніемъ Неужели никто не подумаетъ объ этомъ? И считалъ народъ Лота угрозы ложью. Мы послали на этотъ народъ бурю, которая метала камни, и на разсвѣтѣ спасли только семейство Лота. Это было милостью съ нашей стороны; такъ вознаграждаемъ мы признательныхъ людей. Онъ угрожалъ имъ нашей силой, но они сомнѣвались относительно угрозъ. Они хотѣли сдѣлать зло гостямъ своимъ, но мы отняли у нихъ зрѣніе и сказали: испытайте наказаніе мое и мои угрозы. И на слѣдующій день жестокое наказаніе охватило ихъ тотчасъ же, Испытайте же наше наказаніе и наши угрозы, говорили мы.

«Мы сдѣлали Коранъ доступнымъ для того, чтобы онъ служилъ увѣщаніемъ Неужели никто не подумаетъ объ этомъ? И у семьи Фараона также были предостереженія. Но всѣ чудеса наши они считали ложью И мы схватили ихъ такъ же, какъ схватилъ ихъ Сильный, Могучій. А'вы, невѣрные жители Мекки, развѣ вы сильнѣе ихъ? Или вы имѣете въ Писаніи какую-нибудь грамоту объ изъятіи васъ?

«Будутъ ли говорить они, насъ много, если мы будемъ помогать другъ другу? Но великое число это вскорѣ будетъ разсѣяно. Всѣ они повернутся спиною. И свидятся они въ день суда. О, какимъ печальнымъ и горькимъ будетъ этотъ часъ! Виновные погружены въ заблужденіе, въ безуміе. И въ тотъ день, когда ихъ будутъ тащить лицомъ по землѣ въ огонь адскій, имъ крикнутъ: испытайте же соприкосновеніе съ адомъ.

«Мы все создали въ извѣстной мѣрѣ Приказаніе наше было единымъ словомъ, быстрымъ, какъ мгновеніе ока Мы истребили народы, подобные вамъ. Неужели никто не подумаетъ объ этомъ? Все, что они дѣлаютъ, отмѣчено въ книгѣ сей Тамъ все вписано и великое и малое Справедливые будутъ жить среди садовъ и потоковъ воды, тамъ, гдѣ пребываетъ истина, возлѣ могучаго царя!».

Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ сурахъ, Мухаммедъ прибѣгаетъ къ риторической фигурѣ повторенія: помимо того, что это дѣлало рѣчь болѣе внушительной, это держало еще слушателей въ тѣхъ рамкахъ, которыя хотѣлъ поставить Мухаммедъ. Безъ этого исторія пророковъ была бы для нихъ серіей отдѣльныхъ разсказовъ, не связанныхъ общей идеей, которая должна была привести ихъ къ повиновенію Мухаммеду.

Чѣмъ дальше подвигается дѣло, и чѣмъ путь Мухаммеда становится тернистѣе, тѣмъ рѣзче становится и языкъ Корана. Отчаяніе въ немъ чередуется съ слабо еще пока выраженными угрозами. Порою въ немъ слышится усталый тонъ человѣка, ко-

тором уже надоѣло повторять безъ всякой пользы одно и то же, и который удивляется, что его никакъ не могутъ понять, когда на дѣлѣ все такъ просто, ясно и вразумительно. Они хотятъ чудесъ отъ него? Но у него нѣтъ власти творить чудеса, да и какая польза въ нихъ, когда вѣдь люди все равно не повѣрили тѣмъ пророкамъ, которые имѣли власть творить чудеса? Они увидятъ чудо, но только тогда уже будетъ поздно, и имъ придется тогда тщетно раскаяваться въ своемъ невѣріи. Чудеса принадлежатъ только Богу и тому, кому Онъ передалъ Свою власть.

«У Него есть ключъ ко всѣмъ тайнамъ. Онъ одинъ ихъ знаетъ. Онъ знаетъ о томъ, что существуетъ на землѣ, и что скрыто въ глубинѣ морской. Листка не упадетъ безъ его вѣдома. Нѣтъ ни одного зерна въ мрачныхъ нѣдрахъ земли, нѣтъ зеленой или высохшей былинки, которая не была бы обозначена въ книгѣ явной.

«Онъ позволяетъ вамъ ночью наслаждаться сномъ и знаетъ всѣ дѣянія, совершенныя вами въ теченіе дня. Наступитъ день, когда Онъ воскреситъ васъ для того, чтобы было выполнено назначенное васъ впередъ условіе: вы возвратитесь потомъ къ Нему, и Онъ разскажетъ обо всѣхъ вашихъ дѣяніяхъ». (Сура 6-я, ст. 59, 60).

Первые три періода проповѣди Мухаммеда можно охарактеризовать послѣдовательно такъ: въ первомъ Мухаммедъ призываетъ къ вѣрѣ, во второмъ говоритъ, что вѣра необходима; въ третьемъ говоритъ почти то же, прибавляя угрозы и предупреждая, что онъ не является отвѣтственнымъ за непослушаніе людей,—онъ предупредилъ и свое дѣло сдѣлалъ.

Къ концу послѣдняго періода въ Меккѣ взглядъ Мухаммеда на отношеніе вѣрныхъ къ идолопоклонникамъ мѣняется въ значительной степени. Нѣтъ надобности бѣжать отъ нихъ или терпѣть ихъ притѣсненія. Богъ за него, а имъ остается ожидать только страшнаго суда, когда они узнаютъ, что удѣломъ ихъ будетъ вѣчное пребываніе въ аду, гдѣ нѣтъ прощенія, откуда нѣтъ выхода.

«Возвѣстите творящимъ благое, что Господь окаляетъ Свою защиту вѣрующимъ, на зло всѣмъ замысламъ невѣрныхъ, ибо Онъ не любитъ вѣроломныхъ и невѣрующихъ людей. Получившимъ обиды Онъ обѣщалъ поразить ихъ враговъ». (Сура 22-я, ст. 38—40).

Настанетъ послѣдній періодъ проповѣди: Мухаммедъ въ Мединѣ, онъ силенъ, и онъ говоритъ теперь уже прямо, не заку-

тывая свои слова въ неясныя угрозы, невѣрные должны увѣровать, такъ какъ ему приказано силой обращать въ исламизмъ. Больше нѣтъ убѣжденія.—есть только приказаніе, подъ угрозой меча за ослушаніе. Только для христіанъ и евреевъ дѣлается исключеніе, они могутъ откупиться за сохраненіе своей вѣры.

Таковы основныя мысли Корана. Перейдемъ теперь къ его законамъ. Этотъ вопросъ важенъ въ томъ отношеніи, что онъ объяснитъ намъ взглядъ ислама на христіанство и іудейство и на священныя писанія этихъ религій.

Всѣ древнія религіи были неразрывно связаны съ закономъ: религія была закономъ, она устанавливала извѣстныя нравственныя нормы, по времени достаточныя для руководства людей. Жизненныя условія еще были такъ просты, что вдвинутый въ религіозный кодексъ рядъ велѣній и запрещеній обнималъ собою всѣ обстоятельства несложной жизни. Гдѣ существовало общество, тамъ существовалъ и законъ письменный или устный,—это не имѣло важности: этотъ законъ регулировалъ всѣ отношенія между людьми.

Такіе законы (я употребляю здѣсь слово законъ въ собирательномъ смыслѣ за невозможностью примѣнить слово кодексъ, такъ какъ рѣчь идетъ одинаково какъ о писанныхъ, такъ и устныхъ законахъ) были вызваны необходимостью сдѣлать такую оцѣнку взаимоотношеній, которая была бы общей для всѣхъ членовъ общества. Съ ростомъ и развитіемъ общества, естественно долженъ былъ развиваться и законъ, и иногда для усовершенствованія его требовалось вмѣшательство небесной власти, которая въ новомъ откровеніи отмѣняла, дополняла или исправляла старый законъ, если онъ уже существовалъ или устанавливала его, если его не было. Такъ какъ безъ закона общество существовать не могло, то послѣдній законъ и считался всегда дѣйствующимъ до отмѣны его новымъ

Наконецъ человѣчество оказалось въ такой стадіи, что часть его признавала законъ, дарованный свыше, и на основныхъ принципахъ этого закона созидала свою жизнь. Часть же, по невѣдѣнію или упорству, подобный законъ отвергала и создавала свои собственные Въ отличіе отъ вторыхъ, первые стали называться людьми откровеннаго закона или людьми писанія, преемственно передаваемаго изъ поколѣнія въ поколѣніе и столь же древняго, какъ міръ, впервые увидавшій человѣка, носителя перваго откровенія.

Послѣднимъ откровеннымъ закономъ, какъ говорятъ мусульмане, явился Коранъ. Вопросъ этотъ разсмотрѣнъ въ первой главѣ этой части, и намъ остается лишь ознакомиться съ содержащимися въ Коранѣ законоположеніями. Однако, прежде чѣмъ сдѣлать это, необходимо рѣшить одинъ вопросъ.

Являясь пророкомъ Бога, избраннымъ для провозглашенія вѣчной истины, зналъ ли Мухаммедъ объ этой вѣчной истинѣ

что—нибудь до того времени, какъ ему было сдѣлано откровеніе? Другими словами, какова была его религія или то религіозное законодательство, которому онъ слѣдовалъ? Объявляя себя послѣднимъ въ серіи пророковъ, насколько обязательными для себя онъ считалъ тѣ законы, которые были оставлены его предшественниками?

Этотъ интересный вопросъ усиленно занималъ богослововъ ислама, но къ какимъ-либо единодушнымъ выводамъ они не пришли, такъ какъ выраженныя ими мнѣнія [1]) сильно разнятся между собою.

Слѣдить за ихъ разсужденіями особенно трудно, потому что, при логическомъ развитіи доказательствъ, въ качествѣ summa ratio приводятся стихи Корана. Чтобы понять эти разсужденія, не будемъ забывать о божественномъ происхожденіи Корана.

Въ общемъ выраженныя различными богословами сужденія можно свести въ три основныя группы:

1) По мнѣнію однихъ, Пророкъ слѣдовалъ извѣстному законодательству (т. е. въ смыслѣ божественнаго закона) но вопросъ—какому? По мнѣнію шафеитовъ, законы предшествовавшихъ пророковъ были обязательны для Мухаммеда до откровенія совершенно такъ же, какъ и для всѣхъ прочихъ смертныхъ.

Бухари говоритъ, что, при наличности противорѣчивыхъ законоположеній, Мухаммедъ долженъ былъ выбирать послѣднее; если не было извѣстно, которое изъ нихъ является послѣднимъ, то полагаться на указанія своей совѣсти.

Но это только общій отвѣтъ, онъ говоритъ лишь, что Мухаммедъ признавалъ законодательство или религію, но вопросъ — какое или какую же именно? Была ли то религія Адама, какъ первая изъ всѣхъ? Или Ноя, который первый установилъ законъ? Или то была религія Авраама, отъ котораго арабскій народъ ведетъ свое происхожденіе? Можетъ быть, религія Моисея, которому Богъ открылъ Пятикнижіе? Или, наконецъ, религія предшественника Мухаммеда—Христа?

Въ Коранѣ мы находимъ относительно этого слѣдующее:

«Онъ установилъ для васъ религію, которую заповѣдывалъ еще Ною; религія эта и была тебѣ дана въ откровеніи, о, Мухаммедъ! мы заповѣдывали ее Аврааму, Моисею, Іисусу въ такихъ словахъ: сохраняйте религію эту и не распадайтесь на секты. Его не способны вынести идолопоклонники». (Сура 42-я ст. 11).

«А. Л. М. Вотъ книга, которая не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній; это руководство для почитающихъ Господа.

---

[1]) Riad Ghali. Tradition comme source du droit musulman. p 47 и сл .

«Для вѣрующихъ въ вещи сокровенныя, соблюдающихъ молитву и щедро жертвующихъ блага, которыми мы ихъ надѣляемъ.

«Для вѣрующихъ въ откровенія, посланныя свыше тебѣ и жившимъ раньше тебя, съ вѣрою чающихъ жизни будущей.

«Они одни получатъ руководство отъ Господа, они одни достигнутъ блаженства». (Сура 2-я, ст 1 - 4),

«Мы дали тебѣ въ своемъ откровеніи наставленіе держаться религіи Авраама, который былъ истинно вѣрующимъ и не принадлежалъ къ числу идолопоклонниковъ». (Сура 16-я, ст. 124).

«Мы даровали Пятикнижіе; оно ведетъ къ свѣту и по пути блага. По этой книгѣ судили іудеевъ пророки и истинно вѣрующіе, покорные волѣ Бога; а священники и ученые должны были судить по нѣкоторымъ частямъ книги Божіей, ими охраняемой; они были какъ бы свидѣтелями закона передъ іудеями. О, іудеи! не бойтесь людей; страшитесь меня и не отдавайте знаменій моихъ въ обмѣнъ за низкую плату. Творящіе судъ, не сообразуясь съ истиной, дарованной свыше Богомъ, будутъ людьми невѣрными» (Сура 5-я, ст. 48).

Итакъ, положительнаго, категорическаго отвѣта на вопросъ не дается.

2) По мнѣнію другихъ, Мухаммедъ не слѣдовалъ никакому законодательству, таково мнѣніе малекитовъ, такъ какъ «въ такомъ случаѣ не было бы ничего проще, какъ скопировать это законодательство».

3) Третье мнѣніе, въ виду противорѣчивости двухъ предыдущихъ, выражается лишь сомнѣніемъ: не извѣстно, слѣдовалъ ли Мухаммедъ какому-нибудь законодательству, или нѣтъ.

Такъ было до откровенія. Мухаммедъ былъ простымъ смертнымъ, какъ и всѣ прочіе, и онъ могъ знать, могъ и не знать о предшествовавшихъ ему пророкахъ и объ оставленныхъ ими законахъ. Но съ откровеніемъ дѣло мѣняется, и вновь возникаетъ тотъ же вопросъ, только нѣсколько въ иной формѣ: что сдѣлалось съ прежними законодательствами съ возникновеніемъ ислама, новой откровенной религіи?

И при рѣшеніи этого вопроса мы опять встрѣчаемся съ большимъ разнообразіемъ мнѣній. Ихъ опять можно свести въ нѣсколько группъ:

1) Мухаммедъ продолжалъ слѣдовать предшествовавшимъ законодательствамъ, такъ какъ, по мнѣнію большинства ханефитовъ и шафеитовъ, для пророка обязательны постановленія предшествовавшихъ пророковъ—до отмѣны этихъ постановленій, сдѣланной черезъ него. И это соотвѣтствуетъ прямому указанію Корана:

«Они были направлены самимъ Богомъ на путь правый. Слѣдуй же направленію ихъ. Скажи имъ: Я не требую отъ васъ платы за Коранъ, онъ служитъ только наставленіемъ для вселенной» (Сура 6-я, ст. 90).

«Пророкъ вѣруетъ въ то, что послалъ ему Господь. Вѣрующіе признаютъ Бога, ангеловъ Его, книги и посланниковъ Его. Они говорятъ: мы не дѣлаемъ различія между посланниками Бога. Мы слышали и повинуемся. Прости намъ прегрѣшенія наши, о, Господи! Мы всѣ возвратимся къ Тебѣ». (Сура 2-я, ст. 285).

«Онъ послалъ тебѣ воистину книгу, подтверждающую то, что совершилось раньше ея. Онъ послалъ свыше Пятикнижіе и Евангеліе, чтобы они направляли людей въ ихъ жизни. Онъ ниспослалъ различіе (т. е. Коранъ)» (Сура 3-я, ст. 2).

Иначе и не могло бы быть, такъ какъ пророкъ вѣчно сохраняетъ свое качество, хотя бы другіе и смѣнили его; вѣчны и переданные черезъ него законы, если они не получили прямой отмѣны, или не носили лишь временнаго, срочнаго характера.

И для чего различать ихъ, разъ всѣ они являются только посланниками Бога для возвѣщенія Его воли? Эта воля выражалась для людей въ законахъ, оставленныхъ пророками, но источникомъ этой воли былъ только Богъ, вѣчный и верховный законодатель. Слѣдовательно, для отмѣны высшаго велѣнія необходимо опять таки дѣйствіе той же высшей власти. Поэтому старое законодательство авляется строго обязательнымъ до отмѣны его новымъ.

2) Часть ханефитовъ выразила такое мнѣніе: пророки не слѣдовали никакому изъ предшествовавшихъ законодательствъ, такъ какъ дѣйствіе всякаго законодательство прекращалось со смертью пророка, или же съ появленіемъ другого пророка. Лишь вѣчные принципы, вездѣ и всегда истинные, не имѣютъ конца. Какъ ни странно можетъ показаться на первый взглядъ такое обстоятельство, но и это положеніе доказывается и при помощи Корана и логически такъ же просто, какъ и первое, совершенно его исключающее.

«Мы послали тебѣ книгу, содержащую истину; книга эта подтверждаетъ Писаніе, бывшее прежде нея и предохраняетъ его отъ всякаго искаженія. Разбери всѣ ихъ согласно указанію Бога и остерегайся, уступивъ желаніямъ ихъ, удалиться отъ дарованнаго тебѣ одному. Мы указали путь, дорогу, проторенную каждому изъ васъ». (Сура 5-я, ст. 52).

Этотъ текстъ толкуется такъ, что каждому народу черезъ пророковъ было послано особенное законодательство, и каждый

пророкъ долженъ говорить лишь о законодательствѣ, посланномъ черезъ него. Объясняется это такимъ образомъ.

Основнымъ принципомъ всякаго законодательства является его специализація, примѣненіе къ нуждамъ, потребностямъ и условіямъ даннаго народа. Съ этимъ именно къ нему и посылается пророкъ И. когда уже имѣется примѣнимое и примѣняемое въ дѣйствительности законодательство, и ничто не вызываетъ измѣненія его, то такая можетъ быть нужда въ новомъ пророкѣ и въ новомъ законодательствѣ? И появленіе новаго пророка можно объяснить только необходимостью измѣнить прежнее законодательство, иначе значило бы предполагать, что Богъ посылаетъ пророковъ безъ всякой опредѣленной миссіи [1]) Если бы законодательства не имѣли такого специальнаго, для даннаго народа, значенія, то какъ можно было бы объяснить себѣ одновременную посылку двухъ пророковъ, о чемъ говоритъ Коранъ:

«Господи, отвѣчалъ Моисей: я убилъ одного изъ нихъ и боюсь, чтобы они не предали меня смерти.

«Братъ мой Ааронъ обладаетъ болѣе свободной рѣчью, чѣмъ я; пошли его вмѣстѣ со мной, чтобы онъ былъ для меня опорой и укрѣпилъ слова мои ибо я боюсь, чтобы они не сочли меня за лжеца.

«Мы укрѣпимъ руку твою при помощи твоего брата, сказалъ ему Господь: мы дадимъ тебѣ такую власть, что египтяне никогда не сумѣютъ подняться до могущества нашихъ чудесъ. Вы и тѣ, которые послѣдуютъ за вами, окажетесь наиболѣе сильными». (Сура 28-я, ст. 33 — 35).

«Въ силу милосердія своего даровали мы ему брата Аарона, пророка» (Сура 19-я, ст. 54).

Кромѣ того, ничто не препятствуетъ тому, чтобы законодательство одного пророка было ограничено одной эпохой. Всѣ предшествовавшіе Мухаммеду пророки были посланы для одного какого—нибудь народа, и лишь Мухаммедъ былъ посланъ для всего рода человѣческого, какъ говоритъ о томъ Коранъ:

«Мы послали тебя ко всѣмъ людямъ безъ исключенія, о, Мухаммедъ! для того, чтобы ты сразу принесъ имъ и вѣсти и угрозы. Но большинство людей не вѣдаетъ». (Сура 34-я, ст. 27).

Изъ этого дѣлается выводъ:

---

[1]) Выводъ очень странный, такъ какъ сами же мусульмане учатъ, что не всѣ пророки приносили новые законы, т. е. являлись безъ опредѣленной миссіи

«Если такимъ образомъ *доказано*, что одинъ пророкъ могъ быть посланъ специально для обителей одного мѣста, но не для обителей другого, и что это было благопріятно Богу, ничто не лишаетъ насъ возможности сказать, что законодательство одного пророка можетъ быть обязательнымъ лишь для извѣстнаго періода времени и что сила этого законодательства прекращается съ посланіемъ новаго пророка. Кромѣ того, разъ было возможно, что два пророка находятся въ одномъ мѣстѣ, и что каждый взываетъ къ своему законодательству, то съ равнымъ успѣхомъ два пророка могутъ существовать въ разныя эпохи и взывать къ различнымъ законодательствамъ».

Можно сказать только, что выводъ такъ же смѣлъ, какъ и доказательство, послужившее основой для него.

3) Третье мнѣніе таково: то, что не было отмѣнено, обязательно для насъ. Это положеніе также поддерживается Кораномъ:

«Заключивъ договоръ съ пророками, Богъ сказалъ имъ: Вотъ книга и мудрость, которыя Я дарую вамъ. Со временемъ явится пророкъ, чтобы подтвердить все полученное вами. Вѣруйте въ него и помогайте ему всею властью вашей. Согласны ли вы принять договоръ съ этимъ условіемъ? Они отвѣтили: мы согласны.—Будьте же свидѣтелями, сказалъ Господь, и Я въ свою очередь стану свидѣтельствовать подобно вамъ». (Сура 3-я, ст. 75).

Такимъ образомъ пророкъ Мухаммедъ наслѣдовалъ отъ предшествовавшихъ пророковъ то, что было лучшимъ въ ихъ законодательствахъ. Кромѣ того, этотъ текстъ показываетъ, что всѣ пророки составляютъ одно цѣлое, одинъ, если позволено будетъ выразиться такъ, институтъ пророковъ, Богомъ установленный. А такъ какъ въ вѣчности, послѣдовательность не можетъ имѣть существеннаго значенія, то и всѣ пророки должны слѣдовать за Мухаммедомъ, хотя онъ и является по времени послѣднимъ изъ нихъ.

Считать, что могутъ быть новыя законодательства, это значитъ не признавать Мухаммеда печатью пророковъ, т. е. противорѣчить Богу, сказавшему это въ Коранѣ, чего не можетъ допустить никто изъ мусульманъ.

Нѣтъ ничего неестественнаго въ томъ, что послѣдній изъ пророковъ заставляетъ слѣдовать своему законодательству всѣхъ своихъ предшественниковъ, такъ какъ авторъ всѣхъ этихъ законодательствъ есть единый Богъ. Въ отношеніи же пророчествъ, послѣднее является самымъ совершеннымъ, такъ какъ оно совершенствовалось мало-по-малу и обогощалось тѣмъ, что другіе имѣли лучшаго. Такимъ образомъ законодательства всѣхъ дру-

ГИХЪ пророковъ являются лишь вспомогательными для его законодательства и единственное законодательство Мухаммеда является всемирнымъ.

Предания говорятъ, что Мухаммедъ, увидя въ рукахъ Омара книгу, спросилъ его, что это такое, и тотъ отвѣтилъ, что это—Пятикнижіе. Тогда Пророкъ сказалъ:

«Почему вы, Спутники, сомнѣваетесь во мнѣ, вашемъ пророкѣ, какъ евреи и христіане сомнѣвались въ своихъ? Если бы Моисей былъ живъ, онъ слѣдовалъ бы моей религіи»

Это *«вполнѣ доказываетъ»*, что предшествовавшіе пророки входили въ составъ націи Пророка Примѣнять законодательство одного пророка къ другимъ пророкамъ, если эти другіе жили въ его эпоху (точнѣе было бы выразиться: въ эпоху существованія его націи), это считать, что всякое законодательство пророка прекращается съ появленіемъ новаго. [1])

Противъ этого третьяго мнѣнія высказывается Байдави (II, 71), ставя слѣдующія три аксіомы:

1) Пророкъ Мухаммедъ находился въ ожиданіи откровенія, хотя и при наличности предшествовавшихъ исламизму законодательствъ.

2) Совершенно нѣтъ указаній на то, что бы при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ жизни Мухаммедъ прибѣгалъ къ божественнымъ книгамъ этихъ предшествовавшихъ законодательствъ.

3) Въ хадисѣ Маада онъ совѣтуетъ намъ лишь Коранъ, Сунну, Иджма и Кіясъ

Нація, которая должна подражать его примѣру, не должна уклоняться отъ его указаній, прибѣгая къ иностраннымъ законодательствамъ.

Иснави (II, 72) считаетъ эти аргументы слабыми Защищая необходимость прибѣгать къ «иностранному» законодательству, онъ говоритъ, что, если правило еврейскаго законодательства цитируется въ (мусульманскомъ) законодательствѣ, какъ въ стихѣ:

«Въ этомъ законѣ предписали мы іудеямъ: душу за душу, око за око, носъ за носъ, ухо за ухо, зубъ за зубъ. Нанесеніе ранъ будетъ наказано по закону возмездія. Кто, получивши должную плату, обратитъ ее на милостыню, тотъ поступитъ хорошо. Это послужитъ ему искупленіемъ грѣховъ. Творящіе судъ не по книгамъ, дарованнымъ намъ свыше, будутъ людьми невѣрными» (Сура 5-я, ст. 49),—то оно не берется въ качествѣ еврейскаго

---

[1]) Ср. съ тѣмъ, что сказано выше. Новая трудность слѣдить за всей этой аргументаціей: то, что для однихъ является убѣдительнымъ аргументомъ, то другіе называютъ недопустимымъ абсурдомъ.

законодательства, а для показанія, что тотъ же самый законъ существуетъ еще и для исламизма.

4) Переходимъ наконецъ къ четвертому мнѣнію. Оно можетъ быть приблизительно формулировано такъ: изъ предшествовавшихъ законодательствъ обязательно то, что находится въ Коранѣ и Суннѣ. Что же касается того, что осталось въ книгахъ священнаго писанія и въ мусульманскомъ преданіи (т. е. разумѣется до-исламическомъ, но не Суннѣ), то все это не является обязательнымъ, такъ какъ тексты книгъ были умышленно извращены, и, слѣдовательно, преданіе могло дойти лишь въ извращенномъ видѣ. Таково мнѣніе другой части ханефитовъ.

Правда, что Богъ сказалъ:

«Скажи имъ: Богъ говоритъ лишь истину. Слѣдуйте же вѣрѣ Авраама, который былъ благочестивъ и не ставилъ другихъ существъ наряду съ Богомъ» (Сура 3-я, ст. 89)

Но такъ какъ книги были извращены, то это законодательство можетъ вновь сдѣлаться обязательнымъ только въ томъ случаѣ, если оно сдѣлается законодательствомъ Мухаммеда.

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ аргументацій видно, что далеко не на всѣ догматическіе вопросы у мусульманъ существуетъ одинаковый взглядъ. Болѣе того, даже послѣдователи одной и той же школы въ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ высказываютъ діаметрально противоположныя мнѣнія.

Итакъ, когда болѣе или менѣе, насколько это возможно при наличности всѣхъ противорѣчій, выясненъ взглядъ мусульманъ на то, изъ чего составилось законодательство Мухаммеда, посмотримъ, что намъ Коранъ даетъ въ смыслѣ самаго законодательства, и какъ это законодательство было принято.

Безъ оговорки конечно будетъ понятно, что у насъ и у современныхъ Мухаммеду арабовъ не можетъ быть одинаковой оцѣнки. Тѣ нравственные принципы въ Коранѣ, которые для насъ не представляютъ ничего новаго (по сравненію съ христіанствомъ, принципы котораго вѣчны и въ эпоху Мухаммеда были тѣ же, что и теперь), и кромѣ того еще компрометируются другими, исключающими ихъ, принципами,—для арабовъ казались совсѣмъ иными. Далѣе, мы беремъ оцѣнку всего Корана,—арабы же, въ особенности въ началѣ проповѣди Мухаммеда, этого естественно не имѣли возможности сдѣлать. А именно начало проповѣди и было богато высокими нравственными принципами.

Вслѣдствіе этого, личность Мухаммеда, характеръ его предпріятія, содержаніе его проповѣди, все это—въ глазахъ большинства его сородичей было безсмысленно въ высшей степени. Закону кровомщенія, освященному обычаями предковъ, откровеніе Мухаммеда противопоставляетъ долгъ кротости и прощенія.

Вопреки привычкѣ, которая заставляла арабовъ пользоваться короткой жизнью, онъ требуетъ воздержной жизни, въ виду будущаго, и такимъ образомъ порождаетъ конфликтъ между двумя понятіями о жизни, и конфликтъ этотъ будетъ продолжаться даже послѣ торжества ислама. Безконечно разнообразнымъ религіознымъ обрядамъ языческаго суевѣрія онъ противопоставляетъ ритуалъ простой, но смѣшной въ глазахъ древнихъ арабовъ». [1]).

Вильсонъ [2]) дѣлаетъ такую оцѣнку Корана, съ законодательной точки зрѣнія:

«Коранъ есть смѣсь религіозныхъ постановленій съ втиснутымъ туда кое-какимъ юридическимъ матеріаломъ; и онъ никогда не былъ бы призванъ играть роль кодекса, если бы не вѣра, общая правителямъ и управляемымъ, что каждое его слово и каждый слогъ пришли непосредственно съ неба; и такъ какъ эта вѣра выдвинула его впередъ, то онъ не можетъ быть отмѣненъ или измѣненъ въ малѣйшей подробности, пока новый апостолъ не явится съ такимъ же полномочіемъ» Но и это послѣднее предположеніе недопустимо для правовѣрнаго,—его вѣра въ Коранъ абсолютна.

Но называть Коранъ кодексомъ юридическихъ нормъ было бы большой ошибкой. Коранъ запрещаетъ преступленія и проступки, и всякіе акты, относительно незаконности которыхъ не имѣется двухъ различныхъ мнѣній; и такъ какъ онъ вообще даетъ «различеніе между добромъ и зломъ», то онъ естественно является однимъ изъ главнѣйшихъ основаній мусульманскаго законодательства. Основаніе это, если не совсѣмъ шаткое, то все же не дающее положительныхъ отвѣтовъ на массу самой жизнью ставимыхъ вопросовъ, заставило искать другіе источники права Они были найдены въ Суннѣ, Иджама и Кіясѣ. Мусульманскому законовѣдѣнію былъ данъ сильный толчекъ, и, если бы оно не было сдавлено узкими рамками каноническаго права, оно могло бы достичь высокой степени совершенства. Обиліе выдающихся юристовъ—богослововъ, оставившихъ свои имена въ исторіи исламизма, даетъ полную возможность сдѣлать такое предположеніе

Были сдѣланы и попытки эмансипироваться отъ канона. Такова, напримѣръ, была попытка мутазелитовъ. Не впадая въ невѣріе, они отказывались вѣрить во все, о чемъ говоритъ Коранъ. Знакомые съ философіей, которая проникла въ Аравію какъ разъ во время блужданія голодной мысли, они умѣли и хотѣли думать. Ихъ философія не была отрицательной философіей атеистовъ, она, если можно такъ выразиться, была приспособлена къ монотеизму, и такимъ образомъ она главнѣйшихъ

[1]) Snouck Hurgronje. Contributions récentes p. 14.

[2]) Sir R. K. Wilson. Anglo-Muhammadan Law. p. 22.

основъ ислама не подрывала. Но все же, въ глазахъ ортодоксальныхъ мусульманъ, мутазелиты являлись только еретиками, такъ какъ признавали божественность Корана лишь въ духѣ, а не въ словѣ. И они пали

Если мы говоримъ о «мусульманскомъ законодательствѣ», то мы не имѣемъ правъ ограничиваться лишь Кораномъ, такъ какъ основою мусульманскаго вѣрованія является признаніе совершенной системы, созданной ученіемъ Пророка, халифовъ и имамовъ. Здѣсь умѣстно будетъ привести мнѣніе мусульманскихъ богослововъ относительно авторитета. Авторъ пользующейся громаднымъ вліяніемъ въ мусульманскомъ мірѣ книги «ахлак-и-джалали» даетъ слѣдующее опредѣленіе:

«Власть дѣлается священной потому, что она санкционирована небомъ Деспотизмъ, будучи первой формой солидной политической власти, сдѣлался такимъ образомъ неизмѣннымъ и фактически тожественнымъ со свободнымъ правленіемъ... Высшее правленіе имѣетъ четыре степени:

«1) Абсолютный правитель (Мухаммедъ) находится среди людей, соединяя въ собственной особѣ четыре основныя добродѣтели, и это мы назовемъ царствомъ мудрости.

«2) Гдѣ правитель не появляется больше, и добродѣтели уже болѣе не соединяются въ одномъ лицѣ, но пребываютъ въ четырехъ (т. е. халифахъ Абу Бакрѣ, Омарѣ, Усманѣ и Али), которые правятъ согласно другъ съ другомъ.—и это мы называемъ царствомъ благочестивыхъ.

«3) Гдѣ ни того, ни другого уже болѣе нельзя найти, но является вождь (халифъ) со знаніемъ правилъ, изложенныхъ предшественниками и съ достаточнымъ сужденіемъ для того, чтобы примѣнить и объяснить ихъ,—и это мы называемъ царствомъ Преданія.

«4) Гдѣ наконецъ, эти качества болѣе не встрѣчаются въ одномъ лицѣ, но лишь въ согласно правящей совокупности, и это мы назовемъ царствомъ послѣдователей преданія» (Стр. 374—378).

Всякое новшество въ исламѣ, говоритъ Сэлль, цитировавшій выше приведенныя строки,—хуже, чѣмъ ошибка, это—преступленіе, грѣхъ. Это полнота и законченность религіозной и политической системы составляетъ истинную славу и гордость правовѣрнаго мусульманина. Допускать возможность увеличенія свѣта, въ знаніи отношеній человѣка къ Богу и невидимому міру, въ законахъ, которыми регулируется исламъ на землѣ, значитъ допускать, что откровеніе Мухаммеда было неполно, а этого ни одинъ мусульманинъ не позволитъ себѣ слѣлать. [1]). На самомъ дѣлѣ попытки реформировать исламъ были такъ безнадежны, что

[1]) E. Sell. Faith of islam. p. 37.

наиболѣе свѣжіе реформаторы, бабиды Персіи, выдвинули идею и признаютъ фактъ что свобода могла быть получена только путемъ замѣны откровенія Мухаммеда другимъ, болѣе позднимъ, которое не только соотвѣтствовало бы современнымъ нуждамъ, но и было бы равно, если не выше, прежнему.

«Высокими авторитетами было признано, что все, что требуется для реформъ въ Турціи, это то, чтобы законы или приказанія Султана заняли мѣсто шаріата, или религіознаго закона. Именно такъ: если бы это могло быть сдѣлано, то Турція могла бы быть реформирована, но исламъ пересталъ бы быть государственной религіей Что законы, въ формулировкѣ Абу Ханифы, плохо соотвѣтствуютъ условіямъ современной жизни, это болѣе чѣмъ вѣроятно: но единственной функціей халифа ислама, на званіе котораго претендуетъ турецкій султанъ, является именно поддержаніе этого закона Если обстоятельства вынуждаютъ издать какой-нибудь новый законъ, то православіе требуетъ чтобы онъ строго согласовался съ мнѣніями имамовъ»[1]).

Если мы теперь обратимся исключительно къ Корану и не выводя, при помощи сопоставленія текстовъ, заключенія, ограничимся лишь обзоромъ того, что въ немъ есть, то мы найдемъ тамъ много мѣстъ, гдѣ человѣкъ въ самыхъ пылкихъ словахъ приглашается придерживаться добродѣтели и избѣгать порока. Ему предписывается уваженіе къ семьѣ, сыновнее почтеніе, любовь къ ближнимъ.

Безъ сомнѣнія, что не слѣдуетъ обманываться и придавать этимъ словамъ широкое значеніе — всѣ эти добрыя чувства должны относиться только къ своимъ единовѣрцамъ, и иначе это не можетъ быть, безъ чего нарушилась бы одна изъ основъ религіи, а именно — распространеніе исламизма путемъ уничтоженія другихъ религій, и не силою убѣжденія, а мечомъ. Къ такому выводу насъ заставитъ прійти уже критическое отношеніе къ текстамъ Если мы и дальше будемъ примѣнять такую же критическую оцѣнку, мы неизбѣжно натолкнемся на крупное противорѣчіе; одно изъ тѣхъ, которыми такъ богатъ Коранъ. Это послѣднее обстоятельство свидѣтельствуется самою же божественной книгой въ качествѣ доказательства ея божественности:

«Развѣ не изучаютъ они тщательно Коранъ? Если бы творцомъ его не былъ Богъ, то развѣ они не нашли бы въ этой священной книгѣ множества противорѣчій?» (Сура 4-я, ст. 84-й).

Правда, этотъ стихъ показываетъ, что въ Коранѣ нѣтъ противорѣчій, но вызванъ онъ былъ именно тѣмъ обстоятельствомъ, что на противорѣчія было обращено вниманіе

Итакъ, съ одной стороны, все, что можетъ случиться въ

---

[1]) E. Sell. Faith of islam p. 38.

жизни. Кораномъ предусмотрѣно, какъ это можно заключить изъ слѣдующихъ текстовъ:

Настанетъ день, когда мы изъ среды каждаго народа выдвинемъ свидѣтеля, который будетъ давать показания противъ своего же народа: и ты, о, Мухаммедъ! ты, по нашему порученію, будешь свидѣтельствовать противъ арабовъ, ибо мы дали тебѣ книгу, которая все объясняетъ, которая является доказательствомъ нашего милосердія, служитъ путеводною звѣздою и возвѣщаетъ благія вѣсти предавшимся на волю Божію. (Сура 16-я, ст. 91).

«Нѣтъ на землѣ ни звѣрей, ни птицъ, летающихъ на крыльяхъ своихъ, которые не образовали бы такой же общины, какъ и вы Мы ничего не упустили въ книгѣ. Всѣ живыя созданія снова будутъ собраны въ тотъ день.» (Сура 6-я, ст. 38).

«У Него есть ключъ ко всѣмъ тайнамъ Онъ одинъ ихъ знаетъ. Онъ знаетъ о томъ, что существуетъ на землѣ, и что скрыто въ глубинѣ морской. Листка не упадетъ безъ Его вѣдома Нѣтъ ни одного зерна въ мрачныхъ нѣдрахъ земли, нѣтъ зеленой или высохшей былинки, которая не была бы означена въ книгѣ явной» (Сура 6-я, ст. 59).

Съ другой стороны, изъ краткаго обзора ортодоксальныхъ школъ ислама мы видѣли, что именно такъ какъ въ Коранѣ, какъ это своевременно было признано авторитетными мусульманскими богословами, *нѣтъ указаній* относительно всего, съ необходимостью рѣшенія чего жизнь можетъ столкнуть человѣка, а относительно того, что въ Коранѣ имѣется, онъ высказывается не съ одинаковой категоричностью, то мусульмане и подраздѣлили всѣ человѣческіе акты на дозволенные, недозволенные, рекомендуемые и порицаемые. Первыя двѣ категоріи можно найти въ Коранѣ, это—повелѣніе и запрещеніе, вторыя же двѣ выводятся по аналогіи съ правилами Корана. «Такимъ образомъ Коранъ для правовѣрныхъ служитъ руководствомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ молчитъ» [1]).

Это могло бы показаться нѣсколько страннымъ, но, разъ строились выводы на «молчащей Сунѣ», почему же не сдѣлать этого по отношенію къ Корану. Но не правильнѣе было бы подобные выводы считать отнюдь не велѣніемъ Корана или не велѣніемъ Сунны, а лишь только выводомъ по аналогіи?

Въ присутствіи Пророка было сказано или сдѣлано то то и то то, Пророкъ промолчалъ, и изъ этого выводится заключе-

[1]) O Houdas L'islamisme p. 80.

ние, что въ одномъ случаѣ молчаніе Пророка было выраженіемъ одобренія, а въ другомъ—порицанія Мнѣ кажется, что могутъ быть разные взгляды относительно того, насколько правиленъ и наученъ подобный пріемъ. Можно допустить подобный выводъ со стороны человѣка, который лично присутствовалъ при томъ, *какъ* промолчалъ Пророкъ, видя или слыша что-нибудь Чтобы выразить извѣстную мысль, нѣтъ надобности *непремѣнно* произнести слова,—взглядъ, движеніе, улыбка могутъ выразить ее совершенно ясно и при молчаніи. Стоитъ вспомнить для этого знаменитое—cum tacent clamant. Но вѣдь опять таки эту мысль могли выразить тѣ, кто видѣлъ отъѣтъ въ этомъ молчаніи, скажемъ фигурально, кто *слышалъ* это молчаніе. Но когда фактъ молчанія перенесенъ на бумагу въ формѣ коротенькаго протокола: «передъ Пророкомъ сдѣлали или сказали то то, и онъ промолчалъ», то уже здѣсь нѣтъ достаточныхъ основаній для вывода. То, что для личнаго свидѣтеля могло вылиться въ формулу: «Пророкъ выразилъ (пускай молча) порицаніе или одобреніе» здѣсь обращается уже въ формулу: «Пророкъ вѣроятно долженъ былъ бы выразить порицаніе или одобреніе» И порицаніе или одобреніе не будетъ мыслью Пророка, а лишь правильнымъ или неправильнымъ выводомъ разсуждающаго такъ богослова.

Но это только логика, и сдѣлать ее обязательной для всѣхъ невозможно. Молчащая Сунна не есть рѣшеніе она есть нерѣшенный вопросъ. Къ этому выводу можно притти и другимъ путемъ, придерживаясь излюбленнаго тона мусульманскихъ диспутовъ.

Предлагается къ рѣшенію опредѣленный вопросъ.—въ Коранѣ рѣшенія нѣтъ Обращаются къ Суннѣ

— Какъ Пророкъ поступилъ въ данномъ случаѣ? спросимъ мы.

— Онъ промолчалъ.

— Не учитъ ли васъ Коранъ о томъ, что Пророкъ есть лучшій примѣръ для подражанія?

— Да.

— Почему же и въ этомъ случаѣ не исполнить велѣнія Корана и не поступить такъ, какъ поступилъ Пророкъ, т. е. промолчать?

— Оставленіе вопроса безъ рѣшенія можетъ принести вредныя послѣдствія.

— Если бы нерѣшеніе какого-нибудь вопроса могло повести къ вреднымъ послѣдствіямъ, отказался ли бы Пророкъ отъ рѣшенія его, разъ Богъ приказалъ ему учить и объяснять?

— Нѣтъ.

— Не слѣдуетъ ли изъ этого, что въ практикѣ Пророка подобнаго случая не было, иначе онъ не могъ бы промолчать; и

что этотъ вопросъ, какъ не имѣющій прецедента приходится рѣшать самому, т. е суждениемъ по аналогіи?

Не буду заставлять моего воображаемаго собесѣдника произносить роковое «да», иначе ему пришлось бы признать, что, разъ встрѣчается случай, внѣшнимъ образомъ подобный которому имѣть мѣсто въ практикѣ Пророка, и былъ обойденъ молчаніемъ, онъ долженъ быть рѣшенъ суждениемъ по аналогіи, т. е на основаніи другихъ случаевъ практики Пророка, т. е. съ возможно большею степенью вѣроятности рѣшить какъ бы Пророкъ поступилъ въ данномъ случаѣ? Но не слѣдуетъ приписывать ему свою мысль, хотя она и явилась результатомъ подражанія духу его ученія или его поведенію.

Разъ сужащая дополненіемъ къ Корану Сунна не всегда даетъ отвѣты на вопросы, то очевидно Коранъ, взятый самъ по себѣ, не можетъ представлять сколько-нибудь законченнаго кодекса, хотя нѣкоторые и приписываютъ ему это значеніе.

Лишь очень немногіе вопросы категорически и прямо рѣшены въ Коранѣ —въ практикѣ первыхъ мусульманъ громадное большинство вопросовъ рѣшалось на основаніи обычнаго права арабовъ И это не представляло изъ себя неудобства до тѣхъ поръ, пока исламизмъ былъ только религіей арабовъ. Когда же предѣлы государства расширились, и въ числѣ подданныхъ халифа оказались различные народы, неудобство такой системы проявилось очень рѣзко.

Законы Корана можно раздѣлить на религіозные, гражданскіе и уголовные.

Первые, въ свою очередь, могутъ быть подраздѣлены на догматическіе и ритуальные Догматическій символъ вѣры очень несложенъ: тотъ, кто вѣритъ въ единаго Бога и пророка Его Мухаммеда, мусульманинъ.

Къ ритуальнымъ законамъ относятся: молитва, постъ, милостыня, паломничество и священная война. Предметомъ изложенія этихъ религіозныхъ обязанностей служитъ третій томъ настоящаго труда. Здѣсь мы ограничимся лишь словами, что первыя три обязанности являются личными; паломничество можетъ быть выполнено по довѣренности другимъ лицомъ, и священная война является обязательной лишь для общины, для совокупности мусульманъ, но не для отдѣльныхъ лицъ среди нихъ.

Гражданскіе законы касаются главнымъ образомъ брака, развода и наслѣдства.—разсмотрѣнію этихъ законовъ посвященъ пятый томъ.

Уголовные законы касаются убійства, прелюбодѣянія, клеветы, пьянства, разбоя, отступничества. Обо всемъ этомъ также будетъ сказано съ достаточной подробностью въ своемъ мѣстѣ.

Если мы велѣнія Корана будемъ разсматривать съ нравст-

венной стороны, и съ нашей точки зрѣнія, то мы найдемъ въ немъ какъ высокія нравственныя правила, такъ и отрицательныя

Къ первымъ относятся: идея единобожія: семейныя добродѣтели: милосердіе:

«Вступивъ въ союзъ съ дѣтьми израиля, мы сказали имъ: поклоняйтесь только одному Богу: обращайтесь хорошо съ родителями вашими, съ близкими, съ сиротами и съ бѣдными; будьте ласковы ко всѣмъ людямъ: точно выполняйте молитву: творите милостыню». (Сура 2-я, ст 77)

Благотворительность.

«Расточающіе богатства свои на пути Божіемъ подобны зерну, производящему семь колосьевъ, изъ которыхъ каждое даетъ сто зеренъ. Богъ вдвойнѣ воздастъ, кому Онъ захочетъ Онъ необъятенъ и мудръ.

«Тѣ, кто расточаютъ богатства свои на пути Божіемъ и проявляютъ щедрость свою, оставаясь при этомъ чуждыми какимъ бы то ни было попрекамъ и дурнымъ дѣяніямъ, получатъ награду отъ Господа своего; страхъ не постигнетъ ихъ, и печаль не будетъ удѣломъ ихъ

«Справедливое слово и прощеніе обидъ выше всякой милостыни, которая влечетъ за собою огорченіе тому, кто ее получаетъ У Бога во всемъ изобиліе, и Онъ милостивъ

«О, вы, вѣрующіе! не дѣлайте попреками или дурными поступками безплодной свою милостыню, такъ дѣлаетъ се тотъ, кто благотворитъ для виду, не вѣря ни въ Бога, ни въ послѣдній день. Такой человѣкъ уподобляется скалистому холму, едва покрытому землей: если падетъ на него обильный дождь, то оставитъ одинъ лишь голый камень Подобные люди не извлекутъ пользы изъ дѣяній своихъ: ибо Богъ не наставляетъ невѣрныхъ

«Тотъ, кто распредѣляетъ имущество свое такъ, чтобы угодить Богу и укрѣпить свою душу, уподобляется саду, расположенному на холмѣ, который орошается дождемъ въ изобилии и приноситъ плоды въ двойномъ количествѣ Если дождь не падетъ на него, то его замѣняетъ роса. Богъ видитъ дѣянія ваши». (Сура 2-я, ст. 263—267).

Прощеніе.

«Воздай имъ добромъ за зло. Мы такъ, какъ никто, знаемъ, что они говорятъ» (Сура 23-я, ст. 98).

Терпѣніе:

«О, дитя мое! соблюдай молитву, приказывай творить добро и запрещай дѣлать зло; съ терпѣніемъ переноси всѣ бѣдствія,

которыя могутъ постичь тебя. Такъ неизмѣнно рѣшено относительно всего сущаго» (Сура 31-я, ст. 16).

Признательность:

«Мы завѣщали человѣку хорошо обращаться съ отцомъ и матерью: страдая мать носила его и страдая родила на свѣтъ Божій; беременность и кормленіе грудью продолжаются тридцать мѣсяцевъ. Онъ достигъ наконецъ зрѣлости и дожилъ до сорока—лѣтняго возраста, тогда обратился онъ къ Господу съ такой молитвой: Господи, внуши мнѣ признательность за всѣ тѣ благодѣянія, которыми Ты осыпалъ меня; сдѣлай такъ, чтобы я совершалъ только благія дѣла, угодныя Тебѣ, дай мнѣ счастье въ дѣтяхъ моихъ. Я возвращаюсь къ Тебѣ, я одинъ изъ числа тѣхъ, которые предаются на волю Твою» (Сура 46-я, ст. 13)

Воздержаніе отъ клеветы:

«Не безславьте другъ друга, не давайте другъ другу насмѣшливыхъ прозвищъ. Пусть слово злоба считается дурнымъ по религіи, которую вы исповѣдываете. Не раскаявающіеся, во истину, будутъ людьми дурными» (Сура 49-я, ст. 11).

Боязнь Бога:

«О, вѣрующіе! когда вы соберетесь вмѣстѣ, то пусть предметомъ рѣчей вашихъ не будутъ грѣхъ, непріязнь, непокореніе приказаніямъ Пророка; говорите другъ съ другомъ о справедливости и страхѣ Божіемъ; бойтесь же Господа, передъ которымъ вы всѣ будете собраны» (Сура 58-я, ст. 10-й).

Къ отрицательнымъ принципамъ относятся: полигамія:

«Если вы боитесь оказаться несправедливыми по отношенію къ сиротамъ, то не берите себѣ въ жены болѣе двухъ, трехъ или четырехъ изъ всѣхъ женщинъ, которыя вамъ нравятся. Если и въ такомъ случаѣ вы все-таки опасаетесь поступить несправедливо, то возьмите въ жены только одну женщину или даже невольницу..» (Сура 4-я, ст. 3-й).

Рабство:

«Войною идите на тѣхъ, кто не вѣруетъ въ Бога и день страшнаго суда, кто не считаетъ запретнымъ запрещенное Господомъ и Его апостоломъ, и на тѣхъ изъ людей Писанія, которые не исповѣдываютъ истинной вѣры. Войною идите на нихъ до тѣхъ поръ, пока они не станутъ вашими данниками, всѣ безъ исключенія, и не будутъ усмирены» (Сура 9-я, ст. 29)

Священная война противъ не-мусульманъ:

«Когда же пройдутъ священные мѣсяцы, убивайте ихъ, за-

хватывайте въ плѣнъ, осаждайте города ихъ, подстерегайте въ засадахъ, но если они обратятся къ Господу, если они будутъ соблюдать молитву, творить милостыню, оставьте ихъ въ покоѣ, ибо Богъ терпѣливъ и милостивъ». (Сура 9-я, ст. 5).

Очень многіе дѣлаютъ попытки сравнивать Коранъ съ Библіей и даже съ Евангеліемъ, но для сходства находится слишкомъ мало данныхъ, а разница необъятна. Для мусульманъ сравненіе даже и не допустимо, такъ какъ Коранъ является цѣликомъ словомъ Бога.—Писанія же іудеевъ и христіанъ были словомъ Бога лишь въ тѣхъ своихъ частяхъ, гдѣ приводились подлинныя слова Бога; кромѣ того, христіане и іудеи извратили текстъ своихъ писаній, и поэтому, естественно, эти послѣднія не могутъ итти въ сравненіе съ Кораномъ, сохранившимся во всей своей чистотѣ. Если невѣрные и дѣлаютъ предположеніе, что порча могла постигнуть и текстъ Корана, то они не принимаютъ здѣсь въ разсчетъ того обстоятельства, что порча текста Корана гибельно отозвалась бы на религіи ислама, а этого Богъ не можетъ желать.

«Они не цѣнятъ Бога такъ, какъ Онъ заслуживаетъ этого, и это видно изъ словъ ихъ. Онъ никогда не дѣлалъ никакихъ откровеній человѣку. Скажи имъ: Кто же далъ въ видѣ откровенія книгу, которую принесъ Моисей, съ тѣмъ, чтобы она служила свѣточемъ и руководителемъ для людей;—эта книга (Пятикнижіе), которую вы пишете на хартіяхъ, которую вы показываете, но большую часть которой вы скрываете однако, научила васъ тому, чего не знали ни вы, ни ваши отцы Скажи имъ: это Богъ, а потомъ оставь ихъ забавляться своими пустыми рѣчами» (Сура 6-я, ст. 91).

Итакъ, если сравненіе по сходству невозможно, будемъ искать различія. Одно особенно рѣзко, оно бросается въ глаза, и мусульмане должны бы были обратить на него вниманіе. Христосъ, по ихъ словамъ, былъ посланъ съ откровеніемъ къ одному народу, а Мухаммедъ ко всему человѣческому роду и даже къ геніямъ... Не стану сравнивать духа ученій, это не входитъ въ мою задачу, и мѣсто не позволяетъ это сдѣлать,—скажу лишь только, что Христосъ и Мухаммедъ призывали къ вѣрѣ въ единаго Бога, но ихъ Богъ не былъ однимъ и тѣмъ же... Какъ говоритъ Стобартъ [1]), отзывъ Мухаммеда о христіанствѣ «всего лучше даетъ христіанскому читателю вѣрное понятіе объ откровеніи Пророка Мекки, который совершенно не зналъ истинной сущности христіанства, о которомъ рѣшался говорить. Хотя онъ всегда говоритъ о нашемъ Господѣ съ величайшимъ уваженіемъ и упоминаетъ о нѣкоторыхъ Его чудесахъ, но его сердце не мог-

[1]) Stobart. Islam. p. 146.

ло постигнуть величайшаго чуда Его чистой жизни и Его любви къ человѣчеству, приведшихъ Его къ крестной смерти».

Когда окончилась земная жизнь Христа, Духъ сошелъ на апостоловъ и вдохновилъ ихъ для проповѣди Евангелія на многихъ языкахъ, - всѣ языки да хвалятъ Господа! Такъ было съ религіей, назначенной для одного народа.

Умеръ Мухаммедъ, и его послѣдователи запретили переводить Коранъ на другіе языки—не только для людей чуждой вѣры, но для исповѣдующихъ исламъ, и исламизмъ вслѣдствіе этого для массы обратился въ необъясненную религію непонятаго Бога. Къ этому вопросу мы возвратимся въ болѣе удобномъ мѣстѣ.

Что касается различія между Кораномъ и Библіей, вотъ что говоритъ Мюръ [1]):

«Взятый самъ по себѣ, Коранъ представляетъ громадныя трудности для пониманія, и виною этому является его система или точнѣе его безсистемность.

«При сравненіи его съ Библіей, мы находимъ, что въ Библіи, несмотря на отсутствіе точныхъ свѣдѣній относительно времени написанія отдѣльныхъ ея частей, а иногда и именъ авторовъ, содержаніе расположено такъ, что оно удобопонятно и вполнѣ логически укладывается въ человѣческомъ мозгу.

«Совершенно обратное съ Кораномъ: хотя жизнь его автора, сказали бы мы, или лица, устами котораго говорилъ Богъ, хорошо извѣстна, но смыслъ его въ цѣломъ часто очень туманенъ, и намѣренія—трудно понятны.

«Суры слѣдуютъ одна за другой безъ всякой хронологической или логической послѣдовательности. Сами суры иногда трактуютъ о совершенно несродныхъ другъ другу предметахъ и иногда составлены изъ откровеній, данныхъ въ разное время, при разныхъ обстоятельствахъ и уже съ измѣненной точкой зрѣнія на предметъ. Все это конечно очень мало способствуетъ легкому пониманію».

Ничѣмъ, кромѣ развѣ нѣкоторой рѣзкости, не отличается отзывъ такого апологета исламизма, какъ Смисъ [2]):

«Когда сравниваютъ Коранъ съ Библіею, то это скорѣе для того, чтобы показать различіе между ними, чѣмъ найти въ нихъ сходство. Разница эта лежитъ во всемъ: въ формѣ, въ содержаніи и отношеніи къ нимъ вѣрующихъ. Текстъ Корана стереотипенъ,—Библія имѣетъ много чтеній. Мусульмане считаютъ, что Коранъ не можетъ быть безъ ущерба для ясности переведенъ на другіе языки, и всячески препятствовали такимъ попыткамъ, пока это было возможно,—Библія ничего не теряетъ отъ перевода

---

[1]) Sir. W Muir The Coran. p. 8.

[2]) Bosworth Smith. Muhammed ad Muhammedanism. p 16.

на любой языкъ, и переводъ ея на возможно большее число языковъ составляетъ гордость ея почитателей Тогда какъ Библія является сборникомъ различныхъ цѣльныхъ произведеній различныхъ авторовъ.—Коранъ представляетъ безсистемную смѣсь всего и является трудомъ одного автора, часто одинъ и тотъ же предметъ трактующаго съ разныхъ точекъ зрѣнія. Коранъ узокъ и нетерпимъ, Библія терпима и всѣмъ понятна».

У Корана съ Библіей есть пожалуй одно сходство, чисто случайное и лежащее внѣ ихъ самихъ. Это сходство заключается въ томъ, что какъ у евреевъ Библія отошла на второй планъ, замѣнившись Талмудомъ, такъ и у мусульманъ въ практической жизни Коранъ замѣнился Сунной Выше мы уже объясняли причины этого, главнѣйшими изъ которыхъ были: трудность языка Корана и общедоступная легкость языка Сунны, малая пригодность кораническихъ текстовъ для практическихъ примѣненій жизни, и наличность готовыхъ почти на все отвѣтовъ въ Суннѣ. Но мало-по малу и Сунна въ свою очередь, была вытѣснена толкованіемъ Корана, основаннымъ на Суннѣ, и, наконецъ, появились различные кодексы, въ подробностяхъ трактующіе каждую мелочь не только религіозной, но и повседневной, будничной жизни мусульманина.

Безплоденъ исламъ или нѣтъ?

Онъ не можетъ не быть безплоднымъ, говорятъ одни,—такъ какъ это—религія, которая существуетъ еще, но не живетъ.

Нельзя назвать безплодной ту религію, говорятъ другіе,—которой каждый новый годъ приноситъ столько новыхъ послѣдователей, какъ никакой другой.

И, какъ это ни странно можетъ показаться на первый взглядъ, и то и другое мнѣніе имѣетъ глубокое основаніе, но, оговариваемся, только при разсмотрѣніи вопроса съ извѣстной точки зрѣнія.

Первое мнѣніе принадлежитъ ученымъ теоретикамъ, познакомившись съ ученіемъ ислама по первоисточникамъ, а не по популярнымъ книжкамъ, написаннымъ часто подъ мимолетнымъ личнымъ впечатлѣніемъ, подкрѣпленнымъ исключительно подходящими цитатами,—они не могли прійти ни къ какому другому выводу.

Къ этому же мнѣнію примыкаетъ значительная часть миссіонеровъ: для нихъ малая склонность мусульманъ къ переходу въ христіанство служитъ показателемъ безплодія ислама, въ качествѣ міровой религіи, такъ какъ «всѣ мусульмане нуждаются въ томъ же, въ чемъ нуждаются и всѣ люди,—въ спасеніи че-

резъ Іисуса Христа» [1]) Но увы! духовная жажда и духовный голодъ имъ почти совершенно невѣдомы.

Эти двѣ группы изслѣдователей разсматриваютъ исламъ съ точки зрѣнія религіи,—и ихъ заключеніе вѣрно.

Второй точки зрѣнія придерживаются практики, люди политики, для которыхъ не столько важна внутренняя, часто очень спорная, сторона дѣла, сколько очевидный результатъ: они видятъ умножающееся число мусульманъ, и они говорятъ, что исламъ не безплоденъ,—и ихъ заключеніе также вѣрно. Но только эти смотрятъ не съ точки зрѣнія религіи, а съ точки зрѣнія политической системы. Разъ мусульмане всѣхъ не-мусульманъ считаютъ своими врагами, то и эти послѣдніе также должны видѣть въ нихъ своихъ враговъ,—что и проповѣдуетъ политикъ, и противъ чего возстаетъ миссіонеръ (читателю ясно, что я разумѣю истиннаго миссіонера, а не политическаго эмиссара). Ученаго же, человѣка науки ради науки, этотъ вопросъ совершенно не трогаетъ.

Имѣя неизбѣжное столкновеніе съ мусульманами, христіанскій міръ долженъ учитывать возможную опасность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не выдумывать призраковъ. Все увеличивающееся количество мусульманъ обязано главнымъ образомъ двумъ причинамъ: обращенію язычниковъ и естественному приросту населенія

Пока еще имѣются въ запасѣ язычники,—главный контингентъ новыхъ мусульманъ даетъ почти исключительно Африка,—число мусульманъ будетъ расти.

Чтобы сдѣлаться христіаниномъ, язычнику приходится принять много муки отъ обучающаго его миссіонера, и все же онъ не поймете въ громадномъ большинствѣ случаевъ самого главнаго; для того же, чтобы сдѣлаться мусульманиномъ, язычникъ долженъ произнести слова: «нѣтъ бога кромѣ Бога, и Мухаммедъ Пророкъ Бога». Какъ это просто. И за это онъ получаетъ покровительство, его болѣе не могутъ увести въ рабство, не могутъ продать. Въ этомъ заключается одинъ секретъ успѣха проповѣди исламизма.

Другой секретъ заключается въ томъ, что мусульманскій миссіонеръ, если такой терминъ можетъ быть примѣненъ къ военачальнику или вождю племени, искреннѣе христіанскаго: онъ держитъ въ рукахъ мечъ, а христіанскій держитъ крестъ, но результаты въ концѣ концовъ не особенно разнятся.

И язычникъ предпочитаетъ сдѣлаться скорѣе мусульманиномъ, чѣмъ христіаниномъ. А разъ завоеванному такимъ путемъ члену мусульманской общины выходъ изъ нея грозитъ смертью,—это тоже является довольно убѣдительнымъ аргументомъ для

[1]) Zwemer. The Muhammedan World of to-day. p. 14

сохраненія новой вѣры. Да и нѣтъ особеннаго желанія выйти изъ новой общины, такъ какъ въ худшемъ случаѣ онъ остается въ прежнихъ условіяхъ, но въ значительномъ большинствѣ случаевъ эти условія улучшаются. Такъ обстоитъ дѣло съ проповѣдью.

Что касается естественнаго прироста мусульманскаго населенія, то этотъ вопросъ очень поучителенъ. Если не бояться называть вещи ихъ именами, то придется сказать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ мусульманской общинѣ соціальныя условія стоятъ выше, чѣмъ въ высоко-культурной Европѣ. Мусульманамъ не приходится говорить о налогѣ на холостяковъ у нихъ не можетъ имѣть успѣха пропаганда неомальтузіанства, лишній ребенокъ имъ не страшенъ, и бездѣтный бракъ, если не считается позоромъ, то считается величайшимъ несчастіемъ. Община поддерживаетъ своихъ членовъ, которые не въ состояніи прокормить свою семью, такъ какъ семья не считается роскошью, доступной только для богатыхъ.

Это съ одной стороны, а съ другой,—возьмемъ въ частности нашу страну и обратимся къ статистикѣ-показанію въ цыфрахъ жизни народа во всѣхъ ея проявленіяхъ,—и мы увидимъ въ графѣ «дѣтской смертности» мало лестныя для насъ цыфры: у насъ дѣтская смертность въ раннемъ возрастѣ чуть ли не въ три раза больше, чѣмъ у мусульманъ!

Отсюда ясно, что исламизмъ, взятый въ опредѣленномъ количествѣ своихъ представителей, развивается быстрѣе взятаго въ тѣхъ же условіяхъ христіанства. Но отсюда отнюдь нельзя сдѣлать вывода, что, при разборѣ безплодія ислама, основываясь на цыфрахъ, слѣдуетъ христіанство признать еще болѣе безплоднымъ. Цыфра говоритъ лишь то, что она обозначаетъ, и ложное толкованіе ея неизбѣжно привело бы насъ на ложный путь.

Думаю, что изъ этого отступленія можно видѣть, почему оба противорѣчивыя мнѣнія объ исламизмѣ я назвалъ имѣющими одинаково глубокое основаніе Повторяю опять, что разница заключается въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ однимъ и тѣмъ же словомъ обозначаются разныя понятія: въ одномъ случаѣ религія, какъ таковая, а въ другомъ случаѣ религія, но только ужъ въ качествѣ политической системы. И съ той и съ другой точки зрѣнія мы въ своемъ мѣстѣ будемъ разсматривать религію Корана, пока же можемъ ограничиться лишь нѣсколькими словами.

Когда говорятъ объ опасности со стороны мусульманскаго міра, то говорятъ о физической опасности, съ духовной стороны исламизмъ не страшенъ. Исламизмъ силенъ своей слабостью: слабости и дефекты религіи создаютъ могучую политическую систему. Это—религія пониженной нравственности, т. е обладающая въ борьбѣ за существованіе болѣе разнообразными средствами. То, что является слабостью для религіи, дѣлается силой

политической системы. Не будемъ забывать, что въ жизни мы имѣемъ дѣло не съ отвлеченнымъ понятіемъ «вѣры ислама», а съ исламизмомъ, живымъ проявленіемъ религіи, воплощеннымъ въ 230 милліонахъ исповѣдывающихъ ее. И если мы признаемъ, что исламъ безплоденъ, это не значитъ, что исламизмъ слабъ [1]).

И такъ, если мы обратимся къ исламу, какъ къ религіи, то мы безъ труда увидимъ, что кромѣ правилъ нравственности, содержащихся во всѣхъ книжныхъ религіяхъ, изъ которыхъ исламъ является самой молодой, и которыя (правила нравственности) являются какъ бы прописными истинами общей морали, Коранъ содержитъ въ себѣ еще много такого, что не можетъ быть вмѣщено ни въ какія нравственныя нормы. Какъ люди, мусульмане способны къ эволюціи, но въ качествѣ исповѣдывающихъ исламъ они лишены этой способности. Исламъ неподвиженъ и разъ неподвижность является его характерной чертой, то всякое движеніе извращаетъ его природу мусульманина эволюція обращаетъ въ невѣрнаго! Наиболѣе развитыми среди мусульманъ считаются турки и индійскіе мусульмане, но въ глазахъ истинныхъ правовѣрныхъ они не многимъ отличаются отъ невѣрныхъ.

Нравственнаго прогресса нѣтъ, такъ какъ слово, вѣчное слово Бога должно остаться такимъ, какимъ оно было сказано, и это слово унижаетъ женщину, на вѣки санкціонируетъ рабство.

Невозможенъ и умственный прогрессъ, такъ какъ, вѣруя въ мусульманскую космогонію, нельзя быть даже обще-образованнымъ человѣкомъ

Единственно что можетъ быть поставлено въ заслугу исламу, это то, что онъ замѣнилъ въ Аравіи идолопоклонство,—для даннаго момента это была побѣда, и никто не рѣшится возражать противъ того, что это было духовнымъ торжествомъ.

Безъ Мухаммеда несомнѣнно идолопоклонство просуществовало бы еще нѣкоторое, болѣе или менѣе продолжительное, время, предположимъ нѣсколько вѣковъ, но исчезнуть оно должно было неминуемо, такъ какъ тенденціи къ этому, пускай еще въ слабой степени, замѣчались и до проповѣди Мухаммеда. Во введеніи мы обратили на это должное вниманіе. Наступившее на нѣсколько вѣковъ позже обращеніе въ единобожіе вѣроятно было бы выгоднѣе для арабовъ, такъ какъ іудейство и христіанство шире исламизма, а арабамъ было суждено принять одну изъ этихъ религій. Тогда они не были бы чужды прогрессу, съ которымъ сдѣлался непримиримъ исламъ въ произвольной обработкѣ ученыхъ богословъ.

---

[1]) Во второмъ томѣ оба термина подробно разбираются, и указывается различіе между ними.

Вотъ что говоритъ объ этомъ вопросѣ Сэлль: [1]).

«Исламъ въ своемъ законодательствѣ, въ своей политической и соціальной жизни почти мертвъ, такъ какъ теплящаяся въ немъ жизнь уже не въ состояніи произвести ничего новаго». Но, подобно отдыхающему вулкану, подобно сдерживаемому дюнами морю, онъ представляетъ стихійную силу, находящуюся въ скрытомъ состояніи: онъ не можетъ измѣнить свою жизнь, но онъ можетъ уничтожить чужую. Опять таки приходится повторить то же парадоксальное опредѣленіе: слабый для себя, онъ представляетъ силу въ борьбѣ съ другими, и именно стихійную силу.

Для мусульманина такое мнѣніе очевидно покажется совершенно неосновательнымъ,—но вотъ мнѣніе мусульманина.

«Современный *застой мусульманской общины* обязанъ главнымъ образомъ тому понятію, которое составилось въ умѣ большинства мусульманъ, что право примѣнять частное сужденіе исчезло съ первыми законовѣдами; что примѣненіе его теперь является грѣховнымъ, и что мусульманинъ, если онъ желаетъ считаться ортодоксальнымъ, долженъ принадлежать къ одной изъ школъ, основанныхъ учеными ислама, и долженъ абсолютно довѣряться толкованію людей, которые жили въ девятомъ столѣтіи и не могли имѣть понятія о нуждахъ девятнадцатаго.

«Современные мусульмане просмотрѣли духъ въ безнадежной любви къ буквѣ И вмѣсто того, чтобы жить по идеаламъ, проповѣданнымъ Учителемъ, вмѣсто старанія преуспѣвать въ добрыхъ дѣлахъ и быть на правомъ пути, вмѣсто любви къ Богу, они сдѣлались рабами оппортунизма и внѣшней обрядности». [2]).

Дальше мы увидимъ, что эта «внѣшняя обрядность» въ довольно значительной степени безсознательно заимствована изъ языческаго міра, и, при ложномъ ея толкованіи, она порою сводится лишь къ ряду гимнастическихъ упражненій, наиболѣе отчетливое выполненіе которыхъ наиболѣе приближаетъ къ Богу, а безъ этого и самая глубокая вѣра сдѣлать ничего не въ силахъ.

Остается отвѣтить еще на одинъ вопросъ,—фанатиченъ ли исламъ? Опять таки, и по этому поводу мнѣнія различны. Но мало находится европейскихъ писателей, которые отрицали бы эту характерную черту религіи Мухаммеда. Лишь Смисъ упорно доказываетъ, что христіане пролили больше крови и съ меньшимъ основаніемъ, чѣмъ это дѣлали мусульмане. Въ другомъ мѣстѣ мнѣ приходилось уже говорить объ этомъ и обращать вниманіе на разницу положенія: христіанскій фанатизмъ, рѣзко

[1]) Faith of islam p. 41 note 1.

[2]) Ameer Ali. Spirit of islam. pp. 160, 162.

вспыхивавшій въ иныя эпохи и такими учрежденіями, какъ инквизиція, бросавшій грязью въ память Основателя религіи,— былъ только фанатизмомъ людей, но не религіи. Съ исламомъ можетъ быть обратное: фанатизмъ, активная ненависть къ невѣрнымъ многократно заповѣдана въ Коранѣ, но въ каждую минуту фанатизмъ естественно не можетъ проявляться, и онъ копится въ тайникахъ души мусульманъ, подобно тому, какъ спящій, покрытый снѣгомъ лѣсъ набираетъ соки для будущей весны. При такомъ положеніи дѣла, голосъ Смиса является почти одиночнымъ. Я говорю почти, потому что есть еще одно, и весьма солидное, мнѣніе, которое внѣшнимъ образомъ похоже на апологію исламизма,- въ дѣйствительности же это скорѣе защита Библіи.

Мавляви Чиракъ Али цитируетъ слѣдующія слова:

«*Убивай ихъ*» и т. д. Христіанскіе апологеты выбираютъ много выраженій, подобныхъ этому, для того, чтобы доказать жестокій характеръ арабскаго пророка и вывести изъ этого заключеніе, что онъ лишь лгунъ и его Коранъ—только обманъ. Не отрицая того, что Мухаммедъ былъ жестокъ, мы все же думаемъ, что такой способъ нападенія не даетъ права сказать послѣднее, такъ какъ именно это послѣднее обстоятельство съ равнымъ правомъ могло бы быть обращено противъ Писанія Ветхаго Завѣта. Если можно допустить претензію Мухаммеда на то, что онъ получилъ божественное велѣніе уничтожить идолопоклонство при помощи избіенія всѣхъ нераскаивающихся язычниковъ, то я ничего не могу возразить противъ его практики. Первоначальный вопросъ таковъ. Приказалъ ли Господь такое же избіеніе язычниковъ, какъ Онъ приказалъ уничтоженіе хананеянъ и амалекитовъ? Съ мусульманской точки зрѣнія, Богъ приказалъ это Мухаммеду и его послѣдователямъ, и въ такомъ случаѣ его нравственность въ этомъ вопросѣ можетъ быть защищаема совершенно на томъ основаніи, на какомъ христіанами защищается нравственность Моисея» [1]).

Если кто сомнѣвается въ фанатичности ислама, онъ сомнѣвается въ существованіи его самого. Фанатизму—и, какъ дальше мы увидимъ, совершенно внѣшнему, стихійному—исламъ былъ обязанъ своимъ быстрымъ распространеніемъ въ первые вѣка. Фанатизмъ ислама, это—вѣчно накопляющееся въ воздухѣ электричество, гроза, каждую минуту могущая разразиться надъ христіанскимъ міромъ, и въ этомъ именно заключается физическая опасность ислама.

Недовѣріе къ христіанамъ, какъ отравленная стрѣла, жи-

[1]) Critical exposition of Djihad. et Commentary on the Quran by the Rev. Wherry. p 358.

ветъ въ сердцѣ каждаго мусульманина она отравляетъ его. но. если онъ выдернетъ ее. онъ умретъ. Это лучшее напоминаніе для него въ самомъ скромномъ случаѣ, словъ Корана—«избѣгать людей невѣжественныхъ (Сура 7-я, ст. 198).

И можетъ ли не быть фанатиченъ исламъ, когда одною изъ основныхъ обязанностей его является священная война противъ невѣрныхъ. т. е. противъ всѣхъ не мусульманъ? Правда, нѣкоторые мусульманскіе богословы рѣшаютъ, что священная война хороша не по существу. а по преслѣдуемой ею цѣли. Хорошимъ и похвальнымъ не можетъ быть никакое разрушеніе, а война несетъ разрушеніе; но результатъ ея хорошъ такъ какъ за разрушеніемъ настаетъ торжество религіи истиннаго Бога Четыре имама—основатели школъ сходятся въ томъ, что священная война есть не личная обязанность каждаго мусульманина. какъ молитва или постъ, но падающая на всю мусульманскую общину въ совокупности.

Чтобы закончить. не могу не цитировать словъ мусульманскаго автора. словъ. которыя въ части были уже приведены выше,—но они такъ убѣдительны, что мнѣ извинятъ это повтореніе. Изъ этихъ словъ съ неумолимой ясностью вытекаетъ заключеніе автора ихъ.

1) Коранъ, правильно толкуемый по духу, не внушаетъ фанатизма

2) Толкованіе Корана, умышленно неправильное. сдѣлало религію фанатичиной и

3) Зло это теперь едва ли уже поправимо.

.. «Уваженіе другихъ религій, свобода вѣрованія, уваженіе всякихъ мнѣній—выражены въ ста двадцати пяти стихахъ шестидесяти трехъ суръ! Это основная мысль, цѣль книги мусульманской религіи. И какимъ образомъ изъ нея могли сдѣлать орудіе нетерпимости и фанатизма? Какимъ образомъ изъ этихъ данныхъ—столь широкихъ. столь человѣчныхъ, столь соціальныхъ,—могли. по милости узкихъ умовъ и вслѣдствіе кровожадныхъ подстрекательствъ заинтересованныхъ комментаторовъ, *закрыть двери ислама для всего человѣчества, заключить мусульманина въ своей странѣ и въ своемъ невѣдѣніи. выключить его изъ всякаго движенія прогресса и цивилизаціи и дать ему дикіе и жестокіе нравы, дѣлающіе его столь мало приспособленнымъ къ соціальной жизни*

«*Цѣль*. которую преслѣдовали комментаторы, *была война*, развитіе воинственнаго инстинкта. составляющаго основу арабскаго характера, это была словомъ, культура націонализма. тѣмъ болѣе. что войны, которыя проповѣдывались и которыя велись, сопровождались успѣхомъ. имѣли своимъ результатомъ добычу и грабежъ, и такимъ образомъ способствовали развитію кровожадныхъ инстинктовъ солдатчины и толпы.

»Пусть не ищутъ объясненія этого толкованія коментаторовъ въ войнахъ, веденныхъ Спутниками Пророка и первыми тремя халифами. Тѣ войны имѣли чисто политическія причины, такъ какъ сосѣднія государства не безъ опасенія видѣли, что Аравія начинаетъ составлять единое мусульманское государство, тогда какъ раньше она была раздѣлена на столько владѣній сколько было племенъ; и такъ какъ мусульмане видѣли, что персы и римляне постоянно подстрекали къ мятежу народы, покоренные подъ мусульманское владычество.

«Доказательство этого либеральнаго толкованія Корана въ первыя времена ислама то, что, когда мусульмане овладѣли Сиріей, Персіей, Египтомъ, Триполитаніей, Тунисомъ, Алжиромъ и Марокко, они не навязывали своихъ религіозныхъ вѣрованій народамъ, вновь подпавшимъ подъ ихъ владычество. Вѣрованія этихъ народовъ всегда уважались,—они были лишь обложены податью.

«Доказательство этого заключается въ томъ, что и теперь еще въ мусульманскихъ странахъ встрѣчаются евреи, христіане, идолопоклонники и т. п. и что, со дня завоеванія до настоящаго дня, приверженцы этихъ различныхъ религій сохранили неприкосновенными свои вѣрованія, это лишь потому, что мусульмане никогда не старались заниматься прозелитизмомъ. [1]).

«Болѣе того, во вновь завоеванныхъ странахъ учреждали суды, долженствовавшіе примѣнять законы, имѣвшіе силу въ странѣ до ея завоеванія [2]). и, вещь необыкновенная, во всякомъ случаѣ знакъ терпимости, которой не знали самыя передовыя

---

[1]) Въ этомъ я никакъ не могу согласиться съ почтеннымъ авторомъ. Эта фраза или наивна или разсчитана на всему вѣрящаго читателя. Напр., въ Турціи средствомъ для того, чтобы сдѣлать возможнымъ существованіе не-мусульманскихъ національностей, были капитуляціи, отмѣнить которыя Европа не соглашается даже и теперь, не взирая на конституціонный образъ правленія. Мусульмане не занимались прозелитизмомъ? Откуда же взялись мусульмане Босніи и Герцеговины, эти чистѣйшіе сербы? Откуда взялись фанатичные помаки,—чистокровные болгары? Каково происхожденіе такъ называемыхъ „денмэ“,—они испанскіе евреи?

[2]) Вопросъ политическаго, не религіознаго характера. Какъ же могло быть иначе? Оставить безъ собственныхъ законовъ страну съ однороднымъ, чуждымъ завоевателямъ, населеніемъ значило бы остановить ея жизнь,— въ мусульманскихъ же судахъ примѣнялось лишь каноническое право.

страны Европы.— это вновь созданныя или точнѣе—издавна существовавшія въ странѣ и признанныя завоевателемъ юрисдикціи вѣдали сначала лишь дѣлами мѣстныхъ уроженцевъ, а потомъ стали разбирать уже и дѣла между мѣстными уроженцами и завоевателями. Что касается мѣстныхъ уроженцевъ, то имъ всегда было предоставлено право судиться не въ мусульманскихъ судахъ, такъ какъ побѣдители вводили и свои собственныя новыя юрисдикціи.

«Всѣ сектанты, всѣ тѣ, кто имѣетъ интересъ видѣть въ Коранѣ орудіе ненависти и нетерпимости, потому что они отъ этого выигрываютъ, цитируютъ стихи Корана, которые направлены противъ евреевъ и идолопоклонниковъ. Эти стихи направлены не противъ адептовъ сказанныхъ религій, а противъ политическихъ враговъ.

«Другое доказательство того, что мы изложили выше это то, что, вопреки рѣшенію комментаторовъ, мусульманская религія считаетъ для мусульманъ дозволеннымъ ѣсть кушанья, приготовленныя тѣми, у кого есть св. Писанія (т. е. евреевъ и христіанъ) Гдѣ текстъ, который запрещалъ бы ѣсть пищу, приготовленную христіанами? Въ религіи есть правило: все позволено, не позволено лишь то, что запрещено; здѣсь же это не только не запрещено, но прямо разрѣшается текстомъ, стихомъ, который равнымъ образомъ позволяетъ еврейской или христіанской женщинѣ быть женою мусульманина, и вслѣдствіе этого она не только не должна перемѣнить свою религію или принять религію мужа, но имъ не воспрещается выполнять культъ этой религіи. Кромѣ того, въ хадисахъ Пророкъ приказываетъ мусульманину уважать религію своей жены, обезпечить ей возможность выполненія ея и, въ случаѣ нужды, сопровождать даже ее до церкви и синагоги.

«Нынѣ позволено вамъ все хорошее, законъ разрѣшаетъ вамъ принимать ту пищу, которую вкушаютъ получившіе Писаніе; обратно, и имъ разрѣшается ваша пища. Позволено вамъ брать себѣ въ жены честныхъ дѣвъ изъ числа вѣрующихъ и получившихъ Писанія до васъ, если только вы выдадите имъ вознагражденіе. Живите съ ними скромно, не предавайтесь разврату и не берите наложницъ Измѣнившій вѣрѣ своей лишится плода своихъ добрыхъ дѣяній, и на томъ свѣтѣ онъ будетъ несчастнымъ» (Сура 5-я, ст. 7).

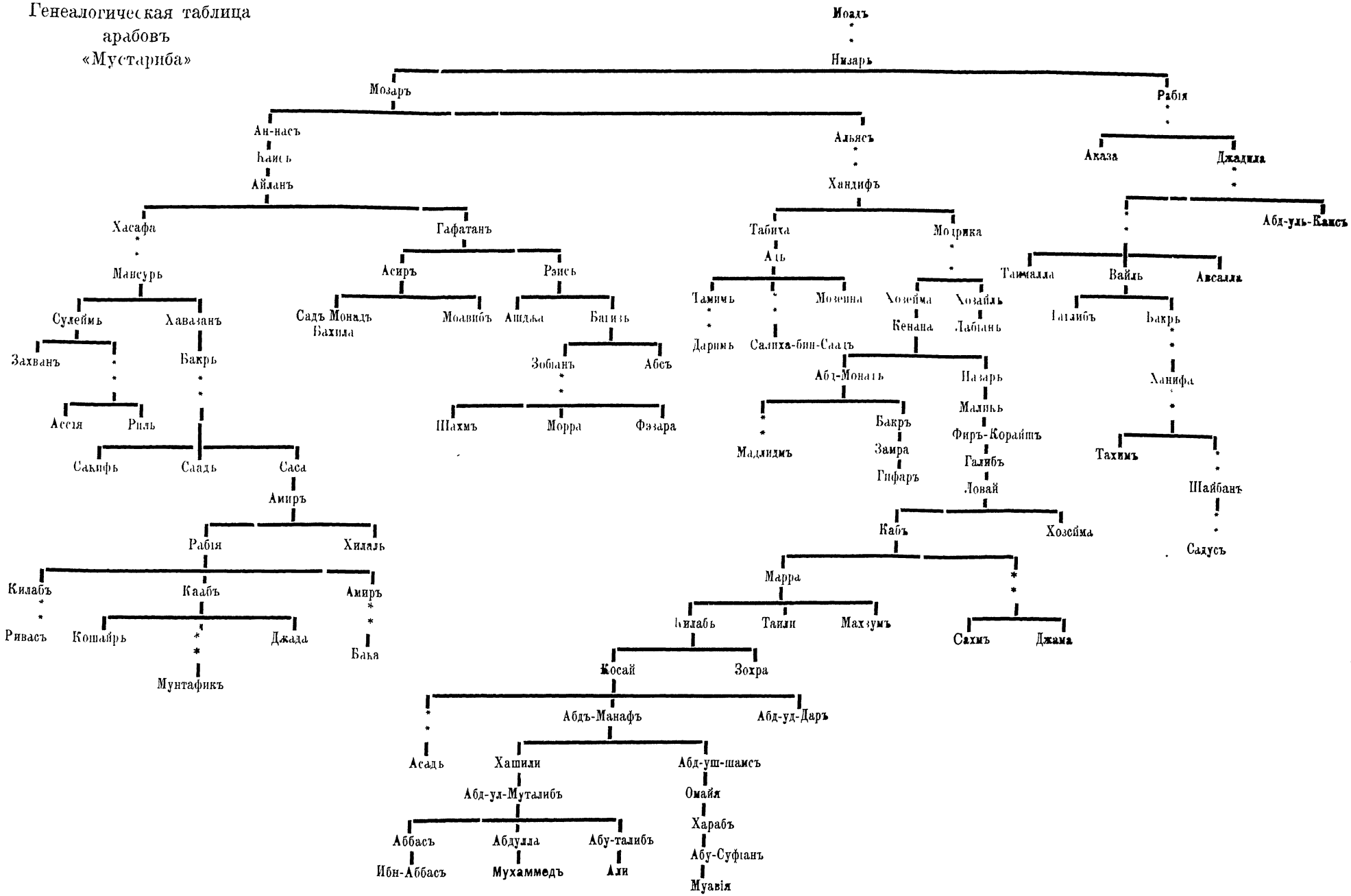
«Какъ же *изъ этихъ правилъ чистой терпимости* комментаторы Корана могли извлечь эту *высшую нетерпимость и эти принципы ненависти, которыя выкопали между исламомъ и другими религіями ровъ—столь же глубокій, сколь и непролодимый?...*» [1]).

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

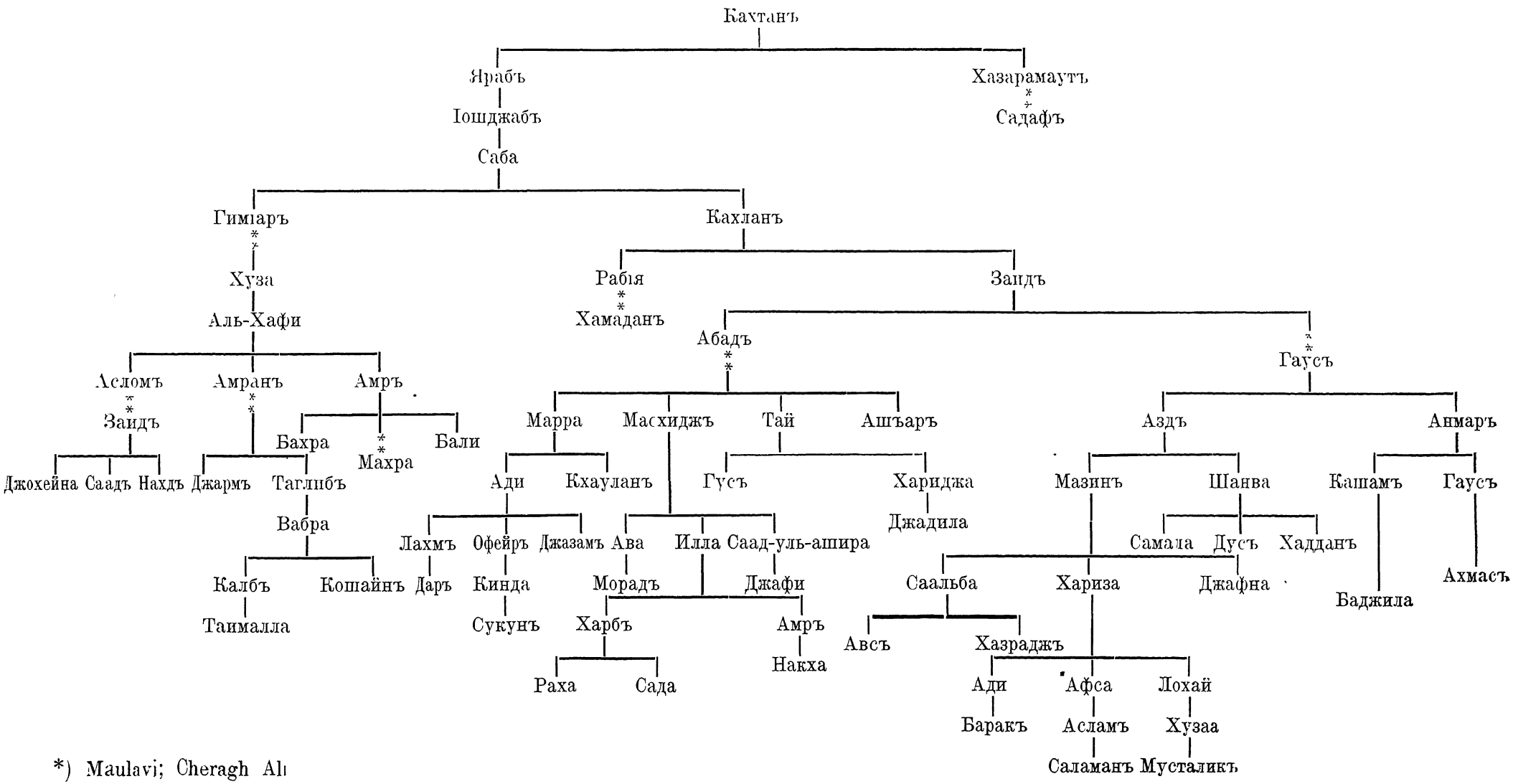
[1]) C. Benattar. L, esprit du Coran p p. 82- 84, 86.

Приложенія.

Генеалогическая таблица арабовъ «Мустариба»



Генеалогическая таблица арабовъ „Мутариба“. *)



*) Maulavi; Cheragh Ali

Генеалогическая таблица фамилія Корайша и предковъ Мухаммеда.

№ 1.

АВРААМЪ (Род. 1996, умеръ 1822 г. до Р. Х., отецъ Измаила (р. 1910), женатаго на дочери Модада... Отъ него произошли АДНАНЪ (родъ въ 130 г до Р. Х.), отецъ МААДА, отъ котораго, въ седьмомъ поколѣніи, произошелъ НАДРЪ (род. въ 134 г. по Р. Х.), отецъ Малика, отца *Фира* или *Корайша* (род. въ 200 г.)

ФИРЪ-КОРАЙШЪ

ГАЛИБЪ

ЛОВАЙ

КААБЪ

МОРРА — ЛДА

КИЛАБЪ (365 г.) — ТАЙМЪ — ЙОКДА

КОСАЙ (см. № 2) — ЗОХРА

АБД-УД-ДАРЪ АБДЪ-МАНАФЪ АБД-УЛЬ-УЗЗА

От котораго произошли Зоаиръ, Хадиджа и др

От котораго произошелъ Ваккъ, отецъ Амины, матери Мухаммеда

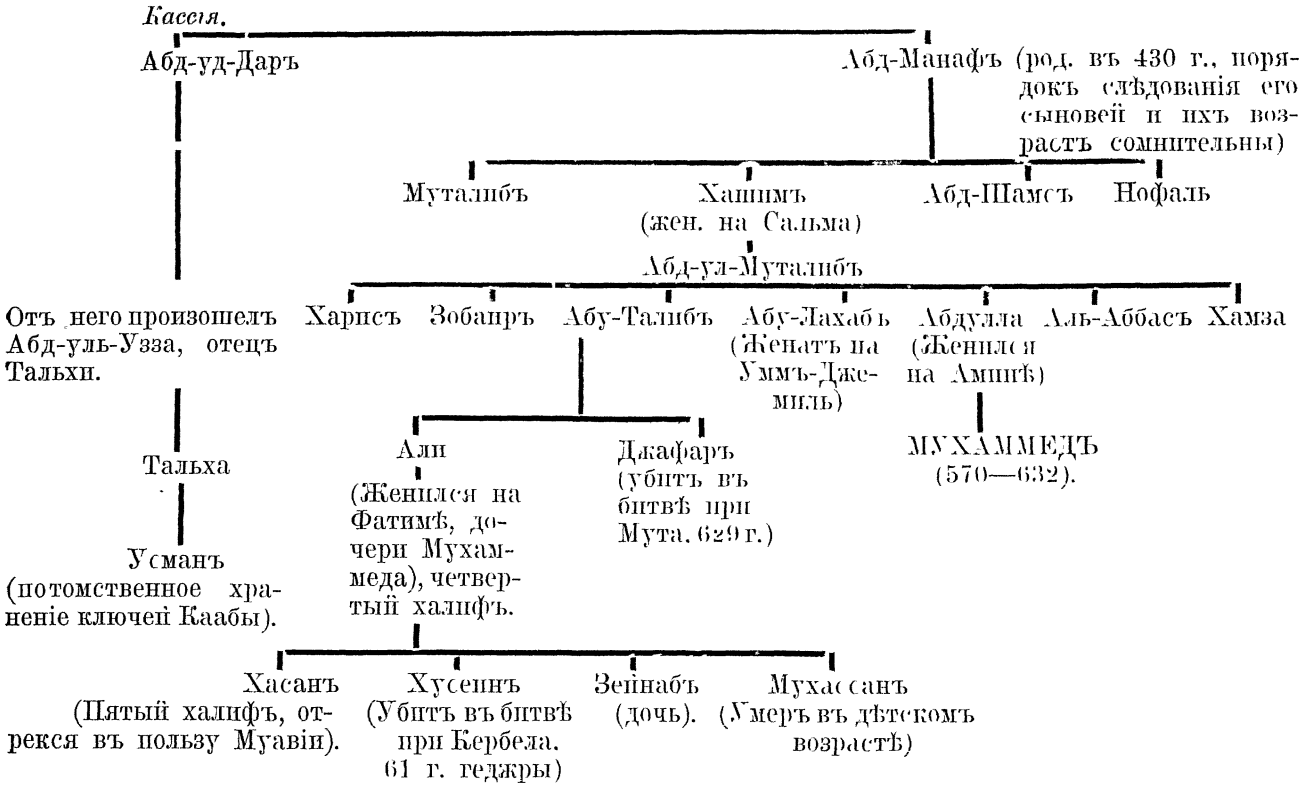
От котораго произошелъ Абу-Бакръ, первый халифъ

От котораго произошли Халидъ, Абу Джахль и др.

От котораго произошелъ Омаръ ибнъ-аль-Хаттабъ, второй халифъ

ФАМИЛІЯ ХАШИМА. [1]).

№ 2.



[1]) Stobart. Islam pp 27, 29.

Приложеніе V.

ПЕРЕЧЕНЬ ГЛАВНѢЙШИХЪ СОБЫТІЙ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ.

Года. По Н. Х.	Геджры.	
570		Рожденіе Мухаммеда.
595		Бракъ Мухаммеда съ Хадиджей.
600		Рожденіе Али, сына Абу-Талиба.
605		Рожденіе дочери Мухаммеда Фатимы.
612		Удаленіе Мухаммеда на гору Хира, первое откровеніе, начало пророческой миссіи.
615		Первая Геджра или бѣгство вѣрующихъ въ Абиссинію отъ преслѣдованія корайшитовъ.
620		Первая клятва при Акабѣ.
622		Вторая клятва при Акабѣ. Бѣгство въ Медину, или Геджра.
624	2	Нападеніе на караванъ корайшитовъ. Бой при Бадрѣ. Экспедиція противъ Бэни-кенока.
625	3	Экспедиція корайшитовъ противъ Медины. Пораженіе мусульманъ при Оходѣ.
626	4	Экспедиція противъ еврейскаго племени Бэни-надиръ.
627	5	Осада Медины корайшитами. Битва при Рвѣ Массовая казнь евреевъ племени Бэни-Корайтца.
628	6	Экспедиція противъ племени Бэни-Мусталикъ. Неудавшееся паломничество. Перемиріе при Ходайбѣ.
	7	Экспедиція противъ Хайбара.
629	8	Сирійскій походъ. Пораженіе мусульманъ при Мута. Смерть Заида.

Года.	По П. Х. Геджры.	
630	8	Походъ противъ Мекки и взятіе ея.
630	8	Пораженіе хавазиновъ при Хонайнѣ. Взятіе Таифа.
632	11	Приготовленіе ко второму сирійскому походу. Болѣзнь Мухаммеда, смерть его. Избраніе Абу-Бакра халифомъ.

Приложеніе VI.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА СУРЪ КОРАНА.[1])

Порядокъ расположенія въ Кор.	Порядокъ распол. по Джалалъ-уд-Динъ ас-Сойюти	По Нольдеке	По Муру	Порядокъ Корана	По Сойюти	По Нольдеке	По Муру
1	96	96	103	26	85	82	80
2	68	74	100	27	95	81	81
3	73	111	99	28	106	53	84
4	74	106	91	29	101	84	86
5	111	108	106	30	75	100	110
6	81	104	1	31	104	79	85
7	87	107	101	32	77	77	83
8	92	102	95	33	50	78	78
9	89	105	102	34	90	88	77
10	93	92	104	35	86	89	76
11	94	90	82	36	54	75	75
12	103	94	92	37	38	83	70
13	100	93	105	38	7	69	109
14	106	97	89	39	72	51	107
15	102	86	90	40	36	52	55
16	107	91	93	41	25	56	56
17	109	80	94	42	35	70	67
18	105	68	108	43	19	55	53
19	113	87	96	44	20	112	32
20	114	95	113	45	56	109	39
21	112	103	74	46	26	113	73
22	53	85	111	47	27	114	79
23	80	73	87	48	28	1	54
24	97	101	97	49	17	54	34
25	91	99	88	50	10	37	31

[1]) E. Sell. The faith of Islam. pp. 426, 427.

Порядокъ расположенія въ Кор	Порядокъ расположенія по Джаладъ-уд-Дину ас-Суюти	По Нольдеке	По Миру	Порядокъ Корана	По Суюти	По Нольдеке	По Миру
51	11	71	69	88	3	46	16
52	12	76	68	89	33	6	13
53	15	44	41	90	60	13	29
54	6	50	71	91	4	2	7
55	37	20	52	92	99	98	113
56	31	26	50	93	57	64	114
57	34	15	45	94	47	62	98
58	39	19	44	95	62	8	2
59	40	38	37	96	55	47	3
60	41	36	30	97	76	3	8
61	42	43	26	98	13	61	47
62	43	72	15	99	98	57	62
63	44	67	51	100	59	4	5
64	45	23	46	101	110	65	59
65	46	21	72	102	24	59	4
66	51	25	35	103	22	33	58
67	88	17	36	104	63	63	65
68	18	27	19	105	58	24	63
69	16	18	18	106	49	58	24
70	71	32	27	107	66	22	33
71	14	41	42	108	65	48	57
72	21	45	40	109	64	66	61
73	23	16	38	110	61	60	48
74	32	30	25	111	48	110	60
75	52	11	20	112	5	49	66
76	67	14	43	113	9	9	49
77	69	12	12	114	1	5	9
78	70	40	11				
79	78	28	10				
80	79	39	14				
81	82	29	6				
82	84	31	64				
83	30	42	28				
84	29	10	23				
85	83	34	22				
86	2	35	21				
87	8	7	17				

Приложеніе VII.

РАЗДѢЛЕНІЕ КОРАНА НА «ДЖУЗВЫ»[1]).

1-й Съ начала Корана до 140 стиха суры 2-й.
2-й отъ 140 стиха суры 2-й до 253-го стиха той же суры.
3-и отъ 253 стиха 2-й суры до 94-го стиха 3-и суры.
4-и отъ 94-го стиха 3-й суры до 93-го стиха 4-й суры.
5-и отъ 93-го стиха 4-й суры до 147 стиха той же суры.
6-и отъ 147-го стиха 4-й суры до 87-го стиха 5-й суры.
7-и отъ 87-го стиха 5-й суры до 111-го стиха суры 6-й.
8-й отъ 111-го стиха суры 6-й до 87-го стиха суры 7-й.
9-и отъ 87-го стиха суры 7-й до 42-го стиха суры 8-й.
10-й отъ 42-го стиха суры 8-й до 95-го стиха суры 9-й.
11-и отъ 95-го стиха суры 9-й до 6-го стиха суры 11-й.
12-й отъ 6-го стиха суры 11-й до 54-го стиха суры 12-и.
13-й отъ 54-го стиха суры 12-й до 15-й суры.
14-и отъ начала 15-й суры до начала суры 16-и.
15-й отъ начала суры 16 до 74-го стиха суры 17-й.
16-й отъ 74-го стиха суры 17-й до начала суры 21-й.
17-й отъ начала суры 21-и до начала суры 23-и.
18-й отъ начала суры 23-й до 21-го стиха суры 25-й.
19-й отъ 21-го стиха суры 25-й до 58-го стиха суры 27-й.
20-й отъ 58-го стиха суры 27-й до 46-го стиха суры 29-й.
21-й отъ 46-го стиха суры 29-й до 31-го стиха суры 32-й.
22-й отъ 31-го стиха суры 32-й до 27-го стиха суры 36-й.
23-й отъ 27-то стиха суры 36-й до 31-го стиха суры 38-й.
24-й отъ 31-го стиха суры 38-й до 45-го стиха суры 41-й.
25-й отъ 45-го стиха суры 41-й до 32-го стиха суры 45-й.
26-й отъ 32-го стиха суры 45-й до 31-го стиха суры 51-й.
27-й отъ 31-го стиха суры 51-й до начала суры 61-й.
28-й отъ начала суры 61-й до начала суры 67-й.
29-й отъ начала суры 67-й до начала 78-й суры.
30-й отъ начала 78-й суры до конца Корана.

---

[1]) Тавсир-и-мэвакибъ.

Приложеніе VIII.

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРОВАННЫХЪ ВЪ КНИГѢ СУРЪ И ОТДѢЛЬНЫХЪ СТИХОВЪ.

	Стран.
Сура 1-я, вся. . .	331
Сура 2-я:	
Стихъ. 1 . .	394
» 2 . .	394
» 3 . .	394
» 4 . .	394
» 21 . .	199
» 58 . .	239
» 77 . .	406
» 100 .	207.234.363
» 102 . .	234
» 109 . .	365
» 119 . .	211
» 129 . .	60
» 136 . .	338
» 138 . .	338
» 139 . .	338.365
» 140 . .	338
» 169 . .	288
» 181 . .	338
» 184 . .	311
» 186 . .	339
» 187 . .	339
» 192 . .	338
» 214 . .	339
» 234 . .	232
» 241 . .	232
» 263—267. .	406
» 285 . .	395
Сура 3-я:	
Стихъ: 2	
» 5 .	361.366.373
» 11 . .	340

	Стран.
Сура 3-я.	
Стихъ: 29 . .	274
» 75 . .	397
» 89 . .	60.399
» 106 . .	239.301
» 117—121 .	340
» 133—137 .	341
» 138 . .	229.341
» 140 . .	342
» 145—147 .	341
» 149 . .	342
» 151 . .	342
» 159 . .	342
» 160 . .	342
» 194 . .	98
Сура 4-я:	
Стихъ 3 . .	407
» 47—50 .	337
» 62 . .	260
» 67 . .	260
» 68 . .	260
» 82 . .	260
» 84 . .	402
» 99 . .	98
» 100 . .	98
» 101 . .	98.334
» 106 . .	202
» 124 . .	60
» 136 . .	238
» 164 . .	238
Сура 5-я:	
Стихъ 5 . .	260

	Стран.
Сура 5-я:	
Стихъ 7	337 418
» 15	286
» 27	239
» 48	394
» 49	398
» 52	198 395
» 56	326
» 71	204 238
Сура 6-я	
Стихъ 6	60
» 38	403
» 60	391
» 67	221
» 59	391.403
» 84	59
» 85	59
» 90	394
» 91	408
» 92	194
» 103	204
» 162	60
Сура 7-я:	
Стихъ 50	353
» 51	353
» 154	286
» 156	274
» 157	274
» 198	416
Сура 8-я:	
Стихъ 7—11	340
» 15—19	341
» 26	335
» 30	96
» 65	286
» 66	286
Сура 9-я:	
Стихъ 1—4	350.351
» 5	327.351.408
» 6—9	351

	Стран
Сура 9-я:	
Стихъ 10	326 351
» 11—28	352
» 29	352.407
» 40	336
» 60	366
» 101	279
» 123	288
Сура 10-я:	
Стихъ 38	195
» 39	195
Сура 11-я:	
Стихъ 1	234
» 16	195
Сура 13-я:	
Стихъ 12	239
» 38	
» 39	199.363
» 46	
Сура 14-я:	
Стихъ 27	334
Сура 16-я:	
Стихъ 43	97
» 46	260.359
» 91	403
» 102	196.362
» 103	196
» 104	196
» 111	97
» 124	60 394
Сура 17-я:	
Стихъ 38	290
» 47	211
» 48	211
Сура 19-я:	
Стихъ 54	396

	Стран.
Сура 19-я:	
Стихъ 55	59
» 97	191
Сура 20-я;	
Стихъ 11	239
» 77	60
» 113	210
Сура 21-я:	
Стихъ 35	229
» 36	229
» 85	59
Сура 22-я:	
Стихъ 38	391
» 39	391
» 40	391
» 57	98
» 112	197
Сура 23-я:	
Стихъ 12	212
» 34	210
» 35	210
» 39	239
» 98	407
Сура 24-я.	
Стихъ 4—6	244
» 11—19	345
» 23—25	345
» 30	345.374
» 31	345.374
» 32	345
» 35	369
» 59	346
Сура 25-я:	
Стихъ 5	193
» 6	193.240
» 32	215
» 34	199
» 74	239

	Стран
Сура 26-я:	
Стихъ 108	274
» 192—194	202
» 210—212	205
» 228	238
Сура 27-я:	
Стихъ 79	190
Сура 28-я:	
Стихъ 33—35.	396
» 86	194
Сура 29-я.	
Стихъ 46	192
» 47	192.240
» 48	192
» 50	192
» 57	229
Сура 31-я:	
Стихъ 16	407
» 34	204
Сура 33-я:	
Стихъ 9—17.	348
» 21	274
» 28—31	346
» 32	346.376
» 33	346 376.378
» 34	346
» 36—40	293.344
» 49	347 365
» 50	347
» 51	347
» 52	347.365
» 53	212.347.376
» 55	347.376
» 59	347
Сура 34-я:	
Стихъ 27	374.396

	Стран
Сура 36-я:	
Стихъ 69	197
Сура 38-я:	
Стихъ 48	59
Сура 39-я:	
Стихъ 24	192
» 29	190
» 31	229
Сура 40-я:	
Стихъ 4—6	348
» 71—76	349
» 83—85	349
Сура 42-я:	
Стихъ 11	393
» 50	204
Сура 45-я	
Стихъ 19	190
Сура 46-я.	
Стихъ 6	193
» 13	229.407
» 27	193
» 28	194
Сура 48-я:	
Стихъ 18	348
Сура 49-я:	
Стихъ 6	288
» 11	407
Сура 52-я:	
Стихъ 2	205
» 3	205
» 33	195
» 34	195

	Стран.
Сура 53-я:	
Стихъ 4	202
» 19—23.	335
» 29	290
Сура 54-я, вся	389.390
Сура 55-я, вся	385.387
Сура 56-я, вся	331.332
Сура 58-я:	
Стихъ 10	407
Сура 59-я	
Стихъ 2	307.343.365
» 3—5	343
Сура 63-я.	
Стихъ 1—3	343
» 7	343
» 8	343
Сура 66-я.	
Стихъ 1	349 367
» 2—4	349
» 5	212.350 368
» 6	350
Сура 73-я:	
Стихъ 2	365
» 20	366
Сура 74-я:	
Стихъ 1—9	329
Сура 75-я:	
Стихъ 16	210
» 17	210
Сура 79-я:	
Стихъ 3	365

	Стран.
Сура 81, вся . .	387 388
Стихъ 19 . .	. 190
» 27 . .	. 190
» 28 . .	. 190
Сура 82, вся . .	. 387
Сура 84-я:	
Стихъ 21 . .	. 211
Сура 85-я:	
Стихъ 21 . .	. 197
Сура 86-я:	
Стихъ 13 . .	. 190
Сура 87-я:	
Стихъ 6 .	210.282.363

	Стран.
Сура 96-я:	
Стихъ 1 . .	201.328
» 2 . .	201 328
» 3 . .	201.328
» 4—8 . .	328.329
Сура 99-я, вся .	. 330
Сура 100-я, вся	. 330
Сура 101-я, вся .	. 331
Сура 105-я:	
Стихъ 1—5 . .	. 334

УКАЗАТЕЛЬ

имен̀ъ и содержаніе перваго тома.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ И СОДЕРЖАНІЯ ПЕРВАГО ТОМА.

Ааронъ, 57, 108, 167.
абабиль, 55.
Абада, 65
аббассиды, 306, 311, 314.
Аббасъ, 77, 80, 86, 107, 112, 128, 134, 160–162, 164, 165, 176.
Ава, 80, 166.
Абдъ-Келаль, 37.
Абдъ-Манафъ, 55, 76, 77.
Абд-уд-даръ, 53.
Абд-уль-Аззъ, 120, 128.
Абдулла III-й, 323.
Абдулла ибнъ Аббасъ, 275.
Абдулла бинъ Абд-ул-Муталибъ, 54, 55, 75, 148.
Абдулла ибнъ Амръ, 248, 268.
Абдулла бинъ Джафаръ, 63.
Абдулла бинъ Джахшъ, 123, 124.
Абдулла бинъ Джобаиръ, 231.
Абдулла ибнъ Джорандъ, 269.
Абдулла бинъ Зандъ, 119.
Абдулла ибнъ Зобаиръ, 275.
Абдулла бинъ Кавахъ, 158
Абдулла бинъ Келеба, 12, 13.
Абдулла ибнъ Масудъ, 243, 275.
Абдулла бинъ Мухаммедъ, 86.
Абдулла бинъ Обба, 118, 120, 137, 140. 151, 167, 169.
Абдулла ибнъ Омаръ, 275.
Абдулла ибнъ Саадъ, 168.
Абдулла бинъ Саламъ, 151.
Абдулъ Гамидъ, 193, 298.
Абдулъ Маликъ ибнъ Марванъ, 314
Абд-ул-Муталибъ, 54, 55, 76—78, 80, 85, 93, 98, 103.
Абд-ул-Узаа, 77.
Абд-ул-Узза, 84.
Абд-ур-Разакъ, 212
Абдуррахманъ аль Авзаи, 269.
Абдуррахманъ ибнъ Авфъ, 275
Абдуррахманъ аль Харисъ, 231.
Абд-уш-Шамсъ, 53, 76, 77, 92, 102, 127.
Абиссинія, 7, 37, 53, 57, 62, 98, 99, 120, 125, 129, 151, 256, 333.
абиссинское нашествіе, 55, 77.
Абраха, 37, 55, 77.
Абу Абдулла ибнъ аль Мубаракъ, 314.
Абу Айюбъ, 116.
Абу Амиръ, 164.
Абу Бакръ, 57, 77, 97, 98, 102, 103, 106, 110, 114, 117, 127, 133, 136, 137, 149, 150, 159, 169, 175–178, 219, 226, 227, 229, 230, 242, 275, 299, 335.
Абу Бакръ (чтецъ Корана), 243.
Абу Даджанъ. 134, 135.
Абу Даудъ, 268.
Абу Джандалъ, 148.
Абу Джафаръ, 269.
Абу Джахль, 100, 102—104, 107, 113, 125—127.
Абу Джухайфа, 268.
Абу ибнъ Каабъ, 234.
Абу ибнъ Омаръ, 211, 215.
Абу Иса Мухаммедъ ат-Тирмизи, см Тирмизи.
Абу Иса Халладъ, 244.
Абуль Касымъ, 86.
Абуль Касымъ Хабадъ Улла ибнъ Салама 364
Абу Лахабъ, 92, 93, 98, 106, 255.
Абуль Харисъ, 244.
Абуль Фэда, 47.
Абу Муса, 165, 210.
Абу Муса аль-Ашаи, 276.
Абу Сумама Харанъ ибнъ Хабибъ, 174.

Абу Суфіанъ. 57, 92, 93, 102, 103, 105, 107, 113, 121, 124—126, 129, 133—136, 142, 143, 151, 153, 154, 159—161, 167.
Абу Талибъ, 77, 80, 81, 83, 85, 86, 91, 94, 97, 98, 102, 104—107, 333, 335.
Абу Ханифа. 276, 280, 281, 303, 305, 306, 312—317, 402.
Абу Хорайра, 105, 260, 264, 265, 268, 276.
Абу Юсуфъ. 305, 316.
Августъ Императоръ, 1.
Авель, 34
Авеста, 32.
авраамиты, 57.
Авраамъ, 11, 16—19, 27, 31, 33—36, 42, 44, 47, 49—51, 56—60, 61, 76, 82, 83, 91, 95, 108, 109, 127, 202, 209. 211, 213, 223, 336, 370, 371.
авситы, 63, 111, 125, 144
Авсъ. 11.
Агарь, 18. 48—50, 162
Адамъ. 45, 49, 75, 87, 108. 202, 223, 317
Аденъ, 6, 12.
адиджа, 80.
адиты, 11. 12, 15, 16.
Аднанъ. 17. 19. 52, 76
Адъ, 11, 12.
адъ, 34. 36, 98, 122, 167, 212, 232, 253, 256, 296.
азанъ, 119.
Азаръ, 35.
аздиты, 8, 170.
Азаэль, 36.
Аздъ, 16.
Аз-Зайятъ, 244
Аз-Захири, 326.
Азія, 10, 199.
Азія (жена Фараона). 105
азлали, 46, 54.
Азраилъ, 32, 108.
айтъ, 245, 246
Айша 106, 109, 117, 120, 121, 140—142, 169, 176, 177, 200, 203, 204, 227, 228, 256, 259, 276, 344, 367, 378.
Айхала ибнъ Каабъ. 173.
Акаба, 111, 112, 169.
Акабахскій заливъ, 17.
акація, 43, 114.
Акида, 379.
Акрема бинъ Абу Джахль, 134, 135, 163.
Акылъ, 86
Албанія, 64.
Александръ Великій, 7, 20, 100,
Алжиръ, 417.
Али (халифъ), 66, 86, 91, 92, 94, 102, 105, 114, 117, 120, 126—129, 135, 137, 142, 143, 150, 159, 162 167 169 171—173, 176 219, 223, 231. 236—238, 266. 268, 275, 378
Али ибнъ Асунъ, 316.
Али ибнъ Каабъ, 275.
Али (шейхъ), 269.
алиды. 266
Алилатъ, 26.
Аллатъ, 26, 43, 4, 61, 99, 107, 164, 166, 167, 334.
Аллахъ, 26, 27. 30, 45, 48, 103, 104, 147—149, 154, 174. 184, 198, 251.
Ал-мана. 43, 44, 61, 99, 334.
Ал-Узза, 43, 44, 61, 99, 163, 334.
Аль Акыбъ, 76.
Аль Аминъ, 85, 86,

Аль Асвадъ, 173, 174.
Аль Багави, 358
Аль Байдави, 358, 375, 398.
Альдебаранъ, 43.
Аль Мамунъ, 213, 214, 216, 217, 299, 300, 323.
Аль Махи, 76.
Аль Могэйра, 167
Аль Мутасимъ, 217, 323
Аль Таква, 116
Аль Харисъ, 140, 150, 157.
Аль Хаширъ, 76.
амалекиты, 11, 16, 17, 49.
Амалекъ, 16.
амалика, 11.
Амина, 55, 75, 77, 78, 101.
Аммонъ, 27.
Амру ибнъ Ассъ, 95, 157
Амру ибнъ Каисъ. 385.
Амру ибнъ Омэйя, 137.
Амръ бинъ Ляхи, 42
аналогія, 276, 277, 281, 289, 296, 300, 302, 307, 308, 318, 321, 403, 405.
Анасъ, 151, 253, 276.
ангелы, 30, 31, 48, 49, 75, 78, 79, 82, 84, 88, 91, 96, 98, 108, 121, 131, 173, 176, 180, 200, 201, 204, 212, 253.
Ан-Насаи, 269, 272.
ансары, 112, 113, 117, 137, 146, 163, 165, 166, 205, 264, 302.
антихристъ, 95.
Антоній, 181.
антропоморфизмъ, 328
апокрифы, 38, 39, 295, 206.
апостолъ, 96, 112, 131, 222, 223, 229
Араба, 3, 17, 63, 64.
араб-уль-ариба, 11
араб-уль-байда, 11
араб-уль-мустариба, 11.
арабы, 1, 3, 9, 11, 12, 17, 20, 21, 25, 27, 28, 30—33, 41—44, 46—49, 51, 55, 59, 61, 62, 64—66, 68. 70, 71, 83, 123, 128, 131, 134, 136, 137, 146, 150, 158, 191, 199, 206, 222, 224, 261, 272, 337, 399, 400, 405, 413.
Аравія, 1—11, 15—17, 19, 20, 26, 27, 29, 30—33, 36—39, 42, 52, 61, 62, 64, 73, 75, 81, 83, 84, 102, 103, 111, 116, 156, 157, 163, 164, 166, 167, 171, 173, 175, 184, 192, 193, 209, 215, 226, 322, 400, 413.
арамайцы, 11
Арамъ, 11—13, 15.
Арафатъ, 47, 67. 70, 172.
арбузъ. 258
Ариманъ, 32.
Арій, 38.
арійцы, 32, 199.
армяне, 117.
Арнубъ, 46.
ароматы, 178.
Ар-Рази, 269
архитектура, 9.
Арэдъ, 5, 8.
Асадъ, 84.
Асама, 175, 177.
Асафъ, 44.
Асма бинтъ Абу Бакръ, 57, 115.
Асма бинтъ Марванъ, 131.
Ас-Сидыкъ, 110.
Ассирія, 29.
ассиріяне, 17, 29, 33, 62.
Ассиръ. 27.
Ассъ, 95
Астарта, 27.
астрологія, 78, 156, 192.
астрономія, 29.
атеистъ, 400,
Атлантическій океанъ. 185.

аттрибутъ, 214, 278, 379
Африка, 9, 10, 271, 322, 411.
Ахкафъ, 12
Ахмедъ (пророкъ), 38, 40, 76.
Ахмедъ ибнъ Абу Даудъ, 218.
Ахмедъ бинъ Салихъ, 271.
Ахмедъ ибнъ Ханбалъ, 217, 258, 312, 323—327.
Ашари, 213.
Аш-Шафи, 219, 220, 276, 312, 319—323, 362.
ашура, 337.

Баби, 243.
Бабъ, 40, 402.
Бабъ аль Мандэбъ, 5.
Багдадъ, 3, 217, 218, 244, 316, 323.
Бадръ, 124, 125, 128, 131, 134—136, 160, 256, 286, 340.
базальтъ, 8.
Барака, 78.
баранъ, 140.
Барра бинтъ Харисъ, 140.
басня, 128.
Басра, 231, 244, 246, 270
Бахрейнъ, 8, 36, 170, 231.
бедуинъ, 22, 24, 25, 27, 28, 46, 64, 151, 256.
безбрачіе, 67.
бездождіе, 45.
безсмертіе, 28, 31, 74.
Бекка, см. Мекка
Белуджистанъ, 64.
Бенедиктъ, 181.
Берлинскій конгрессъ, 146.
Библія, 34, 41, 190, 194, 195, 408—410, 415.
бидъа, 298.
Билаль, 179, 276.
билокація, 109.
бисмилля, 194, 230, 232, 233, 245, 246.
битва, 126—128, 134.
Битва Народовъ, 143.
Битва при Рвѣ, 143.
благовоніе, 178.
благотворительность, 406.
ближніе, 130, 154.
боги, 26, 29, 30, 31, 33, 45, 46, 55, 61, 99, 130.
богословы, 301
богоугодныя дѣла, 71, 138.
богохульство, 215.
Богъ, 31, 32, 36, 39, 40, 41, 44, 47, 48, 59, 60, 61, 72, 74, 83, 91, 92, 96—99, 103, 109, 111, 121, 129—131, 151, 152, 154, 159, 176, 179, 181, 202, 204, 206, 222, 233, 251, 278, 303, 330, 334, 372, 379, 408.
боевой крикъ, 135
Боракъ, 108, 109.
Борэйда ибнъ Хосэйбъ, 116, 117,
Босра, 82, 158.
Боштонъ Насръ, 41.
бракъ, 47, 62, 67, 68, 72, 106, 107, 145, 161, 190, 339, 405.
братство, 120, 172.
бритье, 149, 150
броня, 134.
буддизмъ, 9
Будэйль ибнъ Варака, 160.
Бухара, 270
Бухари, 210, 211, 213, 220, 269, 270, 272, 282.
бѣдные, 53, 68, 176.
Бэйтъ Гомданъ, 43.
Бэйт-улла, 26, 49.
Бэни Абдулъ Кансъ, 170.
Бэни Аздъ, 170.
Бэни Аздъ Оманъ, 170.
Бэни Амиръ, 137, 169.
Бэни Амиръ бинъ Саса, 170.
Бэни Аназа, 170.
Бэни Асадъ, 32, 170.
Бэни Ахмасъ, 170
Бэни Бабила, 170.

Бэни Бака, 170.
Бэни Бакръ бинъ Вайль, 170.
Бэни Бали, 170.
Бэни Барикъ, 170.
Бэни Бахра, 170.
Бэни Ганимъ, 170.
Бэни Гассанъ, 170.
Бэни Гафикъ, 170.
Бэни Гиміаръ, 170.
Бэни Даръ, 170.
Бэни Джадъ, 170.
Бэни Джазамъ, 170.
Бэни Джафиръ бинъ Келабъ бинъ Рабія, 170.
Бэни Джоджамъ, 31.
Бэни Джохейна, 170.
Бэни Джуфи, 170.
Бэни Зобаидъ, 171
Бэни Кальбъ, 170.
Бэни Кенока, 131, 133, 144, 342,
Бэни Килабъ, 171
Бэни Кинда, 171
Бэни Корайца, 33, 143, 144, 256.
Бэни Махра, 171.
Бэни Мунтафикъ, 171.
Бэни Мурадъ, 171.
Бэни Мурра, 171.
Бэни Мусталикъ, 140, 343.
Бэни Мухарибъ, 171.
Бэни Надыръ, 33, 137, 256, 342
Бэни Накха, 171.
Бэни Нохдъ, 171.
Бэни Озра, 171.
Бэни Равази. 171.
Бэни Раджила, 170.
Бэни Раха, 171,
Бэни Садъ, 78
Бэни Садъ Хозеймъ, 171.
Бэни Садифъ, 171.
Бэни Садусъ, 171.
Бэни Сакифъ, 171.
Бэни Саламани, 171
Бэни Сафа, 52.
Бэни Сахимъ, 171.
Бэни Сода, 171.
Бэни Таджибъ, 171.
Бэни Тазлибъ, 171.
Бэни Тай, 31, 171.
Бэни Тамимъ, 171.
Бэни Фезара, 170.
Бэни Хамаданъ, 170.
Бэни Ханифа, 170.
Бэни Харисъ 170.
Бэни Хасанъ бинъ Анмаръ, 171.
Бэни Хауланъ, 171.
Бэни Хилаль бинъ Амиръ бинъ Саса, 170.
Бени Хузаа, 52, 160, 171.
Бэни Шайбанъ, 171.
Бэха Улла, 40.

Ваалъ, 27.
Вавилонія, 12, 16.
вавилоняне, 19, 52, 62.
вагабиты, 5, 19, 65.
Ваддъ, 44.
ваджибъ, 273
Вакса, 163
вакфъ (въ чтеніи Корана), 244, 245, 278
вакфъ, 273.
валентиніане, 39.
Валидъ, 17, 126.
Варака ибнъ Нофаль, 56, 58, 87, 89, 90, 201, 328.
Варшъ, 244.
Васикъ, 217.
Вахбъ, 55, 77.
Вахбъ ибнъ Абу Кабшъ, 157.
вахи, 202, 203, 362.
вдова, 107.
вдохновеніе, 202, 203, 205.
Венера, 137.
верблюдъ, 23, 45, 46, 55, 66, 67, 77, 94, 124, 125, 128, 140—142, 146, 165, 172, 173, 203, 224.
Ветхій Завѣтъ, 10, 33, 34, 36, 38.
видѣніе, 108, 109, 126, 182.

Византія, 8, 9, 51, 57.
вино, 65, 109.
Виѳлеемъ, 108.
внушеніе, 202.
вода, 43, 45, 53, 121, 189.
военачальникъ, 131.
возмездіе, 398.
возмужалость, 277, 278, 281, 284,
война, 53, 64, 71, 84, 121. 144, 145, 226, 230, 297, 380.
воскресеніе, 27, 45, 95, 163, 256.
Востокъ, 69, 73, 314.
всадникъ, 144.
вуаль, 375.
вѣра, 57, 75, 104, 121, 122, 130, 147, 154, 155, 177, 199, 278, 339.
вѣрные, 124, 232.
выкупъ, 124, 128—129, 140.

Гавріилъ, 16, 34, 41, 48, 50, 75, 79, 88, 96, 105, 108—110, 113, 121, 129, 136, 176, 193, 199, 202,—205, 209, 209, 210, 213, 221, 222, 231, 242, 300, 324, 328, 329.
гаданіе, 46.
Гадрамаутъ, 1, 5—8, 12, 24.
Газали, 203, 213, 317, 322.
Гангъ, 9, 185
гаремъ, 72, 141, 169.
Гарунъ ар-Рашидъ, 3, 244, 317, 318.
Гассанъ, 8.
гатафаниты, 143, 170, 171.
Геберъ, 15.
Гедадъ, см. Шедадъ.
Геджра, 43, 117, 124, 256
генеалогія, 62, 64.
геніи, 25, 32, 46, 78, 185, 193, 212, 408.
Гераклій, 153—155, 167.
Гербело, 181,
Гетеръ, 15.
гиксы, 12.
Гимяръ, 18, 33, 53, 170.
гностики, 39.
Гозъ аль Ганнанъ, 46.
гора, 162.
гороскопъ, 78.
Горъ, 8.
гостепріимство, 71.
государство, 71, 117, 166, 185, 302, 325.
грабежъ, 64, 121, 158, 297, 405.
грамматика, 197, 44, 320.
греки, 33, 56, 62, 158.
грѣхъ, 36, 49, 79, 98, 108, 124, 180, 198, 223, 233, 253, 309, 317, 322, 401
грѣшникъ, 232.
Гудъ, 15, 16.
гуманность, 123, 172.
гуріи, 32.

Давидъ, 59, 106, 243, 317.
Дамаскъ 2, 13, 24, 188, 231, 246, 272.
Дараидъ, 164
Даръ уль-Надва, 52.
Даудъ аз-Захири, 303, 321
Дахакъ, 43
дезертирство, 168.
демонъ, 156, 232, 252.
деньги, 128
десятина, 130, 152.
Джабаръ ибнъ Абдулла, 212
Джавъ, 8.
джадиситы, 11, 16
Джалаль уд-Динъ, 358.
Джалаль-уд-Динъ Махли, 313.
Джафаръ, 63, 86, 158
Джафаръ ас-Садыкъ, 314.
Джахль, 77.
джашмиты, 164.
Джебэль абу Кабисъ, 48.
Джебэль Шаммаръ, 5, 46

Джеффръ ибнъ аль Джелаиди, 170.
Джедда, 5, 99.
джиннъ, 14, 25, 32, 47, 78, 193.
джихадъ, 71, 256, 327, 405, 407, 416.
Джіянъ бинъ Джіянъ, 25.
Джобаиръ, 76
Джоктанъ, 11.
Джордани, 221.
Джорфа 175.
джорхумиты, 6, 11, 6, 18, 51, 52.
Джорхумъ, 6, 16, 17, 44.
джузвъ, 245, 247
Дзу Новасъ, 7, 37.
Дзу Халейфа, 146.
Дираръ, 77.
Дихайя, 203
діакритическіе знаки, 231, 235, 244, 266
дійэтъ, 54
добро, 139, 190.
добыча, 123, 124, 128, 129, 131, 138, 144, 165, 230, 256, 297, 339.
догматы, 28, 45, 47, 166, 169, 289, 312, 399, 405.
договоръ, 44, 53.
дождь, 168.
докторъ, 209.
долгъ, 130.
Долина кремней, 103.
доцеты, 39.
драмадеръ, 126.
дротикъ, 143, 171.
Дурп, 244
духи, 25
духи, 178.
духовенство, 198.
Духъ Божій, 131.
душа, 46, 99.
дымъ, 253.
дѣти, 62, 161.
дѣтоубійство, 32, 57, 68, 70, 111.
дьяволъ, 28, 33, 47, 78, 180, 182.
дэлалатъ, 373.

Еберъ, 15.
Ева, 49.
Евангеліе, 40, 57, 130, 183, 192, 194, 195, 197, 201 213, 225, 233, 256, 408, 409.
евреи, 27, 32, 33, 36, 40, 41, 48, 50, 56, 59, 82, 94, 110, 118—120, 129, 131 —134, 137, 142, 144, 145, 150, 196, 206, 208, 209, 220, 250, 256, 336, 338, 392, 398.
еврейство, 29, 34, 37, 42, 57, 59, 62, 103, 119, 194.
Европа, 412.
евтихіанцы, 39.
Евфратъ, 1, 4, 11, 17, 24.
Египетъ, 1, 12, 17, 25, 31, 36, 38, 156, 270, 314, 322, 417.
единоборство, 126.
единство, 47, 95, 253, 257, 333.
Елисей, 59.
Елисъ, 59.
Енохъ, 31, 202.
епископъ, 37, 83, 130.
ересь, 29, 37, 198, 208, 214, 217, 288, 357, 380.
еретикъ, 56, 214, 401.

Жанна д Аркъ, 181.
желѣзная дорога, 298.
женщина, 65—70, 72, 134, 135, 145, 161, 172, 178, 256, 345, 375—378, 413.
жертвоприношеніе, 27, 31, 42, 43, 46, 47, 50, 54, 56, 146, 149, 150, 169, 170, 172.
жестокость, 64.

живопись, 95.
животное, 57, 66.
жребій, 54, 55.
жрецы, 29, 32.

забтъ, 279.
Забуръ, 214.
завѣщаніе, 221.
загробный міръ, 36, 108.
Зандъ бинъ Амръ, 56—57.
Заидъ ибнъ Сабитъ, 226—228, 230— 32, 276.
Заидъ ибнъ Харисъ, 91, 102, 107, 108, 117, 128, 138, 139, 158, 175.
Заквамъ, 244.
законовѣдъ, 275, 276, 281, 289, 303, 305, 312.
законодатель, 131, 306, 315, 316.
законъ, 144, 172, 184, 206, 254, 272, 276, 278, 295, 300—303, 306, 318, 397, 400, 402.
заложникъ, 128, 143.
Замахшари, 358.
Зарръ бинъ Джахшъ, 228.
засуха, 45, 79.
захириты, 321.
захиръ, 272, 361.
звѣзды, 30, 32, 192.
зедіэхи, 28.
Зейнабъ, 151.
Зейнабъ бинтъ Мухаммедъ, 86, 120, 128, 129, 166.
Зейнабъ Уммъ уль Масакинъ, 133.
Зейнабъ (жена Мухаммеда), 138, 139, 215, 343.
земледѣліе, 150.
земля, 45, 152, 212.
Земземъ, 6, 18, 162.
зло, 130, 139, 190.
змѣя, 26.
знаменіе, 78, 94, 104, 130, 156, 221.
знамя, 53, 117, 135, 147, 150, 177, 192, 193.
Зобаиръ, 77, 116.
Зобеида, 3.
Зобіанъ, 171.
золото, 173.
Зороастръ, 29, 32, 78.
Зохаль, 43.
зубы, 47.
Зуль-кадэ, 146.
Зухра 137.
зухри, 77, 85.
Зухрэ, 43
Зюль Кифль, 49.

Ибаратъ, 372.
Иблисъ, 78.
Ибнъ Аббасъ, 355, 360, 362, 367, 371.
Ибнъ Алійя, 228.
Ибнъ Даудъ, 299.
Ибнъ Заквамъ. 244.
Ибнъ Зобаиръ, 232.
Ибнъ Исхакъ, 26, 42, 56, 58, 193.
Ибнъ Каабъ, 234, 370, 371.
Ибнъ Маджа, 269, 272.
Ибнъ Маликъ, 312, 317, 319.
Ибнъ Мардавійя, 211.
Ибнъ Масудъ, 236, 363.
Ибнъ уль Бака, 216.
Ибнъ уль Мактумъ, 143.
Ибнъ Омаръ, 363, 370.
Ибнъ Халдунъ, 250, 300, 359, 378.
Ибнъ Халиканъ, 316.
Ибнъ Ханбалъ, см. Ахмедъ.
Ибнъ Хишамъ, 42.
Ибнъ Шенабудъ, 244.
Ибрагимъ, 156, 166, 172.
игры, 65.
иджма, 189, 298, 299, 307, 308, 310, 313, 318, 321, 322, 324.

иджтихадъ, 300—303, 305, 310, 313, 318, 321, 322, 324.
идіотизмъ, 284.
идолопоклонникъ, 15, 29, 42, 43, 60, 162, 163, 184, 186, 254, 350.
идолопоклонство, 29, 31, 33, 41, 42, 44, 45, 50, 57, 61, 62, 73, 81—83, 87, 89, 92, 97, 110, 111, 113, 118, 119, 124, 130, 144, 155, 175, 328, 333, 391, 413
идолъ, 29, 33, 35, 41, 42, 43, 44, 46, 48, 49, 55, 56, 72, 74, 78, 83, 94, 95, 97, 130, 143, 155, 159, 162—164, 334.
Идрисъ, 59.
Идрисъ I, 379.
Идрисъ II, 378.
Идумея, 4, 37.
изгнаніе, 97, 98, 100, 132, 133, 137.
измаилиты, 52, 53.
Измаилъ, 6 11, 17—19, 48—52, 59, 60, 76, 162, 285, 309.
Измаилъ аль Бухари, 324.
измѣна, 144, 159.
изображеніе, 95.
израильтяне, 17.
Иканъ, 40
икона, 95.
иконоборство, 36, 181.
иктифа, 373.
ильхамъ, 202, 203.
имамъ, 40, 166, 237, 238, 277, 301, 303, 305, 312, 313, 320, 324, 356, 363, 373, 401, 402, 416.
Имамъ Абу Амръ, 243, 244.
Имамъ Асимъ 243.
Имамъ Ахмедъ, 322.
Имамъ ибнъ Амиръ, 244.
Имамъ ибнъ Касиръ, 243.
Имамъ Мухаммедъ аш-Шайбанъ, 316.
Имамъ Нафи, 244.
Имамъ Хамза, 244.
Имранъ, 89.
Инджиль, 213.
Индійскій океанъ, 6, 9, 46.
Индія, 7, 20, 52, 246, 322.
Индостанъ, 199
Иракъ, 5, 12, 19, 36, 272.
Иремъ, 12.
Иса, 177.
Исаакъ, 16.
Исавъ, 17.
Исаія, 17, 19.
искупленіе, 309.
исламизмъ, 1, 36, 57, 74, 98, 111, 134, 136, 137, 145, 156, 158, 161, 163, 165, 168, 172, 180, 185, 190, 193, 201, 219, 223, 257, 259, 277, 278, 284. 327, 380, 392, 399, 402, 405, 413.
исламъ, 32, 36, 37, 40, 47, 49, 56, 59, 70—74, 108, 118, 121, 127, 145, 152, 158, 173. 186, 189, 196, 198, 202, 206, 213, 223, 244, 256. 260, 261, 268, 296—298, 306, 325, 327, 336, 350, 381, 383, 401, 402, 404, 410, 411, 413, 414, 416.
Испани, 398.
испадъ, 264, 265.
Испанія, 9, 271.
истибзаръ, 269.
истидлалъ, 372.

истина, 205. 206, 211.
историкъ, 150
исторія, 64, 65, 145, 186, 208.
источникъ 116, 167.
Исфаганъ, 322
Исфендіаръ, 193.
Исхакъ ибнъ Ибрагимъ, 216.
Исхакъ ибнъ Рахэви, 271.
исхаратъ, 373
Италія, 64.
Итканъ, 357, 361.
ихрамъ, 47, 48.

Іаковъ, 16.
іезиды, 28.
Іеменъ, 3, 5—8, 12, 16, 17, 19, 24, 33, 37, 43, 50, 53—55, 77, 81, 83, 153, 170—172, 174, 231, 308.
Іерусалимъ, 36, 41, 108, 109, 120, 153, 158, 178, 338.
Іисусъ, 131, 203, 209, 213, 233.
Іоаннъ, 33.
Іовъ, 30, 59.
Іона, 59.
Іосифъ, 59.
іудеи, 60, 371, 408.
іудейство, 29, 33, 34, 56, 392. 413.

Кааба, 26, 41, 42, 44, 45, 47—53, 63, 66, 77, 80, 81, 85. 95, 97 98, 101—105, 146—149, 152, 159, 162, 163, 172, 183, 184, 211.
Кабиль, 34
Кабъ, 76.
Кадезія, 230.
казій, 296.
казнь, 137, 144.
казраджиты, 110, 118, 125, 134, 137, 140, 167, 169.
кайна, 65.
Каинъ, 34, 46.
Каисъ Айланъ, 31.
Каисъ ибнъ Саадъ, 63
календарь, 73.
Калунъ, 234
калямъ, 214.
Кальбъ, 91.
камни, 10, 45, 47, 143, 224.
Канопъ, 31.
Кантонъ, 157
капитуляція (договоръ), 145.
капище, 48, 78.
караванъ, 6, 21. 23, 24, 51, 53, 65, 77, 81, 121, 123, 124—126, 169, 172.
кары, 242
Касымъ бинъ Мухаммедъ, 86.
Касымъ, 156.
катапульта, 165.
кафедра, 112
Кафи, 269.
кафиръ, 294.
Кахланъ, 8, 33.
Кахтанъ, 6, 11, 16, 17—19, 170, 171.
кедаръ, 19.
Келабъ, 76.
Келюби, 371
кенадиты, 74
кенана, 26, 43, 134, 171.
Кенанъ, 76, 151.
кенока, 131
Кетуръ, 17.
кибла, 36, 120, 162, 256, 338, 364.
Киндъ, 33.
кираса, 134.
кираэтъ, 243, 257.
китабъ, 196
китабъ уль-агани, 66.
Китай, 156, 157, 378.
Китайское море, 5.
Китежъ, 12.
Кіясъ, 189, 276, 306- 310. 316. 321—324, 400.
кладбище, 169, 175.
кланъ, 20.
клевета, 111, 405. 407.

Клеопатрисъ, 1.
клятва, 44, 45, 55, 111, 112, 147, 162, 330, 368.
книги, 34, 56.
князь тьмы, 36.
Коба, 115, 116, 134.
кожа, 224.
колдовство, 95, 96.
коллиридіане, 39.
колодецъ, 3, 53
Колтунъ ибнъ Хадимъ, 116.
кольцо, 178
кольчуга, 132.
комментаторъ, 203, 251, 265, 296, 297, 307, 353, 355, 357—359, 362, 368, 369, 371—382.
Константинополь, 116, 117.
Констанцій, 37.
конституція, 325—327.
Конфуцій, 157.
копье, 117, 132.
корайшиты, 19, 31, 43, 51—57, 68, 77, 84, 86, 91, 92, 94, 97—100, 101—103, 105—107, 110, 112—115, 120, 121, 125—127, 130, 131, 133, 135, 136, 143, 146, 147, 153, 159, 160, 164, 165, 184, 193, 230, 231, 236, 256, 272, 334, 335, 339, 340, 347.
Корайшъ, 19, 26, 52, 76.
Коранъ, 12, 25, 26, 32—36, 38, 40, 58—60, 61, 68—70, 75, 88, 95—97, 104, 109, 110, 116, 122, 127, 145, 151, 157, 172, 174, 176, 177, 181, 1,183, 185, 189—257, 270, 272, 279, 288, 289, 293—299, 302, 303, 306—308, 310, 315, 317, 318, 320—324, 329, 330, 336, 338, 339, 353, 354, 356, 357, 359, 360, 362, 364, 365, 372, 381, 382, 384—396, 397, 400—403, 405, 408—410, 413, 415.
коринтіицы. 39
кормилица, 34.
корсарство, 123.
Косай, 50, 52—54, 76, 84.
Косъ, 7, 83.
кофе, 6, 8.
кочевникъ, 20, 21, 23, 28, 30, 64, 65, 103, 315.
Красное море, 1 –6, 115.
крестовые походы, 379.
крещеніе, 33.
кровомщеніе, 20, 22, 64, 133, 399.
кровопролитіе, 138.
кровь, 57.
крѣпость, 150.
куполъ, 192.
куницы, 50.
Куфа, 231, 244, 246.
кушиты, 11, 17.
Кушъ, 17.

Лабадъ ибнъ Рабія, 384.
ладанъ, 8
Лахмъ, 170
легенда, 10, 12, 32, 33, 36, 49—51, 81—83, 103, 104, 110, 114, 151, 220, 261.
лжепророкъ, 129, 173—175, 226.
лива, 54.
Лидвина, 109.
литература, 304, 305.
лицемѣры, 118, 167, 169, 229, 254, 256, 336, 337, 343.
лицо, 374—377.
Ловай, 76.
логика, 197.
ложь, 300.
Локманъ, 15.

Лотъ, 59.
лошадь, 64, 125, 134.
луна, 31, 75, 104, 212.
любострастіе, 106
лютеранство, 180.
Лютеръ, 180, 182, 358.
Люциферъ, 15.
лэйль уль кадръ, 88, 221

Маадиты, 170, 171.
Маадъ, 19, 52, 76, 308.
Маадъ ибнъ Джабаль, 166, 243, 275.
магія, 178, 192, 209.
Мададъ, 19.
Мадіанъ, 4, 46.
Мадръ, 76.
Мазандамъ, 4, 46.
маздеизмъ, 29, 33, 42, 103, 193, 194.
мазхабъ, 311.
Маимуна бинъ аль Харисъ, 157.
Малайскіе острова, 322.
Малая Азія. 33.
малекиты, 273, 291, 324, 394
Малекъ, 8, 76.
Малекъ ибнъ Анасъ, 202, 269, 276
Малекъ ибнъ Офъ, 164, 165.
малолѣтство, 284.
Маната, 43.
манихеи, 40.
Марачи, 180.
Марва, 44, 47, 48, 172, 272.
Марванъ, 231.
маріамиты, 39, 40.
Марія Дѣва, 38, 39, 105, 130, 131.
Марія Коптянка, 156, 166, 169, 256, 349, 367, 368.
Марокко, 417.
мароніты, 39.
Марутъ, 36.
Маръ аз-Захранъ, 160.
Масджидъ аль Харамъ, 48.
Маскатъ, 7.
маслина, 121.
масоны, 202.
Масрудъ, 79.
Масрукъ, 204.
масхафъ, 228.
Матрадъ, 37.
махди, 237, 238.
Махмудъ ибнъ Рабъ, 281.
Махра, 6, 7.
мачеха, 67.
Медина, 5, 59, 60, 66, 73, 99, 116—120, 125, 128, 129, 132, 134, 136, 141, 142, 146, 150, 151, 153, 158—160, 165, 167, 172, 174, 205, 206, 231, 244, 246, 256, 340, 347.
медицина, 209.
медъ. 109, 121.
Меза, 6.
Мекка, 5. 6, 15, 16, 18, 20, 24, 28, 31, 36, 42, 43, 45, 47—59, 61, 62, 65, 66, 74, 76—78, 80, 81, 83, 85, 93, 94, 97, 99, 00, 103, 105, 107, 108, 110, 117, 120, 123, 125, 126, 128, 129, 133, 136, 137, 146. 147, 157—160, 163, 165, 168, 169, 172, 173, 184, 246, 270, 272, 335.
мекканцы, 50, 55.
Меланхтонъ, 180.
Мемедъ Али, 5.
Меркурій, 31.
Мерхабъ, 150.
Месопотамія, 9, 19, 31, 36, 57.
Мессія, 111, 120, 131, 336.
метафизика. 109.
мечеть, 66, 73, 116, 117, 119, 121, 176, 190. 192, 245, 247, 270, 336.
мечъ, 122, 123, 127, 128, 134, 146, 157, 169.

Мидрашъ Раббъ, 19, 35.
Микразъ, 148.
миллятъ, 59.
милосердіе, 64, 406.
милостыня, 28, 211, 405.
Мина, 47, 50, 53, 110, 169.
минаретъ 185
мираджъ, 108—110, 204.
мирра, 8.
миръ, 147.
миссіонеры, 7, 157, 410, 411.
мистицизмъ, 28, 202.
митрополиты, 37.
Михаилъ, 121.
мнѣ, 51, 223.
мировой разумъ, 221, 309.
многобожіе, см. политеизмъ.
многоженство, 62, 67, 69, 70, 72, 105, 106, 407.
Моавъ, 4.
могила, 166
Модракъ, 76.
Моисей, 31, 41, 59, 89, 95, 96, 108, 109, 122, 150, 152, 167, 177, 201, 208, 209, 213, 223, 398, 415.
молва, 265, 279.
молитва, 25, 31, 32, 36, 48, 92, 109, 119, 120, 122, 130, 152, 155, 162, 167, 175, 176, 183, 184, 190, 197, 233, 235, 252, 336, 338, 405.
молоко, 109, 121.
Молохъ, 27.
монархія, 28.
монастырь 82, 145
монахъ, 82, 83, 116, 145.
монотеизмъ, 26, 27, 29, 33, 41, 42, 43, 56, 61, 73, 209, 213, 400, 406.
монофизиты, 31, 39.
мораль, 28, 65, 122, 139.
море, 189.
Морръ, 76.
морякъ, 46, 47.
Муавія, 238, 266, 272.
Муавія ибнъ Абу Суфіанъ, 13.
муаллякатъ, 66.
мубахъ, 273.
муджмэль, 273, 361.
муджтахидъ, 207, 299, 301, 307, 309, 310, 313, 326, 373.
музыка, 65.
Муйэба, 99.
Мукавимъ, 77.
мулла, 117, 371.
мунафикъ, см. лицемѣры.
Мусабъ ибнъ Омэйръ, 111, 112, 135.
Мусейлима, 8, 173—175, 226.
Муслимъ ибнъ Даудъ, 324.
Муслимъ ибнъ Хаджаджъ, 213, 269—271.
Муслимъ ибнъ Халадъ аз-Занджи, 319.
мусталикъ, 140.
мустариба, 11, 17, 19.
мустахаббъ, 273.
мусульмане, 36, 47, 49, 56, 57, 60, 99, 108, 109, 124, 126, 130, 131, 145, 147, 148, 165, 169, 172, 180, 190, 194, 196, 198, 200, 206, 209, 211, 213, 217, 221, 233, 234, 237, 257, 258, 260, 262, 295, 326, 337, 379, 399, 408—411, 413.
мусульманское право, 258, 288, 290, 308—310, 319, 355, 400.
Мута, 158, 175, 350.
Мутаваккиль, 217, 324.
мутазелиты, 214, 215, 218, 219, 322, 358.

Муталибъ, 54. 55, 85.
мутарiба, 11. 17, 19.
Мутамъ ибнъ Ада, 108.
муфтiй. 305, 309, 310.
муфэссиръ, 272, 361.
мухаджиры, 117, 125, 138, 140, 146, 205, 264, 302.
Мухаммедъ, 3, 7, 9, 18, 19, 24—30, 32—34. 36—43, 47—51, 55—60, 61, 66—75, 80—100, 102—124. 126—186, 191, 193. 195, 196, 200—209, 211, 212. 221—226, 229, 231, 233, 235, 242, 250, 255, 256, 259—265, 267. 299, 300, 308, 311, 312. 317, 325, 328—330, 333 · 337, 340—343, 345, 348—350, 354, 360, 367, 368, 371, 377, 380, 385, 391—398, 401. 402. 408. 409, 413.
Мухаммедъ бинъ Аслэхи. 271.
Мухаммедъ ибнъ Кабъ. 370.
Мухаммедъ Фахръ уд-Динъ Рази, 358
Мухаммедъ ибнъ аль Хасанъ, 305.
мухаррамъ. 117.
мухкэмъ. 278. 361.
мушабихъ, 273. 361.
мушкиль, 273, 361.
мясо. 57, 94.
Мэгасъ ибнъ Амръ, 51.
мэджуси, 32

Набатея, 37.
надарiты, 137.
Надаръ, 127.
Надаръ ибнъ Харисъ, 193.
надва, 54.
Надждъ, 4—8, 15, 19, 52, 137, 169.
Наджранъ, 7, 8, 36, 83, 256.
Надръ. 19.
назареяне, 39.
Назаръ, 76.
Найэла, 44.
наказанiе, 289.
налоги, 53.
наложница. 69, 72.
Нанкинъ. 157.
Наса, 272.
насилiе, 123.
наслѣдство, 69, 256, 329. 405.
Насръ, 44.
нассъ, 272, 294, 301, 361.
наука. 65. 109, 110, 183.
Нахля. 43. 120, 124.
небо, 36, 64, 108, 122, 157, 212.
невѣрiе, 47, 131. 139, 199, 218, 223, 257, 375, 400.
невѣрные, 34, 71, 98, 100, 122, 166, 169, 197, 204, 208, 210. 211, 214, 229, 253, 254, 268, 278, 284. 294. 295, 299, 363. 392, 415, 416.
негры, 199
негусъ 98. 129—131.
Неджефъ. 66
несторiане 36, 38. 82.
нетерпимость, 296.
нечестiе, 220, 294.
нечистоты. 95.
Нимродъ, 35
Нишапуръ 271.
нововведенiе, 298.
Новый Завѣтъ, 37, 38.
Ной, 11, 16, 44, 108, 127, 152, 202, 223.
нравственность, 28, 62, 67, 69, 155, 277. 278. 284.

Обрядности, 36, 46—48, 72, 95, 162, 17 . 215.

обязательство, 289.
община, 145.
обычай, 22, 30, 69, 105, 107, 128, 144, 294.
обычное право, 206, 299, 318.
Обэйда ибнъ аль Харисъ, 126.
овца, 90.
огнепоклонники, 33, 196.
огонь, 32, 33, 35, 57, 121.
Озалъ, 7.
Озра, 171.
Оказъ, 7, 83.
Окаша, 179.
Окба, 127.
олигархія, 28, 54.
олигархъ, 54.
омайяды, 306.
Оманъ, 3, 5, 7, 8, 17, 179.
Омаръ ибнъ Абдулъ Азизъ, 268.
Омаръ ибнъ аль Уарди, 12.
Омаръ ибнъ аль Хаттабъ, 100—102, 127, 133, 135—137, 140, 148—150, 159, 160, 177, 211, 212, 217, 223, 226—230, 235, 237, 238, 242, 262, 275, 367, 368, 377, 398.
омовеніе, 28, 47, 162.
опекунъ, 147.
орелъ, 150, 193.
Ормуздъ, 32
Ороталъ, 26.
оружіе, 64, 69, 128, 137, 144, 146, 157, 172.
Орхамъ, 100
оселъ, 135.
Османъ, см. Усманъ.
основы, 189, 298.
оспа, 55.
Ота ибнъ Абу Лахабъ, 91, 93, 126
Отабъ, 166.
откровеніе, 38, 56, 87, 91, 93, 100, 106, 124, 138, 140—142, 163, 169, 182, 190, 196, 199—207, 210, 222—224, 227, 229, 231, 233, 255, 263, 300, 324, 328, 330, 334, 354, 359, 374, 401, 402, 408.
отступникъ, 112.
отступничество, 217, 405.
Оходъ, 134, 135, 137, 140, 142, 143, 229, 256, 341.
очищеніе, 47, 197.

Пайрика, 32.
Палестина, 16, 24, 29, 30, 36, 173,
паломникъ, 25, 45—49, 52, 77, 81, 102, 103, 162, 172.
паломничество, 27, 28, 36, 47, 52, 66, 110, 146, 152, 157, 166, 169, 172, 308, 348, 405.
пальма, 224.
панисламизмъ, 327.
пантеизмъ, 29, 309.
папа, 180,
папирусы, 10.
Параклетъ, 38
парикмахеръ, 170.
парламентъ, 326.
парсизмъ, 33.
пастбище, 150.
пасынокъ, 67, 70.
патріархъ, 33, 59
патруль, 160
пенаты, 44, 45.
Первичный Разумъ, 221.
переміріе, 136, 146.
переселеніе душъ, 28.
Периклетъ, 38.
Перо, 212.
Персидскій заливъ, 4, 8, 11, 24, 46, 170.
Персія, 3, 7, 8, 32, 33, 52, 53, 62, 67, 153, 193, 198, 325,

326, 358, 402, 417.
персы, 62, 192, 358, 417.
Петра, 37.
печать, 152, 278, 180.
пещера, 114, 115.
пилигриммъ, см. паломникъ.
пирамиды, 37.
писаніе св., 34, 35, 38, 40, 41, 56, 83, 194, 198, 207, 335, 336, 364, 392, 399, 408.
планеты, 30, 43.
плѣнные, 124, 127, 128, 165, 268, 339.
побиваніе камнями, 41, 227, 228, 289.
побѣда, 126, 127, 136.
погребеніе, 127, 136, 176, 178, 190.
подать, 168.
политеизмъ, 26, 27, 29, 42, 61, 148, 186.
политика, 71, 208.
Полумѣсяцъ, 192.
постъ, 28, 31, 36, 122, 130, 152, 183, 248, 337, 405.
потопъ, 11, 31, 48, 49, 127.
поэзія, 62, 65, 72, 209.
поэтъ, 66, 72.
правовѣрные, 46, 208, 209, 267, 2°5.
православіе, 217.
праздникъ, 143, 337.
практика исламизма, 189, 312.
преданія, 10, 11, 35, 37. 40, 44, 49, 51, 76, 83, 96, 109, 110, 127, 129, 151, 156, 180, 183, 202, 224, 225, 250, 259, 260, 267, 275—297, 306, 315, 320, 399.
предательство, 137.
предопредѣленіе, 95, 123.
прелюбодѣяніе, 41, 44, 111, 142, 227, 228, 364, 378, 405.
престолъ, 75, 76, 212.
преступленіе, 400, 401.
приданое, 69, 72.
Придо, 181.
пріемный отецъ, 138.
пріемный сынъ, 138.
прогрессъ, 186, 325, 326, 413.
проповѣдь, 92, 98, 100, 102, 119, 121, 122, 131, 169, 172, 173, 185, 225, 254.
прорицатель, 93
пророки, 27, 36, 59, 76, 87, 89, 91, 95, 100, 104, 108, 156, 176, 200, 202, 214, 222, 223, 317, 322, 393—397.
Пророкъ, 32, 41, 42, 47, 52, 61, 92, 94, 100, 103, 121, 127, 130, 135, 137, 138, 141, 145, 147—149, 151, 152, 169, 172, 175—177, 184, 185, 191, 197, 201, 203, 205, 210, 225, 227—229, 234, 235, 237, 253, 253, 258, 261, 262, 265, 267, 272, 273, 275, 276, 279, 288, 294, 295, 300, 333, 375—378, 401, 403, 404.
пророчество, 88, 397.
прощеніе, 98, 403, 406.
прудъ, 237.
псалмы, 214, 233.
путешественникъ, 64.
Пятикнижіе, 29, 32, 398.
пятница, 190, 253.
пѣсни, 65, 135.
пѣшій, 144.
пэри, 32.
пьянство, 405.

Раба эль Хали, 8.

раби уль авваль, 117.
рабство, 62, 70—72, 256, 339, 407, 411, 413.
рабъ, 69, 71, 130, 172, 177, 283.
раввинъ, 99
рави, 243, 264, 265, 269, 270, 275, 277—284
раджабъ, 123.
разводъ, 67, 69, 72, 138, 256, 313, 314, 339, 405.
развратъ, 62, 64
развѣдчикъ, 160.
Разсудочная Душа, 222.
рай, 12, 45, 49, 70, 115, 127, 152, 212, 253, 256, 296.
райя, 146
рамазанъ, 87, 88, 213, 245, 270, 337.
Рамда, 97.
раненые, 138.
Расальгатъ, 4, 6.
раскаяніе, 278.
раскопки, 10.
раціоналисты, 322, 367.
ревность, 72
религія, 25—27, 33, 34, 36, 41, 47, 48, 51, 56, 59, 74, 109, 130, 145, 149, 179, 183, 190, 198, 206, 223, 256, 259, 278, 289, 312, 380.
республика, 54.
реформы, 313, 401, 402.
римляне, 33, 56, 62, 158, 167, 168, 417.
рифада, 53, 54.
Рихана, 144.
ровъ, 143, 144.
родникъ, 189.
родство, 120, 138, 139.
Рокайя, 86, 92, 98, 120, 125, 128, 133.
Ростокъ, 7.
Руйэмъ, 143.
Рустемъ, 193, 271.
рѣка, 189.

Саадиты, 164.
Саадъ, 92.
Саадъ ибнъ Маадъ, 111, 144.
Саба, 7, 8, 12, 16, 31.
сабеизмъ, 28—30, 31—33, 194.
сабеллійцы, 38.
сабеяне, 12, 13, 30, 31, 48, 196.
Саби, 31.
Сабитъ бинъ Каисъ бинъ Шаммасъ. 174.
Сава, 44, 78.
саванъ, 176.
Савда, 106, 107, 120.
сада, 46.
Сандъ, 101.
Саидъ ибнъ уль Ассъ, 231.
Салехъ, 16, 82.
Салимъ ибнъ Макашъ, 243.
Салма, 276.
Сальманъ, (Персъ), 116, 142, 165.
сама, 279, 280, 282, 283.
самогипнозъ, 183.
самооборона, 64.
самудиты, 11, 15, 16, 81, 82. 168.
Самудъ, 15.
Сана, 7. 13, 37, 43, 55.
Сара, 159.
сатана, 112, 180, 334.
Сатиха, 103, 104.
Сатурнъ, 43
Сафа, 44, 47, 48, 93, 96, 100, 162, 172, 272.
Сафванъ ибнъ аль Муаттэль, 141, 142.
Сафійя, 151.
сахали, 117.
Сахара, 2.
Сахихъ, 269. 270.
Сведенборгъ, 181.
свидѣтель, 142, 227
свинья, 402.
святые, 203.

священникъ, 145.
священные мѣсяцы, 84,103, 113, 123, 124.
священная война, см. война и джихадъ.
свѣтила, 30, 31, 43, 192.
сдѣлка, 289.
Сейръ, 16
Сеистанъ, 271.
секретарь, 147, 163, 225.
секта, 29, 38, 220.
семиты, 9—11, 17, 22, 27.
семья, 68, 72.
Сиди, 371.
сикайя, 54.
Симеонъ, 144.
Симъ, 11, 12, 16, 17.
Синаи, 31, 108.
сипарэ, 245, 247.
Сирiусъ, 31.
Сирія, 3, 6, 8, 11, 15, 16, 36, 38, 42, 43, 44, 53, 57, 74, 81, 86, 125, 132, 137, 138, 158, 167, 168, 170, 173, 175, 177, 244, 246, 417.
сиро-арабы, 17.
Сиѳъ, 31.
скотъ, 144, 146, 150.
сластолюбіе, 178.
слонъ, 55.
смертная казнь, 41, 163, 268.
смерть, 176, 179.
смиреніе, 121, 179
сны, 28, 64, 156, 200.
совершеннолѣтіе, 273.
сокровенныя таблицы, 75, 212, 221, 222.
Солиманъ, 276.
солнце, 31, 75, 150, 193, 212.
Соломонъ, 13—15, 25, 59, 166, 318.
Сорака ибнъ Малекъ, 115.
сотвореніе міра, 379.
Сохайль бинъ Амръ, 147, 148.
Сохранъ, 106.
Спангеймъ, 181.
справедливость, 172.
Спутники, 127, 149, 206, 228, 232, 242, 262, 265, 267, 275—277, 279, 282, 287, 288, 290, 291, 293, 294, 298—302, 306, 313, 325, 354, 359, 398.
сраженіе, 131.
Средиземное море, 199.
Средняя Азія, 314.
стихъ корана, 226, 228, 229, 233, 234, 245—247, 303, 311, 353, 355, 356, 359—366.
страшный судъ, 32, 46, 48, 70, 95, 232, 253, 256.
стрѣлы, 44, 46, 54, 143, 171.
судъ, 311.
судья, 311, 321
суевѣріе, 28, 45, 47, 50, 110, 223.
Сузи, 244.
Сузіана, 17.
султанъ, 326, 402
сумашедшій, 186.
сунна, 34, 40, 183, 189, 190, 198, 205, 206, 258—293, 295—297, 302, 306—308, 310, 318, 320—322, 324, 356, 360, 362, 399, 400, 403, 405, 410.
сунниты, 198, 218, 219, 260, 312, 324
сура, 225, 226, 228, 233, 245—248, 250, 252, 254, 255.
Сурій, 41.
суфи, 203.
Суфіанъ аз-Заури, 304, 269.
Суэцъ, 1
Сюйюти, 211, 215, 228, 299. 357.
сыратъ, 32, 253.

сэнуситы, 327.
сэфарэтъ, 54.

Таби, 243
таблигъ, 282.
таблицы, 221, 222.
Табукъ, 138, 168, 170, 256.
тавафъ, 47, 49.
тавхидъ, 257.
Таймъ, 85.
Таифъ, 6, 43, 78, 81, 107, 123, 164—167, 335.
Тай Тсонгъ, 156, 157.
такбиръ, 257.
такефиты, 164, 165, 166.
такифъ, 43.
Талайха ибнъ Хувайлидъ, 173.
Талмудъ, 29, 34, 36, 194, 410,
Тальха, 116, 221.
тамудиты, см. самудиты.
Тангъ, 156
танзимъ, 190.
танцы, 65.
Тарсъ, 217.
Таръ, 114.
тасмиты, 11, 16.
тафсиръ, 197.
таханнутъ, 200.
тахзибъ, 269.
твореніе, 212.
телеграфъ, 298.
телепатія, 109.
теократія, 28, 325, 327.
теологія, 202, 207, 224. 257, 366.
Тереза, 181.
Техама, 2, 5, 6, 8
техама, 134.
Тибукъ, см. Табукъ.
Тигръ, 78.
Тирмизи, 269, 270.
Тиръ, 24
толкованіе, 198, 205, 353, 355, 257, 358, 361, 366—369, 374, 379, 381.
торговля, 23, 24, 50, 51, 123, 150.
трауръ, 105.
Траянъ, 1, 20.
Триполитанія, 417.
Троица, 38, 39
тромба, 25.
тронъ, 75, 180, 212.
Тунисъ, 417.
туранецъ, 199.
Туратъ, 213, 233.
Турція, 146, 314, 315, 327, 401.
Тусъ, 271
Тэра, 35.
тюрьбанъ, 117, 156.

Уади, 1, 2.
Убаидулла, 275
Убаидулла бинъ Джахшъ. 56—58.
Убай ибнъ Каабъ, 228, 236, 243.
убитые, 135.
убійство, 55, 130, 232, 405.
улемы, 305, 362, 371.
Уммъ Джелиль, 92, 93.
Уммъ Колтумъ, 86, 120, 133.
Уммъ Сальма, 149
Уммъ Хабиба, 57, 133, 151, 159.
Усманъ ибнъ уль Хавайрисъ, 50—58.
Усманъ (халифъ), 43, 93, 98, 99, 120, 125, 133, 135, 146, 147, 150, 219, 226, 228, 230, 231, 235, 236, 238, 242, 243, 275.
Усманъ ибнъ Тальха, 162.
усуль, 189, 312, 319.
усыновленіе, 138, 139.
Утасъ, 164.

Фанатизмъ, 64. 296, 297, 322, 379, 380, 414, 415.
Фараонъ, 41, 96, 105.
Фарва, 170.
фарзъ, 273, 294.
фарисейство, 36.

фасихъ, см. нечестіе.
Фатима, 86, 105, 120, 159, 179.
фатимиды, 309.
Фатиха, 233, 234, 252.
фахмъ, 281.
фетиши, 41, 42
физіологія, 183.
философія, 379, 400.
Финикія, 11, 27.
финиковая пальма, 8, 45.
финикъ, 45, 121, 167.
Фиръ, 19, 52, 76.
Фурканъ, 190
фуру, 189, 312.
фэтва, 289, 290, 310

Хабибъ, 76.
Хабибъ ибнъ Малекъ, 103, 104
Хабиль, 34.
хавазелиты, 163
хавазины, 43, 83, 164, 165, 169.
Хавзъ, 236.
Хаджеръ, 168.
Хадиджа, 24, 58, 79, 84, 85, 87—90, 103, 105, 106, 116, 120, 183, 200, 201, 328, 329, 335
хадисъ, 66, 145, 200, 204, 210, 227, 259, 260, 262—267, 269—271, 275, 293—296, 299, 318, 319, 356.
Хайбаръ, 41, 55, 138, 150, 151.
хаммэ, 54.
Хазаи, 43.
хаззабъ, 247
хазина, 54.
Халдея, 12.
Халидъ ибнъ аль Валидъ, 135, 146, 157, 158, 162, 163.
Халидъ ибнъ Ахмедъ, 244.
Халидъ ибнъ Сулейманъ, 314.
Халима, 78, 80, 165.
халифатъ, 145, 196, 243, 256, 266, 300, 381.
халифъ, 117, 173, 206, 214, 231, 236, 242, 266, 298, 299, 300, 301, 306—308, 313, 325, 326, 381, 401, 402, 405.
Халладъ Базасъ, 244.
Халя, 236.
Хальванъ, 244
хама, 46.
хамази, 66.
Хамза, 77, 100—102, 126, 129, 136, 163.
Хамидъ бинъ Сальма бинъ Динаръ, 269
хамиты, 11, 27.
Хамъ, 16, 17.
Ханаанъ, 27.
ханбалиты, 273, 324.
Ханбалъ (чтецъ Корана), 243.
ханефиты, 214, 273, 275, 277, 279, 283, 288, 289, 316, 317, 324, 394, 395, 399
ханжество, 197.
ханифы, 34, 56, 57—60, 61, 74. 196, 371
харамъ, 52, 294.
Харанъ, 31.
Харисъ, 77.
Хартенгъ, 270.
хартія, 145.
Харутъ, 36.
Хасанъ, 238, 266.
Хатибъ, 159, 160.
хафи, 273, 361.
хафизъ, 242.
Хафса, 138, 169, 177, 225, 227, 230, 231, 367.
Хафсъ, 219, 220
Хафсъ (чтецъ Корана), 243.
хашимиты, 53, 74, 92, 93, 102, 325
Хашимъ, 6, 53, 76, 77, 85, 92, 98.
хиджаба, 54
Хиджръ, 13.

хизбъ, 247.
Хильфъ уль Фузуль, 85.
Химіаръ, см. Гиміаръ
Хира, 8, 58, 87, 88, 92, 193, 200, 329
хифзъ, 281, 282.
хлопокъ, 6, 8.
хлѣбъ, 53. 121
Хобалъ, 42, 44, 50.
Хобашъ, 133.
Ходайба, 256, 348.
Ходбайль бинъ Мадрака, 42.
Ходхайль, 43.
Хозаимъ, 76
Хозаръ аль Ахмаръ, 16.
Хозровъ, 78, 153.
Холайль, 52.
Хонейнъ, 164, 165
Хорассанъ, 271, 272.
храмы, 32, 43, 48, 49, 55, 145.
христіане, 33, 36, 37, 39, 40, 56, 60, 82, 83, 94, 110, 119, 145, 156, 170, 181, 196, 208, 209, 220, 254, 256, 257, 298, 326, 371, 375, 379, 392, 398, 408, 411.
христіанство, 29, 36—38, 42, 45, 56, 57, 59, 62, 73, 74, 99, 103, 121, 156, 192, 194, 201, 208, 257, 358, 392, 399, 410, 412, 413.
Христосъ, 38—40, 71, 73, 95, 96, 108, 119, 122, 152, 195, 209, 213, 250, 408, 409, 411.
хронологія, 253—255, 359.
Хувейлидъ, 84.
хузаиты, 52, 170.
Хузайфа ибнъ аль Іеменъ, 276.
Хусейнъ (имамъ), 238.
Хусейнъ (комментаторъ), 229, 358.
Хэджасъ, 1, 4—8, 16, 17, 19, 24, 32, 33, 52, 170.
Хэнда (жена Абу Суфіана), 134, 135. 163.
Хэнда бинтъ Омэйя, 136.
Хэндъ уль Сальма, 133.

Цейлонъ, 322
церковь, 37, 71, 195.
цивилизація, 186, 192, 297.
цитадель, 150, 151.
цѣна крови, 22, 55, 267.

Чародѣйство, 95.
человѣкъ, 212.
Черный камень, 48—50, 86, 262.
честь, 134.
Чозистанъ, 17.
чтеніе Корана, 230, 231, 235, 242, 243, 246, 248, 257.
чувственность, 145.
чудо, 96, 99, 104, 105, 127, 174, 183, 199, 200, 209, 215.

Шайба, 53, 54.
Шами, 2.
Шаммаръ, 4, 5, 47.
Шамхазаи, 36.
шаріатъ, 402.
шафеиты, 275, 291, 393, 394.
Шахрастани, 26, 317.
Шедадъ, 12—14.
шейхъ, 20, 21, 30, 103.
Шейхъ Сэнуси, 379.
шелкъ, 148.
Ширъ, 7, 8, 46.
шіиты, 236—239, 232, 260, 269, 302, 314, 358, 378.
школа, 65, 258, 298, 302, 303, 305, 311—327, 356, 403.
шлемъ, 134.
шпонъ, 112.
штурмъ, 150, 165.
Шэмъ, 11.

тэрифъ, 54, 378.

Щедрость, 62, 63.

Эдомиты, 16.
экспедиція, 91, 116, 123, 125, 128, 134, 138, 140, 145, 158, 167, 171, 193, 255, 265, 325. 350.
экстазъ, 87, 196, 202.
Эліасъ, 76.
Эліи Галлъ, 1.
Эмфазъ, 16.
эпидемія, 64.
эпилепсія, 88, 186.

Ягутъ, 44.
языкъ, 65
язычество, 29, 41, 47. 50, 95, 112, 158, 182.
язычники, 34, 56, 60, 124, 206, 208, 213, 411, 415.
якобиты, 39.
Ямама, 4, 5, 8, 170, 174, 225, 226, 243.
Ямбо, 5.
Ярабъ, 17.
ярмарка, 51, 74.
ясновидѣцъ, 223.
Ятрибъ, 33, 36, 50, 80, 81, 99, 110, 111, 115, 117, 335.
Якъ, 44.

Юпитеръ, 31.